МИР В ВОЙНАХ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЖУКОВ: ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

Борис Соколов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя выдающегося советского полководца Г. К. Жукова известно в нашей стране каждому. Исключительно сильная и волевая личность, Георгий Константинович навечно останется в памяти народной символом Великой победы, одержанной в самой кровавой из всех войн в истории человечества. Он не запятнал себя в годы репрессий, не лицемерил и не искал легких путей. Его жизнь — пример высочайшей требовательности к себе и другим. Используя множество новых документов, автор резко, а порой беспощадно рисует портрет прославленного полководца без привычной ретуши и хрестоматийного глянца.

- Борис Соколов
  - Еще не военный; Детство и юность
  - «За веру, царя и Отечество!»: Жуков в годы первой мировой войны
  - Мирные будни: От командира эскадрона до заместителя командующего округом
  - Халхин-Гол
  - Перед «Грозой»
  - 1941-й год: Война, которой не ждали
  - 1942-й год: триумф и трагедия
  - Вперед, на Запад!
  - Взлеты и падения
  - Любовь и бессмертие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Борис Соколов
Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи

Еще не военный; Детство и юность

Будущий маршал родился 19 ноября/1 декабря 1896 года в деревне Стрелковщина Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии[1]. В XIX веке он отставал от нового стиля (Григорианского календаря), принятого в России с 1 февраля 1918 года на 12 дней, а в XX веке — на 13 дней. В семье Жуковых день рождени) Георгия Константиновича всегда отмечали в соответствии со старым стилем, т. е. — 2 декабря по Григорианскому календарю, если брать двадцатое столетие.]. Именно так — Стрелковщина — писал название родной деревни маршал в автобиографии 1931 года и в собственноручно заполненной анкете в начале 50-х. Правда, в мемуарах и во второй и последней из сохранившихся автобиографий, датированной 1938 годом, Георгий Константинович называл деревню иначе — Стрелковка. Также именуется она в официальных документах, в частности, в метрической книге Никольской церкви села Угодский Завод (ныне город Жуков). Но, хотя с середины XIX века употреблялись оба названия, все-таки исконное, народное название — Стрелковщина. Названия с таким суффиксом нередки в Западнорусских землях.

Стрелковщина возникла в начале XVIII века. Предание гласит, что при Петре I сотни крепостных мастеров были переселены с уральских заводов в Калужскую губернию. Местные жители называли их «стрелковщиной», потому что мастера отливали пушки на Угодеком Заводе и испытывали их на стрельбище вблизи большой деревни Огуби, расположенной в 5 км от завода. Селились мастера там же, на окраине Огуби. Постепенно их поселение заняло две трети прежней деревни и стало самостоятельной деревней, так и названной — Стрелковщина.

Происхождение Георгия Константиновича темно. По отцовской линии оно не прослеживается далее отца. Дело в том, что отец нашего героя, Константин Жуков, был подкидышем. Крестьянская вдова Анна Жукова усыновила его в Москве в начале 50-х (по другим данным — в начале 40-х) годов XIX века. Казна платила приемной матери немалые по тем временам деньги: три рубля в месяц. Для бедных крестьянок Калужской губернии брать приемных детей из Московского воспитательного дома стало своеобразным доходным промыслом.

Вот что писал о своей родословной в мемуарах сам маршал:

«Дом в деревне Стрелковке… стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна.

Отец и мать не знали, кем и когда был построен наш дом. Из рассказов старожилов было известно, что в нем когда-то жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Чтобы скрасить свое одиночество, она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трех месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: «Сына моего зовите Константином». Что заставило бедную женщину бросить ребенка на крыльце приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжелого положения».

Когда родился отец будущего маршала, доподлинно неизвестно. Калужский краевед А.И. Ульянов, благодаря чьим неустанным трудам мы имеем сегодня достоверные сведения о первых годах жизни полководца и его родословной, считает: «Есть основания полагать, что до конца XIX века Константин Жуков занижал свой возраст, а в советское время, наоборот, завышал его». В метрической записи 1892 года о браке родителей Георгия Константиновича возраст Константина Артемьевича Жукова определен в 41 год, следовательно, он должен был родиться в 1851 году. И на памятнике, который Георгий Константинович поставил на отцовской могиле, написано, что Константин Артемьевич Жуков «умер 28 марта 1921 года на 77-м году жизни». Это тоже свидетельствует в пользу 1844-го как года рождения отца маршала. Эту дату А.И. Ульянов считает более достоверной» хотя не исключает и 1843-й год. В записи о регистрации первого брака Константина Артемьевича указана еще одна дата его рождения — 1841 год. Где тут истина, мы вряд ли когда-нибудь точно узнаем.

Константин Жуков даже настоящего отчества не имел. Правда, в записях метрической книги в связи с двумя браками и рождением детей он именуется Константином Артемьевичем. Но в честь кого было дано отчество, неизвестно. И имена подлинных родителей подкидыша покрыты тайной. В связи с этим

существует множество легенд об этническом происхождении знаменитого полководца. Младшая дочь Георгия Константиновича утверждает: «По описанию, у Константина Артемьевича были тонкие черты лица, выдававшие человека некрестьянской породы». Ох уж это извечное стремление найти дворянскую породу во внешности человека. В реальной жизни граф порой выглядит как простой сапожник, а сапожник, если его причесать и одеть в мундир или смокинг, будет смотреться настоящим графом.

Иногда говорят, что неизвестные дед и бабка Георгия Константиновича были греками. Может быть, таким образом хотят приписать Жукову родство с народом, давшим миру Александра Македонского? Другая версия говорит о татарских корнях Георгия Константиновича (с намеком на Чингисхана или Батыя?). Однако все предположения об экзотическом происхождении Георгия Константиновича и его родстве с великими людьми — не более чем красивые легенды.

Недолго прожила Анна Жукова с приемным сыном. Она умерла, когда Константину исполнилось всего восемь лет. Земля в Стрелковщине родила плохо — почвы песчаные. Крестьянским трудом не прокормиться. И Константин пошел в ученики к сапожнику в волостной центр — село Угодский Завод. Георгий Константинович вспоминал, что, по рассказам отца, ученье свелось больше к помощи мастеру по хозяйству. Тем не менее ремесло Константин освоил и через три года отправился в Москву, где поступил в сапожную мастерскую немца Вейса, славившуюся собственным магазином модельной обуви.

В автобиографии 1931 года Георгий Константинович написал: «Отец — рабочий, сапожник», постаравшись таким образом улучшить свое социальное происхождение до заветного пролетарского.

Жили Жуковы трудно. Особенно тяжелыми выдались осень и зима 1902 года. Тогда от ветхости обвалилась крыша дома. Пришлось перебираться в сарай и срочно, еще до холодов, покупать новый сруб. Константину, можно сказать, повезло: занял у односельчан денег и сумел купить по сходной цене в рассрочку плохонький, но все-таки сруб. Соседи помогли к ноябрю поставить дом и покрыть его соломой. Георгий Константинович вспоминал: «Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на

хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была… традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде».

Егор Жуков впервые занялся крестьянским трудом, когда ему не исполнилось еще и семи лет. Вместе с взрослыми растрясал граблями сено и сгребал его в копны. Ловил рыбу (в голодные времена рыбалка становилась важным подспорьем). Жал рожь. Во время жатвы будущий полководец получил первое в своей жизни ранение. Егор случайно резанул серпом по мизинцу левой руки. В мемуарах маршал писал: «Сколько лет с тех пор прошло, а рубец на левом мизинце сохранился и напоминает мне о первых неудачах на сельскохозяйственном фронте».

Жуков в мемуарах утверждал, что вскоре после начала революции 1905 года отца, как и многих других рабочих, выслали из столицы за участие в демонстрациях. Боюсь, что причина, заставившая Константина покинуть первопрестольную, была куда прозаичнее. По признанию Георгия Константиновича, отец сильно пил: «…Как-то отец был в хорошем настроении и взял меня с собой в трактир пить чай… Мужчины и молодежь любили собираться в трактире, где можно было поговорить о новостях, сыграть в лото, карты и выпить по какому-либо поводу, а то и без всякого повода… Когда… отцу удавалось неплохо заработать на шитье сапог, он обычно возвращался из Угодского Завода подвыпившим». Чувствуется, что, в отличие от маленького Егора, старший Жуков в трактире не чаем баловался, а гораздо более крепкими напитками.

Первое время Константин присылал жене из Москвы два-три рубля в месяц — для захолустной деревни деньги немалые. Однако вскоре переводЫ сократились до одного рубля, да и то не каждый месяц. Георгий Константинович вспоминал: «Соседи говорили, что не только наш отец, но и другие рабочие в Москве стали плохо зарабатывать. Помню, в конце 1904 года отец приехал в деревню. Мы с сестрой очень обрадовались и все ждали, когда он нам даст московские гостинцы.

Но отец сказал, что ничего на сей раз привезти не смог. Он приехал прямо из больницы, где пролежал после операции аппендицита двадцать дней, и даже на билет взял взаймы у товарищей».

Подозреваю, что не в аппендиците было дело, а в том, что заработанные деньги все чаще шли в кабак. Недаром на Руси говорят: пьет как сапожник. В профессии ли дело, в неведомой ли наследственности, трудно сказать. Но в 1906 году отец вернулся из Москвы уже насовсем. Сыну Георгию сообщил, что «полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне».

Как мы убедимся дальше, мемуары Жукова отличаются изрядной занимательностью и для непрофессионального литератора, да еще и почти без образования, написаны очень неплохо. Однако в плане соответствия фактам жуковские «Воспоминания и размышления» во многих случаях не выдерживают критики. И не только потому, что десятилетия спустя память часто подводила маршала относительно дат и деталей событий. Часто Георгий Константинович сознательно подправлял «в свою пользу» и родословную, и боевой путь. Замечу, что здесь он не был оригинален. В большей или меньшей мере подобное мы находим в мемуарах почти всех военачальников, и не их одних.

Вот и случай с рабочей демонстрацией, из-за которой будто бы выслали из Москвы Константина Жукова, выглядит не очень убедительно. С чего вдруг пожилой мастер-сапожник (в 1906 году ему было сильно за шестьдесят) будет вместе с пролетариями идти на демонстрацию против царя? Его дело — заказы повыгоднее искать да выполнять получше и побыстрее. Оттого что в стране будет конституция, сапоги себе люди чаще шить не станут. К тому же, как установил А.И. Ульянов, в списках жителей Малоярославецкого уезда, высланных из Москвы на родину по политическим причинам, Константина Артемьевича Жукова нет. Куда правдоподобнее выглядит версия, что вида на жительство в столице Константин Жуков лишился по пьяному делу — из-за драки или какого-то иного проступка. Может, и в больницу попал после потасовки. Тем более что, по воспоминаниям Георгия Константиновича, сам руку имел тяжелую: «…Бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня, терпел, но прощения не просил.

Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и

носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моем убежище соседка и привела домой. Отец еще мне добавил, но потом пожалел и простил».

Нет, никак не походил Константин Жуков на потенциального участника революционной демонстрации. Если обратиться к каноническому произведению социалистического реализма — роману Горького «Мать», то отец маршала скорее напоминает изображенных там «темных рабочих», на которых еще не упал живительный свет марксистского учения, — пьяниц и дебоширов, бьющих смертным боем жен и детей.

А быть может, все было еще проще. Состарился Константин, тяжело ему стало поспевать за ритмом столичной жизни. Работать с прежней скоростью и сноровкой уже не мог. Заказчиков стало меньше, заработков перестало хватать на более дорогую московскую жизнь. Вот и подался в родную деревню. И в единственной сохранившейся автобиографии, написанной в июне 1938 года в связи с назначением заместителем командующего Белорусским военным округом, Георгий Константинович ничего не говорит о высылке отца из столицы. Он написал о родителе только, что тот «30–35 лет работал в Москве, под старость работал в крестьянском хозяйстве до 1921 года» (года смерти Константина Жукова). И ни слова об участии в мифической демонстрации.

Но маршалу нужно было сделать свою родословную как можно более «пролетарской» и «революционной». Ведь мемуары он писал после унизительного смещения с поста министра обороны и вывода из руководства КПСС. Вот и появилась какая-то мифическая демонстрация, чтобы представить отца жертвой политических преследований со стороны царских властей. Поместил же Жуков в мемуарах совершенно фантастический пассаж о том, будто в революцию 1905 года в Богом забытой Стрелковщине крестьяне «слышали и о Ленине — выразителе интересов рабочих и крестьян, вожде партии большевиков, партии, которая хочет добиться освобождения трудового народа от царя, помещиков и капиталистов».

Опальный маршал очень хотел убедить высоких партийных читателей «Воспоминаний и размышлений» в своей полнейшей благонадежности, в том, что все события своей жизни оценивает по-марксистски.

Трудно точно сказать, как именно повлияли перенесенные в детстве жестокие побои на характер Жукова. Можно только предположить, что с тех пор будущий маршал считал, что унизить человека — совсем не грех. Раз он когда-то терпел, то пусть и другие от него терпят. И позднее подчиненным, да и просто попавшим под дурное настроение людям с более низким воинским званием неоднократно приходилось на себе испытывать тяжесть маршальских кулаков.

В тот год, когда отец вернулся из Москвы, Георгий окончил 3-классную церковно-приходскую школу. Он с гордостью вспоминал: «Учился во всех классах на отлично и получил похвальный лист. В семье все были довольны моими успехами, да и я был рад. По случаю успешного окончания школы мать подарила мне новую рубаху, а отец сам сшил сапоги.

— Ну вот; теперь ты грамотный, — сказал отец. — Можно будет везти тебя в Москву учиться ремеслу.

— Пусть поживет в деревне еще годик, а потом отвезем в город, — заметила мать. — Пускай подрастет немножко…»

Настала пора представить читателю Устинью Артемьевну Жукову, мать нашего героя. Она была родом из соседней со Стрелковщиной деревни Черная Грязь. Устинья была моложе Константина примерно на пятнадцать лет.

Как писал Жуков в 1938 году в автобиографии: «Мать до 40 лет батрачила. С 40 лет, выйдя замуж, работала в крестьянском бедняцком хозяйстве. Сейчас матери около 80 лет… (т. е., родилась она около 1858 года. — Б.С.)» Если истолковать это утверждение буквально, то получается, что мать будущего маршала вышла замуж за его отца только в 1898 году. Выходит, что Георгий, появившийся на свет в 1896 году, и его старшая сестра Мария были рождены еще вне брака? Наверное, отсюда и идут слухи, что Жуков был незаконнорожденным. Правда, тридцать лет спустя в мемуарах Жуков утверждал, что «когда отец и мать поженились, матери было тридцать пять, а отцу пятьдесят».

Прояснить вопрос могли только записи в метрических книгах. И в 80-е годы XX века калужский историк-краевед А.И. Ульянов их обнаружил. В метрической книге Никольской церкви села Угодский Завод в качестве родителей рожденного 19 ноября и

крещенного 20 ноября 1896 года младенца Георгия были указаны «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания». Обряд крещения произвел священник отец Василий Всесвятский. Он же четырьмя годами раньше, 27 сентября 1892 года, венчал Константина и Устинью. В тот момент жениху будто бы был 41 год, а невесте — 26. Но, как свидетельствует запись в церковной метрической книге, Устинья Артемьевна родилась 26 сентября 1863 года в деревне Черная Грязь, в 6 километрах от Стрелковки. Она была старшим ребенком в семье крестьян Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Во второй половине 80-х годов они и их младшие дети приняли фамилию Пилихины, однако Устинья этой фамилии никогда не носила. Когда мать будущего полководца вышла за Константина Жукова, ей только что исполнилось 29 лет. Следовательно, возраст Устиньи Артемьевны в мемуарах Георгий Константинович завысил на целых шесть лет. Зато сама она при венчании предпочла выглядеть моложе и занизила свой возраст на три года.

Сложнее понять, каков был истинный возраст отца. Если предположить, что возраст Константина Артемьевича был завышен Георгием Константиновичем на то же число лет, что и возраст Устиньи Артемьевны, то тогда в действительности отцу маршала при вступлении во второй брак должно было быть 44 года. В таком случае он должен был бы родиться в 1848 году, в крайнем случае, — в конце 1847-го. Но на памятнике, как мы помним, Георгий Константинович указал, что в марте 1921 года отцу было полных 76 лет, т. е., он должен был родиться в 1844 году или в начале 1845 года. 1844-й и представляется мне наиболее вероятным годом рождения Константина Артемьевича Жукова. Скорее всего, при венчании и жених, и невеста омолодили себя в разной степени. Устинья Артемьевна сочла, что достаточно назваться 26-летней. Убавлять себе 7 лет, как это сделал будущий супруг, резона не было — на 21-летнюю девочку не единожды уже рожавшая Устинья никак не походила. Константину же Артемьевичу убавлять себе всего три года, как это сделала будущая жена, тоже было бы неудобно. Ведь в этом случае слишком велик оказывался разрыв в возрасте между молодыми — 19 лет. Поэтому он решил омолодить себя на целых семь лет. В действительности же накануне бракосочетания Устинье Артемьевне исполнилось 29 лет, а Константину Артемьевичу было около 48-ми.

Остается загадкой, почему и в автобиографии 1938 года, и в мемуарах Жуков значительно завышал возраст своих родителей. Ведь памятник отцу он поставил в 60-е годы, когда работал над «Воспоминаниями и размышлениями». Следовательно, отчетливо представлял подлинный возраст отца и матери и никак не мог случайно состарить Устинью Артемьевну на целых шесть лет. Может быть, ему по каким-то причинам еще в 20-е и 30-е годы необходимо было подчеркнуть дряхлость матери? Например, чтобы объяснить, почему она не работает в колхозе?

И у Устиньи, и у Константина их брак был вторым. Впервые Константин Жуков женился 19 апреля 1870 года, взяв в жены «крестьянскую дочь Анну Иванову». Отмечу, что Иванова здесь — отчество, а не фамилия. 18-летняя Анна из Стрелковки была бесфамильной. В 1874 году она родила мужу сына Григория, а в самом начале 1884-го — второго сына, Василия, но он через два года умер. А 16 апреля 1892 года чахотка унесла Анну Ивановну. Константин Артемьевич остался вдовцом, но уже через пять месяцев женился на Устинье Артемьевне.

Устинья до второго замужества фамилии не имела. 7 января 1885 года она сочеталась браком с Фаддеем Стефановичем из села Турбина Спасской волости. Муж был младше жены на три года и, как и она, бесфамильный. 18 марта 1886 года у них родился сын Иван, а через четыре года Фаддей, который, прожив на свете всего 23 года, помер от чахотки. Чтобы прокормить ребенка, Устинья подалась в прислуги в соседние деревни. Убирала дом, помогала по хозяйству зажиточным крестьянам. В автобиографии Георгий Константинович писал, что мать до того, как вышла замуж за отца, «батрачила». Но батрачить Устинье приходилось не только на огороде, но и в постели. 30 декабря 1890 года в селе Запажье вне брака она родила сына Георгия, отец которого в метрическую книгу записан не был. Вероятно, рождение первого Георгия и породило в последующем слухи о том, будто маршал Георгий Константинович Жуков был незаконнорожденным. Ничего общего с действительностью они не имеют.

Можно предположить, что отец старшего Георгия был жителем Запажья и какую-то помощь матери своего ребенка все же оказывал. Во всяком случае, Устинья продолжала жить в этом селе вплоть до кончины младенца. Уже через год, 2 января 1892 года, его отпели в запажской церкви как умершего от «сухотки». Думаю, читателям не надо объяснять, что сухотка спинного мозга

— это последняя стадия сифилиса, которым, очевидно, в наследственной или благоприобретенной форме страдал отец ребенка. Поскольку детям Устиньи, родившимся позже, «французская болезнь» не перепала, можно предположить, что Устинья либо счастливо избежала сифилиса, либо довольно быстро вылечилась от него. Но репутация вдовы, родившей вне брака, была основательно подмочена. Нового жениха теперь надо было искать не в родной деревне, да и особо выбирать не приходилось. Что жених оказался не первой молодости и крепко выпивал — так это пережить можно. А что сапожник и подолгу в Москве пропадает — так даже хорошо. Может, слухи о легкомысленном поведении невесты не успели дойти до его ушей.

Двумя годами раньше Георгия, 20 марта 1894 года, у Жуковых родилась дочь Мария, а сын Алеша появился на свет 11 марта 1899 года, когда будущему маршалу исполнилось два года. Алеша, однако, прожил недолго — полтора года. От рождения он был очень слабым — сказался возраст родителей: Устинье под сорок, Константину под шестьдесят. Мать горько плакала и говорила: «А от чего же ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?» Но сама не имела возможности присмотреть за Алешей.

Как и многие крестьяне в ту пору, Устинья поздней осенью и зимой, когда не надо было трудиться в поле, отправлялась на заработки в город. Она возила бакалейные товары из уездного Малоярославца торговцам в Угодский Завод. За поездку зарабатывала не больше рубля двадцати копеек. Жуков вспоминал:

«Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал за хвост и одним рывком сажал на круп» (непонятно, правда, зачем дедушка издевался над бедным животным).

Через несколько месяцев после рождения Алеши мать вновь поехала на заработки, хотя, как признает Жуков, «соседи отговаривали ее, советовали поберечь мальчика, который был еще очень слаб и нуждался в материнском молоке. Но угроза голода всей семье заставила мать уехать, и Алеша остался на наше попечение (т. е., на попечение двух детей пяти и семи дет. — Б.

С.)… Осенью похоронили его на кладбище в Угодском Заводе. Мы с сестрой, не говоря уже об отце с матерью, очень горевали об Алеше и часто ходили к нему на могилку».

Здесь Георгий Константинович немного сдвинул хронологию событий. В действительности несчастный Алеша умер не в первую свою осень, а во вторую. Он скончался 18 августа 1900 года, в неурожайное, голодное время. Ранее, в апреле того же года, Константин Жуков в числе других нуждающихся получил овес из общинных запасов.

Вопреки тому, что писал Георгий Константинович в анкетах и автобиографиях, Жуковы не были бедняками, а, как и большинство жителей Стрелковки, числились середняками, хотя по меркам, скажем, западноевропейских стран и даже более богатых земледельческих регионов Российской империи, вроде Области Войска Донского, Кубани или Юга Украины, их жизнь надо счесть скудной. Тем не менее в годы коллективизации многих из стрелковских середняков, ничем не отличавшихся по своему имущественному положению от родителей маршала, объявили кулаками и выслали из родных мест.

Середняком считался, в частности, тот, кто не имел недоимок по уплате налогов. В январе 1896 года, перед уходом в Москву на заработки, Константин Жуков полностью заплатил все налоги за предыдущий год в размере 17 рублей 3 копеек. И это тогда, когда недоимки числились почти за половиной жителей деревни. Впервые же недоимка за отцом Георгия Константиновича образовалась только в 1901 году, когда он платил за два тягла — свое и взрослого сына Григория, переселившегося в Москву.

В ухудшении положения Жуковых, как и других стрелковских крестьян, главную роль сыграли не неурожаи 1899–1900 годов, а экономический кризис, разразившийся на рубеже веков. Земля в Калужской губернии родила плохо, так что и в урожайные годы прокормиться с надела не было никакой возможности. Главный доход приносили отхожие промыслы. Например, за 1898 год сапожники-отходники из Стрелковки, к числу которых принадлежал и Константин Артемьевич, заработали в среднем 90 рублей — столько же, сколько и кузнецы, уступив в этом отношении только слесарям. Таких денег тогда вполне хватало для относительно безбедной жизни. Ведь летом того же 1898 года в Угодском Заводе пуд мяса стоил 4 рубля 40 копеек, пуд муки — 2 рубля 50 копеек, яйца — по 2 рубля десяток, а ведро вина — 5

рублей 60 копеек. Однако экономический кризис резко уменьшил спрос на услуги и кузнецов, и сапожников, и слесарей. Заработков стало не хватать. Тут еще часть денег у Жуковых отняла постройка нового дома взамен обвалившегося. И дошло дело до того, что Георгия и его сестру Марию порой соседи вынуждены были подкармливать щами и кашей.

После того, как отец окончательно осел в Стрелковщине, его единственными заказчиками стали такие же бедняки, как и он сам. Жуков вспоминал: «Мать часто ездила в город за грузом, а отец с раннего утра до поздней ночи сапожничал. Заработок его был исключительно мал, так как односельчане из-за нужды редко могли с ним расплатиться. Мать часто ругала отца за то, что он так мало брал за работу».

Несмотря на пристрастие к «зеленому змию», Константин Артемьевич Жуков пользовался уважением среди односельчан. Его не раз избирали представителем Стрелковки на волостной сход и ходатаем по общественным делам. Эти должности отнимали довольно много времени, а жалованья за них не полагалось. Вот когда в конце 1902 года Константина избрали полицейским десятским, низшим полицейским служащим, то за эту должность жалованье, пусть скромное, платили. Кстати, в протоколе об избрании десятских был указан и возраст Жукова — 58 лет, что тоже указывает на 1844-й как год рождения Константина Артемьевича.

Когда Егору исполнилось одиннадцать лет, родители решили, что настала пора сыну ехать в город и самостоятельно зарабатывать на жизнь. И Жуков отправился в Москву. О том, как это произошло, Георгий Константинович оставил запоминающийся рассказ в своих мемуарах; «Отец спросил, какое ремесло думаю изучить. Я ответил, что хочу в типографию. Отец сказал, что у нас нет знакомых, которые могли бы помочь определить меня в типографию. И мать решила, что она будет просить своего брата Михаила взять меня в скорняжную мастерскую. Отец согласился, поскольку скорняки хорошо зарабатывали. Я же был готов на любую работу, лишь бы быть полезным семье.

В июле 1908 года в соседнюю деревню Черная Грязь приехал брат моей матери Михаил Артемьевич Пилихин. О нем стоит сказать несколько слов.

Михаил Пилихин, как и моя мать, рос в бедности. Одиннадцати лет его отдали в ученье в скорняжную мастерскую. Через четыре с половиной года он стал мастером. Михаил был очень бережлив и сумел за несколько лет скопить деньги и открыть свое небольшое дело. Он стал хорошим мастером-меховщиком и приобрел много богатых заказчиков, которых обирал немилосердно.

Пилихин постепенно расширял мастерскую, довел число рабочих-скорняков до восьми человек и, кроме того, постоянно держал еще четырех мальчиков-учеников. Как тех, так и других эксплуатировал беспощадно. Так он сколотил капитал примерно в пятьдесят тысяч рублей».

Здесь мне хочется прервать Жукова для короткого комментария. Мышление у маршала, когда он работал над «Воспоминаниями и размышлениями», было вполне социалистическим. Георгий Константинович, похоже, верил, что его дядя исключительно по природной жадности дерет втридорога со своих заказчиков-богатеев, тогда как отец исключительно по причине добросердечия брал очень мало со своих односельчан. На самом деле в обоих случаях действовал законы рынка. Михаил Пилихин мог брать со своих клиентов ровно столько, сколько они готовы были заплатить с учетом качества работы и скорости исполнения заказа. Если бы мастер заломил втридорога, никто бы не стал у него шить шубы — ведь хороших скорняков в Москве и без Пилихина хватало. Точно также сапожник Константин Жуков не мог требовать с нищих крестьян больше, чем они могли заплатить. Иначе они продолжали бы ходить в рваных сапогах или перешли бы на лапти.

Георгий Константинович стремился представить родного, дядю эксплуататором-кровососом и показать читателям, что ничего общего с братом матери никогда не имел и расположением богатого родственника не пользовался. Жуков так описал свое знакомство с Пилихиным: «Вот этого своего брата мать и упросила взять меня в ученье. Она сходила к нему в Черную Грязь, где он проводил лето, и, вернувшись, сказала, что брат велел привести меня к нему познакомиться. Отец спросил, какие условия предложил Пилихин.

— Известно какие, четыре с половиной года мальчиком, а потом будет мастером.

— Ну что ж, делать нечего, надо вести Егорку к Михаилу. Через два дня мы с отцом пошли в деревню Черная Грязь. Подходя к дому Пилихиных, отец сказал:

— Смотри, вон сидит на крыльце твой будущий хозяин. Когда подойдешь, поклонись и скажи: «Здравствуйте, Михаил Артемьевич».

— Нет, я скажу: «Здравствуйте, дядя Миша!» — возразил я.

— Ты забудь, что он тебе доводится дядей. Он твой будущий хозяин, а, богатые хозяева не любят бедных родственников. Это ты заруби себе на носу.

Подойдя к крыльцу, на котором, развалившись в плетеном кресле, сидел дядя Миша, отец поздоровался и подтолкнул меня вперед. Не ответив на приветствие, не подав руки отцу, Пилихин повернулся ко мне. Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, Михаил Артемьевич!

— Ну, здравствуй, молодец. Что, скорняком хочешь быть? Я промолчал.

— Ну что ж, дело скорняжное хорошее, но трудное.

— Он трудностей не должен бояться, к труду привычен с малых лет, — сказал отец.

— Грамоте обучен?

Отец показал мой похвальный лист.

— Молодец! — сказал дядя, а затем, повернув голову к дверям, крикнул: — Эй, вы, оболтусы, идите сюда!

Из комнаты вышли его сыновья Александр и Николай, хорошо одетые и упитанные ребята, а затем и сама хозяйка.

— Вот, смотрите, башибузуки, как надо учиться, — сказал дядя, показывая им мой похвальный лист. — А вы все на тройках катаетесь.

Обратившись, наконец, к отцу, он сказал:

— Ну что ж, пожалуй, я возьму к себе в ученье твоего сына. Парень он крепкий и, кажется, неглупый. Я здесь проживу несколько дней. Потом поеду в Москву, но с собой его взять не смогу. Через неделю едет брат жены Сергей, вот он и привезет его ко мне.

На том мы и расстались. Я был очень рад, что поживу в деревне еще неделю.

— Ну, как вас встретил мой братец? — спросила мать.

— Известно, как нашего брата встречают хозяева.

— А чайком не угостил?

— Он даже не предложил нам сесть с дороги, — ответил отец. — Он сидел, а мы стояли, как солдаты. — И зло добавил: — Нужен нам его чай, мы с сынком сейчас пойдем в трактир и выпьем за свой трудовой пятачок».

В общем, все ясно. Богатый шурин свысока, с каким-то хамским снисхождением, второпях разговаривает с бедными зятем и племянником. Даже сесть и выпить стакан чаю с дороги им не предлагает. Дает понять, что уже тем облагодетельствовал живущих в нищете родственников, что взял к себе одиннадцатилетнего Егорку, избавил семью от лишнего рта, да еще и доходному ремеслу его обучит. Словом, показал Михаил Артемьевич свою мироедскую сущность.

И жилось Жукову у Пилихиных, если, опять-таки, верить «Воспоминаниям и размышлениям», ох как несладко! Хозяин нещадно эксплуатировал племянника, бил и даже чуть было не сорвал его учебу на вечерних общеобразовательных курсах. Георгий Константинович утверждал: «Минул год. Я довольно успешно освоил начальный курс скорняжного дела, хотя оно далось мне не без труда. За малейшую оплошность хозяин бил нас немилосердно. А рука у него была тяжелая. Били нас мастера, били мастерицы, не отставала от них и хозяйка. Когда хозяин был не в духе — лучше не попадайся ему на глаза. Он мог и без всякого повода отлупить так, что целый день в ушах звенело.

Иногда хозяин заставлял двух провинившихся мальчиков

бить друг друга жимолостью (кустарник, прутьями которого выбивали меха), приговаривая при этом: «Лупи крепче, крепче!» Приходилось безропотно терпеть.

Мы знали, что везде хозяева бьют учеников — таков был закон, таков порядок. Хозяин считал, что ученики отданы в полное его распоряжение и никто никогда с него не спросит за побои, за нечеловеческое отношение к малолетним. Да никто и не интересовался, как мы работаем, как питаемся, в каких условиях живем. Самым высшим для нас судьей был хозяин. Так мы и тянули тяжелое ярмо, которое и не каждому взрослому было под силу».

Веселенькая картина, нечего сказать! И написано хорошо, чем-то напоминает «Детство» Горького, а хозяин Пилихин — деда Каширина. «Буревестнику» надо было всячески замаскировать свое купеческое происхождение, вот он и заставил своего автобиографического героя постоянно враждовать с дедом-эксплуататором. Рассказ Жукова тоже многих убедил. Я бы сам, быть может, ему поверил, не попадись мне на глаза воспоминания сына Михаила Артемьевича Пилихина Михаила Михайловича, двоюродного брата Жукова, одного из наиболее близких маршалу людей. Пилихин-младший рисует совсем другую картину жизни в скорняжной мастерской отца и историю их взаимоотношений с Жуковым: «Детство Егора Жукова проходило в деревне Стрелковке. Когда наша семья приезжала из Москвы в деревню Черная Грязь на каникулы, тетка Устинья — мать Егора — привозила его к нам.

В нашей семье всегда было весело. Время проводили на реке Протве. Ловили рыбу и тут же на костре ее жарили и с большим аппетитом ели. Гуляли в лесу, собирали землянику, которой в нашей местности было очень много. Вечером собирались играть в лапту с мячом.

Егору было 9-10 лет. Мой старший брат Александр учил нас с Егором плавать. Сперва около берега, а потом, как только немного научились, он сажал нас в лодку и на середине реки неожиданно выталкивал нас. Мы с большим трудом добирались до берега. Так повторялось несколько раз, пока не научились плавать самостоятельно. В 1957 году мне пришлось отдыхать в Крыму вместе с Георгием Константиновичем. Он заплывал в открытое море далеко от берега. На мой вопрос: «Ты не боишься так далеко заплывать?» Георгий улыбнулся и сказал: «А ты

помнишь, как хорошо научил нас плавать Александр в деревне на реке Протве?» «Помню, разве можно забыть те далекие годы, которые приносили нам радость».

Мы крепко дружили и уважали Егора. Когда он собирался домой в свою деревню, мы все провожали его до самого дома, а иногда и жили у тетки Устиньи по два-три дня. Тогда мы повторяли свои увлечения, только на реке Огублянке: ловили рыбу, купались, загорали и играли на прекрасных травянистых, усыпанных цветами прибрежных полянах реки».

Выходит, что сцена разговора отца и сына Жуковых с Михаилом Артемьевичем Пилихиным, так ярко написанная в мемуарах маршала, придумана с начала и до конца. Ведь на самом деле Пилйхины и Жуковы были до этого хорошо знакомы, и маленький Егор регулярно гостил у дяди в летние месяцы. И полвека спустя очень тепло вспоминал о тех днях. Не могло такого быть, чтобы Пилихин не угостил родственников чаем, Хотя, возможно, недолюбливал своего зятя, так и не сумевшего из-за пристрастия к «зеленому змию» зажить зажиточной жизнью. Сам-то Михаил Артемьевич, несмотря на изначальную бедность и отсутствие образования, сумел выбиться в люди. Вот что писал о нем младший сын: «Михаил Пилихин, мой отец, был малограмотным. По причине бедности ему удалось проучиться в начальной школе всего один год (потому так восхищался он Егором, окончившим целых три класса, да еще и с похвальным листом. — Б.С.). Одиннадцати лет его отправили в Москву пешком по старой Калужской дороге. Денег на проезд по чугунке (так тогда называли железную дорогу) не было, а заработать их в деревне не представлялось возможным. В то время в Москве жил односельчанин, с которым поддерживались дружеские отношения. Он работал скорняком в меховой фирме Михайлова, куда и устроил Михаила Пилихина учиться скорняжному искусству на четыре года. Меховой магазин и мастерекая находились на улице Кузнецкий мост, 5. Михаил Пилихин отлично окончил четырехлетнюю учебу на мастера-скорняка. Стал хорошим мастером, хозяин лучшей фирмы в Москве. Михайлов оставил его в своей мастерской исполнять дорогостоящие заказы. Пилихин имел приличный заработок, скопил денег: решил родителям построить новый дом в деревне, так как старый дом разрушался».

А вот что запомнил Пилихин-младщий о работе Жукова в скорняжной мастерской: «Мать Егора Жукова в 1908 году…

отправила его в Москву к моему отцу… в учение меховому искусству на четыре года. В это время мой отец с семьей проживал в Камергерском переулке, где он снимал квартиру, в которой находилась скорняжная мастерская. Имел трех мастеров и трех мальчиков-учеников. В этот год осенью привезли к дяде учиться скорняжному искусству и Егора Жукова.

В конце 1908 года дом был назначен на ремонт. Отец снял квартиру в Брюсовском переулке. В мастерской Пилихина работы все прибавлялось. Крупные меховые фирмы и знаменитые мастерские женского верхнего платья Ламоновой, Винницкой, другие мастерские давали много заказов. Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10–15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и все убрать.

К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили все к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства, и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопроизводительными работниками,

Егор Жуков очень усердно изучал скорняжное искусство и был всегда обязательным и исполнительным. После двух лет работы в мастерской дядя взял его в магазин, он и там проявил себя исполнительным и аккуратным. Егор с большим любопытством ко всему присматривался и изучал, как надо обслуживать покупателей, там служил и старший брат Александр, который Егору помогал все это освоить. А я работал младшим учеником. В 1911 году, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали называть Георгий Константинович».

Вряд ли стоит сомневаться в жуковской исполнительности и аккуратности. А раз так, то не должно было у хозяина и других мастеров поводов лишний раз наказывать прилежного ученика. Да и эксплуатация, если разобраться, в пилихинской мастерской не была столь уж чудовищной. Георгий Константинович писал в мемуарах: «Работать мастера начинали ровно в семь часов утра и кончали в семь вечера с часовым перерывом на обед.

Следовательно, рабочий день длился одиннадцать часов, а когда случалось много работы, мастера задерживались до десяти-одиннадцати часов вечера. В этом случае рабочий день доходил до пятнадцати часов в сутки. За сверхурочные они получали дополнительную сдельную плату.

Мальчики-ученики всегда вставали в шесть утра. Быстра умывшись, мы готовили рабочие места и все, что нужно было мастерам для работы. Ложились спать в одиннадцать вечера, все убрав и подготовив к завтрашнему дню. Спали тут же, в мастерской, на полу, а когда было очень холодно — на полатях в прихожей с черного хода».

Жуков, однако, забыл упомянуть, что мастера на работе не только обедали, но еще и завтракали и ужинали. А это уменьшало фактическое время работы еще по меньшей мере на час — до десяти часов. Кроме того, надо принять во внимание сезонность скорняжного ремесла. Все мастера (но не ученики) имели рождественские каникулы в 20–25 дней, а также возвращались в деревню в мае-июне, помогали родным по хозяйству.

Конечно, ученикам приходилось труднее, чем мастерам. Ведь они ежедневно работали на несколько часов больше: готовили и убирали рабочие места. Но Жуков, похоже, довольно скоро попал в мастерской в относительно привилегированное положение. Уже через два года его, как и старшего сына хозяина, перевели на более чистую и менее тяжелую работу в магазин, и готовить рабочее место для своего мастера Егору больше не приходилось. А всего через три года учения Жукова, как и мастеров, стали называть уважительно. По имени-отчеству, — Георгий Константинович.

Маршал отмечает в мемуарах: «Я уже три года проработал в Мастерской и перешёл в разряд старших мальчиков. Теперь и у меня в подчинении было три мальчика-ученика. Хорошо знал Москву, так как чаще других приходилось разносить заказы в разные концы города». Михаил Михайлович Пилихин в том же 1911 году был взят отцом в мастерскую учеником на общих основаниях, без всяких поблажек. Он вспоминал: «Георгий был иногда довольно требователен и подчас не терпел возражений… Георгий Жуков взял надо мной шефство, знакомил меня с обязанностями: в основном, убирать помещения, ходить в лавочку за продуктами, ставить к обеду самовар. А иногда мы с Георгием упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по

железной дороге. Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи и убегал, так как он мог наподдать мне еще (Георгий был на три года старше Михаила. — Б. С.). За меня заступался мой старший брат Александр, он был одногодок с Георгием. А в основном, жили очень дружно, нас величали „троицей“.

Как мы только что убедились, Георгий Жуков и в совсем юные годы всегда был готов отвесить подзатыльник ближнему, даже двоюродному брату, с которым впоследствии жили душа в душу. В дальнейшем многолетняя служба в армии предоставила маршалу большие возможности для совершенствования в рукоприкладстве.

Михаил Михайлович Пилихин опровергает миф о каком-то неравноправии «бедного родственника» Жукова по. сравнению с хозяйскими детьми: «Егор спал на полатях с братом Александром, ел вместе со всеми за одним столом, и доставалось нам всем от отца одинаково». О том же свидетельствует и дочь М. А. Пилихина Анна: «Егор жил в Москве в нашей семье. Отец наш был строг со всеми, но о Жукове отзывался с уважением:

«Боевой, головастый парень». И называл Егор хозяина, как помнится Анне Михайловне, не «Михаилом Артемьевичем», а просто «дядей Мишей».

Особое доверие хозяина к новому старшему мальчику выразилось в том, что хозяин взял Георгия с собой на Нижегородскую ярмарку, крупнейшую в России. Жуков вспоминал, что там М.А. Пилихин «снял себе лавку для оптовой торговли мехами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал еще жаднее (последнее обвинение оставим целиком на Совести мемуариста. — Б.С.)». В обязанности физически крепкого ученика входила упаковка проданного товара и его отправка по назначению от пристаней на Оке и Волге или по железной дороге. Георгий был полон новых впечатлений. «Впервые я увидел Волгу, — писал он в своей книге, — и был поражен ее величием и красотой — до этого я не знал рек шире и полноводнее Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и вся волна искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на нее и не мот оторвать восхищенного взгляда (и полвека спустя маршал о Волге невольно заговорил стихами. — Б.С.). „Теперь понятно, — подумал я, — почему о Волге песни

поют и матушкой ее величают“.

Михаил Пилихин описывает, как отец водил их с Георгием в церковь: «В воскресные дни отец брал нас в Кремль, в Успенский собор. Он всегда проходил к алтарю, где находился синодальний хор, который состоял почти исключительно из мальчиков. Отец очень любил слушать пение этого хора. Нас он оставлял у выхода из собора, так как мы, малыши, не могли пройти сквозь толпу к алтарю. Отец уходил к алтарю, уходили и мы из собора, бродили по Кремлю. А когда в конце службы звонили в колокол к молитве „отче наш“, мы быстро возвращались к входу в собор и все вместе шли домой. Синодальным хором дирижировал Николай Семенович Голованов, впоследствии главный дирижер Большого театра. Мой отец с Н.С. Голованом и его женой Антониной Васильевной Неждановой, знаменитой певицей, был хорошо знаком, и, когда мой отец умер в декабре 1922 года, Н.С. Голованов с синодальным хором принял участие в похоронах».

О посещении Успенского собора вспоминает и Георгий Константинович: «По субботам Кузьма водил нас в церковь ко всенощной, а в воскресенье к заутрене и к обедне. В большие праздники хозяин брал нас с собой к обедне в Кремль, в Успенский собор, а иногда, в храм Христа Спасителя. Мы не любили бывать в церкви и всегда старались удрать оттуда под каким-либо предлогом. Однако в Успенский собор ходили с удовольствием — слушать великолепный синодальный хор и специально протодьякона Розова: голос у него был, как иерихонская труба». Надо учитывать, что в момент работы над «Воспоминаниями и размышлениями» положительные отзывы о религии, мягко говоря, не приветствовались. Но Пилихин-то заканчивал воспоминания — во второй половине 80-х, когда в этой. сфере в СССР уже были некоторые послабления. Но и он о религиозности своей или Жукова не пишет. Думаю, что и в тот момент особой тяги к церкви у мальчиков не было. Скучно. Куда веселее гонять в футбол самодельным мячом из старой шапки, набитой бумагой. Вот Михаил Артемьевич в Бога крепко верил, но основательно привить православную веру сыновьям и племяннику, почти вся сознательная жизнь которых прошла в эпоху государственного атеизма, как видно, не успел. Вряд ли можно отнести Жукова к какой-либо конкретной христианской конфессии, вроде православия, в которое он был крещен. Но, как и большинство профессиональных военных, не раз смотревших в лицо смерти, Георгий Константинович, думаю, верил если не в Бога, то в Судьбу, или в Высший. Разум, хранящий его от бед. В

своей избранности он не сомневался.

Уже после смерти Жукова его младшая дочь Мария писала архимандриту Кириллу (Павлову), в прошлом — ветерану Сталинграда, по поводу слухов, что Георгий Константинович в начале 60-х посетил Троице-Сергиеву Лавру и заказал там панихиду по погибшим воинам. Архимандрит Кирилл ответил так: «Я не могу ничего об этом сказать определенно, не слышал, потому что о таких вещах тогда не разглашали, могли знать только начальствующие — наместники, а они, к сожалению, уже отошли ко Господу. Я слышал, что в Лавру приезжал маршал Василевский Александр Михайлович, он останавливался в гостинице, причащался.

А о Георгии Константиновиче я слышал от настоятеля храма Новодевичьего монастыря, что на Большой Пироговке, Протоиерея отца Николая Никольского, что маршал Жуков приходил в их храм, и однажды он дал отцу Николаю деньги на поминовение, а отец Николай спросил его, а кого поминать. Георгий Константинович сказал — всех усопших воинов. Это достоверно, потому что рассказывал маститый, пожилой протоиерей отец Николай, которого сейчас нет в живых.

А вот и другое свидетельство о верующей душе Жукова Георгия Константиновича протоиерея отца Анатолия, фамилии его сейчас не помню.

Он служил в соборе г. Ижевска. Этот отец Анатолий тоже уже пожилой протоиерей — ему уже тогда было около 80 лет. Он к нам приезжал в Лавру, обедал вместе с братнею, и однажды при разговоре он поведал нам, что во время войны был в звании генерал-майора, а когда война кончилась, он ушел в отставку, а затем принял сан и служил клириком Ижевского собора.

Во время войны, говорил отец Анатолий, я как генерал встречался с маршалом Жуковым, беседовал с ним, и. однажды во время беседы я его спросил, верует ли он в Бога. Жуков мне ответил, говорит отец Анатолий, я верю в силу Всемогущую, в разум Премудрейший, сотворивший такую красоту и гармонию природы, и преклоняюсь перед этим. А отец Анатолий, тогда генерал-майор, и говорит Жукову Г.К.: а вот это то, что Вы признаете, и есть Бог. То что в душе своей Георгий Константинович чувствовал Бога, это бесспорно. Другое дело, что он, может быть, не мог это свое чувство выразить словами,

потому что вера в Бога в то время была в поношении, в загоне, и ему, как высокопоставленному начальнику, нужно было соблюдать осторожность, так как тогда кругом торжествовал атеизм и безбожие. Читая его мемуары и статьи, чувствуешь, что душа его христианская: во-первых, читается легко и с большим нравственным назиданием для своей души воспринимается. Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни.

Прежде всего, он был крещен, учился в церковно-приходской школе, где закон Божий преподавался, посещал службы храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье — все это не могло не напечатлеть в душе его христианских истин. И это видно по плодам его жизни и поведения. Его порядочность, человечность, общительность, трезвость, чистота жизни возвысили его, и Промысел Божий избрал его быть спасителем России в тяжелую годину испытаний. Недаром Георгия Константиновича все русские люди любят как своего национального героя и ставят его в один ряд с такими прославленными полководцами, как Суворов и Кутузов».

Ну, не так уж удивительно, что какое-то религиозное чувство сохранилось у друга и свата Жукова маршала Василевского, который был сыном православного священника. Правда, вера в Бога не помешала Александру Михайловичу поступить совсем не по-христиански — ради карьеры в Красной Армии отречься от родного отца. Георгию Константиновичу на такие жертвы идти не пришлось — родители-то были самыми настоящими бедняками. Вот только об их особой религиозности никаких сведений нет — ни в «Воспоминаниях и размышлениях», ни в мемуарах родных и близких, ни в памяти односельчан. Наоборот, последние свидетельствовали, что Константин и Устинья Жукова в церковь не ходили даже по праздникам и к религии были равнодушны.

А по поводу того, что «все русские люди» любят Жукова как национального героя и полководца, равного Суворову и Кутузову, отец Кирилл определенно заблуждался. Как среди ветеранов Великой Отечественной, так и среди их детей и внуков мнения о «маршале победы» разнятся — от «спасителя отечества» до «губителя солдатских жизней». Единодушие здесь вряд ли когда-нибудь будет достигнуто.

И насчет того, что религиозная, вера, будто бы присущая

Георгию Константиновичу, наглядно отразилась в его делах, можно поспорить. Мы еще не раз убедимся, что один из основных христианских принципов: поступать с другими так же, как ТЫ сам бы хотел, чтобы другие поступали с тобой, был Жукову абсолютно чужд. Он искренне верил, что избран Богом или кем-то еще для великой миссии и критерии, применимые к поступкам большинства людей, к его собственным поступкам не применимы. То, что он, Георгий Константинович Жуков, счел бы для себя недопустимым оскорблением, подчиненные от него, маршала, обязаны были безропотно терпеть. И солдатских жизней Жуков не щадил. Ради спасения России и собственной славы великого полководца не жалко было положить соотечественников бессчетно. Но сомнительно, что он верил в свою «богоизбранность» в те дни, когда шил шубы в скорняжной мастерской в Москве и разносил их по богатым заказчикам. Тогда, вероятно, пределом мечтаний для юного Егора было выбиться в мастера, а если повезет и удастся скопить денег, то открыть собственное дело.

Пытался ли Жуков продолжать свое общее образование в бытность в мастерской у дяди, и проявился ли у него уже тогда интерес к военному искусству и личностям великих полководцев? Сам Георгий Константинович в мемуарах на этот вопрос отвечает так: «Мне исполнилось тринадцать лет, и я уже многому научился в мастерской. Несмотря на большую загруженность, все же находил возможность читать. Я всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя Сергея Николаевича Ремезова, привившего мне страсть к книгам. Учиться мне помогал старший сын хозяина, Александр. Мы с ним были одногодки, и он относился ко мне лучше других (получается, что и хозяин, и его жена, добрейшая Ольга Гавриловна, и двоюродный брат Михаил, с которым коротал последние годы жизни, — все относились к бедному Георгию хуже некуда! — Б.С.).

Поначалу с его помощью я прочитал роман «Медицинская сестра», увлекательные истории о Нате Пинкертоне, «Записки о Шерлоке Холмсе» Конан Доила и ряд приключенческих книжек, изданных в серии дешевой библиотечки. Это было интересно, но не очень-то поучительно, а я хотел учиться серьезно. Но как? Я поделился с Александром. Он одобрил мои намерения и сказал, что будет помогать.

Мы взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг.

Занимались обычно вдвоем, главным образом когда не было дома хозяина, и по воскресеньям. Но как мы ни прятались от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания, он похвалил нас за разумное дело.

Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища.

В мастерской мною были довольны, доволен был и хозяин, хотя нет-нет да и давал мне пинка или затрещину. Вначале он не хотел отпускать меня вечерами на курсы, но потом его уговорили сыновья, и он согласился. Я был очень рад. Правда, уроки приходилось готовить ночью на полатях, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей.

За месяц до выпускных экзаменов, как-то в воскресенье, когда хозяин ушел к приятелям, мы сели играть в карты. Играли, как помнится, в двадцать одно. Не заметили, как вернулся хозяин и вошел в кухню. Я держал банк, мне везло. Вдруг кто-то дал мне здоровую оплеуху. Я оглянулся и — о, ужас! — хозяин! Ошеломленный, я не мог произнести ни слова. Ребята бросились врассыпную.

— Ах, вот для чего тебе нужна грамота! Очки считать? С этого дня никуда больше не пойдешь, и чтоб Сашка не смел с тобой заниматься!

Через несколько дней я зашел на курсы, которые помещались на Тверской улице, и рассказал о случившемся. Учиться мне оставалось всего лишь месяц с небольшим. Надо мной посмеялись и разрешили сдавать экзамены. Экзамены за полный курс городского училища я выдержал успешно».

Волшебная сказка братьев Гримм, да и только! Ловкий ученик проводит злого хозяина, который, по законам жанра, сначала препятствует нашему герою свершить доброе дело — закончить полный курс городского училища, затем как будто уступает уговорам сыновей, но в самый последний момент создает перед учеником непреодолимое, как кажется, препятствие. Однако ученик в финале благополучно перехитрил мастера и своей цели добился!

Хоть и сказочный сюжет, но нельзя сказать, что такой уж невозможный в реальной жизни. Тем более что и М.М. Пилихин о том же самом рассказывает очень похоже: «Брата моего Александра Георгий любил и уважал. Александр был для него примером и учителем, он занимался с Георгием по части образования, давал ему книги, вместе читали про Шерлока Холмса, Ника Картера, которые учили молодежь настойчивости, умению выходить победителем из сложных ситуаций, храбрости, что, возможно, и пригодилось Георгию Жукову в жизни, а может, и в военном искусстве.

Александр учил Георгия и немецкому языку, он хорошо говорил по-немецки. Читал ему книги разных писателей. Рассказывал, что хорошо и что плохо, давал Георгию литературу, которая требовалась для его образования. Они спали вместе на полатях (все-таки не на полу, как уверял Георгий Константинович. — Б.С.) и там вели беседы…

— В воскресные дни мы играли во дворе в футбол — мячом служила нам старая шапка, набитая бумагой. Играли в городки, в бабки, в лапту с мячом. В те времена игры эти были в большом почете. В ненастные дни, когда отца не было дома, мы играли в прятки или в футбол в проходной комнате — «воротами» служили нам двери. Мы так возились, что соседи с первого этажа приходили с жалобами: у них с потолка сыпалась штукатурка. В дальнейшем нам навсегда были запрещены игры в комнате. Мы тогда стали собираться на кухне и начали играть в карты — в «21» (очко). Играли на старые пуговицы — мы собирали их во дворе, их выкидывал сосед — военный портной. В один прекрасный день играли в карты с таким азартом, что и не слышали, как вошел в кухню отец.

Отец собрал карты и уничтожил их, а игроки разбежались кто куда. Отец, конечно, знал, что карты до добра не доведут, он всячески старался отучить ребят от всего плохого в жизни…

В 1912 году Георгий окончил учебу, и отец дал ему в виде наградных небольшую сумму денег и, как положено после окончания учебы, костюм-тройку, пальто демисезонное, пальто зимнее на меху с каракулевым воротником, обувь и белье. Полагался месячный отпуск. Георгий поехал к родителям в деревню. Провел там месяц, отдохнул и, вернувшись в Москву, продолжал работать с окладом 25 рублей в месяц. Брат

Александр тоже получал 25 рублей. Георгий, имея жалованье, стал с Александром ходить в театры, кино, по концертам и устроился на общеобразовательные курсы, которые окончил с отличием».

В этих воспоминаниях столько достоверных подробностей, вроде игры мальчишек в прятки и в футбол в комнате, к вящему неудовольствию соседей снизу, что я готов был поверить, что Георгий Жуков действительно окончил общеобразовательные курсы не то в 1911 году, как можно понять из его собственных мемуаров, не то в 1912-м, как следует из воспоминаний М.М. Пилихина. Но тут на глаза мне попалась жуковская автобиография 1938 года. А там черным по белому написано: «Образование низшее. Учился 3 года до 1907 г. в церковно-приходской школе в дер. Величково Угодско-Заводского района Московской области и 5 месяцев учился на вечерних курсах при городской школе в Москве, Газетном переулке. Не было средств учиться дальше — отдали учиться скорняжному делу. За 4-й класс городского училища сдал (экзамены. — Б.С.) экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст. Старожилово Р.У.Ж.Д. в 1920 г.».

В 1938 году занижать свой образовательный уровень Георгию Константиновичу было совсем, не с руки. Значит, он не кончил 4-й класс городского училища, а экзамены действительно сдал экстерном, но не через месяц после того, как вынужден был оставить занятия, а двенадцать лет спустя, когда поступал на кавалерийские курсы. Понятно, какие были требования к экзаменующемуся, особенно подходящего социального происхождения. Сам Георгий Константинович, заполняя личный листок по учету кадров в 1948 году в связи с назначением командующим Уральским военным округом, в графе «образование» указал, что в 4-й класс городской школы поступил в 1907 году, а окончил в 1908-м (а не в 1911-м, как написал в мемуарах). Здесь Жуков не стал уточнять, что экзамены за 4-й класс сдал только в 1920 году.

Почему же маршал в мемуарах предпочел, пусть на самую малость, преувеличить свою образованность? Дальше мы увидим, что это, по всей видимости, было связано с одной легендой, которую Жуков произвел на свет в 60-е годы. А передвинуть срок учебы Георгия Константиновича, скорее всего, побудило стремление в негативном свете представить дядю-эксплуататора, и свои взаимоотношения с ним. Ведь двоюродный брат описывает явно тот же самый эпизод, что и маршал — когда хозяин отобрал

карты у учеников, игравших в «очко». Однако ничего не говорит, что из-за этого Михаил Артемьевич запретил Егору продолжать учебу на курсах. Да и сам этот эпизод никак не мог произойти раньше 1911 года — времени, когда Михаил начал трудиться в мастерской отца. Следовательно, после ухода Жукова из школы прошло уже не менее трех лет.

Что же касается утверждения М.М. Пилихина, будто Жуков окончил общеобразовательные курсы, да еще и с отличием, то оно наверняка восходит к словам самого маршала или даже непосредственно к тексту «Воспоминаний и размышлений». Михаила Михайловича не было в мастерской отца в те годы, когда его брат учился на курсах. А насчет «отличия», думаю, Пилихин-младший невольно переместил во времени похвальный лист, полученный братом Георгием после окончания церковно-приходской школы.

То, что мы уже знаем и еще узнаем о положении Георгия в мастерской, как будто свидетельствует: хозяин имел на толкового мальчика-ученика свои виды. Возможно, со временем думал сделать из него приказчика или даже компаньона. И мы вряд ли когда-нибудь точно узнаем, почему Жуков оставил школу. То ли ему стало трудно совмещать ее с работой в мастерской, что отразилось на успеваемости, то ли решил, что важнее освоить ремесло, которое даст верный кусок хлеба, а история с географией подождут.

Вот круг чтения будущего маршала сомнений не вызывает. И он сам, и его двоюродный брат на первое место ставят Ната Пинкертона и Артура Конан Дойля. Создается впечатление, что Георгий тогда еще не читал никакой военной литературы, даже лубочных биографий Суворова и Кутузова, не говоря уж о любимой книжке Павки Корчагина — романе Раффаэлло Джованьоли «Спартак». И вряд ли думал, что станет полководцем.

Трудные годы ученичества подходили к концу. Летом 1912 года Георгий получил отпуск в деревню, впервые за четыре года встретился с родителями. Односельчанам он запомнился бойким и веселым парнем, «грозой девок». Рассказывали о столкновении Егора из-за приглянувшейся ему Мани Мельниковой с почтарем Филей. Филе не понравилось, что Жуков танцует с Маней. Он выхватил револьвер, который почтальону полагался по роду службы, и пригрозил: «Еще раз станцуешь с Маней, убью!». Егор ловко вырвал у соперника револьвер, забросил оружие в кусты и

как ни в чем не бывало продолжал танцевать с Маней. Фили же и след простыл; Позднее Георгий Константинович вспоминал: «Я когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки!»

Но не одна Маня Мельникова в ту пору тревожила жуковское сердце. Не меньшую страсть питал будущий маршал и к Нюре Синельщиковой, которой много десятилетий спустя подарил «Воспоминания и размышления», надписав: «А.В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память». Когда Анна, Синельщикова все же вышла замуж за другого, Жуков, узнав об этом, приехал в деревню и не своим голосом закричал: «Нюрка, что ты сделала?!» Родне едва удалось успокоить Егора и убедить его не делать глупостей. Как мы видим, еще в юности проявилась жуковская гордыня. Всю жизнь для маршала было невыносимо знать, что его предпочли кому-то другому, будь-то в делах любви или войны.

Накануне его отъезда в Москву в соседней деревне Костинке случился большой пожар. Жители Стрелковки пришли на помощь. При тушении пожара Георгий едва не погиб. Вот как он описал этот случай в мемуарах: «Пробегая с ведром воды мимо одного дома, я услышал крик: „Спасите, горим!“. Бросился в тот дом, откуда раздавались крики, и вытащил испуганных до смерти детей и больную старуху…

Наутро я обнаружил две прожженные дырки, каждую величиной с пятак, на моем новом пиджаке — подарке хозяина перед отпуском (таков был обычай).

— Ну, хозяин тебя не похвалит, — сказала мать.

— Что ж, — ответил я, — пусть он рассудит, что важнее: пиджак или ребята, которых удалось спасти…

Уезжал я с тяжелым сердцем. Особенно тягостно было смотреть на пожарище, где копались несчастные люди. Бедняги искали, не уцелело ли чего. Я сочувствовал их горю, так как сам знал, что значит остаться без крова. В Москву приехал рано утром.

Поздоровавшись с хозяином, рассказал о пожаре в деревне и показал прожженный пиджак. К моему удивлению, он даже не выругал меня, и я был благодарен ему за это.

Потом оказалось, что мне просто повезло. Накануне хозяин очень выгодно продал партию мехов и на этом крепко заработал. — Если бы не это, сказал Федор Иванович (Колесов, мастер-старик, по определению Жукова, «самый справедливый, опытный и авторитетный из всех мастеров». — В.С.), — быть тебе выдранному, как сидоровой козе».

Опять перед нами талантливо написанный рассказ, не выдерживающий, однако, критики даже с точки зрения простого здравого смысла. Получается, что хозяин — сущий дьявол, готовый высечь ученика за пару дырок, прожженных при спасении детей из горящего дома, и отказывающийся от экзекуции только, потому, что после удачной сделки пребывал в чрезвычайно благостном расположении духа. Хотя вроде бы дело это богоугодное, а Михаил Артемьевич — человек набожный, регулярно в церковь ходит, да еще и учеников к вере приобщить норовит. И с чего бы ему пороть Егора, нет, извините, не Егора, а Георгия Константиновича — его ведь, по утверждению двоюродного брата, с пятнадцати лет так величали. Пороть за то, что прожег подаренный, т. е., уже, выходит, свой собственный пиджак? Ну, высказать сожаление, что хорошая вещь испорчена, Михаил Артемьевич, конечно, мог. Но не более. Ведь он сам, когда мог, заботился о ближних. Вот его сын рассказывает: «В 1912 году мать Георгия заболела и приехала в Москву к брату. Отец пригласил врачей, которые, осмотрев больную, рекомендовали немедленно положить в больницу, где ей сделали сложную операцию. Когда мать Георгия вышла из больницы, она пробыла у брата около месяца, поправилась, отдохнула и стала просить брата отправить ее домой. Отец попросил Георгия проводить мать в деревню. Он с большой радостью поехал провожать мать домой, в Стрелковку, и прожил в деревне несколько дней, повидался с товарищами и родными и вернулся в Москву к дяде Мише».

Получается, по воспоминаниям М.М. Пилихина, что в 1912 году Жуков ездил домой дважды: первый раз летом, сопровождая мать, а второй раз — после завершения учебы, на Рождество, причем пожар произошел во время первого отпуска. Но сам Георгий Константинович о болезни матери ничего не пишет, чтобы не разрушать созданный в мемуарах образ хозяина — демонического злодея. Ведь мало кто из читателей поверит, что. человек в одно и то же время будет так заботиться о больной сестре, не жалея ни времени, ни денег, и грозить ее сыну, своему

племяннику, побоями за дырку в пиджаке.

Как же складывалась судьба Жукова после того, как он стал мастером? Если верить мемуарам маршала, то Михаил Артемьевич вновь постарался ему напакостить: «В конце 1912 года мое ученичество кончилось. Я стал молодым мастером (подмастерье). Хозяин спросил, как я думаю дальше жить: останусь ли на квартире при мастерской или пойду на частную квартиру?

«Если останешься при мастерской и будешь по-прежнему есть на кухне с мальчиками, то зарплата тебе будет десять рублей; если пойдешь на частную квартиру, тогда будешь получать восемнадцать рублей».

Жизненного опыта у меня было маловато, и я сказал, что буду жить при мастерской. Видимо, хозяина это вполне устраивало, так как по окончании работы мастеров для меня всегда находилась какая-либо срочная неоплачиваемая работа.

Прошло немного времени, и я решил: «Нет, так не пойдет. Уйду на частную квартиру, а вечерами лучше читать буду».

Замечу, что одна деталь здесь сразу вызывает подозрение: несколькими страницами раньше Георгий Константинович пишет, что за сверхурочную работу шла дополнительная плата, а ему, выходит, хозяин почему-то ничего за такую работу не платил. К тому же М.М. Пилихин свидетельствует, что сразу после окончания учения зарплата у Жукова была не десять и не восемнадцать, а целых двадцать пять рублей в месяц — такой же, как и у старшего сына хозяина Александра, одногодка Георгия. Во времена, когда маршал писал свои мемуары, сравнительно много зарабатывать «при царском режиме» было как-то неудобно. Вот и решил Георгий Константинович пофантазировать, да еще и подчеркнуть свою страсть к чтению. Но стремление всячески выделить собственную персону сыграло с ним злую шутку. Потому что буквально на следующей странице мемуарист сообщает читателям: «Хозяин доверял мне, видимо, убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и, как безотказного работника, и часто брал в свой магазин, где, кроме скорняжной работы, мне поручалась упаковка грузов и отправка их по почте». За сверхурочные недоплачивал, однако доверял крупные денежные суммы и дорогой товар без всякого опасения,

что Георгий попытается взять то, что плохо лежит, и таким образом компенсировать себя за переработку. Чудеса, да и только.

Большие перемены в жизнь Жукова внесла начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война. Георгий Константинович свидетельствовал: «Начало первой мировой войны запомнилось мне погромом иностранных магазинов в Москве. Агентами охранки и черносотенцами (часто это было одно и то же. — Б. С.) под прикрытием патриотических лозунгов был организован погром немецких и австрийских фирм. В это были вовлечены многие, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как эти люди не могли прочесть вывески на иностранных языках, то заодно громили и другие иностранные фирмы — французские, английские».

М.М. Пилихин вспоминал: «Осенью 1914 года Александр ушел тайно от родителей добровольцем защищать свою Родину. Москва уже была переполнена ранеными и калеками. Приглашал Александр и Георгия, но он почему-то отказался. Александр с фронта прислал письмо, где писал: „Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия“. Его на фронте тяжело ранило, и он был эвакуирован в госпиталь в Москву. Из госпиталя Александра выписали инвалидом, он вернулся домой к отцу в ноябре 1917 года. Потом уехал в деревню Черная Грязь проведать маму, которая с дочками занималась крестьянским хозяйством. Александр пробыл в деревне до февраля 1918 года и записался добровольцем в Красную Армию. Защищая революцию от белогвардейщины, погиб в боях под Царицыным».

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» несколько иначе оценивает патриотический порыв своего двоюродного брата:

«Под влиянием пропаганды многие молодые люди, особенно из числа зажиточных, охваченные патриотическими чувствами, уходили добровольцами на войну. Александр Пилихин тоже решил бежать на фронт и все время уговаривал меня.

Вначале мне понравилось его предложение, но все же я решил посоветоваться с Федором Ивановичем — самым авторитетным для меня человеком. Выслушав меня, он сказал:

«Мне понятно желание Александра: у него отец богатый, ему есть за что воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли,

что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет?.. Вернешься калекой — никому не будешь нужен».

Эти слова меня убедили, и я сказал Саше, что на войну не пойду. Обругав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжело раненым.

В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном ряду, против теперешней гостиницы «Москва». Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Малышевой. Дочь ее Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчеты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведен досрочный призыв молодежи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, еще не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь.

Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на «лихачах», в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане «Яр». Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию.

Мой хозяин, ценивший меня по работе, сказал: «Если хочешь, я устрою так, что тебя оставят на год по болезни и, может быть, оставят по чистой». Я ответил, что вполне здоров и могу идти на фронт. «Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша?» Я сказал, что по своему долгу обязан защищать Родину. На этом разговор был закончен и больше не возникал.

В конце июля 1915 года был объявлен досрочный призыв в армию молодежи моего года рождения. Я отпросился у хозяина съездить в деревню попрощаться с родителями, а заодно и помочь им с уборкой урожая».

Георгий Константинович нарисовал портрет юноши-скорняка, не желающего участвовать в «империалистической бойне» добровольно, но считающего бесчестным уклониться от исполнения воинского долга, когда пришла пора призываться вместе со сверстниками. Для пущей убедительности введен монолог революционно настроенного мастера Колесова, якобы даже читавшего большевистские газеты «Звезда» и «Правда». И

обличения в адрес Александра Пилихина: идет-де защищать отцовские капиталы. Правда, отец, как ни странно, этому благородному порыву сына всячески препятствует, и Саше приходится бежать на фронт тайно от родителей. Самое же главное: мы ведь знаем, что он сражался в рядах Красной Армии, куда вступил добровольно, и погиб «за дело рабочих и крестьян», если использовать официальную советскую терминологию. Хотя, наверное, в не меньшей мере им двигали патриотические мотивы: в феврале 1918 года Германские войска вторглись в Советскую Россию.

И второй сын богатея Пилихина, Михаил, воевал на стороне красных, а не белых, как, казалось, должна была подсказать логика защиты отцовского капитала. А потом благополучно служил шофером в НКВД. Да и капиталов-то, в сущности, к 17-му году у жуковского дяди уже не было. Как вспоминает Михаил Михайлович, в 1916 году отец ликвидировал свое предприятие. То ли конъюнктура военного времени была неблагоприятна, то ли Пилихин-старший гениально предвидел, что скоро начнут «экспроприировать экспроприаторов», и поспешил избавиться от мастерской. Так или иначе, Михаил Артемьевич благополучно перенес все бури революции и гражданской войны и умер в своей постели. А останься он «буржуем», глядишь, не миновал бы его красный террор. Спокойно могли расстрелять как заложника. И сыновья-красноармейцы бы не спасли.

У меня создалось впечатление, что Жуков неверно называет время, когда был ранен его двоюродный брат Александр: всего через два месяца после побега на фронт. М.М. Пилихин точно не говорит, когда ранили Сашу, но указывает, что из госпиталя к отцу тот вернулся лишь в ноябре 1917 года. Даже если ранение было тяжелое и Александр Пилихин стал инвалидом, все-таки кажется невероятным, чтобы он провел в госпитале целых три года. Тем более что старший сын Михаила Артемьевича вышел оттуда отнюдь не калекой, раз потом его приняли в Красную Армию, да еще в строевую часть. Вероятнее всего, А.М. Пилихина ранили не в конце 1914 года, как выходит из жуковского рассказа, а значительно позднее: в 1915-м или даже в 1916 году, уже после того, как Георгия призвали на военную службу. Жукову надо было, чтобы двоюродного брата искалечили почти сразу же, как бы в подтверждение слов мастера Колесова. И тем самым предложение хозяина получало дополнительную мотивировку. Зная о печальной судьбе сына, Михаил Артемьевич должен был стараться избавить от риска погибнуть или сделаться инвалидом

одного из немногих оставшихся у него мастеров, к тому же родного племянника. Да вот беда — М.М. Пилихин ничего о таком разговоре не помнит, даже со слов самого Жукова. Неужели тот никогда не рассказывал двоюродному брату этот эпизод, если разобраться, рисующий Михаила Артемьевича не в таком уж плохом свете?

Лично я склонен считать, что предложение хозяина «закосить от армии» выдумано самим Георгием Константиновичем с начала и до конца. Вряд ли его дядя вообще мог располагать достаточными связями, чтобы избавить племянника от призыва. Чтобы попасть на службу в Союз земств и городов, сделаться презираемым фронтовиками «земгусаром», требовалось образование, которого у Жукова не было. К тому же в этом случае работать в мастерской он бы уже не смог. Врачам же, чтобы они признали пышущего здоровьем силача негодным к службе, требовалась колоссальная взятка, которая сама по себе была делом рискованным и грозила подорвать материальное благополучие Пилихина-старшего. Зато такое предложение должно было, пусть не в реальной жизни, а только в жуковских мемуарах, еще раз подчеркнуть благородство будущего маршала. Ведь имел же возможность не подвергать опасности свою жизнь и здоровье, а продолжать неплохо зарабатывать скорняжным ремеслом. Но решил, что негоже прятаться за спины товарищей.

Думаю, все было гораздо проще. Георгий отказался вместе с Александром идти добровольцем в армию не по высоким идейным соображениям, а потому что, как и большинство населения всех вступивших в войну государств, полагал: она долго не продлится. И незачем бросать прибыльную работу. Тем более что Георгий собирался жениться. Но шкурником он не бил. Когда война затянулась и пришел черед призываться, Жуков уклоняться от общей участи не стал. Ни дядя, ни кто-либо другой отсрочки от призыва ему не предлагал. Да Георгий и не искал такой отсрочки.

«За веру, царя и Отечество!»: Жуков в годы первой мировой войны

7 августа 1915 года Георгия Константиновича Жукова призвали в армию в городе Малоярославец. Его определили в 5-й запасной кавалерийский полк. Но сперва будущие кавалеристы обучались пешему строю в составе 189-го запасного пехотного батальона в Калуге. Первый день занятий нагнал на новобранцев тоску. Вот как описан он в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Отделенный командир ефрейтор Шахворостов… строго предупредил, что, кроме как „по нужде“, никто из нас не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон… Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами.

— Да, — говорили солдаты, — от этого фрукта добра не жди…

Затем к строю подошел старший унтер-офицер. Наш ефрейтор скомандовал: «Смирно!»

— Я ваш взводный командир Малявко, — сказал старший унтер-офицер. — Надеюсь, вы хорошо поняли, что объяснил отделенный командир, а потому будете верно служить царю и отечеству. Самоволия я не потерплю!

Начался первый день строевых занятий. Каждый из нас старался хорошо выполнить команду» тот или иной строевой прием или действие оружием. Но угодить начальству было нелегко, а тем более дождаться поощрения. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, взводный задержал всех на, дополнительные занятия. Ужинали мы холодной бурдой самыми последними. Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн «Боже, царя храни!». Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке».

И в последующем, как признавал Жуков, служба в запасном

батальоне доставляла мало радостей: «Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после „мертвого часа“ чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура все равно не пропустит.

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам».

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно, не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как «за Богом молитва, а за царем служба не пропадут».

До отправления в 5-й запасной кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира еще пару раз, и, кажется, он оба раза был навеселе. Что касается командира 189-го запасного батальона, то мы его за все время нашего обучения так и не увидели».

Тут сказалась общая болезнь русской армии, в которой между офицерами и солдатами лежала сословная пропасть. Офицеры редко появлялись в своих ротах, всю заботу об обучении солдат передоверив унтер-офицерам и фельдфебелям. А те, в свою очередь, измывались над солдатами, как хотели. Да и офицер вроде Володина, если появлялся в роте, раздавал зуботычины направо и налево и рядовым, и унтерам. Для затяжной войны, с большими потерями и без видимых успехов русского оружия, такая армия не годилась. Это и доказала вскоре Февральская революция, во время которой роль «горючего материала» сыграли именно запасные батальоны.

В сентябре 1915 года Жукова и его товарищей отправили в 5-й запасной кавалерийский полк, располагавшийся в городе Балаклее Харьковской губернии. Новоприбывших разместили на близлежащей станции Савинцы, где готовились маршевые

пополнения для 10-й кавалерийской дивизии. Жукова и других призывников из Калужской губернии определили в драгунский эскадрон. Они огорчились, что не попали в гусары: там и форма красивее, и унтера, говорили, человечнее. Правда, на фронте все равно всем предстояло облачиться в защитного цвета гимнастерки. Яркие гусарские ментики и драгунские кивера остались только для парадов.

Жуков постигал умение ходить строем и сражаться в пешем строю. Драгуны ведь предназначались для действий как в конном, так и в пешем строю, были своего рода «ездящей пехотой». Впрочем, пулеметы, скорострельные орудия и сплошные линии окопов, прикрытые многими рядами колючей проволоки, давно уже заставили кавалерию всех воюющих сторон спешиться. Конные атаки стали большой редкостью. Но драгун, в первую очередь, учили кавалерийским премудростям. Это было сложнее, но и интереснее, чем обучение бойца-пехотинца. Георгий Константинович вспоминал: «Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, — а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шаткой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: «Терпи, казак (правильнее было бы — драгун. — Я. С.), атаманом будешь». И мы терпели до тех пор, пока уселись крепко в седла».

Крепко сидели в седле новобранцы уже весной 1916 года. Тогда, по словам Жукова: «Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В их число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться.

— На фронте ты еще, друг, будешь, — сказал он, — а сейчас изучи-ка лучше глубже военное дело, оно тебе пригодится. Я убежден, что ты будешь хорошим унтер-офицером.

Потом, подумав немного, добавил:

— Я вот не тороплюсь снова идти на фронт. За год на передовой я хорошо узнал, что это такое, и многое понял… Жаль,

очень жаль, что так глупо гибнет наш народ, и за что, спрашивается?

Больше он мне ничего не сказал. Но чувствовалось, что в душе этого человека возникло и уже выбивалось наружу противоречие между долгом солдата и человека-гражданина, который не хотел мириться с произволом царского режима. Я поблагодарил его за совет и согласился пойти в учебную команду, которая располагалась в городе Изюме Харьковской губернии».

Так в «Воспоминаниях и размышлениях», вышедших в свет в 1969 году, маршал рассказал о том, как он попал в учебную команду. Но писателю Константину Симонову в середине 60-х он излагал этот эпизод совершенно иначе: «Я иногда задумываюсь над тем, почему именно так, а не иначе сложился мой жизненный путь на войне и вообще в жизни. В сущности, я мог бы оказаться в царское время в школе прапорщиков. Я окончил в Брюсовском (бывшем Газетном) переулке четырехклассное училище, которое по тем временам давало достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков.

Когда я, девятнадцатилетним парнем, пошел на войну солдатом, я с таким же успехом мог пойти и в школу прапорщиков. Но мне этого не захотелось. Я не написал о своем образовании, сообщил только, что кончил два класса церковно-приходской школы, и меня взяли в солдаты. Так, как я и хотел.

На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом, и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко.

Я пошел солдатом. Потом кончил унтер-офицерскую школу — учебную команду. Эта команда, я бы сказал, была очень серьезным учебным заведением и готовила унтер-офицеров поосновательнее, чем ныне готовят наши полковые школы.

Прошел на войне солдатскую и унтер-офицерскую науку и

после Февральской революции был выбран председателем эскадронного комитета, потом членом полкового.

Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный в то время в солдатскую среду не только большевиками, но и меньшевиками, и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не, было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, получил бы уже другие офицерские чины, и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я…».

Перед нами очередная художественная фантазия, на этот раз на тему: как хорошо, что я не стал прапорщиком и не пошел против большевиков. Правда, язык несколько корявый, потому что Симонов стремился как можно точнее передать жуковские слова, а разговорная речь не такая гладкая, как литературная. Полуопальный маршал разговаривал ведь не просто с писателем, а с членом ЦК. И старался убедить собеседника, что всегда был предан делу партии, никаких уклонов не допускал. Даже в царское время нутром чувствовал, что в офицеры идти не надо. А потом уже стал сознательным и от партийной линии не отходил ни на шаг. Вот он весь перед Константином Михайловичем как на духу. Признается даже в том, чего не было, но могло быть. Слава Богу, не стал прапорщиком, не поддался агитации меньшевиков и эсеров, не попал к белым, а потом в эмиграцию.

Мы-то уже знаем, что на самом деле никакая школа прапорщиков Георгию Константиновичу и близко не светила, поскольку законченного четырехклассного образования у него не было. Но читатели «Воспоминаний и размышлений» об этом не ведали вплоть до 1996 года, когда появилась в печати жуковская автобиография 1938 года. И верили, что маршал еще перед войной окончил городское училище, как об этом говорилось в

мемуарах. Однако рассуждения о возможной карьере прапорщика оттуда исчезли. Почему?

Возможно, работая над «Воспоминаниями и размышлениями», Жуков задумался. Если сказать, что в школу прапорщиков не пошел сознательно и даже образованность свою для этого приуменьшил, то у читателей-военных сразу возникнет вопрос: а в учебную Команду зачем пошел? Чтобы потом вести солдат «за веру, царя и отечество»? А если повезет, то стать тем же прапорщиком? Ведь в 16-м году многие боевые унтер-офицеры становились, прапорщиками, закончив краткосрочные курсы. И к 1917 году половину офицерского корпуса составляли, как и Жуков, выходцы из крестьян и казаков. Еще 21 процент офицеров — это выходцы из мешан. Перед войной же представителей всех податных сословий среди офицеров было лишь 22 процента. Однако разрыв между солдатами и офицерами ничуть не уменьшился. Свежеиспеченные прапорщики и штабс-капитаны почувствовали вкус пусть небольшой, но власти над людьми, стремились к дальнейшей военной карьере, а, значит, и к продолжению войны до победного конца. Солдатам же к концу 16-го года война успела основательно надоесть. Тем более что не было крупных побед, способных приблизить ее окончание.

А вдруг подумают, что стремился в учебную команду только затем, чтобы подольше побыть в тылу? И Жуков решил предупредить нежелательные вопросы и ввел в повествование еще один персонаж. В мастерской Пилихина учителем жизни для Георгия был, как мы помним, политически сознательный мастер Колосов. В запасном же эскадроне его место занял взводный, хотя и обладавший неблагозвучной фамилией Дураков, но заботящийся о солдатах, требовательный и справедливый. Этот Дураков и остужает рвущегося в бой Жукова, объясняет, что на фронт рваться нечего, а лучше получить унтер-офицерский чин и поднабраться военных знаний. Получается, что Георгий Константинович храбростью не обделен, но начинает понимать, что не стоит торопиться сложить голову за интересы «помещиков и капиталистов».

Пребывание в учебной команде было для Жукова отнюдь не медом-сахаром. Его начальником оказался старший унтер-офицер по прозвищу Четыре с половиной — у него на правой руке указательный палец был наполовину короче, чем требовалось. Этот дефект, однако, не мешал унтеру ударом кулака сбивать солдата с ног. Замечу, что среди советских генералов и

маршалов, где мордобой был делом обычным, таким искусством владел только Буденный, сам в прошлом драгунский унтер-офицер.

С Четырьмя с половиной отношения у Жукова не сложились. Георгий Константинович вспоминал: «Никто так часто не стоял „под шашкой при полной боевой“, не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нес дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что все это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он н» как не мог придраться ко мне на занятиях.

Убедившись, что меня ничем не проймешь, он решил изменить тактику, может быть, попросту хотел отвлечь от боевой подготовки, где я шел впереди других. Как-то он позвал меня к себе в палатку и сказал: «Вот что, я вижу, ты парень с характером, грамотный, и тебе легко дается военное дело. Но ты москвич, рабочий, зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим нештатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчетность по занятиям и выполнять другие поручения».

Сделаться «канцелярской крысой», да еще с функциями личного холуя нелюбимого унтера, Жуков не имел ни малейшего желания: «Я пошел в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы изучить военное дело и стать унтер-офицером».

Четыре с половиной пригрозил: «Ну, смотри, я сделаю так, что ты никогда не будешь унтер-офицером!..» Интересно, что подумал бывший жуковский взводный, если узнал, что его строптивый подчиненный стал маршалом?

Автор «Воспоминаний и размышлений» деликатно обходит вопрос, приходилось ли ему самому сносить мордобой от начальников. Кроме Четырех с половиной, особой страстью к рукоприкладству отличался еще в запасном эскадроне младший унтер-офицер с колоритной фамилией Бородавке, один из жуковских командиров. Он, по определению самого Георгия Константиновича, был «крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы». Можно, конечно, допустить, что с физически крепким Жуковым ни Бородавке, ни Четыре с половиной не хотели связываться. Но верится, в это с трудом. Били-то они под горячую руку, не очень разбирая, кого именно и за что. Все равно знали,

что сопротивляться никто не посмеет. Сопротивление расценят как невыполнение приказа и отправят в дисциплинарный батальон, а с ним — почти на верную гибель на фронте (штрафников-то ставили в самые безнадежные места).

Что от Бородавке Жукову все же перепало несколько тумаков можно, пожалуй, догадаться из следующего рассказа маршала: «Бородавке, оставшись за взводного, развернулся вовсю. И как только он ни издевался над солдатами! Днем, гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их „грамотеями“ и слишком умными. А ночью по несколько раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности.

Сговорившись, мы как-то подкараулили его в темном углу и, накинув ему на голову попону, избили до потери сознания.

Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который все уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон».

Несомненно, ночную «темную» Жуков с товарищами устроили взводному в отместку за дневные побои, устроили так, чтобы Бородавко не смог опознать своих обидчиков. Побои и унижения, которые Георгию Константиновичу пришлось претерпеть в армии перед тем, как он стал унтер-офицером, могли дурно повлиять на его характер. Не отсюда ли широко известная жестокость Жукова в отношениях с подчиненными, всегдашняя готовность дать в морду, а во время войны — и расстрелять по всякому поводу или без всякого повода?

Четыре с половиной сделал все, чтобы сдержать свое обещание. За две недели до окончания курса перед строем было объявлено, что Жуков отчисляется из команды «за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству». Но неожиданно Георгию помог вольноопределяющийся Скорино, брат заместителя командира того самого запасного эскадрона, где до поступления в учебную команду служил Жуков. Скорино рассказал о случившемся командиру учебной команды, указав на допущенную унтер-офицером несправедливость. Дальше события, по утверждению Жукова, развивались следующим образом: «Начальник команды приказал вызвать меня к себе. Я порядком перетрусил, так как до

этого никогда не разговаривал с офицерами (и это за год пребывания в армии! — Б.С.). „Ну, думаю, пропал! Видимо, дисциплинарного батальона не миновать“.

Начальника команды мы знали мало. Слыхали, что офицерское звание он получил за храбрость и был награжден почти полным бантом Георгиевских крестов. До войны он служил где-то в уланском полку вахмистром сверхсрочной службы. Мы его видели иногда только на вечерних поверках, говорили. Что он болеет после тяжелого ранения.

К моему удивлению, я увидел человека с мягкими и, я бы сказал, даже теплыми глазами и простодушным лицом.

— Ну что, солдат, в службе не везет? — спросил он и указал мне на стул. Я стоял и боялся присесть. — Садись, садись, не бойся!.. Ты, кажется, москвич?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил я, стараясь произнести каждое слово как можно более громко и четко.

— Я ведь тоже москвич, работал до службы в Марьиной роще, по специальности краснодеревщик. Да вот застрял на военной службе, и теперь, видимо, придется посвятить себя военному делу, — мягко сказал он.

Потом помолчал и добавил:

— Вот что, солдат, на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира «шкурой» и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие, — ответил я. — Но одно могу доложить, что всякий на моем месте вел бы себя также. — И рассказал ему правдиво все, как было.

Он внимательно выслушал и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам».

И вот счастливый финал — успешная сдача экзаменов. Правда, Георгий был несколько огорчен. Он занимался лучше всех в команде и рассчитывал, что его единственного выпустят в

звании младшего унтер-офицера и назначат на вакантную должность командира отделения в учебной команде. Но все выпускники, включая Жукова, получили лишь чин вице-унтер-офицера, т. е. только кандидата на унтер-офицерское звание.

Вся эта история — одна из немногих во всем тексте жуковских мемуаров, что вызывает мое почти абсолютное доверие. Здесь Георгий Константинович не скрывает своего страха перед возможным наказанием, а поведение командира команды выглядит вполне естественным. Ведь они с Жуковым оба — не только земляки, москвичи, но и коллеги-ремесленники в мирной жизни. Только один — краснодеревщик, а другой — скорняк. Жаль только, что и этот, судя по всему, добрый и знающий офицер, в своей команде появлялся редко, почти полностью передоверив обучение солдат унтерам вроде Четырех с половиной.

Несмотря на неприятности со взводным, учебную команду Георгий Константинович считал своей главной школой, где довелось освоить военное дело: «Оценивая теперь учебную команду старой, армии, я должен сказать, что, в общем, учили в Ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной Армии.

Что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого общения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель — чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко…

Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных, учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. Вместе с тем… за малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-

офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского устава.

Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат (что, кстати сказать, вряд ли хорошо: с одной стороны, офицер фактически самоустранялся от участия в боевой подготовке солдат, а с другой стороны, солдаты оказывались полностью во власти «кулачного права» унтеров и фельдфебелей; эта практика сохранилась и в Красной Армии. — Б. С.). Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами.

Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а, следовательно, не будет и хороших подразделений».

Бросается в глаза, с каким увлечением Георгий Константинович описывает процесс воинской учебы. Создается впечатление, что эта сторона службы его привлекала больше всего. И в Красной Армии в аттестациях неизменно подчеркивались жуковские успехи в организации и руководстве строевой и тактической подготовкой войск. Быть может, истинное призвание маршала было в том, чтобы учить солдат на младших командиров, будучи унтер-офицером учебной команды? (На преподавание в училищах и академиях, как мы увидим дальше, у него была стойкая аллергия).

С рассуждениями Жукова трудно не согласиться. Унтер-офицерский корпус царской армии был подготовлен очень неплохо, Кроме него самого, из унтер-офицеров вышли, например, такие советские маршалы как С.М. Буденный, С.М. Тимошенко, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев. Но вот что бросается в глаза. Еще до поступления в учебную команду, Жуков полгода осваивал военную премудрость в запасных частях. А став унтер-офицером, на фронт попал только год спустя после мобилизации. В Великую Отечественную войну роскоши по полгода учиться военному делу Георгий Константинович новобранцам не давал.

Бросал в бой необученное, а часто и невооруженное пополнение, чье пребывание в запасных батальонах исчислялось немногими неделями. Порой же местных жителей, мобилизованных на только что отбитой у неприятеля территории, сразу бросали в бой. Да и старшинам и сержантам по полгода учиться не давали. Из-за огромных безвозвратных потерь Красной Армии мало кто из младших командиров успевал приобрести и передать подчиненным боевой опыт. Все они погибали слишком быстро.

Порочность системы воспитания, когда исключительный упор делался на младших командиров, заключалась в том, что солдаты лишались всякой инициативы, не были приучены к самостоятельным действиям и не смели ничего сделать без разрешения. Эта черта царской армии сохранилась и в Красной Армии, хотя роль младшего комсостава претерпела существенные изменения.

В начале августа 1916 года свежеиспеченных унтеров стали рассылать по маршевым эскадронам. 15 человек отправили сразу на фронт — в 10-ю кавалерийскую дивизию. Жуков вспоминал:

«В списке этих 15 человек я стоял вторым и нисколько этому не удивился, так как хорошо знал, чьих рук это дело.

Когда читали список перед строем команды. Четыре с половиной улыбался, давая понять, что от него зависит судьба каждого из нас. Потом нас накормили праздничным обедом и приказали собираться на погрузку. Взяв свои вещевые мешки, мы пошли на место построения фронтовой команды, а через несколько часов наш эшелон отправился в сторону Харькова.

Ехали долго, останавливались чуть ли не на каждом разъезде. Навстречу шли эшелоны с ранеными. Наступление Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова, начавшееся с прорыва австрийских позиций в районе Луцка, стоило больших потерь и постепенно истощала силы русской армии».

Историк С. Г. Нелипович, изучив данные российских, германских и австрийских архивов, установил, что общее соотношение безвозвратных потерь было далеко не в пользу русских войск. В период с мая по декабрь 1916 года войска Юго-Западного фронта потеряли убитыми 201 тысячу солдат и офицеров, ранеными -1091 тысячу и пропавшими без вести (главным образом — пленными) — 153 тысячи. Австро-

венгерские войска за тот же период в операциях против Юго-Западного фронта, а также в сражении под Барановичами с войсками Западного фронта и на Румынском фронте потеряли 45 тысяч солдат и офицеров убитыми, 216,5 тысяч ранеными и около 378 тысяч пленными. Потери германских войск, действовавших против Юго-Западного фронта, достигли примерно 39 тысяч пленными и 101 тысячи убитых и раненых. Соотношение по пленным было в пользу русских войск — 2,7:1. Зато убитых в армиях Центральных держав было в 3,3 раза меньше, чем в русской армии, а раненых — в 3,6 раза меньше. К столь большим потерям привел разрозненный, по частям, ввод резервов для развития первоначального успеха под Луцком. В недостаточно подготовленных лобовых атаках русская армия достигла крайней стадии истощения. С осени 1916 года начался призыв 16-17-летних юношей, составивших основной костяк запасных частей накануне Февральской революции 1917 года.

Жукова и его товарищей определили в 10-й Новгородский драгунский полк. Когда выгружались в районе Каменец-Подольска, неприятельский самолет совершил налет на станцию. Взрывом бомбы убило одного солдата и ранило пять лошадей. Так Георгий Жуков получил боевое крещение.

Из района выгрузки пополнение походным порядком двинулось на Днестр, где в резерве Юго-Западного фронта стояла 10-я кавдивизия. К месту назначения прибыли в конце августа, уже после того, как 14/27 августа 191б года Румыния под влиянием успехов русского оружия объявила войну Германии и ее союзникам. В начале сентября 10-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в районе Быстрины, где обеспечивала стык русской 9-й армии с румынскими войсками. Местность была горно-лесистая, и кавалеристам приходилось действовать в пешем строю. Жукову, произведенному наконец в младшие унтер-офицеры, на этот раз довелось повоевать очень недолго — менее полутора месяцев. Уже в октябре во время конной разведки вблизи местечка Сас-Реген в Трансильвании на самой линии фронта он вместе с товарищами подорвался на мине. Двоих драгун тяжело ранило, а Георгия взрывной волной выбросило из седла и сильно контузило. На этом участие Жукова в боях Первой мировой войны закончилось. Очнулся он только через сутки уже в госпитале. Контузия оказалась тяжелой, и унтер-офицера эвакуировали в Харьков

Свою задачу 9-я армия так и не выполнила, не сумев

предотвратить наступление сосредоточенной в Трансильвании группировки австро-германских войск под командованием немецкого генерала Эриха фон Фалькенгайна против Румынии. 13/26 сентября войска Фалькенгайна начали атаку, а уже через месяц вышли к проходам через Трансильванские Альпы. Вскоре почти вся территория Румынии была занята австро-германскими войсками, которых на юге поддержали болгары и турки. 21 ноября (4 декабря) 1916 года пал Бухарест.

Хотя на фронте Жуков пробыл совсем немного, но успел заработать два солдатских Георгиевских креста: первый — за захват языка — немецкого офицера, второй — за контузию. Между прочим, это свидетельствует не только о смелости Георгия Константиновича, но и о том, что с эскадронным командиром у девятнадцатилетнего унтер-офицера сложились хорошие отношения. Иначе эскадронный не стал бы подписывать наградные представления. Значит, Жуков умел, когда надо, смирить гордыню и найти общий язык с начальством: думаю, что в предыдущих столкновениях Георгия с унтерами был виноват не он, а Бородавке и Четыре с половиной. Видно, до прибытия на фронт Жукову просто не везло с командирами.

Из госпиталя Георгий вышел наполовину оглохшим. Медицинская комиссия направила его в б-й маршевый эскадрон 10-го драгунского Новгородского полка при 5-м запасном кавалерийском полку в село Лагери недалеко от Балаклеи. Это был тот самый эскадрон, из которого Жуков ушел в учебную команду. Георгий был рад, что встретится со старыми товарищами. Солдатам запасного батальона война уже надоела. Фронтовики не торопились возвращаться в окопы, а многие новобранцы, особенно из крупных городов, еще до призыва успели попасть под воздействие революционных агитаторов, прежде всего большевиков, а также части меньшевиков и анархистов, призывавших быстрее покончить с войной.

Командир Лейб-гвардии Измайловского полка генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг вспоминал, каково было состояние запасных частей накануне Февральской революции: «…Чья-то невидимая, но сильная и вредная рука совершенно изъяла эти батальоны из подчинения командирам полков, бывшим в то время на фронте, и, вместо того чтобы командир полка являлся полным хозяином запасного батальона, как неотъемлемой части полка, батальоны эти и полки не имели между собой настоящей твердой связи, а являлись как бы отдельными, самостоятельными

единицами, что очень вредно отразилось в моральном отношении, в смысле понимания подчиненности, как в составе офицеров, так и нижних чинов. Только лишь недели за две до переворота (Февральской революции. — Б. С.) с большим трудом удалось добиться права для командиров полков требовать из своих запасных батальонов тех людей, которые, по их мнению, были нужны им на фронте. Состав запасного полка был несоразмерно велик и численностью был больше, чем полк военного состава (маршевый эскадрон, где служил Жуков, по численности был не меньше кавалерийского полка на фронте. — В.С.), что было полным абсурдом, и, кроме того, эта перегруженность только вредила делу и широко поощряла укрывательство от посылки на фронт, тем более что все пополнение из запасных батальонов по прибытии на фронт не ставилось сразу в строй, а для них в тылу, при обозе 2-го разряда, был особый батальон пополнения, где происходило обучение слабо и неумело подготовленных прибывших пополнений, и только месяца через два прибывших запасных распределяли по ротам на фронте (все-таки заботились в царской армии о сбережении солдатских жизней, несмотря на большие потери; Красная Армия здесь ни в какое сравнение не идет! — Б. С.). Немало запасных были из тех, что почти с первого дня войны сидели в этих батальонах и всеми правдами и неправдами старались ускользнуть от командирования на фронт, и эти-то укрывавшиеся сыграли немалую роль при перевороте 1917 года, так как для них, подпольных деятелей, привыкших действовать из-за угла трусов, посылка на фронт казалась чем-то ужасным».

Совсем не хочу утверждать, будто Жуков был трусом, отнюдь. Нам еще предстоит не раз убедиться в храбрости маршала. Но нисколько не сомневаюсь, что в его эскадроне были те, кто любыми средствами стремился окопаться здесь до конца войны, в том числе товарищи ещё по 1915 году. И Георгий смог найти с ними общий язык. Иначе не выбрали бы Жукова после Февральской революции председателем эскадронного комитета и членом полкового совета. И сам Георгий Константинович в мемуарах признался: «Несмотря на то, что я был унтер-офицером, солдаты относились ко мне с доверием и часто заводили серьезные разговоры. Конечно, тогда я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым (и ведется в интересах правящих классов) а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики и никто больше. Это в меру своих возможностей я и внушал своим солдатам, за что и был вознагражден ими».

Не знаю, действительно ли уже тогда Жуков думал о большевиках как о единственной партии, которая может принести волю, землю и счастье народу. Но вот что только большевики последовательно выступают за скорейший мир, наверное, знал. И знал настроения своих товарищей солдат, стремящихся кончить войну (для едва оперившихся юнцов унтер с двумя «Георгиями», несомненно, был большим авторитетом).

В огне революции и гражданской войны

Ранним утром 27 февраля 1917 года эскадрон, где служил Жуков, подняли по тревоге. Под командованием ротмистра фон дер Гольца двинулись к Балаклее, где стоял штаб 5-го запасного кавалерийского полка. На плацу выстроились все эскадроны. Вскоре показались демонстранты с красными флагами. От них солдаты узнали о начавшейся в Петрограде революции. На импровизированном митинге звучали лозунги: «Долой царизм! Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!» Офицеры полка были арестованы. Командование перешло к солдатскому комитету. Войскам приказали вернуться к местам постоянной дислокации. На следующий день от полкового комитета поступило распоряжение избрать делегатов в полковой совет и образовать эскадронные комитеты. Жукова избрали председателем эскадронного комитета и делегатом в полковой Совет. Георгий Константинович пользовался авторитетом у подчиненных.

Летом 1917 года эскадрон переместили на хорошо известную Жукову станцию Савинцы под Харьковом. Там и застала его Октябрьская революция или, как предпочитали говорить сами большевики еще и в 30-е годы, Октябрьский переворот. В автобиографии 1938 года Георгий Константинович отмечал:

«Участие в октябрьском перевороте выражал в том, что эскадрон под руководством комитета встал на платформу большевиков и отказался „украинизироваться“ (т. е. превращаться в украинскую национальную воинскую часть, подчиненную Центральной Раде в Киеве. — Б.С.)».

В мемуарах он написал немного подробнее:

«…В начале осени 1917 года некоторые подразделения

перешли на сторону Петлюры (т. е — Центральной Рады. — Б.С.).

Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане (естественно, не имевшие ни малейшего желания «украинизироваться». — Б. С.), был распущен по домам солдатским эскадронным комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверявшие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изъял оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам.

30 ноября 1917 года я вернулся в Москву, где власть в октябре перешла в надежные руки — в руки большевиков — рабочих, солдатских и крестьянских (? — не уверен, были ли в Москве крестьяне. — Б.С.) депутатов».

Ту же дату возвращения Жукова, 30 ноября, назвал и М.М. Пилихин. Возможно, Михаил Михайлович сам и подсказал ее двоюродному брату в период работы над «Воспоминаниями и размышлениями», потому что в более ранней автобиографии 1938 года Георгий Константинович утверждал, что «со старой армии вернулся в декабре 1917 года» (а может, дело в том, что Жуков всего лишь перевел старый стиль в новый).

О своем приходе в Красную Армию маршал вспоминал так:

«Декабрь 1917-го и январь 1918 года провел в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии. Но в начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным тифом. Свое желание сражаться в рядах Красной Армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии».

Можно было бы поверить, что Георгий Константинович пошел в Красную Армию добровольцем. Но в автобиографии 1938 года он черным по белому написал:

«В РККА — с конца сентября 1918 года по мобилизации. Службу начал в 4-м Московском полку (кавалерийском) с октября 1918 года».

В 38-м году Жуков наверняка точнее помнил события 18-года, чем в середине 60-х, когда писал мемуары. Впрочем, думаю, и на склоне лет маршал все прекрасно помнил. И неслучайно сдвинул дату своего поступления в армию с конца сентября на август, чтобы хоть немного уменьшить промежуток между болезнью и мобилизацией. Ведь пять месяцев — слишком большой срок, за который не один раз можно было осуществить «желание сражаться в рядах Красной Армии», если бы оно, действительно, существовало. Боюсь, однако, что в то время такого желания у Георгия Константиновича еще не было. От крестьянского труда он давно отвык, мечты же о собственной скорняжной мастерской при новой власти пришлось оставить. Зато Жуков неплохо знал военное дело. Можно было избрать карьеру профессионального военного. А поскольку и Калужская губерния, и Москва находились в зоне постоянного контроля красных, особого выбора, на чьей стороне сражаться, у бывшего драгунского унтер-офицера не было. Но в мае 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Народная армия эсеро-меньшевистско-го Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) заняла Поволжье. А все западные губернии оказались заняты австро-германскими войсками. Трудно было сказать, что будет с Советской властью. Вот Жуков и не торопился связывать свою судьбу с Красной Армией. Когда же его, как бывшего унтер-офицера царской армии, наконец мобилизовали, военное положение стало гораздо благоприятнее для Советов. Войска Комуча терпели поражение за поражением. Под Царицыным была разбита казачья армия поддерживаемого немцами донского атамана генерала П.Н. Краснова. Возможно, именно в этих боях погиб двоюродный брат Жукова Александр Пилихин. В отличие от Георгия, он поступил в Красную Армию добровольцем еще в феврале 1918 года, из патриотических чувств, чтобы бороться с германским нашествием. Жуков осенью 18-го, тоже сделал окончательный выбор в пользу большевиков. Придя в 1-ю Московскую кавдивизию, сразу же записался в сочувствующие Коммунистической партии (об этом он писал в автобиографии 1931 года). А уже 1 марта 1919 года был принят в полноправные члены партии ячейкой 4-го кавалерийского полка.

Этот полк формировался в Москве, в Октябрьских казармах на Ходынке. Сначала Жукову пришлось служить рядовым, но очень скоро его сделали командиром отделения — учли боевой опыт и прежнее унтер-офицерство. В марте 1919 года 4-й кавполк вместе с дивизией двинулся на восток против уральских казаков.

Жукову запомнился первый бой в мае 19-го: отчаянная рубка с казаками на подступах к станции Шипово. В июне 1-я Московская кавдивизия и 25-я стрелковая дивизия под командованием В.И. Чапаева смогли соединиться с осажденным гарнизоном Уральска. Казаки вынуждены были отступить.

С Уральского фронта 1-ю кавдивизию перебросили под Царицын, на который наступала Кавказская армия генерала барона П.Н. Врангеля. В августе, когда дивизия Жукова прибыла на фронт, город уже пал. Село Заплавное на левом берегу Волги, недалеко от места дислокации дивизии, было захвачено белыми, переправившимися через Волгу между Черным Яром и Царицыным. Красные кавалеристы втянулись в бои, которые особого ожесточения достигли в первой половине сентября, В октябре, когда под Царицыным продолжались только столкновения местного значения, Жуков, уже будучи помощником командира взвода, был ранен осколками ручной гранаты в левую ногу и левый бок. С поля боя его вынес на бурке политрук эскадрона старый большевик Антон Митрофанович Янин, тоже раненый. Дружба с ним сыграла важную роль в устройстве личной жизни Георгия Константиновича.

Янин на телеге отвез Жукова в лазарет в Саратов. Там хорошая знакомая Актона Митрофановича Полина Николаевна Волохова из Полтавы стала заботиться о нем, а ее младшая сестра — юная гимназистка Мария — о Жукове. В госпитале Жукову не повезло: еще раз заболел тифом. Целый месяц выхаживала его Мария. Между ними возникла Любовь. Внук Марии Николаевны Георгий, названный в честь деда, сообщает: «Дедушка рассказывал мне, что он уже тогда полюбил бабушку. За ее милосердие и чудесные голубые глаза… Благодаря им… появилось ее ласковое прозвище — „Незабудка“. Так Жуков познакомился с одной из первых двух своих жен. Через некоторое время читатели поймут, почему я употребляю столь сложную словесную конструкцию.

После выздоровления — Жуков получил месячный отпуск и отправился в родную деревню. А сестры Волоховы вернулись в Полтаву, Роман Георгия и Марии возобновился лишь три года спустя, уже в Минске.

В Стрелковке Жуков убедился, что народ стал жить еще хуже, чем при царе, но это не поколебало его желания служить в Красной Армии. После отпуска Георгия Константиновича

направили в запасной батальон с предписанием послать в последующем на курсы красных командиров. Тут сыграли свою роль партийность и пребывание в учебной команде.

С марта по сентябрь 1920 года Жуков учился на 1-х Рязанских кавалерийских курсах, располагавшихся на станции Старожилово в бывшем дворянском поместье. Там он сдал экстерном экзамены за 4-й класс городского училища. Требования к экзаменующимся были самые щадящие. Офицеры-военспецы, преподававшие на курсах, понимали, что четыре года войны никак не способствовали усвоению грамматических правил и десятичных дробей.

Жукова назначили Старшиной 1-го эскадрона. Пришлось заниматься хорошо знакомым делом: проводить с курсантами строевую и физическую подготовку, учить их штыковому бою, показывать, как правильно владеть пикой и шашкой. В июле слушателей Рязанских курсов перебросили в Москву и разместили в Лефортовских казармах. Жукова и его товарищей включили в состав сводной кавалерийского полка 2-й курсантской бригады, которую собирались направить для борьбы с Врангелем. Георгий Константинович вспоминал: «В Москве у меня было много родственников, друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмам к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор ее никогда больше не встречал».

Думаю, незанятость Георгия по службе стала истинной причиной размолвки. Сердце Георгия к тому времени было уже занято другой Марией — Волоховой.

В августе курсантов перебросили в Краснодар. Сводному курсантскому полку предстояло отражать высадившийся на Кубани десант генерала С.Г. Улагая, а также сражаться с партизанскими отрядами генералов Фостикова и Крыжановского. В бою под станцией Степной Жуков получил легкую контузию.

В сентябре, когда десант Улагая вынужден был эвакуироваться в Крым, в Армавире состоялся досрочный выпуск

части курсантов. Жуков получил назначение в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду здесь же, на Кубани. Оставшиеся курсанты в составе сводного полка были брошены на преследование разрозненных белых отрядов, отошедших в Кавказские горы. В Дагестане полк попал в засаду и был почти полностью уничтожен. Можно сказать, что Жукову повезло. Останься он с полком, вряд ли бы избежал смерти.

В 14-й бригаде Жуков стал командиром взвода одного из эскадронов 1-го кавалерийского полка. Командир эскадрона Вишневский симпатий у него не вызывал. Георгию казалось, что тот мало интересуется эскадронными делами. Однако не слишком хорошие отношения с комэском не помешали продвижению по службе. Вскоре после одного из успешных боев против небольшого отряда белых Жукова назначили командиром 2-го эскадрона. Вероятно, сыграла роль рекомендация его старого друга Янина, который был в этом эскадроне политруком. В конце 1920 года бригаду перебросили в Воронежскую губернию для борьбы с крестьянским восстанием под руководством Колесникова. Потерпев ряд поражений в боях с регулярными войсками, колесниковцы вынуждены были отступить в Тамбовскую губернию на соединение с повстанческой армией А.С. Антонова. Туда же двинулась и 14-я кавбригада.

В Воронежской губернии в последние месяцы 1920 года Жуков познакомился с одной из двух своих первых жен — Александрой Диевной Зуйковой. Дочь Георгия Константиновича от Марии Волоховой Маргарита со слов матери рассказывала:

«В то время в Воронежской области Янин и Жуков служили в одном эскадроне. И однажды ночь застала их в доме священника. На печке отец заметил испуганную девушку и спросил ее:

— Ты кто?

— Я поповна, — ответила та. Янин и Жуков расхохотались, а Жуков спросил девушку:

— Грамотная ли ты?

— Да.

— Пойдешь писарем в, эскадрон?

— Пойду.

— Жалко девку, — сказал отец Янину. — Все равно убьют, война ведь. Пусть лучше будет у нас писарем в эскадроне. — И приказал Александру Диевну оформить. Так она оказалась в эскадроне, которым командовал Георгий Константинович. А он в молодости был лихой красавец кавалерист. И Александра Диевна, возможно, влюбилась в него, считая своим благодетелем и покровителем».

Ну, насчет поповны тут несомненная ошибка, вызванная тем, что первая встреча Александры и Георгия, действительно, произошла в доме священника, с которым Зуйкова на самом деле могла находиться в каком-то родстве. По воспоминаниям старшей дочери Жукова от брака с Зуйковой Эры, мать была учительницей. Отец Александры Диевны, Дий Алексеевич, служил агентом по продаже швейных машинок фирмы «Зингер», а ее мать, Анна Максимовна, родилась в городе Липецке Тамбовской губернии и происходила из обедневшей крестьянской семьи. В автобиографии 1938 года, дабы сделать происхождение тестя несколько более «пролетарским», Георгий Константинович написал, что отец жены «ремонтировал по деревням „зингеровские машины“. Кстати говоря, торговому агенту наверняка приходилось при случае самому ремонтировать продукцию фирмы.

А вот обстоятельства знакомства Жукова с Зуйковой, похоже действительно были весьма драматичны. Старшая дочь Александры Диевны Эра со слов матери рассказывала о них следующим образом: «Это случилось в 20-м году в Воронежской губернии, где мама родилась (здесь дочь, считавшая мать уроженкой станции Анна Воронежской губернии, скорее всего, ошиблась — в автобиографии 1938 года Жуков написал, что Александра Диевна была уроженкой села Елань-Козловка „бывшей Тамбовской губернии“; вероятно, в Анну Зуйковы переехали позднее. — Б.С.), а отец воевал с бандами Антонова (на самом деле — Колесникова. — Б.С.)… Однажды нашу маму стали преследовать несколько красноармейцев, и отец ее защитил. Понравились они друг другу с первого взгляда и больше уже не расставались». Насчет «не расставались» тут явное преувеличение. Как мы увидим дальше, Георгий Константинович не раз покидал Александру Диевну, затем возвращался и снова уходил, Георгий Константинович вспоминал, что в столкновениях с восставшими тамбовскими крестьянами не раз оказывался на

волосок от смерти: «В боях антоновцы сражались довольно упорно, так как вначале на их стороне был количественный перевес (зато на стороне красноармейцев был подавляющий перевес в вооружении и особенно в количестве боеприпасов. — Б. С.). У нас с ними было немало трудных боев. Особенно запомнился мне бой весной 1921 года под селом Вязовая Почта, недалеко от станции Жердевка. Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10–15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4–5 километрах, двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадроном при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, мы столкнулись с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обреза убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы немедленно зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночевка (значит, Янин к тому времени уже не служил в жуковском эскадроне. — Б.С.). Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против нее огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Вскоре наш полк двинулся вперед и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходившим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя. Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьегард полка.

Бой был для нас крайне тяжелым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Спасло то, что при эскадроне было четыре пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника и медленно, шаг за шагом, с боем отходил назад. Но и наши ряды редели…

Предполагавшаяся контратаки полка не состоялась: не выдержал весенний лед на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить в тяжелой обстановке до Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемет, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за этот день была убита лошадь. Я оказался в трудном положении. Выхватив револьвер, стал отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночевка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Горшковым и Ковалевым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли…». Надо полагать, что антоновцы, принимая во внимание неравенство в вооружении, понесли еще большие потери.

За этот бой большинство бойцов и командиров было отмечено наградами — от именных часов и кожаных тужурок до именного оружия и ордена Красного Знамени. Этот первый советский орден Жуков получил приказом Реввоенсовета от 31 августа 1922 года. Там говорилось: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 года, несмотря на атаки противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

«Разбил» — звучит не совсем верно. Сам ведь Жуков признает, что задуманная контратака полка не удалась из-за непрочности льда на реке, и, следовательно, основной массе антоновцев удалось благополучно уйти. Да и численность противника, как водится в победных реляциях, наверняка сильно преувеличена. Вряд ли на самом деле антоновцев было в 10 или

15 раз больше, чем жуковских конников. Однако не приходится сомневаться, что молодой комэск в бою под Вязовой Почтой умело руководил действиями подчиненных и с честью вывел эскадрон из сложной ситуации. Георгию Константиновичу было чем гордиться. Недаром в мемуарах он так подробно описал этот бой.

И писателю Константийу Симонову Жуков много рассказывал о том, как сражался с тамбовскими крестьянами: «Мы считаем, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же рядом снова появлялись. Серьезность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков, и в их числе унтер-офицеров (к последним Георгий Константинович питал явную слабость. — Б.С.). И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боев наша бригада была потрепана, антоновцы изрядно насыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулеметов, которыми мы прикрылись, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрылись ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадроном, я увидел, что они повернули мне навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперед, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперед всего эскадрона. Сначала все шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования я заметил, как мне показалось, кто-то из их командиров по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня… Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и, вместо того чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил ее и прямо с ходу, без размаха, вынеся шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться: у меня шашка еще была занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес ее из ножен и на этом же развороте ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок и выбил меня

этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскивали мертвого, посмотрели его документы, письмо, которое он не дописал какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом еще полмесяца болела грудь от его удара».

Что ж, достойному противнику Георгий Константинович готов был отдать должное. А когда вспоминал сабельные схватки времен своей молодости, чувствуется, воодушевлялся, молодел душой. Но не хотел маршал вспоминать о другом, позорном, в чем ему вместе с эскадроном наверняка приходилось участвовать. Вот приказ командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского № 130 от 12 мая 1921 года, дополненный «Правилами о взятии заложников». Он гласил: «…Семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае же неявки бандита в течение двух недель семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоентрибунала как соучастники измены трудовому народу».

Командующий, также требовал от подчиненных: «Никогда не делать невыполнимых угроз. Раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца».

Тамбовские крестьяне старались не давать красным, никаких сведений о местонахождении повстанцев, их семей и имущества и даже отказывались называть свои фамилии, чтобы нельзя было по спискам жителей той или иной деревни вычислить скрывающихся антоновцев. Поэтому председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко и Тухачевский 11 июня издали еще более грозный приказ № 171, гласивший:

«Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда… В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье… Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов,

рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда». Приказ требовалось осуществлять «сурово и беспощадно».

Никогда не поверю, что Жукову со своим эскадроном удалось увильнуть от исполнения этих драконовских приказов. Не такой был человек Тухачевский, чтобы позволять подчиненным ему командирам сачковать. И не видать бы Жукову ордена Красного Знамени как своих ушей, если бы проявил слабину и выполнял приказы о репрессиях без надлежащего энтузиазма. Наверняка действовал «сурово и беспощадно», «до жестокости», так же, как и на Халхин-Голе, и в Великую Отечественную войну. И заложников расстреливал, и старшего работника в семье к стенке ставил, и избы бежавших приказывал жечь. А об авторе преступных приказов Жуков в мемуарах отозвался очень тепло: «О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец.

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где воевал, каково настроение в частях. Перед отъездом он сказал:

«Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды. На вас возложена ответственная задача. Надо все сделать, чтобы выполнить ее как можно быстрее и лучше»…

С назначением М.Н. Тухачевского и В.А Антонова-Овсеенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану». В чем именно заключался этот план, наш герой благоразумно не уточняет — иначе пришлось бы рассказывать о расстрелах заложников, о депортации семей повстанцев, о сожженных деревнях. Зато в другом месте жуковских мемуаров мы находим настоящий панегирик тому, кто приказал травить ядовитыми газами беззащитное тамбовское население: «В М.Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии». Видно, Жуков ощущал какое-то духовное родство с Тухачевским, родство не только в приверженности армейской дисциплине, но и в стремлении всегда добиваться выполнения поставленной задачи, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Хотя, конечно, тогда на Тамбовщине Георгий Константинович не мог

знать, что ему суждено будет сыграть во Второй мировой ту роль, для которой первоначально предназначался Тухачевский.

В «Воспоминаниях и размышлениях» о последних операциях по подавлению тамбовского восстания говорится буквально одним предложением. «В конце лета 1921 года проводилась окончательная ликвидация мелких банд, разбежавшихся по Тамбовщине». Далее Жуков рассказывает, как с эскадроном гонялся за «бандой» некоего Зверева численностью в 150 сабель, атаковал ее и разгромил, но атаману с несколькими соратниками все-таки удалось скрыться. Конечно, в подцензурной рукописи Жуков в любом случае не мог нарисовать правдивой картины, как именно ликвидировали «мелкие банды» и сколько при этом пострадало заложников из «бандитских» семей.

Но, может быть, в конце жизни познавший горечь опалы маршал раскаивался в том, что творил в 21-м году в нищей Тамбовской губернии, доведенной продразверсткой до последней крайности. К сожалению, следов подобного раскаянья нет ни в мемуарах, ни в письмах, ни в воспоминаниях тех, кто близко знал Жукова, даже если воспоминания появились на свет в те годы, когда антоновщина уже не рассматривалась как «эсеро-кулацкий мятеж». Скорее всего, Георгий Константинович и на смертном одре был убежден, что действовал правильно, уничтожая если не «бандитов», то их «пособников», и нисколько не задумывался над тем, что к «пособникам» можно было отнести едва ли не всех крестьян Тамбовской губернии.

Так или иначе, но получилось, что свой основной боевой опыт Жуков приобрел при подавлении крестьянских восстаний. В Первой мировой войне он пробыл на фронте чуть больше месяца. В гражданской войне против регулярных белых армий сражался не более трех месяцев. А против повстанцев Колесникова и Антонова воевал почти год, причем, уже занимая довольно значительную должность — командовал эскадроном. И своей первой советской награды был удостоен за войну против восставших крестьян, которая с большой войной будущего ничего общего не имела. Ведь сам Жуков признавал, что «у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжелой артиллерии, не хватало снарядов, бывали перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боев». Было ясно, что воина с любой из европейских или азиатских держав будет совсем иной.

Мирные будни: От командира эскадрона до заместителя командующего округом

До декабря 1922 года на Западном фронте Жуков продолжал командовать эскадроном 1-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской бригады, а затем перешел на ту же должность во 2-й эскадрон 38-го кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, располагавшейся в районе Минска. В марте 1923 года его повысили до помощника командира 40-го кавполка той же дивизии. Это произошло после того, как эскадрон по боевой и строевой подготовке занял первое место. Командующий войсками Западного фронта Тухачевский издал приказ, где Жукову объявлялась благодарность. Старшина жуковского эскадрона Александр Кроник вспоминал: «Раз в неделю комэск проводил строевые занятия с младшими командирами. Расставлял на плацу семь-восемь станков с воткнутой лозой, на самом высоком станке — горку из мокрой глины. Выстраивал нас в одну шеренгу. На левом фланге пристраивал трубача, ковочного кузнеца, ветеринарного фельдшера и лекарского помощника — лекпома, которого бойцы звали „лепком“, и при этом приговаривал: „Раз шашку носишь — умей владеть ею!“ Быстро напоминал на словах, в чем суть упражнения, потом говорил: „Делай, как я!“ — и в галоп. Промчится — все цели поражены! „Вот так рубит!“ — покачивали головами сверхсрочники, среди которых были отменные рубаки. А комэск подъедет к нам и скомандует: „Справа по одному на открытую дистанцию на рубку лозы галопом — марш!“…

И так же отменно владел он приемами штыкового боя. Винтовка в его руках казалась легонькой, как перо. Преодолевал он проволочные заграждения с удивительной легкостью и быстротой; удары прикладом и уколы штыком наносил неожиданные, сильные и меткие».

Кроник также рассказал об одном интересном случае:

«С новым пополнением пришел в эскадрон тихий, неказистый крестьянский парнишка. Забитый, испуганный, он был самым плохим бойцом я эскадроне. Ничего у него не получалось, даже собственного коня он побаивался, а конь, завидев своего седока, скалил зубы и не подпускал бойца к себе. Комэск знал всех бойцов эскадрона, в особенности слабых. Как-то, имея в виду

незадачливого молодого красноармейца, комэск сказал: „Его, старшина, надо по-суворовски учить“.

«Как это „по-суворовски“?» — думал я, не совсем себе представляя, как можно вообще научить этого парня, который весь словно состоял из каких-то страхов и опасений…

Комэск пояснил: «Суворов говорил: боится солдат ночью вдвоем в караул идти — пошли его одного! Надо человека наедине с собственным страхом оставить, тогда он страх преодолеет». И добавил: «Метод суровый, но так личность воспитывается».

Вскоре я увидел, что командир завел с этим пареньком разговор. Жуков редко делал то, что, как он считал, должны были делать младшие командиры. Он постоянно бывал в кругу бойцов, знал все, что происходит в эскадроне, но действовал чаще всего через своих помощников. Заметив комэска рядом с бойцом, я подошел поближе и услышал спокойный голос командира: «Коня не бойся. Боевой конь — твой первый друг. Без коня никакой ты не боец… Что надо сделать, чтобы конь тебя любил? Относиться к нему с доверием, а не со страхом. И с лаской — конь ласку любит. Дай ему хлеба, иногда сахарку…».

Легко сказать — сахарку! На каждого бойца в день выдавалось по два или три маленьких кусочка сахару… Где он этот сахар возьмет? Да и с хлебом в те времена не густо было…

А комэск, будто прочитав мои мысли, отвел меня в сторону и негромко сказал: «Старшина, скажи каптеру, пусть даст этому бойцу немного сахара». Достал я сахар… И еще раза два видел я, как о чем-то разговаривал комэск с этим красноармейцем — так, вроде бы невзначай, подойдет, несколько слов скажет, а парнишка после этого даже как будто выше ростом становился, плечи распрямлял… Вот тебе, думал я, и суровая суворовская школа! И не так уж много времени прошло — парня словно подменили: хороший стал боец, ловкий, старательный».

Здесь мы найдем многие черты мифа: добрый волшебник Жуков делает из гадкого утенка прекрасного лебедя. Однако некоторые реалистические детали, вроде лишней порции сахара, что выдавали бойцу для коня, говорят: так могло быть. Наверное, в начале своей военной карьеры Георгий Константинович действительно находил человечный подход к своим

подчиненным, являлся заботливым воспитателем. И старшина Коник свидетельствует, что Жуков тогда «люто ненавидел любое проявление пренебрежительного отношения к младшим чинам. Издевательств над людьми не терпел и был чрезвычайно суров с теми, кто был в этом повинен. Во многом благодаря комэску, в эскадроне сложились прекрасные отношения товарищества между бойцами и командирами. И это способствовало укреплению разумной дисциплины и исполнительности. У нас был дружный эскадрон, хотя комэск был строг».

В июле 1923 года Жуков стал командиром 39-го кавполка (комиссарил в полку его давний друг Янин). Осенью того же года за успешные действия на окружных учениях в районе Орши его полк и дивизия в целом удостоились еще одной похвалы Тухачевского — «за форсированный марш-бросок и за стремительную атаку», инициатором которой стал Жуков. После учений вернулись в Минск. Там получилось так, что отведенные 39-му кавполку казармы оказались заняты частями 4-й стрелковой дивизии, не успевшей еще передислоцироваться в Слуцк. Пришлось временно разместиться на частных квартирах. А тут начались дожди, но конюшен не было. 7-я Самарская дивизия могла остаться без лошадей. Пришлось, подобно героям романа Николая Островского «Как закалялась сталь», день и ночь не покладая рук трудиться над возведением конюшен, ремонтом казарм и складов. «Собрали коммунистов, — рассказывал Жуков, — а затем и весь полк, разъяснили создавшееся положение. Вспоминая те далекие и нелегкие годы, хочется отметить, что люди были готовы на любое самопожертвование, на любые лишения во имя лучшего будущего. Конечно, были и отдельные нытики, но их сразу же ставила на место красноармейская общественность. Какая это большая сила — здоровый армейский коллектив! Там, где действует энергичный общественный актив, там всегда будет настоящая коллективная дружба. А в ней залог творческого энтузиазма и успехов в боевой готовности части.

В конце ноября, когда уже выпал снег, нам удалось перебраться в казармы, а лошадей разместить в конюшнях. Конечно, предстояло провести еще большую работу по благоустройству, но главное уже было сделано».

Давно замечено, что необходимость в героизме возникает как следствие предшествующего разгильдяйства. Что, спрашивается, мешало заранее позаботиться о конюшнях и казармах, если

гражданская война уже кончилась, а армия не только не увеличивалась, но стремительно сокращалась — с 5,5 миллиона человек в 1920 году до 562 тысяч человек в 1924 году. Похоже, Жуков, как и миллионы рабочих и крестьян, тогда искренне верил, что светлое будущее не за горами, а претерпевший лишения до конца найдет спасение в земном коммунистическом рае.

Став командиром полка, будущий маршал усиленно занялся образованием. В «Воспоминаниях и размышлениях» об этом сказано так: «…Тогда, в 26 лет командуя кавалерийским полком, что я имел в своем жизненном багаже? В старой царской армии окончил унтер-офицерскую учебную команду, в Красной Армии — кавалерийские курсы красных командиров. Вот и все. Правда, после окончания гражданской войны усиленно изучал уставы, наставления и всевозможную военную литературу, особенно книги по вопросам тактики».

Увереннее всего Жуков ощущал себя в сфере боевой подготовки: «В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время первой мировой войны. Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний».

Вскоре, однако, молодому командиру полка представилась возможность более, основательно познакомиться с военной наукой. В конце июля 1924 года его вызвал командир дивизии Г.Д. Гай. Спросил, что делает для совершенствования своих военных, знаний. Жуков позднее вспоминал: «Я ответил, что много читаю и занимаюсь разбором операций первой мировой войны. Много материалов готовил к занятиям, которые проводил с командным составом полка.

— Это все хорошо и похвально, — сказал Г.Д. Гай, — но этого сейчас мало. Военное дело не стоит на месте. Нашим военачальникам в изучении военных проблем нужна более

капитальная учеба. Я думаю, вам следует поехать осенью в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград. Это весьма полезно для вашей будущей деятельности.

Я поблагодарил и сказал, что постараюсь приложить все усилия, чтобы оправдать доверие.

Возвратившись в полк, не теряя времени, сел за учебники, уставы и наставления и начал готовиться к вступительным экзаменам».

Оставим пока нашего героя корпеть над книгами и попробуем понять, в чем разгадка его довольно стремительной карьеры. Не имея серьезного военного образования, Жуков за полтора года, прошедших с окончания гражданской войны, вырос от командира эскадрона до командира полка. А теперь вот еще направляется командованием на учебу с явным прицелом на последующее повышение. В чем тут дело? Ответ прост. Сразу после окончания гражданской войны из Красной Армии в ускоренном порядке стали увольнять бывших царских офицеров. Их заменили «благонадежные» командиры из рабочих и беднейших крестьян. А уж если человек с подходящим социальным происхождением был коммунистом, да еще и унтер-офицером, окончившим учебную команду и имевшим опыт командования эскадроном в гражданской войне, то ему открывался «зеленый свет» для продвижения по службе. Жуков попал в этот восходящий поток. Но, конечно, сыграли большую роль и личные качества Георгия Константиновича. Эскадроном и полком он командовал хорошо, отношения с комдивом Г.Д. Гаем сложились довольно теплые, да и командующий Западным округом М.Н. Тухачевский заметил молодого комполка (который был всего на три года младше самого Михаила Николаевича) и не раз выделял его в приказах.

В Минске получили развитие романы Георгия с Александрой Зуйковой и Марией Волоховой. Старшая дочь Александры Диевны Эра вспоминала: «Мама стала за отцом всюду ездить. Часами тряслась в развалленных бричках, тачанках, жила в нетопленых избах. Перешивала себе гимнастерки на юбки, красноармейские бязевые сорочки — на белье, плела из веревок „босоножки“… Из-за этих кочевок она и потеряла первого своего ребенка, как говорили — мальчика. Больше ей рожать не советовали — хрупкое здоровье». Младшая дочь Зуйковой Элла утверждает, что в первый раз ее мать с Жуковым «расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и

вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе». Замечу, что никаких документальных подтверждений регистрации брака в 1922 году так и не было найдено. Скорее всего, здесь перед нами легенда, придуманная Александрой Диевной, чтобы доказать: законная жена — она, а с Марией Николаевной у Жукова была всего лишь мимолетная связь. Но внук Жукова Георгий — сын дочери Волоховой Маргариты — со слов дедушки и бабушки относит возобновление знакомства Георгия Константиновича и Марии Николаевны как раз к 1922 году: «Тогда в Полтаве умерли родители Марии, и она переехала в Минск к старшей сестре Полине, которая к тому времени уже стала женой Антона Митрофановича Янина. Дома Жукова и Янина стояли рядом, и два друга — командир и комиссар полка, — были практически неразлучны. А в 26-м году у Полины и Антона Митрофановича рождается сын Владимир. И Георгий Константинович с Марией становятся крестными. Дедушка был в восторге от малыша и все время говорил о том, что самая большая его мечта — иметь сына… Дедушка всегда утверждал, что Александра Диевна не в состоянии иметь детей. Это… тоже послужило причиной его к ней охлаждения… Дедушка-холостяк практически жил у Яниных, состоял в гражданском браке с Марией и неоднократно просил ее выйти за него замуж. Но Мария Николаевна была активная комсомолка и регистрировать брак считала пережитком прошлого. Да и по закону до 44-го года регистрация браков в загсах не требовалась».

Тут, думается, в рассказ жуковского внука вкралась какая-то ошибка. Воля ваша, но не может «активная комсомолка», которая даже регистрацию брака считает «пережитком прошлого», участвовать в обряде крещения, пусть даже вместе с любимым человеком. Да и комиссара полка за крещение ребенка по головке бы не погладили, а, вероятно, исключили бы из партии и заодно уволили из армии. Мне кажется, что, скорее всего, это были не крестины, а как раз входившие в ту пору в моду «октябрины» — коммунистическая альтернатива обряду крещения. Вот «октябритъ» янинского ребенка Жуков с Марией вполне могли.

Дочь Жукова и Марии Волоховой Маргарита Георгиевна же вообще отрицает, что в первой половине 20-х в Белоруссии Жуков поддерживал постоянную связь с Зуйковой: «В Минске Георгий Константинович жил без Александры Диевны. У них никогда ничего совместного не было. И все ее приезды к отцу были для отца неожиданными. Он не хотел с ней жить, неоднократно повторял, что не любит. Александра Диевна, видимо, страдала —

пыталась вселиться в дом Жукова, и когда ей это удавалось, отцу ничего не оставалось, как уходить к Яниным и там скрываться; Чтобы избавиться от Александры Диевны, которая все терпела, отец много раз покупал ей билет на поезд домой в Воронежскую губернию, ботики и другие подарки, лично сажал ее на поезд и просил больше не возвращаться. Она покорно уезжала, но затем писала, что жить без него не может, что уже сообщила всем родственникам, что у нее есть муж, и вновь возвращалась в Минск».

Кому из дочерей маршала прикажете верить — Эре и Элле или Маргарите? Думаю, что все они и правы и не правы одновременно. Каждая из двух первых жен Жукова, Александра Диевна и Мария Николаевна, от которых дочери и получили информацию, выстраивала наиболее благоприятную для себя версию взаимоотношений с первым мужем, представляя соперницу не в лучшем свете. Я полагаю, что Георгий Константинович попеременно жил то с Волоховой, то с Зуйковой, мучительно разрывался между двумя любившими его женщинами и никак не мог решить, к кому из них испытывает более сильное чувство. Похоже, что Маргарита права, когда утверждает, что Александра Дмитриевна бывала у Жукова лишь наездами, большую часть времени проводя у родителей в Воронежской губернии. Ведь в автобиографии 1938 года Георгий Константинович отметил, что его тогдашняя жена Зуйкова «в 1918–1919 гг. была сельской учительницей, в 1920 году поступила в РККА и служила в штабе 1-го кавалерийского полка 14-й Отдельной кавалерийской бригады до 1922 года». Значит, позднее Александра Диевна в Красной Армии ни на каких должностях: писарем или кем-то еще — не служила. Возможно, вернулась в Воронежскую губернию. Не исключено, что в Ленинградское училище Жуков так стремился не только для приобретения столь необходимых военных знаний, но и в попытке вырваться из запутанного любовного треугольника, сложившегося в Минске.

Вот что вспоминает Георгий Константинович о своем поступлении в кавшколу: «Экзамены оказались легкими, скорее, даже формальными (конечно, формальными, раз слушателей уже отобрали командиры и комиссары дивизий и командующие и Военные Советы соответствующих военных округов; принять все равно надо было всех. — Б. С.). Нас, прибывших слушателей, разбили по отделениям, преследуя цель сделать группы более однородными по уровню своей подготовки. Я был зачислен в

первую группу». В одной группе с Жуковым оказался, в частности, командир кавполка из Забайкальского округа Константин Константинович Рокоссовский. А в другие группы того же отделения одновременно с ним были зачислены будущие Маршалы Советского Союза Андрей Иванович Еременко и Иван Христофорович Баграмян, а также командир эскадрона 37-го Астраханского полка той же 7-й Самарской кавдивизии Павел Семенович Рыбалко, ставший впоследствии маршалом бронетанковых войск. С ними еще не раз пересекались пути Жукова в дни войны и мира.

Учеба, вместо первоначально запланированных двух лет, продолжалась только год, поскольку вскоре после начала занятий Ленинградская Высшая кавшкола была преобразована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава конницы РККА со смешной аббревиатурой ККУКС и сокращенным сроком обучения. Программа была напряженной, приходилось много заниматься не только на курсах, но и дома. Жуков вспоминал: «В осенне-зимнее время занятия велись главным образом по освоению теории военного дела и политической подготовке. Нередко проводились теоретические занятия на ящике с песком и упражнения на планах и картах. Много занимались конным делом, ездой и выездкой, которые в то время командирам частей нужно было знать в совершенстве. Уделяли большое внимание фехтованию на саблях и эспадронах, но это уже в порядке самодеятельности, за счет личного времени». Во время обучения на ККУКС Жуков подготовил доклад «Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства». Как признался Георгий Константинович в мемуарах, он просто не знал, как подступиться к порученной теме, «с чего начать и чем закончить». Маршал отметил, что в подготовке доклада ему помогли «товарищи из нашей партийной организации». Помогли настолько успешно, что этот продукт коллективного творчества был даже Напечатан в бюллетене ККУКС. Подружившийся с Жуковым Рокоссовский впоследствии писал в мемуарах: «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего». Позднее Константину Константиновичу пришлось убедиться, что его друг ради дела не щадит не только себя, но и своих подчиненных, причем подчас без видимой нужды.

Лето 1925 года почти целиком посвятили тактическим занятиям в поле. Эти занятия завершились форсированным

маршем к реке Волхов, через которую переправились вплавь в конном строю. Плыть в одежде да еще управлять плывущим конем и не замочить при этом огнестрельное оружие — было непростой задачей, но слушатели с ней успешно справились.

Вместе с Михаилом Савельевым и Павлом Рыбалко Георгий Константинович сразу после окончания курсов решил возвращаться к месту службы (у всех троих части располагались в Минске) не поездом, а верхом на лошадях. Конный пробег Ленинград-Минск — это 963 километра по полевым дорогам. Друзья затратили на него семь суток — мировой рекорд по дальности и скорости для групповых конных пробегов. В дороге кобыла Дира у Жукова захромала, но он сумел не отстать от товарищей, шедших на здоровых конях. Залил воском трещину в копыте и забинтовал Некоторое время вел лошадь в поводу. И она перестала хромать. Но все равно Жукову чаще приходилось спешиваться, чтобы дать Дире отдых. Так что уставал он больше, чем Савельев и Рыбалко, которые поэтому на стоянках брали на себя добычу корма и уход за лошадьми.

На окраине Минска троицу встретил комиссар 7-й кавдивизии Григорий Михайлович Штерн, с которым Жукову предстояло встретиться еще раз в 39-м на Халхин-Голе. Штерн предупредил, что последние два километра надо непременно проскакать полевым галопом, дабы доказать вышедшим встречать конников горожанам, что у участников пробега «есть еще порох в пороховницах». Жуков с товарищами дали шпоры уставшим коням и галопом подскакали к трибуне, где бодро отрапортовали начальнику гарнизона и председателю горсовета об успешном завершении пробега. Толпа встретила Жукова, Рыбалко и Савельева овацией. За время пробега лошади потеряли от 8 до 12, а всадники — от 5 до б килограммов веса.

Получив денежную премию Совнаркома и благодарность командования, Георгий Константинович отправился в положенный после окончания курсов краткосрочный отпуск. Визит в родную Стрелковщину оставил тяжелое чувство. «Мать за годы моего отсутствия заметно сдала, — вспоминал маршал, — но по-прежнему много трудилась. У сестры уже было двое детей, она тоже состарилась. Видимо, на них тяжело отразились послевоенные годы и голод 1921–1922 годов.

С малышами-племянниками у меня быстро установился контакт. Они, не стесняясь, открывали мой чемодан и извлекали

из него все, что было им по душе.

Деревня была бедна, народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не осталось. Но что удивительно, за редким исключением, никто не жаловался. Народ правильно понимал послевоенные трудности.

Кулаки и торговцы держались замкнуто. Видимо, еще надеялись на возврат прошлых времен, особенно после провозглашения новой экономической политики В районном центре — Угодском Заводе — вновь открылись трактиры и частные магазины, с которыми пыталась конкурировать начинающая кооперативная система».

Чувствуется, что к нэпу Жуков особых симпатий не питал. Все равно его бедная родня почти ничего не могла купить во вновь появившихся на селе частных магазинах. Правда, теперь хоть в деревне не голодали, но, как кажется, голод начала 20-х годов Георгий Константинович, не расходясь здесь с советской пропагандой, считал всецело последствием гражданской войны и разрухи, а отнюдь не политики военного коммунизма.

Георгий Константинович помог матери и сестре построить новый дом — дал денег и достал леса. Когда позднее, в 1936 году, этот дом сгорел, Жуков снова помог родным отстроиться и даже на время взял к себе старшую дочь сестры Анну. И это несмотря на то, что с Марией и ее мужем Федором Фокиным у него по какой-то причине отношения не сложились, и брат с сестрой виделись редко и почти не переписывались.

По возвращении в 7-ю Самарскую кавалерийскую имени английского пролетариата дивизию Жуков был назначен командиром 39-го кавполка, но это был уже новый полк, а не хорошо знакомый Бузулукский. Дело в том, что дивизия теперь состояла из четырех полков вместо прежних шести, и новый 39-й Мелекесско-Пугачевский полк был сформирован из прежних — 41-го и 42-го полков. Зимой 1926 года Жуков первым в дивизии стал командиром-единоначальником. Командир-единоначальник обязательно должен был быть коммунистом. При нем, в отличие от беспартийных командиров, не было комиссара, а имелся только помощник по политической части. Жуков нес всю ответственность как за боевую подготовку, так и за партийно-политическую работу в полку.

Начальником штаба полка у Жукова стал Василий Дмитриевич Соколовский, будущий маршал. С ним потом Георгий Константинович вместе работал в Генштабе перед войной, а во время Великой Отечественной войны — на Западном и 1-м Белорусском фронтах.

Весной 1927 года Георгий Константинович впервые встретился с Семеном Михайловичем Буденным, в ту пору — инспектором кавалерии РККА. Жукова предупредили, что к нему направляется Буденный вместе с Семеном Константиновичем Тимошенко, командовавшим 3-м кавкорпусом (в него входила 7-я Самарская дивизия). Дальнейшее в описании Георгия Константиновича выглядело так: «Собираю своих ближайших помощников: заместителя по политчасти Фролкова, секретаря партбюро полка А.В. Щелаковского, завхоза полка А.Г. Малышева. Выходим вместе к подъезду и ждем. Минут через пять в ворота въезжают две машины. Из первой выходят Буденный и Тимошенко. Как положено по уставу, я рапортую и представляю своих помощников (непонятно только, куда делся начштаба Соколовский? — Б.С.). Буденный сухо здоровается со всеми, а затем, повернувшись к Тимошенко, говорит: „Это что-то не то“. Тимошенко ответил: „Не то, не то, Семен Михайлович. Нет культуры“. Я несколько был обескуражен и не знал, как понимать этот диалог между Буденным и Тимошенко, и чувствовал, что допустил какой-то промах, что-то недоучел при организации встречи. Обращаюсь к Буденному:

— Какие будут указания?

— А что вы предлагаете? — спрашивает в свою очередь Семен Михайлович.

— Желательно, чтобы вы посмотрели, как живут и работают наши бойцы и командиры.

— Хорошо, но прежде хочу посмотреть, как кормите солдат. В столовой и кухне Семен Михайлович подробно интересовался качеством продуктов, их обработкой и приготовлением, сделал запись в книге столовой, объявив благодарность поварам и начальнику продовольственной службы полка. Затем, проверив ход боевой подготовки, Семен Михайлович сказал:

— Ну, а теперь покажите нам лошадей полка. Даю сигнал полку на «выводку». Через десять минут эскадроны построились,

и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная.

Просмотрев конский состав, Семен Михайлович поблагодарил красноармейцев за отличное содержание лошадей, сел в машину и сказал:

— Поедем, Семен Константинович, к своим в Чонгарскую, — и уехал в 6-ю Чонгарскую дивизию.

Когда машины ушли, мы молча смотрели друг на друга, а затем секретарь партбюро полка Щелаковский сказал:

— А что же мы — чужие, что ли? Фролков добавил:

— Выходит, так.

Через полчаса в полк приехал комдив Д.А. Шмидт. Я ему с исчерпывающей полнотой доложил все, что было при посещении С.М. Буденного. Комдив, улыбнувшись, сказал:

— Надо было построить полк для встречи, сыграть встречный марш и громко кричать «ура», а вы встретили строго по уставу. Вот вам и реакция.

Замполит полка Фролков сказал:

— Выходит, что не живи по уставу, а живи так, как приятно начальству. Непонятно, для чего и для кого пишутся и издаются наши воинские уставы».

Некоторые неточности в рассказе Жукова бросаются в глаза. Например, я никогда не поверю, что Георгий Константинович мог разговаривать с лицом, стоящим неизмеримо выше него по должности чуть ли не в повелительном тоне: «Желательно, чтобы вы посмотрели…». Скорее уж: «Не могли бы вы посмотреть…». Но в целом история выглядит правдоподобной. Жуков мог не знать, как именно надо встречать Буденного, а начальство понадеялось, что сам сообразит, и не объяснило, что следует устроить торжественный смотр, не то обидишь высокого гостя.

Любопытно, что этот неудачный прием высокого начальства, возможно, позднее сослужил Жукову хорошую службу. Наверняка, практически, во всех полках Буденного принимали именно так,

как говорил комдив Шмидт, с торжественным построением, с музыкой, с криками «ура». Георгий Константинович должен был запомниться Семену Михайловичу как едва ли не единственный командир полка, действовавший строго по уставу. А поскольку в жуковском полку никаких недостатков не было обнаружено, у Буденного в памяти остался не только неприятный осадок от не слишком теплой встречи, но и впечатление о Жукове как о толковом командире. И в дальнейшем покровительство Буденного способствовало стремительному взлету нашего героя к высшим постам в военном ведомстве.

То, что первая встреча с Жуковым и Буденному запала в душу, доказывается тем, что Семен Михайлович тоже оставил о ней подробный рассказ в своих мемуарах: «Осенью 1927 года я приехал с инспекцией в Белорусский военный округ, в частности, в 7-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 3-го кавкорпуса С.К. Тимошенко. Командир дивизии Д.А. Шмидт, который незадолго до моего приезда принял 7-ю дивизию от К.И. Степного-Спижарного, произвел на меня хорошее впечатление.

— Разрешите узнать, какие полки будете смотреть? — спросил комдив.

— А какой полк у вас лучше других? Стоявший рядом С.К. Тимошенко сказал:

— У нас все полки на хорошем счету. Но лучше других полк Жукова, о котором я докладывал вам. Он умело обучает бойцов, особенно хорошо проводит занятия по тактике…

Я сказал Д.А. Шмидту, что постараюсь побывать во всех полках, а начну с 39-го. Вскоре мы въехали на территорию полка. Я вышел из машины, следом за мной С.К. Тимошенко. Командир 39-го каяполка Г.К. Жуков встретил меня четким рапортом. Строевая выправка, четкость — все это говорило о том, что командир полка свои обязанности знает хорошо.

— Какие будут указания? — спросил Жуков, отдав рапорт.

В свою очередь я спросил Жукова, что он предлагает сам как командир полка. Георгий Константинович предложил мне обойти казармы, ближе познакомиться с жизнью и работой бойцов и командиров.

— Что ж, согласен, — сказал я. — Однако вначале посмотрим, как кормите солдат.

Побывал в столовой и на кухне, беседовал с солдатами и поварами, интересовался качеством продуктов, обработкой их, снял пробу.

— Это очень хорошо, что вы старательно приготовляете бойцам пищу, — сказал я и объявил им, а также начальнику продслужбы полка благодарность. С.К. Тимошенко предложил мне сделать запись в книге столовой. — С удовольствием, — согласился я.

Затем проверил ход боевой подготовки. Надо сказать, что почти по всем показателям 39-й полк был на хорошем счету, и я остался доволен осмотром.

— Ну, а теперь покажите мне лошадей, — сказал я Жукову.

Командир полка дал сигнал «на выводку».

Пока строились эскадроны, С.К. Тимошенко доложил мне, что 39-й кавалерийский полк преуспевает во всех видах конного спорта. Почти все командиры занимаются спортом, в том числе и сам командир полка.

— А вот со стрельбой из оружия у них дела похуже, — добавил Тимошенко.

— Почему так? — спросил командира корпуса. С.К. Тимошенко пожал плечами:

— Трудно сказать, но думаю, все дело в тренировках. Видимо, надо поднажать.

Эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная. Я остался доволен и даже похвалил Жукова. Вскоре мы уехали с С.К. Тимошенко в 6-ю Чонгарскую дивизию».

Конечно, Семен Михайлович писал уже после выхода в свет первого издания жуковских мемуаров и кое-что, возможно, оттуда заимствовал. Но вот утверждение Буденного, что Жуков «предложил» ему обойти казармы, звучит куда правдоподобнее,

чем немного нагловатое «желательно» в «Воспоминаниях и размышлениях». И боевую подготовку полка Семен Михайлович наверняка проверил, а не только лошадей попросил показать, как уверяет Георгий Константинович. И благодарность командиру полка объявил, хотя и не признает этого Жуков в мемуарах. Вот только насчет того, что рассчитывал на торжественное построение полка и приветственные крики «ура» в свой адрес, Семен Михайлович, разумеется, ничего не пишет. Стыдно ему было признаваться в столь мелком тщеславии. Тем более что это место у Жукова купировали цензоры, и впервые оно увидело свет через много лет после смерти обоих маршалов. Но здесь, мне кажется, свидетельству Жукова можно верить. Вряд ли он выдумал и слова Шмидта о том, какой именно встречи ожидали Буденный с Тимошенко, и раздраженную реплику Семена Константиновича, что в полку «нет культуры» — имелось в виду, что нет культуры встречи начальства.

В годы Великой Отечественной войны и особенно после нее Жуков старательно создавал легенду, будто полководцы времен гражданской войны были абсолютно не приспособлены к условиям Второй мировой войны, верили, что кавалерия не хуже танков, и только полководцы новой школы, к виднейшим из которых Георгий Константинович причислял себя, смогли победить германский вермахт. Всякое родство с конармейцами вроде Буденного следовало затушевать. Поэтому и о похвале Семена Михайловича Жуков предпочел умолчать. Вообще, в «Воспоминаниях и размышлениях», равно как и в беседах с Константином Симоновым, он старался представить командарма 1-й Конной не в лучшем свете. Георгий Константинович прямо намекал своим читателям, что старик Буденный в военном деле ничего не смыслил и превратился к 30-м годам в чисто декоративную фигуру. А в связи с разгромом в районе Вязьмы в октябре 41-го трех советских фронтов, одним из которых командовал Буденный, Жуков поведал Симонову о реакции Сталина на катастрофу: «Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Ерёменко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить».

Тут Георгий Константинович определенно дал волю своей фантазии. Если осенью 1941 года Сталин якобы смотрел на Буденного как на человека, с которого и спрашивать за

порученное дело бесполезно, то почему вдруг, позднее вновь назначил его командовать — на этот раз Северо-Кавказским фронтом и направлением? А Сталина Жуков вроде бы дураком не считал.

Боюсь, что на жуковское отношение к Буденному повлияла зависть одного «народного маршала» к другому. Семен Михайлович действительно был популярен и любим в массах. Жуков хотел того же, рассчитывал на всенародное поклонение себе, своим заслугам в Великой Отечественной войне. Но, по свидетельству маршала Голованова, когда в 1956 году Жуков стал четырежды Героем Советского Союза, его поздравил Будённый, и Георгий Константинович с грустью сказал ему: «Семен Михайлович, обо мне песен не поют, а о вас поют…».

Тем временем продолжал запутываться любовный треугольник. В Ленинград к Жукову несколько раз наведывалась Зуйкова. В Минске Георгию Константиновичу опять пришлось разрываться между двумя женщинами. В 1928 году Александра Диевна, находясь у родственников в Воронежской губернии, написала, что беременна от него и приедет в Минск рожать. По утверждению внука Георгия, узнав о беременности Зуйковой, его дедушка «был в отчаянии, потому что боялся потерять Марию Николаевну, к которой испытывал серьезное чувство». Со слов отца, матери и своего отчима А.М. Янина Маргарита Жукова так излагает дальнейшие события: «Когда Александра Диевна принесла из роддома болезненную девочку, которую назвала Эрой, она сказала Георгию Константиновичу, что больше его никогда не покинет. В ответ отец ушел из собственного дома и поселился у Яниных. Но Александра Диевна продолжала требовать, чтобы он жил с ней. А через шесть месяцев после рождения Эры в июне 29-го года Мария Николаевна родила Жукову меня. Папа потом мне рассказывал, что я была такая розовенькая, голубоглазая, просто настоящая маргаритка, что он меня назвал — Маргаритой. Месяц спустя — 6 июля — отец зарегистрировал меня в загсе в качестве своей дочери и оформил метрическое свидетельство. Так я получила фамилию Жукова и отчество Георгиевна». Сын Маргариты Георгий добавляет: «Конечно, это (т. е. признание Жуковым Маргариты своей дочерью. — Б.С.) вызвало бурю протеста со стороны Александры Диевны, которая то бегала за Марий Николаевной, угрожая залить ей глаза серной кислотой, то просила отдать ей Маргариту. Требовала она и чтобы Георгий Константинович вернулся домой, помог с Эрой, которая все время болела.

Дедушка отказывался, говорил. Что это не его дочь, и продолжал жить у Яниных».

Утверждение, что Эра не была в действительности дочерью Жукова, оставим целиком на совести Маргариты Георгиевны и ее сына, симпатий к Александре Диевне, понятное дело, не питавших. Но страсти в ту пору в Минске бушевали почти шекспировские. Вот только завершилась драма вполне по-советски.

Внук Георгий рассказывает: «Поняв, что мужа добром не вернуть, Александра Диевна написала на Георгия Константиновича заявление в парторганизацию. Она просила его образумить и заставить с ней расписаться. Дедушка не хотел жить с Александрой Диевной, как бы его ни заставляли, и открыто заявил об этом при разборе его персонального дела. Партийная организация вынесла ему взыскание за двоеженство и поставила условие: если он не вернется к заявительнице, которая родила Первой, то будет исключен из партии. Мария Николаевна была просто потрясена и, чтобы спасти репутацию любимого человека, посоветовала ему вернуться к Александре Диевне. Сказала, что оставляет его сама, хотя это решение и было для нее мучительным. Позднее Георгий Константинович признается маме, что в его жизни это был единственный случай, когда его оставила любимая им женщина»,

Маргарита Георгиевна уточняет: «Это персональное дело отца длилось более полугода. В самый разгар событий от тифа умирает Полина. Трехлетний Володя (сын Янина. — Б.С.) остается без матери. Янин, ставший вдовцом, предлагает увезти Марию Николаевну с грудной дочерью в Минводы, где живут его отец и братья. Она соглашается, и Янин оформляет служебный перевод. Но перед тем как уехать, по-мужски разговаривает с Жуковым: „Ты запутался. Забудь о Марии и дочери, я о них позабочусь сам“. Затем он с Марией благородно забрал детей и уехал — сначала в Минводы, потом — в Курган и Краснодар. А в 1941 году полковник Янин, имея бронь от призыва в армию (очевидно, ранее Антон Митрофанович из армии уже ушел. — Б.С.), добровольцем уходит на фронт. Через год он погибнет под Сталинградом. 17-летний сын Антона Митрофановича Володя, прибавив себе год, тоже идет воевать. Через несколько месяцев после Керченского десанта он умирает от ран в госпитале».

В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович

нашел несколько теплых слов для друга, так выручившего его в трудную минуту: «Особенно хотел бы отметить нашего комиссара Антона Митрофановича Янина. Это был твердый большевик и чудесный человек, знавший душу солдата, хорошо понимавший, как к кому подойти, с кого что потребовать. Его любили и уважали командиры, политработники и красноармейцы. Жаль, что этот выдающийся комиссар не дожил до наших дней — он погиб смертью храбрых в 1942 году в схватке с фашистами на Кавказском фронте. Погиб он вместе со своим сыном, которого воспитал мужественным защитником Родины».

Эпитет «выдающийся» Жуков вообще мало к кому применял. А тут маршал наградил им безвестного полкового комиссара! Хотя комиссаров, как хорошо известно, не слишком жаловал. Но Янин-то был комиссар особенный. Не мог же Георгий Константинович в мемуарах прямо написать, что не только командиры, политработники и красноармейцы любили Антона Митрофановича, но и та, к которой сам Жуков испытывал «серьезное чувство». Наверное» Янин был самым близким жуковским другом. Ни до, ни после таких друзей у Георгия Константиновича больше не было. Недаром еще в начале 20-х он не раз повторял: «Антон для меня все». А в конце десятилетия судьба развела их, как оказалось, навсегда. И мне почему-то кажется, что всю оставшуюся жизнь Жуков страдал от того, что рядом не было такого человека, как Янин.

Эра Георгиевна, чье рождение стало одной из причин возникновения отцовского партийного дела, со слов родителей дает совсем иную версию происшедшего: «В 28-м году, в Минске… мама… была в положении и очень плохо себя чувствовала. К ней часто приходили чем-то помочь, да и просто навестить подруги, в том числе и эта женщина (Мария Волохова. — Б.С.). Она намеренно появлялась одна, чтобы отец ее потом проводил. В результате в 29-м году и родилась Маргарита. Все сразу поняли, от кого — общество-то маленькое, все друг у друга на виду. У отца тогда были большие неприятности по партийной линии. Видимо, она пожаловалась. Состоялся даже какой-то суд по поводу алиментов. Судя по письмам, отец не хотел их платить, а мама его вынудила. Но это увлечение было минутным, и мама папе его простила».

Каждая из первых двух жен маршала и их дети стремятся выставить в наилучшем свете себя, а соперницу обрисовать черными красками. Однако то, что сообщает Эра Жукова,

очевидно, со слов матери, честно говоря, большого доверия не вызывает. Если связь Георгия с Марией была лишь мимолетной, почему о ней успел узнать весь минский гарнизон и почему не было никаких сомнений, кто отец Маргариты? Да и о том, что Мария Волохова и Александра Зуйкова были подругами, дочь Марии Маргарита ничего не говорит. Наоборот, из ее рассказа создается стойкое впечатление, что соперницы друг к другу относились, мягко говоря, прохладно. Это кажется вполне естественным и удивления не вызывает. Не было, скажем прямо, у двух женщин, любивших одного и того же человека, никаких оснований для взаимных симпатий.

Лично я склонен здесь больше доверять Маргарите Георгиевне Жуковой и склоняюсь к версии, что у Георгия Константиновича с Марией Николаевной были не менее длительные и серьезные отношения, чем с Александрой Диевной. Нельзя даже определенно сказать, кого из двух, Зуйкову или Волохову, считать первой женой Жукова, а кого — второй, и поэтому приходится употреблять громоздкий оборот «одна из первых двух жен Жукова». Ведь тогда фактический брак признавался наравне с законным, зарегистрированным в загсе. А ни с Марией, ни с Александрой Жуков в конце 20-х брак еще не зарегистрировал. В этом смысле обе женщины были в равном положении. Уже в годы Великой Отечественной войны, когда между Марией Николаевной и Георгием Константиновичем возобновилась переписка, Жуков сообщал, что до сих пор не женат. Так что, по всей вероятности, в 22-м году никакого брака с Зуйковой он в действительности не регистрировал. Если считать по времени знакомства, то первой женой надо признать Волохову. Если же судить по времени рождения ребенка, то первой женой скорее следует назвать Зуйкову. А жалобу в парторганизацию, в просторечии именовавшуюся «телегой», как правило, писала та, которая считала себя законной женой, а уж никак не любовница. По свидетельству Эры, Александра Диевна себя, безусловно, считала, так сказать, «официальной» супругой, а Марию Николаевну — мимолетным увлечением мужа. Но тогда совершенно невероятно, как утверждает дочь Эра, что Волохова, а не Зуйкова донесла на Жукова в партбюро. Полагаю, что донос написала Александра Диевна. Мария Николаевна, если верить ее дочери, вообще предпочитала за Жукова не бороться и не делала никаких особых усилий, чтобы покрепче привязать к себе бравого комполка.

В 1929 году Жуков действительно получил выговор по

партийной линии — за пьянство и неразборчивость в связях с женщинами. В решении партбюро прямо не говорилось, конечно, о том, которую из двух жен Георгий Константинович должен предпочесть. Но в разговорах партийные товарищи наверняка ясно дали понять, что желательно вернуться к заявительнице. И дело тут не в том, что Александра Диевна родила первой. Коллеги Жукова прекрасно понимали: если он останется с Волоховой, то поток жалоб от Зуйковой не прекратится (позднее она будет жаловаться в инстанции на третью и четвертую из жуковских жен, требуя, чтобы мужа вернули в семью). Поэтому для начальства и партбюро желательно было, чтобы комполка отказался от Марии Николаевны и остался с Александрой Дневной.

Георгий Константинович сознавал, что от его решения зависит дальнейшая карьера. Комполка как раз собирались посылать на очередные курсы усовершенствования с перспективой последующего выдвижения на командование бригадой. Мучительную проблему выбора Жукову помог решить старый друг Янин. Антон Митрофанович только что овдовел, а трехлетнему сыну требовалась материнская забота. Вот и взял себе в жены сестру умершей Полины и усыновил ее грудную дочку, дал ей свою фамилию. И свой брак Мария Николаевна с Антоном Митрофановичем официально регистрировать не стали. Но, чтобы не ставить друга в двусмысленное положение, Янин решил уехать с женой и детьми на новое место службы. Западный, один из двух крупнейших (наряду с Украинским) военных округов, пришлось сменить на второстепенный Северо-Кавказский. Тем самым Янин поставил крест на своей военной карьере — так и погиб в 42-м в звании полковника.

Мария Николаевна тоже помогла своему любимому сделать правильный, с ее точки зрения, выбор в пользу карьеры, по собственной инициативе покинув Георгия Константиновича. Если, разумеется, соответствует истине рассказ Маргариты Жуковой о том, будто отец признавался матери, что случай с ней — единственный, когда его оставила любимая женщина. Может быть, здесь мы имеем еще одну красивую легенду?

В том, что две первые жены Жукова по-разному повели себя в критической ситуации, свою роль мог сыграть и их возраст. Александра Диевна была на целых четыре года моложе Георгия Константиновича, а Мария Николаевна — всего на год. Вероятно, Волохова была женщиной более умудренной и рассудительной,

не хотела ломать жизнь любимому человеку, раз уж создалась такая безысходная ситуация. И, наверное, она все-таки сильно любила Георгия Константиновича и готова была отказаться от своего счастья, лишь бы ему было хорошо. Как мы убедимся в дальнейшем, жизнь Жукова с Зуйковой складывалась трудно. Александра Диевна делала все, чтобы удержать мужа, который время от времени ее покидал, уходя к другим женщинам.

Нельзя, однако, представлять дело так, будто Александру Диевну Жуков совсем не любил и жить с ней согласился только под угрозой исключения из партии, как следует из рассказа Маргариты Георгиевны. Да и к дочери Эре он с самого начала испытывая самые теплые чувства и не хотел с ней расставаться. Вот что, например, писал Георгий Константинович Александре Диевне 21мая 1929 года, когда родившейся 16 декабря 1929 года Эре было всего полгода, а Маргарита еще не родилась: «Ты пишешь, что я больше пишу и справляюсь о доченьке! А разве тебе этого мало? Кроме того, как ты можешь себя отделить от доченьки… Целуй доченьку». Замечу, что из этого письма можно понять: жена была недовольна, что в одном из предыдущих посланий муж больше интересовался не ее проблемами, а здоровьем дочки. А ведь это было еще до того, как скандал с двоеженством стало обсуждать партбюро и после которого любви Жукова к Александре Диевне наверняка поубавилось. Нет, чувствуется, что и до рождения дочери у Волоховой Георгий Константинович особо сильного чувства к Зуйковой не испытывал и больше беспокоился о новорожденной Эре, чем о ее матери.

Скандал постепенно сошел на нет, обстановка разрядилась, и Георгий Константинович продолжил свое восхождение по ступенькам военной иерархии. В конце 1929 года его направили в Москву на курсы по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС). Занятия проходили в здании Наркомата обороны на улице Фрунзе (ныне Знаменка). Здесь Жуков в течение трех месяцев слушал лекции по тактике и оперативному искусству. Уже весной 1930 года он вернулся в 7-ю Самарскую дивизию, где с января был новый комдив — Рокоссовский, хорошо знакомый по Ленинградской кавшколе. В мае Жукова назначили командиром 2-й кавбригады все той же 7-й дивизии. В состав бригады вошли 39-й и 40-й полки.

8 ноября 1930 года Рокоссовский представил аттестацию на Жукова: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован.

Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактически-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит».

С данной аттестацией Жуков познакомился только в годы Великой Отечественной войны, когда уже был заместителем Верховного Главнокомандующего. В конце октября или начале ноября 1942 года под Сталинградом главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов случайно стал свидетелем беседы Жукова и Рокоссовского по поводу этого документа и изложил ее содержание в своих мемуарах: «Из дружеской беседы Жукова и Рокоссовского я узнал, что они, оказывается, старые товарищи и сослуживцы. В свое время, когда Рокоссовский командовал кавалерийской дивизией, Жуков был там одним из командиров полков. Вспомнили старую совместную службу, и Жуков сказал, что он недавно читал аттестацию, данную ему Рокоссовским в те времена.

— Я тебе дал тогда хорошую и правдивую аттестацию и смысл ее могу повторить и сейчас, — сказал Рокоссовский. — В ней говорилось, что ты волевой, решительный и энергичный командир полка (возможно, здесь Константин Константинович говорил не о той аттестации, что я только что процитировал, а о предшествовавшей, когда командир полка Жуков выдвигался на должность командира бригады. — В.С.). Достижения поставленной цели добиваешься, преодолевая любые препятствия. У тебя высокая требовательность к подчиненным, подчас она переходит границы, но требовательность к себе также

высока. Этой аттестацией ты представлялся на повышение по службе.

— А я к тебе претензий не имею, — ответил Жуков». И в «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович, говоря о своем командовании кавполком, отмечал:

«Меня чаще всего упрекали в жесткой требовательности, которую я считал непременным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям. Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям военным, которым придется на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину».

Даже на склоне лет, дважды познав унижение опалы, маршал отнюдь не считал собственную «жестокую требовательность» к людям большим грехом. Наоборот, полагал, что это — вещь в военной службе необходимая. Ну, а насчет столь же высокой требовательности к себе любимому… Те требования, которые Жуков предъявлял к подчиненным, он сам соблюдал далеко не всегда. Об этом тот же Рокоссовский писал, вспоминая их совместную поездку к командующему Сталинградским фронтом генералу В.Н. Гордову в сентябре 1942 года: «Гордов явно нервничал, распекая по телефону всех абонентов, вплоть до командующих армиями, причем в непростительно грубой форме. Не случайно командный состав фронта, о чем мне впоследствии довелось слышать, окрестил его управление „матерным“. Присутствовавший при этом Жуков не вытерпел и стал внушать Гордову, что „криком и бранью тут не поможешь; нужно умнее организовать бой, а не топтаться на месте“. Услышав его поучение, я не смог сдержать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не мягче, чем Гордов.

Возвращаясь на КП, Жуков спросил меня, чему это я

улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а, кроме того, он в то время являлся «всего-навсего» командующим фронтом».

Георгий Константинович был искренне убежден, что ему самому не зазорно делать то, что другим, рангом и, как считал Жуков, способностями ниже его, возбраняется. И «матерный стиль» руководства широко применял еще в бытность командиром полка и бригады. Болезненное самолюбие не позволяло будущему маршалу признать собственную неправоту даже в очевидных случаях. «Полководец с грозным именем Георгий» свято верил, что он имеет право делать все, что считает идущим во благо армии и Родины, даже унижать, а в военное время — и расстреливать солдат и офицеров. За другими же он такого права не признавал. Неудивительно, что число врагов у Жукова росло по мере его восхождения к вершинам карьеры.

В феврале 1931 года наш герой стал помощником инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного. В своих мемуарах Семен Михайлович особо подчеркнул, что сам просил назначить Жукова на эту должность. Георгий Константинович уверяет в мемуарах, что не слишком стремился в Москву: «Я очень привык к своей дивизии и считал себя непременным членом дружной семьи самарцев… Однажды вечером мне позвонил Константин Константинович Рокоссовский и сказал, что из Москвы получен приказ о моем назначении на новую должность.

— Сколько вам потребуется времени на сборы? — спросил он.

— Часа два, — ответил я (все имущество семьи Жуковых в то время вполне умещалось в один чемодан. — Б.С.).

— Мы вас так не отпустим, — сказал К.К. Рокоссовский, ведь вы ветеран 7-й дивизии, и проводим вас, как положено, таково общее желание командно-политического состава второй бригады.

Я, разумеется, был очень тронут.

Через несколько дней состоялся обед всего командного и политического состава 39-го и 40-го кавполков, на котором присутствовало командование дивизии. Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь». Мы не знаем, сколько водки было

выпито на том товарищеском ужине и чем ее закусывали красные кавалеристы — солеными грибочками и огурчиками или красной икрой да балыком. А вот в том, что Рокоссовский относился к Жукову с симпатией, сомневаться не приходится. Доказательством здесь служит приведенная выше аттестация комдива на комбрига, которая, очевидно, способствовала очередному рывку в жуковской карьере. И что командиры и комиссары полков и эскадронов не сказали о Жукове дурного слова — удивления не вызывает. Во-первых, торжественность мероприятия совсем не располагала к критике его главного героя. Во-вторых, Рокоссовский и коллеги, по сути, провожали свое будущее начальство. Ведь помощник инспектора кавалерии вполне мог оказаться проверяющим в родной дивизии, и от него во многом будет зависеть, какую оценку получат самарцы за боевую подготовку или за действия на маневрах.

Следующим вечером после банкета Жуков, его супруга Александра Диевна и их двухлетняя дочка Эра с нехитрыми пожитками покинули Минск и поездом отправились в Москву. Здесь их поселили в Сокольниках в деревянном бараке. Будущий маршал и будущий сват Георгия Константиновича Александр Михайлович Василевский в беседе с Константином Симоновым вспоминал, насколько лучше были жилищные условия командиров полков в провинции по сравнению с теми, что они получили в Москве после назначения на более высокую должность: «К тому времени командирам полков — а я был командиром полка в Твери — были созданы хорошие условия; было решение, по которому каждый командир полка имел машину — „фордик“ тогдашнего выпуска, получали квартиры — в одних случаях отдельные квартиры, в других даже особняки, имели верховую лошадь, имели, кроме машины, выезд. И вот после всего этого меня назначили в Управление (Василевский с весны 1931 года работал в Управлении боевой подготовки, в состав которого входила Инспекция кавалерии. — Б. С.), дали вместо трех шпал командира полка один ромб по должности, званий тогда еще не было, и сообщили адрес, где я буду жить. Поехал я в Сокольники, нашел этот дом — новые дома с тесными квартирами (здесь же поселился и Жуков. — Б.С.), нашел свой номер квартиры — квартира из нескольких комнат, мне отведена одна, а нас четверо: я, жена, теща, сын (Юрий, будущий первый муж Эры Жуковой. — Б.С.). Вот так мне предстояло жить после тех условии, в которых находился как командир полка. Такое же положение было и у Жукова, когда он был тоже назначен туда, в это Управление…». Будущая невестка Василевского Эра Жукова

так описала тогдашний быт: «В Москве мы поселились в Сокольниках на 11-й Сокольнической улице, в доме, где проживало много семей военнослужащих. Жили в коммунальной квартирке, занимая две небольшие комнатки, обставленные, как было тогда принято у большинства кочевавших с места на место военнослужащих самой простой казенной мебелью. Мама любила рассказывать, как, получив очередную зарплату, папа как-то отправился в центр, чтобы купить этажерку для книг, а их, по словам мамы, уже и в те годы было много. Купив эту самую этажерку, — я ее тоже прекрасно почему-то помню — папа всю дорогу нес ее на руках. Думаю, что ему и в голову не приходило взять машину. Ведь в Сокольники в те годы можно было добираться только на трамвае. А как в трамвай с этажеркой? Кстати, в тот раз с папой был будущий маршал — А.М. Василевский, который и отправился домой на этом трамвае. Тем не менее радости эта покупка доставила папе много — можно было в надлежащем порядке расставить все нужные книги».

Вероятно, неудачный брак с Юрием Василевским оставил у Эры Георгиевны и какой-то неприятный осадок и в отношении экс-свекра. В ее рассказе он выглядит не лучшим образом: оставил друга одного тащить на себе не в ближний край тяжёлую, неуклюжую этажерку, а сам отправился домой налегке на трамвае. Но предоставим слово и самому Александру Михайловичу. Писателю Симонову он изложил эпизод с этажеркой несколько иначе: «Помню, однажды выхожу я из наркомата и вижу на стоянке трамвая стоит Георгий с большой этажеркой для книг. Я говорю:

— Что ты тут стоишь?

— Да вот квартира-то пустая, в комнате ничего не стоит, хоть взял здесь, в АХО, выписал себе этажерку для книг, чтоб было, куда книги положить. Да уже стою полчаса — три трамвая или четыре пропустил, никак не могу ни в один из этих трамваев сесть, народу битком, видишь, висят.

— Ну, ладно, я подожду, с тобой вместе, поедем. Ждали, ждали, еще пять или шесть трамваев переждали, но ни в один не можем сесть. Тогда Жуков говорит.

— Ну, ты езжай, а я пойду пешком.

— Куда, в Сокольники?

— Ну да, в Сокольники, а что же делать с этой, с этажеркой, не обратно же ее нести.

Я тогда сказал ему, что уж раз такая судьба, давай пойдем пешком вместе, я тебе помогу ее тащить. Так мы и шли с Жуковым через весь город, до Сокольников, несли эту этажерку к месту его нового жительства».

Ряд деталей заставляет признать сообщение Василевского более правдоподобным, чем рассказ старшей дочери Жукова. Скорее всего, Георгий Константинович этажерку не в магазине купил, а получил в АХО. Тогда ведь одежды, мебели и других промышленных товаров в свободной продаже почти не было. Костюм, стол или шкаф можно было купить только по ордеру, выписанному на предприятии или в учреждении. Работников центрального аппарата Наркомата обороны наверняка отоваривал прямо на месте тамошний Административно-хозяйственный отдел (или часть). И идти пешком через всю Москву Жуков решился лишь тогда, когда убедился, что в «час пик» с этажеркой в трамвай не влезешь — это тоже выглядит вполне правдоподобно. А уж чтобы Василевский не помог бы ему в такой ситуации, но потом все равно остался другом — в это трудно поверить.

Быт в начале 30-х годов был скуден. Основные продовольственные и промышленные товары — по карточкам. Жилищный вопрос в Москве стоял остро. Даже высокопоставленным военным в полковничьих и генеральских чинах приходилось ютиться в коммуналках. А тут еще с семейством Жукова произошла крупная неприятность. Вот что рассказал М.М. Пилихин: «В 1932 году Георгий пригласил мою семью в Крым, в дом отдыха. Когда Жуковы вернулись, то обнаружили, что их квартиру обокрали, не оказалось и мехового пальто его жены Александры Диевны, и ряда других вещей. Георгий заявил в МУР, но МУР так и не смог найти пропавшие вещи. Как-то моя жена Клавдия Ильинична шла по Столешникову переулку. А навстречу идет женщина в пальто Александры Диевны. Клавдия Ильинична с помощью милиции женщину эту задержала… Оказалось, что женщина пальто купила в комиссионном магазине. Пальто это вернули Жукову». Меховое пальто по тем временам было огромной ценностью. Его возвращение стало для Жуковых хоть слабым, но утешением.

Жуков неизменно помогал всем своим родственникам. В 1930 году у вдовы М.А. Пилихина отняли дом в Черной Грязи, переселив ее с семьей во флигель. Нависла угроза раскулачивания. По воспоминаниям Анны Михайловны Пилихиной, тут Жуков прислал бумагу, что Пилихины раскулачиванию не подлежат. Дом после этого вернули, а вот отобранный ранее скот вернуть забыли. Впрочем, после смерти в 1934 году Ольги Гавриловны семью из дома все равно выселили. Тут и Жуков ничем помочь не сумел. Георгий Константинович, как мог, защищал родных от напастей коллективизации; стоившей советскому крестьянству миллионов погибших от голода и репрессий. Однако нет никаких данных о том, что маршал когда-нибудь, даже в самых интимных разговорах, выступал против политики насильственной организации колхозов. Может, это объяснялось тем, что, хоть Жуков и был родом из деревни, крестьянствовать ему никогда не приходилось? Да и жили односельчане, в основном, отхожими промыслами — где тут было появиться любви к своей земле.

Буденный был весьма удовлетворен работой своего помощника. Семен Михайлович отметил в своей книге «Пройденный путь»: «Г.К. Жуков быстро вошел в курс дела. И неслучайно на общем собрании коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки наркомата по военным и морским делам мы единодушно избрали Жукова секретарем партбюро (без рекомендации Буденного такое избрание не могло состояться. — Б.С.)… Жуков очень скоро завоевал авторитет среди командного состава. Мне нравилось в Георгии Константиновиче то, что он глубоко вникал в вопросы боевой подготовки кавалерийских частей, проявлял инициативу, всего себя отдавал делу укрепления могущества Красной Армии».

Сам Жуков вспоминал, как во время службы в Инспекции кавалерии ближе познакомился с Тухачевским, занимавшим пост первого заместителя наркома обороны: «Человек атлетического сложения, он обладал впечатляющей внешностью… На посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, что главную руководящую роль в наркомате играет он».

Георгий Константинович в мемуарах старался подчеркнуть свою близость не к Буденному, а к Тухачевскому, в частности, в связи с работой над боевым уставом кавалерии: «Летом 1931

года, находясь в лагерях 1-го кавалерийского корпуса, при участии командира кавалерийского полка Николая Ивановича Гусева, заместителя командира полка Герасимова и других товарищей из 1-й кавдивизии я разрабатывал проекты Боевого устава конницы РККА (часть I и часть II). Осенью после обсуждения в инспекции они были представлены инспектором кавалерии на утверждение наркому обороны К.Е. Ворошилову. Однако, долго пролежав в его секретариате, они были затем переданы на рассмотрение М.Н. Тухачевскому. Вместе с заместителем инспектора ИД. Косоговым мне не раз приходилось отстаивать те или иные положения уставов. Но, признаюсь, мы часто бывали обезоружены вескими и логичными возражениями М.Н. Тухачевского и были благодарны ему за те блестящие положения, которыми он обогатил проекты наших уставов».

Почему же Жуков предпочел на первый план в «Воспоминаниях и размышлениях» выдвинуть не вполне реальную близость с Буденным, а свои отношения с Тухачевским, в любом случае — не столь близкие, как с Семеном Михайловичем? Наверное, определенную роль здесь сыграла мода на Тухачевского, возникшая в 60-е годы после его реабилитации, когда Жуков как раз работал над мемуарами. Но, думаю, еще важнее было внутренне родство душ Георгия Константиновича и Михаила Николаевича.

31 октября 1931 года Буденный дал Жукову превосходную аттестацию. Он подчеркнул, что Георгий Константинович «проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА и все поручения выполнял в ударном порядке, успешно и в назначенные сроки». Семен Михайлович подтвердил, что Жуков — командир «с сильными волевыми качествами», требовательный к себе и к подчиненным, с чувством ответственности за порученную работу, тактически и оперативно грамотный. Отметил, что «не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием». Общий вывод был весьма благоприятен для Георгия Константиновича: «подготовленный общевойсковой командир-единоначальник, вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кавдивизии и начальника нормальной кавалерийской школы».

Единственный недостаток своего помощника Семен Михайлович видел в «известной жесткости и грубоватости».

Впрочем, в глазах бывшего командарма 1-й Конной это был недостаток вполне терпимый. Сам ведь мог в сердцах съездить подчиненного по морде. Буденный явно рассчитывал поставить Жукова командиром дивизии. Случай к этому представился через два года работы Георгия Константиновича в Инспекции.

Вот что вспоминает об этом Буденный: «Как-то весной 1933 года меня пригласил нарком обороны К.Е. Ворошилов. Вошел к нему в кабинет и сразу заметил, что у Ворошилова скверное настроение…

— Надо срочно подыскать нового командира 4-й кавалерийской дивизии, — сказал он.

— А что случилось?

Ворошилов сообщил, что на днях 4-ю кавдивизию инспектировал командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич и остался недоволен ее состоянием. По его словам, комдив развалил дивизию, в ней нет дисциплины, нет должного порядка.

— Сами понимаете, как мне больно это слышать, — продолжал Климент Ефремович. — Ведь дивизия носила мое имя!.. — Ворошилов встал, заходил по кабинету. — Вот как подвели, а? Уборевич просит немедленно заменить комдива. Я уже дал согласие…

Слушая Ворошилова, я подумал о том, а не сгустил ли краски Уборевич. Спросил об этом Климента Ефремовича.

Ворошилов сказал:

— Я верю Уборевичу. Не станет же он, командующий округом, наговаривать на своих комдивов?

— Логично, — согласился я. Ворошилов встал.

— Кого вы можете предложить на эту должность? — спросил он.

Я ответил, что надо подумать, хотя могу и сейчас назвать одного товарища.

— Кто?

— Жуков Георгий Константинович, — сказал я. — Раньше он служил в Белорусском военном округе, был командиром полка, командовал бригадой…

Выслушав меня, Ворошилов сказал: «Пожалуй, кандидатура подходящая. Лично поговорите с Жуковым, а потом заготовьте приказ».

Из беседы Буденный вынес впечатление, что Георгий Константинович «был доволен этим назначением».

— Уверен, что вы, товарищ Жуков, поправите дела в дивизии. Такого же мнения и нарком. Он поручил мне передать это вам, — напутствовал Семен Михайлович нового комдива.

— Постараюсь сделать все, чтобы четвертая кавалерийская дивизия вновь обрела достойную ей славу, — пообещал Жуков.

Сам Георгий Константинович в «Воспоминаниях и размышлениях» утверждал, что подозрения Буденного, будто Уборевич слишком сгустил краски, в общем-то, были основательны: «В 1932 году дивизия была спешно переброшена в Белорусский военный округ, в город Слуцк. Как мне потом стало известно, передислокацию объясняли чрезвычайными оперативными соображениями. Однако в тот период не было никакой надобности в спешной переброске дивизии на совершенно неподготовленную базу».

Жуков, конечно же, не был посвящен в тонкости высокой политики: как раз в 1932 году заместителем наркома Тухачевским, наверняка с санкции Ворошилова и Сталина, был разработан план нападения на Польшу, потому и двинулась 4-я кавдивизия в Слуцк, расположенный в полусотне километров от польской границы, — вот и все «чрезвычайные оперативные соображения»! Хотели воспользоваться мировым экономическим кризисом и раздавить давнего противника, рассчитывая, что из-за финансово-экономических неурядиц и роста социальной напряженности Англия и Франция побоятся прийти на помощь Пилсудскому. Однако для такой войны необходим был благожелательный нейтралитет Германии, если не союз с ней. С немцами, опасавшимися, что после захвата Польши почти миллионная Красная Армия легко сомнет и 100-тысячный

рейхсвер, тогда договориться не удалось, и советское вторжение в Польшу не состоялось. Но 4-ю Донскую кавдивизию, равно как и другие, вновь переброшенные части, у польских границ «на всякий случай» оставили.

Георгий Константинович не пожалел красок, рисуя плачевное состояние 4-й кавалерийской: «В течение полутора лет дивизия была вынуждена сама строить казармы, конюшни, штабы, жилые дома, склады и всю учебную базу. В результате блестяще подготовленная дивизия превратилась в плохую рабочую воинскую часть. Недостаток строительных материалов, дождливая погода и другие неблагоприятные условия не позволили вовремя подготовиться к зиме, что крайне тяжело отразилось на общем состоянии дивизии и ее боевой готовности. Упала дисциплина, часто стали болеть лошади. Командование 3-го корпуса, куда входила 4-я кавалерийская дивизия, ничем не могло помочь, так как в аналогичном положении находились и другие части этого корпуса, также спешно переброшенные в округ.

Весной 1933 года командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич после краткого инспектирования частей дивизии нашел ее в состоянии крайнего упадка. Надо заметить, что в свое время командующий не оказал надлежащей помощи дивизии в вопросах строительства и не принял во внимание условий, в которых находились части. Теперь он Поспешил определить главного виновника плохого состояния дивизии — ее командира Т.П. Клеткина.

Безусловно, ответственным за дивизию является командир, на то он и единоначальник. Но высший начальник по долгу своей службы и как старший товарищ обязан быть объективным, внимательным и справедливым. Со свойственной ему горячностью И.П. Уборевич доложил народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову о состоянии 4-й дивизии и потребовал немедленного снятия комдива Г.П. Клеткина. Конечно. в дивизии имели место недостатки… Однако И.П. Уборевич все же сгустил краски, утверждая, что дивизия растеряла все свои хорошие традиции и является небоеспособной».

Здесь с Жуковым трудно не согласиться. Беда, однако, в том, что сам он далеко не всегда следовал тем принципам, к соблюдению которых призывал других в своих мемуарах. В годы Великой Отечественной войны Георгию Константиновичу не раз и

не два доводилось расстреливать попавших под горячую руку командиров и комиссаров дивизий. А ведь нередко, как и в случае с Г.П. Клеткиным, их вина в происшедших неудачах была не очень велика по сравнению с виной вышестоящих начальников, в том числе и самого Жукова.

Отношения нового комдива с И.П. Уборевичем сначала не сложились. Жуков рассказывал Симонову: «Уборевич в своем обычном, решительном тоне позвонил в Москву Ворошилову и попросил:

— Товарищ нарком, дайте мне на дивизию Жукова, мне его порекомендовал Тимошенко.

Ворошилов ответил, что я работаю в Инспекции кавалерии у Буденного. Но Уборевич настоял на своем:

— В Инспекции народу много, там можно найти и другого, а мне нужен командир дивизии, прошу выполнить мою просьбу.

Когда меня вызвали, я, разумеется, был рад пойти на дивизию и выехал в Белорусский округ… Поначалу мои отношения с Уборевичем сложились неудачно. Примерно через полгода после того, как я принял дивизию, он влепил мне по чьему-то несправедливому докладу выговор. Была какая-то инспекционная проверка в дивизии, оказалось что-то не так, в итоге — выговор в приказе по округу. Выговор несправедливый, потому что за полгода дивизию поставить на ноги невозможно. За полгода с ней можно только познакомиться и начать принимать меры. А сделать все то, что требовалось для приведения дивизии в полный порядок, я за полгода не мог при всем желании. И вот — выговор; Притом заочный. Это был первый выговор за всю мою службу (здесь Георгий Константинович лукавил — мы то помним про выговор 1929 года! — Б.С.), и, на мой взгляд, повторяю, совершенно несправедливый. Я возмутился и дал телеграмму: «Командующему войсками округа Уборевичу. Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не могу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков».

После телеграммы прошло два дня. Звонит Уборевич и вызывает меня к телефону.

— Интересную телеграмму я от вас получил. Вы что, недовольны выговором?

Я отвечаю:

— Как же я могу быть довольным, товарищ командующий, когда выговор несправедлив и не заслужен мною?

— Значит, вы считаете, что я несправедлив?

— Да, я так считаю. Иначе не отправил бы вам телеграмму.

— И ставите вопрос о том, чтобы откомандировать вас?

— Ставлю вопрос.

— Подождите с этим. Через две недели будет инспекторская поездка, мы на ней с вами поговорим. Можете подождать со своим рапортом до этого?

— Могу.

— Ну так подождите.

На этом закончился наш разговор.

На инспекторской поездке Уборевич нашел случай, отозвал меня в сторону и сказал:

— Я проверил материалы, по которым вам вынесли выговор, и вижу, что он вынесен неправильно. Продолжайте служить. Будем считать вопрос исчерпанным.

— А выговор могу считать снятым? — спросил я.

— Разумеется, раз я сказал, что он несправедлив.

На этом закончился инцидент. Впоследствии дивизия стала лучшей в армии. За два года я привел ее в порядок.

Отношения с Уборевичем сложились хорошие. Я чувствовал, что он работает надо мной. Он присматривался ко мне, давал мне разные задания, вытаскивал меня на доклады. Потом поручил мне на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в первую мировую войну. Этот доклад был для меня делом непривычным и трудным (но как же тогда понимать содержащееся в «Воспоминаниях и размышлениях» признание, что еще на курсах в Ленинграде Жукову пришлось готовить доклад об основных факторах военного искусства, который к тому же был опубликован в бюллетене курсов? — Б.С.). Тем более что я, командир дивизии, должен был делать этот доклад в присутствии всех командующих родами войск округа и всех командиров корпусов. Но я подготовился к докладу и растерялся только в первый момент: развесил все карты, остановился около них; надо начинать, а я стою и молчу. Но Уборевич сумел помочь мне в этот момент, своим вопросом вызвал меня на разговор, дальше все пошло нормально, и впоследствии он оценил этот доклад как хороший. Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает

надо мной».

Сомнения вызывает здесь утверждение, будто Уборевич сам первым назвал кандидатуру Жукова, которую ему будто бы подсказал командир 3-го кавкорпуса Тимошенко. Отмечу, что в «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович ничего не пишет ни о своей ссоре с Уборевичем, ни о том, что Иероним Петрович хотел видеть его на посту командира 4-й Донской дивизии. Лично мне куда правдоподобнее кажется свидетельство Буденного, что именно он рекомендовал Ворошилову Жукова как будущего командира кавдивизии. Логично, что Климент Ефремович спросил здесь мнение начальника Инспекции конницы. Да и приведенная выше аттестация на Жукова доказывает, что еще за два года до того, как открылась вакансия в 4-й дивизии, Семен Михайлович смотрел на Георгия Константиновича как на будущего комдива.

Думаю, Жуков неслучайно хотел убедить Симонова, что кавалерийскую дивизию он возглавил благодаря рекомендации Тимошенко и просьбе Уборевича, а отнюдь не по инициативе Буденного и Ворошилова. Дело в том, что после Великой Отечественной войны Георгий Константинович старался создать впечатление, что бывшие руководители Первой Конной способны были только шашками махать, а в современной войне мало что смыслили. Именно они де во многом виноваты в том, что в 41-м году Красная Армия к войне с Германией оказалась не готова. А выиграли эту войну новые командиры, вроде Жукова, прекрасно понимавшие роль авиации и танков. Для этой схемы очень неудобным оказалось то обстоятельство, что именно Будённый усиленно продвигал Жукова по службе. Получалось, если придерживаться творимого Жуковым мифа, что либо Семен Михайлович был не так уж глуп, раз давно заметил и выделил столь выдающегося в будущем полководца, либо на самом деле Буденный и Жуков, были два сапога пара, и автор «Воспоминаний и размышлений» в современной военной теорий и практике смыслил столь же мало, как и автор «Пройденного пути».

Тимошенко и Уборевич в качестве рекомендателей Жукову вполне подходили. О Тимошенко тому же Симонову он отзывался очень тепло: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивым, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном

отношении. Во всяком случае, Наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что после харьковской катастрофы ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильней некоторых других командующих, таких, например, как Ерёменко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова, и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным; если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт».

Семен Константинович Тимошенко, хотя и командовал в гражданскую войну дивизией в 1-й Конной армии, по возрасту был всего на год старше Жукова. Они ощущали себя ровесниками, людьми одного поколения. Поэтому для Георгия Константиновича Семен Константинович не отождествлялся с Ворошиловым и Буденным, хотя и был конармейцем. Жуков пытался создать у Симонова впечатление, что они с Тимошенко делали почти все возможное, чтобы устранить пагубные последствия ворошиловского руководства наркоматом обороны, да вот времени не хватило. Правда, не очень-то веришь Жукову, что Семен Константинович действительно не заискивал перед Иосифом Виссарионовичем. Как-никак Тимошенко стал сталинским сватом: его дочь Екатерина уже после Великой Отечественной войны вышла замуж за сына Сталина Василия. И брак этот наверняка заключался не без расчета — Семен Константинович тем самым гарантировал себя от вспышек гнева стареющего тирана (после смерти Сталина Василия посадили в тюрьму и Екатерина оставила мужа-алкоголика). Да и повоевать Тимошенко после Харькова Верховный все-таки давал. Семен Константинович координировал действия фронтов в Яссо-Кишиневской операции, за что и был награжден высшим военным орденом Победы. Что же касается Уборевича, то Георгий Константинович с Иеронимом Петровичем в конце концов подружились.

Возникает еще одна несуразица. Если Уборевич якобы всеми средствами боролся за то, чтобы 4-ю кавдивизию возглавил именно Жуков, то почему же, спрашивается, по первому поводу вкатил свежеиспеченному комдиву выговор, спровоцировав того на рапорт об откомандировании? Все станет на свои места, если принять за истину предположение, что Жукова Уборевичу рекомендовал Буденный.

Теперь уже достаточно широко известью, что в 30-е годы среди высшего начальствующего состава Красной Армии существовали две основные группировки, соперничавшие друг с другом. Одна объединяла Ворошилова, Буденного и других конармейцев. В состав второй входили Тухачевский, Якир, Уборевич и другие командиры» с 1-й Конной никак не связанные. Когда Уборевич узнал, что к нему командиром дивизии по рекомендации Буденного назначен бывший помощник Семена Михайловича, то мог заподозрить неладное. Вдруг новый комдив призван присматривать за ним? И Иероним Петрович попытался избавиться от Жукова, сделал ему необоснованный выговор, чтобы со временем приписать ему служебное несоответствие и тихо заменить своим человеком. Однако поведение Жукова, сразу поставившего вопрос ребром, как кажется, убедило Уборевича, что Георгий Константинович интриговать против него не будет. А вскоре командующий округом понял, что Жуков — командир толковый и исповедует взгляды на воспитание и боевую подготовку войск близкие к его, Уборевича, взглядам. И стал опекать командира 4-й Донской, рассчитывая перетянуть его из стана конармейцев в стан Тухачевского.

Ну, а жуковский доклад, который будто бы понравился Уборевичу… Дальше мы убедимся, что Георгию Константиновичу доклады обычно писали подчиненные-штабисты. Подозреваю, что и над сообщением на тему о действиях французской кавалерии в Первую мировую войну пришлось ударно потрудиться или начальнику штаба 4-й кавдивизии, или кому-то из его сотрудников.

Уборевич, как и Жуков, главное внимание уделял обучению и тактической подготовке бойцов и командиров Георгий Константинович сказал о нем теплые слова писателю Симонову:

«Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того, и другого и непревзойденным воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание».

Очевидно, Уборевич — выходец из бедной семьи литовских крестьян — был ближе Жукову, чем Тухачевский, происходивший

из обедневших, но дворян. Однако попытки Иеронима Петровича привлечь комдива 4-й на сторону группы Тухачевского окончились неудачей. В ином случае трудно было бы сомневаться, что Георгий Константинович в 37-38-м годах разделил бы печальную судьбу тысяч репрессированных командиров.

Жуков сохранил хорошие отношения с Ворошиловым и Буденным. В 1935 году 4-я кавалерийская дивизия за успехи в боевой и политической подготовке была удостоена ордена Ленина. Такую же награду с формулировкой «за выполнение спецзадания» в августе 1936 года получил и комдив. Спецзадание, очевидно, заключалось в оздоровлении вверенной ему дивизии.

Вручать 4-й кавалерийской орден приехал сам Буденный. Семен Михайлович обратился к бойцам с краткой напутственной речью: «Будьте достойны тех, кто в годы гражданской войны прославил вашу дивизию. У нас есть еще немало врагов, и нам следует быть начеку. Орден Ленина — это награда за все ваши труды, но она и зовет вас, товарищи, к новым делам во имя интересов нашей трудовой республики…». Потом выступил Жуков и от имени личного состава дивизии попросил Буденного передать родному ЦК и правительству, что «4-я дивизия, свято храня и умножая боевые традиции, всегда будет готова выполнить любой приказ Родины».

В мемуарах Георгий Константинович, однако, описывая тот визит Буденного, не пожалел иронии: «…С.М. Буденный умел разговаривать с бойцами и командирами. Конечно, занятий, учений или штабных игр с личным составом он сам не проводил. Но ему это в вину никто не ставил. Хотя, конечно, это было большим минусом в его деятельности. Видимо, считали, что Семен Михайлович теперь больше политическая фигура, чем военная». И тут же противопоставил «плохому военачальнику» Буденному «хорошего» Уборевича: «Это был настоящий советский военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. Он был в полном смысле слова военный человек. Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли — все говорило о том, что И.П. Уборевич незаурядный военный руководитель. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой».

Может, завидовал Георгий Константинович Буденному, что тот умеет говорить с бойцами, заглянуть им в душу. Ведь Семен Михайлович был полководцем гражданской войны, а там от умения убеждать подчиненных, что они идут в бой за правое дело, зависел зачастую исход сражения. Вот Жукову найти общий язык с красноармейцами и командирами было сложно. Он привык не убеждать, а принуждать. А в портрете Уборевича-полководца, похоже, изобразил собственный идеал военачальника. Но если вдуматься, как и во всяком мифе мы здесь увидим немало нелепостей. Почему командующий округом, спрашивается, непременно должен сваливаться на подчиненных как снег на голову? Если он человек опытный и знающий, то и так отличит показуху от истинного положения вещей в части и никакие «потемкинские деревни» его в заблуждение не введут. И откуда Жуков сделал вывод, что Иероним Петрович «в совершенстве» освоил «оперативно-тактическое искусство»? Воевать вместе с Уборевичем Георгию Константиновичу довелось лишь при подавлении Тамбовского восстания. Но там между ними, командиром эскадрона и заместителем командующего войсками губерний, была дистанция огромного размера, и Жуков никак не мог оценить мастерство будущего командующего Белорусским военным округом. А потом Уборевичу больше воевать не довелось. И нельзя судить, был ли он корифеем военного искусства или всего лишь «непревзойденным воспитателем войск». Но Георгий Константинович явно примерял эпитеты, которыми наградил Иеронима Петровича, к самому себе. К тому же соперничать с Уборевичем ему никогда не приходилось. Никакой неприязни к командующему БВО Жуков наверняка не испытывал. Чистка же 1937–1938 годов, жертвой которой пал Уборевич, открыла перед нашим героем невиданные ранее возможности продвижения по службе.

В 1935 году после награждения орденом Ленина жуковскую дивизию из 3-го кавкорпуса, которым вместо Тимошенко, ставшего заместителем Уборевича, руководил комкор Л.Я. Вайнер, перевели в 6-й, во главе которого стоял Е.И. Горячев. В связи с введением в Красной Армии персональных воинских званий Георгию Константиновичу в ноябре 1935 года было присвоено звание «комбриг». В апреле 1936 года казакам вновь разрешили служить в армии, а ряд кавалерийских соединений сделали казачьими. 4-я кавалерийская дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью дивизию, и в ней была введена казачья форма — синие шаровары с красными лампасами и синие фуражки с красными околышами. Хотя далеко не все

бойцы в действительности происходили из бывшего казачьего сословия.

На осенних окружных маневрах 1936 года жуковская дивизия вновь блеснула хорошей подготовкой. На маневрах присутствовал сам нарком Ворошилов, и на его глазах 4-я дивизия произвела форсирование Березины, причем танки БТ-5 из входившего в состав дивизии механизированного полка преодолели реку своим ходом. Климент Ефремович остался доволен. На разборе учений он высоко оценил действия Жукова, а по возвращении в Москву с удовлетворением сообщил Буденному, что 4-я Донская казачья дивизия обрела прежнюю славу. И добавил:

«В этом заслуга Жукова, Таких командиров нам бы побольше».

Перспективный командир дивизии явно мог рассчитывать на более высокую должность. Однако непредвиденное происшествие задержало продвижение Георгия Константиновича по службе. Вот что рассказывал М.М. Пилихин, по приглашению брата гостивший в Слуцке во время маневров 1936 года: «Летом Георгий мою семью пригласил в Слуцк во время отпуска. В 1936 году там стали проводить полевые учения. День был солнечный, было душно. Жукова и начальника штаба угостили холодным молоком. На другой день они почувствовали себя плохо — заболели бруцеллезом. Их отправили в Минск, а потом в Москву в Центральный военный госпиталь, где они и находились на лечении семь-восемь месяцев. Все это время мы с Клавдией Ильиничной навещали Георгия. Приехала Александра Диевна с дочкой Эрочкой. Жили они у нас в Брюсовском переулке. Брат поправился, его из госпиталя направили с семьей на юг в дом отдыха, он там хорошо отдохнул и вернулся в Москву…».

Об этом же случае вспоминает и — дочь Жукова Эра:

«В 1936 году в Слуцке — это уже я и сама хорошо помню — он, выпив сырого молока, перенес тяжелое заболевание бруцеллезом. В гарнизоне было два заболевания этим тяжелейшим недугом… в связи с чем считали, что их обоих, возможно, заразили намеренно. Папа едва не умер. Тяжелое течение болезни и серьезные осложнения заставили его долгое время лежать и лечиться в госпитале и дома. Однако он полностью преодолел свой недуг. И, как считали врачи, только благодаря своему крепкому организму, закалке и силе воли. За

время болезни он невероятно похудел. Скрупулезно выполняя все указания врачей, он смог вернуться к работе. Тогда же он навсегда бросил курить».

Уже в 50-е годы, когда отношения с мужем окончательно разладились, Александра Диевна с иронией говорила о той жуковской болезни своим близким друзьям: «Жорж оказался предусмотрительным в то страшное время репрессий, затянув пребывание на больничной койке». Думаю, здесь сыграла роль ее обида на супруга. Врачи в Москве были опытные и симулянта быстро бы разоблачили со всеми вытекающими из данного факта последствиями. Да и бруцеллез, тяжелое инфекционное заболевание, передающееся человеку от домашних животных и вызывающее волнообразную лихорадку, увеличение печени и селезенки, боль в суставах и другие неприятные симптомы, на самом деле требует длительного лечения. А если в заражении Жукова бруцеллезом подозревали акт вредительства, то Георгию Константиновичу создавалось своеобразное алиби. Не станет же враг врага травить зараженным молоком!

Летом 1936 года, действительно, начался новый этап репрессий в Красной Армии, Он затронул на этот раз, в первую очередь, не бывших царских офицеров, как было прежде, а казавшихся вполне благонадежными командиров — коммунистов и комиссаров. Они, если и служили в императорской армии, то в небольших чинах, а в партию большевиков вступили, как Тухачевский, еще в гражданскую войну или даже, как глава армейских политработников Я.Б. Гамарник, имели дореволюционный партийный стаж. Но в ту пору ни Жуков, ни кто-либо еще из военных не могли предвидеть размах террора, который лишил Красную Армию большей части тогдашнего высшего командного и политического состава. В 1936 году из известных военачальников были арестованы только В.М. Примаков, В.К. Путна, Д.А. Шмидт и Ю.В. Саблин. Жуков когда-то учился на ККУКС, начальником которых был Примаков, и командовал полком в 7-й кавдивизии, когда ее возглавлял Шмидт. Однако в подобных же отношениях с арестованными находились десятки, если не сотни, командиров такого же ранга, как и Жуков. И Георгий Константинович не должен был еще ощущать особой опасности для себя лично. Вот когда в мае 1937 году взяли Уборевича, Жуков мог заволноваться. О тесных отношениях Георгия Константиновича с бывшим командующим округом было достаточно широко известно. Однако как раз тогда срок пребывания в госпитале уже подходил к концу. Затем —

санаторий, и в июле 1937 года, всего через какой-то месяц с небольшим после казни Тухачевского и его товарищей, в самый разгар репрессий в Красной Армии, Жуков поднимается на новую ступеньку в военной иерархии. Его назначают командиром 3-го кавалерийского корпуса, располагавшегося в районе Минска, и производят в комдивы. Жуковские предшественники на этом посту, Л.Я. Вайнер и Д.Ф. Сердич, были уже к тому времени арестованы. Вскоре, их расстреляли.

Георгий Константинович вспоминал, как его назначили командиром корпуса: «Через пару недель после ареста комкора Д. Сердича я был вызван в город Минск в вагон командующего войсками округа. Явившись в вагон, я не застал там командующего войсками округа, обязанности которого в то время выполнял комкор В.М. Мулин. Через два месяца В.М. Мулин был также арестован как „враг народа“, а это был не кто иной, как старый большевик, многие годы просидевший в царской тюрьме за свою большевистскую деятельность. В вагоне меня принял член Военного совета округа Ф.И. Голиков (будущий Маршал Советского Союза, с которым у Жукова были довольно острые столкновения в годы Великой Отечественной войны. — Б.С.)… Он был назначен вместо арестованного члена Военного совета П.А. Смирнова, мужественного и талантливого военачальника.

Задав мне ряд вопросов биографического порядка, Ф.И. Голиков спросил, нет ли у меня кого-либо арестованных из числа родственников или друзей. Я ответил, что не знаю, так как не поддерживаю связи со своими многочисленными родственниками. Что касается близких родственников — матери и сестры, то они живут в настоящее время в деревне Стрелковка и работают в колхозе. Из знакомых и друзей много арестованных.

— Кто именно? — спросил Ф.И. Голиков.

— Хорошо знал арестованного Уборевича, комкора Сердича, комкора Вайнера, комкора Ковтюха, комкора Кутякова, комкора Косогова, комдива Верховского, комкора Грибова, комкора Рокоссовского.

— А с кем из них вы дружили? — спросил Ф.И. Голиков.

— Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем. С Рокоссовским учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в городе

Ленинграде и совместно работал в 7-й Самарской кавдивизии. Дружил с комкором Косоговым и комдивом Верховским при совместной работе в Инспекции кавалерии. Я считал этих людей большими патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами, — ответил я.

— А вы сейчас о них такого же мнения? — глядя на меня в упор, спросил Ф.И. Голиков.

— Да, и сейчас.

Ф.И. Голиков резко встал с кресла и, покраснев до ушей, грубо сказал:

— А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?

Я ответил, что не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла какая-то ошибка. Я почувствовал, что Ф.И. Голиков сразу настроился на недоброжелательный тон, видимо, он остался неудовлетворенным моими ответами. Порывшись в своей объемистой папке, он достал бумагу и минут пять ее читал, а потом сказал:

— Вот в донесении комиссара 3-го конного корпуса Юнга сообщается, что вы бываете до грубости резки с подчиненными командирами и политработниками и что иногда недооцениваете роль и значение политических работников. Верно ли это?

— Верно, но не так, как пишет Юнг. Я бываю резок не со всеми, а только с теми, кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявлять большевистскую твердость и настойчивость, — ответил я.

— Есть сведения, что не без вашего ведома ваша жена крестила в церкви дочь Эллу (она родилась 8 апреля 1937 года. — Б. С.). Верно ли это? — продолжал Ф.И. Голиков.

— Это очень неумная выдумка. Поражаюсь, как мог Юнг,

будучи неглупым человеком, сообщить такую чушь, а тем более он, прежде чем написать, должен был бы провести расследование.

Дальнейший разговор был прерван приходом в вагон исполнявшего должность командующего войсками округа В.М. Мулина… После предварительной беседы В.М. Мулин сказал:

— Военный совет округа предлагает назначить вас на должность командира 3-го конного корпуса. Как вы лично относитесь к этому предложению?

Я ответил, Что готов выполнять любую работу, которая мне будет поручена.

— Ну вот и отлично, — сказал В.М. Мулин. Ф.И. Голиков протянул В.М. Мулину донесение комиссара 3-го конного корпуса Н.А. Юнга, отдельные места которого были подчеркнуты красным карандашом.

В.М. Мулин, прочитав это донесение, сказал:

— Надо пригласить Юнга и поговорить с ним. Я думаю, что здесь много наносного. Голиков молчал.

— Езжайте в дивизию и работайте. Я свое мнение сообщу в Москву. Думаю, что вам скоро придется принять 3-й корпус, — Сказал В.М. Мулин.

Распрощавшись, я уехал в дивизию.

Прошло не менее месяца после встречи и разговора с Ф.И. Голиковым и В.М. Мулиным, а решения из Москвы не поступало. Я считал, что Ф.И. Голиков, видимо, сообщил обо мне в Москву свое отрицательное мнение, которое сложилось у него на основании лживого донесения Юнга. А я, откровенно говоря, отчасти даже был доволен тем, что не получил назначения на высшую должность, так как тогда шла какая-то особо активная охота на высших командиров со стороны органов государственной безопасности. Не успеют выдвинуть человека на высшую должность, гладишь, а он уже взят под арест как «враг народа», и мается бедняга в подвалах НКВД… Однако вскоре все же был получен приказ наркома обороны о назначении меня командиром 3-го конного корпуса».

Некоторые заведомые неправильности речи, вроде «безответственно несет свой долг», в этом в целом грамотно, по законам драматургии выстроенном диалоге, указывают на то, что Жуков воспроизводит какой-то реально состоявшийся разговор с Голиковым. Однако в содержании этой беседы многое мемуарист просто придумал.

Мы можем более или менее точно датировать, когда состоялась встреча Жукова с Голиковым и Мулиным и обсуждение доноса Юнга. Дело происходит уже после ареста Уборевича, а этот арест произошел 29 мая. И до назначения Жукова командиром 3-го кавалерийского корпуса, последовавшего в июле, остается примерно месяц. Значит, разговор Георгия Константиновича с руководством округа происходил в июне 37-го, скорее всего, уже после того, как Тухачевский и Уборевич были осуждены и расстреляны. Но в этом случае заставить Голикова говорить о Рокоссовском как о враге народа Жуков мог только силой собственного воображения. В июне, равно как и в июле 1937 года, Константин Константинович пребывал на свободе и в добром здравии. Его арестуют позже, в августе месяце. Излагая беседу с Голиковым, Жуков скорее всего придумал ту ее часть, где член Военного совета округа спрашивает о связях с врагами народа, а бравый комдив, рыцарь без страха и упрека, открыто заявляет, что не верит в виновность своих друзей, не считает их врагами народа. Думаю, что Филипп Иванович действительно спросил Георгия Константиновича, дружил ли он с врагом народа Уборевичем. И Жуков честно ответил, что общался с бывшим командующим округом главным образом по служебным делам и понятия не имел, что Иероним Петрович замыслил заговор. Другие военачальники, названные Жуковым, в те дни еще на свободе гуляли. Например, Петр Александрович Смирнов был арестован только год спустя, 30 июня 1938 года. Из Белорусского же округа его перевели еще в 1935 году. А летом 1937 года Смирнов занимал высокий пост начальника политуправления РККА. Ему непосредственно и подчинялся Голиков, который, следовательно, никак не мог сменить «мужественного и талантливого военачальника» в Минске.

Кстати сказать, люди, знакомые с порядками кадровых перемещений в Красной Армии, сразу отметят: Представлению Военного совета Белорусского военного округа о назначении Жукова командиром 3-го кавкорпуса наверняка предшествовало указание со стороны Ворошилова и Буденного (вряд ли

назначения командиров-кавалеристов производились без консультаций с Семеном Михайловичем).

Вскоре над головой Георгия Константиновича действительно сгустились тучи. Вот что он написал в «Воспоминаниях и размышлениях» о начале службы в 3-м кавкорпусе: «По прибытии в корпус меня встретил начальник штаба корпуса Д. Самарский. Первое, о чем он мне доложил, — это об аресте как „врага народа“ комиссара корпуса Юнга, того самого Юнга, который написал на меня клеветническое донесение Ф.И. Голикову. Внутренне я как-то даже был доволен тем, что клеветник получил по заслугам». Здесь мне хочется подчеркнуть, что доносчик пострадал только потому, что Ворошилов успел уже сделать свой выбор в пользу Жукова. Николая Альбертовича благополучно расстреляли в 1938 году.

Обстановка, по свидетельству Жукова, была мрачной: «…В большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая подготовка командно-политического состава, понизилась требовательность и, как следствие, ослабла дисциплина и вся служба личного состава. В ряде случаев демагоги влияли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки „вражеского подхода“ к воспитанию личного состава… Находились и такие, которые занимались злостной клеветой на честных командиров с целью подрыва доверия к ним со стороны солдат и начальствующего состава. Пришлось резко вмешаться в положение дел, кое-кого решительно одернуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною была в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники корпуса. На другой же день на меня посыпались донесения в округ с жалобой к Ф.И. Голикову, письма в органы госбезопасности, „о вражеском воспитании кадров“ со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова».

Далее Георгий Константинович рассказывает, как на партсобрании заступился за командира одной из дивизий корпуса В.Е. Белокоскова, которого обвиняли в близких отношениях с только что разоблаченными врагами народа Уборевичем, Сердичем, Юнгом и др. Несчастному грозило исключение из партии с практически неизбежным последующим арестом. Жуков же будто бы подчеркнул, что отношения Белокоскова с этими людьми носили чисто служебный характер, и предложил

ограничиться обсуждением без каких-либо оргвыводов. Так и поступили.

Маршал прямо не утверждает, но у читателей «Воспоминаний и размышлений» создается впечатление, будто последующие репрессии по партийной линии могли быть вызваны его принципиальным поведением в деле Белокоскова. Кроме того, Жуков дает понять, что партсобрание, на котором его самого чуть было не исключили из большевистских рядов, состоялось через год или полтора после этого дела, когда он возглавлял уже 6-й казачий корпус, дислоцировавшийся в Осиповичах: «Как-то вечером ко мне в кабинет зашел комиссар корпуса (6-го, — Б.С.) Фомин. Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал:

— Знаешь, завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов, будут тебя разбирать в партийном порядке.

Я спросил:

— Что же такое я натворил, что такой большой актив будет меня разбирать? А потом, как же меня будут разбирать, не предъявив мне заранее никаких обвинений, чтобы я мог подготовить соответствующее объяснение?

— Разбор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса, а я не в курсе поступивших заявлений, — сказал Фомин.

— Ну что же, посмотрим, в чем меня хотят обвинить, — ответил я Фомину.

На другой день действительно собрались человек 80 коммунистов, и меня пригласили на собрание. Откровенно говоря, я немного волновался, и мне было как-то не по себе, тем более что в то время очень легко пришивали ярлык «врага народа» любому честному коммунисту.

Собрание началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников… Указывалось, что я многих командиров и политработников незаслуженно обижал и не выдвигал на высшие должности, умышленно замораживал опытные кадры, чем сознательно наносил вред нашим вооруженным силам. Короче говоря, дело вели к тому, чтобы

признать, что в воспитании кадров я применял вражеские методы. После зачтения ряда заявлений начались прения. Как и полагалось, выступили в первую очередь те, кто подал заявления.

На мой вопрос, почему так поздно поданы на меня заявления, так как прошло полтора-два года от событий, о которых упоминается в заявлениях, ответ был дан:

— Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами.

Второй вопрос: об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим «врагам народа». Спрашивается, почему Уборевич при проверке дивизии обедал у вас, товарищ Жуков, почему к вам всегда так хорошо относились Сердич, Вайнер и другие?

Затем выступил начальник политотдела 4-й кавдивизии С.П. Тихомиров… Его речь была ярким примером приспособленца. Он лавировал между обвинителями, а в результате получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы, в чем прав и в чем не прав Жуков. Тихомиров уклонился от прямого ответа. Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова объективной оценки моей деятельности, но этого не получилось. Поэтому скажу, в чем я был не прав, а в чем прав, чтобы отвергнуть надуманные претензии ко мне.

Первый вопрос о грубости. В этом вопросе; должен сказать прямо, что у меня были срывы, и я был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. Я не хочу оправдываться в том, что в дивизии было много недочетов в работе личного состава, проступков и чрезвычайных происшествий. Как коммунист, я, прежде всего, обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани.

Что касается обвинения в том, что у меня обедал Уборевич — «враг народа», должен сказать, что у меня обедал командующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он враг народа? Никто. Что касается хорошего отношения ко мне со стороны Сердича и Вайпера — могу сказать, что мы все должны бороться за то, чтобы были хорошие отношения между начальниками и подчиненными. Вы правы, критикуя мое плохое отношение к

некоторым командирам, но не вправе критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера. За это, скорее, надо было бы похвалить, чем бросать двусмысленные намеки и бездоказательные обвинения.

Относительно замечания начальника политотдела 4-й кавдивизии Тихомирова о том, что я недооцениваю политработников, должен сказать прямо: да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку, чтобы командир учел это в своей работе и не допускал бы промахов.

Организаторы этого собрания, видимо, рассчитывали на то, чтобы исключить меня из партии или, в крайнем случае, дать строгое партийное взыскание, но коммунисты не пошли на это.

После критических выступлений собрание приняло решение, которое явилось для меня серьезной помощью. В решении партактива было сказано: «Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова Г.К.».

Откровенно говоря, для меня выступление начальника политотдела 4-й кавалерийской дивизии С.П. Тихомирова было несколько неожиданным. Мы работали вместе около четырех лет. Жили в одном доме. Как начальник политотдела и мой заместитель по политчасти он меня, безусловно, не удовлетворял (спрашивается, почему же тогда за четыре года Георгий Константинович ни разу не поставил вопрос о замене Тихомирова? — Б. С.), но в частной жизни, как человек, он был хороший во всех отношениях и ко мне всегда относился с большим тактом и уважением (подозреваю, что неудовлетворенность Жукова работой своего заместителя возникла только после злополучного партсобрания. — Б.С.). Он всегда подчеркивал, что как единоначальник я являюсь полноценным политическим руководителем и пользуюсь

настоящим партийным авторитетом у командного, состава, в том числе и у политработников.

Когда кончилось собрание, я не утерпел и спросил Тихомирова:

— Сергей Петрович, вы сегодня обо мне говорили не то, что всегда, когда мы работали вместе в дивизии. Что соответствует истине — ваши прежние суждения обо мне или та характеристика, которая была дана вами сегодня?

Он ответил:

— Безусловно та, что всегда говорил. Но то, что сегодня сказал, — надо было сказать. Я вспылил и ответил:

— Я очень жалею, что когда-то считал тебя принципиальным товарищем, а ты просто приспособленец.

С тех пор я перестал считать его своим товарищем. При встречах с ним отвечал только на служебные вопросы».

Опять перед нами сказочный богатырь, легко поражающий врагов, в том числе и оборотня — бывшего друга-комиссара. Симонову же Жуков по этому поводу рассказывал уже нечто совсем апокрифическое. Будто бы Сталин, когда Тимошенко назвал ему «командира кавалерийского корпуса Жукова» (на самом деле тогда — уже заместителя командующего округом) в качестве кандидата на пост командующего на Халхин-Голе, заявил: «Жуков… Жуков… Что-то я не помню эту фамилию». Тогда Ворошилов напомнил: «Это тот самый Жуков, который в тридцать седьмом прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекли к партийной ответственности». «Ну, и чем дело кончилось?» — спросил Сталин. Ворошилов, как утверждал Жуков, ответил, что все кончилось благополучно: выяснилось, что для привлечения к ответственности не было оснований.

Я не знаю, как именно проходило то памятное Жукову партсобрание, не знаю, сохранился ли где-нибудь его протокол. Не знаю даже, выступал ли на нем С.П. Тихомиров — один из немногих политработников, кому посчастливилось избежать репрессий в 1937–1938 годах. Зато знаю точно: насчет времени, хода и исхода партсобрания и о посланных Сталину и

Ворошилову телеграммах, будто бы приведших к отмене несправедливого решения, Георгий Константинович откровенно врет. Иначе не скажешь. Потому что в автобиографии, датированной 13 июня 1938 года, Жуков прямо писал: «Партвзыскание имею — „выговор“ от 28.1.38 г. за грубость, за зажим самокритики (? — что значит сия абракадабра на партийном жаргоне — я не знаю; зажим критики — еще понять можно: не позволяет подчиненным критиковать командира, но что же такое „зажим самокритики“? То ли Жуков не позволял другим критиковать самих себя, то ли каким-то образом подавлял собственные порывы к самобичеванию? — Б,С.), недооценку политработы, за недостаточную борьбу с очковтирательством. Связи с врагами ни у меня, ни у моей жены не было и нет. С 25 февраля 1938 года выдвинут командиром части 6323 (т. е., командиром 6-го казачьего кавалерийского корпуса. — Б.С.). Проходил проверку при отделе, руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Приказом НКО № 063 выдвинут заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (в связи с этим и была написана автобиография. — Б. С.)».

Легко убедиться, что партсобрание, о котором рассказал Жуков в своих мемуарах, состоялось 28 января 1938 года, еще в бытность Георгия Константиновича командиром 3-го кавкорпуса. И разбирали там наверняка не события полутора— или двухгодичной давности, а итоги полугодичного командования корпусом. Очевидно, за это время Жуков успел своей грубостью и хамством, что называется, «достать» многих командиров и политработников, которые и выступили инициаторами обсуждения его поведения на собрании. И партийная организация, вопреки жуковскому утверждению в «Воспоминаниях и размышлениях», отнюдь не «ограничилась обсуждением вопроса», а вынесла командиру корпуса полновесный выговор. Только вот никаких политических обвинений против Жукова не было. Иначе никто бы не рискнул выдвинуть его командиром самого мощного в Белорусском округе корпуса. Неслучайно Жуков отмечал в мемуарах, что «6-й корпус но своей подготовке и общему состоянию стоял выше 3-го корпуса» и «по своей боеготовности был много лучше других частей» (получается, что 3-й корпус под жуковским руководством так и не успел стать передовым).

Вот о другом пункте обвинений, насчет очковтирательства, Георгий Константинович в мемуарах предпочел ничего не писать. По всей видимости, речь шла о том, что донесения из частей

корпуса приукрашивали показатели боевой и политической подготовки, а Жуков к таким донесениям порой относился некритически.

Для Ворошилова, однако, грубость по отношению к подчиненным большим грехом никогда не являлась. Да и очковтирательство было общераспространенным явлением в Красной Армии, как и во всей стране. Вряд ли 3-й кавкорпус как-то особо выделялся здесь в худшую сторону. Что же касается отраженных в выговоре обвинений в «недооценке политработы» и загадочном «зажиме самокритики», то по сравнению с сотнями и тысячами осужденных «заговорщиков» и «шпионов» это была сущая ерунда. Людей для замещения высших командных должностей, освобождаемых арестованными «врагами народа», катастрофически не хватало. Поэтому командир с неснятым партвзысканием, но зато остающийся на хорошем счету у руководства наркомата обороны, в ту пору был вполне приемлемой кандидатурой для выдвижения на новые ступеньки военной иерархии.

Предшественник Жукова в 6-м кавкорпусе комкор Елисей Иванович Горячев был одним из тех, кто судил Тухачевского, Якира, Уборевича и других участников мнимого «военно-фашистского заговора». Через восемь месяцев после суда он получил повышение: был назначен заместителем командующего Киевским военным округом Тимошенко. Однако вскоре на одном из партсобраний Горячеву припомнили дружбу с тем же Уборевичем, Сердичем и другими «врагами народа». Елисей Иванович неизбежного финала ждать не стал, оказаться в шкуре Тухачевского и испытывать предсмертные унижения не захотел. Он просто застрелился. В то время и руководство Белорусского военного округа успело смениться. Преемник Уборевича командарм 1-го ранга И.П. Белов был арестован 7 января 1938 года. Новый командующий М.П. Ковалев, командарм 2-го ранга (один из немногих носителей этого высокого звания, избежавший репрессий) подбирал кадры для замещения освободившихся вакансий в штабе округа. Заместителем командующего по кавалерии был назначен Жуков.

Существует версия, что Георгий Константинович сам оказался причастен к выявлению «врагов народа» и благодаря этому получил индульгенцию всех грехов, в том числе злосчастного выговора, и мощное ускорение своей карьеры. В 1989 году в № 10 журнала «Знамя» писатель Владимир Карпов опубликовал донос

на Маршала Советского Союза А.И. Егорова следующего содержания:

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР тов. ВОРОШИЛОВУ.

Вскрытие гнусной, предательской, подлой работы в рядах РККА обязывает всех нас проверить и вспомнить всю ту борьбу, которую мы под руководством партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА провели в течение 20-ти лет. Проверить с тем, что все ли мы шли искренно и честно в борьбе за дело партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА, как подобает партийному и непартийному большевику, и нет ли среди нас примазавшихся попутчиков, которые шли и идут ради карьеристической, а может быть и другой, вредительско-шпионской цели.

Руководствуясь этими соображениями, я решил рассказать т. ТЮЛЕНЕВУ следующий факт, который на сегодняшний день, считаю, имеет политическое значение.

В 1917 году, в ноябре м-це, на Съезде 1-й Армии в Штокмазгофе, где я был делегатом, я слышал выступление бывшего тогда правого эсера подполковника ЕГОРОВА А. И., который в своем выступлении называл товарища ЛЕНИНА авантюристом, посланцем немцев. В конечном счете, речь его сводилась к тому, чтобы солдаты не верили ЛЕНИНУ, как борцу-революционеру, борющемуся за освобождение рабочего класса и крестьянства.

После его выступления выступал меньшевик, который, несмотря на вражду к большевикам, и он даже отмежевался от его выступления.

Дорогой товарищ Народный Комиссар, может быть, поздно, но я, поговорив сегодня с товарищем ТЮЛЕНЕВЫМ, решил сообщить это Вам.

ЧЛЕН ВКП(б) (Г. ЖУКОВ)».

И подпись-автограф — «Жуков» (сам текст доноса отпечатан на пишущей машинке).

Карпов решил, что автор доноса — наш герой, Георгий Константинович Жуков. И основания к такому заключению были.

Ведь упоминаемый в тексте письма «товарищ Тюленев» — это Иван Владимирович Тюленев, который тогда занимал пост заместителя инспектора кавалерии. Значит, автор письма почти наверняка был командиром-кавалеристом. Г.К. Жуков же, как известно, два года служил в Инспекции кавалерии РККА и Тюленева хорошо знал. Когда Георгий Константинович был там секретарем парторганизации, то Иван Владимирович состоял заместителем секретаря. Кроме того, казалось, что этот донос хорошо объясняет последующее стремительное карьерное восхождение Георгия Константиновича. Карпов, признавая, что процитированное письмо «не украшает Жукова», попытался оправдать доносчика: «Рассказал как-то Жуков о выступлении Егорова Тюленеву. А теперь спохватился вдруг Тюленев сообщит об этом куда следует?.. Что же получится? Жуков сам об этом не сообщает, значит… Ну и так далее. Уж если совершенно невинным людям „пришивали“ шпионаж, террор, то при наличии такого разговора от ареста не спасешься. Потом я обратил внимание на последнюю строчку письма; подчеркнуто еще раз: „поговорив с товарищем Тюленевым, решил сообщить“. Видно, это все время мучило Жукова — доложил Тюленев или нет? И вот, еще раз поговорив с ним и понимая, что если он и теперь промолчит, то за „сокрытие“ наверняка будет обвинен… ну и „решил сообщить“.

Я обратил внимание на то, что письмо Жукова поступило в канцелярию наркома 26.1.38 года (дата на полях письма, хотя и не очень четкая). Егоров еще в мае 1937 года, за месяц до процесса Тухачевского, был освобожден от должности начальника Генерального штаба, а вскоре арестован и погиб. Так что судьба Егорова была предрешена задолго до письма Жукова».

Здесь милейший Владимир Васильевич заблуждался. Падение Александра Ильича Егорова началось отнюдь не в мае 1937 года, а значительно позднее. 10 мая Егоров действительно оставил пост начальника Генштаба… чтобы занять более высокую должность первого заместителя наркома обороны. Она как раз освободилась после снятия Тухачевского, которому жизни оставалось всего месяц. Катастрофа для Александра Ильича настала в самом конце января 1938 года, когда маршала неожиданно сняли с высокого поста и направили командовать далеко не самым важным Закавказским округом. 8 февраля, через четыре дня после прибытия Егорова к новому месту службы в Тбилиси, арестовали его жену Галину Антоновну Цешковскую, обвинив в шпионаже в пользу Польши (через неделю измученная женщина подписала

требуемые показания). А еще через полтора месяца, 27 марта, взяли и самого Александра Ильича. Расстреляли маршала в день Красной Армии, 23 февраля 1939 года.

Именно жуковский донос стал началом падения Егорова. Не будь этого письма, возможно, Сталин и сохранил бы маршала в живых. В оппозиции ни Сталину, ни Ворошилову Александр Ильич никогда не был, на фронтах гражданской войны был вместе с Иосифом Виссарионовичем и никогда с ним не конфликтовал. Видно, Сталин колебался насчет Егорова, но в итоге предпочел расстаться с не слишком одаренным, по его мнению, полководцем, да еще с запятнанной биографией. Маршал не только Ленина прилюдно называл авантюристом (что несправедливо) и германским агентом (что близко к истине, но что любопытно: на том съезде в Штокмазгофе были сотни, если не тысячи делегатов, а донес только один!). Александр Ильич, когда служил еще в императорской армии в Закавказье капитаном, участвовал в подавлении революционных выступлений 1905–1906 годов. А ведь даже после ареста жены, но еще находясь на свободе, после первых ставок с уже арестованными врагами народа маршал писал Ворошилову: «… Моя политическая база, на основе которой я жил в течение последних 20 лет, живу сейчас и буду жить до конца моей жизни — это наша великая партия ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ее принципы, основы и генеральный курс… Я не безгрешен… Но со всей решительностью скажу, что я тотчас же перегрыз бы горло всякому, кто осмелился бы говорить и призывать к смене руководства… Мое политическое лицо не обрызгано ни одной каплей грязи и остается чистым, как оно было на протяжении всех 20 лет моего пребывания в рядах партии и Красной Армии… Если бы я имел за собой, на своей совести и душе хоть одну йоту моей вины в отношении политической связи с бандой врагов и предателей партии, родины и народа, я не только уже теперь, а еще в первые минуты, когда партия устами вождя товарища СТАЛИНА объявила, что сознавшиеся не понесут наказания, да и без этого, прямо и откровенно об этом заявил, в первую голову товарищу СТАЛИНУ и Вам. Но ведь нет самого факта для признания, нет вопросов моей политической вины перед партией и родиной как их врага, изменника и предателя».

Стиль письма Егорова удивительно напоминает стиль поступившего на него доноса. И доносчик, и маршал одинаковыми словами клянутся в политической благонадежности, оба вспоминают о своем двадцатилетнем

пребывании в рядах партии. Фраза «я тот час же перегрыз бы горло всякому, кто осмелился бы говорить и призывать к смене руководства» вполне подошла бы Г.К. Жукову в 1957 году, в июне и в октябре. Сначала, когда он помогал Хрущеву громить «Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова», а потом, когда сам оказался в шкуре членов «антипартийной группы».

Во втором письме Ворошилову Егоров, уже исключенный из ЦК и ожидавший ареста, обращался «к вождю нашей партии, учителю моей политической юности в рядах нашей партии т. Сталину», верил, что «он не откажет засвидетельствовать… мою преданность Советской власти», вспоминал, что в Красной Армии проливал свою кровь «в борьбе с врагами на полях сражений», клялся «ценой жизни», что не изменник и не предатель. А в первом письме сообщал: «Я хочу в личной беседе заявить ему (Сталину. — Б С.), что все то светлое прошлое, наша совместная работа на фронте остается и впредь для меня самым дорогим моментом жизни и что это прошлое я никогда и никому не позволял чернить, а тем более не допускал и не могу допустить, чтобы я хоть в мыслях мог изменить этому прошлому и сделаться не только уже на деле, но и в помыслах врагом партии и народа». Александр Ильич явно рассчитывал, что Ворошилов покажет его письма Сталину, и вождь поверит в искренность соратника по борьбе с Деникиным и Пилсудским и прикажет прекратить начатую травлю. Егорову, судя по всему, доноса так и не предъявили. Иначе маршал вряд ли бы рискнул утверждать, будто его политическое лицо «не обрызгано ни одной каплей грязи», а предпочел бы покаяться (что его, впрочем, тоже бы не спасло). Сталин-то донос, можно не сомневаться, читал и знал цену егоровским уверениям.

На публикацию в «Знамени» откликнулись дочери Георгия Константиновича Эра и Элла. Во 2-м номере того же журнала за 1990 год появилось их гневное письмо: «Мы были в состоянии шока. Думается, что автор, который якобы „некоторое время не мог продолжать работу“, мог бы употребить его на установление подлинности столь поразившего его документа. Мы же не могли ни на минуту поверить, зная прямоту и честность отца, что он мог написать такую бумагу даже из-за „инстинкта самосохранения“, как предполагает Карпов. Больше всего нас убеждала в том, что это фальшивка, сама подпись. Бросается в глаза, что она не имеет ничего общего с подлинной его росписью. А также тот факт, что такого рода письмо отпечатано на машинке. Уж это-то могло бы

насторожить В. Карпова!»

Эра Георгиевна и Элла Георгиевна добились проведения судебной экспертизы. Заключение эксперта Л.В. Макаровой гласило, что «различающиеся признаки устойчивы, существенны и образуют совокупность, достаточную для вывода о выполнении данной подписи не самим Жуковым Г.К., а другим лицом. Отмеченные выше внешнее сходство, совпадения отдельных общих и частных признаков… могут быть (вероятно) объяснены выполнением подписи с подражанием подлинным подписям Жукова Г.К.». И вывод: «Подпись от имени Жукова Г.К., расположенная в письме на имя Народного Комиссара обороны СССР тов. Ворошилова от 26 января 1938 г. справа от слов „Член ВКП(б)“, выполнена не самим Жуковым Георгием Константиновичем, а другим лицом, вероятно, с подражанием подлинным подписям Жукова Г.К.».

Владимир Васильевич Карпов результатами экспертизы был сражен наповал. В переиздания своих книг о Жукове злосчастный донос не включал, а в письме тогдашнему главному редактору «Знамени» Григорию Яковлевичу Бакланову заявил: «Если это действительно так (т. е. подпись под доносом не Георгия Константиновича. — Б.С.), я буду счастлив!» И стал оправдываться: «У меня на столе ксерокопии многих документов, написанных и подписанных лично Жуковым. Подписи под ними не всегда идентичны, это часто зависело от настроения маршала и от обстановки, в которой он подписывал документ. Но, разумеется, я не специалист-графолог и не могу (и не хочу!) опровергать его заключение. И поэтому прошу читателей и родственников маршала понять, что это письмо опубликовано без злого умысла, а мое безграничное уважение и любовь к Георгию Константиновичу, надеюсь, видны и понятны всем из каждой страницы моего повествования». И в заключение бывший фронтовой разведчик. Герой Советского Союза призвал компетентные инстанции «разобраться» с теми, кто хотел опорочить светлое жуковское имя: «Что касается фальшивки, я надеюсь, правоохранительные органы расследуют и установят, кто хотел скомпрометировать маршала Жукова этим письмом».

— Вот ведь какая психология у советского человека! Если документ подтверждает сложившееся у него отношение к тому или иному историческому герою, то его проверять, а тем более опровергать не стоит. Если же документ неудобен для сложившегося в сознании мифологического образа, то его проще

всего объявить фальшивкой.

К сожалению, выводы эксперта отнюдь не проясняют, а только еще больше запутывают вопрос о том, кто же был автором доноса на Егорова. Ведь любой более или менее опытный криминалист знает, что экспертиза по одной только подписи не имеет доказательной силы в судебном процессе. Слишком небольшой материал оказывается тогда в распоряжении эксперта. Написание отдельных букв автографа может значительно меняться в зависимости от настроения того, кто подписывает документ: здоров ли он или хворает, волнуется или спокоен. Об этом можно прочитать в любом учебнике криминалистики. Автор доноса наверняка волновался, когда сочинял его, и его подпись, поэтому, могла значительно отличаться от обычной. Что кому-нибудь в 38-м году могло прийти в голову подделывать подпись Георгия Константиновича под такого рода документом, не поверит ни один здравомыслящий человек. В тех условиях донос на Егорова был не компрометирующим документом, а свидетельством благонадежности и заявкой на карьерный рост. Слова из текста экспертизы о том, что подпись на документе выполнена «с подражанием подлинным подписям Жукова Г.К.», как раз способны только укрепить подозрения, что автором доноса был Георгий Константинович.

И совершенно непонятно, почему эксперт все время повторяет, что подпись выполнена «от имени Жукова Г.К.». В автографе ведь читается только «Жуков», а в его машинописной расшифровке — «Г. Жуков». Второго инициала «К.» нигде нет, равно как нет и указания на должность автора доноса. Вот если бы было написано: «Г. Жуков, командир 3-го кавалерийского корпуса», все было бы ясно и никаких сомнений не возникало бы. А так перед экспертом лежит документ, подписанный неким Г. Жуковым, судя по упоминанию И.В. Тюленева, — кавалеристом, но совсем не обязательно — Георгием Константиновичем Жуковым. И утверждать, будто донос выполнен «от имени» моего героя, строго говоря, эксперту не следовало.

Насчет же «прямоты и честности» маршала… Думаю, что из предшествовавшего разбора части «Воспоминаний и размышлений» читатели уже поняли: Георгий Константинович в своих мемуарах чаще отклонялся от истины, чем следовал ей. Впрочем, авторы многих других мемуаров немногим правдивей. Но на том же пленуме, когда громили Маленкова, Кагановича и других оппозиционеров, Жукову пришлось оглашать

расстрельные списки, подписанные членами «антипартийной группы». Тут, по словам присутствовавшего на пленуме Константина Симонова, один из оппозиционеров прервал Георгия Константиновича и заявил, что «время было такое, когда приходилось подписывать некоторые документы, хотел ты этого или нет. И сам Жуков хорошо знает это. И если порыться в документах того времени, то, наверное, можно найти среди них такие, на которых стоит и подпись Жукова. Жуков резко повернулся и ответил: „Нет, не найдете. Ройтесь! Моей подписи вы там не найдете“. Конечно, Георгий Константинович прекрасно знал, что рыться в архивах опальным Кагановичу, Молотову и их соратникам никто не позволит. Неужели маршал и на этот раз солгал?

Я попытаюсь установить автора документа не с помощью графологической экспертизы, результаты которой в данном случае не могут служить доказательством. Я попробую проанализировать факты биографии Георгия Константиновича Жукова и сравнить их с тем, что сообщает о себе автор письма.

Доносчик в ноябре 1917 года был делегатом съезда 1-й армии Северного фронта в Штокмазгофе. Этот съезд открылся 30 октября 1917 года в Альтшваненбурге, частью которого была мыза Штокмазгоф. А. И. Егоров был там делегатом от 33-й дивизии. Съезд закончился 6 ноября. Жуков же, как мы помним, был младшим унтер-офицером в 6-м маршевом эскадроне 5-го запасного полка Юго-Западного фронта. Располагался этот полк в районе Балаклеи, больше чем за тысячу километров от лифляндского Штокмазгофа. И в автобиографии 1938 года Георгий Константинович отмечал, что во время «октябрьского переворота» вместе с эскадроном был на станции Савинцы Северо-Донецкой железной дороги в Харьковской губернии. Допустим, что Жуков придумал, как позднее ему приходилось несколько недель в районе Балаклеи укрываться от проукраински настроенных офицеров, желавших отомстить председателю эскадронного комитета за срыв «украинизации» эскадрона. Примем предположение, будто Георгий Константинович покинул эскадрон буквально сразу же, как только стало известно о захвате большевиками власти в Петрограде, скажем, 26-го или 27-го числа. Все равно ему бы катастрофически не хватило времени, чтобы попасть в Штокмазгоф к началу съезда. Ведь не на аэроплане же он летел? Да и с чего бы вдруг унтер-офицера Жукова понесло бы в Лифляндию, и кто бы его в 1-й армии в одночасье избрал на армейский съезд? К тому же в

автобиографии 38-го года Георгий Константинович пунктуально указал, что был председателем эскадронного комитета и членом полкового совета, но ничего не сказал насчет своего участия в армейском съезде. Зачем ему было таить столь лестный для себя факт?

Обратил я внимание и на дату поступления доноса на Егорова в канцелярию наркома — 26 января 1938 года. В самом тексте письма никаких дат нет, а говорится только, что последний раз с Тюленевым автор разговаривал «сегодня» — Значит, письмо к наркому должно было поступить в тот же день, когда было написано, и передал его, скорее всего, сам доносчик. Следовательно, 26 января 1938 года командир по фамилии Жуков должен был находиться в Москве. Напомню, что 28 января того же года партсобрание вкатило Георгию Константиновичу выговор. Кто бы стал за два дня до этого посылать комкора в Москву?

Полагаю, у читателей уже исчезли последние сомнения, что Жуков ни с какого боку не причастен к доносу на Егорова и сам этот донос в глаза не видел. Но кто же был автором рокового для Александра Ильича письма? В ответе на этот вопрос нам помогут «Воспоминания и размышления». Рассказывая о своей службе в 1919 году в 4-м кавполку 1-й Московской кавалерийской дивизии, Георгий Константинович целую страницу посвятил встрече со своим однофамильцем: «…Я познакомился с комиссаром дивизии, моим однофамильцем, Жуковым Георгием Васильевичем. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды ранним утром, проходя мимо открытого манежа, я увидел, что кто-то „выезжает“ лошадь. Подошел ближе, вижу, сам комиссар дивизии. Зная толк в езде и выездке, захотел посмотреть, как это делает комиссар.

Не обращая на меня внимания, комиссар весь в поту отрабатывал подъем коня в галоп с левой ноги. Но как ни старался, конь все время давал сбой и вместо левой периодически выбрасывал правую ногу. Я не удержался и крикнул:

— Укороти левый повод!

Комиссар, ничего не говоря, перевел коня на шаг, подъехал ко мне и, соскочив, сказал:

— А ну-ка, попробуй.

Мне ничего не оставалось делать, как подогнать стремена и сесть в седло. Пройдя несколько кругов, чтобы познакомиться с конем, я подобрал его и поднял в галоп с левой ноги. Прошел круг — хорошо. Прошел другой — хорошо. Перевел с правой — тоже хорошо. Перевел с левой — идет без сбоя.

— Надо вести лошадь крепче в шенкелях, — наставительно заметил я.

Комиссар рассмеялся:

— Ты сколько лет сидишь на коне?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Разговорились. Комиссар спросил, где я начал службу, где воевал, когда прибыл в дивизию, когда вступил в партию. О себе он рассказал, что служит в кавалерии уже десять лет. Член партии с 1917 года. Привел в Красную Армию значительную часть кавалерийского полка из старой армии. По всему было видно, что это настоящий комиссар… С комиссаром Г.В. Жуковым я встречался потом не раз, мы беседовали с ним о положении на фронтах и в стране. Однажды он предложил мне перейти на политработу. Я поблагодарил, но сказал, что склонен больше к строевой. Тогда он порекомендовал поехать учиться на курсы красных командиров. Я охотно согласился. Однако осуществить это не удалось».

Здесь бросается в глаза сразу несколько деталей, делающих Георгия Васильевича весьма реальным кандидатом на авторство антиегоровского доноса. Раз он вступил в партию в 1917 году и прямо из старой армии в Красную привел большую часть кавполка, то в январе 38-го, как и доносчик, должен был состоять в рядах ВКП(б) и РККА 20 полных лет. Стаж же Георгия Константиновича был меньше. К началу 1938 года в партии будущий маршал состоял 18 лет и 10 месяцев, а в Красной Армии — 19 лет и 4 месяца. Можно предположить, что Г.В. Жуков был председателем полкового комитета. В этом качестве он действительно мог привести к большевикам большинство однополчан и стать делегатом армейского съезда.

Георгий Васильевич был значительно старше Георгия

Константиновича — он родился в 1882 году. Последуй будущий маршал совету старшего товарища, выбери карьеру политработника — и не только не достиг бы высшей ступеньки советской иерархии, но и вряд ли бы остался в живых к началу Великой Отечественной войны. Политработников в 1937–1938 годах уничтожали особенно беспощадно. Георгий Константинович предпочел остаться строевым командиром. Но, что интересно, Георгий Васильевич тоже из комиссаров ушел. После гражданской войны он командовал 9-й Крымской кавдивизией, а с 1927 года был начальником Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школы. Вероятно, учли большой опыт службы в кавалерии. Как и Буденный, Г.В. Жуков окончил в составе Особой группы Военную Академию имени Фрунзе. Однако какой-либо выдающейся карьеры так и не сделал. В феврале 1938 года Георгий Васильевич был всего лишь комбригом. 22 февраля 38-го его наградили орденом Красной Звезды. Возможно, это была плата за донос на Егорова. Я почти не сомневаюсь, что именно Георгий Васильевич был автором того злополучного письма. Для окончательного доказательства данного факта требуется только установить документально, был ли Г.В, Жуков на съезде 1-й армии в ноябре 1917 года. Отмечу также, что «соавтора» доноса, И.В. Тюленева, наградили куда щедрее — он принял освободившийся после Егорова Закавказский округ. Может быть, еще одним запоздалым воздаянием за компромат на Егорова стало производство Георгия Васильевича в июне 1940 года в генерал-лейтенанты. Однако подлость не спасла его от репрессий. В годы Великой Отечественной войны он был арестован и отправлен в лагерь. Георгию Васильевичу посчастливилось дожить до реабилитации. В июне 1953 года тогдашний министр обороны Н.А. Булганин направил в МВД представление о пересмотре дел ряда осужденных ранее генералов. В их списке был указан и Жуков Г.В. Очень вероятно, что его тезка, Г.К. Жуков, в ту пору — заместитель Булганина — подсказал «партийному маршалу» это имя, вспомнив теплые беседы с комиссаром 1-й кавдивизии. После освобождения Георгий Васильевич прожил еще долгую жизнь. Он скончался в 1972 году.

Да, я могу с уверенностью утверждать: Георгий Константинович Жуков доносов не писал. Грехов на нем немало, но этого греха нет. И за Г.В. Жукова маршал ходатайствовал только потому, что не знал о доносе на Егорова. Доносчиков не жаловал и старался изгонять из армии. Хоть и не верил Георгий Константинович в Бога, был членом большевистской партии и служил преступному коммунистическому режиму Ленина —

Сталина, но определенным моральным принципам следовал.

Мог унизить человека, даже уничтожить, но открыто, а не с помощью интриг и доносов.

6-м казачьим корпусом Жуков командовал меньше четырех месяцев — до назначения в июне 1938 года заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. В его ведении находились и только еще формирующиеся механизированные части. Жуков вынужден был перебраться в Смоленск, где располагался штаб округа. В июне 1939 года последовал неожиданный вызов из Минска в Москву. М.М. Пилихин вспоминал, что Жуков прибыл тогда в столицу сильно взволнованным, опасаясь разделить печальную судьбу Тухачевского, Уборевича, Егорова, Сердича и многих других: «…1 июня 1939 года его вызвали в Москву к К.Е. Ворошилову. Жуков приехал к нам в Брюсовский. Он не знал, что его ждет. Оставил чемоданчик и ушел в Наркомат обороны. Вернулся он очень поздно, первые слова его были! „Я голоден как волк“.

Мы его накормили, напоили, рано утром он уехал на аэродром. Прощаясь с нами, сказал: «Или вернусь с подарками, или не поминайте меня лихом».

Клавдия Ильинична сказала: «Возвращайтесь только с подарками». Куда он уехал, мы не спросили, а вскоре узнали из газет, что комкор Жуков командует войсками, защищающими дружественную нам Монголию от нападения японских захватчиков».

Путь Жукова лежал к реке Халхин-Гол, где советские и монгольские войска с трудом сдерживали натиск японской Квантунской армии.

Халхин-Гол

Много лет спустя после окончания Второй мировой войны Жуков, вспоминая Халхин-Гол, признался писателю Константину Симонову: «Я до сих пор люблю эту операцию». В устах того, кто руководил обороной Москвы в 41-м и брал Берлин в 45-м, эти слова дорогого стоят. Почему же сражение, в котором с каждой стороны дралось по усиленному корпусу, так запало в душу полководцу, командовавшему в Великую Отечественную войну фронтами с сотнями тысяч и миллионами бойцов? Потому, что это было первое выступление Георгия Константиновича на поле боя в роли военачальника. Впервые под началом у Жукова в боевых условиях оказался не эскадрон, а несколько дивизий и бригад. Главное же, дебют оказался весьма успешным.

Обстоятельства, в результате которых Жуков оказался на Халхин-Голе, он сам в беседе с Симоновым изложил следующим образом: «На Халхин-Гол я поехал так — мне уже потом рассказали, как все это получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае-июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК партии Белоруссии, спросил Ворошилова:

— Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?

— Комбриг Фекленко.

— Ну, а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет? — спросил Сталин.

Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал:

— Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам.

Тимошенко сказал:

— У меня есть одна кандидатура — командира кавалерийского корпуса Жукова…

Охарактеризовал меня с хорошей стороны, сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура.

Я… был в округе на полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год все-таки, думаю: что значит этот вызов? Спрашиваю:

— Ты стороной не знаешь, почему вызывают? Отвечает:

— Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова.

— Ну что ж, есть!

Поехал в Москву, получил приказание: «Лететь на Халхин-Гол» — и на следующий день вылетел».

Лето 39-го было временем «бериевской оттепели», пришедшей на смену «ежовским заморозкам». Сажали теперь в основном чекистов из числа приверженцев опального наркома внутренних дел. Среди военных арестов стало гораздо меньше. Однако в армии еще не успели осознать происшедший поворот от массового террора к последующей реабилитации (в основном, уже в 41-м, накануне войны) части осужденных военачальников. Жуков, как и многие другие, по-прежнему боялся внезапных вызовов в Москву, к наркому. Помнил, что тех, кого после расстреляли, тоже вызывали к Ворошилову по срочным делам, а кончался вызов арестом, судом и казнью. Но все-таки в разговоре с Симоновым Георгий Константинович несколько сгустил краски: «На меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью». Не следует думать, будто командировка в Монголию спасла Жукова от почти неминуемого ареста. Ведь партийное взыскание, к тому же без всякой политической

подоплеки, он получил еще в январе 38-го, и в последующие полтора года никаких неприятностей по службе не имел, сделав весьма успешную карьеру.

Новое назначение не только позволило Жукову впервые выступить в роли полководца, но и открыло путь к самым высшим постам в Красной Армии. Только вот само назначение вряд ли происходило так, как описал Жуков со слов то ли Тимошенко, то ли Пономаренко. С чего бы это вдруг Сталин стал обсуждать положение на Халхин-Голе с командующим Киевским округом Тимошенко и белорусским партийным секретарем П.К. Пономаренко, но без командующего Белорусским округом М.П. Ковалева и начальника Генштаба Б.М. Шапошникова? Больше доверия внушает рассказ Буденного о том, как именно был решен вопрос о назначении Жукова в Монголию — на совещании не у Сталина, а у наркома обороны. На этом совещании Семен Михайлович сам присутствовал;

— Видимо, Фекленко не понимает, как ему там надо действовать, — сказал нам К.Е. Ворошилов. — Мне кажется, туда надо послать кавалерийского начальника.

— Согласен с вами, Климент Ефремович, — поддержал Ворошилова Шапошников. — Нельзя сказать, что Фекленко не умеет воевать, но в Монголии действительно, нужен хороший кавалерист. По-моему, туда надо послать комбрига Жукова (к тому времени Георгий Константинович был уже комдивом. — Б.С.)». Присутствовавшие предложение Шапошникова поддержали. С кандидатурой Жукова Ворошилов отправился к Сталину, и Иосиф Виссарионович это назначение одобрил. Шапошников, неоднократно инспектировавший маневры Белорусского военного округа, очевидно, давно уже заметил Жукова как толкового и решительного командира.

В «Воспоминаниях и размышлениях» о своем прибытии в Монголию Георгий Константинович написал так: «К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса… Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает… Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М.С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М.С.

Никишеву… Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом (восточном — Б. С.) берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении… Н.Ф. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса».

То же самое о своих первых шагах на Халхин-Голе Жуков говорил Симонову: «Первоначальное приказание было такое: „Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения“. Я приехал, в обстановке разобрался, доложил о принятых мерах и о моих предложениях. Получил в один день одну за другой две шифровки: первая — что с выводами и предложениями согласны. И вторая: что назначаюсь вместо Фекленко командующим стоящего в Монголии особого корпуса».

Здесь Жукову можно верить. Скорее всего, он уже тогда предложил Москве начать постепенно наращивать силы для будущего контрудара. Вот только где и как наносить этот контрудар он еще, разумеется, не мог сказать ничего определенного. А о том, кто же именно предложил и спланировал тот контрудар, что советские войска нанесли в августе, по сей день не утихают споры. Жуков в мемуарах прямо не пишет, что конкретный замысел наступательной операции принадлежал ему. Ограничивается расплывчатыми фразами: «Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики. Для ее проведения по просьбе Военного совета в 1-ю армейскую группу войск (в нее был преобразован 57-й особый корпус 9 июля 1939 года, а четырьмя днями раньше была сформирована Фронтовая группа под командованием Г.М. Штерна. Ей подчинялись войска в Монголии

и обе Отдельные Дальневосточные армии. — Б. С.) спешно перебрасывались из Советского Союза новые силы и средства, а также материально-технические запасы. Дополнительно подвозились две стрелковые дивизии, танковая бригада, два артиллерийских полка и другие части. Усиливалась бомбардировочная и истребительная авиация».

Однако еще в дни последних боев на Халхин-Голе среди подчиненных Жукова ходили слухи, будто он был не только исполнителем, но и автором плана окружения и уничтожения японских войск. Константин Симонов свидетельствует: «Как-то во время одного из своих заездов на Хамар-Дабу мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях, и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев писателей… Я сидел в одной из штабных палаток и разговаривал с командирами-кавалеристами. Один из них — полковник, служивший с Жуковым чуть ли не с Конармии, убежденно и резко говорил, что весь план окружения японцев — это план Жукова, что Жуков его сам составил и предложил, а Штерн не имел к этому плану никакого отношения, что Жуков — талант, а Штерн ничего особенного из себя не представляет, и что это именно так, потому что — он это точно знает — никто, кроме Жукова, не имел отношения к этому плану». Позднее, в годы Великой Отечественной войны и сразу после нее маршал имел обыкновение приписывать себе разработку и осуществление едва ли не всех успешных операций Красной Армии, даже тех, к которым имел весьма слабое касательство. Сталин осудил хвастовство и фантазии Жукова в специальном приказе. Но об этом дальше. А вот насчет Халхин-Гола — не преувеличивал ли Жуков свою роль? Ведь существуют и иные мнения об авторстве плана Халхин-Гольской операции.

Известный генерал-диссидент Петр Григорьевич Григоренко на Халхин-Голе был офицером в штабе Фронтовой группы, которой командовал Штерн. Недавний выпускник Академии Генерального Штаба, тогда еще только майор, в мемуарах, написанных в Америке в вынужденной эмиграции, утверждал, что именно Григорий Михайлович сыграл основную роль в разгроме японцев. Григоренко вспоминал, как вскоре после прибытия на Халхин-Гол, в начале июля 1939 года, ему пришлось наносить на карту подписанный Жуковым приказ: «…Я старался догадаться, что же можно написать в приказе, чтобы заполнить двадцать пять машинописных страниц. Две-три страницы — это еще куда ни

шло, а двадцать пять!.. Так и не додумавшись, разложил карту и начал читать. Тут-то я и понял. Приказ отдавался не соединениям армии, а различным временным формированиям: „Такому-то взводу такой-то роты такого-то батальона такого-то полка такой-то дивизии с одним противотанковым орудием такого-то взвода такой-то батареи такого-то полка оборонять такой-то рубеж, не допуская прорыва противника в таком-то направлении“. Аналогично были сформулированы и другие пункты приказа».

Григоренко пришел к неутешительному выводу; «В общем, армии не было. Она распалась на отряды. Командарм командовал не дивизиями, бригадами, отдельными полками, а отрядами. На карте стояли флажки дивизий, бригад, полков, батальонов, а вокруг них море отрядов, подчиненных непосредственно командарму… Я вспомнил русско-японскую войну и командующего Куропаткина… Японцы действуют очень активно. Они атакуют на каком-то участке и начинают просачиваться в тыл. Чтобы ликвидировать… опасность, Куропаткин выдергивает подразделение с неатакованного участка, создает из них временное формирование — отряд — и бросает его на атакуемый участок. В следующий раз японцы атакуют тот участок, с которого взят этот отряд. Куропаткин и здесь спасает положение временным отрядом, но берет не тот, который взят ранее отсюда, а другой, откуда удобнее. Так постепенно армия теряет свою обычную организацию, превращается в конгломерат военных отрядов. Этот куропаткинский „опыт“ знал любой военно-грамотный офицер. Опыт этот был так едко высмеян в военно-исторической литературе, что трудно было предположить, что кто-то когда-то повторит его. Жуков, который в академиях никогда не учился, а самостоятельно изучить опыт русско-японской войны ему, видимо, было недосуг, пошел следами Куропаткина. Японцы и в эту войну оказались весьма активными. И снова с этой активностью борьба велась временными отрядами».

Петр Григорьевич с картой пошел к Штерну. Тот усмехнулся: «Ну, потрудились японцы… Придется дать команду: „Всем по своим местам, шагом марш!“

На следующий день Григорий Михайлович прибыл в штаб Жукова и долго говорил с командующим наедине. Григоренко свидетельствует: «Жуков вышел после разговора раздраженным. Распорядился подготовить приказ… на перегруппировку войск и на вывод из непосредственного подчинения армии всех отрядов,

на возвращение их в свои части».

«Отрядной болезнью» Жуков болел и позднее — осенью 41-го, под Москвой, когда для отражения немецкого наступления приходилось создавать импровизированные отряды из первых попавшихся под руку частей и подразделений. Такой метод позволял решать сиюминутные задачи обороны, но создавал трудно преодолимые сложности в управлении войсками при подготовке наступления и концентрации сил и средств на направлении главного удара.

Григоренко утверждал: «Штерн сразу начал готовить наступление с целью окружения и уничтожения японских войск, вторгшихся на территорию, которую мы считали монгольской… Я сам видел старые китайские и монгольские карты, на которых совершенно четко граница идет по речке Халхин-Гол. Но из более новых есть карта, на которой граница на одном небольшом участке проходит по ту сторону реки. Проводя демаркацию границы, монголы пользовались этой картой. Граница со стороны Маньчжурии и Внутренней Монголии, также оккупированной японцами, тогда еще не охранялась, и войска Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики. — Б. С.) без сопротивления поставили границу, как им хотелось. Когда японцы вздумали тоже стать на границе, они пошли к реке Халхин-Гол, легко прогнав пограничную стражу монголов. Вмешались советские войска, и завязались кровопролитные бои за клочок песчаных дюн, длившиеся почти четыре месяца. И вот теперь Штерн готовился боем разрешить спор».

В действительности события на границах Монголии и Маньчжоу-Го, двух марионеточных государств, зависимых соответственно от Советского Союза и от Японской империи, развивались следующим образом. Монгольско-китайская граница в районе реки Халхин-Гол до 1939 года ни разу не демаркировалась. Здесь была пустыня, ни для одной из сторон не представлявшая большого интереса. В начале мая 1939 года монгольские пограничные патрули перешли на восточный берег Халхин-Гола и продвинулись до местечка Номонган. По названию этого местечка, где произошли первые вооруженные столкновения, советско-японский конфликт 1939 года в Японии именуется «Номонганским инцидентом». В СССР же в ходу было словосочетание «события на реке Халхин-Гол». Японских и маньчжурских войск на спорной территории сначала не было. После вторжения сюда монгольских пограничников командование

Квантунской армии решило продвинуться к реке Халхин-Гол, чтобы удержать за собой оспариваемые земли. Жуков был прав, когда в разговоре с Симоновым уже в 1950 году следующим образом оценил японские намерения на Халхин-Голе: «Думаю, что с их стороны это была серьезная разведка боем. Японцам важно было тогда прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать». А в первой своей статье о Халхин-Голе, появившейся еще в 1940 году, отметил, что плацдарм на Халхин-Голе должен был прикрыть будущую стратегическую магистраль: «По плану японского генштаба через район Номун-Хан-Бурд-Обо должна была быть проложена железная дорога Халунь-Аршан-Ганьчжур, обеспечивающая питание войск, действующих против Монгольской Народной Республики и Забайкалья».

В перерастании мелких стычек пограничников в полномасштабный военный конфликт оказались заинтересованы, прежде всего, японцы. Они стремились установить границу по Халхин-Голу, чтобы прикрыть стратегическую железную дорогу. Однако далеко идущих планов оккупации, в случае успеха на Халхин-Голе, Монголии и советского Забайкалья, у Японии в тот момент не было. Операция на монгольской границе была организована по инициативе командования Квантунской армии. Штаб императорской армии в Токио, в принципе, был против отвлечения сил с основного фронта на юге, против Китая. Наступление на Халхин-Голе мыслилось как локальная акция, и военное руководство в японской столице сознательно устранилось от планирования и проведения операции. После поражения командование Квантунской армии и непосредственно действовавшей на реке Халхин-Гол 6-й армии было смещено. Когда Жуков говорил Симонову: «Думаю, что, если бы на Халхин-Голе их (японцев. — Б. С.) дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали», сам маршал, безусловно, верил в это. Однако на практике цели японцев были гораздо скромнее. Японские генералы рассчитывали, что из-за отдаленности района боев от железных дорог и жизненных центров СССР советская сторона не пойдет на дальнейшую эскалацию конфликта, а согласится принять японскую версию начертания монголо-маньчжурской границы. Но Сталин не собирался отступать перед японскими требованиями. Хотя полновесной войны со Страной Восходящего Солнца в ту пору тоже не хотел. Только что, в марте 39-го, Гитлер захватил Чехословакию. Назревал кризис в Европе, завершившийся Второй

мировой войной. В этих условиях Иосиф Виссарионович предпочитал основные силы Красной Армии иметь в западных районах страны, чтобы в нужный момент бросить их на чашу весов.

Наладить снабжение частей Красной Армии в районе боев было очень тяжело. В статье 1940 года Жуков признавал: «Наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от Халхин-Гола на 750 километров (грузооборот 1500 километров). Это действительно создавало огромные трудности в подвозе огнеприпасов, горючего, вооружения, снаряжения и средств питания. Даже дрова и те надо было доставлять не ближе, чем за 500 километров».

В мемуарах маршал тоже подчеркивал, что «главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск». И скупо признал, что «в преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет Забайкальского Военного округа и генерал-полковник (тогда — командарм 2 ранга. — Б. С.) Штерн со своим аппаратом». Более определенно о решающей роли Штерна в налаживании правильного снабжения войск, которыми командовал Жуков, написал Григоренко: «И еще один узел развязал Штерн. К моменту его вступления в командование фронтовой группой снабжение войск в Монголии было полностью дезорганизовано. Штерн приказал фронтовой группе взять на себя доставку всех боевых и снабженческих грузов до армейской базы — Тамцак-Булак. Снабжение наладилось и до конца боев не нарушалось ни разу». А именно в бесперебойном снабжении всем необходимым был ключ к победе.

Почему же Жуков сначала не справился с решением таких важных задач, как организация правильного ввода в бой и снабжения войск группировки, по своей численности в тот момент не превышавшей корпуса? Вероятно, здесь сказался как недостаток опыта командования крупными соединениями, так и нелюбовь Георгия Константиновича к штабной работе и налаживанию тыла. В Белорусском военном округе Жуков командовал одним кавалерийским корпусом в течение семи месяцев, другим — в течение трех с половиной. Он не успел достичь на этом поприще каких-либо заметных успехов, как был выдвинут заместителем командующего округом по кавалерии. На этом посту Жуков занимался, прежде всего, боевой подготовкой кавалерии и недавно сформированных механизированных частей — отдельных танковых бригад. Как и для многих других

выдвиженцев конца 30-х — начала 40-х, стремительная карьера обернулась недостатком оперативной и организационной подготовки и недостатком опыта командования большими массами войск. Григоренко справедливо отмечал: «…За два года перед войной он (Жуков. — Б.С.) совершил головокружительный взлет… Случайность или покровительство? Во всяком случае, каких-то заслуг в эти годы за ним не обнаружилось. А взлет был». Вероятно, играло свою роль покровительство Буденного и близкого к нему Шапошникова.

Недостаток опыта и военного образования Георгий Константинович с лихвой компенсировал жестокостью по отношению к подчиненным. Расстрел и понижение в звании или должности он считал наиболее действенными средствами добиться неукоснительного выполнения приказов. Григоренко свидетельствует: «Немало узлов навязал Георгий Константинович Жуков. Одним из таких узлов были расстрельные приговоры. Штерн добился, что Президиум Верховного Совета СССР дал Военному Совету фронтовой группы право помилования. К этому времени уже имелось семнадцать приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержание уголовных дел приговоренных потрясало. В каждом таком деле лежали либо рапорт начальника, в котором тот писал: „Такой-то получил такое-то приказание, его не выполнил“ и резолюция на рапорте: „Трибунал. Судить. Расстрелять!“, либо записка Жукова: „Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!“ И приговор. Более ничего. Ни протоколов допросов, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор». Ведь ускоренное разбирательство «по горячим следам», как правило, приводит только к тому, что либо провинившегося карают чересчур строго, либо наказание вообще настигает невиновного. Никто не задается вопросом, была ли возможность выполнить приказ. А часто даже сама информация, будто приказ не выполнен, впоследствии оказывается не соответствующей действительности. Но человек уже казнен, и ему ничем не поможешь.

— Григоренко привел пример одного только «расстрельного» дела на Халхин-Голе: «Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день — 10 июня 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу (место расположения штаба Жукова. — Б. С.) 14 июня. Явился к своему непосредственному

начальнику — начальнику оперативного отдела комбригу Богданову (в действительности, М.А. Богданов был начальником штаба 57-го корпуса, а потом и 1-й Армейской группы. — Б.С.). Представился. Богданов дал ему очень «конкретное» задание: «Присматривайтесь!» Естественно, — человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление «болтающегося» по окопам. Долго ли, коротко ли он присматривался, появился Жуков в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес: «306-й полк (на самом деле — 603-й — Б. С.), оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! Остальные указания получите от тов. Богданова».

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал: «Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери мой броневичок и езжай разыскивай. Найдешь, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии полк».

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал — где же искать полк. Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала топографическую службу неподготовленной. Съемки этого района не производились (что и не удивительно, поскольку восточный берег Халхин-Гола был фактически «ничейной землей. — Б. С.). Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определении направления, и ему повезло — полк он разыскал довольно быстро. Безоружные люди устало брели на запад к переправам на реке Халхин-Гол. Это была толпа гражданских лиц, а не воинская часть. Их бросили в бой, даже не обмундировав. В воинскую форму сумели одеть только призванных из запаса офицеров. Солдаты были одеты в свое, домашнее. Оружие большинство побросало.

Выскочив из броневичка, майор начал грозно кричать: «Стой! Стой! Стрелять буду!» Выхватил пистолет и выстрелил вверх. Тут кто-то звезданул его в ухо, и он свалился в какую-то песчаную яму. Немного полежав, он понял, что криком тут ничего не добьешься. И он начал призывать: «Коммунисты! Комсомольцы! Командиры — ко мне!» Призывая, он продвигался вместе с толпой, и вокруг него постепенно собирались люди. Большинство из них оказалось с оружием. Тогда с их помощью он начал останавливать и неорганизованную толпу. К утру личный состав полка был собран. Удалось подобрать и большую часть оружия. Командиры все из запаса. Только командир, комиссар и начальник штаба полка — кадровые офицеры. Но все трое были убиты во время возникшей паники. Запасники же растерялись. Никто не помнил состав своих подразделений.

Поэтому майор произвел разбивку полка на подразделения по своему усмотрению и сам назначил командиров. Разрешил всему полку сесть, а офицерам приказал составить списки своих подразделений. После этого он намеревался по подразделениям выдвинуть полк на прежние позиции. А пока людей переписывали, прилег отдохнуть после бессонной ночи. Но отдохнуть не удалось. Послышался гул приближающейся автомашины. Подъехал броневичок. Остановился невдалеке. Из броневичка вышел майор, направился к полку. Два майора встретились. Прибывший показал выписку из приказа, что он назначен командиром 306-го полка.

— А вы возвращайтесь на КП, — сказал он майору Т. Майор Т. хотел было объяснить, что он проделал и что намечал дальше. Но тот с неприступным видом заявил: — Сам разберусь.

Т. пошел к броневичку. Там его поджидали лейтенант и младший командир. Лейтенант предъявил майору ордер на арест:

— Вы арестованы, прошу сдать оружие.

Так началась его новая постакадемическая жизнь. Привезли его теперь уже не на КП, а в отдельно расположенный палаточный и земляночный городок — контрразведка, трибунал, прокуратура. Один раз вызвали к следователю. Следователь спросил:

— Почему не выполнил приказ комкора? В ответ майор рассказал, что делал всю ночь и чего достиг. Протокол не велся.

Некоторое время спустя состоялся суд.

— Признаете себя виновным?

— Видите ли, не… совсем…

— Признаете вы себя виновным в преступном невыполнении приказа?

— Нет, не признаю. Я выполнял приказ. Я сделал все, что было возможно, все, что было в человеческих силах. Если бы меня не сменили и не арестовали, я бы выполнил его до конца.

— Я вам предлагаю конкретный вопрос и прощу отвечать на него прямо: выполнили вы приказ или не выполнили?

— На такой вопрос я отвечать не могу. Я выполнял, добросовестно выполнял. Приказ находился в процессе выполнения.

— Так все-таки был выполнен приказ о восстановлении положения или не был? Да или нет?

— Нет еще…

— Достаточно. Все ясно. Уведите! Через полчаса ввели в ту же палатку снова:

— …К смертной казни через расстрел…

Только это и запомнил. Дальше прострация. Что-то писал. Жаловался. Просил. Все осталось за пределами сознания».

Правда, на этот раз все закончилось благополучно, Григоренко так завершает свой рассказ: «Военный совет Фронтовой группы от имени Президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных шестнадцать осужденных трибуналом Первой армейской группы на смертную казнь. Штерн был инициатором ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о пересмотре дел всех приговоренных к расстрелу. Он их и помиловал, проявив разум и милосердие. Все бывшие смертники прекрасно показали себя в боях, и все были награждены, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза. Таковы результаты милосердия».

Почти такой же случай, как мы узнаем дальше, произошел с еще одним безымянным майором в годы Великой Отечественной войны. Только закончился он трагически. Тогда власть Жукова была уже неизмеримо выше, чем на Халхин-Голе, и миловать несчастных, испытавших на себе вспышки гнева Георгия Константиновича, было некому.

Тот прорыв японцев, который привел к бегству 603-го полка, стал началом Баин-Цаганского сражения, завершившегося в пользу советских войск и ставшего первым крупным успехом в полководческой карьере Жукова. Сам Георгий Константинович очень любил вспоминать об этих боях. Симонову он рассказывал: «На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала. Полк Ремизова (в действительности — 24-й мотострелковый полк майора И.И. Федюнинского. — Б. С.) отстал. Ему оставался еще один переход. А японцы свою 107-ю дивизию (на самом деле — основные силы 23-й пехотной дивизии и один полк 7-й пехотной дивизии. — Б. С.) уже высадили на этом, на нашем берегу (любопытная оговорка: Жуков называет „нашим“ западный берег Халхин-Гола, подразумевая тем самым, что восточный берег реки все-таки, вопреки советским и монгольским притязаниям, был „их“, т. е. японским и маньчжурским. — Б. С.). Начали переправу в 6 вечера, а в 9 часов утра закончили. Перетащили 21 тысячу. Только кое-что из вторых эшелонов еще осталось на том берегу. Перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную… Как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы… Перетащили с собой всю свою противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. Создавалась угроза, что они сомнут наши части на этом берегу и принудят нас оставить плацдарм там, за Халхин-Голом. А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить. Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это.

Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин, даже больше. Но мы шли на это Еще большие потери понесли бронебригады, которые поддерживали атаку.

Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли.

Когда все это начиналось, я был в Тамцаг-Булаке. Мне туда сообщили, что японцы переправились. Я сразу позвонил на Хамар-Дабу и отдал распоряжение: «Танковой бригаде Яковлева идти в бой». Им еще оставалось пройти 60 или 70 километров, и они прошли их прямиком по степи и вступили в бой.

А когда вначале создалось тяжелое положение, когда японцы вышли на этот берег реки у Баин-Цагана, Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас там плацдарма артиллерию — пропадет, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма, давайте и пехоту снимать. Я пехоту не оставлю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же — пехота будет пропадать там одна? Так давайте снимать все.

В общем, не подчинился, отказался выполнять это приказание и донес в Москву свою точку зрения, что считаю нецелесообразным отводить с плацдарма артиллерию. И эта точка зрения одержала верх».

В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал дал не менее яркую картину сражения: «Рано утром 3 июля советское командование прибыло в район горы Баин-Цаган, с тем чтобы на месте лично оценить обстановку и уточнить задачи войскам на проведение контрудара с ходу… Обстановка осложнялась тем, что несколько запаздывали с подходом 7-я мотобронеевая бригада и 24-й мотострелковый полк. Но медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника.

В 9 часов 15 минут мы встретились с командиром 11-й танковой бригады М.П. Яковлевым, который был при главных силах авангардного батальона и руководил его действиями. Обсудив обстановку, решили вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии и не позже 10 часов 45 минут атаковать противника. В 10 часов 45 минут главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японские войска.

Бригада нанесла удар с северо-запада; один ее танковый батальон, взаимодействуя с броневым дивизионом 8-й монгольской кавалерийской дивизии и дивизионом 185-го тяжелого артиллерийского полка, атаковал противника с юга.

Развернувшаяся танковая бригада в количестве 150 танков, при поддержке 40 самолетов, стремительно ринулась на врага… Японцы были ошеломлены стремительным ударом танковой бригады, притихли в своих противотанковых лунках и только через 10 минут открыли артиллерийский огонь по нашим танкам. От огня противника загорелось несколько наших танков, и это, видимо, как-то подбодрило японцев. Они открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. На поле боя уже горело до 15 наших танков. Но никакая сила и огонь врага не могли остановить боевого порыва наших славных танкистов.

Было около 12 часов. По нашим подсчетам, с минуты на минуту должен подойти и вступить в бой 24-й мотострелковый полк. Он был крайне необходим для взаимодействия с танковой бригадой, которая без пехоты несла излишние потери. Но, как это иногда случается на войне, 24-й мотополк вышел по ошибке не к озеру Хуху-Усу-Нур, а к «развалинам».

Развернувшись в боевой порядок, в 13 часов 30 минут южнее озера Хуху-Усу-Нур 24-й полк перешел в наступление, — нанося удар с запада на восток. Несколько позже вступила в бой 7-я мотоброневаая бригада полковника Лесового.

Японцы отбивались от наших атак отчаянно. Но грозная лавина танков, бронемашин и пехоты все дальше и дальше продвигалась вперед, ломая и громя все, что попадало под гусеницы танков, огонь артиллерии, под удар пехоты.

Японцы бросили всю свою авиацию против атакующих наших войск, но ее встретила и атаковала наша авиация. Бой с неослабевающей силой продолжался всю ночь.

Утром, подбросив за ночь свежие силы, японцы попытались перейти в наступление, но эта их попытка была немедленно подавлена… Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе».

Жуков процитировал запись из дневника японского унтер-офицера Отани о том, как в ночь на 4 июля возвращался на восточный берег Халхин-Гола генерал-лейтенант Камацубара. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков именует его командующим 6-й японской армии, вероятно, чтобы преувеличить размах японской операции по переправе на западный берег Хал-хин-Гола. В действительности, как правильно отмечал Георгий Константинович в статье 1940 года, Камацубара был командиром 23-й пехотной дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть боев и имевшей наибольшие потери — свыше двух третей личного состава убитыми и ранеными.

Данное Отани описание не лишено трагической поэзии войны: «Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара. Луна освещает равнину, светло, как днем. Ночь тиха и напряженна так же, как и мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку».

К этому следует добавить, что приказ представителя наркома обороны будущего маршала Г.И. Кулика об отходе советских войск с восточного берега Халхин-Гола, отданный вопреки мнению Жукова, привел к паническому бегству 603-го полка, который пришлось останавливать злосчастному майору Т. Японцы воспользовались этим и захватили гряду господствующих высот. Выбить их оттуда стоило потом больших потерь. Сталин отменил приказ Кулика, объявил ему официальный выговор и запретил впредь вмешиваться в деятельность командования Фронтовой и 1-й армейской группы. Жуков же 31 июля 1939 года получил очередное воинское звание «комкор». Георгий Константинович был настолько занят, что сообщил семье об этом радостном событии только 21 августа.

Кстати сказать, потом 603-й полк привели в порядок, и он дрался вполне достойно. Его новый командир майор Н.Н. Зайюльев, сменивший Т., был удостоен звания Героя Советского Союза. Вот ведь насколько судьба человека зависит от случая. На этот раз все определили капризы начальника — Жукова. Чем-то не понравился Георгию Константиновичу майор Т., и вместо Золотой Звезды, которую, скорее всего, получил, останься он

командиром полка, бедняга лишь чудом избежал расстрела.

Между прочим, отходившие части останавливал не только майор Т., но и другие командиры, причем точно таким же способом: в одиночку на броневичке. Д.И. Ортенберг, в ту пору — заместитель редактора газеты «Красная Звезда», командированный на Халхин-Гол для подготовки книги мемуарных очерков участников боев, а заодно редактировавший и фронтовую газету «Героическая красноармейская», вспоминал, как Жуков направил его на бронемашине останавливать бегущих: «Жуков сказал мне: „Черт знает что… Бегут… Садись в броневик и — к переправе. Разберись, в чем там дело! Надо остановить…“.

Я тотчас поехал. Действительно, картина была не из веселых: по понтонному мосту, переброшенному через быстрые воды Халхин-Гола, бежали наши бойцы. Выскочив из броневика, я машу им руками и кричу: «Стой! Куда?.. Назад!.. Жуков приказал!..». Но они на меня даже не смотрят. Я было совсем растерялся: фронт бежит, с минуты на минуту жди японских бомбардировщиков. Вдруг вижу: пара лошадей мчит по мосту полевую кухню с дымящейся трубой. Меня осенило. Я приказал водителю поставить броневик у самой переправы, и кухня уперлась в стальную обшивку машины. Теперь повернуть кухню на мост, то есть в обратную сторону, уже не составило труда… И вот, как только бежавшие увидели, что «пищеблок» повернут на передовую, они вдруг остановились и, словно сговорившись, сами, без приказа, пошли за кухней к своим позициям.

Оказалось, паника была напрасной. Кто-то пустил слух, что японские конники якобы ворвались на наши позиции. Стоявшие во втором эшелоне только что прибывшие на фронт, еще необстрелянные бойцы дрогнули и кинулись за реку. Когда все успокоилось, я вернулся на Хамар-Дабу, докладываю Жукову об обстоятельствах дела. Георгий Константинович с улыбкой перебил меня: «Я уже знаю… Все видел…».

Все же я рассказал ему историю с полевой кухней. Он рассмеялся: «Это старое правило. Я помню его еще с прежней войны…».

Да, Давиду Иосифовичу повезло гораздо больше, чем майору Т. Жуков был настроен благодушно, да и приказ Ортенберг успел выполнить быстро.

Константин Симонов, бывший на Халхин-Голе в дни боев, написал о Баин-Цаганском сражении стихотворение «Танк», где есть такие строки:

Вот здесь он шел.
Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовою щетиной.
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницы миной.
Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая,
Вот здесь он, все ломая как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессилевший от ран,
Купив пехоте трудную победу.
Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь, в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми;
Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных,-
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.
На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава.

Японцы действительно сражались храбро. Это признавал Жуков в беседах с тем же Симоновым: «…Кадровые японские дивизии дрались очень хорошо. Надо признать, что это была хорошая пехота, хорошие солдаты… Японцы сражались ожесточенно. Я противник того, чтобы отзываться о враге уничижительно. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге, не только недооценка врага, но и недооценка самих себя. Японцы дрались исключительно упорно, в основном — пехота. Помню, как я допрашивая японцев, сидевших в районе речки Хайластын-Гол. Их взяли там в плен, в камышах. Так они все были до того изъедены комарами, что на них буквально живого

места не было. Я спрашиваю их: „Как же вы допустили, чтобы вас комары так изъели?“ Они отвечают: „Нам приказали сидеть в дозоре и не шевелиться. Мы не шевелились“. Действительно, их посадили в засаду, а потом забыли о них. Положение изменилось, и их батальон оттеснили, а они все еще сидели там, уже вторые сутки, и не шевелились, пока мы их не захватили. Их до полусмерти изъели комары, но они продолжали выполнять приказ. Это действительно настоящие солдаты. Хочешь не хочешь, а приходится уважать их».

Такие бойцы казались Жукову идеальными. Георгию Константиновичу нужны были солдаты-автоматы, готовые беспрекословно и точно выполнить любой приказ, не раздумывая над его разумностью и реальностью.

В чем же видел Жуков причины поражения японцев на Халхин-Голе? Прежде всего, в сравнительно низкой, в сравнении с Красной Армией, оснащенностью императорской армии танками и самолетами. Георгий Константинович говорил Симонову: «Японцы за все время только один раз вылезли против нас со своими танками. У нас были сведения, что на фронт прибывает их танковая бригада. Получив эти сведения, мы выставили артиллерию на единственном танкодоступном направлении в центре в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. И японцы развернулись и пошли как раз на этом направлении. Наши артиллеристы ударили по ним. Я сам видел этот бой. В нем мы сожгли и подбили около ста танков… Танков, заслуживающих этого названия, у японцев, по существу, не было. Они сунулись с этой бригадой один раз, а потом больше уже не пускали в дело ни одного танка».

Здесь Жуков был прав. Японская армия в то время располагала главным образом легкими танками «Ха-го», вес которого не превышал 7 тонн. Его 37-мм пушка не представляла грозного оружия, а 12-миллиметровая лобовая броня не защищала даже от крупнокалиберных пулеметных пуль. «Ха-го» не обладал смотровыми приборами, и для обзора применялись широкие смотровые щели, в которые свободно влетала винтовочная пуля. Радио на японских танках не было. А плохой обзор и неудачное расположение вооружения с большим «мертвым пространством» делали «Ха-го» легко уязвимым в бою с танками противника. Противостоявший ему советский БТ-7 обладал превосходством во всех отношениях. Весил он почти вдвое больше, но по скорости все равно превосходил основной

японский танк в полтора-два раза, пушку имел 45-мм, а лобовую броню 22-миллиметровую. Примерно такие же характеристики были и у другого советского танка, Т-26. Более тяжелый японский танк «Чи-ха» (их на Халхин-Голе было немного) весил столько же, сколько и БТ-7, — 14 тонн, имел почти такую же толщину лобовой брони — 25 миллиметров и превосходил советский танк только калибром орудия — 57-мм. Но использовавшийся на Халхин-Голе советский средний танк Т-28 с 76,2-мм пушкой превосходил «Чи-ха».

Советскому успеху также способствовал довольно низкий, по сравнению с германской или британской армией, уровень подготовки среднего и высшего командного состава японской императорской армии Жуков был прав, когда говорил Сталину в мае 40-го: «Офицерский состав (Квантунской армии — Б С), особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой Японские танки типа наших МС-1 (советский танк 1927 года — Б. С.) явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода»

20 августа 1939 года началось решающее советское наступление на японские позиции на восточном берегу Халхин-Гола Григоренко так охарактеризовал его ход и исход: «Первая армейская группа… окружила находящиеся на монгольской территории части 6-й японской дивизии (в действительности — армии. — Б. С.). В последующих боях эти части были полностью уничтожены. Японцы не сдавались, а прорваться не смогли. Во-первых, потому, что не имели приказа на отход с занимаемых позиций. Во-вторых, слишком велико было численное и техническое превосходство у нас. Но потери мы понесли огромные, прежде всего, из-за неквалифицированного командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел. Я недолго пробыл у него в армии, но и за это время сумел заслужить его неприязнь своими докладами Штерну. Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало.

Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба фронтовой группы и Первой армейской группы. Я в составе авторского коллектива не был. Поэтому могу считать свою оценку

этого труда объективной.

Труд исключительно деловой. В нем очень хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. Показано использование родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков.

Книга писалась сразу же после событий и была представлена в Генштаб. Там она была прочитана и получила горячее одобрение. Жуков в это время командовал Киевским военным округом (значит, книга о боях на Халхин-Голе была представлена в Генеральный штаб где-то в середине или во второй половине 1940 года. — Б, С.). Пока книга ходила по отзывам и готовилась к печати, Жуков получил назначение начальником Генштаба. Первое, что он сделал, придя на эту должность, потребовал книгу о Халхин-Голе. Прочитал от корки до корки и начертал: «Они там не были и ничего не поняли. В архив».

Книга, о которой писал Григоренко, не найдена до сих пор. Стоит отметить, однако, что Петр Григорьевич прямо не утверждает, что Штерн, а не Жуков, штаб фронтовой, а не армейской группы были авторами плана заключительной операции по окружению японцев. Жуков, понятно, на этот счет придерживался противоположного мнения. В «Воспоминаниях и размышлениях» он ни словом ни говорит о роли Штерна и его штаба в планировании наступления. Отмечает только, что «в устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ (но не Фронтовая группа, в состав которой входил Забайкальский округ! — Б. С.). Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции».

Замысел наступления сводился к нанесению ударов с обоих флангов для окружения японской группировки. Расчет строился на внезапность сосредоточения советских войск и отсутствие у противника танковых и механизированных резервов для нанесения контрударов по атакующим. Советские клинья должны были сомкнуться в Номонгане (Номон-Хан-Бурд-Обо).

В мемуарах Жуков особо подчеркнул, что утром 20 августа наступление началось «согласно тщательно разработанному оперативно-тактическому плану», И поместил рядом карту

«Решение командующего 1-й армейской группой при проведении наступательной операции в августе 1939 года», чтобы читатели не сомневались, кто был автором замысла по окружению и уничтожению 6-й японской армии. К сожалению, почти все советские документы, относящиеся к боям на Халхин-Голе, до сих пор остаются неопубликованными. Поэтому пока нельзя дать однозначный ответ о приоритете штабов Жукова или Штерна.

Совершенно неясна роль в разработке плана наступления на Халхин-Голе начальника штаба 1-й Армейской группы комбрига М.В. Богданова. Кажется весьма основательным предположение, что его отношения с Жуковым не сложились. За Халхин-Гол Богданов никаких наград не получил, в генералы до начала Великой Отечественной войны его так и не произвели. Дальнейшая судьба Богданова сложилась трагически. Он попал в плен, вступил в Русскую Освободительную Армию генерала Власова, был там начальником артиллерии. С ним установила связь советская разведка. Богданов вроде бы во искупление вины согласился организовать покушение на Власова, но больше советские связные к нему не приходили. После войны Богданова расстреляли. Сначала его думали судить вместе с Власовым и другими руководителями РОА, но затем передумали, и тихо, без публикации в прессе, казнили в том же 1946 году.

Георгий Константинович так описал в «Воспоминаниях и размышлениях» начало наступления: «Был воскресный день. Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск: кто в Хайларе, кто в Ханчжуре, кто в Джанджин-Сумэ. Мы учли это немаловажное обстоятельство, принимая решение о начале операции именно в воскресенье. Нам было очень важно начать ее тогда, когда большинство основных командиров будут отсутствовать, а войска в самый сложный момент окажутся в руках менее опытных командиров». В мемуарах полководец рисует картину советской атаки, проходящей почти как на учениях, без сучка и задоринки: «Удар нашей авиации и артиллерии был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

Атака проходила в точном соответствии с планом операции и планами боя, и лишь 6-я танковая бригада, не сумев полностью переправиться через реку Халхин-Гол, приняла участие в боях 20 августа только частью своих сил. Переправа и сосредоточение бригады были полностью закончены к исходу дня.

21-го и 22-го шли упорные бои, особенно в районе Больших Песков, где противник оказал более серьезное сопротивление, чем мы предполагали. Чтобы исправить допущенную ошибку, пришлось дополнительно ввести в дело из резерва 9-ю мотобронеевую бригаду и усилить артиллерию.

Разгромив фланговые группировки противника, наши бронетанковые и механизированные части к исходу 26 августа завершили окружение всей 6-й японской армии (в статье 1940 года, по горячим следам событий, Жуков утверждал, что советские бронетанковые группировки отрезали японцам путь для отступления уже к исходу 22 августа, что, как кажется, ближе к истине. — Б.С.), и с этого дня началось дробление на части и уничтожение окруженной группировки врага.

Борьба осложнялась из-за сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов. Японские части дрались до последнего человека».

Менее благостно о последнем наступлении на японцев рассказывал Жуков Симонову: «На третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г.М. Штерном. Штерн находился там, и, по приказанию свыше, его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск, которой я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа переходит в прямое подчинение фронта. Но только в этом случае (здесь Георгий Константинович лукавит: в действительности, приказом наркома обороны от 9 июля 1939 года образованная из 57-го корпуса 1-я армейская группа оставалась в подчинении Фронтовой группы Штерна, что, правда, не исключало самостоятельности Жукова в решении оперативных вопросов. — Б. С.). А пока что мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве (фактически у Жукова было

двойное подчинение — Штерну и Ворошилову. — Б. С.).

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась, и мы несем, особенно на севере, крупные потери. Я сказал ему в ответ на это, что война есть война, и на ней не может не быть потерь, и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этот план вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, действуя решительным образом. Приняв его рекомендации, мы удесятерим свои потери.

Затем я спросил его: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать мне не будет. Я сказал: «Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено». Был жесткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушел. Потом через два или три часа вернулся, видимо, с кем-то посоветовался за это время и сказал мне: «Ну что же. Пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации».

Михаил Федорович Воротников, бывший на Халхин-Голе адъютантом Жукова, в своих мемуарах рассказывает о разговоре Штерна с командующим 1-й армейской группы несколько иначе, но суть спора передает точно так же, как и сам Георгий Константинович. Штерн будто бы сказал: «Товарищ Жуков, как видите, наши войска растянулись. Тылы отстали. Не исключен удар более сильными резервами противника. Я рекомендую не торопиться. Надо временно, на один-два дня, приостановить наступление, создать сильный заслон с востока и северо-востока, подтянуть войска и тылы, а затем нанести окончательный удар». Однако совет Штерна Жуков отклонил. В письме Воротникову 18

февраля 1967 года Георгий Константинович утверждал: «…Если бы я послушал его (Штерна. — Б. С.) совета и остановил наступление, японские части могли избежать окружения».

Прежде чем решить, кто же тогда на самом деле был прав, Штерн или Жуков, я хочу рассказать, чем закончились бои на Халхин-Голе. Опять обратимся к жуковским мемуарам. Маршал писал: «31 августа 1939 года последние очаги сопротивления 6-й японской армии, вторгшейся в пределы Монгольской Народной Республики, были ликвидированы… Сокрушительный отпор советских и монгольских войск, небывалый разгром отборных сил целой японской армии заставили тогдашние японские правящие круги пересмотреть свои взгляды на могущество и боеспособность Советских Вооруженных Сил, особенно на моральную стойкость советских воинов». А в статье 1940 года Жуков не пожалел красок для описания последних боев: «С 24 по 30 августа шла траншейная борьба, упорная борьба за каждый бархан. Это была целая эпопея. Возле каждой высоты наши войска встречали бешеное сопротивление. Генерал Камацубара обманывал окруженные части, предлагал им по радио и через голубиную почту держаться, обещая поддержку. Японцы, введенные в заблуждение своим командованием, упорно отбивались. Каждую высоту приходилось брать приступом. Наша тяжелая артиллерия уже не имела возможности вести огонь, так как железное кольцо наших войск все более и более замыкалось. Возникала опасность попадания в своих. Артиллеристы под огнем неприятеля выкатывали вперед пушки на открытые позиции и били по траншеям врага прямой наводкой, а затем пехотинцы со штыками и гранатами шли в атаку, врываясь в траншеи.

Замечательно действовала наша авиация. Она беспрерывно патрулировала в воздухе, не давая японским самолетам бомбить и штурмовать наши войска. Наши летчики делали по 6–8 вылетов в день. Они разгоняли резервы противника и штурмовали его окруженные части. Японские истребители терпели поражение за поражением…

К 30 августа в руках японцев оставался последний очаг сопротивления — сопка Ремизова… К этой сопке собрались остатки войск императорской армии. Японская артиллерия почти вся к этому времени была выведена из строя. Поэтому японцы вели главным образом минометный и пулеметный огонь. Наши части, охваченные величайшим воодушевлением, все сужали и сужали кольцо. 30 августа на сопке Ремизова заалели красные

знамена».

Тут же Жуков подвел итоги сражения: «Августовское наступление было блестяще закончено. В барханах и долинах Халхин-Гола была разгромлена и уничтожена 6-я японская армия.

В результате боев с мая по сентябрь японцы, по самым скромным подсчетам, потеряли 55 000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 25 000.

За последнюю операцию нами взяты огромные трофеи… За время боев японцы потеряли 660 самолетов. Потери же советской авиации составили 143 самолета».

Позднее советские историки не были столь скромны, как Георгий Константинович, и увеличили общие потери японцев до 61 тысячи человек. Потери же Красной Армии сначала определили цифрой в 9 824 убитых и раненых. Затем, уже в 80-е годы, ее увеличили почти вдвое — до 18,5 тысяч человек. Но даже и в этом случае получалось, будто советские потери были в 3,3 раза меньше, чем японские. Наконец, в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» появились официальные цифры советских потерь на Халхин-Голе, существенно превышающие ранее опубликованные. Как мы убедимся в следующих главах, данные этой книги о советских безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне занижены в несколько раз. Однако в боях на Халхин-Голе размер потерь был на несколько порядков меньше, чем в 1941–1945 годах, как в абсолютном исчислении, так и в расчете в среднем на день боевых действий. Поэтому можно предположить, что сведения о потерях Красной Армии в короткой советско-японской войне 1939 года более точны, хотя наверняка и здесь был какой-то недоучет безвозвратных потерь.

Не обессудь, читатель, но в моей книге будет еще много разных цифр. Я вполне солидарен, с мыслью Николая Гумилева о том, что «все оттенки смысла умное число передает». Можно сказать, что число погибших в сражениях, которыми руководил Жуков, — это главное в его судьбе как полководца. Сколько неприятельских солдат и офицеров было истреблено при его участии, сколько уничтожено боевой техники, и ценой каких потерь Красной Армии за это заплачено. Георгий Константинович до самой смерти имел сильно преувеличенное представление о потерях противостоявших ему армий и значительно приуменьшенное, приукрашенное — о потерях своих войск.

Безусловно, это помогало маршалу ощущать себя великим полководцем. Но сегодня, четверть века спустя после его кончины, надо честно взглянуть правде в глаза, беспристрастно оценить итоги свершенного Жуковым на поле брани.

Итак, по данным, приведенным в книге «Гриф секретности снят», советские и монгольские войска на Халхин-Голе в период с мая по сентябрь 1939 года потеряли убитыми 6830 человек, пропавшими без вести — 1 143, ранеными — 15 251 и больными — 701 человека. Сразу скажу, что число больных здесь значительно приуменьшено, поскольку учтены только те из них, кто проходил лечение в госпиталях Забайкальского военного округа. В книге бывшего начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е.И. Смирнова «Война и военная медицина. 1939–1945 годы» приведены данные обо всех советских военнослужащих, заболевших на Халхин-Голе, включая и тех, кто лечился в госпиталях на территории Монголии — 2225 человек. Отмечу также, что подавляющее большинство пропавших без вести следует считать убитыми. В японский плен попало 89 советских бойцов и командиров и 1 солдат Монгольской народно-революционной армии, который умер в плену, не дождавшись затянувшегося почти на год обмена пленными. Следовательно, примерно 1 053 пропавших без вести в действительности погибли в бою. Таким образом, потери Красной Армии и монгольских войск убитыми составили 7 884 человека, а общие потери убитыми, пленными, ранеными и больными достигали 25 660 бойцов и командиров. От ран к ноябрю 1939 года умерло 720 красноармейцев. К тому времени еще не определился исход лечения примерно у двух третей раненых. Можно предположить, что некоторые из этих последних тоже умерли и что общее число умерших от ран составило около 1 тысячи человек. Таким образом, всего на Халхин-Голе погибло около 9 тысяч советских и монгольских военнослужащих. Правда, необходимо оговориться, что монгольские потери были в десятки раз меньше советских. Ведь в боях участвовало менее 5 тысяч монгольских солдат и офицеров, и то главным образом на второстепенных направлениях, тогда как численность советских войск к концу боев значительно превышала 80 тысяч человек.

А сколько же потеряли японцы? После Второй мировой войны стали доступны японские военные архивы. Американский историк Элвин Куке в своей книге «Номонган», вышедшей в 1985 году, привел наиболее достоверные данные о японских потерях в Номонганском инциденте. Сухопутные войска потеряли 8 629

человек убитыми, 9087 ранеными и 2 350 больными. Потери в личном составе японской авиации достигли, по одним данным, 141 убитого и 89 раненых, по другим — 116 убитых, 65 пропавших без вести и 19 раненых. Поскольку из плена вернулось лишь 2 японских летчика, общее число убитых в японских ВВС, скорее всего, составило 179 человек. Какое число точнее характеризует потери японской авиации ранеными, я судить не берусь. Число же умерших от ран и болезней можно приблизительно определить следующим образом. В сентябре 1942 года в Хайларе был открыт памятник японским и маньчжурским военнослужащим Квантунской армии, погибшим к тому времени в войне. Из 10 301 имени, выбитом на памятнике, 9 471 — это те, кто пал во время Номонганского инцидента. Из этого числа следует вычесть потери убитыми сухопутных сил — 8629 человек и ВВС — 179 человек. Тогда общее количество умерших от ран и болезней составит приблизительно 663 человека.

В плен попало 160 японских и 44 маньчжурских солдат и офицеров. Общие же потери 6-й японской армии и поддерживавших ее авиационных частей убитыми, пленными, ранеными и больными достигли 20 264 человек (или 20 334, если принять более высокую цифру потерь ранеными в японской авиации).

Особо следует подчеркнуть, что недоучет безвозвратных потерь в японской императорской армии был минимальным. Традиции буддийской религии требовали, чтобы над каждым погибшим был совершен погребальный обряд сожжения, а урна с пеплом передана родным. После заключения перемирия японцы по соглашению с Жуковым вывезли почти все тела своих погибших солдат и офицеров, оставшихся на территории, занятой советскими и монгольскими войсками. С другой стороны, можно предположить, что небольшое число из 1 201 солдат и офицеров сухопутных сил, первоначально числившихся пропавшими без вести, осталось живо. И это были не только те, кто вернулся из плена, но и так называемые «зомби». Элвин Куке пишет, что некоторые военнослужащие испытали нервное потрясение от непрерывных артобстрелов и бомбардировок с воздуха и ушли в тыл. При этом они забыли свое имя, забыли, кто они и откуда. Позднее этих «зомби» включили в число убитых, хотя в действительности они со временем пришли в себя или были помещены в психиатрические лечебницы.

Не вызывает сомнения, что недоучет безвозвратных потерь в Красной Армии был больше, чем в японской императорской армии. Так что истинное соотношение потерь, возможно, еще более неблагоприятно для советской стороны. Но и те цифры, что мы имеем, сегодня, впечатляют. Оказывается, не было полного разгрома и уничтожения японской 6-й армии, о чем писал Жуков и вслед за ним советские историки, не было втрое больших японских потерь, по сравнению с советскими. Общие советские потери превысили японские почти в 1,27 раза. Особенно неблагоприятным было для Красной Армии соотношение по числу раненых — в 1,67 раза не в ее пользу. Больных у сторон было почти поровну, а по убитым и пленным Красная Армия даже имела перевес — соответственно в 1,12 и в 2,27 раза. Почему советские войска захватили больше пленных — понятно. Ведь крупная японская группировка попала в окружение. Не вызывает удивление и большее число убитых со стороны японцев, хотя раненых у них, напротив, было значительно меньше, чем в 1-й армейской группе Жукова. Дело в том, что, попав в безнадежное положение, японские военнослужащие, в соответствии с кодексом воинской чести «бусидо», предпочитали не сдаваться в плен, а сражаться до конца или совершить самоубийство.

Советские войска на Халхин-Голе одержали победу, захватив почти всю спорную территорию и богатые трофеи. Отступая, 6-я армия оставила почти все свое тяжелое вооружение, Японские источники в целом подтверждают те цифры потерь в орудиях и пулеметах, которые приводил Жуков в своей статье. Однако по соотношению потерь в людях советскую сторону можно даже счесть проигравшей. Особенно если принять во внимание, что из-за недоучета в Красной Армии безвозвратных потерь убитых в советских войсках на Халхин-Голе на самом деле могло быть не меньше, чем в рядах Квантунской армии.

В чем же были причины поражения японцев? После того как 15 сентября 1939 года между советскими и японскими войсками было установлено перемирие, при генеральном штабе японской армии была создана специальная комиссия по расследованию всех обстоятельств Номонганского инцидента. Сменилось также командование Квантунской армией и руководство военного министерства. Был уволен в отставку и командир наиболее пострадавшей. 23-й дивизии генерал Камацубара. В конце ноября 1939 года перед комиссией дал показания командир 1-го полка тяжелой артиллерии полковник Мишима Гиичйру, раненый в боях на Халхин-Голе. Через много лет после Второй мировой

войны отставной генерал Мишима, беседуя с Элвином Куксом, так изложил суть своих соображений, представленных на суд комиссии:

1. Роковое значение для Номонганского дела в целом и проведенной военной операции имело то обстоятельство, что офицеры и солдаты японской императорской армии не знали, ради чего они умирают в пустыне, где неясно обозначена граница. В то время как армия оказалась в тупике на Юге Китая после многих лет борьбы, форменным издевательством над здравым смыслом было «гнать волну» и жертвовать жизнью хотя бы одного солдата на монгольской границе. Разрешение конфликта с Китаем требовало большой войны на юге, а не на севере. «Я никогда не видел причины сражаться у Номонгана», — утверждал Мишима.

2. Очевиден провал военного руководства, причем на самом высшем, а не на низшем уровне. Высшие начальники витали в облаках. Они планировали операции со слишком большим размахом, не учитывая ограниченных возможностей японских войск. Штаб Квантунской армии, вынашивая агрессивные замыслы, чувствовал себя независимым от высшего командования, а то, в свою очередь, не смогло контролировать руководство Квантунской армии.

3. Организация и снабжение японских войск не соответствовали требованиям борьбы против Советского Союза в условиях данного региона. В особенности, использование главным образом лошадей для подвоза снабжения было бесспорной ошибкой. Ведь даже легко раненая лошадь сразу становилась бесполезной, тогда как автомобили могли использоваться и дальше даже после серьезных повреждений, пока не были разрушены их двигатели.

4. Мобильность имела решающее значение в условиях обширных равнинных пространств. От пехоты здесь было мало проку. Так как дни в Номонгане были длинные, а ночи короткие, развертывание новых сил и доставка снабжения требовали использования моторизованных средств.

5. Основным недостатком в тактической подготовке японской армии было то, что она оставалась на уровне представлений последней четверти XIX века, когда военным советником императора был майор прусской армии Якоб Меккель. Не

придавалось никакого значения таким вопросам как моральная совместимость между военнослужащими в составе подразделений или через какое время следует производить смену частей на передовой. Меккель подчеркивал необходимость атаковать там, где противник слабее, но в современных условиях сами командиры атакующих должны создавать слабости в неприятельских позициях концентрацией на тех или иных участках превосходящей огневой мощи. Это даже не пытались сделать в Номонгане.

Зато применялись внушительные маневры войсками, которые превосходно выглядели на бумаге, но на практике приносили одни разочарования. Такие маневры имели бы смысл лишь на подходящей местности, где имелись укрытия для артиллерии, которая могла бы эффективно прикрывать пехоту на значительном расстоянии, а пехота была бы моторизована. В Номонгане отсутствовали подходящие укрытия от артиллерийского огня.

6. Неудачи в снабжении имели критическое значение, создавая порочный круг.

7. Опыт войны в Китае сыграл с командованием злую шутку. Стало привычным ожидать, что враг будет повержен всегда, когда силы японской императорской армии решат атаковать его. Однако в Номонгане японцы натолкнулись на «кирпичную стену». К русским попытались подойти так же, как к китайцам. Конечно, здесь надо учитывать и моральный фактор, но еще большее значение имела материальная мощь Красной Армии.

8. Слепое следование кодексу «бусидо» сыграло в Номонгане негативную роль. Для того чтобы добиться в ходе боя необходимой поддержки со стороны подчиненных командиров, вышестоящий начальник должен был обращаться к ним чрезвычайно вежливо, буквально с состраданием, и соблюдать массу формальностей. Все это приводило к промедлению в отдаче приказов и в их исполнении. Самостоятельно же действовать нижестоящие командиры не имели права. Сам по себе идея «пути воина» была превосходна, но беда была в том, что упор следовало делать на достижение победы, а не на соблюдение формальных правил феодальной этики.

Предупреждения Мишимы не были приняты во внимание заседавшими в комиссии генералами, больше полагавшимися на

«дух Ямато», а не на знание законов современной войны. Точно так же советские военные руководители, включая Жукова, положили под сукно критическое исследование опыта Халхин-Гола. Никаких кардинальных изменений ни в японской императорской армии, ни в Красной Армии не было произведено.

Оценка недостатков японских вооруженных сил, данная Мишимой, абсолютно точно отражала реальное, положение вещей. Например, в дивизии генерала Камацубары к началу боев было 2 705 лошадей. Из которых погибло или было ранено 2 005, а еще 325 вышли из строя вследствие болезней. Таким образом, к концу боевых действий японцы почти не имели средств для доставки снабжения своим сражавшимся в Номонгане войскам. Жуков же не зря в мемуарах помянул добрым словом шоферов: «Чудо-богатыри шоферы делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1300–1400 километров длился пять дней!»

Японская сторона значительно уступала советской не только в качестве, но и в количестве танков. К 1939 году Красная Армия располагала примерно 17 тысячами танков, а годовое производство достигало 3 тысяч машин. В Японии же даже в 1940 году, когда были приняты меры по наращиванию производства, выпустили всего 573 танка. Единственный в японской армии 1-й танковый корпус, действовавший на Халхин-Голе, располагал всего 182 боевыми машинами и по силе примерно соответствовал советской танковой бригаде. Жуков же к началу августовского наступления имел в своем распоряжении 498 танков и 385 бронемашин. К тому же после неудачи 6 июля, когда японские танки были расстреляны советской артиллерией (именно этот бой описал Жуков Симонову), командование Квантунской армии вывело свой танковый корпус с линии фронта и более не использовало его против Красной Армии.

О том, сколько танков безвозвратно потеряла каждая из сторон на Халхин-Голе, мне не удалось найти достоверных данных. О соотношении потерь бронетанковой техники можно судить только на основании сведений о безвозвратных потерях личного состава в советских и японских танковых частях. Танкисты 1-й армейской группы потеряли 659 человек убитыми, 36 пропавшими без вести и 864 ранеными. Японский танковый корпус потерял в 9 раз меньше — 77 убитых и 83 раненых. Однако здесь надо учесть, что в состав советских танковых и мотобронеевых бригад входили мотострелковые части, которые

действовали как пехота и поэтому несли большие потери в людях (у японцев тогда мотострелковых частей не было). К тому же японские танкисты не принимали участия в наиболее ожесточенных августовских боях. Все же можно предположить, что советские потери в танках и бронемашинах превышали японские, но не в 9 раз.

По своим боевым качествам японские истребители и бомбардировщики, в отличие от танков, не уступали советским. Жуков в разговоре со Сталиным в мае 1940 года признал:

«…В начале кампании японская авиация била нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной „Чайки“ и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков — Героев Советского Союза, наше господство в воздухе стало очевидным. Следует подчеркнуть, что нам пришлось иметь дело с отборными… частями японской армии».

А Симонову маршал говорил о том, что у японцев были хорошие пикирующие бомбардировщики.

Насчет причин, приведших к господству советской авиации в небе над Халхин-Голом, Георгий Константинович немного заблуждался. Самолеты И-16 и И-153 («Чайка») по своим тактико-техническим данным не превосходили основные японские истребители той поры «Мицубиси» А5М и «Накадзима» Ki-27. Так, «Чайка» развивала максимальную скорость в 443 километра в час, а «Накадзима» — 450 километров. И маневренность у этих самолетов была примерно одинаковая. Однако слабость японских ВВС заключалась в катастрофическом недостатке пилотов. За тридцать лет существования японской авиации, с 1909 по 1939 год, было подготовлено всего 1700 летчиков. И это притом, что в 1936 году планировалось произвести 3600 боевых самолетов. Даже потеря на Халхин-Голе 230 пилотов убитыми и ранеными создавали для японских ВВС критическую ситуацию. Да и по общему числу самолетов превосходство было на советской стороне. К началу августовского наступления Жуков располагал 515 самолетами, тогда как у японцев было не более 300 машин. Уже одно это число показывает абсурдность приведенных Георгием Константиновичем в статье 1940 года данных о будто бы сбитых советскими летчиками 660 японских самолетов. Нехватка же пилотов еще более осложняла для японцев возможности использования авиации и увеличивала советское превосходство в воздухе. Более или менее близкое к истине

представление о соотношении потерь в воздухе можно получить, сравнив людские потери советских и японских ВВС. Авиация 1-й армейской группы потеряла 100 человек убитыми, 59 пропавшими без вести и 102 ранеными. Авиация Квантунской армии потеряла 116 убитыми, 65 пропавшими без вести и 19 ранеными (по другим данным — 141 убитыми, 89 ранеными и 2 пленными). Соотношение по безвозвратным потерям оказывается примерно равным (по одному варианту расчета 1,1:1 в пользу советских ВВС, по другому — точно так же, 1,1:1, но в пользу японских ВВС) а по — раненым — в пользу японской стороны в соотношении 5,4:1 (или 1,1:1). Можно предположить, что потери советской авиации в самолетах были несколько больше, чем у японской. Если верны сведения Жукова о том, что советская авиация потеряла на Халхин-Голе 143 самолета, то японские потери могли быть меньше процентов на 10–20 и составлять 115–130 самолетов. Однако здесь надо учесть то немаловажное обстоятельство, что японские летчики совершили в несколько раз меньше вылетов, чем советские, особенно в последний период боевых действий. По отношению к общему числу самолето-вылетов японские потери в авиационной технике были гораздо выше советских. Поэтому эффективность действий авиации 1-й армейской группы оказалась значительно выше, чем авиации противника, и советское господство в воздухе уже в августе было неоспоримым.

Что же касается соотношения, численности войск, сражавшихся на Халхин-Голе, то и здесь преимущество было на стороне Красной Армии. На протяжении конфликта силы и средства сторон постоянно увеличивались. Всего в составе 6-й японской армии, куда входили и маньчжурские части, в боях участвовало 75 736 человек. Противостоявшая ей 1-я армейская группа, состоявшая из советских и немногочисленных монгольских войск, на протяжении конфликта постоянно получала большие пополнения в людях и технике. Сколько всего военнослужащих прошло через нее во время событий на Халхин-Голе, неизвестно до сих пор. Среди советских и российских историков распространено мнение, что перед 20 августа в подчинении Жукова было 57 тысяч бойцов и командиров. Эту же цифру приводят и авторы книги «Гриф секретности снят». Однако тут же дают другие цифры, которые заставляют совсем по-иному оценить численность советско-монгольских войск. Оказывается, среднемесячная численность одних только советских войск на Халхин-Голе за июнь-сентябрь 1939 года составила ни много ни мало, как 69 101 человека… Но при этом в июне 57-й отдельный

корпус имел всего лишь 12,5 тысяч бойцов и командиров. Даже если допустить совершенно невероятное: будто уже в июле группировка советских войск достигла своей максимальной численности и сохраняла ее вплоть до сентября, то и тогда для достижения средней за 4 месяца численности в более чем 69 тысяч человек эта максимальная численность должна была быть около 88 тысяч. Но поскольку наращивание войск происходило постепенно и продолжалось вплоть до начала сентября, фактически максимальная численность советских войск наверняка была значительно выше. Скорее всего, она достигала к концу августа не менее 100 тысяч человек. Сюда надо добавить около 5 тысяч монгольских военнослужащих, а также тех красноармейцев, кто к тому времени был убит, ранен или заболел. Даже учитывая, что кто-то из раненых и больных успел к сентябрю вернуться в строй, общее число убитых и не вернувшихся еще в свои части раненых и больных вряд ли могло быть меньше 20 тысяч. В таком случае всего в боях на реке Халхин-Гол участвовало не менее 125 тысяч советских и монгольских военнослужащих, что почти в 1,7 раза больше, чем общее количество противостоявших им японцев и маньчжур. А поскольку численность тыловых подразделений у обеих сторон была близка между собой, численный перевес Красной Армии в боевых подразделениях был еще более значительным.

Таким образом, Жуков одержал свою первую победу, как и все последующие, в условиях, когда находящиеся под его командованием войска обладали подавляющим превосходством над противником в людях и технике. Да и боеспособность японских солдат была не столь уж высока. Георгий Константинович был прав, когда говорил Сталину, что против 1-й армейской группы сражались лучшие части японских сухопутных войск. Та же 23-я дивизия генерала Камацубары была одной из элитных. Командование императорской армии собиралось сделать ее моторизованной, но так и не успело осуществить данное намерение до начала Номонганского инцидента. Однако Япония была островным государством. Само существование Страны Восходящего Солнца напрямую зависело от мощи ее военно-морского флота. Именно во флот, а также в морскую авиацию и предназначенные для взаимодействия с военно-морскими силами десантные части направлялись лучшие кадры. Для обеспечения в первую очередь нужд этой части вооруженных сил была сориентирована японская военная промышленность. Позднее, когда в декабре 41-го Япония начала войну на Тихом океане, было резко сокращено производство танков. В 1944 году

оно упало до 342, а в 45-м — вообще до 94, по сравнению с максимальным уровнем в 1 024 машины, достигнутом в 1941 году.

Японские сухопутные войска, в том числе Квантунская армия, были ориентированы для борьбы с таким сравнительно слабым противником, как Китай. Но с китайской армией очень легко справилась и Красная Армия во время конфликта на КВЖД в 1929 году (тогда особенно отличился друг Жукова Рокоссовский). Советские войска были обучены основам европейской тактики. Они обладали современным вооружением, боевой техникой и транспортными средствами. Личный состав был относительно сплочен, благодаря интенсивно пропагандируемой в Красной Армии коммунистической идеологии. С такими войсками японская армия справиться не смогла.

Тем не менее, победу Жуков купил дорогой ценой. Но в глазах его начальников это отнюдь не было прегрешением. Буденный приводит слова Ворошилова по поводу боев на Халхин-Голе: «Жуков — молодчина. Да, потери были. Но разве на войне их не бывает? Главное — противник разбит, отброшен с советской (точнее — с монгольской. — Б.С.) территории».

В том, что поражение японцев на Халхин-Голе не было столь всеобъемлющим, каким могло бы быть, сыграло роль и требование Сталина не допустить значительной эскалации конфликта. По утверждению Буденного, «в период подготовки решающей августовской операции 1939 года были предложения перенести действия наших и монгольских войск за границы МНР с тем, чтобы глубже и шире охватить и окружить вражеские войска (уж не Штерн ли был автором такого плана? — Б.С.). Но И.В. Сталин на это предложение ответил примерно следующее: „Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на наши обходы бросит дополнительно свои войска, и, таким образом, мы вынуждены будем втянуться в продолжительную войну. Надо сломать японцам хребет на реке Цаган (другое название Халхин-Гола. — Б.С.)“. Как раз тогда, когда войска Жукова проводили операцию по окружению японцев в междуречье Халхин-Гола и Хайластын-Гола, 23 августа, в Москве, был подписан советско-германский пакт о ненападении с секретным протоколом, предусматривающим раздел сфер влияния в Восточной Европе. Было ясно, что нападение вермахта на Польшу последует в самые ближайшие дни, а такое развитие событий неминуемо вело к возникновению Второй мировой

войны. В этих условиях Сталину необходимо было сосредоточить максимум сил Красной Армии в европейской части страны. Требовалось быть готовым к захвату своей части добычи в Польше, Румынии, Финляндии и государствах Прибалтики, чтобы потом, в подходящий момент, ударить в спину „другу Гитлеру“. Отвлекаться на крупный вооруженный конфликт в Азии Иосиф Виссарионович не хотел и решил ограничиться лишь захватом спорной территории на монгольско-маньчжурской границе.

Советско-германское сближение сделало заключение перемирия с германским союзником Японией неизбежным. Окончательно же конфликт был урегулирован после долгих переговоров только в мае 1942 года, с заключением соглашения о демаркации границы в спорном районе. В тот момент СССР вел тяжелейшую борьбу с Германией, а Япония — с США и Британской империей. В столкновении друг с другом не была заинтересована ни одна из сторон. В результате граница в районе Халхин-Гола прошла по линии фактического контроля. Почти весь спорный район, включая Номонган, остался в составе Монголии. К Маньчжоу-Го отошли лишь небольшие районы к юго-востоку от Номонгана, захваченные в результате наступления японских войск, предпринятого в начале сентября 1939 года. В ходе переговоров японская сторона тщетно ссылалась на советскую трофейную карту, где граница была проведена по Халхин-Голу. Но здесь перевесило «право победителей». Ведь сражение у Халхин-Гола выиграла Красная Армия, что не могла не признать японская сторона.

Во время переговоров, последовавших сразу за достижением перемирия, японцы настаивали на том, чтобы невооруженным японским солдатам было позволено собрать трупы соотечественников на территории, занятой советскими войсками Мотивировалось это необходимостью соблюсти буддийский обычай, согласно которому тело умершего обязательно должно быть сожжено, а урна с прахом вручена семье покойного. При этом преследовались и разведывательные цели Командование Квантунской армии рассчитывало, что японские поисковые партии смогут оценить масштаб концентрации неприятельских войск и местоположение вновь возведенных укреплений. Советские представители сначала отказывались разрешить японцам переходить на монгольскую территорию. Тогда майор Огоши из разведывательного отдела штаба Квантунской армии шепнул переводчику майору Ньюмуре: «Давайте используем религию» Тут же японцы обвинили русских в атеизме и

подчеркивали, что законы буддизма требуют, чтобы родные могли поклониться праху своих мертвецов. После этого члены советской делегации попросили подождать два часа, пока они проконсультируются со своим командованием. Уже через полтора часа согласие от Жукова было получено. Тем самым советский комкор завоевал искреннее уважение японских офицеров. Ньюмура много лет спустя вспоминал, что он и его товарищи тогда решили: раз Жуков признал, что религия имеет высшую ценность, значит, он, в первую очередь, был военным, а не «настоящим коммунистом». Впоследствии другие иностранцы, встречавшиеся с маршалом, тоже видели в нем сначала солдата, и лишь потом — последователя марксистской идеологии.

Жукову запомнились пленные японцы. В мемуарах он вспоминал:

«Японскому солдату внушали, что, попав в плен, он все равно будет расстрелян, но прежде его будут истязать до полусмерти. И надо сказать, что подобное воздействие в тот период достигало своей цели. Помню, на рассвете одного из августовских дней, ко мне на наблюдательный пункт привели пленного японского солдата, обезображенного укусами комаров (одного из тех двух, о которых маршал восхищенно рассказывал Симонову. — Б С.)… Нам нужны были сведения о японских войсках на том участке, где был захвачен этот пленный Чтобы развязать ему язык, я приказал дать пленному полстакана водки. Каково же было мое удивление, когда он, посмотрев на стакан, сказал:

«Прошу вас, отпейте глоток, я боюсь отравы Я единственный сын, а отец имеет галантерейный магазин Я единственный его наследник».

Наш переводчик заметил, что, согласно памятке, которую японским солдатам дало их начальство, они должны смело умирать со словом «банзай» на устах. Усмехнувшись, пленный ответил: «Отец наказал мне вернуться домой живым, а не мертвым».

Георгий Константинович из знакомства с этой памяткой и протоколами допросов пленных наверняка знал, что по возвращении из плена на родину японцам придется несладко. И не ошибся. Двух вернувшихся из советского плена летчиков-асов, ранее объявленных героически погибшими, заставили застрелиться. Хотя оба пилота попали в плен ранеными и

физически не могли покончить с собой, когда их обнаружили неприятельские солдаты. Остальных судили и отправили в тюрьму, где несчастным пришлось томиться по несколько лет. Кодекс «бусидо» рассматривал плен как величайший позор для воина, который должен, скорее, сам лишить себя жизни, чем сдаться на милость врагу. Как знать, не японскими ли традициями руководствовался Жуков, когда в начале Великой Отечественной войны подписал «драконовский» приказ № 270, объявлявший советских пленных изменниками родины и предусматривающий репрессии против их семей. Правда, жуковская подпись стояла там последней, как и полагалось по рангу единственному подписавшему документ генералу армии — после Сталина, его заместителя по Государственному Комитету Обороны Молотова и маршалов, Буденного, Ворошилова, Тимошенко и Шапошникова.

Думаю, важнее здесь был не японский пример сам по себе, а внутреннее духовное родство императорской Японии и советской России. В СССР жизнь человека ценилась гораздо меньше, чем его готовность к самопожертвованию во имя коммунистической идеи. От бойцов и командиров требовали нанести максимальный урон врагу, не считаясь с собственными потерями. Это отразилось, в частности, в стихах Константина Симонова. В халхингольской поэме «Далеко на Востоке» он писал о погибшем безымянном герое:

Говорят, он, в сплющенном танке зажатый, перед смертью успел обожженным ртом объяснить экипажу, как можно последней гранатой подорваться втроем, чтоб врагу не достаться живьем

Того же требовало от своих солдат и офицеров командование японской императорской армии.

Если принять во внимание все недостатки японских войск, надо признать обоснованность предложения Штерна немного замедлить августовское наступление и провести более рациональное сосредоточение войск на наиболее опасных направлениях, где особенно сильным было сопротивление японцев. Тем самым можно было бы уменьшить потери Красной Армии и увеличить потери ее противника. Ведь в условиях почти полного отсутствия автомобильного транспорта и танковых частей японское командование все равно не смогло бы воспользоваться паузой и перебросить дополнительно

значительные силы к угрожаемым участкам. Да и стремление удерживать до конца даже безнадежные позиции не позволило бы японцам отвести войска, несмотря на вполне реальную опасность окружения.

Штерн знал сильные и слабые стороны японцев лучше Жукова. Григорию Михайловичу довелось сражаться с ними годом раньше у озера Хасан. Тогда, правда, роль главнокомандующего выполнял маршал В.К. Блюхер, возглавлявший Особую Дальневосточную Армию, а Штерн лишь в конце боев руководил действиями непосредственно сражавшегося на Хасане 39-го стрелкового корпуса. В сентябре 38-го против гораздо более слабой, чем Квантунская, японской Корейской армии дуэт Блюхер — Штерн выступил куда менее удачно, чем дуэт Штерн — Жуков в августе 39-го в монгольских степях. Ведь у Хасана японцы были просто вытеснены с занятых ими сопок путем фронтального наступления, в ходе которого советским войскам не удалось взять ни трофеев, ни пленных. Да и по потерям соотношение было не в пользу Красной Армии. Корейская армия в инциденте при Чанкуфене (так в Японии называют хасанские события) потеряла 526 убитых и 913 раненых, а потери противостоявших ей частей советского 39-го корпуса составили 792 убитыми и пропавшими без вести и 2 752 ранеными. При Халхин-Голе, как мы помним, результаты были для советской стороны значительно лучше. Раненых в войсках Жукова было не в 3 раза, как при Хасане, а всего в 1,7 раза больше, чем у японцев. Убитых было меньше процентов на 10. И пленных Красная Армия тоже захватила больше в два с лишним раза. Особенно же впечатляли цифры трофеев, обнародованные Жуковым по горячим следам и позднее в основном подтвержденные японскими источниками: 12 000 винтовок, 175 орудий, в том числе более 30 — тяжелых, 115 станковых пулеметов, 225 ручных пулеметов, 2 миллиона винтовочных патронов и много другого имущества.

Реакция Сталина на ход и исход двух конфликтов была разной. По свидетельству Буденного, в разгар боев у Хасана Иосиф Виссарионович вызвал к себе Климента Ефремовича и гневно спросил: «Чем занимается там маршал Блюхер? Почему японские части до сих пор не выброшены с нашей территории?» И судьба Василия Константиновича была решена. На маршала взвалили всю вину за не слишком удачные действия Красной Армии у озера Хасан. Вскоре после окончания конфликта его отстранили от командования на Дальнем Востоке, а затем

арестовали и забили насмерть во время следствия. В заговоре-то Блюхер признался, а брать на себя еще и столь же фантастический шпионаж в пользу Японии почему-то не захотел. Вот палачи и переусердствовали. Зато взошла звезда Штерна, занявшего место Блюхера, и звезда Жукова. 29 августа 1939 года, еще до завершения боев на Халхин-Голе, им обоим присвоили звания Героев Советского Союза. Золотые звезды давали за непосредственное руководство войсками, а не за успехи в организации их снабжения. Видно, Григорий Михайлович не только машины на Хамар-Дабу гонял, но и к разработке и проведению в жизнь плана наступления был причастен. Кстати, раз Жуков, как мы помним, требовал от Штерна отдать письменный приказ о замедлении темпов наступления, отказываясь иначе следовать «рекомендациям» командующего Фронтовой группой, значит, Штерну Жуков все-таки был подчинен. Однако не только Штерну, но и напрямую наркому Ворошилову, а фактически Сталину, без которого, понятное дело, никакое принципиальное решение, связанное с халхингольским конфликтом, не принималось. Точно также у немцев под Сталинградом командующий окруженной 6-й армией Фридрих Паулюс был подчинен не только командующему группой армий «Дон» Эриху фон Манштейну (с которым Жукову не раз довелось сойтись на поле боя), но и напрямую Гитлеру, занимавшему по совместительству должность главкома сухопутных войск. Ничего хорошего из двойного подчинения не вышло ни под Халхин-Голом, ни под Сталинградом. Советские войска не смогли полностью разгромить 6-ю японскую армию, а немцы не смогли организовать прорыв из кольца своей армии тогда, когда он еще был возможен. Наверное, Штерн не настаивал на своем предложении более основательно организовать окружение японцев, потому что знал: Жуков все равно обратится с протестом к Ворошилову, а тот, зная мнение Сталина, предпочтет закончить сражение побыстрее, не считаясь с потерями.

Кто же именно предложил идею окружения японцев между реками Халхин-Гол и Хайластын-Гол — Жуков или Штерн? В разное время на этот вопрос официальная советская пресса отвечала по-разному. 30 августа 1939 года в органе Наркомата Обороны газете «Красная Звезда» были опубликованы указы о присвоении Штерну, Жукову и другим командирам и красноармейцам звания Героя Советского Союза (всего 31 человек) и о награждении большой группы сражавшихся на Халхин-Голе орденами и медалями. В передовице, озаглавленной шаблонно: «Мужество и героизм», утверждалось: «В списке Героев

Советского Союза заслуженно красуется имя командарма 2-го ранга Г.М. Штерна. Выдающийся военачальник, талантливый ученик тов. Ворошилова, руководитель боев у озера Хасан, Григорий Михайлович Штерн блестяще выполнил боевое задание. Один из замечательных военных деятелей нашей партии, член ее Центрального Комитета — он являет собой образец мужественного большевика, боевого руководителя войск.

Любовь и восхищение вызывает имя заслуженного командира Героя Советского Союза комкора Г.К. Жукова. Прекрасный организатор, человек несгибаемой воли и безмерной отваги, он сумел спаять воедино людей, призванных выполнять боевые задания правительства».

Здесь Штерн стоит на первом месте, как ему и полагалось по должности и званию. Командующий Фронтовой группой — единственный, кто в передовице назван полностью, по имени и отчеству. Теперь уже Штерн объявлен руководителем операции у озера Хасан, поскольку имя забитого в подвалах НКВД маршала Блюхера вычеркнуто из истории Красной Армии. Все неудачи в боях за сопки Заозерная и Безымянная списаны на покойного Василия Константиновича, все заслуги в изгнании оттуда японцев отданы еще живому Штерну, к которому, впрочем, скоро Фортуна тоже повернется спиной. Но пока Григорий Михайлович на коне. Он — «талантливый ученик» наркома Ворошилова, «блестяще выполнивший» боевое задание по разгрому японцев, образцово руководивший действиями советских войск. Жуков же назван просто «заслуженным командиром», хотя и вызывающим «любовь и восхищение». Он — лишь исполнитель, волевой и отважный организатор выполнения заданий, полученных от Штерна.

Данную статью можно прочитать и так: замысел операции — Штерна, ее проведение — заслуга Жукова. Кстати, слова о любви к Жукову со стороны войск, вероятно, недалеки от истины. Ведь вымещал свой гнев Георгий Константинович не на рядовых красноармейцах, а на командирах: капитанам и майорам грозил расстрелом после короткого трибунальского суда. Солдатская масса на себе тяжесть жуковскйй руки непосредственно не ощущала, а если Георгий Константинович смещал толковых, но непопулярных командиров, то их подчиненные могли такое только приветствовать Гибель же товарищей от японских пуль и снарядов они никак не связывали с жуковскими методами ведения борьбы. Насчет же воли передовица «Красной Звезды» определила очень точно: волевые качества у Жукова были

выдающиеся.

Звезда Штерна очень быстро закатилась Не оправдал он своей фамилии, которая в переводе с немецкого и значит «звезда». Григория Михайловича отправили на войну с Финляндией командовать 8-й армией, наступавшей севернее Ладожского озера. «На той войне незнаменитой» Красная Армия славы не стяжала. Если основные силы, наступавшие на Карельском перешейке против знаменитой линии Маннергейма, хотя бы формально, достигли успеха: ценой больших потерь преодолели в конце концов финские укрепления, то армия Штерна проиграла финнам по всем статьям, вчистую. Две дивизии и одна бригада попали в окружение. Одной из дивизий, 168-й, удалось продержаться в котле вплоть до прекращения боевых действий, хотя и ценой потери больше половины личного состава убитыми, ранеными и пленными. Зато другая дивизия, 18-я, и 34-я легкая танковая бригада были почти полностью уничтожены. После этой неудачи Сталин охладел к Штерну. В июне 1940 года, когда в Красной Армии ввели генеральские звания, Григорий Михайлович еще успел стать генерал-полковником. Большинство командармов 2-го ранга тогда были аттестованы генерал-полковниками, так что Штерну вроде бы не должно было быть обидно. Но тем же указом его бывшего подчиненного Жукова из комкоров произвели сразу в генералы армии, и он навсегда обогнал в чинах своего бывшего начальника. Штерн же, на Халхин-Голе считавшийся победителем японцев № 1 (Жуков тогда был только № 2), в следующий чин, в отличие от Георгия Константиновича, произведен не был. Тут сказалась не только финская неудача Штерна, но и смещение с поста наркома обороны его покровителя Ворошилова, чьим «талантливым учеником» был Григорий Михайлович.

5 июня 1940 года, в связи с началом публикации указов от 4 июня о присвоении генеральских званий высшему начальствующему составу Красной Армии и Военно-Морского Флота (публикация продолжалась ежедневно аж до 14 июня), в «Красной Звезде» появилась передовица «Велики их заслуги перед Родиной». О четырех— и пятизвездочных генералах там говорилось следующее: «Звания генерала армии удостоены три славных командира: Герой Советского Союза Г.К. Жуков, Герой Советского Союза К.А. Мерецков и И.В. Тюленев. Генерал армии Г.К. Жуков — участник гражданской войны, кадровый командир, последовательно прошедший ряд старших и высших должностей, обладающий широким оперативным кругозором. Когда 23-я

японская дивизия генерала Камацубары переправилась через реку к горе Баин-Цаган, пытаясь углубиться на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики, она была разгромлена советскими танковыми частями. Здесь по замыслу тов. Жукова впервые самостоятельно действовали на поле боя крупные танковые массы. „Баин-Цаганское побоище“ — под этим именем вошел в историю разгром японской дивизии. Генерал армии Жуков разработал и блестяще провел операцию полного окружения и окончательного уничтожения 6-й японской армии, вторгнувшейся в пределы МНР.

Генерал армии К.А. Мерецков имеет за своими плечами огромный опыт командной работы в армии, опыт современной войны. Он принимал руководящее участие в прорыве линии Маннергейма. Генерал армии И.В. Тюленев — один из плеяды славных командиров Первой Конной армии, герой гражданской войны, участник освободительного похода в Западную Украину, опытнейший руководитель войск.

Среди генерал-полковников мы находим имена заслуженных высших командиров, популярных в стране и Красной Армии, — И.Р. Апанасенко, О.И. Городовикова, А.Д. Локтионова, Г.М. Штерна. Звание генерал-полковника танковых войск присвоено Герою Советского Союза Д.Г Павлову. Генерал-полковники артиллерии Н.Н Воронов и В.Д, Грендаль широко известны армии как замечательные артиллеристы, боевые организаторы этого важнейшего в современной войне роде войск»

Ощутили ли читатели всю разницу между Жуковым и Штерном в этой передовице? Теперь Георгий Константинович безусловно на первом месте и по чину, и по должности. Да и среди других генералов армии он явно имеет первенство. Именно Жукову дана самая подробная и наиболее хвалебная характеристика. Но что еще важнее — победа на Халхин-Голе целиком приписывается ему одному. Штерн уже как бы не имеет к ней никакого отношения. Хуже того. Среди всех генералов армии и генерал-полковников только у Григория Михайловича забыли упомянуть наличие звания Героя Советского Союза. Это — признак грозный. Такие вещи в центральном органе Наркомата обороны случайными не бывают. В принципе это предвещало беду. Если бы Григорий Михайлович это почувствовал, то мог быть уверен, что скоро разделит судьбу Тухачевского и Блюхера. Возможно, ему стоило бы последовать примеру бывшего начальника Дальневосточного управления НКВД Генриха

Самойловича Люшкова, который в июне 1938 года перед лицом ожидавшегося ареста предпочел бежать в Маньчжоу-Го, а оттуда в Японию[2]. После Второй мировой войны несколько бывших офицеров японской разведки утверждали в ряде интервью, что в последние месяцы войны Люшков был переправлен в Маньчжурию и там в августе 1945 года по приказу командования застрелен одним из офицеров, чтобы не допустить его попадания в советский плен. Однако до сих пор не опубликовано ни одного документа, подтверждающего факт расстрела чекиста-перебежчика или хотя бы его пребывание в Маньчжурии в августе 45-го. Рассказы же японских офицеров о его гибели напоминают легенды. Нельзя исключить, что в действительности Люшков смог сдаться в Японии американским войскам, и позднее ЦРУ скрывало его в США под чужим именем как ценного информатора о Советском Союзе.].

Судьба вскоре вновь забросила Штерна на Дальний Восток. Стань он невозвращенцем, сохранил бы жизнь, избежал бы пыток и унижений. Но Григорий Михайлович, вероятно, до самого последнего момента не догадывался об уготованной ему печальной участи.

Штерну еще раз капитально не повезло, последний раз в жизни. После Финляндии он опять командовал Дальневосточным фронтом, где войны в тот момент не ожидалось. А в апреле 1941 года был назначен начальником недавно образованного Главного Управления ПВО. На беду Григорию Михайловичу 15 мая 1941 г. немецкий транспортный самолет Ю-52, не замеченный советскими постами ПВО, совершил перелет по маршруту Белосток-Минск-Смоленск-Москва, приземлившись на московском аэродроме. За тот месяц, что Штерн возглавлял ПВО, он при всем желании не мог успеть изжить кардинальные пороки советской системы противовоздушной обороны. Она оставалась очень слабой еще очень долго, вплоть до начала 60-х годов, когда получала на вооружение ракетные комплексы. Но т. Сталину надо было найти козлов отпущения. Был сфабрикован «заговор авиаторов», в связи с чем арестовали ряд генералов, связанных с авиацией, в том числе и Штерна, а также наркома вооружений Б.Л. Ванникова и «принимавшего руководящее участие в прорыве линии Маннергейма» К.А. Мерецкова, никакого отношения к авиации не имевших, Григория Михайловича взяли 7 июня 1941 года с санкции первого заместителя наркома обороны маршала Буденного. 27 июня Штерн не выдержал истязаний и признал, что еще с 1931 года был участником военного заговора и немецким

агентом. Однако в конце протокола допроса дописал: «Все вышеизложенное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, так как никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был». 28 октября 1941 года, когда немцы шли на Москву, а Жуков был послан на Западный фронт спасать положение, Штерна расстреляли в тогдашней «временной столице» Куйбышеве.

Представим себе, что по воле случая не Штерна, а Жукова послали бы на финскую войну. Финская армия — не японская армия. Это были очень хорошие войска западного, не восточного типа. Там каждый солдат знал свой маневр, а офицеры и генералы воевали тактически грамотно, были самостоятельны в принятии решений, заботились о сбережении солдатских жизней, а если рисковали, то обдуманно и расчетливо. Кроме того, местность в Финляндии затрудняла применение танков, особенно в лесах и болотах вокруг Ладоги. Мощные укрепления также не позволяли развернуться танковым и механизированным соединениям. Финские солдаты были прирожденными лыжниками, а у красноармейцев лыжная подготовка хромала на обе ноги. Именно успешные действия лыжных подразделений позволили финнам окружить в районе севернее Ладожского озера соединения 8-й и 9-й советских армий. Те пороки Красной Армии, которые не сумели в полной мере использовать японцы на Халхин-Голе, были полностью учтены финским командованием. И маленькая Финляндия смогла не только устоять против советского колосса, но и нанести Красной Армии огромные потери, не менее чем в 6 раз превосходящие потери финских вооруженных сил. Убитыми и умершими от ран финны потеряли 23,5 тысячи человек, пленными — 876. Число погибших в Красной Армии составило, согласно проведенному в конце 40-х — начале 50-х годов поименному учету безвозвратных потерь, 131,5 тысяч человек, а пленных финны захватили около 6 тысяч. Фактически же число убитых в Красной Армии было значительно больше — 10 лет спустя поименно учесть всех погибших не было никакой возможности. Может быть, финский главнокомандующий маршал Маннергейм нисколько не преувеличивал, когда писал в своем последнем приказе по итогам «зимней войны», обращаясь к своим солдатам и офицерам: «Более 15 тысяч из вас, кто вышел на поле боя, никогда не увидят снова своих очагов, а сколь многие из вас навсегда потеряли способность к труду! Но вы также нанесли врагам тяжелые удары, и, если 200 тысяч из них лежат в снежных сугробах и смотрят невидящими глазами в наше

хмурое небо, в том нет вашей вины». За агрессию против Финляндии плохо подготовленная к современной войне Красная Армия заплатила страшную цену.

Жуков, командуй он одной из армий на финском фронте, ничего не смог бы изменить. Может быть, только увеличил бы советские потери, руководствуясь принципом, что если сегодня не пойти на крупные жертвы, завтра они будут еще больше. И жуковская звезда закатилась бы так же, как и звезда Штерна. А если бы Георгия Константиновича назначили начальником ПВО, то ему бы, а не Штерну, пришлось отдуваться за пропущенный к Москве «юнкерс». И сфабриковали бы тогда, возможно, люди Берии не «заговор авиаторов», а «заговор кавалеристов». Впрочем, и Штерн, пока не стал начальником Главного управления ПВО, ни с авиацией, ни с противовоздушной обороной дела не имел. Ворошилов, Тимошенко и Буденный, как люди, особо близкие Сталину, не пострадали бы, а нескольких генералов-кавалеристов рангом пониже, включая Жукова, вполне могли расстрелять, как расстреляли Штерна, Смушкевича, Рычагова и других авиационных генералов в октябре 41-го.

Георгий Константинович о финской войне знал только понаслышке. Реального масштаба поражения советских войск не представлял и пребывал в уверенности, что Красная Армия по-прежнему сильнее всех своих потенциальных врагов. Неудачи в «зимней войне» Жуков объяснял особенностями местности, неудобной для наступления, и ошибками конкретных командиров, не ему чета. На фоне понесенных в Финляндии поражений халхингольская победа засверкала еще ярче, а поскольку репутация Штерна была подорвана, Сталин и руководители наркомата обороны именно Жукова считали теперь единоличным победителем японцев. Ему, а не Штерну была доверена честь описать ход операции в прославлявшем успехи Красной Армии и предназначенном для широких кругов читателей сборнике «Бои у Халхин-Гола», выпущенном Воениздатом в 1940 году.

Отправившись на Халхин-Гол, Георгий Константинович не забывал о семье и родственниках. М.М. Пилихин приводит письмо брата из Монголии, отправленное 31 октября 1939 года:

«Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора в Москве, тогда обо всем поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провел войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас

налаживаю дела, так как за войну кое-что подразболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм… если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку». Обещание прислать подарки Жуков, таким образом, выполнил. Его адъютант М.Ф. Воротников вспоминал, как доставил гостинцы в Москву: «В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами… Провожая, Жуков наказал: „Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живет он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовском переулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал А вот эту записку отдайте директору Центрального Военторга“.

Последняя просьба могла показаться курьезной. Герой халхингольских событий, грозный укротитель самурайской орды… просил продать несколько метров ситца для дочек и соленой кильки в банках. Что делать? Время было тяжелое. Материального изобилия в стране не было. Не от хорошей жизни он обращался с такой просьбой к работникам торговли».

Жена Жукова с двумя дочерьми приехала в Монголию в сентябре 1939 года. До этого Жуков регулярно писал ей в Смоленск. Например, 26 июля, вскоре после Баин-Цаганского сражения, бодро сообщал: «В районе боевых действий населенных пунктов нет, кругом степь на сотни километров и ни одного дерева. Но степь имеет также свою красоту — очень много дичи и другого зверя. Здесь очень хорошая охота. Козы гуляют прямо стадами (похоже, Георгий Константинович и в боевой обстановке для своей любимой охоты находил время. — Б. С.). Ну, пока, крепко вас целую много, много раз». А в августе, 21-го числа, в дни решающего наступления, прислал только короткую телеграмму: «Здоров. Писать письма нет времени. Круглосуточно занят сложными вопросами. Получил очередное звание. Порученца вышлю в сентябре. Сейчас от Улан-Батора далеко. Обнимаю всех. Жуков».

В середине сентября, перед самым отъездом, Александра Диевна получила от мужа еще одно письмо: «Я жив, здоров. Ты, наверно, из газет уже знаешь сообщения ТАСС о боях на монгальско-маньчжурской границе. Ты, теперь, очевидно, понимаешь, почему так срочно мне пришлось выехать из Смоленска. Тебе также должно быть известно из сообщения ТАСС,

что японские самураи разбиты как на земле, так и в воздухе. Но враг очень хитер, и от него приходится ждать всякой каверзы. Это мы хорошо учитываем и всегда готовы на его действия ответить двойным ударом… Как будут развиваться события в дальнейшем — сказать трудно. Мы готовы к полному уничтожению всей этой гадости. Вот Эрочка хотела, чтобы папочка подрался, — это удовольствие сейчас испытываю. Чувствую себя в действиях очень хорошо. Короче, так, как это было в нашу гражданскую войну. Мы потерь имеем мало…».

О величине потерь Георгий Константинович добросовестно заблуждался. В Красной Армии в донесениях вышестоящему начальству командиры всегда сильно занижали собственные потери и завышали потери противника. Последние определялись по старому суворовскому принципу: «Пиши поболе. Чего их, супостатов, жалеть». Так, сразу после финской войны штаб Ленинградского военного округа опубликовал данные, будто советские войска потеряли 48 745 убитыми и умершими от ран, что занижало истинный размер безвозвратных потерь почти втрое. А общие советские потери на Халхин-Голе вплоть до 80-х годов определялись (вероятно, по первоначальным донесениям из войск) всего в 9 824 убитых и раненых. На эти цифры, занижавшие истинные потери почти в два с половиной раза, и ориентировался Жуков, когда писал жене о своих успехах. Да еще мысленно сопоставлял их со столь же фантастическими цифрами донесений о японских потерях в 55 тысяч человек. Впятеро больше уложил «этой гадости», чем потерял своих солдат. Георгий Константинович не поверил бы никаким скептикам. Он искренне верил в свою полководческую гениальность, в то, что во всех сражениях подчиненные ему войска уничтожали больше неприятельских солдат, чем теряли сами, и лишь иногда позволяли себе роскошь потерять столько же, сколько и противник. Но никогда, убеждал себя Георгий Константинович, его дивизии, армии и фронты не теряли людей больше, чем японские или германские «супостаты».

К счастью, когда Александра Диевна, Эра и Элла прибыли в Монголию, войны там уже не было. Эра хорошо запомнила первую в своей жизни зарубежную поездку: «Семь дней мы ехали поездом до Улан-Удэ, а оттуда машиной до Улан-Батора. Мне все было интересно, тем более что мы впервые имели отдельное купе, все в красном дереве и бархате, а вот маленькой Леке было невмоготу, и по ночам она просилась домой. Помню, как проезжая ночью озеро Байкал, о котором писал папа, мы с мамой

не могли оторваться от вагонного окна, наблюдая, как белая и пенистая волна озера почти подступает к железнодорожному полотну. Затем очень долго — 600 километров по пыльной дороге — до места назначения добирались на эмке. Папа нас не встретил, хотя, судя по письмам, такое намерение у него было. Добравшись до Улан-Батора, свой быт в новом доме мы устраивали сами с помощью порученца и соседей, которые встретили нас очень радушно».

Дом Эре понравился — стоит на пригорке, светлый, просторный, удобный. Вот климат не радовал — летом жарко и пыльно, зимой холодно и ветрено, даже метели случаются. Приходилось во дворе городка натягивать канаты, чтобы не сбиться с пути во время снежного бурана. И питьевую воду приходилось возить издалека и сливать в стоявший на кухне большой бак. Старшая дочь маршала в мемуарах призналась:

«До сих пор помню вкус этой холодной прозрачной воды, в которой нередко плавали кусочки льда».

Для Жукова год, проведенный в Монголии, думаю, был самым счастливым временем жизни. 42-летний комкор одержал победу в крупном сражении. Он не без оснований рассчитывал на новый взлет своей карьеры. И не ошибся.

Перед «Грозой»

В мае 1940 года Жукова срочно вызвали из Улан-Батора в Москву. В мемуарах он по этому поводу писал: «…В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на другую должность. К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной Армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через пару дней я был принят лично И.В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом».

Здесь есть неточность. Указ о введении в Красной Армии генеральских званий был принят 7 мая, а опубликован 8 мая 1940 года. Однако в тот день в газетах из указов о присвоении персональных званий появился лишь указ о производстве в Маршалы Советского Союза С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошникова и Г.И. Кулика. Рядом с ними публиковался указ об освобождении К.Е. Ворошилова от обязанностей наркома обороны и о назначении его заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при Совнаркоме. Другим указом свежеиспеченный маршал Тимошенко был назначен наркомом обороны. В генералы армии Жуков был произведен указом от 4 июня 1940 года, опубликованным в газетах на следующий день, 5 июня. В данном случае память явно подвела Георгия Константиновича. Возможно, он вольно или невольно слил воедино несколько своих встреч со Сталиным, происшедших в мае-июне 1940 года. Это обстоятельство сильно затрудняет выяснение хотя бы примерной даты самой первой встречи Жукова со Сталиным.

Кроме Сталина, на встрече с Жуковым присутствовали и другие члены Политбюро. Георгия Константиновича расспрашивали о боевых качествах японской армии, о том, как дрались на Халхин-Голе советские войска. Затем Сталин сказал: «К сожалению, в войне с Финляндией многие наши соединения и армии показали себя в первый период плохо. В неудовлетворительном состоянии армии во многом виноват бывший нарком обороны Ворошилов, который длительное время возглавлял вооруженные силы. Он не обеспечил должной

подготовки армии, и его пришлось заменить. Тимошенко лучше знает военное дело. Итоги войны с финнами мы подробно обсудили на Пленуме ЦК и наметили ряд мероприятий».

А в конце встречи, по утверждению Жукова, между ним и Сталиным произошел следующий примечательный диалог:

— Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал И.В. Сталин. — Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англофранцузским блрком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?

Усмехнувшись, И.В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно втягиваться в войну с Гитлером. Они все еще надеются толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

Жуков признается; что разговор со Сталиным его потряс:

«Возвратясь в гостиницу „Москва“, я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы».

Прежде чем перейти к анализу довольно странной концовки беседы, замечу, что, возможно, именно Георгия Константиновича в те дни, когда он, ожидая вызова к Сталину, и потом, перед отъездом в Киев, жил в гостинице на Тверской, запечатлел Константин Симонов в поэме «Далеко на Востоке»:

Майор, который командовал танковыми частями
в сраженье у плоскогорья Баин-Цаган,

сейчас в Москве,
на Тверской,
с женщиной и друзьями,
сидит за стеклянным столиком
и пьет коньяк и нарзан.
А трудно было представить себе
это кафе на площади,
стеклянный столик,
друзей,
шипучую воду со льдом,
когда за треснувшим триплексом
метались баргутские лошади
и прямо под танк бросался смертник с бамбуковым шестом.
Ты сидишь за столом с друзьями.
А сосед не успел.
Ты недавно ездил в Пензу, к его жене,
отвозил ей часы и
Письма с обугленными краями.
за столом в кафе сидит человек с пятью орденами:
большие монгольские звезды
и Золотая Звезда.
Люди его провожают внимательными глазами,
они его где-то видели,
но не помнят,
где и когда.
Может быть, на первой странице «Правды»?
Может быть, на параде?
А может быть, просто с юности откуда-то им знаком?

На первый взгляд, герой Симонова имеет с Жуковым мало общего. Перед нами майор-танкист, а не комкор-кавалерист. И еще уточняется, что майор командовал советскими танковыми частями в Баин-Цаганском сражении. Но нам, равно как и поэту, хорошо известно, что командовавший танковой бригадой у Баин-Цагана комбриг М.П. Яковлев погиб в бою 12 июля 1939 года, возглавив с гранатой в руке атаку залегшей было под огнем неприятеля пехоты, и звания Героя Советского Союза был удостоен посмертно. А вот Жуков, командовавший всеми войсками у Баин-Цагана, уцелел. И мог пить на Тверской коньяк и нарзан, сидеть в ресторане с друзьями и любимой женщиной (в Москву Георгий Константинович вернулся вместе с женой). И

наград у него к тому времени было ровно столько же, сколько у майора из поэмы: пять орденов и Золотая Звезда. Среди орденов был один Красного Знамени, два Ленина и две «больших монгольских звезды», полученных за Халхин-Гол: ордена Красного Знамени Монголии и Тувы. Эти два последних по размеру действительно были очень большими, значительно больше советских орденов, и имели форму звезды. Для полноты картины упомянем юбилейную медаль «XX лет РККА», которой Жуков вместе со многими другими командирами Красной Армии был награжден в феврале 1938 года.

Попробуем определить, когда же именно наш герой вернулся из Монголии в Москву и когда произошла его первая встреча со Сталиным. Из жуковских мемуаров следует, что вызов пришел в начале мая. Также и в составленных в 1957 году «Кратких биографических сведениях» о маршале временем окончания его службы в Монголии указан апрель 1940 года, с апреля по июнь Жуков числится в распоряжении наркома обороны, а с июня — командующим Киевским особым военным округом. В «Личном листке по учету кадров», заполненном Жуковым в 1948 году, окончание службы в Монголии датировано апрелем, а вступление в командование войсками КОВО — маем 1940 года. М.М. Пилихин утверждает: «В мае 1940 года Георгий телеграфировал нам в Москву: „Будем 15 в Москве. Встречайте. Жуков“. На автобазе (НКВД. — Б.С.), где я работал, стоял „оппель-кадет“ Марины Расковой. Я попросил у нее машину — встретить Г.К. Жукова с семьей из Монголии. Разрешение получил, и мы с Клавдией Ильиничной и дочкой Ритой поехали встречать Георгия с семьей на Ярославский вокзал. Пришла машина и из Наркомата обороны. Подошел поезд, и мы пошли к вагону, в котором прибыл Жуков с семьей. Но он уже шел нам навстречу, с первой Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди и орденами Монгольской Народной Республики. Он с большой радостью обнял нас и сказал: „Вот мы опять все вместе!“

Через несколько дней Жуков был принят И. В. Сталиным. Г.К. Жуков подробно доложил ему о защите Монголии от японских захватчиков. Сталин предложил Жукову должность командующего Киевским особым военным округом. Георгий пригласил меня провести отпуск в Киеве. Пробыл я у него около месяца, знакомился с городом. Ездили с Егором на охоту, он отлично стрелял».

Жуковский адъютант в Монголии М.Ф. Воротников пишет,

будто Георгий Константинович уехал в Киев в апреле 1940 года. Вероятно, здесь характерная ошибка памяти. Для Михаила Федоровича отъезд Жукова из Улан-Батора ассоциировался с его назначением в Киев. Вероятно, конец апреля — это фактическое время отбытия Георгия Константиновича из Монголии.

Дочь Жукова Эра вспоминает: «Из Монголии в Москву мы летели уже самолетом вместе с папой. Для нас всех это было первое воздушное путешествие, и мы очень волновались. В Москве нас разместили в знаменитой в те годы гостинице „Москва“, где мы прожили более месяца, вплоть до получения папой нового назначения в Киев и отъезда туда».

Казалось бы, между свидетельствами М. М. Пилихина и Э.Г. Жуковой есть одно вопиющее противоречие. Михаил Михайлович рассказывает о том, что его двоюродный брат вернулся в Москву поездом, а Эра Георгиевна настаивает, что возвращались они все самолетом, и вполне можно верить, что первое воздушное путешествие не могло не запомниться ей на всю жизнь. Думаю, однако, что на самом деле никакого противоречия тут нет. Просто от Улан-Батора до Улан-Удэ Жуковы действительно летели на самолете, чтобы не трястись 600 километров на автомашине по пыльной проселочной дороге. От Улан-Удэ же ехали до Москвы поездом, с комфортом, в одном, а то и в двух отдельных купе первого класса, украшенных красным деревом и бархатом. Как мы помним, Александра Диевна с детьми добиралась от Москвы до Улан-Удэ семь суток. Очевидно, обратный путь занял столько же. Еще день потребовался, чтобы добраться от Улан-Батора до Улан-Удэ самолетом (не прямо же к отходящему поезду Жуковы прилетели!). Следовательно, путешествие от Улан-Батора до Москвы должно было занять не менее восьми дней. Если Георгий Константинович выехал из Монголии в конце апреля или в самом начале мая, то в столицу он должен был прибыть где-то между 7 и 10 мая, но никак не 15-го числа. Хотя, конечно, мог задержаться в Улан-Удэ или где-то еще в пути. Может быть, М.М. Пилихин ошибся, когда говорил о приезде брата в Москву именно 15-го числа? Да и слова Э.Г. Жуковой о том, что они прожили в Москве больше месяца. Прежде чем вместе с отцом отправились в Киев, как будто согласуется с более ранней датой приезда в Москву. Ведь в Киев Жуков отбыл около 15 июня.

Посмотрим, когда мог состояться прием Жукова Сталиным. В журнале посетителей кремлевского кабинета вождя первый раз

Георгий Константинович упомянут только 2 июня 1940 года. Жуков был у Сталина и на следующий день, 3-го числа, а затем 13-го. Более они в 1940 году, если верить тетрадям записи посетителей, не встречались. Однако до сих пор не опубликованы журналы, где фиксировались посетители сталинских подмосковных дач. Кроме того, у историков нет уверенности, что сохранились все тетради с записями, и вообще, что в журнал заносились все посетители. Поэтому нельзя утверждать, что Иосиф Виссарионович и Георгий Константинович не встречались раньше, в мае 40-го.

В мемуарах Жуков оставляет у читателей впечатление, что до отъезда в Киев он лишь однажды виделся со Сталиным. Но легко убедиться, что в действительности это не так. Даже если принять, что первая встреча состоялась только 2 июня, всего до отъезда в Киев Жуков приходил к Сталину как минимум три раза. Очевидно, в «Воспоминаниях и размышлениях» маршал, вольно или невольно, содержание нескольких своих разговоров со Сталиным свел к одному. Попробуем понять, что из приведенного в жуковских мемуарах собеседники могли говорить друг другу в то или иное время.

Интересно, что Жуков высказывает Сталину свое удивление пассивным характером войны на Западе. Напомню читателям, что германское наступление здесь началось 10 мая 1940 года, и уже 11 мая Жуков узнал бы об этом из газет. В таком случае, первое свидание Жукова и Сталина должно было произойти не позднее 11 мая. Иначе жуковские слова об отсутствии активных боевых действий между германскими и англо-французскими войсками годились бы только для пьесы театра абсурда, а не для разговора с всесильным советским вождем. Если же Георгий Константинович, действительно, приехал в Москву только 15 мая, как утверждает М.М. Пилихин, то их встреча со Сталиным никак не могла произойти ранее 17-го числа того же месяца, поскольку и Жуков, и его двоюродный брат свидетельствуют, что с момента приезда до вызова в Кремль прошло несколько дней. Однако мне все-таки кажется наиболее вероятной дата первой встречи Сталина и Жукова не позднее 11 мая 1940 года. Но она могла произойти, с учетом времени отъезда Георгия Константиновича из Монголии, и раньше, 10-го или даже 9-го мая. И вот почему. В день встречи Сталин или уже знает о начавшемся германском наступлении, или уверен, что оно вот-вот последует. Немцы известили его о вторжении во Францию, Бельгию и Голландию утром 10 мая, практически одновременно с началом наступления,

но Иосиф Виссарионович мог узнать о планах Гитлера и несколько раньше, из донесений разведки. Характерно, что Сталин предупреждает Жукова, что Чемберлену и Даладье очень скоро придется расплатиться за свою близорукую политику. Генерал же еще ничего об этом не знает и потому рассуждает о «странной войне» на Западе.

Сталин также сообщает Жукову, что Ворошилов снят с поста наркома обороны и заменен Тимошенко. Создается впечатление, что об этих важных кадровых перестановках в военном ведомстве Георгий Константинович еще не знает. Тогда встреча вообще должна была состояться не позже, чем утром 8-го мая. Ведь уже к вечеру этого дня Жуков не мог не знать о смене руководства наркомата обороны.

Вот о назначении Жукова командующим Киевским округом Сталин, по всей видимости, сообщил ему не на майской встрече, а позднее, 2 или 3 июня. Сразу же после этих встреч вышел указ о присвоении Жукову звания генерала армии. Командующий наиболее мощным по количеству войск и техники военным округом должен был иметь и соответствующее звание. Кстати сказать, командующий соседним Белорусским (позднее Западным особым) военным округом Д.Г. Павлов стал генералом армии только восемь месяцев спустя, в феврале 41-го. Вполне вероятно, что при первом свидании Сталин предложил Жукову подумать над предложением возглавить КОВО, а на одной из последующих встреч уже объявил ему об окончательно принятом решении.

Буденный в своих мемуарах рассказал, как было решено назначение Тимошенко вечером после первомайского парада, на даче у Сталина, где на праздничный ужин собрались члены Политбюро и высокопоставленные военные:

— Одного товарища народ прозвал железным наркомом. Вы не знаете, кого я имею в виду? — усмехнувшись в усы, спросил Сталин.

— Климента Ефремовича! — раздалось несколько голосов (вообще-то «железным наркомом» обычно именовали Ежова, но после смещения Николая Ивановича с поста главы карательного ведомства осенью 38-го этот титул перешел к Ворошилову, впрочем, ненадолго. — Б. С.).

— Ну, вот его и попросим принять руководство всей

оборонной промышленностью, точнее — всем производством на нужды армии. А пост наркома обороны предложим… — Сталин обвел глазами присутствующих, — предложим тов. Тимошенко.

Сталин, хотя и подсластил горькую пилюлю отставки для Ворошилова, назначив бывшего луганского слесаря главой новосозданного Комитета обороны, курировавшего все отрасли промышленности, работающие для военных нужд, не удержался от скрытой иронии: «железному наркому» можно только за производством железок надзирать (благо — слесарь по гражданской профессии), а не Красной Армией командовать. Полководец-то из «друга Клима» никакой — финская война это хорошо доказала.

После предложения Сталиным кандидатуры Тимошенко за столом воцарилось неловкое молчание. Когда-то ведь новый нарком командовал дивизией в будённовской Первой Конной, а теперь становился начальником своего бывшего командарма, занимавшего посты командующего Московским военным округом и заместителя наркома обороны. Затянувшееся молчание прервал Молотов:

— Семен Михайлович может гордиться. Выдвигаем в наркомы человека, воспитанного Первой Конной.

— Мы учитывали этот момент, — заметил Сталин. — Товарищ Тимошенко — бывший подчиненный маршала Буденного (через несколько дней Семена Константиновича тоже сделали маршалом. — Б. С.). Доморощенные стратеги, конечно, будут строить разные предположения, но партия не может равняться на отсталые элементы. Товарищ Буденный не будет на нас в претензии. Нагрузку он несет большую, и, видимо, придется еще добавить. Ну, а товарища Тимошенко и начальника Генштаба попросим какое-то время заняться исключительно боевой подготовкой войск, учтя опыт финской войны.

— Два Семена, два конармейца сработаются, — подвел итог обсуждения Калинин.

Сталин был мастером создания систем «сдержек и противовесов», устраняющих любые потенциальные угрозы своей неограниченной власти. Вынужденный отказаться от преданного и недалекого Ворошилова, доказавшего полное несоответствие посту главы военного ведомства, Иосиф Виссарионович поставил

на его место более молодого военачальника, в личной преданности которого не был полностью уверен. Почему же он предпочел Тимошенко тому же Буденному, который Сталина искренне любил? Вряд ли главную роль сыграло тут недостаточное знакомство Буденного с условиями современной войны. Семен Михайлович рассказывает в мемуарах, как при обсуждении в наркомате обороны вопроса, какой должна быть башня у нового танка Т-34, честно признался: «Я в танках мало что смыслю. Тут слово за специалистами». Но Тимошенко в танках смыслил не больше Буденного. Важнее было другое. У командарма Первой Конной со времен гражданской сохранялась немалая популярность и в войсках, и в народе. Еще в 1923 году Ворошилов писал Сталину, что Буденный «слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер… В будущем, в представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего „народное“ движение… Его необходимо использовать для революции целиком и полностью». Клим тогда с тревогой сообщал, что «на вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: „За Буденного“. Ворошилов еще в 20-е годы опасался назначения Буденного наркомом земледелия, поскольку „бросать Буденного в крестьянско-земельную пучину было бы сумасшествием“. А если сейчас, в 40-м, назначить Буденного наркомом обороны, то красноармейцы могут пойти в бой: „За Буденного“, а не „За Сталина“. Доверять такому человеку руководство одной из самых мощных армий мира Сталин опасался. Неизвестно еще, как повернутся события. Вдруг придется пережить кризис типа коллективизации или новые военные неудачи, вроде финской. Как тогда себя поведет Семен Михайлович? Не захочет ли отправить Иосифа Виссарионовича на заслуженный отдых, а то и прямо в небесный штаб к врагу народа Тухачевскому? Лучше оставить Буденного вторым по значению человеком в наркомате обороны. Все равно Тимошенко не сможет всерьез командовать своим бывшим командующим. Буденный фактически будет от него независим и в случае чего доложит о любых подозрительных шагах нового наркома.

Тимошенко в своем приказе № 120, где ставились задачи войскам на летний период обучения 1940 года, требовал: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Во исполнение этого требования он распорядился на маневрах и учениях использовать только боевые патроны и снаряды. Это привело к росту числа убитых и раненых

в рядах Красной Армии в мирное время. Семена Константиновича это нисколько не смущало. Он твердо верил, что эти потери неизбежны и необходимы, поскольку позволят уменьшить неизбежные потери в будущей войне. Буденный был здесь с Тимошенко солидарен и с одобрением писал в своих мемуарах о нововведениях по ужесточению условий боевой подготовки. Правда, как свидетельствует Семен Михайлович, идея обстреливать войска на учениях боевыми снарядами принадлежала самому Сталину. Он будто бы заявил Тимошенко и другим военным:

«Я не признаю такие маневры, где солдаты все делают условно — и стреляют, и наступают, и даже условно роют окопы. Люди должны учиться так, словно они ведут настоящий бой. И для этой цели не нужно жалеть боеприпасов. Только в сложной обстановке боец научится действовать уверенно и мужественно». Кто-то рискнул возразить: «Так ведь ЧП могут быть». «Да, могут, — охотно согласился Сталин. — Но на войне мы понесем большие потери, если сейчас не научим бойцов владеть оружием, уметь наступать, уметь обороняться».

Толку от нововведений, как оказалось, не было никакого. В Великую Отечественную войну потери Красной Армии достигли астрономических величин, а пополнение предпочитали бросать в бой без всякого обучения, будь то с использованием боевых или холостых патронов. Наркому и заместителю наркома, придерживавшихся подобных взглядов, безусловно, Жуков должен был импонировать. Вероятно, по рекомендации Тимошенко и Буденного Сталин и назначил Жукова командовать Киевским округом. Тут сыграла свою роль и слава победителя на Халхин-Голе. Другой победитель, Штерн, в Финляндии осрамился. Теперь оставалось проверить, чего стоит Жуков. Проверить в деле, и очень скоро. Сталин ведь готовился к войне, до которой, как он думал в мае 40-го, оставались считанные месяцы, если не недели.

Уже находясь в отставке, опальный маршал 7 декабря 1963 года писал писателю Василию Соколову, будто на первой встрече со Сталиным сделал одно доброе дело: «…Рокоссовский был мой близкий старый товарищ, с которым я вместе учился, работал и всегда его уважал, как хорошего командира. Я просил Сталина освободить его из тюрьмы в 1940 году и направить в мое распоряжение в Киевский Особый военный округ, где он вскоре был мною назначен на 19-й механизированный корпус, во главе

которого он и вступил в войну». Но ведь Жуков-то впервые встретился с диктатором только в мае 40-го, а Рокоссовский был освобожден из заключения в начале марта 1940 года, в последние дни финской войны, о чем он и сообщает в мемуарах. До находившегося в Монголии Жукова могли и не дойти известия об освобождении друга. Но в Москве-то он уж должен был узнать, что Рокоссовского из тюрьмы давно выпустили. Ведь не при первой же встрече он озадачил Иосифа Виссарионовича столь деликатной просьбой! Наверняка освобождения Рокоссовского добился сам нарком Тимошенко, под началом которого Константин Константинович долго служил в 4-й кавдивизии и 3-м кавкорпусе. Кстати сказать, тогда же, в марте 41-го, был освобожден будущий генерал армии А.В. Горбатов и еще несколько военачальников. Делалось это по представленному Тимошенко и утвержденному Сталиным и Берией списку, а не по рекомендации Жукова.

О том, как Жуков уезжал поездом в Киев к новому месту службы, сохранились очень любопытные свидетельства. М.Ф. Воротников приводит рассказ своего бывшего командира батальона полковника Г.М. Михайлова, ставшего на Халхин-Голе Героем Советского Союза: «Г.К. Жуков благодарил всех, кто пришел проводить его к новому месту службы. В разговоре был сдержан. Иногда шутил и говорил: „Мы еще встретимся“.

— Нам, провожавшим, — говорил Михайлов, — показалось, что Жуков расстроен, а некоторые говорили, что он даже прослезился.

— Не может быть, — возразил я.

— Нам тоже не верилось, но… ошибиться мы не могли». Через много лет Михаил Федорович нашел подтверждение михайловскому сообщению: «В одной из бесед жена М.М. Пилихина Клавдия Ильинична, включившись в наш разговор, сказала:

— Никто не видел слез Жукова, а я видела.

— Чем это было вызвано? — спросил я ее.

— Не скажу.

— Почему? Может, это очень важно. Ведь не мог же такой

сильный духом человек ни с того ни с сего прослезиться.

— Не скажу.

Она упорно стояла на своем, не реагируя на наши аргументы. Разговор происходил в присутствии ее мужа Михаила Михайловича. Он предположил, что Георгий Константинович прослезился при воспоминании о Монголии. Но я не мог этому поверить, так как Жуков гордился своей миссией в этой стране».

Воротников решил разгадать тайну невидимых миру жуковских слез. Ему очень хотелось понять, почему жена Пилихина что-то скрывает. И Михаил Федорович рискнул обратиться с прямым вопросом к самому Георгию Константиновичу: «Однажды на даче маршала, улучив подходящий момент, я спросил его о причинах волнения при отъезде в Киев в апреле (в действительности — в июне. — Б.С.) 1940 года. Что значили слезы, если они, действительно» были, — радость или огорчение?

Маршал ответил не сразу…

— Меня назначили на ответственный пост — командовать одним из важнейших приграничных округов. В беседах со Сталиным, Калининым и другими членами Политбюро я окончательно укрепился в мысли, что война близка, она неотвратима. Да и новый для меня пост командующего таким ответственным приграничным округом является тому свидетельством (опять вера в собственное величие: кого, кроме него, Георгия Жукова, могут назначить командовать округом, призванным сыграть в предстоящей войне решающую роль! — Б. С.). Но какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? И вот с ощущением надвигающейся трагедии я смотрел на беззаботно провожающих меня родных и товарищей, на Москву, на радостные лица москвичей и думал: что же будет с нами? Многие этого не понимали. Мне как-то стало не по себе, и я не мог сдержаться. Я полагал, что для меня война уже началась. Но, зайдя в вагон, тут же отбросил сентиментальные чувства. С той поры моя личная жизнь была подчинена предстоящей войне, хотя на земле нашей еще был мир…».

Насчет своих сомнений: готова ли Красная Армия к войне, Жуков в беседе с Воротниковым, похоже, присочинил. Ведь в «Воспоминаниях и размышлениях» он совсем иначе передает свои

мысли 40-го года: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны». Но вот насчет слез маршал не соврал. Слезы в самом деле навернулись ему на глаза. Потому что разговоры со Сталиным не оставили у свежеиспеченного генерала армии никаких сомнений: война будет очень скоро. Жуков, действительно, не жалел солдатских жизней для достижения победы, не жалел ту серую солдатскую массу, в которой полководцу не разглядеть отдельных лиц. Но Георгий Константинович не был безразличен к тем, кого хорошо знал и любил. И прекрасно понимал, что в будущей войне, до которой, как думал, остались считанные недели, погибнут многие из родных и друзей, провожающих его сейчас на киевском вокзале. Через год так и случилось. Многие товарищи Жукова по Халхин-Голу, с кем сроднился в монгольских степях, сложили голову в Великую Отечественную. Был тяжело ранен М.М. Пилихин, самые теплые отношения с которым Георгий Константинович сохранил до самой смерти. В тот приезд в Москву семья Пилихиных заботилась о жене и детях двоюродного брата, который все больше пропадал в наркомате. Эра Жукова свидетельствует:

«Пилихины по старинному московскому обычаю были хлебосольны и всегда радушно нас встречали. Прекрасно зная Москву, они помогали ориентироваться в шумном незнакомом городе. Благодаря им, нам в тот приезд многое удалось повидать, побывать в театрах, и мы не так ощущали частое отсутствие отца, которого то и дело вызывали по делам».

Жуков по прибытии в Киев выехал в войска. В районе Тернополя, Львова, Владимира-Волынского и Дубно он провел командно-штабное учение. Жуков не знал, что в первые дни Великой Отечественной именно здесь, на советской территории, развернется крупное танковое сражение с неблагоприятным для Красной Армии исходом. Тогда, в июне 40-го, Георгий Константинович не сомневался, что сражаться его танкистам придется сразу же на оккупированной немцами польской территории, атакуя Краков и Люблин.

Неожиданно оказалось, что наступать придется совсем в другом направлении. Вот что написал Жуков в связи с этим в

«Воспоминаниях и размышлениях»:

«Вскоре после возвращения в Киев мне позвонил нарком обороны С.К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии. Командующим фронтом назначался я по совместительству…

После долгих переговоров румынское правительство все же согласилось вывести свои войска из Северной Буковины и Бессарабии, и, таким образом, дело обошлось мирным путем».

На самом деле, никаких длительных переговоров не было. Тут или сам Жуков, или редакторы его мемуаров ошиблись.

События развивались молниеносно. 26 июня СССР предъявил Румынии ультиматум с требованием очистить территорию Бессарабии и Северной Буковины, согласно переданной посланнику карте. Буковина в секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении даже не была отнесена к советской сфере интересов, равно как никогда не была в составе Российской империи. Однако эти обстоятельства ничуть не смущали Сталина. Поздней ночью 26 июня 1940 года румынский посланник в Москве Давидеску был приглашен к Молотову. Советский нарком вручил ему ультиматум — в 24 часа согласиться передать СССР Бессарабию и Северную Буковину. Берлин посоветовал Бухаресту уступить, и к исходу следующего дня румынское правительство приняло советские условия. 28 июня дивизии Красной Армии во главе с Жуковым двинулись за Днестр. Георгий Константинович не без гордости описал эту, по сути, полицейскую операцию: «…Нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти.

Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку. Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут.

Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских

частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности.

На второй день этих событий (т. е. 29 июня. — Б. С.) я был вызван И.В. Сталиным по ВЧ. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, — ответил я. — Вопреки договоренности, из Бессарабии и Северной Буковины вывозятся железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолетов на реку Прут? — спросил Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха…

Сталин рассмеялся и сказал:

— Соберите брошенное оружие и приводите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта, — берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству.

Так мирно закончился этот эпизод».

Жукову не приходило в голову, что то, что делал он в 1940

году в Бессарабии, было сродни оккупации Судетской области Чехословакии вермахтом в 1938 году. Генерал армии был убежден, что освобождает молдаван Бессарабии и украинцев Северной Буковины от гнета «румынских бояр». Хотя этот «гнет» с будущим советским и сравнить-то трудно. Да и «бояр»-латифундистов после проведенной в Румынии аграрной реформы давно уже не осталось. Часть из них превратилась, по сути, в крестьян и едва-едва сводила концы с концами. Лишь меньшинству повезло стать фермерами и более или менее успешно вести рентабельное капиталистическое хозяйство. Уровень жизни в СССР был ниже, чем даже в не слишком богатой по европейским меркам Румынии, а по сравнению с ГУЛАГом румынские тюрьмы смотрелись курортами. Очень скоро многим новым советским гражданам, «освобожденным» войсками Жукова, предстояло познакомиться со зловещим «архипелагом».

Георгий Константинович в «Воспоминаниях и размышлениях» упоминает «тех, кто стремился поскорее удрать в Румынию» и кого напугали внезапно оказавшиеся у Прута советские десантники и танкисты. Но он умалчивает, что не одни только офицеры, чиновники и помещики бежали от Советской власти. Уходило немало интеллигентов, зажиточных крестьян, мелких торговцев и ремесленников. А советские солдаты и сотрудники НКВД не только паровозы и вагоны оставляли по эту сторону Прута, но и отнимали у беженцев то имущество, что они пытались унести с собой, вплоть до часов и зажигалок.

Командующий Киевским округом пренебрежительно отзывался о румынских войсках, представших в самом плачевном состоянии, подверженных панике и продемонстрировавших «полное отсутствие боеспособности». Ему и в страшном сне не могло присниться, что всего через год абсолютно теми же словами придется характеризовать Красную Армию, под ударами вермахта гибнущую в бесчисленных котлах и стремительно откатывающуюся на восток.

Между тем советские войска тогда, в июне 40-го, выглядели немногим лучше румынских. Бессарабская помещица Ефросиния Антоновна Керсновская, русская по национальности, вскоре после воссоединения Бессарабии с СССР побывавшая в ГУЛАГе, так запомнила первые встречи с соотечественниками, пришедшими из-за Днестра: «По дороге через село проходили грязные, защитного цвета бронемашины, танкетки… То тут, то там стояли у обочины, и измазанные бойцы что-то починяли. Черные лужи

смазочного масла виднелись на дорожной пыли. Одна машина вышла из строя против нашего дома. Из нее текло что-то черное, а парни, подталкивая друг друга локтями, хихикали и острили: „…как овечки: где стал, там и лужа…“. Они, шушукаясь, подталкивали уже немолодого мужичка, пока тот наконец не шагнул вперед и не спросил:

— Что же это вы, ребята? Только границу перешли и сразу на ремонт?

Механик буркнул сквозь зубы:

— Мы уже три месяца в походе (возможно, это как раз была часть, переброшенная с финского фронта. — Б.С.)…

За Сорокским мостом, на подъеме, метрах в 50-ти выше моста, под откосом лежала перевернутая автомашина. Рядом с нею — труп солдата, покрытый плащ-палаткой. Лицо под каской. На обочине сидел с унылым видом солдат с винтовкой.

— Как это случилось? — спросила я.

— Горы-то какие! Разве выдержат тормоза? Я удивилась: какие же это «горы»? Маленький уклон!» Разумеется, Жуков не мог нести никакой ответственности за низкую подготовку своих бойцов — он к тому времени командовал округом меньше двух недель. Беда, однако, заключалась в том, что и год спустя, в июне 41-го, когда Георгий Константинович и округом полгода покомандовал, и на посту начальника Генштаба почти такое же время пробыл, подготовка красноармейцев, в том числе и в Киевском округе, мало изменилась в лучшую сторону.

В конце своего пребывания в Киеве Жуков заменил начальника оперативного отдела штаба округа генерал-майора П.Н. Рубцова, с которым был хорошо знаком еще со времени своей службы в Москве в начале 30-х годов и даже дружил семьями. Рубцова сменил бывший преподаватель Академии Генерального штаба полковник И.Х. Баграмян. Вот что вспоминал Иван Христофорович об истории своего назначения: «…С Георгием Константиновичем Жуковым мы давно знакомы. В одно время оба командовали кавалерийскими полками, а в 1924–1925 годах вместе учились в Ленинграде, в Высшей кавалерийской школе… Вдруг прибывает в Москву за своей семьей мой товарищ генерал-майор Рубцов. Мы вместе учились в академии, а затем

работали преподавателями…

— Ну как, где и что делаешь сейчас? — поинтересовался я.

— У Жукова, — ответил он с гордостью. — Начальником оперативного отдела.

— Эх, и везет же тебе! А мне вот никак не удается вырваться.

— Послушай, — загорелся Рубцов, — проси Георгия Константиновича. Поможет. Он же хорошо знает тебя. Одним словом, быстро пиши письмо, я передам ему лично.

На том и порешили. Письмо получилось кратким, в виде рапорта: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй… Согласен на любую должность»…

Дни отпуска промелькнули быстро. Однако и во время отдыха меня не покидала мысль: что ответит мне Жуков? Когда уже потерял надежду, поступила телеграмма. Генерал армии Жуков сообщал, что по его ходатайству нарком назначил меня в войска Киевского Особого военного округа. Мне предписывалось немедленно выехать в Киев.

В Москве, в Управлении кадров по начсоставу, я ознакомился с приказом наркома о назначении меня начальником оперативного отдела штаба 12-й армии…».

На следующий день Баграмян был уже в Киеве, где представился Жукову: «Внешне Георгий Константинович не очень-то изменился. Разве только стала чуть полнее его коренастая фигура, несколько поредели мягкие волнистые волосы, а черты лица стали еще резче, суровее.

Встреча с бывшим товарищем по учебе началась официально. Я держался строго по-уставному. Поблагодарил командующего за то, что быстро откликнулся на мою просьбу. Он, хмурясь, отмахнулся: «Ну ладно… Я сделал это не только для тебя, но и на пользу службе. Нам сейчас крайне нужны в войсках командиры с хорошей не только общевойсковой, но и оперативной подготовкой. Думаю, в своем выборе я не ошибся».

Когда от официальности встречи не осталось и следа и

друзья начали вспоминать молодые годы в Ленинграде, Баграмян заикнулся о том, что хотел бы поскорее выехать к новому месту службы в штаб 12-й армии, располагавшийся в городе Станислав. Тут-то и выяснилось, что Жуков думал не только о пользе дела и перспективах служебного роста Ивана Христофоровича.

— Э, нет, — решительно возразил Георгий Константинович. — Придется повременить. В декабре состоится совещание руководящего состава Наркомата обороны и всех военных округов. Оно обещает быть широким по составу и важным по задачам… Нам известно, что сам Сталин примет в нем участие. Основной доклад об итогах боевой и оперативной подготовки за истекший год сделает начальник Генерального штаба. Содокладчики — генерал-инспектор пехоты, начальники Управления боевой подготовки и Автобронетанкового управления, генерал-инспектор артиллерии. По вопросам оперативного искусства и тактики выступят некоторые командующие округами. На меня возложен доклад по основному вопросу — «О характере современной наступательной операции». Ты, насколько я знаю, четыре года провел в стенах Академии Генерального штаба: и учился, и преподавал в ней. — И озабоченно спросил: — Догадался захватить с собой академические разработки?

— Захватил, товарищ командующий, — радостно отрапортовал Баграмян.

— Ну вот, — повеселел Жуков, — поможешь в подготовке доклада.

Дальше, по словам Баграмяна, командующий округом сказал ему примерно следующее: «…Война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня…». Следовательно, если Иван Христофорович здесь не лукавит, Жуков еще тогда, в августе 40-го, ни о каком начале войны в 1942 году или позднее не думал вовсе, полагая, что война с Германией разразится не позже середины 41-го года. Очевидно, такое же мнение было и у Сталина. Не командующему же Киевским округом решать, когда войну начинать. И чего стоят в таком случае утверждения многих советских историков и мемуаристов, будто Сталин, Тимошенко и Жуков надеялись оттянуть нападение Гитлера на СССР хотя бы до

1942 года. Интересно, как можно надеяться заставить потенциального противника отложить агрессию, если он уже принял решение начать ее в определенное время? А ведь тогда, когда Жуков беседовал с Баграмяном, еще не было плана «Барбаросса». Просто советское наступление, о котором думал Жуков, было перенесено с лета 1940 года на лето 41-го. Потому самым актуальным на предстоящем совещании и должен был стать доклад о современной наступательной операции, который, как рассчитывал Георгий Константинович, Иван Христофорович для него напишет.

— Будем вместе думать, — сказал в заключение Жуков. — Если возникнут вопросы, приходи ко мне без стеснения. Возьми себе в помощь любых командиров из оперативного отдела штаба округа. И завтра же приступай к работе.

— Завтра воскресенье… — робко возразил Баграмян.

— Ну и что же: воскресенье для нас, а не мы для воскресенья, — пошутил Жуков, обнаружив знакомство с текстом Священного писания.

И Баграмян засел за доклад: «Я без промедления приступил к делу. Большую помощь оказал мне прибывший, в округ на стажировку выпускник Академии Генерального штаба бывалый кавалерист подполковник Г.В. Иванов.

Жил я без семьи, работал, как говорится, с подъема до отбоя. Мы с Ивановым довольно быстро справились с заданием. Много трудившийся над докладом командующий остался доволен нашим старанием. В конце сентября Георгий Константинович внес последние поправки и дополнения и, вручив мне материал, распорядился:

— Внимательно проверь еще раз после перепечатки. И готовься к отъезду: через три дня начнется командно-штабное учение в двенадцатой, армии. Я хочу побывать там. Поедешь со мной. Представлю тебя командующему армией, а в ходе учения познакомишься со штабом, в котором тебе предстоит работать».

Однако служить в штабе 12-й армии Баграмяну пришлось очень недолго. Уже в декабре 40-го, незадолго до отъезда на совещание в Москву, Жуков в награду за хорошо написанный доклад назначил полковника Баграмяна на генеральскую

должность начальника оперативного отдела штаба Киевского округа. А его предшественник Рубцов получил назначение в Москву, чему тоже был очень доволен.

Реальная подоплека истории с Баграмяном мне видится в следующем. Когда Жуков узнал, что ему предстоит делать доклад, то попытался поручить его подготовку Рубцову. Однако должность начальника оперативного, отдела штаба округа была слишком хлопотной, не оставлявшей времени для военно-научного творчества (к слову сказать, не имел на это времени и сам командующий). Поэтому Рубцов подсказал такую идею: он агитирует своего и жуковского товарища Баграмяна, такого же преподавателя Академии Генштаба, как и Рубцов, попроситься в Киевский округ под начало Георгия Константиновича. Должность преподавателя в академии, конечно же, непыльная и имеет ряд несомненных преимуществ. Куда приятнее жить в столице, чем в каком-нибудь провинциальном гарнизоне, особенно если этот гарнизон расположен в тайге или пустыне. Плюс — у преподавателя Академии Генштаба высокий оклад, больший, чем у такого же по званию командира в строевых частях, и относительно много свободного времени. Живи да радуйся. Вот только одна беда: почти нет перспектив для карьеры. Свободно можно проходить в полковниках вплоть до пенсии. А служба в округе, да еще в таком, как Киевский, самом крупном в стране по количеству войск, служба под началом командующего, с которым сохранились давние дружеские отношения, открывает огромные возможности для быстрого продвижения по ступенькам военной иерархии. И написать доклад для друга-начальника — это такие пустяки, о которых и говорить не стоит. Тем более если для этого созданы все условия: новоназначенный начальник оперативного отдела штаба 12-й армии сидит пока в Киеве и с помощью стажера Иванова кропает доклад, а его обязанности в Станиславе выполняет не сдавший еще дела предшественник. Правда, я что-то не слышал, чтобы в вермахте подчиненные писали статьи и книги для Роммеля, Манштейна или Гудериана, но ведь в Красной Армии давно уже установились совсем другие традиции.

В разговоре Жукова с Баграмяном бросается в глаза одна странность. Совсем недавно «Красная Звезда» назвала "Георгия Константиновича единственным творцом замысла операции по окружению 6-й японской армии на Халхин-Голе. Казалось бы, ему и карты в руки. Пусть бы Жуков и рассказал Баграмяну, как именно он готовил знаменитую операцию. Но вдруг выясняется, что командующему нужны последние разработки преподавателей

академии, что его собственного опыта успешного наступления на Халхин-Голе, который, по идее, должны внимательно изучать те же академические преподаватели, для доклада явно недостаточно.

Кому же все-таки принадлежит замысел халхингольского наступления? Может, комбригу Богданову? Или Штерну и людям из его штаба? Вряд ли когда-нибудь мы получим здесь однозначный ответ.

Пока Жуков командовал Киевским особым военным округом, в руководстве Наркомата обороны произошли важные изменения. В августе 1940 года маршала Б.М. Шапошникова на посту начальника Генерального штаба сменил генерал армии К.А. Мерецков. Его рекомендовал Тимошенко. Еще в 20-м году на польском фронте Мерецков служил в штабе 6-й кавдивизии, начальником которой тогда был Тимошенко. При прорыве линии Маннергейма Мерецков командовал наиболее мощной 7-й армией, а будущий нарком командовал Северо-Западным фронтом. Кирилл Афанасьевич ранее работал заместителем начальника Генштаба и штабную работу знал.

По словам Буденного, назначение Мерецкова произошло следующим образом. Однажды на заседании Главного военного совета Сталин неожиданно сказал: «Я думаю, товарищи, нам нужен сейчас более молодой начальник Генштаба. И пояснил, что к Б.М. Шапошникову у него нет никаких претензий, но Борис Михайлович часто болеет, и это сказывается на решении многих оперативных вопросов. Семен Михайлович утверждал, что именно он предложил кандидатуру Мерецкова, занимавшего тогда пост заместителя наркома обороны и курировавшего управления боевой подготовки и военно-учебных заведений. Все присутствовавшие с этой кандидатурой согласились. Мерецков стал ссылаться на недостаток опыта и просил не назначать его начальником Генштаба. Сталин в ответ сказал примерно следующее: „Я ценю Вашу откровенность, Кирилл Афанасьевич, но дела у Шапошникова надо принять. А подберем другую кандидатуру — Вас освободим“.

Почти так же излагал события в своих мемуарах и сам Мерецков: «После заседания, как и раньше в таких случаях, ужинали на квартире у И.В. Сталина. Там вновь обсуждали военные вопросы. Вдруг Сталин сказал: „Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба с неплохим здоровьем.

Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать. Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций“.

Неожиданно для меня присутствующие стали называть мою фамилию, мотивируя это тем, что я имею специальную подготовку, участвовал в боях, был командующим округами и уже работал в Генеральном штабе. Сталин спросил мое мнение. Я стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что работа эта сверхтяжелая, а опыта у меня для такой работы еще недостаточно.

«Вот что, — сказал Сталин, — мы с вами условимся так: вы приступайте сейчас, немедленно, к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас. Обижать вас не станем, вы получите соответствующее назначение. На этом и кончим сегодня».

Нет оснований сомневаться, что разговор, происшедший за ужином у Сталина, и Буденный, и Мерецков передали близко к действительности. Но подозреваю, что его сценарий был обговорен заранее, и на самом деле Сталин предварительно договорился, чтобы Буденный выдвинул кандидатуру Мерецкова. Таким образом можно было продемонстрировать единство военного руководства. Мерецков-то был ставленником Тимошенко.

Маршал Василевский рассказывал писателю Константину Симонову: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны. Все это надо было как-то объяснить. Вот тогда и было созвано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко. Тогда же Шапошников, на которого Сталин тоже посчитал необходимым косвенно возложить ответственность, был под благовидным предлогом снят с поста начальника Генерального штаба и назначен заместителем наркома с задачей наблюдать за укреплением новых границ. Эта новая для него работа была мотивирована как крайне необходимая, государственно важная и требующая для своего осуществления именно такого специалиста, как он.

После этого встал вопрос о том, кому же быть начальником Генерального штаба. Сталин прямо тут же, на Совете, не разговаривая ни с кем предварительно, обратился к новому наркому Тимошенко и спросил:

— Кого вы рекомендуете в начальники Генерального штаба?

Тот замялся.

— Ну, с кем из старших штабов вы работали? Обстоятельства сложились так, что как раз на финской войне Тимошенко из старших штабов работал с Мерецковым.

Он сказал об этом.

— Так как, подходит вам Мерецков начальником Генерального штаба? Как он у вас работал?

Тимошенко сказал, что работал неплохо и что подходит. Так состоялось назначение нового начальника Генерального штаба».

Тут Василевский кое-где явно смешивает разные события. Ворошилов был снят со своего поста значительно раньше Шапошникова, еще в мае 40-го. А тот разговор "Сталина и Тимошенко, который цитирует Василевский, скорее всего, произошел не на Главном военном совете, где было оформлено назначение Мерецкова, а раньше, на Политбюро, где из военных присутствовали, вероятно, только Тимошенко и Шапошников. Можно предположить, что об этом разговоре Александру Михайловичу рассказал сам Семен Константинович. Только умолчал, что в действительности сам хотел назначения своего давнего товарища Мерецкова, но, по всем правилам аппаратного искусства, сделал так, будто сам Сталин чуть ли не вынудил его назвать имя Кирилла Афанасьевича. Но Иосиф Виссарионович разгадал игру Тимошенко, только виду не подал. Даже поручил верному Буденному внести кандидатуру Мерецкова на Главном военном совете. В действительности же, вождь не слишком хотел, чтобы новый нарком обороны имел преданного человека на таком ключевом посту как начальник Генерального штаба. Возможно, Мерецков знал об оппозиции Сталина своему назначению и разыграл комедию с отказом от высокой должности, якобы из-за недостатка опыта. Хотя прежде уже был заместителем начальника Генштаба и командовал войсками не самого слабого в стране

Ленинградского военного округа. Думаю, Кирилл Афанасьевич просто готовил себе пути для отступления на будущее, предчувствуя, что Сталин не станет долго держать его во главе Генерального штаба. И как в воду глядел.

Чтобы не давать Тимошенко слишком большой власти, Сталин одновременно с назначением Мерецкова сделал Буденного первым заместителем наркома обороны. Начальник Генштаба отодвинулся на третью ступеньку в военной иерархии, а Буденный обрел больше возможностей для контроля за действиями Тимошенко. Что же касается судьбы Мерецкова, то она сложилась весьма драматически. На второй день Великой Отечественной войны он был арестован по делу Штерна, Рычагова, Локтионова и других военачальников. Кирилла Афанасьевича пытали и заставили признаться в участии в заговоре. Но Сталин Мерецкова пощадил, расстреливать не стал и отправил представителем Ставки на Северо-Западное направление, а, потом назначил командующим Волховским фронтом. Жуков говорил писателю Евгению Воробьеву, как Сталин осенью 41-го вспомнил о Мерецкове и решил вернуть его в армию, сказав при этом: «Довольно ему прохлаждаться!» Иосиф Виссарионович забыл уточнить, что несчастный генерал армии прохлаждался в тюремной камере, где над ним очень основательно потрудились костоломы из НКВД. Из-за этого, а также по причине царившей в камере сырости Кирилл Афанасьевич после освобождения с трудом мог ходить. «Кто-то сообщил об этом Сталину, — рассказывал Георгий Константинович. — А может, он и сам заметил. Но только с того дня Мерецкову одному разрешалось сидеть, когда мы все в присутствии Сталина стояли». Горькая ирония: Мерецкова назначили вместо Шапошникова, в частности, потому, что он обладал отменным здоровьем. А теперь, после двух с половиной месяцев тюрьмы, Кириллу Афанасьевичу даже стоять на ногах было тяжело, и от былого здоровья не осталось и следа.

Перемены, происшедшие в высшем руководстве Красной Армии в августе 1940 года, в целом означали укрепление позиций Буденного и Тимошенко, т. е. тех, кто благоволил Жукову. Возможно, теперь Георгий Константинович рассчитывал, что удачный доклад поможет ему продвинуться на следующую карьерную ступеньку — стать заместителем наркома обороны, которому на случай войны было бы поручено руководство войсками на считавшемся главным Юго-Западном направлении.

Доклад удался на славу. На совещании Жуков заявил коллегам по поводу советского наступления на Халхин-Голе: «К этой операции командование готовилось достаточно серьезно, она была продуманной всесторонне как с точки зрения оперативной, так и с точки зрения материального обеспечения, с точки зрения оперативно-тактической внезапности. Этой операции предшествовала упорная борьба за господство в воздухе… По бомбардировочной авиации было достигнуто превосходство в 3 раза, по истребителям — около 2 раз. Замысел операции… заключался в том, чтобы ударом сильных фланговых группировок уничтожить слабые фланги противника, оперативно окружить противника в намеченном районе и не далее государственной границы, ибо удар дальше был запрещен правительством, окружить противника в этом районе и затем его уничтожить… Что необходимо отметить характерного и поучительного в этой операции? Это, прежде всего, вопрос внезапности. Вопрос внезапности, вопрос маскировки был, есть и будет главнейшим элементом в победе как в операции, так и в бою… Командование принимало все меры… чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться. Для этого были приняты все меры, включая дезинформацию и применение широковещательной станции, имитирующей по ночам окопные и всякие инженерные работы. Были выпущены различные специальные листовки с целью обеспечения проведения оборонительных мероприятий и т. д. По радио передавались различные сводки, характеризующие настроение командования по подготовке оборонительной операции. И японцы, как потом выяснилось, действительно, до часа удара не предполагали и не знали о готовящемся наступлении. Была принята особая осторожность при донесении в Москву в Генеральный штаб плана операции, а срок удара был донесен, по существу, накануне самой операции… Оперативное окружение переросло в тактическое окружение, и противник был действительно уничтожен в намеченном районе. Попытка противника нанести контрудар во фланг… встретила организованное сопротивление, контрудар организованной обороны и танковой бригады. При подготовке этой операции особое внимание было уделено вопросу организации взаимодействия танков, артиллерии, пехоты и авиации. Для этой цели мы усиленно занимались в течение месяца в тылу своих войск в 25–30 километров».

Эта часть доклада, несомненно, была написана Баграмяном и Ивановым на основе материалов, предоставленных самим

Георгием Константиновичем. А вот «общетеоретическая» часть, посвященная опыту Второй мировой войны и его применению в Красной Армии, по всей вероятности, представляет собой плод неустанного труда двух бывших преподавателей-генштабистов. Звучит она очень солидно: «Что особо поучительного из действий на Западе?

1. Это смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника.

2. Решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировки противника.

3. Массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника, при этом частое применение этих войск в форме противника.

4. При прорыве УР (укрепленных районов. — Б. С.) немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танкам, саперам и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной УР, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила».

Жуков-Баграмян-Иванов сделали вывод, что современные технические средства борьбы позволяют наступающей стороне «уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу». При этом с вводом мощной подвижной группы можно «нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в успех стратегический». Неприятельскую же авиацию необходимо вывести из строя «мощным и внезапным ударом» на всю глубину планируемого наступления, обеспечив себе господство в воздухе.

Докладчик предложил примерный план будущей наступательной операции в масштабе фронта: «В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется, должна проводиться на широком фронте, во всяком случае, масштаба 400–450 км.

Мощность первого удара должна обеспечить разгром не менее одной трети — одной второй всех сил противника и вывести наши силы в такую оперативную глубину, откуда создавалась бы реальная угроза окружения остальных сил противника, а для этого, если на таком фронте организуется наступательная операция, общая ширина участков главного удара предпринимаемой операции должна быть не менее 100–150 км.

Для такой операции потребуется, конечно, сосредоточение мощных сил, средств, и я думаю, что для такой операции на таком фронте потребуется стрелковых дивизий порядка 85-100 дивизий. 4–5 механизированных корпусов, 2–3 кавалерийских корпусов и 30–35 авиационных дивизий. Само собой разумеется, что такое количество вооруженных сил должно, быть всесторонне оснащено соответствующими средствами усиления артиллерии, танками в сопровождении пехоты, инженерно-техническими войсками и соответствующими средствами усиления.

Существенное значение для окружения и разгрома основных сил противника имеют глубина операции и возможные темпы ее проведения. Глубина непрерывно следующих друг за другом ударов и темпы оперативного продвижения наступающего, особенно его подвижных войск, должны обеспечить необходимое пространство и свободу маневров для изоляции и окружения главных сил противника прежде, чем последние успеют уйти из-под занесенных ударов.

Удары авиации должны развернуться на таком пространстве, чтобы подавить в районах аэродромного базирования основную массу авиации противника, нанести ей поражение, нарушить подвоз по железным и грунтовым дорогам, парализовать всю систему быстрого продвижения в оперативную глубину, должны сковать оперативные действия сил противника в тылу и исключить возможность их оперативного маневрирования… В среднем, глубина фронтовой операции, видимо, доходить будет до 200–300 км, а в отдельных случаях значительно глубже».

И так далее в том же духе. Темпы, сроки, количество войск, расход горючего и боеприпасов для фронтовой и армейской наступательных операций, которые, как надеялись почти все участники совещания. Красной Армии придется проделать не на маневрах, а в предстоящей вскоре победоносной войне против Германии. Примеры из Первой мировой войны, из финской

войны, из кампании на Западе, заботливо подобранные трудолюбивыми генштабистами. И оптимистический вывод в конце:

«Красной Армии, где бы ее части в настоящее время ни дислоцировались, нужно быть готовой драться с искусным и технически вооруженным противником. Современное развитие средств борьбы — авиация, танки, моточасти, авиадесанты и прочие — создают широкую базу для ведения наступательной операции, дают возможность проводить ее высокими темпами и с большой дальнобойностью…

При равных силах и средствах победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы.

Придавая исключительное значение внезапности, все способы маскировки и обмана противника должны быть широко внедрены в Красную Армию. Маскировка и обман должны проходить красной нитью в обучении и воспитании войск, командиров и штабов.

Красная Армия в будущих сражениях должна показать высокий класс оперативной и тактической внезапности.

Для того чтобы успешно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные войска, командиров и штабы. Современные операции, развивающиеся быстрыми темпами, требуют исключительной слаженности, маневренности и гибкости. Войска, не обладающие этими способностями; не могут рассчитывать на успех. Особенно высокие требования должны быть предъявлены командирам и штабам высших соединений. Высший комсостав и штабы высших соединений в ближайшее время должны в совершенстве отработать знания и навыки по организации и проведению современной наступательной операции».

Доклад произвел на слушателей большое и весьма благоприятное для докладчика впечатление. Так, даже будущий непримиримый оппонент Жукова А.И. Ерёменко, выступая на совещании, назвал сообщение Георгия Константиновича «замечательным». Мало кто из присутствующих сомневался, что

Красная Армия, действительно, способна обеспечить превосходство над противником и в искусстве управления войсками, и в умении напасть внезапно. Сам Жуков в мемуарах передает преобладающее настроение в дни декабрьского совещания: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны».

Главное же, выступление командующего Киевским округом понравилось наркому Тимошенко и присутствовавшим на совещании членам Политбюро: Г. М. Маленкову, А. А. Жданову и др. Они не преминули! сообщить о докладе «Характер современной наступательной операции» Сталину.

После совещания высших военных руководителей вызвали к Иосифу Виссарионовичу. Жуков так описал эту встречу:

«И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина, в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать ему свои поправки. Но Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать все, что мне посылают, — вспылил Сталин.

— Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов. К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро. Сталин сделал замечание Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома».

По диалогу Сталина и Тимошенко чувствуется, что Семен Константинович уже начинает раздражать вождя излишней, на его взгляд, самостоятельностью. Звезда покорителя линии Маннергейма, как кажется, начинает закатываться. А это предпосылка к тому, чтобы вскоре наступил звездный час Жукова. И Георгий Константинович своего шанса не упускает.

Сразу после окончания совещания, в период со 2 по 11 января 1941 года, состоялись две оперативно-стратегических игры. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков говорит только об одной из них и сильно искажает ее ход:

«С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе. Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Мерецковым: они „подыгрывали“ на юго-западном стратегическом направлении. „Синяя“ сторона (немцы) условно была нападающей, „красная“ (Красная Армия) — обороняющейся (за „синих“ в первой игре играл Жуков, за „красных“ — командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов. — Б.С.).

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель: проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная («синяя») сторона — свыше 60 дивизий, восточная («красная») — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия…

По окончании игры нарком обороны приказал Д.Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников. Общий разбор Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны. Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии Мерецков. После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и в авиации, Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», оборвал его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав еще несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации,

Затем выступил командующий Белорусским особым военным

округом генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны? — спросил он.

Павлов пытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, Сталин спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Я попросил слова. Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии:

— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе Белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалок в тыл всей нашей Белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Не знаю, из каких соображений исходили, выбирая именно

эти рубежи, но считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от границы, где-то на линии Гродно-Волковыск-Кобрин.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д.Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их значительно дальше от границы.

Далее Жуков приводит реплику Ворошилова о том, что УРы строятся под руководством маршала Шапошникова и по утвержденным планам, а вслед за ней цитирует большие выступления П. В. Рычагова и Г. И. Кулика. Кулик будто бы ратовал за большие стрелковые дивизии, по 16–18 тысяч человек, артиллерию на конной тяге и использование танков, главным образом, для непосредственной поддержки пехоты. За это Григория Ивановича якобы критиковали Тимошенко и Сталин, настаивавшие на формировании танковых корпусов. В заключение Сталин сказал:

«Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И добавил: — Военные могут быть свободны».

На следующий день Сталин вызвал Жукова и объявил, что он назначен новым начальником Генштаба.

Симонову Георгий Константинович ход игры изложил немного конкретнее:

«В этой игре я командовал „синими“, играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал „красными“, нашим Западным фронтом. На Юго-Западном фронте ему подыгрывал Штерн.

Взяв реальные исходные данные и силы противника — немцев, я, командуя «синими», развил операции именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились примерно так, как потом они сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения,

которые они потом подсказали и немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темп продвижения «синих», придерживало его. Но «синие» на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения.

В январе 1941 года состоялся разбор этой стратегической игры на Главном военном совете. Делая порученный мне основной доклад, я решил остановиться на некоторых тревожных для нас вопросах, прежде всего, на вопросе о невыгодном размещении системы новых укрепленных районов вдоль новой границы. Конфигурация границ делала это размещение невыгодным. Гораздо выгодней было бы разместить их, отодвинув примерно на 100 километров вглубь. Я понимал, что эта точка зрения вызовет недовольство, потому что критикуемая мною система размещения укрепленных районов была утверждена Советом Труда и Обороны, в конечном счете, Сталиным. Тем не менее я решил, что делать нечего. Придется об этом сказать.

Сталин внимательно слушал доклад и задавал ряд вопросов мне и другим выступавшим. В частности, он спросил, почему «синие» были так сильны, почему в исходных данных нашей игры были заложены такие крупные немецкие силы? Ему было отвечено, что эти силы соответствуют возможностям немцев и основаны на реальном подсчете всех тех сил, которые они могут бросить против нас, создав на направлении своего главного удара большие преимущества. Этим и объясняется такое решительное продвижение «синих» во время игры».

Интересно, а как запомнилась та знаменитая игра Мерецкову? Кирилл Афанасьевич в мемуарах более чем лаконичен:

«Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной. По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего командного состава и январской оперативной игры. На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н.Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И.В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. Сталин прошелся по кабинету, становился, помолчал и сказал: «Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!» (Буденный же утверждает, что Сталин предложил кандидатуру Жукова без какой-либо ссылки на наркома обороны. — Б.С.)».

Замечу, что мемуары Мерецкова мне вообще кажутся значительно более правдивыми, чем мемуары Жукова и многих других советских военачальников. Достаточно указать, что даже такой скользкий момент, как подготовку к войне с Финляндией, он освещает довольно объективно. Кирилл Афанасьевич, в частности, признает, что Советский Союз готовился к «контрудару» по этой стране еще с июня 1939 года на случай «военной провокации» со стороны финнов (такая провокация по приказу Сталина и была организована у поселка Майнила 26 ноября 1939 года). Мерецков, если не мог писать правды, предпочитал не писать ничего. Например, по цензурным условиям он не мог говорить о своем аресте, последовавшем в самом начале войны. Поэтому в его книге «На службе народу» читаем: «23 июня я был назначен постоянным советником при Ставке Главного командования» (Мерецков не уточняет, что апартаментами свежеиспеченного советника служил лубянский подвал). А далее сразу следует рассказ о сентябрьском вызове к Сталину. И только диалог между Мерецковым и Сталиным может насторожить внимательного читателя:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!

С чего бы это вдруг Иосиф Виссарионович беспокоится о здоровье генерала? Уж не болезнь ли какая приключилась с

Кириллом Афанасьевичем? Но почему тогда Мерецков об этой болезни ничего не пишет? И только осведомленные или очень сообразительные читатели до недавнего времени могли догадаться, что мемуарист с июня по сентябрь 41-го, если использовать одно из любимых выражений Жукова, «пил кофе у Берии».

Тогда, когда Мерецков и Жуков писали свои воспоминания, на всех материалах оперативно-стратегических игр января 1941 года все еще стоял гриф «совершенно секретно». Поэтому Кирилл Афанасьевич вообще не стал приводить никаких данных о задачах сторон, условиях и ходе игр. Георгий Константинович же предпочел дать совершенно фантастические сведения как в мемуарах, так и, особенно, в беседах с Симоновым. По Жукову получалось, что в январе 41-го он с товарищами чуть ли не план «Барбаросса» за немцев разыгрывали.

Только в 1993 году, когда соответствующие документы были наконец рассекречены, в «Военно-историческом журнале» появилась основанная на них статья П.Н. Бобылева «Репетиция катастрофы». Выяснилось, что в первой игре, продолжавшейся со 2 по 6 января, Северо-Восточным фронтом «западных» («синих»), действительно, командовал Жуков, а Северо-Западным фронтом «восточных» («красных») — Павлов. Однако соотношение сил и ход игры были прямо противоположны тому, что утверждал позднее Георгий Константинович.

По условиям первой игры «восточные» в составе Северо-Западного фронта располагали 51 стрелковыми, 3 кавалерийскими, 4 механизированными и 9 танковыми дивизиями и 5 механизированными и 15 танковыми бригадами на фронте к северу от Полесья и до Балтийского моря. У противостоявших им «западных» на Северо-Восточном фронте была только 41 пехотная, 1 кавалерийская, 2 механизированных и 3 танковых дивизии, а также 6 танковых бригад. «Восточные» имели 8811 танков, 5 652 самолета, 6 974 артиллерийских орудия, 3 069 противотанковых орудий и 3846 минометов. «Западные» могли противопоставить им лишь 3512 танков, 3336 самолетов, 4 850 артиллерийских орудий, 4 048 противотанковых орудий и 2 214 минометов. Легко убедиться, что по всем параметрам, кроме числа противотанковых орудий, советская сторона («восточные») имела превосходство в полтора раза, а по танкам — даже в два с половиной раза.

При этом считалось, что севернее Припяти «западные» наносят вспомогательный удар из Восточной Пруссии, в то время как генеральное наступление осуществляется ими в юго-восточном направлении. Но даже и это ошибочное предположение не помешало разведывательному управлению Генштаба РККА очень сильно завысить силы и средства немецких («западных») войск на северо-западном направлении. В действительности, 22 июня 1941 года германская группа армий «Север» располагала всего лишь 20 пехотными, 3 механизированными и 3 танковыми дивизиями: Таким образом, по числу соединений (если условно считать две бригады за одну дивизию) реальный противник Красной Армии в момент нападения на СССР уступал воображаемым «западным» на фронте первой из январских игр почти в два раза. Та же картина была и относительно боевой техники. Вся германская армия вторжения на фронте от Балтийского до Черного моря располагала не более чем 3 582 танками и штурмовыми орудиями, включая сюда и танки двух дивизий резерва, вплоть до осени 41-го располагавшихся на территории Франции и Германии на случай высадки англичан. Таким образом, к 22 июня на всем немецком Восточном фронте было не более 3 300 танков. Для их поддержки люфтваффе смогли выделить около 1 830 боевых самолетов. Следовательно, группы армий «Север» и «Центр» никак не могли иметь в своем распоряжении 3 512 танков и 3 336 самолетов, как предписывали им задания на январскую игру.

По условиям игры, участники получали следующую вводную информацию. 15 июля 1941 года «западные» перешли в наступление из Восточной Пруссии в направление на Ригу и Двинск (Даугавпилс), а из района Бреста и Сувалок — на Барановичи. К 15 августа они должны были достичь указанного рубежа и разбить белостокско-волковысскую и каунасскую группировку «восточных». 25 июля Северо-Восточный фронт «западных» на линии Осовец-Лида-Каунас-Шяуляй был встречен контрударом до 50 дивизий «восточных» и отошел на оборонительный рубеж вблизи государственной границе. Восточный фронт «западных» также перешел к обороне вблизи советско-польской границы. К 1 августа Западный и Северо-Западный фронты «восточных» вышли на линию государственной границы. С этого момента, собственно, и начиналась игра.

Северо-Западный фронт имел задание разгромить группировку «западных» в Восточной Пруссии и к 3 сентября выйти на линию от города Влоцлавек до устья Вислы. Также и

Западный фронт к 20 августа должен был выйти на рубеж Вислы. Задача «западных» заключалась в том, чтобы отразить наступление противника, а с подходом резервов после 10 августа перейти в контрнаступление и к 5 сентября достичь рубежа Минск-Двинск-Рига. В завязавшемся на картах сражении Жуков переиграл Павлова по всем статьям. Располагая меньшими силами и средствами, Георгий Константинович сумел, опираясь на укрепления Восточной Пруссии и сувалкского выступа, отразить наступление «восточных», главный удар наносивших Северо-Западным фронтом с целью отрезать Восточную Пруссию. Пока основные силы Павлова преодолевали долговременные укрепления, Жуков нанес контрудар своим правым крылом, где сосредоточил основные танковые и механизированные соединения. Фронт войск Д.Г. Павлова был прорван и «западные» развивали успех на Ломжу, стремясь окружить и уничтожить крупную группировку «восточных» — 20 стрелковых дивизий и 4 танковые бригады. Дмитрий Григорьевич с опозданием отреагировал на опасность и перебросил для отражения прорвавшихся соединений «западных» слишком мало сил. Игра была прервана в тот момент, когда Жуков собирался продолжать наступление навстречу наступающей группировке Восточного фронта «западных», а Павлов перебрасывал два стрелковых корпуса и несколько танковых бригад в попытке предотвратить катастрофу на своем левом фланге. По оценке П.Н. Бобылева, в случае продолжения игры все шансы на успех были на стороне «западных». Ослабленные силы «восточных» не смогли бы занять Восточную Пруссию, а их Конно-Механизированная Армия оказалась в изоляции и не могла больше играть активной роли в операции. Подмога же, посланная Павловым на участок прорыва, опаздывала, поскольку «западные» успевали первыми занять рубежи, указанные для выхода подкреплениям «восточных».

Вторая игра проходила в период с 8 по 11 января 1941 года. На этот раз отрабатывался возможный ход боевых действий на юго-западном направлении, где «западные» при поддержке «юго-западных» (венгров) и «южных» (румын) наносили главный удар. Юго-Западным фронтом «восточных» командовал Жуков, Юго-Восточным фронтом «западных» и «юго-западных» — Павлов, а Южным фронтом «южных» — генерал-лейтенант Ф.И. Кузнецов, тогдашний командующий Прибалтийским особым военным округом. Соотношение сил и средств и на этот раз было в пользу «восточных». Они располагали 81 стрелковой, 6 кавалерийскими, 4 механизированными и 10 танковыми дивизиями, а также 4 механизированными и 12 танковыми бригадами. «Западные»,

«юго-западные» и «южные» все вместе имели 100 пехотных, 4 кавалерийских, 3 механизированных и 5 танковых дивизий и 6 механизированных бригад. По числу соединений соотношение было 1,06:1 в пользу противостоявшей «восточным» коалиции. Зато по танкам и самолетам «восточные» имели ощутимее превосходство — в 2,7 и 1,3 раза. У них было 8 841 танк и 5 790 самолетов, у противника соответственно — 3 311 и 4 456. По артиллерийским орудиям силы сторон были практически равны, а минометов у «восточных» было больше в 1,7 раза. И опять советская разведка очень существенно завысила силы противника. В действительности, 22 июня 1941 года германская группа армий «Юг» располагала всего 26 немецкими пехотными, 5 танковыми, 4 легкими пехотными, 2 моторизованными и 1 горной дивизиями. Кроме того, ей непосредственно подчинялись румынские войска в составе 3 пехотных и 1 кавалерийской дивизии и 3 горных бригад. Другие румынские войска в составе двух армий насчитывали 9 пехотных, 1 танковую и 3 кавалерийских дивизии и 2 малобоеспособные крепостные бригады. Венгрия выставила против СССР 2 механизированные и 1 кавалерийскую бригаду, но они прибыли на фронт только в июле. Даже с учетом появившихся в июле и августе словацких (2 пехотных дивизии и 1 моторизованная бригада) и итальянских (3 пехотных дивизии) войск немцы и их союзники располагали на юго-западном направлении всего лишь 64 1/2 расчетными дивизиями, а не 115, как думали советские генштабисты. Отмечу, что все три немецкие группы армий в июне 41-го уступали противостоявшим им советским войскам также по числу орудий и минометов.

Как и в первой игре, агрессорами вновь являлись «западные». Согласно вводным данным, 1 августа 1941 года Юго-Восточный фронт перешел в наступление против львовско-тернопольской группировки «восточных», но в районе Львов, Ковель нарвался на мощный контрудар и, потеряв до 20 пехотных дивизий, к исходу 8 августа отошел на заранее подготовленный оборонительный рубеж на границе. При этом войска «восточных» успели уже занять город Люблин на польской территории и продвинуться армиями правого крыла на 90-180 км от границы до рек Висла и Дунаец. 2 августа боевые действия начал Южный фронт, прорвавший оборону «восточных» и к 8 августа достигший Днестра. Собственно, игра и началась в тот день, когда на календаре воображаемых боевых действий было 8 августа 1941 года. Задача Юго-Западного фронта «восточных» состояла в том, чтобы, прикрывшись с Запада Вислой, основными силами

разгромить силы противника на территории Венгрии и Румынии и к 16 сентября занять города Краков, Будапешт, Тимишоара и Крайова Командующий Южным фронтом Ф.И. Кузнецов решил продолжать наступление на Кишинев в направлении Винницы, Проскуров, Хотин, Черновицы, чтобы совместно с Юго-Восточным фронтом окружить группировку «восточных» в районе Проскуров, Львов. Слабым местом принятого решения было отвлечение целой армии для наступления на Кишинев. Успех здесь никак не мог повлиять на выполнение главной задачи на львовско-проскуровском направлении. В свою очередь, Д.Г. Павлов хотел двинуть Юго-Восточный фронт с утра 13 августа в наступление на Стрый, Золочев и Люблин, стремясь разбить львовскую и люблинскую группировки противника и 19 августа выйти к рекам Днестр и Вепш. При этом ему не удалось создать фронтовые резервы и сконцентрировать достаточно сил во фланговых ударных группировках.

Жуков как командующий Юго-Западным фронтом поставил своим войскам задачу по разгрому группировки «южных», наступающей на Проскуров. Одновременно войска фронта должны были овладеть районом Кракова и приступить к сосредоточению сил для нанесения главного удара на Будапешт. В резерве у Жукова оставалась конно-механизированная армия, 1 механизированный и 2 стрелковых корпуса и 1 танковая дивизия. Наступление на Краков, начавшееся за три дня до нанесения главного удара по «южным», отвлекло внимание противника от южного направления, где в результате двух концентрических ударов были окружены основные силы Южного фронта. Их попытки прорваться из окружения не имели успеха. Для отражения Жуковского наступления Кузнецов выделил слишком незначительные силы. Павлов же, встревоженный ударом «восточных» на Краков, сократил масштаб своего наступления, ставя теперь задачу на окружение всего двух корпусов противника. Отказ командующего Юго-Восточным фронтом от окружения крупных сил «восточных» во взаимодействии с Южным фронтом позволил Жукову бить противника по частям. Георгий Константинович, не ожидая завершения разгрома проскуровской группировки, начал генеральное наступление на Будапешт. 17 августа в прорыв была введена конно-механизированная армия. Ей удалось выйти в тыл «западным» в районе Мукачево, Ньиредьхаза, Чоп и соединиться там с высаженными ранее 7 тысячами парашютистов, подкрепленных танкетками и легкой артиллерией. Две группировки из состава Юго-Восточного фронта оказались в окружении. Игра закончилась в тот момент, когда

перед войсками Жукова был открыт путь на Будапешт.

Успеху Юго-Западного фронта способствовало, среди прочего, и то обстоятельство, что между «западными», «юго-западными» и «южными» отсутствовала практическая координация действий. Что, кстати сказать, было довольно странно. Ведь «западные» и их союзники по условиям игры были агрессорами и, по логике, должны были заранее договориться о едином командовании. Главное же, игры доказали, что, как полководец, Жуков явно превосходил своих коллег. Отмечу, что оба его противника по игре, Д.Г. Павлов и Ф.И. Кузнецов, очень неудачно командовали своими войсками в первые дни Великой Отечественной войны.

Не вызывает доверия рассказ Георгия Константиновича об обсуждении итогов оперативно-стратегических игр у Сталина. Если генсек столь критически относился к поведению Павлова во время игры, то, спрашивается, почему же он не только оставил Дмитрия Григорьевича командующим Западным особым военным округом, но и в следующем месяце присвоил ему звание генерала армии? Вряд ли бы Сталин допустил, чтобы одним из важнейших округов командовал человек, в чьих военных способностях он сомневался.

И большое выступление Жукова, полное страстных призывов строить укрепрайоны не ближе чем в 100 километрах от границы, — скорее всего, плод его собственной фантазии. Ведь и предыдущие беседы со Сталиным, и существовавшие к тому времени планы стратегического развертывания на Западе, наконец, сам ход только что проведенных игр доказывали: Красная Армия собиралась наступать, а не обороняться. УРы же в глубине собственной территории нужны только той армии, которая не собирается нападать первой, а при нападении противника планирует держать основные силы на линии укрепленных районов на значительном расстоянии от границы. Там с подходом резервов можно остановить неприятеля, а затем контрударом обратить вспять. Но совсем не так собирались действовать Сталин, Тимошенко и сам Жуков. Январские игры отнюдь не были репетицией катастрофы июня 41-го, как думает П.Н. Бобылев. Они представляли собой репетицию будущего советского вторжения в Западную Европу. Но пропагандистский стереотип требовал, чтобы Красная Армия всегда наносила удар в ответ на «империалистическую агрессию». Поэтому-то и были даны вводные сведения о нападении на СССР «западных», «юго-

западных» и «южных». Чтобы у участвовавших в играх красных командиров не возникало подозрений, будто советская миролюбивая политика — всего лишь ширма для экспансионистских планов. Хотя высшие военачальники, вроде Жукова, не могли не знать правды. На практике в ходе обеих игр отрабатывалось только вторжение советских войск на сопредельные территории. Выступление же по поводу укрепленных районов было сочинено маршалом, чтобы создать у читателей впечатление, будто в проведенных играх «восточные» (Красная Армия) оборонялись, а «западные» (вермахт) — наступали.

Советские дивизии («восточные») по своей боеспособности принимались равными немецким дивизиям («западным»), что, как показал опыт Великой Отечественной войны, было большой натяжкой. В действительности, в вермахте солдаты и командиры всех уровней были подготовлены гораздо лучше, чем в Красной Армии. Все задания командующих во время игр выполнялись в срок, и не возникало трудностей с тыловым обеспечением, а воздушные десанты высаживались в точно назначенных местах (что в войну с советскими десантниками случалось довольно редко). Подобная идеализация, в целом, играла на руку тому из командующих, кто действовал быстрее и активнее, т. е. Жукову.

В целом же, воевать на бумаге было легче, чем в жизни. Вот и в своем докладе о современной наступательной операции Георгий Константинович и его соавторы ничего не говорили о реальных недостатках, свойственных Красной Армии в сфере управления, боевой подготовки войск и тылового обеспечения. Но об этом сказали некоторые другие из выступавших на совещании. Так, Штерн поднял «вопрос о самостоятельности и инициативе нашего командира. Этот вопрос имеет особенно большое значение после того, как мы получили большой и полезный опыт в войне с Финляндией и на Халхин-Голе. Этот опыт показывает, что наши люди очень любят действовать компактно (другими словами, сбиваются в кучу, толпу, где можно просто повторять действия соседей, а не думать самому, что именно надо делать в сложившейся обстановке. — В.С.). Товарищ Жуков, наверное, помнит, как ему приходилось не раз доказывать, что фронт недостаточно занят (как можно понять из контекста, в данном случае именно Штерн доказывал Жукову, что бойцы 1-й Армейской группы расположены по фронту чересчур скученно. — Б. С.). Наши люди не особенно любят работу по боевому охранению (опять-таки потому, что она требует самостоятельных

действий. — Б.С.)… Мы должны учить и воспитывать подразделения, не боясь за тыл».

Буденный, в чьем ведении находились все тыловые службы, в своем выступлении на совещании отмечал: «…О немецкой армии пишут, когда она действовала на востоке (очевидно, должно быть: на Западе. — Б. С.), то ее тыл действовал как хороший хронометр; в этом я сомневаюсь. Мне думается, что насчет тыла мы много разговариваем, а сейчас нужно делать. В первую очередь, нам нужны люди оперативно грамотные и прекрасно знающие оперативный тыл, чтобы они при академии Генштаба прошли курс по организации соответствующего тыла. А сейчас люди не знают, как организовать тыл.

Мне пришлось в Белоруссии (во время советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. — Б. С.)… возить горючее для 5 механизированного корпуса (тогда он назывался танковым. — Б. С.) по воздуху. Хорошо, что там и драться не с кем было. На дорогах от Новогрудка до Волковыска 75 процентов танков стояло из-за горючего. Командующий говорил, что он может послать горючее только на самолетах, а кто организует? Организация тыла требует знающих людей».

К этому можно добавить, что из-за трудностей в снабжении горючим, неумения ремонтировать технику и нехватки средств связи для управления на марше оба участвовавших в польском походе советских танковых корпуса отстали по темпам движения от кавалерийских дивизий. Все это были те самые «овраги», которые в «бумажных» играх не учитывались и о которых ничего не говорилось и в написанном Баграмяном и Ивановым докладе. Жуков, как кажется, не представлял себе в полной мере недостатков, присущих танковым и механизированным соединениям Красной Армии, недооценивал трудности тылового обеспечения войск в боевых условиях. Когда в Великую Отечественную пришлось драться по-настоящему, за все недоработки мирного времени пришлось платить самой дорогой ценой — человеческими жизнями. А Семен Михайлович зря сомневался, что тыл у вермахта работает как часы. Очень скоро Красной Армии на собственной шкуре предстояло убедиться в справедливости этой оценки.

Можно предположить, что неудачу «восточных» в первой игре списали на мощь восточнопрусских укреплений и ошибки Мерецкова при планировании игры. Успех же советской стороны

во второй игре выглядел вполне закономерным. Его объясняли не просчетами командовавших войсками «западных», «юго-западных» и «южных» Павлова и Кузнецова, а правильностью выбора направления главного удара. Поэтому наиболее близким к истине выглядит то описание разбора игр, которое дает Мерецков — без выступлений Павлова, Жукова, Кулика и прочих, с одной только робкой попыткой начальника управления Генштаба Ватутина заступиться за своего шефа. И о назначении Жукова Сталин объявил сразу же, очевидно, приняв это решение еще до встречи с Мерецковым и другими военачальниками. Основную роль тут сыграло поведение Георгия Константиновича во время оперативно-стратегических игр и его выступление на совещании. Баграмян и Иванов перестарались, написали слишком хороший доклад. Сталин решил, что докладчик вполне подходит для должности начальника Генерального штаба. Никто не вспомнил давнюю аттестацию, подписанную Рокоссовским, где категорически не рекомендовалось привлекать Жукова к штабной работе. На самом деле, Георгию Константиновичу лучше всего подошла бы должность, на которую был возвращен Мерецков, — заместителя наркома обороны по вопросам боевой подготовки и военного обучения. Здесь бы Жуков принес куда больше пользы.

Георгий Константинович в мемуарах утверждал, что был не в восторге от нового назначения: «Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная толком, что ответить, растерянно молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал Сталин, делая ударение на слове «решило».

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал: «Знаю, как ты отказывался от должности начальника

Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева».

В точности повторялась история с Мерецковым. Опять кандидат на высокую должность просил не назначать его, и снова Сталин требовал немедленно принять дела, а в случае, если работа не заладится, обещал отпустить с миром на другой пост.

Парадокс, однако, заключался в том, что, согласившись на сталинское предложение, Георгий Константинович, сам того не ведая, возможно, спас себе жизнь. Во всяком случае, если бы Жуков не стал в январе 41-го начальником Генерального штаба РККА, то его карьера вполне могла очень скоро пойти под откос. Ведь тогда герой Халхин-Гола остался бы командовать Киевским округом и имел все шансы повторить судьбу генерала Кирпоноса, погибшего в сентябре 41-го при выходе из киевского окружения, или, в лучшем случае, оказаться в немецком плену. Правда, генерала армии в первые месяцы войны могли назначить и на более высокий пост — главкомом Юго-Западного направления. Такое назначение вряд ли бы предотвратило катастрофу основных сил Юго-Западного фронта на Днепре. Сталин до последнего пытался удержать Киев и запрещал думать об отходе. На Георгия Константиновича могли возложить ответственность за поражение, и не исключено, что в дальнейшем Сталин неохотно назначал бы его командовать фронтами. А на посту начальника Генерального штаба Жуков оказался более защищен от высочайшего гнева. Сталин понимал, что возложить вину за поражения первых месяцев войны на руководство центрального аппарата Наркомата обороны рискованно — в общественном сознании нарком обороны и начальник Генштаба слишком тесно ассоциировались с самим Иосифом Виссарионовичем.

31 января 1941 года Жуков, завершив передачу дел в Киеве, приехал в Москву и на следующий день приступил к исполнению новых обязанностей. Его первоочередной задачей стала подготовка Красной Армии к будущей войне. И, к сожалению, далеко не во всем Георгий Константинович здесь преуспел.

Как раз в феврале 41-го началось формирование 20 новых механизированных корпусов, хотя к тому времени еще не было завершено формирование первых 9 мехкорпусов, к созданию

которых приступили еще летом 40-го. Жуков, будучи начальником Генштаба, никак не возражал против этого шага. Между тем несложно было понять, что лучше иметь меньшее число полностью укомплектованных корпусов, чем значительно большее число соединений, не оснащенных в должной мере вооружением и техникой. Но гигантомания была свойственна советской военной организации и планированию.

Новые механизированные корпуса имели вдвое больше танков, чем прежние танковые (1031 против 560). Количество же средств связи не увеличилось, а уровень подготовки личного состава оказался еще ниже. Управлять такими корпусами стало практически невозможно. В начале Великой Отечественной войны они превратились в обузу. Сотни неисправных танков, застрявшие на дорогах, только мешали передвижению войск, а потом стали легкой добычей врага. Командир одной из танковых дивизий полковник С.И. Богданов, впоследствии дослужившийся до маршала бронетанковых войск, накануне войны совершенно справедливо утверждал, что его танковая дивизия стала слабее танковой бригады, из которой была развернута: «Бронебойных снарядов очень мало. В экипажах по одному-два бойца из новобранцев. Опытных танкистов при формировании дивизии поставили на должности среднего комсостава: командиры танков стали командирами взводов, механики-водители — помощниками командиров рот по технической части. Штабы полков еще два месяца назад были штабами батальонов… Если бутылку вина разбавить тремя бутылками воды, это будет уже не вино…». Получалась парадоксальная ситуация: чем более, интенсивно готовилась Красная Армия к войне, тем менее боеспособной она становилась. Количество танков и самолетов постоянно росло, а обеспеченность их опытными экипажами падала. Увеличивался и дефицит горючего, что не позволяло должным образом готовить летчиков и танкистов. Тимошенко и Жуков не могли и не хотели переломить эту опасную тенденцию в развитии советских вооруженных сил.

В феврале 1941 года был также принят мобилизационный план со зловещим названием «Гроза» (окончательная его доработка затянулась до начала войны). Он предусматривал совершенно фантастические сроки приведения в боевую готовность и развертывания по штатам военного времени большинства соединений Красной Армии. Так, войска первого эшелона на Западе, включавшие 114 дивизий и укрепрайонов первой линии, а также 85 процентов войск ПВО, все воздушно-

десантные войска, более трех четвертей ВВС и 34 артиллерийских полка Резерва Главного Командования должны были завершить отмобилизование в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации. Это следовало сделать за счет призыва приписного состава и использования автотранспорта из близлежащих районов. 58 дивизий второго эшелона завершали отмобилизование на 2–3 сутки. Еще 60 дивизий должны были стать полностью боеготовыми на 4–5 сутки мобилизации, а оставшаяся 71 дивизия — на 6-10 сутки. Авиация полностью отмобилизовывалась на 3–4 сутки, причем все боевые части, непосредственно обслуживающие их тыловые подразделения и первый эшелон войск ПВО, планировалось привести в боевую готовность уже через 2–4 часа после объявления мобилизации. Абсурдность всех этих сроков выявилась лишь с началом войны, когда призывники с недавно присоединенных территорий расходились по домам или переходили на сторону немцев, местный автотранспорт оказался негоден к эксплуатации, а многие самолеты погибли на аэродромах, так и не успев подняться в воздух.

Нельзя сказать, будто о неблагополучном положении с обеспечением мобилизации не поступало в Генштаб никаких сведений. Например, штаб Киевского особого военного округа 2 января 1941 года, когда командующим еще числился Жуков, доносил в Генеральный штаб: «Мобзапас огнеприпасов в КОВО крайне незначительный. Он не обеспечивает войска округа даже на период первой операции… В округе совершенно нет мобзапаса материальной части артиллерии и ручного (стрелкового. — Б. С.) оружия. Нет никаких указаний по накоплению этих запасов для обеспечения первых месяцев войны». Не лучше было положение и в других приграничных округах. Так, к 1 апреля 1941 года горючего и масел на складах Наркомата обороны было чуть больше 20 процентов от мобилизационной нормы. Очень плохо обстояло дело с обеспеченностью средствами связи. Ощущалась острая нехватка автозапчастей. Не лучше было положение и с приписным личным составом. Даже в начале июня 41-го дивизии западных округов не имели списков призывников, в случае войны направляемых к ним по мобилизации, что исключало проведение отмобилизования в запланированные сроки.

В «Воспоминаниях и размышлениях» приводится замечательный разговор Жукова со Сталиным, происходивший, судя по всему, в феврале 41-го, еще до начала массовой переброски германских войск на Восток: «Помню, как однажды в

ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И.В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот ему конфиденциально сообщил: «Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе».

Насчет «переподготовки» или укрытия германских войск от налетов английской авиации (о такой версии со ссылкой на будто бы поступившее к Сталину письмо Гитлера Жуков говорил Симонову) Иосифа Виссарионовича обмануть было трудно. В эти объяснения он не верил. Зато не сомневался, что Красная Армия сильнее вермахта, у нее гораздо больше танков, самолетов и артиллерии. Поэтому, думал Сталин, Гитлер должен его бояться и принимать оборонительные меры на своих восточных границах против возможного советского нападения. Сам Сталин, вопреки распространенному заблуждению, Гитлера не боялся.

Фюрер и позднее продолжал с генсеком ту же игру. 5 мая 1941 года в Москве встретились германский посол в СССР В. фон Шуленбург и советский посол в Германии В.Г. Деканозов. За неделю до этого Шуленбург виделся с Гитлером и теперь познакомил своего советского коллегу с взглядами фюрера на состояние отношений между Москвой и Берлином. Гитлер, в частности, был недоволен, что СССР пытается распространить свое влияние на Балканы и даже заключил договор с Югославией в самый канун германского нападения на эту страну. Как записал Деканозов в дневнике, «Шуленбург в своей беседе с Гитлером заявил… что слухи о предстоящем военном конфликте Советского Союза с Германией, которые, начиная с января этого года, так усиленно циркулируют в Берлине и в Германии вообще и о которых рассказывают проезжающие через Москву немцы, конечно, затрудняют его, Шуленбурга, работу в Москве… На его заявление Гитлер ему ответил, что он в силу упомянутых действий Советского правительства вынужден был провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Его, Гитлера, жизненный опыт научил быть очень осторожным, а события последних лет сделали его еще более осторожным». После того как концентрация вермахта на Востоке породила слухи о скорой германо-советской войне, Гитлер сделал вид, что, наконец, решился назвать истинную причину своих действий.

Никакая эта не переподготовка войск для последующей операции против Англии, а страх перед советскими намерениями силой или демонстрацией силы добиться своих целей. Похоже, что не только Сталин, но и Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий у советских границ и продолжали подготовку наступательной операции. Например, в сводке разведывательного отдела штаба Западного особого округа от 5 июня 1941 года отмечали наращивание германских войск у границы. Но в выводах подчеркивалось, что усиление группировки происходит «преимущественно артиллерийскими и авиационными частями», причем одновременно немцы «форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО». Говорилось также, будто «антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры». Подобные донесения, поступавшие в Генштаб, скорее должны были создать у Жукова убеждение, что вермахт готовится к обороне против возможного советского вторжения, но сам на СССР в ближайшее время нападать не собирается. Да и кто рискнет наступать, если солдаты вот-вот могут воткнуть штык в землю! Пропагандистские клише, ничего общего не имевшие с действительным настроением немецких солдат, сослужили плохую службу.

В марте 1941 года был принят новый план стратегического развертывания Красной Армии на Западе. В нем были учтены результаты январских игр. Если предыдущий план, одобренный в сентябре 40-го, помимо главного удара советских войск на Юго-Западном направлении, также допускал, в качестве запасного варианта, перенесение основных усилий против восточно-прусской группировки, то теперь было окончательно выбрано юго-западное направление главного удара. В мартовском плане стратегического развертывания подчеркивалось: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям». Сталину же нужен был блицкриг. Но и новый план стратегического развертывания, как и предыдущий, недооценивал немецкую группировку на западном направлении. По условиям оперативно-стратегических игр января 1941 года Восточный фронт «западных» (будущая группа армий

«Центр») насчитывал всего 20 пехотных дивизий, подкрепленных несколькими танковыми и механизированными соединениями. И в мартовском плане наиболее вероятным считался такой вариант развертывания вермахта, когда к северу от нижнего течения реки Западный Буг и до Балтийского моря (на фронте будущих групп армий «Центр» и «Север») дислоцировалось от 30 до 40 пехотных, от 3 до 5 танковых и от 2 до 4 моторизованных дивизий. В действительности же, 22 июня одна только группа армий «Центр» располагала не меньшим числом соединений: 29 пехотных, 9 танковых, 6 механизированных и 1 кавалерийская дивизия и 1 механизированная бригада.

Тимошенко и Жуков были уверены, что главные свои силы вермахт сосредоточит к югу от Бреста. Здесь предполагалось появление до 110 пехотных, до 14 танковых и до 10 моторизованных немецких дивизий, подкрепленных 30 румынскими и 20 венгерскими пехотными дивизиями и 2 венгерскими мотобригадами. Как мы уже ранее убедились, по пехоте силы Германии и ее союзников были преувеличены раза в полтора, а по танкам и самолетам — еще больше. Так, мартовский план предусматривал, что для нападения на СССР Германия может сосредоточить около 10 тысяч танков и до 10 тысяч самолетов, что превышало общий парк танков и самолетов вермахта соответственно в 2,5 и в 3 раза. Реально же выделенное для нападения на Советский Союз количество боевой техники было меньше фигурировавших в расчетах Генштаба Красной Армии цифр — в 3 раза по танкам и почти в 5,5 раз по самолетам.

В мартовском плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе утверждалось: «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину». Но на самом деле Жуков, Тимошенко и Сталин в скорое нападение Гитлера на СССР не верили, хотя в том же Плане и признавалось: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб не располагает».

К середине мая в Генштабе был готов последний из предвоенных планов стратегического развертывания советских вооруженных сил на Западе. Документ назывался «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Его написал от руки заместитель Ватутина Василевский, а отдельные дополнения внес

сам Николай Федорович. В конце текста были обозначены подписи Тимошенко и Жукова, но, как и на мартовском плане, их подписей на документе нет.

В «Соображениях» утверждалось: «…В условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий… Вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных (воздушно-десантных. — Б.С.), а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест-Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Одновременно надо ожидать удары на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также коротких, концентрических ударов со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — надо ожидать ударов: а) в направлении Жмеринка, Румынской армии, поддержанной германскими дивизиями, б) в направлении Мункач (Мукачево. — Б.С.), Львов и в) Санок, Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пехотных дивизий, Румыния до 25 пехотных дивизий. Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест-Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь,

Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь — наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточное реки Висла и на Краковском направлении, выйти на реки Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего: а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников; б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника; в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке. Таким образом. Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 германских».

Как и во всех предыдущих планах стратегического развертывания, силы Германии и ее союзников оказались весьма значительно преувеличены. Оригинальность на этот раз заключалась в том, что подчиненные Жукова наградили вермахт аж четырьмя кавалерийскими дивизиями вместо одной, которая в действительности имелась у немцев, и предоставили в распоряжение Гитлера целых 5 воздушно-десантных дивизий, да еще нацелили всех их против СССР. В действительности, германская армия располагала лишь одной воздушно-десантной дивизией — 7-й авиационной. Но она оставалась на Балканах и против Красной Армии не действовала. Только общее число танковых дивизий, двинутых против СССР, было определено более или менее точно. В 41-м году вермахт, действительно, использовал на Востоке 19 танковых дивизий. Правда, две из них, 2-я и 5-я, вплоть до осени оставались в резерве на территории Германии. То количество немецких пехотных дивизий, которое руководство Красной Армии предполагало в наличии южнее линии Брест-Демблин, в действительности равнялось общему числу пехотных дивизий, задействованных по плану «Барбаросса». Правда, кроме пехотных, на Востоке имелось еще 4 легкопехотных и 1 горнострелковая дивизии. Также и общее число моторизованных дивизий, которые вермахт мог

использовать на Востоке, майский план упреждающего удара определял верно. Их, действительно, было 15. Однако советский Генштаб ошибочно полагал, что в немецких моторизованных дивизиях имеются танки, и потому значительно преувеличивал количество танков у противника. Были существенно завышены и силы германских союзников. По поводу венгерских и румынских войск я об этом уже говорил. Но и с финскими дело обстояло не лучше. В действительности, Финляндия в 1941 году выставила против СССР всего 12, а не 20 дивизий.

Трудно сказать, догадывался ли Жуков, что данные разведки преувеличивают силы противника. Вполне возможно, что догадывался. Ведь генералам, в том числе и тем, что командовали округами, было выгодно преувеличивать численность и боевую мощь противостоявших им неприятельских группировок. Чем сильнее враг, тем больше войск и техники можно надеяться получить под свое командование, тем весомее окажется будущая победа. Не исключено, что сами Тимощенко и Жуков, ранее командовавшие Киевским округом, вольно или невольно преувеличивали количество неприятельских войск на юго-западном направлении. Максимальное усиление КОВО помогло бы достичь успеха выдвинутым им командирам, когда Юго-Западный фронт будет наносить решающий удар. Стоит отметить, что немцы довели до сведения советской стороны дезинформацию, преувеличивающую германские силы в Румынии. Так, в конце февраля 41-го посол Германии в Москве В. фон Шуленбург по поручению Риббентропа распустил здесь слухи, будто численность немецких войск в Румынии превышает 600 тысяч человек. В действительности, даже в июне их там было втрое меньше. Однако на развертывание Красной Армии эти данные никакого влияния не оказали. Главную немецкую группировку советский Генштаб по-прежнему помещал в южной Польше, а не в Румынии. Допускаю, что оба Константиновича делали некоторую поправку на любовь разведчиков и их начальников к преувеличениям. Но в чем они были уверены, так это в том, что основные силы германское командование использует на юго-западном направлении. Именно здесь Гитлер мог достичь главных экономических целей — захватить Украину, что дало бы ему уголь, металлы и продовольствие, а потом и кавказскую нефть.

Жуков сыграл видную роль в разработке как мартовского, так и майского плана. Он стремился ударить по наиболее мощной группировке вермахта, быстро разгромить ее, а затем фланговым

ударом свернуть весь неприятельский фронт вплоть до Балтийского моря и ликвидировать основные силы вермахта. Если бы план удался, путь на Берлин, Прагу, Вену, Будапешт и далее — на Париж и Мадрид был бы открыт.

Нетрудно заметить, что майский план повторял те же идеи, что отрабатывались в ходе второй из январских игр. Только теперь направление главного удара было сдвинуто к северу. Армии Юго-Западного фронта шли не на Будапешт, а на Катовице и Краков. Очевидно, Сталин рассчитывал, что в случае успешных действий Красной Армии в самом начале войны Венгрия останется нейтральной и с занятием Будапешта можно будет не спешить. Если бы Красная Армия разбила основные силы вермахта, то, вполне вероятно, даже Румыния, где уже находилась значительная группировка немецких войск, не стала бы драться на стороне Германии, а обратила оружие против немцев, как это и произошло в августе 44-го. Однако неправильное определение дислокации основной группировки вермахта обрекала жуковский план на неизбежный провал, а Красную Армию — на тяжелейшее поражение, Ведь в этом плане даже не рассматривались варианты действий на тот случай, если основные силы вермахта окажутся не там, где думали советские генштабисты, а там, где они действительно были, т. е. на западном направлении.

В первой половине мая всем военным округам были направлены директивы Генштаба с требованием подготовить к концу месяца детально разработанные планы прикрытия границы. Позднее других, 2 июня 1941 года, такой план представил Прибалтийский округ. Во всех округах войскам ставились сугубо оборонительные задачи. Только для Киевского округа предусматривалось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий округа быть готовым, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвату выгодных рубежей». 15 марта 1941 года Буденный и Жуков получили право непосредственно входить в правительство «для разрешения вопросов Наркомата обороны». Это вносило дополнительную дезорганизацию в управление военным ведомством и явилось выражением недоверия Сталина к Тимошенко.

Но, что было еще хуже, гиперсекретность в отношении военных планов не позволяла реализовывать их на практике.

Накануне 22 июня 1941 года в Берлин поступило сообщение, что в Кремле обсуждался план превентивного удара, но был отклонен. Вероятно, слухи о майском плане дошли до кого-то из агентов германской разведки, но поскольку никаких данных об утверждении плана не было, он решил, что предложение о нанесении такого удара не было поддержано Сталиным. Однако то, что удалось ввести в заблуждение неприятельскую разведку, не могло компенсировать вред от чрезмерной секретности оперативных планов. Стремление во что бы то ни стало сохранить все в тайне не позволяло как следует готовить командиров и штабы к выполнению конкретных задач в будущей войне.

Возможно, Иосиф Виссарионович и собирался напасть на «друга Адольфа», но держал это в таком секрете, что будущие исполнители даже на уровне командующих армий и фронтов могли только догадываться о существовании планов вторжения в Западную Европу. Тогдашний нарком Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов отмечает в книге «Крутые повороты»:

«Сейчас я с ответственностью могу утверждать, что серьезно подработанных планов тогда (накануне войны. — Б. С.) не было. Были планы развертывания войск, засекреченные до такой степени, что реально в жизнь не вводились». Соображениями секретности, несомненно, объяснялось и то, что во время январских оперативно-стратегических игр подавляющее большинство командующих и начальников штабов армий и округов руководили действиями не тех армий и фронтов, которыми им бы пришлось командовать в случае войны с Германией.

Аналогичные игры вермахт провел в конце ноября — начале декабря 1940 года. Но в них командующие армиями и группами армий действовали там, где они и должны были действовать по плану «Барбаросса». У немецких генералов, участвовавших в играх, оставалось очень мало сомнений, что нападение на СССР неминуемо в самом ближайшем будущем. Отсюда и усилившиеся слухи о скором советско-германском вооруженном конфликте, так встревожившие посла Шуленбурга. Советские же генералы свои игры воспринимали как некое абстрактное действо, имеющее больше теоретическое, чем практическое значение. Ведь играть им приходилось за условные армии и фронты, которыми они в действительности не командовали. Поэтому и слухов о скором советском нападении на Германию после январских игр в среде советских военных не возникло.

Планы нападения на Германию маскировались ссылками на некие «контрудары» против германских агрессоров. Точно так же в 1939 году агрессия против Финляндии разрабатывалась как «контрудар», хотя никто даже в страшном сне не мог вообразить, чтобы финны решились первыми напасть на СССР. А вот что вспомнил незадолго до смерти маршал И.С. Конев: «…В январе 1941 года… меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом… Когда в связи с новым назначением меня принял Тимощенко, он сказал, что меня берут на основное западное направление на Северо-Кавказский военный округ, обстановка может сложиться так, что это будет важнейшее ударное направление, и закончил: „Мы рассчитываем на вас. Будете представлять ударную группировку войск в случае необходимости нанесения удара“… Впервые предаю гласности этот факт… К концу апреля — в начале мая 1941 года округ по директиве Генштаба приступил к призыву приписного состава для полного укомплектования дивизий до штатов военного времени. В мае я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии. Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского округа, я вступил в командование 19-й армией и получил личные указания Тимошенко: под видом учений до конца мая войска и управление армией перебросить на Украину в район Белая Церковь-Смела-Черкассы. В состав 19-й армии уже на Украине вошел 25-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Честохвалова. Отправка 19-й армии проходила в совершенно секретном порядке, никому, кроме меня, не было известно, куда войска перебрасывались и зачем. Они выдвигались в указанном районе и сосредоточивались в палаточном лагере.

Подчеркну: за три недели до начала войны заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины.

Еще в Москве я получил задачу от Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота».

Штаб 19-й армии размещался в Черкассах. Я прибыл туда в начале июня, а 18 июня выехал в штаб Киевского военного округа для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии. Армия не входила в состав Киевского особого военного округа и не предназначалась для действий в составе Юго-Западного фронта».

Иван Степанович был неглупым человеком. Он наверняка обратил внимание на некоторые несуразности. Сперва нарком говорит, что войска под командованием Конева должны будут нанести «удар», а никакой не контрудар, по немцам. Позднее, словно спохватившись, Семен Константинович уточняет, что 19-я армия должна ударить во фланг вторгшегося на Украину неприятеля и загнать его в Припятские болота. Но почему же тогда армия, предназначенная для защиты от германского вторжения, перебрасывается к границе с такими предосторожностями и под покровом тайны? Казалось бы, известие о прибытии новых подкреплений может только отрезвить потенциального агрессора. Впору даже в газетах написать о передислокации на Украину свежей армии. Но совсем иное дело, если Сталин задумал внезапное нападение на Гитлера. Тогда переброску войск надо маскировать до самого последнего момента. Именно так шло сосредоточение вермахта по плану «Барбаросса». И точно так же перебрасывались дивизии Красной Армии к западным границам. Думаю, Конев догадался, что наносить свой удар его армии придется не в украинском Полесье, а где-нибудь в Польше или Словакии. Потому и придавал столь большое значение сообщаемому факту. И то, что 19-ю армию не собирались подчинять ни Киевскому округу, ни Юго-Западному фронту, вполне объяснимо. Армия Конева должна была войти во второй стратегический эшелон, который, вероятно, планировалось объединить в отдельный Резервный фронт. Войска этого фронта должны были вступить в дело после 30-го дня операции и ударом с юга на север ликвидировать германские армии в Польше и Восточной Пруссии, прижать их к Балтийскому морю и уничтожить. Насчет направления удара Тимошенко Конева не обманул, только не сказал, что плацдарм для наступления 19-й армии будет не на Украине, а значительно западнее.

В заключение майского плана Тимошенко и Жуков просили Сталина: «Утвердить представляемый план стратегического развертывания вооруженных сил СССР и план намечаемых боевых

действий на случай войны с Германией; своевременно разрешить последовательное проведение скрытого отмобилизования и скрытого сосредоточения, в первую очередь, всех армий резерва Главного командования и авиации». Все эти мероприятия начали осуществляться еще с апреля 41-го. Именно тогда было дополнительно призвано около 400 тысяч человек, по каким-либо причинам не призывавшихся в предыдущие годы. В мае — июне к ним добавилось 800 тысяч человек, призванных из запаса в западных приграничных округах. Благодаря этому, численность дислоцированных здесь 170 дивизий увеличилась с 2,9 миллионов до 4,1 миллиона человек. Правда, толку от новобранцев было чуть. Многих из них даже не успели распределить по воинским частям. Большинство призванных из запаса служило в армии еще в 20-е или в начале 30-х годов, когда Красная Армия была не кадровой, а территориально-милиционной, и призывники получали довольно условную военную подготовку. Они почти не имели представления о современной войне. После германского нападения многие из недавно призванных только сеяли панику и, скапливаясь на дорогах, мешали передвижениям войск. Тем не менее, формально скрытый призыв таких значительных по численности контингентов дал Красной Армии перевес в людях над германской группировкой, сосредотачивавшейся на Востоке: 4,1 миллиона человек против 3,3 миллиона. Если же считать только германские дивизии, реально находившиеся в составе Восточной армии к 22 июня 1941 года, то советскому вторжению в первые дни могли противостоять лишь 2,5 миллиона человек. Именно от этой цифры исчислял потери вермахта за первые девять дней операции «Барбаросса» начальник Генштаба сухопутных сил генерал Гальдер в своем дневнике. А ведь в тылу советских приграничных округов находились еще 7 армий второго стратегического эшелона, насчитывавших около 1 миллиона человек.

Германская армия даже вместе с союзниками располагала на Востоке не более чем 42 тысячами орудий и минометов. Красная Армия могла противопоставить им 67 тысяч стволов. Советский перевес в танках и авиации был еще больше. Всего в Крайней Армии к 22 июня 1941 года насчитывалось около 23,1 тысячи танков. Из них более 18,7 тысяч (81 %) считались полностью готовыми к боям. На Западе дислоцировалось 12,8 тысяч танков, из которых боеготовыми считались более 10,5 тысяч (82,5 %). Здесь же находились 1 475 из 1 864 самых современных танков Т-34 и КВ. Германская армия могла противопоставить этой

армаде всего лишь около 3 600 танков (в том числе 230 невооруженных командирских) из общего количества примерно 4 тысячи машин. Сколько всего было в тот момент боевых самолетов в составе советских ВВС, неизвестно до сих пор. Оценки варьируются в пределах от 17 до 35 тысяч машин. В западных же округах насчитывалось не менее 10 100 машин, из которых около 7 200 считались боеготовыми. Люфтваффе для выполнения плана «Барбаросса» привлекли 1 830 самолетов, две трети которых оценивались как боеготовые. Всего же германская авиация тогда имела примерно 3 850 машин. Низкий уровень боевой подготовки экипажей, и танковых, и авиационных командиров на советской стороне сводил это внушительное с виду преимущество на нет. Однако данное обстоятельство не осознавалось ни Сталиным, ни Жуковым, ни Тимошенко. Последний еще 21 января 1941 года в приказе о боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год констатировал:

«Летний период 1940 года явился переломным в вопросах воспитания и обучения армии на новой основе, проверенных опытом боевых требований». Считалось, что выявленные финской войной недостатки, в основном, преодолены.

В начале июня к границам стали перемещаться главные силы Красной Армии, дислоцированные на Западе. А с середины месяца туда же двинулись и 32 дивизии резерва приграничных округов. К 1 июля они должны были занять позиции на расстоянии от 20 до 80 километров от государственной границы. Если бы ждали немецкого нападения, то выдвижение резервов так близко к пограничным рубежам было бы необъяснимой глупостью. Они в этом случае должны находиться на достаточно значительном расстоянии от будущей линии фронта, вблизи железнодорожных узлов. Тем самым не только уменьшались возможные потери от воздействия вражеской артиллерии и авиации, но и имелась возможность бросить резервные дивизии в наиболее угрожаемые места, когда определятся направления главных ударов противника.

Вот если Красная Армия собиралась наступать, выдвижение резервов к границе становилось вполне оправданным. Они могли понадобиться для скорейшего ввода в прорыв и развития успеха. Дата 1 июля как срок их сосредоточения у границ делал наиболее ранним днем начала возможного вторжения в Германию воскресенье 6 июля. К этому времени все дивизии, двигаясь

пешим порядком по ночам, успели бы выйти из районов сосредоточения непосредственно на линию государственной границы и начать боевые действия.

Однако нельзя исключить, что Сталин хотел дождаться, пока семь армий второго эшелона выйдут к рубежам Днепра и Двины, что должно было произойти в период с 3 по 10 июля. Эти армии могли принять участие в боях позднее, для развития ожидавшегося успеха. Ведь, например, 27 германских дивизий второго эшелона, предназначенные для операции «Барбаросса», появились на фронте только в июле и августе 41-го, а 2 танковые дивизии резерва — лишь в октябре. Вполне вероятно, что Сталин на этот раз, памятуя неудачу с 12 июня, не стал фиксировать точной даты начала атаки, ставя ее в зависимость от фактического сосредоточения войск. Кстати говоря, не один из известных ныне советских довоенных документов не содержит предполагаемой даты провокации в Майниле и времени Вторжения в Финляндию. Последний предвоенный приказ штаба Ленинградского округа от 22 ноября 1939 года о переходе границы уже ставил задачи войскам по захвату конкретных пунктов на финской территории, но содержал оговорку, что о дне и часе перехода границы будет сообщено дополнительно. Не исключено, что такое распоряжение было отдано только в устной форме и на бумаге никогда не фиксировалось. Нападение на Германию — дело еще более деликатное, и Иосиф Виссарионович, вполне вероятно, не хотел оставлять следов для разведки противника и улик для потомков, планируя лично назвать Тимошенко и Жукову точное время начала наступления. Но он собирался ударить первым. И одно из решающих доказательств здесь — история с польской дивизией.

4 июня 1941 года Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии Красной Армии, «укомплектованной личным составом польской национальности и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии». Еще в середине октября 1940 года Сталин поручил Берии подыскать среди уцелевших польских военнопленных тех, кто выразил бы готовность воевать с Гитлером в союзе с СССР и даже без санкции польского правительства в Лондоне. Уже 2 ноября 1940 года Лаврентий Павлович докладывал, что удалось отобрать группу «правильно политически мыслящих» офицеров, которые видели будущую Польшу тесно связанной «в той или иной форме с Советским Союзом». Отобранным полякам предлагалось

«предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии». Такую дивизию предполагалось начать формировать «в одном из совхозов на юго-востоке СССР», в Казахстане. Польская дивизия могла понадобиться Сталину лишь для одной цели — войны против Германии. Создавать подобную дивизию загодя не было никакого смысла. Хлопот с ней было больше, чем с обычной дивизией Красной Армии — нужны были особые уставы на польском языке и польская военная форма. По боеспособности же она, скорее всего, уступала бы большинству советских дивизий. Когда перед «зимней войной» был сформирован финский корпус Красной Армии, его солдаты сражались очень плохо, часто обращались в бегство, и от его использования на передовой пришлось отказаться.

Главное же, создание польской дивизии очень трудно было сохранить в тайне в течение длительного времени. Здесь было бы не только прямое нарушение всех секретных советско-германских договоренностей, направленных против возрождения Польского государства. Узнай Гитлер о польской дивизии в СССР, сразу бы понял, что Сталин готовится оккупировать Польшу. Сами немцы в мае 41-го приступили к формированию двух разведывательно-диверсионных украинских батальонов «роланд» и «Нахтигаль». Правда, никакого политического значения этим частям Гитлер не придавал, поскольку Украина интересовала его только как «жизненное пространство» для германской расы, но не как независимое государство, пусть и находящееся под влиянием Германии. В каждом из батальонов было всего по 350 человек. Немцы видели в них лишь средство для разведывательно-диверсионных операций за линией фронта, а не зародыш будущей украинской армии. Польская же дивизия Красной Армии по плану насчитывала более 10 тысяч человек. Она мыслилась как ядро будущей польской армии, подчинявшейся просоветскому правительству в Варшаве, которое придется водворить там на красноармейских штыках. Если бы Гитлер вздумал формировать в составе вермахта накануне нападения на СССР Русскую Освободительную Армию, а Сталин бы об этом узнал, неужели бы Иосиф Виссарионович сомневался в неизбежности скорого германского вторжения на советскую территорию?

Польскую дивизию можно было создавать только перед самым советским нападением на Германию. И в начале июня 41-го Сталин решил, что время для ее формирования, наконец,

пришло: до советского наступления оставалось чуть больше месяца. Аналогичным образом 26 октября 1939 года, ровно за месяц до провокации у поселка Майнила, было принято решение о формировании 106-го особого стрелкового корпуса из финского и карельского населения СССР. Правда, финнов и карелов в его составе оказалось меньшинство. Преобладали русские, но были там и представители других советских национальностей, например, узбеки, к Финляндии никакого отношения не имевшие. 23 ноября 39-го, на следующий день после постановки боевых задач войскам Ленинградского военного округа, было создано управление этого корпуса, переименованного в 1-й горнострелковый. С началом же советско-финской войны он стал называться 1-м стрелковым корпусом финской народной армии с номинальным подчинением марионеточному правительству финской Демократической Республики во главе с секретарем Коминтерна О. Куусиненом. Мой покойный отчим Олег Григорьевич Демтюжников однажды ночью наблюдал, как части финского корпуса в обмундировании, отличном от красноармейского, проходили через Ленинград. Однако матерились новоиспеченные финны весьма обильно и без всякого акцента, что выдавало их русское происхождение.

Точно так же польскую, дивизию предполагалось сформировать, в основном, из советских граждан, знающих польский язык, или просто с польскими фамилиями.

Насчет боеспособности и надежности формируемой польской дивизии руководители НКВД и Красной Армии не заблуждались. Она предназначалась не для боев, а для парада в освобожденной от немцев Варшаве. Даже если бы формирование дивизии затянулось, это не повлияло бы на сроки начала наступления. Вероятно, начало июля было в плане подготовки нападения на Германию тем же этапом, каким в плане подготовки нападения на Финляндию было начало 20-х чисел ноября 1939 года. В этот момент войска должны были получить боевые приказы и начать скрытое выдвижение к рубежам атаки.

В самые последние дни перед 22 июня обозначился поворот и в пропагандистских установках армейских политработников. Он начался еще с речи Сталина 5 мая 1941 года на традиционном приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Жуков в мемуарах так излагает ее содержание: «Поздравив выпускников с окончанием учебы, Сталин остановился на тех преобразованиях, которые произошли за последнее время в армии. Товарищи,

говорил он, вы покинули армию 3–4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружив ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили свой облик. Вы придете в армию, увидите много новинок…

Вы приедете в части из столицы, вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Военная мысль германской армии движется вперед. Армия вооружилась новейшей техникой, обучилась новым приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Факт, что у Германии лучшая армия и по технике, и по организации. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнических, завоевательных войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Останавливаясь на причинах военных успехов Германии в Европе, Сталин говорил об отношении к армии в некоторых странах, когда об армии нет должной заботы, ей не оказана моральная поддержка. Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно (словно о сегодняшней России говорил Иосиф Виссарионович! — Б.С.). Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью партии и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Военная школа обязана и может вести обучение командных кадров только на новой технике, широко используя опыт современной войны. Кратко обрисовав задачи артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, Сталин подчеркнул, что нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы хорошо готовиться к войне, нужно не только создать современную армию, нужно подготовиться политически».

Судя по сохранившемуся в архиве конспекту сталинской речи, Жуков излагает ее в целом достоверно. Однако по цензурным мотивам маршалу пришлось опустить некоторые важные моменты, касающиеся ведения Красной Армией

наступательной войны и определения Германии как потенциального противника СССР. Еще в 1944 году появились мемуары бывшего румынского посланника в Москве Григоре Гафенку. Там содержалось утверждение, что в своем выступлении перед выпускниками военных академий Сталин, превознося героизм и боевой дух Красной Армии, подчеркнул, что советские солдаты не должны ограничиваться решением оборонительных задач, а должны быть готовы продемонстрировать свое умение наступать в столкновении с теми державами, что стремятся к мировому господству (здесь подразумевалась Германия). В сохранившемся конспекте, составленном присутствовавшим на встрече К. Семеновым, такой тезис присутствует. А согласно записи писателя Всеволода Вишневского, Сталин заявил: «В кольце против Германии мы играем решающую роль… В 1914–1918 годах наше участие предопределило поражение Германии… СССР развертывает свои силы… В Европе нет ресурсов — они у США и у СССР. Эти мировые силы и определяют исход борьбы». При этом вождь прямо возложил на Германию ответственность за начало Второй мировой войны. На последовавшем же за приемом банкете в ответ на тост одного генерал-майора танковых войск за мирную сталинскую внешнюю политику Сталин бросил красноречивую реплику: «Разрешите внести поправку. Мирная внешняя политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Перестройка армейской пропаганды выразилась в проекте директивы «О задачах политической пропаганды на ближайшее время». 4 июня 1941 года его обсудили на Главном военном совете, а 20 июня утвердили как основу, чтобы после доработки направить в войска. В этой директиве, в частности, отмечалось:

«Война непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями (скрытый намек на

майский план превентивного удара. — Б.С.)… Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой. Задача всего начсостава Красной Армии — изучать опыт современной войны и использовать его в подготовке наших бойцов. Вся учеба всех родов войск Красной Армии должна быть пропитана наступательным духом…

Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами».

Аналогичные пропагандистские установки в германской армии довели до солдат вечером 21 июня, в самый канун вторжения. Вот, например, письмо рядового 102-й немецкой пехотной дивизии К. Франка, отправленное на родину 10 июля 1941 года: «…4 июня наш полк выступил в поход. Мы не знали, куда направляемся. Первоначально нам было указано направление на Польшу, а затем — Восточную Пруссию. Но 19 июня мы подошли к русской границе. Каждый из нас задавался вопросом, что мы здесь ищем? Начали говорить, что в России нас погрузят и повезут в Ирак, чтобы вместе с русскими ударить под коленки англичанам… 21 июня около 8 часов вечера роту собрали на политическое занятие. Наш ротный сказал о ходе войны с Англией и о международном положении, потом заговорил о нашей работе у русской границы. А в конце занятия наш капитан произнес настоящую речь. Он сказал: „Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря нашему фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление…“.

Константин Симонов записал в дневнике: «Двадцать первого июня (41-го года. — Б. С.) меня вызвали в Радиокомитет и предложили написать две антифашистские песни. Так я почувствовал, что война, которую мы, в сущности, все ждали, очень близка». После войны он так прокомментировал эти слова: «В тот вечер, когда поэтов вызвали в Радиокомитет писать антифашистские песни, произошло такое экстраординарное событие, как переход к нам через юго-западную границу

перебежчика Альфреда Лискофа, сообщившего час нападения немцев. Происходили и более рядовые события — получение очередных развед-донесений от штабов пограничных округов». По Симонову получается, что Сталин и Тимошенко, вплоть до вечера 21 июня, несмотря на тревожные сводки с границы, не решавшиеся отдать приказ о приведении войск в боевую готовность, тем не менее озаботились срочным созданием антифашистских сочинений. Не логичнее ли предположить, что Константина Михайловича и его товарищей вызвали в Радиокомитет в рамках разработанного задолго до этого дня плана подготовки нападения на Германию, которому требовалось соответствующее пропагандистское обеспечение, в том числе и песни?

Сталин твердо знал, что Красная Армия превосходит вермахт по численности личного состава, что танков и самолетов у советских войск гораздо больше, чем у противника, и они по качеству не уступают немецким. «Кремлевский горец», в армии никогда не служивший (если не считать короткого пребывания в запасном полку накануне революции), верил, что по боевой выучке красноармейцы и их командиры не уступят германским солдатам и офицерам. А вот это-то и было роковым заблуждением. Адмирал Н.Г. Кузнецов писал в первом издании своих мемуаров «Накануне», вышедшем в 1966 году: «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». В последующие издания эти слова не попали. Вероятно, цензоры спохватились, что сообразительные читатели могут прийти к крамольным выводам: раз Иосиф Виссарионович преувеличивал боеготовность Красной Армии, то вполне мог думать и о нападении на Германию.

А что же Жуков, может быть, он был тогда иного мнения, чем будущий Верховный Главнокомандующий, о боеспособности и боеготовности Красной Армии? К сожалению, это не так. Достаточно обратиться к выступлению Георгия Константиновича на совещании высшего комсостава в декабре 41-го. Там он заявил: «…Чем знаменательна война в Финляндии? Она знаменательна тем, что командование фронта на Карельском перешейке впервые

в современной военной истории показало искусство прорыва полосы мощных укреплений, применив для прорыва такой первоклассной укрепленной полосы могущественную современную технику, какую дает нам страна, дает нам социалистическая промышленность. Наступательные действия частей Красной Армии в первый период характерны совершенно неудовлетворительной подготовкой наступательной операции, и, как следствие, операции в первый период были сорваны. Условия ведения войны с белофиннами… были очень тяжелыми, особенно по характеру местности, по бездорожью, по глубоким снегам и сильным морозам. И эти условия в соединении с известными промахами и неудовлетворительными действиями на других направлениях привели к нежелательным последствиям».

Жуков относил неудачи в «зимней войне» только к первому периоду боевых действий и склонен был объяснить их погодными условиями и характером местности даже в большей мере, чем плохой подготовкой советских войск. Заключительное же наступление на линию Маннергейма Георгий Константинович оценивал чуть ли не как шедевр военного искусства, как доказательство, что Красная Армия готова к современной войне.

Разве стал бы Жуков готовить план нападения на Германию, если бы не был уверен, что Красная Армия ни в чем не уступает вермахту? Ведь в случае неудачи отвечать пришлось бы головой. Разве стал бы подписывать в первый день войны, 22 июня, директиву о контрнаступлении трем советским фронтам с задачей уже к исходу 24-го числа овладеть Люблином? Если бы Георгий Константинович был твердо убежден, что Красная Армия к войне не готова, то должен был прямо заявить об этом не только наркому Тимошенко, но и самому Сталину. Он должен был предупредить их, что готовить наступление против Германии летом 41-го слишком опасно, что надо придерживаться оборонительного образа действий, отвести войска от границы, занять рубежи на некотором удалении от нее, чтобы части не понесли потерь от артиллерийского огня с неприятельской территории. И подать в отставку, если бы его предложения не были приняты. Но в мае-июне 41-го Георгий Константинович ничего подобного не делал. Наоборот, когда Москву покидали дипломаты стран, оккупированных Германией, с которыми советское правительство прервало дипломатические отношения, Жуков, по свидетельству Г. Гафенку, прощаясь с югославским военным атташе полковником Поповичем, загадочно заметил, что Югославия вскоре поймет подлинные чувства СССР по отношению

к ней. Здесь был скрытый намек на то, что после начала советско-германской войны югославское эмигрантское правительство в Лондоне опять станет союзником Москвы.

В действительности, оптимальным вариантом действий для более слабой по сравнению с вермахтом Красной Армией была бы оборона, а не наступление. Еще в 20-е годы Л. Д. Троцкий прозорливо предупреждал, что в начальный период войны Красной Армии придется не наступать, а обороняться, и даже отступать в глубь страны, чтобы выиграть время для мобилизации всех сил и средств. Только потом, «имея за собой пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где обеспеченная нашей упругой обороной мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в наступление». Однако после смещения Льва Давидовича со всех постов и его высылки из СССР оборону стали рассматривать как сугубо второстепенный вид боевых действий. И Сталин, и Жуков думали о молниеносной войне, о достижении скорой победы, тогда как гораздо лучше было бы с самого начала ориентироваться на ведение длительной войны на истощение в союзе с Англией и Америкой, без чьей военно-экономической помощи такую войну Советский Со. юз выдержать не мог.

Красная Армия была более приспособлена для ведения относительно более простых видов боевых действий, вроде позиционной обороны на заранее подготовленных позициях. И танки советской стороне лучше было бы использовать для непосредственной поддержки пехоты небольшими группами, а не в составе крупных механизированных соединений. И больше полагаться на конную тягу, поскольку на наших дорогах автомашины и тягачи часто застревали и быстро выходили из строя. Вот и немцы вскоре после вторжения в Россию вынуждены были в большей мере, чем они рассчитывали, использовать лошадей для перевозки техники и грузов. Немецкий генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, написавший историю сухопутной армии Германии, утверждал: «В середине ноября 1941 года возникла необходимость экономного расходования автотранспорта, например, путем замены автомашин лошадьми, поскольку из общего числа 500 тысяч колесных автомашин, находившихся в составе сухопутных сил на Востоке, до конца года вышло из строя 106 тысяч». Не так уж не правы были Буденный и Кулик, ратовавшие за сохранение значительной части артиллерии на конной тяге до тех пор, пока не появятся в нужном количестве подходящие автомобили и тягачи, не будут построены пригодные

для них дороги. Окончательно проблема была решена только с появлением в России американских «студебеккеров», которые до начала войны никто поставлять советскому правительству, естественно, не собирался.

Красная Армия, по сравнению с вермахтом или армиями США и Англии, была армией прошедшей эпохи, эпохи Первой мировой войны. Тот уровень насыщения техникой, которого требовала Вторая мировая война, вступал в неразрешимое противоречие как с реальным образовательным уровнем большинства красноармейцев и командиров, так и с психологией основной массы советских граждан. Коммунистический режим, в отличие от нацистского, в гораздо большей мере успел нивелировать человеческую личность, отбить у подданных стремление к самостоятельности и проявлению инициативы, привив взамен приверженность к шаблону. Ведь к началу советско-германской войны большевики были у власти в России уже 24 года, а нацисты в Германии — только 8 лет, втрое меньше. Да и германские традиции эмансипации личности от власти государства были старше и прочнее российских. Капитан вермахта Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, служивший офицером связи и переводчиком при командующем прогерманской Русской Освободительной Армии бывшем советском генерале Андрее Андреевиче Власове, свидетельствует: «И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем рейхе все же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось все более ощутимо… но эта форма несвободы в Германии оценивалась большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и потому воспринималась все же как свобода. И в этом была большая разница между нами».

Он же в специальной записке для верховного командования сухопутной армии под названием «Русский человек» отмечал:

«Испытание интеллигентности среди русских военнопленных показало очень интересную картину. Как и у большинства

народов, так и у них эта картина приблизительно одинаковая, т. е. 50 процентов — среднего уровня, 25 процентов — ниже среднего и 25 процентов — выше среднего.

Хотя средний и ниже среднего уровня оказались значительно ниже германского уровня, зато 25 процентов ВЫСШЕГО УРОВНЯ ОБНАРУЖИЛИ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗНАНИЯ И ОДАРЕННОСТЬ, ПРЕВОСХОДЯЩИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ УРОВЕНЬ».

Жуков, как и многие советские генералы, включая предателя Власова, по своим интеллектуальным способностям, несомненно, принадлежал к «верхним 25 процентам». Однако командовать-то ему приходилось главным образом «нижними 75 процентами», значительно уступавшими немцам и по интеллекту, и по образованию. К этому надо добавить и жесткое ограничение инициативы даже высших начальников в сталинской административно-командной системе. Во время оперативно-стратегических игр 41-го года Жуков был куда свободнее в принятии решений, чем в реальной практике Великой Отечественной войны, где на любые принципиальные передвижения войск приходилось получать санкцию Верховного Главнокомандующего. Учтем и явный недостаток у Георгия Константиновича как общего, так и военного образования. Все это сильно ограничивало возможности Жукова как полководца по сравнению с противостоявшими ему германскими генералами.

Если бы принципы современной стратегии в Красной Армии применялись с учетом наличного человеческого материала, это наверняка уменьшило бы чудовищные советские потери и, возможно, приблизило окончание войны. Например, танковые армии и корпуса, как правило, теряли очень много техники, и таких потерь они не имели бы, если бы действовали более мелкими частями и подразделениями. Точно так же массированные атаки пехоты без должного взаимодействия родов войск, эффективной разведки и артиллерийской подготовки приводили к колоссальным людским потерял нередко превосходившим немецкие в десятки раз. Однако и Сталин и Жуков, в отличие от Троцкого, были привержены стратегии сокрушения и надеялись повторить впечатляющие успехи, достигнутые Гитлером в Польше, во Франции и на Балканах.

Чтобы прикрыть начавшуюся после 10 июня переброску последнего эшелона вермахта к советским границам, германское руководство осуществило хитроумную комбинацию. 13 июня 1941

года в официозной «Фёлькише Беобахтер» появилась статья рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса «Крит — как пример», с прямым намеком на то, что опыт парашютного десанта на Крите очень скоро пригодится вермахту при высадке на Британские острова. В ночь с 12-го на 13-е число номер газеты был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы в Берлине часть тиража успела разойтись и достичь иностранных посольств. 14 июня Геббельс с удовлетворением констатировал в своем дневнике, что английские и мировые газеты и радиостанции приходят к выводу, что германское развертывание против России — это «чистый блеф, с помощью которого мы рассчитываем замаскировать подготовку к вторжению в Великобританию». Как реакцию на этот инцидент рейхс-министр пропаганды рассматривал и известное заявление ТАСС, переданное по радио поздно вечером 13 июня. Геббельс с удовлетворением отметил: «Русские, кажется, еще ни о чем не подозревают».

О том, как готовилось заявление ТАСС, рассказал в своих мемуарах Буденный. Вечером 13 июня его вызвали к Сталину в Кремль. Там уже находились Тимошенко, Молотов и Калинин. Характерно, что Жукова не было. Видно, Сталин считал излишним его присутствие при решении политических вопросов. Иосиф Виссарионович будто бы сказал собравшимся примерно следующее: «Меры, какие мы принимаем, чтобы предотвратить военный конфликт с Германией, не дают нужных результатов. Война неотвратимо приближается. Трагическая развязка вот-вот наступит. Людоед Гитлер не отказывается от своих планов завоевания мирового господства. Наоборот, с упорством маньяка готовится осуществить их. Каким образом? — Сталин несколько секунд молча смотрел на карту. — Сосредоточение переправочных средств в Ла-Манше, войск и техники на побережье — это не больше, чем демонстрация, рассчитанная на простаков. Вторгаться на острова — наиболее глупый шаг. Неизбежны большие потери, а что получит Гитлер, если, допустим, даже завоюет Англию? Завязнет там, а за спиной — могучая Красная Армия. На другом материке — союзник Англии — США с их могучим военно-морским флотом, авиацией и спешно создаваемыми сухопутными силами в несколько миллионов человек. Гораздо выгоднее начать с колоний, слабо защищенных или совершенно не защищенных, захватить Африку, — Сталин обвел материк трубкой, — стратегические острова Средиземного моря. Ввести войска в Иран, пройти в Индию, высадить десанты в Австралии, в Индонезии. Лишившись

колоний, Англия задохнется без хлеба и сырья. Могучий флот Америки без заморских баз станет игрушкой для детей, а моряки — пригодными лишь для парадов. Но Англия и США в трудную минуту могут обратиться за помощью к Советскому Союзу. Антигитлеровская коалиция станет неодолимой помехой фашистской Германии в ее стремлении к мировому господству. Начинать поход по колониям нельзя, проводить дальние экспедиции нельзя, не разгромив Красную Армию». Сталин сделал паузу, отошел от карты и неторопливо начал снова набивать свою трубку:

— Товарищ Молотов рекомендует предпринять еще один дипломатический шаг. Я думаю, мы согласимся с этим. Сделаем небольшое заявление в печати. Цель его, во-первых, дать понять Гитлеру, что нам известны его планы. Во-вторых, предупредить мировую общественность, что Гитлер собирается развязать войну, которая охватит все материки и континенты земного шара и в огне которой погибнут миллионы людей, прольются реки крови. В-третьих, вызвать Гитлера на откровенность.

— Он может промолчать, — заметил Тимошенко.

— Но тогда само молчание послужит красноречивым ответом, — сказал Калинин.

Сталин подал знак Молотову:

— Пожалуйста, зачитайте…

14 июня сообщение ТАСС было опубликовано в печати. Ответа на него не последовало. Хорошо помню, как Сталин озабоченно сказал: «Да, войны с Гитлером, кажется, нам не избежать».

Создается впечатление, что Семен Михайлович довольно точно передает рассуждения Сталина, хотя и немного корректирует их с учетом последующих событий. Вполне возможно, что Иосиф Виссарионович не верил в реальность германского вторжения на Британские острова в ближайшее время. В конце концов, проигрыш люфтваффе битвы за Британию был достаточно очевидным фактом. К тому же Сталин мог быть знаком с запиской полковника Разведуправления Генштаба Василия Новобранца, в которой доказывалось, что для высадки в Англии Германия не располагает ни достаточным тоннажем

транспортных судов, ни необходимыми силами авиации. Однако генсек был по-прежнему убежден, что, не покончив с Британской империей, Гитлер не рискнет начать войну на два фронта, напав на Советский Союз. Тот же Буденный приводит сталинские слова, сказанные накануне заключения советско-германского пакта о ненападении: «Войне Германии с нами будет предшествовать оккупация немцами всей Западной Европы». И вообще, в изложении Семена Михайловича Сталин ни разу не говорит прямо, что Гитлер собирается напасть на СССР. Статью Геббельса советский вождь рассматривал как попытку отвлечь внимание от истинной цели немцев — переноса центра тяжести военных усилий в район Средиземноморья, вынудив английское командование сосредоточить усилия на защите метрополии. Гитлер, никак не ответив на заявление ТАСС, стремился создать у Сталина впечатление, будто хочет убедить англичан в реальности своих намерений завоевать Россию, тогда как в действительности в самое ближайшее время вторгнется на Британские острова. Иосиф Виссарионович, в свою очередь, молчание фюрера расценил как продолжение несколько иной игры: убедить англичан, что вермахт в ближайшее время вторгнется в СССР, тогда как в действительности германские войска готовились атаковать британские владения на Средиземном море, а затем предпринять поход в Иран, Ирак и Индию. Не исключено, что Сталин серьезно относился к слухам, распускаемым среди немецких солдат, перебрасываемых к советским границам, будто им предстоит совместный с русскими поход в Индию. Он мог ожидать, что после Заявления ТАСС Гитлер возобновит предложение, сделанное Молотову в Берлине в ноябре 40-го, о совместном разделе Британской империи и об отнесении Ирана к советской сфере интересов.

После того как немцы не отреагировали на заявление, где утверждалось, что слухи о скорой германо-советской войне лишены оснований, Сталин на самом деле не сомневался в скором начале такой войны. Но думал, что она начнется внезапным и мощным ударом Красной Армии. И продолжал подготовку к. «Грозе» — подтягивал войска к границам, маскировал расположенные там аэродромы и боевую технику, превращал штабы приграничных округов в штабы фронтов, перебрасывал вплотную к западным рубежам запасы топлива, снаряжения, боеприпасов. Если бы молчание Гитлера в ответ на заявление от 13 июня Сталин, Тимошенко и Жуков сочли признаком скорого германского нападения на СССР, то действовать они должны были совсем иначе. Им следовало как

можно быстрее отводить дивизии и авиацию Красной Армии от границ, чтобы вывести их из-под первого удара германской артиллерии и люфтваффе. Но вторжение вермахта застало Красную Армию врасплох.

1941-й год: Война, которой не ждали

Вечер и ночь с 21-го на 22-е июня 41-го года запомнилась Жукову на всю жизнь. Вот как он описал в мемуарах последние мирные часы: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и Сталину то, что передал Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, — сказал Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Иосифа Виссарионовича можно понять. Он надеялся через какие-нибудь две-ри недели завершить сосредоточение и обрушить на немцев мощнейший удар. И теперь всерьез опасался, что перебежчика подбросили генералы вермахта, чтобы заставить, советскую сторону предпринять немедленные действия и вскрыть группировку войск, сосредоточенных у границ Рейха.

Вскоре прибыли члены Политбюро. Тимошенко зачитал проект директивы о приведении войск западных приграничных округов в полную боевую готовность на случай войны с Германией.

— Такую директиву сейчас давать еще преждевременно, —

заметил генсек. — Может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Сталин еще надеялся, что удастся начать дипломатические переговоры и под их прикрытием завершить сосредоточение сил для наступления. Поэтому в подписанной Тимошенко и Жуковым директиве всем приграничным округам о приведении войск в полную боевую готовность говорилось, что 22–23 июня возможно нападение немцев, которое «может начаться с провокационных действий». Войскам ставилась задача «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Им предписывалось в течение ночи на 22 июня «скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе», рассредоточить всю авиацию по полевым аэродромам и тщательно ее замаскировать, а также рассредоточить и замаскировать войска». Проведение мобилизации директивой не предусматривалось.

Первый заместитель наркома обороны Буденный сказал Тимошенко, что война неизбежна, и директива должна носить более определенный характер. Тимошенко ответил, что и он не сомневается в этом, но на такой директиве настоял Сталин. Директиву № 1 закончили передавать в штабы округов в половине первого ночи, за два с половиной часа до германского нападения. До большинства войск директива так и не была доведена к началу войны. Только нарком ВМФ Кузнецов успел привести в боевую готовность все флоты и флотилии. Сухопутные войска и авиация были захвачены врасплох. Много самолетов погибло на расположенных у самой границы аэродромах, так и не успев подняться в воздух. Позднее в ходе следствия генерал Д. Г. Павлов признавал: «Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятия на случай нашего наступления, но никак не обороны». Тогда несчастный Дмитрий Григорьевич не стал уточнять, что дислокацию авиации Западного, равно как и других округов, определяли нарком обороны и начальник Генштаба. На суде Павлов сказал об этом и покаялся лишь в том, что «физически не мог» проверить правильность докладов подчиненных о рассредоточении авиации. Но все равно не избежал расстрела.

Когда около 4 часов утра Жуков позвонил Сталину и доложил, что немецкая авиация бомбит советские города и началась война, только что разбуженный начальником охраны Иосиф Виссарионович потребовал, чтобы они с Тимошенко немедленно приехали в Кремль. Туда к половине пятого прибыли и члены Политбюро. Уже поступили донесения о переходе в наступление германских сухопутных сил. Жукову хорошо запомнилось это заседание: «Сталин был очень бледен и сидел за столом, держа в руках ненабитую табаком трубку. Мы доложили обстановку.

Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?.. — ответил Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города… — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

Сталин приказал Молотову позвонить в германское посольство. В посольстве ответили, что Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Молотов отправился на встречу с послом. Тем временем Ватутин доложил, что на западном и северо-западном направлениях после артиллерийской подготовки германские войска перешли в наступление.

Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Мы тут же просили Сталина дать войскам приказ немедля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику. „Подождем возвращения Молотова“, — ответил он».

Вскоре Молотов вернулся и сообщил, что Германия объявила Советскому Союзу войну. После этого Жуков предложил «немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение. „Не задержать, а уничтожить“, — уточнил Тимошенко».

Сталин одобрил соответствующую, директиву под номером 2, но предупредил, чтобы наземные войска до особого распоряжения

не переходили границу. Авиации приказывалось «разбомбить Кенисберг и Мемель», но цели в Румынии и Финляндии пока не атаковать. Однако всего через несколько часов, вечером 22 июня, появилась директива № 3, требовавшая разгромить врага на его территории. Войска Западного фронта к исходу 24 июня должны были овладеть Сувалками, а 5-я и 6-я армии Юго-Западного фронта получили приказ «окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня захватить Люблин». Начал реализовываться предвоенный план удара на Краков, Катовице.

Георгий Константинович в мемуарах сообщает, что узнал об этой директиве уже в Тарнополе, в штабе Юго-Западного фронта, Туда он был послан представителем Ставки, чтобы помочь командованию фронта в руководстве войсками. Кстати, распоряжение сформировать и к 22 июня сосредоточить фронтовое управление в Тарнополе он отдал еще 19-го числа, совсем не думая о скором германском нападении. Жуков пишет: «На командный пункт прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н.Ф. Ватутиным. Вот что рассказал мне Николай Федорович: «К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках, и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие.

Авиационная разведка также не могла точно доложить — где что происходит. По ее данным, бои шли в районе наших укрепленных рубежей и частично в 15–20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Затем генерал Ватутин сказал, что Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

— Что это за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо, — сказал я, — если Сталин требует под директивой мою подпись — ставьте.

Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М.А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь… Я предложил М.П. Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточении механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий «Юг», прорвавшейся в районе Сокаля».

Георгий Константинович утверждает, что Сталин приказал ему отправиться на Юго-Западный фронт около часа дня 22 июня. Жуков должен был сначала захватить в Киеве Хрущева, назначенного членом Военного совета фронта, а потом вместе с ним отправиться в Тарнополь. В Киеве Хрущев сказал Жукову, что «дальше лететь опасно. Немецкие летчики гоняются за транспортными самолетами. Надо ехать на машинах». Так что в Тарнополь пришлось добираться на автомобилях. Но тут получается явная хронологическая неувязка. Жуков сам признает, что прибыл в Киев в здание ЦК компартии Украины к Никите Сергеевичу только «к исходу дня». Напомню, что это был самый длинный день в году, 22 июня, когда и в 9 часов вечера еще светло. До Тарнополя на автомобилях в условиях темноты наверняка пришлось добираться часов 5–6. Следовательно, в штаб фронта Жуков и Хрущев приехали глубокой ночью, далеко за полночь. И Георгий Константинович никак не мог успеть переговорить с Ватутиным насчет директивы до того, как эта злосчастная директива поступила в штаб Юго-Западного фронта. И Баграмян в своих мемуарах однозначно подтверждает, что

сперва в Тарнополь поступила директива № 3, и только потом туда прибыли Жуков с Хрущевым. Причем, как свидетельствует Иван Христофорович, директиву начали передавать в штаб фронта уже в одиннадцатом часу вечера, так что с Ватутиным Жуков вообще должен был говорить еще до десяти часов. Да и странно получается: чего это вдруг Георгий Константинович засомневался в целесообразности скорейшего проведения контрударов, если еще утром, даже до официального объявления войны просил Сталина отдать приказ о немедленной организации таких контрударов?

Думаю, Жуков в очередной раз захотел выглядеть лучше, чем это было на самом деле. Он придумал, что о разработке директивы № 3 узнал лишь из разговора с Ватутиным, что высказал свои сомнения в ее целесообразности и согласился поставить свою подпись только тогда, когда услышал, что вопрос уже решен Сталиным. Хотя, согласимся, начальник Генштаба, покорно заявляющий: «Если Сталин требует под директивой мою подпись — ставьте», выглядит весьма сомнительно и с моральной точки зрения, и с точки зрения элементарного здравого смысла. Не проще ли тогда передать Иосифу Виссарионовичу факсимиле своей подписи, чтобы он штамповал ее по собственному усмотрению?

Дело наверняка обстояло иначе. Уже днем 22 июня, перед отлетом Жукова в Киев, вопрос о проведении контрударов был уже в принципе решен, хотя директиву и не успели подготовить. Георгий Константинович летел к Кирпоносу, чтобы руководить осуществлением контрудара на главном, юго-западном направлении. Вероятно, в случае успеха и выхода советских войск на оперативный простор он должен был сам возглавить либо Юго-Западный фронт, либо созданное вскоре Юго-Западное стратегическое направление, координирующее действия Юго-Западного и Южного фронтов.

Получается, что Жуков не только не возражал против проведения контрударов, но и был одним из их инициаторов. А ведь к моменту его отлета в Киев уже поступили сведения о больших потерях авиации пограничных округов, что ставило под сомнение ее способность завоевать господство в воздухе над полем боя. Да и не было устойчивой связи с командующими большинства фронтов и армий. При объективной оценке, уже одни эти обстоятельства делали успех будущих контрударов крайне маловероятным и заставляли отказаться от их

проведения. А тут еще не было никаких сведений, где именно и какими силами немцы наносят главный удар. В такой обстановке немедленное начало контрнаступления могло только усугубить положение Красной Армии. Ведь вместо того, чтобы прикрыть наиболее угрожаемое западное направление, где действовала самая мощная группа армий «Центр», основные силы Красной Армии, согласно довоенному плану, бросались в наступление в юго-западном направлении. Тем самым задерживалась столь необходимая переброска войск на помощь Западному фронту, чье положение становилось еще более тяжелым.

Единственно правильным решением, которое следовало оформить если не директивой № 2, то уж директивой № 3, было следующее. Немедленное начало отхода под прикрытием сильных арьегардов на линию Днепра навстречу армиям второго стратегического эшелона. Туда же надо было эвакуировать все, что возможно, из сосредоточенных в западных округах военных запасов. Тогда Красная Армия не понесла бы таких громадных потерь в людях, технике и снаряжении в первые недели войны; быть может, немцы не взяли бы Киев, и продвижение неприятеля удалось бы окончательно остановить где-нибудь у Смоленска, а не на ближних подступах к Москве. Но Сталин, Тимошенко и Жуков хотели наступать, а не обороняться. Наверное, они полагали, что в ходе быстрого наступления у немцев, как и у Красной Армии, разладилось управление, танки оторвались от пехоты, а тылы не поспевали со снабжением передовых частей. Это, надеялись советские военачальники, компенсирует недостаточную готовность механизированных корпусов приграничных округов к нанесению контрударов. Но у вермахта и с взаимодействием родов войск, и со снабжением все было в порядке. Контрудары советских войск только увеличили постигшую их катастрофу.

Контрнаступление Юго-Западного фронта началось 23 июня при значительном перевесе советской стороны в людях и, особенно, в танках. Всех танков в войсках фронта насчитывалось 4201. Одних новейших Т-34 и КВ было 761, что превышало общее число танков в группе армий «Юг» — 750. Против 31 дивизии группы армий «Юг» Юго-Западный фронт мог выставить 58 дивизий. Но господство люфтваффе в воздухе не позволило наступающим достичь сколько-нибудь существенных успехов. Сказался и низкий уровень подготовки советских танкистов. Командир входившего в состав Юго-Западного фронта 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Д.И. Рябышев

впоследствии так описал судьбу своего корпуса в этих первых боях: «В период… с 22 по 26 июня корпус, совершая напряженные „сверхфорсированные“ марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания материальной части и отдыха личного состава, был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега боевой материальной части. В результате этого количественный состав боевых машин был выведен из строя по техническим причинам на 40–50 процентов (это усугублялось тем, что к началу войны старая боевая матчасть израсходовала запас моторесурсов на 50 процентов). Указанные 40–50 процентов материальной части были оставлены на маршрутах движения дивизий. Оставшаяся материальная часть после таких скоростных маршей оказалась для боя не подготовленной в техническом отношении. Отсутствие службы регулирования со стороны фронта и армии на важнейших оперативных магистралях приводило к беспорядочному передвижению войск, созданию „пробок“, огромному количеству аварий и несчастных случаев, а также к бесполезной трате времени на передвижение войск, что вело в результате к несвоевременному выполнению приказов».

Начать контрудар 23 июня, как того требовала Ставка Главного Командования, не удалось. Только 24-го некоторые из механизированных и стрелковых корпусов Юго-Западного фронта пошли в наступление. Однако им удалось лишь замедлить продвижение немцев. Разгромить же неприятельские группировки, вводимые в бой по частям, советские войска не смогли. Тут сказалось и то обстоятельство, что Жуков и Кирпонос неправильно определили направление главного удара противника. Так, 24 июня в 17 часов командующий 5-й армией генерал М.И. Потапов доложил Жукову, что против его армии на фронте Влодава-Устилуг действует до 5 пехотных дивизий, 2 тысячи танков и около 2 тысяч мотоциклистов, вооруженных автоматами. На фронте же от Устилуга до Сокаля он насчитывал всего 1 танковую дивизию противника. Командарм полагал, что главный удар неприятель наносит от Владимира-Волынского на Луцк, а вспомогательный — от Бреста на Ковель с целью окружения 5-й армии. Жуков согласился с подобной оценкой обстановки и основные усилия танковых соединений фронта направил в район Владимир-Волынский-Луцк, тогда как в действительности группа армий «Юг» наносила главный удар в стык 5-й армии Потапова и 6-й армии И.Н. Музыченко, южнее Луцка в направлении Сокаль-Дубно. Другое направление советского контрудара, от Львова на Раву-Русскую, наоборот, оказывалось южнее главной немецкой группировки и тоже било

мимо цели. Только на участке 5-й армии советская разведка ухитрилась насчитать немецких танков втрое больше, чем их было во всей группе «Юг». Также и распределение немецких танков по направлениям было определено неверно. В действительности, более мощная танковая группировка была сосредоточена к югу, а не к северу от Устилуга. В результате первые удары советских танков пришлись почти по пустому месту и не оправдывали тех больших потерь, что понесли механизированные корпуса.

По воспоминаниям Баграмяна видно, что в те дни фактически командовал фронтом не Кирпонос, а Жуков. Во всяком случае, его слово было решающим: «Георгий Константинович… одобрил принятое командованием фронта решение и предложил, не теряя времени, отдать приказ о подготовке контрудара… Выслушав доклад командарма Музыченко… Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус (генерала А.А. Власова. — Б, С.) как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии… Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронтом недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной задачей являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны… Жуков считал ошибкой, что Кирпонос позволил командующему 6-й армией оттянуть 4-й механизированный корпус с правого фланга армии, где враг наносит главный удар, на левый фланг и ввести его в бой на этом второстепенном направлении… Начальник Генштаба потребовал от Потапова загнуть правый фланг армии на брест-литовском направлении, чтобы прочно закрыть подступы к Ковелю. На самом деле эта угроза оказалась мнимой… Узнав, что Кирпонос намеревается подходящие из Глубины 36-й и 37-й стрелковые корпуса расположить в обороне на рубеже Дубно-Кременец-Новый Почаюв-Годогурцы, Жуков решительно воспротивился такому использованию войск второго эшелона фронта: „Коль наносить удар, то всеми, силами!“

Из этих цитат видно, что советы и рекомендации Жукова штабы армий и фронта могли воспринимать только как приказы. Он вмешивался в дела не только фронтового, но и армейского командования, указывая Потапову и Музыченко, как именно они должны перемещать свои войска. Сам Жуков операцию

непосредственно не разрабатывал, зато вносил значительные коррективы в ее осуществление. Кирпонос оказался несвободен в своих действиях, а это только ухудшало дело. Ведь Жуков столь же ошибочно, как и штаб фронта, оценивал расположение и состав основных группировок противника и своими ошибками только усугублял ошибки фронтового и армейского руководства.

Георгий Константинович так оценил итоги контрударов на юго-западном направлении: «…В результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови». Маршал, тем не менее, ушел от ответа на вопрос, не был бы тот же результат достигнут с меньшими потерями в случае, если бы войска Юго-Западного фронта придерживались оборонительного образа действий. Хотя контрудары на других фронтах Георгий Константинович оценивает достаточно критически, признавая вину и Генштаба, и Главного Командования: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы. В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильным могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника. Предпринятые контрудары, за исключением Юго-Западного фронта, в большинстве своем были организованы крайне плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели».

В стремлении представить в лучшем свете дела на том фронте, к которому он сам был причастен, Георгий Константинович неоригинален. Это характерно для подавляющего большинства военачальников всех времен и народов. Да и не только военачальники грешны здесь. Едва ли не каждому человеку свойственно вольно или невольно преувеличивать значение и результаты собственной деятельности. Если же взглянуть на вещи объективно, то приходишь к выводу: на Юго-Западном фронте последствия контрударов не были столь катастрофическими, как на других

фронтах, только потому, что на данном направлении соотношение сил было наиболее благоприятным для Красной Армии. В распоряжении Кирпоноса и Жукова была самая мощная танковая группировка, а противостоявшая им немецкая группа армий «Юг» по числу дивизий и особенно по количеству танков значительно уступала соседней группе армий «Центр». Поэтому полного разгрома и окружения армий Юго-Западного фронта, как это случилось с Западным фронтом Павлова, в первые дни войны не произошло. О каком-то особом искусстве Жукова, по сравнению с другими командующими, в организации контрударов говорить трудно. Тем более что итог танковых сражений, закончившихся уже после отъезда начальника Генштаба с Юго-Западного фронта, был неутешительным для советской стороны. К 30 июня Юго-Западный фронт безвозвратно потерял 2648 танков — почти две трети тех, что он имел к началу войны. А к 9 июля потери возросли до 3464 машин, и танков в строю у советской стороны почти не осталось. Уже к вечеру 26 июня Кирпонос осознал бессмысленность продолжения наступления и обратился в Генштаб с просьбой разрешить вывести из боя механизированные корпуса и организовать отход войск на новые оборонительные позиции. Однако только что вернувшийся в Москву Жуков запретил это делать. В результате бессмысленные контрудары продолжались — Юго-Западный фронт понес большие потери, но львовский выступ так и не удержал. Львов был оставлен 30 июня. Накануне отступления оттуда советских войск жители города подняли восстание. Повстанцы захватили, в частности, городскую тюрьму и освободили оттуда заключенных, которым грозила неминуемая гибель. НКВД предписывал уничтожать политических заключенных в случае, если их нельзя было эвакуировать. На исход сражений на Западной Украине повлияла и антисоветская позиция местного населения, организовавшего вооруженные отряды. Эти отряды нападали на тылы войск Юго-Западного фронта. Призывники же из Западной Украины в большинстве своем либо дезертировали из Красной Армии, либо переходили на сторону немцев. Однако данный фактор все же не мог оказать решающего воздействия на исход приграничного сражения. Главным была значительно более низкая боеспособность советских войск и превосходство германских генералов в сфере организации и управления.

Когда Жуков писал о Главном Командовании, он имел в виду, прежде всего, Сталина. Хотя вплоть до 19 июля 1941 года во главе Ставки Главного Командования (с 10 июля — Ставки

Верховного Командования), созданной на второй день войны, формально стоял нарком обороны Тимошенко, никаких принципиальных решений без санкции Сталина он принимать не мог. Так же и начальник Генштаба Жуков не был свободен в своих решениях. На согласование с вождем уходило время, и приказы Ставки не поспевали за быстро меняющейся обстановкой. Только 19 июля Сталин стал наркомом обороны, а 8 августа — Верховным Главнокомандующим (в тот же день была создана Ставка Верховного Главнокомандования), и структура военного руководства несколько упростилась. В мемуарах Георгий Константинович совершенно справедливо отмечал, что термин «Мозг армии» к советскому Генштабу был неприменим:

«Мозгом» Красной Армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного военного вопроса не принималось без участия Центрального Комитета». По цензурным условиям маршал не мог уточнить, что в бытность его начальником Генштаба и позднее, в период Великой Отечественной войны, «мозгом армии» был не ЦК, а один только Сталин. Бывший член Ставки Н.Г. Кузнецов свидетельствует, что Сталин «имел обыкновение вызывать на заседания Ставки лишь того, кого находил нужным. По сути дела, и в самой Ставке установилось полное единовластие. Стиль руководства… не был по-военному четким. Я видел, как Сталин по простому телетайпу связывался из своего кабинета с фронтами. Он не считал необходимым отдавать приказания, соблюдая порядок подчиненности. Вызывал непосредственного исполнителя, часто не ставя в известность даже его начальника. Понятно, что в исключительных, случаях можно было так поступать, но делать это правилом недопустимо. Недооценка системы и организации в руководстве со стороны Сталина оставалась до конца его дней».

Фактически Жуков, Тимошенко, Буденный, Шапошников, Василевский и другие члены Ставки могли выступать только в роли сталинских советников. По этой причине несправедливо взваливать вину за поражения на одного Жукова, Тимошенко или других военачальников. Но столь же неверно только им приписывать победы, выводя за скобку Сталина.

26 июня Жукову в Тариополь позвонил Сталин: «На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы

немедленно вылететь в Москву?»

Георгий Константинович переговорил с Кирпоносом и Пуркаевым, потребовав собрать все силы для решительного контрудара, и выехал на аэродром. В Кремле Сталин приказал ему и Тимошенко подумать, что можно сделать для спасения положения на западном направлении. Нарком и начальник Генштаба предложили занять пятью армиями второго эшелона рубеж обороны от Западной Двины до Полоцка, Витебска, Орши, Могилева и Мозыря, но одновременно начать оборудовать тыловой рубеж по линии Смоленск— Рославль-Гомель, куда заранее выдвинуть еще две армии второго стратегического эшелона. Утром следующего дня Жуков по аппарату «Бодо» передал приказ начальнику штаба Западного фронта генерал-майору В.Е. Климовских отводить войска к Полоцку, Минску и Бобруйску. При этом Георгий Константинович предлагал «иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, движущейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти… Конницу отвести в Пинские леса (и болота, где кавалерии действовать совсем не сподручно. — Б.С.) и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника».

Поразительно, что, даже ставя задачи на отход, Жуков одновременно предлагает Западному фронту контрударами разгромить механизированные соединения противника, а в случае успеха обрушиться на пехоту. И этот приказ отдается в условиях, когда командованию фронта еще только предстоит «разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку». Либо Жуков формулировал свой приказ, что называется, «для истории», чтобы продемонстрировать потомкам: я давал такие дельные советы, можно было бы изменить обстановку коренным образом, да вот Павлов и Климовских не сумели мои рекомендации выполнить. Либо начальник Генштаба на шестой день войны еще не отдавал себе полного отчета, с каким грозным противником столкнулась Красная Армия, в какое тяжелое положение попал Западный фронт. И верил, что танки и

кавалерия еще могут контрударами если не остановить, то замедлить продвижение неприятеля.

У командования Западным фронтом не получилось ни контрударов по вырвавшимся вперед танковым и механизированным соединениям группы армий «Центр», ни организованного отступления. Основные силы фронта были пленены в двух котлах в районе Белостока и Минска. Сталин с подачи новоназначенного члена Военного Совета Западного фронта Льва Захаровича Мехлиса решил избрать в качестве козлов отпущения за неудачное начало войны генерала армии Павлова и других руководителей Западного фронта. Тимошенко, Буденный и Жуков не возражали, боясь обратить на себя сталинский гнев. Георгий Константинович даже оставил резолюцию на спецсообщении особого отдела Наркомата обороны с предложением об аресте командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора А.А. Коробкова: «Тов. Маленкову — Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя». 4 июля Павлов был арестован, а 22 июля 1941 года Военной Коллегией Верховного Суда вместе с генералами В.Е. Климовских, А.Т. Григорьевым и А.А. Коробковым приговорен к расстрелу и казнен. Столь суровое наказание постигло их за то, что «проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии». В ходе следствия несчастных заставили признаться еще и в измене родине и участии в антисоветском военном заговоре, но на суде они от этих признаний отказались, и соответствующий пункт в приговор включать не стали Можно не сомневаться, что текст приговора был предварительно согласован со Сталиным. Вероятно, Иосиф Виссарионович решил не создавать нового «дела Тухачевского», чтобы не порождать в войсках в военное время дополнительного недоверия к командирам. Достаточно было показать генералам, что их может ждать за служебную нерадивость, чтобы отбить все мысли воспользоваться военными поражениями для государственного переворота.

Строго говоря, никаких доказательств трусости подсудимых перед лицом врага ни на следствии, ни на суде приведено не было. Что же касается других обвинений, то их в 41-м, да и позднее, можно было с полным основанием предъявить доброй половине советских командиров. Но после Павлова и его товарищей вплоть до конца войны Сталин командующих

фронтами и армиями больше не расстреливал, хотя ряд других генералов в 1941–1942 годах для острастки казнил — начальника штаба Северо-Западного фронта П.С. Кленова, командующего ВВС Юго-Западного фронта Е.С. Птухина, начальника Управления военных сообщений Н.И. Трубецкого и ряд других. Вполне возможно, что в качестве жертвы выбрали Павлова в том числе и потому, что, он, в прошлом — пехотный командир, не имел никакого отношения к конармейской группировке в военном руководстве, к которой принадлежали Ворошилов, Буденный, Тимошенко и Жуков.

После краха Западного фронта в дело вступили армии второго стратегического эшелона, в районе Смоленска завязавшие встречное сражение с танковыми группами Гудериана и Гота. Жуков вспоминал: «16 июля 1941 года Смоленск был занят вражескими войсками. 16-я и 20-я армия оказались окруженными в северной части города. Однако они не сложили оружия и сопротивлялись еще почти десять дней, задержав тем самым наступление немцев на московском направлении.

Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали тогда всю тяжесть сталинского гнева. Приходилось напрягать волю, чтобы смолчать и не возмутиться против несправедливых его упреков. Но обстановка требовала от нас пренебречь своим «я» и сдержать себя, с тем чтобы помочь Западному фронту преодолеть тяжелую ситуацию.

Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта».

Георгий Константинович не стал уточнять, что из окружения вышло лишь меньшинство окруженных и что в плен, по немецким данным, попало около 350 тысяч человек. Наступление войск Западного фронта, пытавшихся, не считаясь с жертвами, вернуть

Смоленск, окончилось неудачей. Это еще больше подорвало доверие Сталина к командующему фронтом маршалу Тимошенко. Жуков вспоминает, как в конце июля Сталин вызвал их с Семеном Константиновичем к себе на дачу, где уже собрались почти все члены Политбюро: «Сталин, в старой куртке, стоял посредине комнаты и держал погасшую трубку в руках — верный признак плохого настроения.

— Вот что, — сказал Сталин, — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы решили освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? — спросил Сталин, обращаясь ко мне и к наркому…

— Товарищ Сталин, — сказал я, — частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой больше не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освобождать его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М.И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, Жуков прав.

Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

— Вы правы, товарищ Сталин, — раздались голоса, — Тимошенко может еще выправить положение.

Нас отпустили, приказав Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генеральный штаб,

Тимошенко сказал:

— Ты зря отговаривал Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

— Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт…

Этот случай был не единственным. Сталин не всегда был объективен в оценке деятельности военачальников. Я и сам это испытал. Сталин не выбирал выражений — он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремился сделать все, на что он способен».

Георгий Константинович здесь опять в своей стихии: добрый Жуков поправляет злого Сталина, и тот, по зрелому размышлению, с ним соглашается. Мемуариста не смущает даже, что Тимошенко здесь оказывается в унизительном, по сути, положении и вынужден терпеть снисходительную защиту со стороны своего подчиненного. Разговор, как кажется, Жуков придумал с начала и до конца, но вот сама встреча с членами Политбюро и обсуждение новых назначений в конце июля, похоже, действительно состоялась. Что же касается сетований Георгия Константиновича, что Сталин выражений не выбирал и был несправедлив в оценках многих полководцев, то эти обвинения столь же основательны по отношению к самому маршалу.

Жуков, как он утверждает в мемуарах, пришел к выводу о необходимости радикальных решений для стабилизации положения. 29 июля, когда на юго-западе разворачивалась операция немецких войск по окружению 6-й и 12-й армий в районе Умани (там попало в плен более 100 тысяч человек), а в районе Смоленска группа армий «Центр» заканчивала очистку «котла» (бои завершились 5 августа), Георгий Константинович попросился на прием к Сталину.

«29 июля я позвонил Сталину, — пишет маршал в „Воспоминаниях и размышлениях“, — и просил принять для срочного доклада.

— Приходите, — сказал Верховный.

Захватив с собой карту стратегической обстановки, карту с

группировкой немецких войск, справки о состоянии наших войск и материально-технических запасов фронтов и центра, я прошел в приемную Сталина, где находился А.Н. Поскрёбышев, и попросил его доложить обо мне.

— Садись. Приказано подождать Маленкова и Мехлиса. Минут через десять все были в сборе, и меня пригласили к Сталину.

— Ну, докладывайте, что у вас, — сказал Сталин…

— На московском стратегическом направлении немцы в ближайшее время не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои войска и обеспечить правый и левый фланги группы армий «Центр».

На ленинградском направлении без дополнительных сил немцы не смогут начать операции по захвату Ленинграда и соединению с финскими войсками.

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий «Юг».

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу-Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

— Что вы предлагаете? — насторожился Сталин.

— Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, — спросил Сталин, — предлагаете ослабить направление на Москву?

— Нет, не предлагаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12–15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Мехлис. Я не ответил и продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил Сталин.

Я понимал, что означали два слова «сдать Киев» для всех советских людей и, конечно, для Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я. Наступило тяжелое молчание… Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее:

— На Западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? — возмутился Сталин. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать… — И вдруг на высоких тонах бросил: — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не смог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу

больше пользу Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

— Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем… мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся…

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

— Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вас вызовем. Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством собственного бессилия. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Разумеется, вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда прикажете мне отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь. Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. — Затем, чуть помедлив, Сталин добавил: — Действия резервных армий на ржевско-вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

— Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте с нами чаю, — уже улыбаясь, сказал Сталин. — Мы еще кое о чем поговорим.

Сели за стол и стали пить чай, но разговор так и не получился. На следующий день состоялся приказ Ставки».

Почти шекспировская драма, правда, с немного фарсовым чаепитием в финале! Простодушный читатель подивится жуковской прозорливости. Надо же, еще в конце июля так точно предсказал, что случится под Киевом, Ленинградом и Москвой, как именно там будут действовать германские войска. И ведь все сбылось, как по-писаному!

Перед нами умный Жуков, безуспешно убеждающий не смыслящего в военном деле Сталина в справедливости своих выводов. И замечательные, многократно цитировавшиеся сталинские слова: «Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся!» Какой замечательный подарок для шестидесятников-антисталинистов! Вот, мол, говорят, что Сталин — правоверный наследник Ленина, а посмотрите, с каким пренебрежением он отзывается о творце Октябрьской революции. И Жуков, не стерпев оскорбления, сам подает в отставку. Сталин отставку принимает, но в глубине душе чувствует, что был не прав, и в конце разговаривает с Георгием Константиновичем уже вежливо и доброжелательно. Не Сталин убрал Жукова с поста начальника Генштаба, а Жуков сам ушел, когда решил, что раз Верховный его рекомендаций не слушает, то лучше непосредственно командовать войсками и бить немцев.

Только немногие, боюсь, обратят внимание на одну несуразность в докладе Жукова, Если главного удара немцев Генштаб и его начальник ожидали по Центральному фронту и далее во фланг Юго-Западного, то зачем вдруг понадобилось срочно организовывать контрудар на западном направлении, чтобы ликвидировать ельнинский плацдарм? Не лучше ли было бы потребные для такого контрудара силы и средства использовать для того, чтобы отразить угрозу Киеву?

И еще одна странность. Жуков почему-то предпочитает излагать собственные предложения своими словами, не цитируя никаких документов. Между тем трудно вообразить, что Георгий Константинович столь важные рассуждения о дальнейшем ходе войны не оформил в виде письменного меморандума, ограничившись устным докладом Верховному Главнокомандующему. Да и карты, и справки для доклада ему должны были готовить сотрудники Генштаба. После того как Ватутина на 9-й день войны назначили начальником штаба Северо-Западного фронта, ближайшим к Жукову человеком стал давний друг Василевский.

Те трое, кому будто бы докладывал Георгий Константинович: Сталин, Маленков и Мехлис — мемуаров не оставили. Маленков, правда, когда появились жуковские мемуары, был еще жив, но подтвердить или опровергнуть утверждения маршала не имел никакой возможности. Георгий Максимилианович находился, не без помощи Жукова, в глубокой опале и был прочно отлучен от средств массовой информации. А вот Василевский мемуары оставил. И там смещение Жукова с поста начальника Генерального штаба выглядит немного иначе, чем в «Воспоминаниях и размышлениях»: «В разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону. Ставка образовала Резервный фронт. Его командующим стал Г.К. Жуков… Начальником Генерального штаба в ночь на 30 июля был назначен Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Сталин предпочел использовать командный опыт Жукова непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше чем кто-либо обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование».

И никакого конфликта Сталина с Жуковым из-за Киева, никакого жуковского прошения об отставке. Наоборот, Сталин решил, что лучше всех для руководства Генштабом подходит Шапошников. Значит, в чем-то был недоволен деятельностью Георгия Константиновича на этом посту. Может быть, Сталину не понравилось, что при Жукове Генштаб долго не мог наладить оперативной связи с войсками и поступавшие оттуда донесения часто запаздывали? Назначил же он Жукова командующим Резервным фронтом и поручил организовать наступление на Ельню потому, что опасался за безопасность Москвы и знал победителя японцев на Халхин-Голе как энергичного командира,

умеющего наступать. Положение на Юго-Западном фронте тут было совсем ни при чем.

А вот что вспоминает тогдашний заместитель Василевского в Генштабе С. М. Штеменко: «Началась перестановка кадров… Г.К. Малаидин получил назначение на место В.Е. Климовских — стал начальником штаба Западного фронта. Начальника Генерального штаба Жукова назначили командующим фронтом. В Генштаб вернулся маршал Шапошников… Эти замены и перемещения начальников в первые дни войны были абсолютно необъяснимы». Как видно, и Сергей Матвеевич ничего не знал о причинах смещения Жукова.

Думаю, наиболее правдоподобной будет такая версия. Описанный в «Воспоминаниях и размышлениях» эпизод, когда в конце июля Тимошенко и Жуков предстали перед Сталиным и членами Политбюро, действительно имел место, причем 29-го числа. К тому времени Тимошенко руководил Западным фронтом неполных четыре недели (со 2 июля). Возможно, сначала Сталин хотел заменить Тимошенко Жуковым на посту командующего Западным фронтом, оставив за Семеном Константиновичем лишь руководство Западным стратегическим направлением. Но затем, возможно, учитывая предложение Георгия Константиновича о контрударе против ельнинского плацдарма, решил назначить Жукова командующим новым Резервным фронтом, нацеленным на Ельню. Шапошников же заменил Жукова в Генштабе.

Могла быть и более глубокая причина отставки Жукова с поста начальника Генштаба. Георгий Константинович был человек волевой и решительный, твердо отстаивающий свое мнение. Такой генерал вполне годился в диктаторы. А из-за тяжелых поражений на фронте угроза военного переворота возросла. В первые недели войны все-таки Генштаб, а не штабы фронтов и стратегических направлений, имел более надежную связь с командованием армий и дивизий. Значит, даже чисто технически в тот момент у руководителя Генерального штаба было больше возможностей организовать переворот, чем у любого из командующих фронтов или направлений. Тем более что начальник Генштаба был фактически единственным заместителем наркома обороны, остававшимся в Москве. Тимошенко командовал Западным направлением и фронтом, там же находился Шапошников и числился пропавшим без вести Кулик. Буденный возглавлял Юго-Западное направление, а Ворошилов — Северо-Западное. Так что в июле 41-го в столице,

кроме Сталина, только Жуков мог отдать приказ командиру любой воинской части. Вот Иосиф Виссарионович и решил на всякий пожарный случай не до конца ему ясного Георгия Константиновича заменить проверенным в деле Тухачевского и не обладавшим сильной волей Борисом Михайловичем. Недаром Тухачевский когда-то с иронией окрестил Шапошникова «кабинетным Бонапартом».

Так был ли доклад Жукова Сталину об опасности, грозящей Киеву и главным силам Юго-Западного фронта? Был, но только не 29 июля, а на три недели позднее. Его, со ссылкой на архив Министерства обороны цитирует в своих мемуарах сам Георгий Константинович: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигова-Конотопа-Прилук, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов-Чернигов-Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел. В состав ударной группировки необходимо включить 10–11 стрелковых дивизий, 3–4 кавалерийские дивизии, не менее тысячи танков и 400–500 самолетов. Эти силы можно выделить за счет Дальнего Востока, сил Московской зоны обороны и ПВО и внутренних округов».

Тот же доклад цитирует в своих мемуарах и Василевский, но некоторые места у него звучат по-иному. У Александра Михайловича Жуков дает высокую оценку немецкому командованию и более определенно говорит о необходимости создания контрударной группировки: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности… Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои

соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов-Чернигов-Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реку Десна…».

Что любопытно, оба маршала ссылаются на одно и то же архивное дело. Поэтому я не знаю, кто из них искажает текст. Возможно, Василевский привел те фразы из документа, которые опустил Жуков, хотя в тексте Георгия Константиновича нет обозначающих купюры отточий. Однако в любом случае легко убедиться, что Жуков Киев сдавать не предлагал. Намерения германского командования Георгий Константинович определил в целом верно, но во второй половине августа 41-го это была не такая уж сложная задача. К тому времени «котлы» в районах Смоленска и Умани были ликвидированы, и ясно обозначилось наступление вермахта как на юге Украины, так и в направлении Унечи, Гомеля против Центрального фронта. Начинали вырисовываться две стороны клещей, которые могли замкнуться к востоку от Днепра и отрезать главные силы Юго-Западного фронта. Эту опасность видел не только Жуков, но и Сталин с Шапошниковым. Для противодействия наступавшей против Центрального фронта танковой группе Гудериана срочно создали Брянский фронт под командованием А.И. Ерёменко. Была надежда, что ему удастся если не разбить Гудериана, то хотя бы предотвратить выход немцев на тылы Юго-Западного фронта. И Жуков тогда отнюдь не был убежден в катастрофичности положения.

Жуковский доклад зафиксировал свершенный германским командованием в начале августа «поворот на юг», вокруг которого и сегодня кипят споры. 4 августа Гитлер собрал в белорусском городе Борисове совещание командования группы армий «Центр». Участвовавший в совещании Гудериан вспоминал:

«Каждому участнику совещания предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чем говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий „Центр“ единодушно высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что его танковая группа может начать наступление не раньше, чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно еще

не был решен. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину, ибо в настоящее время группа армий „Юг“ также добилась определенных успехов. Кроме того, он полагал, что сырьевые и продовольственные ресурсы Украины крайне необходимы для дальнейшего ведения войны и что, наконец, наступление на Украину даст ему возможность выбить из рук русских Крым, который, по мнению Гитлера, является „авианосцем Советского Союза, откуда ведутся налеты на нефтепромыслы Румынии“. К началу зимы он надеялся овладеть Москвой и Харьковом. Окончательное же решение по этому важнейшему для нас вопросу о дальнейшем ходе войны в этот день не было принято».

Гудериан на всякий случай стал готовить свою группу к наступлению на Москву. Но 11 августа его план наступления, предусматривавший нанесения основного удара от Рославля на Вязьму, был отклонен командованием сухопутных сил. Тогда Гудериан предложил «вывести войска из уже ненужной нам ельнинской дуги, где мы все время несли большие потери. Однако командование группы армий и ОКХ (верховного командования сухопутных сил. — Б. С.) отклонили и это предложение, которое исходило из необходимости сбережения человеческих жизней под нелепым предлогом, что „противнику на этом участке фронта еще труднее, чем нам“.

21 августа Гитлер отверг предложение ОКХ о наступлении на Москву и дал директиву о подготовке ударов против Ленинграда и Украины. Туда направлялись танки из группы армий «Центр». Гудериан тремя днями позже безуспешно пытался убедить фюрера наступать на Москву. Гитлер настаивал на первоочередном овладении сырьевыми и продовольственными ресурсами Украины.

Гудериан и многие другие германские генералы до конца своих дней были убеждены, что из-за поворота на юг был упущен вполне реальный шанс — захватить Москву еще до зимы 41-го года, нанести решающее поражение Красной Армии и победоносно закончить войну. Думаю, что здесь налицо глубокое заблуждение. Конечно, если бы группа армий «Центр» двинулась на Москву уже в 20-х числах августа, она точно так же, как это случилось в октябре, смогла бы окружить и уничтожить основные силы фронтов западного направления в районе Вязьмы и Брянска. Однако тогда, выбирая между Киевом и Москвой, Сталин наверняка предпочел бы пожертвовать столицей Украины, чтобы

спасти столицу СССР и сердце России. Он перебросил бы под Москву войска с Юго-Западного фронта, что можно было сделать гораздо быстрее, чем везти дивизии с Дальнего Востока. В итоге немцам все равно не удалось бы захватить столицу, а войска Юго-Западного фронта в большей мере сохранили бы боеспособность, чем после киевской катастрофы.

На самом деле, варианта выигрыша как войны с Советским. Союзом, так и Второй мировой войны в целом для Германии в 41-м году не существовало в принципе. Строго говоря, Гитлер фактически уже проиграл, если не 1 сентября 1939 года, то двумя днями позже, когда Англия и Франция объявили войну Германии. Именно это событие предопределило как состав враждующих коалиций, так и ход и исход боевых действий. В поддержку Англии рано или поздно должны были выступить США, а если бы Гитлер не напал на Сталина в июне 41-го, то Сталин все равно напал бы на Гитлера в июле того же года. Поэтому само по себе решение атаковать Советский Союз еще до завершения войны с Англией нельзя считать ошибкой. Фюрер в любом случае получил бы в 1941 году Восточный фронт.

Однако для Англии и Америки меньшим злом была победа более слабого в военно-экономическом отношении Сталина, потенциально представлявшего для них менее серьезную угрозу, чем Гитлер. И англо-американская помощь стала одним из решающих факторов советской победы. Западные союзники не только отвлекли на себя до 70 процентов германской авиации, почти весь военно-морской флот, а в последний год войны, когда советские людские ресурсы были уже сильно истощены — до 40 процентов сухопутных сил вермахта. Ничуть не меньшее значение имели поставки по ленд-лизу. После войны, в 1963 году, уже находясь в опале, их высоко оценивал и сам Жуков в приватном разговоре, ставшем достоянием «слухачей» из КГБ:

«Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну… Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так,

что у нас все это было свое в изобилии». О том же говорил маршал в беседе с Симоновым: «Мы… к началу войны так и не имели необходимого нам количества высокооктанового бензина для поступающих на наше вооружение современных самолетов, таких, как МИГи. Словом, нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией.

Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев… Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не смогли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских «студебеккеров» нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтовой транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок».

Без американской и английской помощи Советский Союз был не в состоянии обеспечить себя авиационным бензином, алюминием, легирующими добавками, необходимыми для производства броневой стали, сложным промышленным оборудованием, средствами связи и многим другим, остро необходимым во время войны. Без ленд-лиза нельзя было выпустить необходимое количество танков и самолетов больше, нельзя было вести затяжную войну. А в такой войне поражение Гитлера было предопределено.

Чисто гипотетически можно представить себе, что какие-то шансы на победу у Германии были в сентябре 39-го в случае, если бы была избрана иная стратегия действий. Вермахту надо было нанести первый удар не по Польше, а по Франции. Французская армия не была готова к войне, еще не успела отмобилизоваться, а британский экспедиционный корпус даже не высадился на континенте. Вероятно, французы бы тогда сражались еще хуже, чем в мае 40-го, и в октябре 1939 года Париж бы капитулировал. А в мае следующего года Гитлер смог бы обрушиться на Россию, увязшую в войне с Финляндией. Даже если бы Польша к тому времени уцелела и вступила в союз с СССР, это вряд ли могло повлиять на ход событий. Вермахт сумел бы быстро разгромить Красную Армию в условиях, когда в Англии была высока вероятность торжества сторонников-продолжения мюнхенской

политики «умиротворения», а Америка еще не начала разворачивать свои вооруженные силы и военную промышленность. Не исключено, что на какое-то время эффективное сопротивление Советского Союза прекратилось бы. Однако у Германии вряд ли хватило бы сил для оккупации Поволжья и Урала, не говоря уж о Сибири. Рано или поздно при поддержке Америки борьба должна была возобновиться и привела к поражению Рейха, хотя бы даже с использованием ядерного оружия. Только война тянулась бы еще дольше и привела бы к дополнительным жертвам и разрушениям.

Но в сентябре 39-го Гитлер еще не оставил полностью надежды, что Англия и Франция останутся нейтральными, а потому не спешил с наступлением на Западе. Да и боеспособность французской армии фюрер и его генералы представляли немного более высокой, чем она была на самом деле, а потому не рискнули ударить по ней прежде, чем будет сокрушена Польша.

Весь август Жуков бросал войска Резервного фронта в наступление на Ельню. Однако немцам удалось отбить атаки. В конце августа наносившая основной удар 24-я армия была усилена и перешла в новое наступление. Оно началось 30-го числа. Ценой больших потерь к 7 сентября войска Резервного фронта вытеснили противника с ельнинского выступа (сама Ельня была освобождена 6 сентября). В приказе по случаю завершения операции, датированном 7 сентября 1941 года, Жуков писал:

«Главное командование немецкой армии придавало очень большое значение району Ельня, как очень выгодной позиции для дальнейшего наступления. Фашистское командование стремилось любой ценой удержать в своих руках район Ельня, не жалея для этого жизни тысяч своих солдат и офицеров. В районе Ельня нашей пехотой, артиллерией, танками и авиацией разгромлены 137, 78, 298, 15 и 17 пехотные дивизии. Некоторые из этих дивизий полностью истреблены и нашли себе могилу на поле сражения. За время боев в районе Ельня нашими войсками разгромлено в общем около восьми отборных дивизий, в том числе одна дивизия СС, противник потерял не менее 75–80 тысяч человек убитыми и ранеными».

В этом приказе, как и в большинстве советских приказов тех лет, характеристики, данные немецким войскам, с гораздо большими основаниями следует отнести к Красной Армии.

Именно войска Жукова штурмовали ельнинский выступ, «не жалея тысяч жизней своих солдат и офицеров». Вот немецкие генералы на практике заботились о сбережении солдатских жизней, памятуя о скудости людских ресурсов Германии. Жуков, равно как и другие советские офицеры, генералы и маршалы, вплоть до генералиссимуса, заботу о солдатских жизнях проявляли лишь на уровне деклараций.

Вероятнее всего, указанные Жуковым потери немцев в 75–80 тысяч человек в действительности приблизительно соответствуют потерям войск Резервного фронта. Реальные же немецкие потери были значительно меньше. Ни одна из перечисленных в жуковском приказе дивизий вермахта на самом деле не была разгромлена ни в 41-м, ни в 42-м годах. Согласно текущим донесениям о потерях, отраженным в дневнике Гальдера, германские сухопутные войска на Восточном фронте в период с 13 августа по 10 сентября 1941 года, когда разворачивались бои под Ельней, потеряли меньше, чем Жуков числил неприятельских потерь под одной только Ельней — всего 69 587 солдат и офицеров, в том числе убитыми и пропавшими без вести лишь 17397 человек. А ведь в ту пору ожесточенные бои шли не только на ельнинском выступе, но и под Ленинградом и Киевом, под Гомелем и на ярцевском направлении. 8 немецких дивизий составляли 1/19 от общего числа дивизий вермахта на Восточном фронте. Даже если предположить, что они несли потери, скажем, вдвое большие, чем среднестатистическая дивизия в тот период, то на ельнинскую группировку придется только около одной десятой всех потерь германской Восточной армии, — примерно 7 тысяч человек, в том числе, 1 740 — убитых и пропавших без вести. Жуков завысил потери противника не менее чем в 10 раз. В действительности немцы под Ельней потеряли менее половины от штатной численности одной дивизии. Да и не могли войска Резервного фронта нанести противнику большие потери. Ведь артиллерия жуковских армий чаще попадала в белый свет как в копеечку. 5 сентября 1941 года Гальдер с удовлетворением отметил: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Сколько точно потеряли войска Жукова под Ельней, нам вряд ли когда-нибудь удастся установить даже приблизительно. А вот оценить общие безвозвратные потери Красной Армии за Великую

Отечественную войну в целом можно, хотя и с большим трудом и не слишком точно. Георгий Константинович Жуков в эти потери внес большую лепту. Он командовал фронтами или координировал их действия в крупнейших стратегических операциях. Его войска, как правило, получали наиболее ответственные задачи, они превосходили по численности другие фронты, получали больше пополнений и, очевидно, должны были нести наибольшие потери. Поэтому, прежде чем продолжить рассказ о биографии Жукова, я хочу сделать экскурс в вопрос о советских военных потерях.

Определить, сколько Красная Армия потеряла в войну убитыми на поле боя, а также умершими от ран, болезней, несчастных случаев, в плену и по другим причинам, чрезвычайно сложно. Учет и контроль, которые Ленин считал самыми важными вещами для торжества социализма, так и не удалось должным образом наладить вплоть до бесславного конца Советской власти. Учет же безвозвратных потерь (погибшими и пленными) — задача исключительно трудная сама по себе для любой армии мира. Во Второй мировой войне счет убитых шел на сотни тысяч и миллионы, ежедневно гибли тысячи и тысячи солдат и офицеров. Командиры, не успев сообщить по инстанциям обо всех погибших и пропавших без вести, часто сами оказывались убиты или ранены. Не все донесения о потерях доходили до высших штабов, не все учитывались в итоговых сводках. Чем более высоким был уровень потерь, тем хуже их считали. Особенно неблагоприятным положение с учетом безвозвратных потерь было в Красной Армии. Она потеряла больше солдат и офицеров, чем любая другая армия во Второй мировой войне. Кроме того, в сталинской системе человек был винтиком, жизнь которого не стоила практически ничего. На декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 году заместитель наркома обороны маршал Кулик пренебрежительно заметил: «Я слушал выступления политработников и несколько их не понял. В своих выступлениях они останавливались на отдельных случаях недисциплинированности или перегибов в применении дисциплинарных прав. Такой-то — выпил, а такой-то — ударил ломом по голове, такой-то — пристрелил. Из их выступлений можно было понять, что если бы не было нового Дисциплинарного устава с его статьей, разрешающей командиру применять силу и оружие, то не было бы никаких перегибов… Нам дан новый устав, новые установки, и мы должны не агитировать друг друга, а конкретнее перестраивать нашу работу так, как требует ЦК партии, как требует Народный комиссар. Есть

пословица: там, где лес рубят, там щепки летят. Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то кого-то пристрелили, не стоит». Григорий Иванович не знал, что очень скоро сам превратится в одну из щепок. В 42-м году его разжаловали из маршалов в генерал-майоры, а в 50-м году расстреляли по стандартному обвинению в военном заговоре.

В начале войны рядовые красноармейцы не имели ни удостоверений личности, ни именных медальонов. Это, кстати сказать, облегчало работу неприятельским лазутчикам. Им достаточно было раздобыть красноармейскую форму и знать номер хотя бы одной из расположенных на данном участке частей, чтобы спокойно вести разведку в прифронтовой полосе. Но не лучше обстояло дело с учетом личного состава и в последние мирные месяцы накануне войны. В декабре 1940 года на совещании высшего комсостава член Военного Совета Киевского особого военного округа корпусной комиссар Н.Н. Ватутин рассказал трагикомическую историю, как «один красноармеец в течение четырех месяцев скрывался в окрестных селах, за это время научился говорить по-польски, систематически ходил в церковь. Его арестовали, и только тогда выяснилось, что его нет в части. А с другой стороны, в этом же полку красноармейца Степанова объявили дезертиром, хотя он никогда из расположения части не уходил». 15 марта 1941 года, в преддверии готовившегося нападения на Германию, приказом наркома обороны было введено в действие Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время. Оно предписывало к 1 мая 41-го «снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени, а штабы военных округов — бланками извещений и форм именных списков». После каждого боя командир подразделения или части обязан был проверить личный состав и немедленно донести вышестоящему начальнику о безвозвратных потерях. В штабах полков персональный учет потерь должен был производится «по именным спискам персональных потерь в подразделениях, входящих в состав полка… и на основании поверки личного состава некоторых подразделений на выборку». Далее списки направлялись по команде вплоть до Управления по укомплектованию войск, которое должно было «вести персональный учет потерь Красной Армии за отдельные части и соединения (дивизия, бригада, корпус, армия, фронт) и справочную картотеку потерь личного состава Красной Армии во время боевых действий».

На бумаге все выходило гладко. В жизни же стройной и бесперебойно действующей системы учета безвозвратных потерь создать так и не удалось. Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 года, однако еще в начале 42-го далеко не все красноармейцы их получили. Не только к 1 мая 1941 года, но даже и в 42-году многие бойцы и командиры не были снабжены медальонами со сведениями о военнослужащих. Например, соответствующий приказ до войск Южного фронта был доведен только в декабре 41-го. А 17 ноября 1942 года новым приказом наркома обороны эти медальоны были вообще отменены. Приказ был издан потому, что на многих бойцов и командиров сам вид медальонов действовал угнетающе, заставлял думать о близкой смерти. Многие красноармейцы даже отказывались их брать. В результате учет безвозвратных потерь еще больше запутался. Командирам подразделений разрешили предоставлять донесения о потерях с указанием только общего числа, а не имен убитых, раненых и пропавших без вести. Стало гораздо проще занижать цифры потерь, особенно безвозвратных, в чем командиры были кровно заинтересованы. Ведь чем меньше потери, тем лучше подразделение воюет. Главное же, чем меньше были потери в донесениях, тем больше людей на бумаге оставалось в строю, а на мертвые души можно было исправно получать продовольственные пайки и распределять их среди оставшихся в живых.

Ответственный секретарь «Нового мира» во времена Твардовского Игорь Александрович Сац в годы войны командовал ротой разведчиков. Кстати его, знавшего польский язык, взяли в Войско Польское, где Сац считался как бы поляком. После войны он рассказывал критику Владимиру Лакшину, как именно составлялись донесения о численности личного состава роты:

«Можно поехать в Подольский архив и там найти три моих донесения, помеченных одним и тем же числом. В одном я пишу, что в моей разведроте 38 активных штыков, в другом — 65, а в третьем — 93. Как так? А просто в первом случае меня запрашивали, не могу ли я передать в другую роту часть своего личного состава. Не могу, у меня всего 38 бойцов. Во втором требовалась справка на обмундирование и боевое снаряжение — тут точно — 65, ни больше, ни меньше. В третьем же случае выдавалось пищевое довольствие — его бы хорошо получить на 93-х — разведчика надо кормить. А военный историк пусть выбирает цифру, какая ему нравится». Причем манипуляции происходили именно с безвозвратными потерями, поскольку раненых учитывали еще и санитарные учреждения, и здесь

простора для командирских фантазий было поменьше».

В руководстве наркомата обороны нисколько не заблуждались насчет полноты учета безвозвратных потерь. В приказе от 12 апреля 1942 года заместитель наркома обороны Е.А. Щаденко, ведавший кадрами, отмечал: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно… Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины». К концу войны положение не улучшилось. За два месяца до победы в приказе наркома обороны от 7 марта 1945 года указывалось, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь. На практике ни Жуков, ни другие советские военачальники не знали, сколько в действительности в данный момент личного состава в подчиненных им войсках и какие они понесли потери.

Лишь в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» Министерство Обороны России наконец опубликовало официальные данные о безвозвратных потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Они оказались равны 8 668 400 человекам убитых и умерших от ран, болезней, несчастных случаев, в плену, покончивших с собой или расстрелянных по приговорам трибуналов. Однако даже невооруженным глазом видно, что эта цифра очень далека от действительности. В тех немногих случаях, когда данные о потерях в отдельных операциях, приведенные в книге «Гриф секретности снят», поддаются проверке, выявляется их полная несостоятельность. Так, 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы войска Центрального фронта, которыми командовал Рокоссовский, насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человека. К моменту перехода Красной Армии в наступление на Орел 12 июля состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда насчитывала 1 300 человек,

стрелковая — от 1 500 до 3 000 человек. С учетом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать не менее чем 700 тысячами человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были примерно на 55 тысяч больше, чем утверждает официальная статистика. Не могло же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неведомо куда, да еще в условиях ожесточенных боев! Если весь недоучет отнести за счет безвозвратных потерь (раненых все же считали точнее), то число убитых и пропавших без вести оказывается заниженным в 4,5 раза. Если предположить, что две трети незарегистрированных потерь — безвозвратные, а одна треть — санитарные, тогда истинные безвозвратные потери окажутся больше официально объявленных в 3,4 раза.

Еще более анекдотичный случай произошел, если верить книге «Гриф секретности снят», с 1-й армией Войска Польского в начале 1945 года. В Висло-Одерской операции, завершившейся 3 февраля, она потеряла убитыми, пропавшими без вести, ранеными и больными 1 066 человек. К началу операции в армии насчитывалось около 91 тысячи человек, следовательно, согласно всем законам арифметики, в ней должно было остаться около 90 тысяч человек. Следующая операция, Восточно-Померанская, началась 10 февраля. Состав 1-й польской армии к тому времени не изменился, а вот численность личного состава чудесным образом уменьшилась аж до 75 600 человек. Пусть историки поломают голову, куда делось 14,5 тысяч человек!

Ясно, что официальными данными для определения подлинного размера безвозвратных потерь Красной Армии в Великой Отечественной войне пользоваться никак нельзя. Я попробовал пойти другим путем. И вот что получилось. В 1993 году Д.А. Волкогонов опубликовал сведения о безвозвратных потерях советских вооруженных сил в 1942 году с разбивкой по месяцам. Всего они составили 5 888 тысяч человек (по сравнению с 3 258 тысячами в книге «Гриф секретности снят»). Известно, что между числом убитых и раненых существует зависимость, близкая к прямо пропорциональной. Сколько именно было раненых в Красной Армии во время войны, точно не известно до сих пор. Однако в книге Е.И. Смирнова «Война и военная медицина» приведен график помесячных потерь ранеными с июля 41-го по апрель 45-го (в процентах к среднемесячной величине).

Отмечу, что даже данные Волкогонова существенно занижают величину безвозвратных потерь. Так, в мае безвозвратные потери составили всего 422 тысячи человек и даже уменьшились по сравнению с апрелем на 13 тысяч. Однако как раз в мае немцы взяли около 150 тысяч пленных на Керченском полуострове и около 240 тысяч — в районе Харькова. Значит, необходимо выбрать такой месяц, когда убитые были учтены наиболее полно и не было больших потерь пленными. По ряду соображений я остановился на ноябре, когда безвозвратные потери достигли 413 тысяч человек, а число раненых составило 83 процента от среднемесячного уровня за войну в целом. Если распространить эту пропорцию на весь военный период, то общее число погибших можно очень грубо оценить в 23,3 миллиона человек. Из этого числа надо вычесть 940 тысяч окруженцев, числившихся пропавшими без вести, но после освобождения оккупированных территорий вновь призванных в армию. Останется около 22,4 миллиона погибших в бою, умерших от ран, болезней и иных причин. К этому числу надо еще прибавить умерших в плену.

По послевоенным немецким данным, предоставленным западным союзникам в 1945 году, всего вермахт на Восточном фронте захватил в плен 5 754 тысячи военнопленных. Однако в этом документе число пленных 41-го года определено всего в 3 355 тысяч человек. Между тем, в других немецких документах отмечается, что тогда было взято в плен 3,8–3,9 миллионов человек. Я склонен согласиться с этой последней, более высокой цифрой. Общее число советских пленных можно оценить в 6,3 миллиона человек. Из них около 1,8 миллиона было освобождено Красной Армией или, сражаясь уже в рядах вермахта, вновь попало в плен, уже в советский. 250 тысяч, а может быть, и больше, предпочло остаться на Западе после окончания войны. Какое-то число смогло бежать из лагерей военнопленных еще до окончания войны. Всего, по моей оценке, в плену погибло около 4 миллионов бойцов и командиров Красной Армии, главным образом, в суровую зиму 41-го, когда их почти не кормили и держали в лагерях едва ли не в открытом поле. Хоть как-то заботиться о выживании пленных немцы начали только после окончательного провала блицкрига.

Таким образом, общие безвозвратные потери Красной Армии в Великой Отечественной войне я оцениваю в 26,4 миллиона человек. Оценка эта, конечно, весьма грубая, с точностью, не превышающей плюс-минус 5 миллионов. Боюсь, однако, что более

точной цифры мы уже никогда не получим. Свыше полувека прошло с момента окончания войны. При том несовершенном персональном учете, который был в Красной Армии в военные годы, надеяться сегодня поименно установить всех погибших — абсолютная утопия. И даже определить их общее число с большей точностью, например, плюс-минус 1 миллион, вряд ли когда-нибудь удастся.

Кроме того, примерно 17 миллионов мирных советских граждан погибли в годы войны в ходе боевых действий, были казнены оккупантами или скончались от голода и лишений. Общие безвозвратные потери населения СССР в период Великой Отечественной войны я оцениваю в 43,3 миллиона человек.

Можно ли попытаться как-нибудь проверить число 26,4 миллиона погибших красноармейцев? В принципе, можно. В первой половине 90-х годов поисковыми отрядами в России было обнаружено примерно 5 тысяч трупов советских воинов, которых удалось идентифицировать. Наиболее полный банк данных о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне, есть в музее на Поклонной горе. Здесь почти 19 миллионов имен. Однако из упомянутых 5 тысяч погибших, чьи имена поисковикам удалось установить, примерно 30 процентов в банке данных отсутствовали. Если предположить, что 19 миллионов попавших туда военнослужащих — это примерно 70 процентов всех погибших и пропавших без вести, то их общее число можно оценить в 27,1 миллиона человек. Если вычесть отсюда окруженцев и оставшихся в живых пленных, то общее число погибших составит около 24 миллионов. Однако данная оценка может несколько занижать величину потерь, поскольку основана на данных о тех 5 тысячах погибших, у которых сохранились документы, позволяющие установить личность. У этих людей вероятность попасть в банк данных была существенно выше, чем у среднестатистического погибшего. Поэтому окончательная оценка по этому методу может оказаться еще ближе к 26,4 миллиона.

Замечу также, что число в 26,4 миллиона погибших примерно втрое превышает официальную цифру потерь, основанную на данных персонального учета. Тем самым как будто подтверждается мнения такого компетентного Свидетеля, как Щаденко, о том, что на персональном учете состояло не более трети всех безвозвратных потерь.

И еще. Потери среди офицеров в Красной Армии считали гораздо точнее, чем среди рядовых. После войны группа сотрудников Главного управления кадров Министерства Обороны в течение более чем 7 лет считала безвозвратные потери офицерского состава. К концу 1960 года они были определены в 1 028 тысяч человек, в том числе в сухопутных войсках — в 973 тысячи человек. Если сравнить эту последнюю цифру с общими безвозвратными потерями сухопутных сил по книге «Гриф секретности снят», то получится, что на одного погибшего офицера в наземных войсках приходилось немногим больше, чем семь солдат. Получается, что в Красной Армии всеми отделениями командовали офицеры! Тут уж любой фронтовик подтвердит, что это не так. Для сравнения: в безвозвратных потерях германской сухопутной армии во Второй мировой войне на одного убитого офицера приходилось немногим более тридцати четырех рядовых. Если принять мои оценки советских безвозвратных потерь, то для Красной Армии получится примерно такое же соотношение.

А сколько потерял вермахт? У немцев персональный учет был поставлен, в целом, неплохо и по точности превосходил численный, анонимный учет. Оценки, основанные на данных персонального (поименного) учета, дают примерно 4 миллиона погибших военнослужащих (из них около 800 тысяч умерло в плену). Конечно, точность здесь тоже отнюдь не абсолютная. В последние полгода войны учет потерь в вермахте разладился, и для этого периода существуют только очень приблизительные оценки. Но в целом, я думаю, цифра в 4 миллиона недалека от действительности, и ее точность лежит в пределах плюс-минус полмиллиона человек. На Восточном фронте погибло в бою и умерло от ран и болезней около 2,1 миллиона германских солдат, еще примерно полмиллиона скончалось в советском плену. Это приблизительно в 10 раз меньше, чем число погибших в рядах Красной Армии. Даже если принять, что часть своих потерь советские войска понесли в борьбе против союзников Германии, суммарное соотношение снизится до 8:1, но все равно останется разнопорядковым. Общее же соотношение потерь, с учетом раненых и пленных, будет несколько благоприятнее для советской стороны. До конца апреля 1945 года Красная Армия взяла в плен около 2 миллионов немецких военнослужащих. Раненых с советской стороны было, по разным оценкам, в 3 или в 4 раза больше, чем с германской, а по больным соотношение было равным.

На советско-германском фронте столкнулись армии двух разных эпох. В вермахте делали упор на максимально успешное взаимодействие родов войск, высокое качество подготовки солдат и офицеров, максимально эффективное использование вооружения и боевой техники. Руководство Красной Армии стремилось бросить в бой как можно больше людей и техники, лишь во вторую очередь заботясь о взаимодействии и боевой подготовке. Советские войска побеждали за счет огромного численного превосходства в людях и технике, истощали противника непрерывными атаками.

В этих атаках не жалели ни людей, ни технику. На врага бросались тысячи, десятки тысяч танков и самолетов с плохо подготовленными экипажами. Между тем люфтваффе до самого конца сохраняло высокие стандарты в подготовке пилотов, да и танкистов: прежде чем пускать в бой, даже в конце войны основательно гоняли на полигонах.

Из-за чудовищно высоких потерь в Красной Армии почти не оставалось опытных солдат, которые могли бы помочь новобранцам освоиться в боевой обстановке. Да что солдат, командиры взводов и рот очень недолго оставались в строю до того, как быть убитыми или ранеными. Германские сухопутные силы за войну безвозвратно потеряло немногим более 100 тысяч офицеров — почти в 10 раз меньше, чем советские сухопутные войска. Пополнения бросались в бой необученными, а часто и невооруженными. На слишком большую массу призывников порой не хватало даже винтовок. Еременко как-то сказал о Жукове, что тот «не умеет воевать не количеством». Но «не количеством» не умел и не хотел воевать, прежде всего, сам Сталин и подавляющее большинство генералов и маршалов Красной Армии, Другие просто не могли сохраниться в условиях советской системы. Ведь для того чтобы воевать не числом, а умением, нужны были независимо мыслящие личности как среди солдат, так и среди генералов. А такие люди представляли потенциальную угрозу существованию советской тоталитарной системы. Они были обречены либо на гибель, либо на то, чтобы поглубже спрятать свое «я», подчиниться диктуемым сверху правилам игры. Жуков был, безусловно, человеком не робкого десятка, мыслящим самостоятельно (хотя и не критически), способным к нестандартным решениям (вспомним хотя бы атаку танков без поддержки пехоты у Баин-Цагана). Но менталитет у него все-таки был во многом советский. Георгий Константинович искренне верил, что можно сегодня не считаться с жертвами

среди подчиненных, иначе завтра противник сумеет нанести еще большие потери, и верил, что вражеские потери, во всяком случае, не меньше, чем у Красной Армии.

Ельнинская операция, несмотря на то что не удалось окружить и уничтожить немецкие войска, стала первой успешной наступательной операцией Великой Отечественйой войны в масштабе фронта. Однако в оперативно-стратегическом отношении это наступление принесло не пользу, а вред. Пока Жуков штурмовал Ельню, танки Гудериана громили войска Центрального и Юго-Западного фронта. Вероятно, несколько дивизий Резервного фронта смогли бы, по крайней мере, замедлить продвижение 2-й танковой группы и дать больше шансов на спасение армиям Кирпоноса. Для немцев выступ у Ельни в тот момент был второстепенным направлением, и они не стали удерживать его любой ценой. Данное обстоятельство, безусловно, облегчило задачу Жукова, но также умалило значение его победы. Тем более что меньше чем через месяц, когда вермахт начал генеральное наступление на Москву, то спокойно обошелся без ельнинского плацдарма.

После Ельни Сталин стал рассматривать Жукова как пожарного, способного справиться с любым пожаром на фронте. Группа армий «Север» приблизилась к Ленинграду и, захватив станцию Мга, отрезала город от Москвы. Георгий Константинович вспоминал, что днем 9 сентября поступила телефонограмма от Шапошникова с вызовом в Ставку. В действительности, как доказывают документы, в том числе дневник пребывания маршала Жукова на фронтах Великой Отечественной войны, это произошло еще 8 сентября. В этот день немцы захватили Шлиссельбург и замкнули кольцо блокады. Жукова вызывали в Ставку к восьми вечера. Он опоздал на час. Встретились у Сталина на квартире. Сталин сказал: «Езжайте под Ленинград. Город почти в безнадежном состоянии. Немцы, взяв Ленинград и соединившись с финнами, могут ударить в обход с северо-востока на Москву, и тогда обстановка осложнится еще больше. — И добавил: — Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом».

Жуков подобного назначения не ожидал, но заявил, что готов тотчас вылететь в Ленинград. Сталин вручил ему записку для Ворошилова со своей подписью: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». По утверждению Георгия Константиновича, Сталин также сообщил,

что собирается заменить главкома Юго-Западного направления Буденного, и спросил, кого бы Жуков порекомендовал на его место. Жуков будто бы назвал Тимошенко, так обосновав его кандидатуру: «Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо». Сталин тут же согласился и спросил, кого Жуков рекомендует вместо Тимошенко поставить на Западный фронт. Георгий Константинович назвал командующего 19-й армией Конева. Иосиф Виссарионович безропотно согласился и с этим предложением.

К сожалению, нет подтверждения из независимых источников, что такой разговор между Сталиным и Жуковым действительно состоялся. Я склонен думать, что это все-таки в большой мере — плод жуковской фантазии. Невозможно себе представить, чтобы генерал армии в столь снисходительном тоне говорил Верховному Главнокомандующему о маршале, совсем недавно занимавшем пост наркома обороны. Сталин лучше, чем Жуков, знал Семена Константиновича и вполне мог самостоятельно принять решение о назначении его главнокомандующим Юго-Западным направлением. И совсем уж недостоверно выглядит утверждение Жукова, будто именно он предложил кандидатуру Конева. С Иваном Степановичем Георгий Константинович, прежде вместе, служил всего лишь один месяц в Минске. В июле 37-го Жуков стал командиром 3-го конного корпуса и начальником минского гарнизона, а Конев командовал в том гарнизоне 2-й стрелковой дивизией. Но в конце этого месяца Ивана Степановича отозвали в Монголию. И в войну Конев под началом Жукова не состоял. Между ними не то что дружеских отношений не было — знали-то друг друга едва ли не шапочно, хотя, по утверждению Конева, отношения между ними в Минске тогда сложились хорошие. Но вряд ли этого было достаточно, чтобы Жуков вдруг предложил Конева командующим Западным фронтом. Гораздо логичнее заключить, что Ивана Степановича в качестве своего преемника назвал сам Тимошенко. Ведь еще 17 августа он отметил в приказе успешные действия 19-й армии Конева и поставил ее в пример другим войскам фронта: «Товарищи, следуйте примеру 19-й армии. Смелее и решительнее развивайте наступление». Жуков же хотел показать, будто уже тогда был у Сталина первым советником. Да еще чтобы лишний раз уколоть Конева, с которым после 57-го года отношения были очень плохие. Ты меня, дескать, шельмовал на пленуме, а ведь это я в свое время способствовал твоей карьере, первым назвал тебя командующим фронтом.

Буденный был снят с Юго-Западного направления потому, что, видя угрозу окружения, вместе с Кирпоносом настаивал на немедленном отходе из Киева и днепровской дуги на рубеж реки Псёл. Сталин отход запретил. После того как Семен Константинович принял командование, он понял, что предшественник был прав. И принял соломоново решение: послал к Кирпоносу на самолете полковника Баграмяна с устным приказом начать отступление. Ивану Христофоровичу маршал объяснил, что не дает письменной директивы потому, что самолет могут сбить, и тогда секретный документ попадет в руки немцев. Правда, непонятно, какие действия они могли бы в этом случае предпринять. Направление возможного отхода Юго-Западного фронта и так было очевидно. Германские войска все равно делали все возможное, чтобы сконцентрировать на этом направлении максимум сил и средств. На самом деле расчет Тимошенко был точен. Если Кирпонос оставит Киев, а Сталин это не одобрит, то можно будет свалить на самоуправство командующего фронтом. Если же отход пройдет успешно и Верховный согласится с принятым решением, то часть лавров достанется Тимошенко, вовремя отдавшему приказ. К несчастью, Кирпонос, ранее получавший прямо противоположные команды, Баграмяну на слово не поверил, а запросил подтверждение из Ставки. На это ушли сутки. Промедление оказалось роковым. Кирпонос со штабом погиб при выходе из окружения. В плен попало более 660 тысяч красноармейцев и командиров.

Жуков вылетел в Ленинград 9 сентября (в мемуарах он ошибочно указал 10-е число). На следующий день он вступил в командование войсками Ленинградского фронта, а Ворошилов, оставшись главкомом Северо-Западного направления, 11 сентября отбыл в Москву. В этот день последовал формальный приказ о назначении Жукова. Никто не знал тогда: ни Ворошилов, ни Жуков, ни Сталин, что еще 6 сентября Гитлер отдал директиву № 35, объявляющую Ленинград «второстепенным театром военных действий». Командующий группой армий «Север» фельдмаршал риттер Вильгельм фон Лееб должен был ограничиться блокадой города и не позднее 15 сентября передать группе армий «Центр» обе танковые группы и значительную часть авиации для предстоящего генерального наступления на Москву. Штурм Ленинграда потребовал бы больших жертв и значительного времени, которого у Гитлера в преддверии зимы уже не было. Он решил постараться захватить главную стратегическую цель — Москву, рассчитывая овладеть

Ленинградом позднее, когда его защитники будут истощены блокадой. Правда, 12 сентября фюрер издал новую директиву, в развитие предыдущей, где указывалось, что «авиационные и танковые силы не должны перебрасываться до установления полной блокады. Поэтому определенная директивой № 35 дата переброски может быть отложена на несколько дней». Фактически переброска была отодвинута лишь до 17 сентября. Ранее этого срока все равно не было возможности начать переброску на московское направление соединений группы «Центр», задействованных на Украине. Ленинградскому фронту оставалось продержаться всего несколько дней, после чего натиск неприятеля, захватившего пригороды северной столицы, неизбежно должен был ослабеть.

Жуков, повторяю, не мог знать об этих директивах Гитлера и полагал, что главной целью группы армий «Север» по-прежнему остается захват города. Он сосредоточил основные силы для отражения немецкого наступления в районе Пулковских высот. 17 сентября, в день, когда немцы вывели из сражения за Ленинград основные силы 3-й и 4-й танковых групп и 8-й авиационный корпус, появился грозный жуковский приказ: «Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу». По свидетельству маршала А.Е. Голованова, Жуков сам проводил в жизнь этот приказ — заставлял пулеметчиков стрелять по отходящим батальонам.

Лееб продолжал наступление на ближних подступах к Ленинграду теперь уже только с целью отвлечь побольше сил Ленинградского фронта с любаньского направления, где им навстречу с целью прорыва блокады наступала 54-я армия маршала Кулика. Жуков же полагал, что враг все еще стремится овладеть городом, и концентрировал основные силы на обороне ближних подступов, а не на прорыве. Даже когда после 16 сентября под Ленинградом перестали действовать танковые соединения и резко упала активность люфтваффе, Георгий Константинович продолжал контратаковать в районе Пулково, а не у Невской Дубровки, навстречу 54-й армии.

С Куликом у Жукова 15 сентября состоялся разговор по «Бодо». Командующий Ленинградским фронтом советовал «не

ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мга».

— Понятно, — ответил Кулик. — Я думаю, 16-17-го.

— 16-17-го поздно! — настаивал Жуков. — Противник мобильный, надо его упредить. Я уверен, что, если развернешь наступление, будешь иметь большие трофеи. Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово-Корделево-Черная Речка-Аннолово… Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника (о том, какой был бы толк от конников в ленинградских болотах, Георгий Константинович не задумывался., — Б. С.).

Кулик возражал:

— Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение… Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобою, выполню…

Еще маршал сообщал, что у него идет пополнение частей, что войскам армии пришлось отражать наступление противника в районе Шлиссельбурга и Синявино.

Жуков был раздражен:

— Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление… Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии, и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе.

Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего».

Строго говоря, в этом споре прав был Кулик, а не Жуков. Наступление 54-й армии, начатое без должной подготовки, все равно обрекалось на неудачу. Толку от того, что Жуков торопливо бросал в бой необученных и плохо вооруженных рабочих и моряков, не обеспечив на месте взаимодействия с артиллерией и авиацией, было мало. Полки и батальоны гибли целиком, нанося лишь незначительный урон врагу. Так, например, уже в начале октября полегли всё 498 бойцов отряда кронштадтских моряков во главе с полковником А.Т. Ворожиловым и комиссаром А. В. Петрухиным, высадившиеся в Новом Петергофе с одними только винтовками и гранатами. Кулик-то хотел организовать наступление по всем правилам военного искусства. Но Жуков торопил его, надеясь, что одна 54-я армия сможет прорвать блокаду. В действительности, правильным решением в сложившейся ситуации было бы бросить основные силы Ленинградского фронта навстречу Кулику, а не истощать их в мало результативных контрударах на подступах к городу. Даже если бы немцы смогли в результате выйти к окраинам Ленинграда, для захвата города, для тяжелых уличных боев у них не было сил. А после прорыва блокады можно было рассчитывать не только восстановить положение в ленинградских пригородах, но и оттеснить противника от города. Однако Жуков продолжал верить, что группа армий «Север» пытается захватить Ленинград, хотя не мог не заметить, что у противника под Ленинградом уже нет танков и стало гораздо меньше самолетов. Ему удалось убедить Сталина и Шапошникова в том, что немцы все еще продолжают штурм невской твердыни.

За Георгием Константиновичем закрепилась слава спасителя Ленинграда. Только в начале октября Жуков рискнул начать перебрасывать силы для прорыва блокады. К тому времени ему подчинялась уже и 54-я армия, а Кулик был отозван в Ставку. Однако время для деблокирования Ленинграда было упущено. Немецкое наступление на Москву заставило снять силы с наступавшего с внешней стороны кольца Волховского фронта для защиты столицы.

30 сентября войска группы армий «Центр» атаковали соединения Брянского фронта, а 2 октября ударили по Западному и Резервному фронтам. В первом варианте главы «Воспоминаний и размышлений» о Московской битве, еще не подвергшемся

редакторской правке, Жуков утверждал, что в войсках трех фронтов к началу немецкого наступления насчитывалось «около 800 тысяч бойцов, 770 танков и 9 150 орудий». Противостоявшие же им силы вермахта, по мнению маршала, имели «более 1 миллиона человек, 1 700 танков и штурмовых орудий и 19 450 орудий и минометов». В опубликованном тексте главы в первых прижизненных изданиях мемуаров о соотношении сил и средств сторон говорилось уже по иному: в составе трех фронтов «в конце сентября насчитывалось около 800 тысяч активных бойцов, 782 танка и 6808 орудий и минометов, 545 самолетов… Противник… превосходил все три наших фронта, вместе взятых, по численности войск — в 1, 25 раза, по танкам — в 2,2, по орудиям и минометам — в 2,1 и по самолетам — в 1,7 раза». Из этого следует, что в группе армий «Центр» насчитывалось 1 миллион человек личного состава, 1720 танков и штурмовых орудий, более 14 тысяч орудий и минометов и около 930 самолетов. Однако в последнем издании «Воспоминаний и размышлений», вышедшем в 1995 году, со ссылкой на изданный в 1975 году том «Истории второй мировой войны» (интересно, как с ним мог познакомиться маршал, умерший годом раньше?), цифры приводились уже совсем другие: в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов «в боевых войсках… в конце сентября насчитывалось 1 миллион 250 тысяч человек, 990 танков, 7 600 орудий и минометов, 677 самолетов». Силы же группы армий «Центр» оценивались как превосходящие советские войска в 1,4 раза по людям, в 1,7 раза по танкам, в 1,8 раза по орудиям и минометам и в 2 раза по самолетам. Значит, теперь у немцев вдруг оказалось 1 700 тысяч солдат и офицеров, около 1 680 танков, около 13 700 орудий и минометов и около 1350 боевых самолетов. Где же тут истина? Очевидно, насчет численности советских войск достоверна наибольшая цифра в 1 250 тысяч человек (в 95 дивизиях и нескольких бригадах). Она учитывает как «активных бойцов», так и личный состав тыловых подразделений. Однако оговорка, что она относится только к «боевым частям», заставляет допустить, что часть тыловых служб в это число не входит и что в действительности численность личного состава трех фронтов превышала миллион с четвертью. Что же касается численности группы армий «Центр», то, скорее всего, верна первоначальная жуковская оценка в 1 миллион человек (в 77 дивизиях и 1 бригаде). В дальнейшем, редакторы «Воспоминаний и размышлений» увеличили ее до 1,7 миллиона для того, чтобы убедить читателей, будто немцы имели превосходство не только в технике, но и в людях.

Насчет числа танков, которыми располагали три фронта, даже максимальная цифра выглядит заниженной. В сводке германского командования по итогам Вяземского сражения говорилось о 663 тысячах пленных, 1 242 захваченных советских танках и 5412 орудиях. Даже если предположить, что немцам удалось уничтожить и захватить все советские танки, действовавшие на Западном направлении (что вряд ли верно), то 1 242 танка — это все равно значительно больше, чем 990. Раз одних только орудий группа армий «Центр» захватила более 5 400, то общее их число у Западного, Резервного и Брянского фронтов вполне могло достигать 9 150. Орудий же и минометов вместе советские войска должны были иметь значительно больше 10 тысяч, так что по этому показателю, скорее всего, силы сторон были равны.

А сколько танков было у немецких войск, наступавших на Москву? Начальник генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковник Франц Гальдер в своем дневнике отметил, что 2-я танковая группа Гудериана к моменту начала наступления на Москву была укомплектована танками на 50 процентов. Остальные группы имели укомплектованность танками в 75–80 процентов, причем лучше всего обстояли дела в 4-й танковой группе Гёппнера, где имелись четыре полностью укомплектованные танковые дивизии. С учетом этого общее количество танков в 5 танковых дивизиях 2-й танковой группы Гудериана, в 4 танковых дивизиях 3-й танковой группы Гота и в 4 танковых дивизиях 4-й танковой группы Гёппнера вполне могло составить 1 700 машин (по штату в разных дивизиях было 147 или 209 танков). Можно предположить, что по танкам под Москвой в начале октября немцы все же имели некоторый численный перевес. Тем более что уже после начала наступления под Москву было переброшено 350 танков в двух дивизиях резерва ОКХ. Правда, качественное превосходство оставалось на стороне Красной Армии, располагавшей танками Т-34 и КВ.

Допустим, что три советских фронта располагали только 677 самолетами, а противостоявшие им немецкие войска — 1350 машинами. Последняя цифра представляется завышенной, если учесть, что в начале войны на Восточном фронте люфтваффе имело всего 1830 боевых самолетов. С учетом же истребителей ПВО, защищавших Москву и использовавшихся против авиации группы армий «Центр», силы сторон оказываются равны и в воздухе.

Брянским фронтом командовал Ерёменко, Западным — Конев, Резервным — Буденный. Координацию их действий на месте никто не осуществлял. Кроме того, немецкие дивизии обладали большей мобильностью. На направлении главных ударов германское командование смогло создать достаточное для прорыва превосходство в силах и средствах. Вот как описал немецкое наступление Конев: «Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника и в ходе его Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта (точно так же командование Резервного фронта ничего не знало о задачах Западного. — Б.С.) и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов… Две армии Резервного фронта (24-я и 43-я) располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями… В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я), находившиеся на полосе Западного фронта (на тыловом оборонительном рубеже. — Б.С.), нам не подчинялись (при таком „слоеном пироге“ в управлении войсками катастрофа была неизбежна! — Б. С.)…

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 километров… С утра 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И.В. Болдина… был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар… Он овладел "Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате обозначился прорыв к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на спас-деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения наших 43-й и 33-й армий, 4 октября вышли в район Спас-Деменск-Ельня (немцам понадобилось всего три дня, чтобы вернуть Ельню, которую Жуков штурмовал три недели. — Б. С.). Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала

и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по «бодо» с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий».

В этот же день, 5 октября, когда Ставка согласилась с запоздалым отходом войск Западного фронта, Сталин позвонил Жукову в Ленинград: «У меня к Вам только один вопрос: не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву. Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах». Жуков попросил разрешения вылететь на рассвете 6 октября. Тем временем Конев получил директиву, в ночь с 5-го на 6-е начать отход на линию Осташков-Селижарово-Оленине-Булашево и далее вдоль восточного берега Днепра до Дорогобужа и Ведерников. Той же директивой, как отмечает Конев, «Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона…

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывав свои фланги, начали последовательно

отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения… Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление (ни того, ни другого в наличии не было. — Б. С.). На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне (имеются в виду «Севастопольские рассказы». — Б.С.) он писал, что «необученные войска не способны отступать, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага (значит, Иван Степанович понимал, когда перед войной Тимошенко ставил его 19-й армии задачу загнать немцев в Припятские болота, что на самом деле воевать с первого же дня придется в Польше. — Б. С.). И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта… имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как превосходство в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от Спас-Деменска.

8 этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого, к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска…

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма-Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство».

Ошибкой Конева было то, что он отказался от попытки собрать окруженные войска в один кулак и, создав мощную ударную группировку при поддержке оставшихся на ходу танков и всей находящейся под рукой авиации, с привлечением сил ПВО Москвы, попытаться на узком фронте разорвать еще неплотное кольцо окружения. Вместо этого получились удары растопыренными пальцами. 19-й и 32-й армии было приказано пробиваться в зависимости от обстановки либо на Сычёвку, либо на Гжатск, а 20-й армии, как сообщает Конев, «было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы». Очевидно, над командующим Западным фронтом все еще довлела идея проведения контрударов с целью нанесения хотя бы частичного поражения противнику, чтобы тем самым облегчить отход остальных войск фронта на новые рубежи. На практике «активная борьба» и «маневрирование» оказавшихся в «котле» советских армий привели к тому, что они оказались под ударом основных сил группы «Центр» и были уничтожены. Из окружения не вышел почти никто.

Когда в 1966 году готовился сборник воспоминаний о битве под Москвой, Жуков, ознакомившись со статьей Конева, высказал ряд замечаний. Георгий Константинович справедливо указал на то, что Иван Степанович напрасно не включает в число окруженных 16-ю армию. Ведь вне кольца оказался только ее штаб во главе с Рокоссовским. Жуков не согласился и с мнением Конева, что «во всем виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт». Жуков утверждал, что «соотношение

сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома…». Между тем вина Ставки и Генштаба в поражении, действительно, была немалой. Они не только не организовали координации действий трех фронтов, но и на сутки задержали разрешение на отход войск Западного фронта. А ведь за эти сутки часть соединений, десятки тысяч бойцов и командиров смогли бы, возможно, избежать окружения. Хотя ошибки Конева, Буденного и Еременко тоже сыграли в поражении под Вязьмой и Брянском весьма существенную роль. Жуков в письме в Воениздат от 15 августа 1966 года справедливо критиковал Конева за содержавшиеся в рукописи статьи слова: «Бежать было некуда — сзади Москва»: «Как известно, сражение методом бегства не ведется (этому замечанию нельзя отказать в остроумии. — Б. С.). И тогда, когда назревает тяжелая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление». Конев писал, что «прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта». Жуков резонно возражал: «Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках».

В ранней редакции своих мемуаров Георгий Константинович писал, что первый телефонный разговор со Сталиным из Ленинграда о событиях на западном направлении состоялся 6 октября. В позднейшем варианте «Воспоминаний и размышлений» Жуков указал правильную дату — 5 октября, поскольку в архиве удалось обнаружить запись этих переговоров, где стояло именно это число. Однако и здесь Георгий Константинович продолжал настаивать, что, с разрешения Верховного, отбыл в Москву лишь 7-го, а 6-го вылететь не смог «ввиду некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, которой командовал Г.И. Кулик (в действительности. Кулик был отозван еще 29 сентября, и армией командовал М.С. Хозин. — Б. С.), и высадке десанта моряков Балтфлота на побережье в районе Петергофа».

Маршал утверждает, что сразу после приземления направился к Верховному домой: «Болея гриппом, Сталин работал на квартире. Поздоровавшись кивком головы, Сталин, указывая на карту, сказал:

— Вот, смотрите плоды командования Западным фронтом. В этих словах слышалась горечь переживаний, и я услышал нотку упрека за свою рекомендацию о назначении Конева командующим фронтом.

— Не могу добиться от Военного Совета Западного фронта доклада об истинном положении дел, — сказал мне Сталин. — Если Вы можете, поезжайте сейчас же в штаб Конева, тщательно разберитесь с обстановкой и позвоните мне в любое время ночи. Я буду ждать.

Жуков заехал в Генштаб, взял у Шапошникова карту западного направления, узнал, что штаб Западного фронта находится в данный момент там, где раньше был штаб Резервного фронта, и выехал к Коневу. В штаб Западного фронта Георгий Константинович прибыл поздно вечером. Он вспоминал: «В комнате командующего был полумрак, так как она освещалась стеариновыми свечами, и только вокруг стола, за которым сидели И.С. Конев, В.Д. Соколовский и Н.А. Булганин. Вид у всех был переутомленный, чувствовалось, что сложившаяся обстановка на фронте серьезно повлияла на их общее состояние». Жуков сообщил, что прибыл по поручению Сталина разобраться с обстановкой. Конев обстановки не знал. Жуков спросил, что он намерен делать. Конев будто бы ответил, что ни с одной из окруженных частей связи не имеет, а сил закрыть неприятелю дорогу на Москву — у фронта нет. В половине третьего ночи Жуков позвонил Сталину и сообщил: «Слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать внезапное появление перед Москвой бронетанковых войск противника (Жуков плохо отредактировал первый вариант мемуаров; в данном месте он явно имел в виду, что слабое прикрытие на Можайской линии не может обеспечить Москву от внезапного появления, у ее стен германских танков. — Б. С.). Надо как можно быстрее стягивать на Можайскую линию обороны войска, откуда только можно, для спасения Москвы».

Сталин спросил у Жукова, где находятся 16, 19, 20, 24 и 32-я армии и оперативная группа Болдина.

— В окружении северо-западнее Вязьмы, — отрапортовал маршал.

— Что вы намерены делать? — спросил Сталин.

— Выезжаю сейчас к Буденному, разберусь в обстановке и позвоню Вам.

— А Вы знаете, где штаб Буденного? — поинтересовался Верховный.

— Нет, не знаю, — признался Жуков. — Буду искать где-то в районе Малоярославца.

И Георгий Константинович отправился на поиски штаба Резервного штаба, начав их с полустанка Обнинское, где руководство Резервного фронта размещалось до начала немецкого наступления.

Тут я хочу процитировать «Краткую выписку из дневника пребывания на фронтах Отечественной войны 1941–1945 годов Маршала Советского Союза Г.К. Жукова», сделанную самим Георгием Константиновичем: «7 октября вызван Сталиным в Москву в связи с катастрофическим положением под Москвой, где Западный, Резервный и Брянский фронты были разбиты противником. В тот же день (в 20.00) Сталин приказал выехать в штаб Западного фронта для выяснения обстановки и возможных мероприятий по организации обороны. Утром 8 октября 1941 года из штаба Западного фронта выехал машиной в штаб Резервного фронта в Обнинское. 10 октября вступил в командование Западным фронтом (штаб в Красновидово). В тот же день штаб переехал в Алабино, а затем через 3 суток в Перхушково».

Казалось бы, налицо полная гармония «Воспоминаний и размышлений» с документом. Полная, да не очень. Военный историк С.А. Исаев в 1991 году опубликовал в «Военно-историческом журнале» «Хронику деятельности Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в период Великой Отечественной войны», основанную на документах Центрального Архива Министерства Обороны (ЦАМО) в Подольске, в том числе и на том же самом дневнике пребывания маршала на фронтах. И в этой публикации датой отзыва Георгия Константиновича из Ленинграда и его прибытия в Москву совершенно четко обозначено 6 октября 1941 года. В этот день по указанию Сталина он вернулся в столицу в связи с ухудшением положения на западном направлении. Тогда же, 6 октября, появилась директива за подписью Шапошникова (она отмечена и в жуковском

дневнике), гласившая: «Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки. Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронта и по вопросам управления, обязательны для выполнения».

Помечена эта директива 19.30 6 октября. Никто бы не стал ее отдавать, если бы Жуков еще оставался в Ленинграде. Ведь его могла на неопределенное время задержать там нелетная погода, или, не дай Бог, самолет с Жуковым сбили бы «мессеры» над Ладожским озером. Да и не позволил бы Сталин Жукову сутки с лишним задерживаться в Ленинграде из-за тактического десанта в Петергофе и местных боев на фронте 54-й армии в момент, когда решалась судьба Москвы! Очевидно, Шапошников составил текст прямо во время встречи с Жуковым и вручил ему копию, поскольку не было связи со штабом Резервного фронта.

В качестве представителя Ставки на Западном фронте Георгий Константинович тогда был не нужен. Там еще с 5 октября находился целый коллектив высоких чинов ГКО, Ставки и Генштаба. Вот что вспоминал Василевский, бывший тогда заместителем Шапошникова: «Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К.Е, Ворошилова и В.М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я… 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий». Решения о посылке Молотова и Ворошилова на Западный фронт было принято в ночь на 5-е октября. Очевидно, тогда же Сталин наметил Жукова в качестве представителя Ставки для Резервного фронта, но выбраться из осажденного Ленинграда Георгий Константинович смог лишь утром 6-го (ночной полет был связан со слишком большим риском). Правда, получилась довольно забавная ситуация: член Ставки Жуков назначается представителем Ставки на фронт к другому члену Ставки Буденному. Вероятно, Сталин уже принял решение заменить Семена Михайловича Георгием Константиновичем.

Немаловажную роль могло сыграть и то обстоятельство, что Жуков был родом как раз из тех мест, где вели бои войска Резервного фронта. По этому же принципу Тимошенко был поставлен главнокомандующим Юго-Западного направления, защищавшего Украину, а Буденный несколько позднее — главкомом Северо-Кавказского направления, оборонявшего края, где когда-то создавалась Первая Конная. Сталин верил, что родные места его полководцы будут защищать с особым усердием, а хорошее знание театра военных действий поможет принять правильные решения. В штаб же Западного фронта, местонахождение которого в Москве было известно, Жуков заехал лишь затем, чтобы постараться выяснить, где Буденный и армии Резервного фронта.

В первой редакции «Воспоминаний и размышлений» Жуков так описал свои поиски Буденного: «Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, и спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой.

Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы Вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта Вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана Вам покажет, куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: «Где командующий?», начальник штаба фронта

Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семеном Михайловичем.

— А Вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры еще не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А Вы с какими задачами к нам?

— Приехал к Вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

— Вот, видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там на месте скорее выясню обстановку.

Проезжая Протву, разъезд Обнинское, я невольно вспомнил свое детство и юность. С этого разъезда меня, 12-летнего парнишку, отправляла мать к дальним своим родственникам в Москву — в ученье скорняжному делу. Будучи уже мастером, после 4-х летнего обучения в мальчиках, я часто приезжал из Москвы в деревню к своим родителям, к друзьям детства и знакомым девушкам.

Всю эту местность, где развернулись события, я знал хорошо, так как в юные годы она была вдоль и поперек исхожена мной. В 10 километрах от Обнинского, где сейчас остановился штаб Резервного фронта, моя деревня Стрелковка Угодско-Заводского района, а там еще находится моя мать, моя сестра и ее четверо детей. Невольно возник вопрос: а что будет с ними, если туда придут фашисты? Как поступят они с матерью, сестрой и племянниками командующего фронтом? Конечно, расстреляют

или сожгут живыми. Видимо, надо послать адъютанта вывезти их из деревни в Москву, которую мы будем защищать до последнего вздоха, но врагу не сдадим, нет, не сдадим!

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди еще спали, не то уже бежали дальше, в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа «Виллис».

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофера. Шофер, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семена Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофера, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать. Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С.М. Буденного, видимо, более двух-трех суток не брившегося и осунувшегося.

С Семеном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Буденный.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи… Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб. Я поспешил порадовать Семена Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на 105 километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше. 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновым и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

— В чьих руках Юхнов? — спросил я Семена Михайловича.

— Сейчас не знаю, — ответил Буденный. — Вчера там было до 2 пехотных полков народных ополченцев 33-й армии, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, — сказал Семен Михайлович, — кроме трех милиционеров, в Медыни никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семену Михайловичу, — разберись с обстановкой и доложи в Ставку о положении дел на фронте, а я поеду в район Юхнова. Доложи Сталину о нашей встрече и скажи, что я поехал в Калугу. Надо разобраться, что там происходит.

В городе Медынь, где, по словам Буденного, вчера он видел трех милиционеров, мы никого не обнаружили, за исключением старой женщины, которая что-то искала в доме, разрушенном бомбой. Мы спросили:

— Бабушка, что Вы тут ищете?

Женщина стояла с широко раскрытыми, блуждающими глазами и растрепанными седыми волосами и ничего нам не отвечала.

— Что с Вами, бабушка?

Женщина молча начала копать, ничего не ответив, на мой вопрос.

Откуда-то из-за развалин домов подошла другая полураздетая женщина с мешком, наполовину набитым какими-то вещами.

— Не спрашивайте ее, — сказала подошедшая женщина, — она Вам ничего не ответит — она с ума сошла от горя.

— От какого горя? — спросили мы подошедшую женщину.

— Позавчера на город налетела немецкая авиация, бомбила и стреляла с самолетов. Пострадало много людей. Мы все собирались отсюда уходить на Малоярославец. Эта женщина жила с маленьким внуком и внучкой, пионерами, в этом доме, во время налета авиации она стояла у колодца и набирала воду, на ее глазах бомба попала в дом. И вот все, что вы видите, осталось от него. Обломками дома где-то придавлены ее внучата. Вот и наш дом разрушен. Надо скорее уходить, да вот ничего не найду под обломками из обуви и одежды.

По щекам женщины катились слезы, но сама она была, видимо, твердая духом женщина. Мы спросили, не заходили ли в город наши войска.

— Ночью на Малоярославец проехало несколько машин, а затем несколько повозок с ранеными, и больше никого не было, — ответила нам та же женщина.

Попрощавшись, мы поехали в сторону Юхнова, временами останавливаясь для осмотра впередилежащей местности, чтобы не въехать в логово врага».

По дороге Жуков наткнулся на 17-ю танковую бригаду,

которой командовал его соратник по Халхин-Голу И.И. Троицкий. От него Георгий Константинович узнал, что Юхнов занят немцами. Жуков порекомендовал комбригу связаться с Буденным и двинуть бригаду на защиту Медыни. Дальше, по словам Жукова, события развивались следующим образом:

«В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: „Верховный Главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом“.

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3–4 километрах северо-западнее Можайска.

В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе: Молотова, Ворошилова, Василевского, — разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны… Во время комиссии ГОКО и моего разговора с ней вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и сказал: как только прибудешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить Вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно

иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта. Можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии обороны. Берите скорее все в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву.

Войдя в кабинет, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным. Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес, восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии. Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от Вас такого приказания не было. Было приказано отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев (член Военного Совета 16-й армии):

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Адабино; второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление; третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении. Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву».

Да, в маршале Жукове погиб талантливый писатель. Его рассказ изобилует драматическими моментами, подлинно трагическими нотами, вроде истории несчастной старухи, пытающейся откопать заваленных обломками рухнувшего дома внуков. Жуков-мемуарист поправляет ошибки других. Дает всем советы и указания, которые безоговорочно выполняют и

Буденный, и Конев, и Молотов, и Ворошилов. И даже Сталин прислушивается к мнению Жукова и, вместо того чтобы наказать Конева за неудачи Западного фронта, назначает его заместителем нового командующего фронтом.

В более позднем варианте воспоминаний, сохранившемся в архиве Жукова, Георгий Константинович прямо спасает Ивана Степановича от суровой сталинской расправы: «Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Конева с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин. За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь мое вмешательство спасло Конева от тяжелой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками, и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом».

Симонову же сцену спасения Конева Жуков описал еще живописнее: «Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Ерёменко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится. Тогда

Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Конева? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом».

Главным для Жукова было показать себя спасителем Конева от почти верного расстрела. Тем самым он еще раз укорял Ивана Степановича: я тебя от смерти спас, а ты мне чем отплатил в 57-м?

Чувства, двигавшие Георгием Константиновичем, понять можно. Но в действительности все происходило иначе. Вот что сообщает Конев: «Во время смены командного пункта фронта в ночь на 6 октября мы с членом Военного совета фронта Булганиным прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с командующим Резервным фронтом маршалом Буденным. Командный пункт Резервного фронта размещался в блиндажах в лесу восточнее Гжатска. Однако Буденный находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике под прикрытием танка КВ. Мы прибыли к нему в штаб, с тем чтобы сообщить о сложившейся обстановке и узнать о мерах, которые принимает командование Резервным фронтом в связи с тяжелым положением, сложившимся на участке 43-й армии. По имевшимся у нас данным, полученным из Генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка-Гжатск должна находиться 49-я армия Резервного фронта. Но, как выяснилось в разговоре с Буденным, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на Вяземском оборонительном рубеже, за

сутки до наступления главных сил группы армий «Центр… была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск-Сычевка не оказалось.

Рокоссовский с управлением 16-й армии в это время уже сосредоточился в районе Гжатска. Связавшись со мной, он доложил, что 50-я дивизия двумя полками и артиллерийским полком вышла к Вязьме, остальные силы этой дивизии отрезаны противником. Рокоссовскому было приказано принимать в свое подчинение все части, выходящие с запада к рубежу Гжатска, и те, которые будут подходить с тыла, в частности, прибывшие из резерва Ставки в район Уваровки две танковые бригады, и организовывать оборону на рубеже Сычевка-Гжатск и южнее.

Штаб Западного фронта с разрешения Ставки был переведен в район Красновидово западнее Можайска. На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию…

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным

фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом…

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по «бодо» 15.45. 10.10.41 года».

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении фронтов (он помечен 17.00 10 октября — вопрос был решен за час с четвертью! — Б. С.). Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом».

Теперь наиболее вероятный ход событий выстраивается следующим образом. Поздно вечером 6 октября Жуков приехал в штаб Западного фронта в Касне, но никого там не застал. Конев и Булганин предыдущей ночью встречались с Буденным, а потом занимались передислокацией штаба в Красновидово. Утром 7-го Георгий Константинович выехал на поиски штаба Резервного фронта. Можно предположить, что Буденного он нашел только к вечеру. Во всяком случае, директива Сталина и Шапошникова о назначении Жукова командующим Резервным фронтом и об отзыве Буденного в распоряжение Ставки была отправлена в 3 часа ночи 8 октября. Очевидно, к этому времени Жуков и Буденный успели встретиться и сообщить об установлении контакта в Москву. В противном случае, директива могла бы только еще больше запутать дело. Буденный не знал бы, что он отстранен, и мог отдавать приказы, противоречащие приказам нового командующего, а войска не знали бы, какой приказ выполнять.

В первой редакции мемуаров Жуков предпочел вообще ничего не говорить о своем назначении командующим войсками Резервного фронта. Только в позднейшем варианте «Воспоминаний и размышлений» он вынужден был (под влиянием знакомых с документами редакторов) придумать нечто уж совсем фантастическое: «В районе Калуги меня разыскал офицер связи штаба фронта (непонятно, какого — Б. С.) и вручил телефонограмму начальника Генерального штаба, в которой Верховный Главнокомандующий приказывал мне прибыть 10 октября в штаб Западного фронта.

К исходу 8 октября я вновь заехал в штаб Резервного фронта. Встретивший меня начальник штаба фронта доложил о полученном приказе Ставки об отзыве Буденного и назначении меня командующим Резервным фронтом.

Звоню Шапошникову. На мой вопрос, какой приказ выполнять, Борис Михайлович ответил:

— Дело в том, что Государственный Комитет Обороны рассматривает сейчас вопрос о расформировании Резервного фронта и передаче его частей и участков обороны в состав Западного. Ваша кандидатура рассматривается на должность командующего Западным фронтом. До 10 октября разберитесь с обстановкой на Резервном фронте и сделайте все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайске-Малоярославецкий рубеж, а также в районе Алексина на серпуховском направлении».

Здесь явная несуразица. Зачем срочной телефонограммой еще 8-го числа вызывать Жукова на 10-е в штаб Западного фронта неизвестно зачем и одновременно назначать командующим Резервным фронтом? Георгию Константиновичу надо было как-то обосновать свое появление в Красновидове именно 10-го, и ни днем позже. Кстати, внимательные читатели должны были заметить, что в ранней редакции жуковских мемуаров один из этих драматических октябрьских дней вообще пропал. 8-го Георгий Константинович выехал на поиски Буденного, в тот же день нашел его, потом направил бригаду Троицкого на прикрытие Медыни, потом встретился с офицером связи, вручившим директиву о его назначении командующим Западным фронтом. После этого Жуков тотчас развернул машину… и прибыл в штаб Западного фронта 10-го числа. Выходит, из-под Калуги до

Красновидова он ехал больше суток. Наверное, за этот срок пешком можно было дойти!

Никто Конева расстреливать не собирался. Все дело с назначением Жукова обстояло так, как описал Иван Степанович. Ворошилов, Молотов, Булганин, Конев и Василевский пришли к выводу о необходимости объединить Резервный и Западный фронты и поставить во главе нового фронта Жукова. Он и чином выше, и обладает громкой славой победителя под Ельней и спасителя Ленинграда. Характерно, что Конев ни разу не упоминает о своих встречах с Жуковым в штабе Западного фронта до назначения Георгия Константиновича командующим этим фронтом Может, здесь сказалась неприязнь Ивана Степановича к своему преемнику? Но жуковского свояка Василевского в плохом отношении к Георгию Константиновичу не заподозришь. Однако в мемуарах он дает версию назначения Жукова, согласно которой решение было принято без участия Георгия Константиновича «Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным (членов комиссии и Военного совета Западного фронта. — Б.С) было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта. Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. В тот же день Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов…»

Александр Михайлович здесь немного напутал. Решение об объединении фронтов и назначении Жукова было принято практически сразу после получении предложений комиссии, а не на следующий день. Неразумно было тянуть с принятием столь важного решения. И предложение о назначении Жукова исходило от комиссии ГКО и руководства Западного фронта, а не от Сталина. Это доказывают документы. И раз подпись Василевского и других членов комиссии стоит на предложениях, посланных Сталину около четырех вечера 10 октября, значит, они все еще были в штабе Западного фронта, а не уехали утром, как утверждал Василевский.

Тот разговор Рокосовского с членами комиссии, о котором упомянул Жуков, описан и в мемуарах Рокоссовского, причем там он определенно датируется 11 октября: «В небольшом

одноэтажном домике нашли штаб фронт». Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно…

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования. У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошел генерал Жуков.

— Это новый командующий Западным фронтом, — сказал, обратившись к нам, Ворошилов, — он и поставит вам новую задачу.

Следовательно, все происходило именно так, как излагает Конев. 10-го числа состоялось решение о назначении Жукова, а вечером следующего дня он фактически приступил к исполнению обязанностей командующего Западным фронтом. И неслучайно в предложениях комиссии срок вступления Жукова в командование был указан 18 часов 11 октября, т. е. сутки спустя. Ведь Георгию Константиновичу еще надо было отдать необходимые распоряжения войскам Резервного фронта и свернуть его штаб. Последний жуковский приказ по Резервному фронту как раз и датирован 11-м числом, равно как и первое донесение в качестве командующего Западным фронтом. И конечно же, не сам Георгий Константинович ворвался в комнату к членам комиссии, резко оборвав их беседу с Рокоссовским, объявив о своем назначении и не слишком вежливо попросив Молотова со товарищи убираться вон. Наверняка, все было, как и положено в соответствии с субординацией. Ворошилов сперва обругал Конева с Булганиным, затем вызвал Жукова и представил единственному имевшемуся в тот момент в наличии командующему армией. С введением в должность нового командующего фронтом комиссия, действительно, сочла свою миссию выполненной и отбыла в Москву.

Вряд ли мы когда-нибудь точно узнаем, за что распекал

Ворошилов Конева и Булганина. Климент Ефремович явно подозревал, что Рокоссовский вместе со штабом сбежал, бросив 16-ю армию в окружении на произвол судьбы. Но Константин Константинович предъявил приказ Конева от 5 октября, которым штабу 16-й армии предписывалось 6-го прибыть в Вязьму и взять под свое командование выдвигавшиеся туда войска. Последующий гнев Ворошилова мог быть вызван двумя причинами. Либо Конев и Булганин, как утверждал Жуков, пытались ложно обвинить Рокоссовского в бегстве с поля боя. Либо Ворошилов заподозрил, что Конев специально отдал такой приказ, чтобы спасти симпатичного ему командарма от гибели в окружении. В мемуарах Конев как раз и цитирует «злополучный приказ», защищая Рокоссовского от несправедливых нападок и доказывая, что приказ вручил командарму некий подполковник Чернышев, погибший на обратном пути. Поэтому мне кажется более правдоподобной вторая версия. Ворошилов счел, что приказ Конева диктовался не оперативными соображениями, а стремлением спасти Рокоссовского. Вряд ли на самом деле это было так. 5-го числа Конев еще не представлял масштаба катастрофы и не мог знать, что из окружения почти никто не уйдет. Но, в любом случае, этот коневский приказ во многом определил дальнейшую судьбу Рокоссовского. Не будь его, Константин Константинович, скорее всего, погиб бы в окружении или попал в плен. Не было бы будущей славы, не было бы парада Победы, которым он командовал, не быть бы ему маршалом Польши

Георгию Константиновичу было мучительно сознавать, что назначением на пост командующего Западным фронтом он в какой-то мере обязан своему будущему недругу Коневу. Вот и придумал обидную для Ивана Степановича легенду о будто бы чуть не свершившемся его, Конева, расстреле и своей роли спасителя. В действительности же Сталин Конева в катастрофе не винил. В 1965 году Иван Степанович рассказывал о событиях тех дней Симонову: «Именно тогда он (Сталин. — Б. С.) позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: „Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение“ В мемуарах Конев относит эти слова Сталина к ночи с 3-го на 4-е октября, когда Верховный так и не решился санкционировать отход на гжатский рубеж. „Вот тут Конев почувствовал, — комментирует Симонов, — крайнюю

растерянность Сталина, отсутствие волевого начала. А когда на фронт приехал с комиссией Молотов, который, вообще говоря, человек крайне неумный… вот тогда при участии Молотова попытались свалить всю вину на военных, объявить их ответственными за сложившееся положение, — вот тут у Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует… представлению о чем-то бесконечно сильном“.

Если такой разговор Сталина с Коневым, действительно, имел место, то получается, что в поражении октября 41-го Иосиф Виссарионович винил, прежде всего, «кавалеристов» — Буденного, Ерёменко и, быть может, командарма-16 Рокоссовского, а не Конева — артиллериста и пехотинца. Не исключено, что именно Рокоссовского Молотов намечал в качестве «козла отпущения». К счастью, Константин Константинович, по совету своего начальника штаба М.С. Малинина, захватил с собой в штаб фронта «злополучный приказ» и рассеял подозрения. Буденному же не повезло. Конев первым связался со Ставкой и, докладывая о прорыве, основную вину возложил на Резервный фронт.

Но, справедливости ради, следует признать, что для командования фронтом Семен Михайлович был не самой подходящей фигурой. Еще с гражданской войны он привык быть непосредственно в войсках, с бойцами. В мемуарах, описывая маневры 40-го года, Буденный простодушно рассказал, как, увидев, что снаряды атакующих танков рвутся далеко от цели, сам сел в головной танк и лично возглавил атаку. Танк едва не свалился в овраг, но смог первым достичь позиций артиллерии «противника». Когда он подъехал к наблюдательному пункту на танке, Тимошенко сердито бросил: «Кто вам разрешил участвовать в атаке?» «Убежал командующий, а мы тут его ищем», — усмехнулся Шапошников. На защиту Буденного встал Мерецков: «Танкисты, узнав, кто в головной машине, значительно усилили темп атаки». Все же при разборе учений Тимошенко мягко пожурил Буденного: «А Вам, Семен Михайлович, советую не в танк садиться, а быть на КП и руководить войсками. Это в гражданскую войну с шашкой наголо мы мчались за вами в атаку. Но те времена давно прошли, да и танк — не лошадь».

Однако и в Великую Отечественную войну Буденный все норовил быть в боевых порядках войск, чтобы самому видеть ход сражения. Вот и в октябре 41-го он выехал в 43-ю армию помочь командованию организовать отражение немецкого наступления.

На участке этой армии в результате удалось не допустить прорыва, зато управление другими армиями Резервного фронта было нарушено, и они оказались разбиты. Но Семен Михайлович был национальным героем и безоговорочно преданным Сталину человеком. Наказывать его было никак нельзя. Ерёменко же был тяжело ранен 13 октября при бомбежке его КП. Судить раненого генерала было тоже не совсем удобно. Да и три армии Брянского фронта, хотя и попали в окружение, но сумели вывести к своим гораздо больше людей, чем войска Западного и Резервного фронтов, и спасли даже некоторое количество боевой техники. Это произошло, правда, не из-за каких-то особо умелых действий Ерёменко, а только потому, что против Брянского фронта оказалось относительно меньше неприятельских войск, особенно пехоты, чем против соседних фронтов. Однако тот факт, что значительной части сил Брянского фронта удалось спастись, позволил создать мощную оборону на подступах к Туле. Танковая армия Гудериана не смогла захватить город, и план обхода Москвы с юга провалился. Так никто из генералов и не был осужден или хотя бы понижен в звании за катастрофу под Вязьмой и Брянском.

Когда Жуков 11 октября вступил в командование Западным фронтом, положение советских войск было незавидным. Основные силы оставались в окружении, и шансы на их успешный прорыв таяли с каждым днем. Руководство войсками в «котле» пытался осуществлять командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. Жуков вспоминал: «В тылу войск противника… все еще героически дрались окруженные войска 19, 16, 20, 24 и 32-й армий и опергруппа Болдина, пытаясь прорваться на соединение с войсками Красной Армии. Но время командованием Западного и Резервного фронтов было упущено (в том числе и самим Георгием Константиновичем, который за 3 дня командования Резервным фронтом не предпринимал никаких попыток организовать прорыв или деблокирующий удар силами уцелевшей 43-й армии. — Б. С.), и их попытки прорыва были безуспешны. Командование фронтом и Ставка помогали окруженным войскам в их борьбе авиационной бомбежкой противника, сбрасыванием продовольствия и боеприпасов. Но ни фронт, ни Ставка тогда большего ничего не могли сделать для окруженных войск в их тяжелой обстановке. Упорная и героическая борьба окруженной группировки задержала главные силы противника на значительное время, и мы воспользовались им, чтобы лучше подготовить оборону для отражения ожидаемых ударов врага на Москву».

В позднейшем варианте своих мемуаров Георгий Константинович добавил: «Дважды — 10 и 12 октября — были переданы командармам окруженных войск радиограммы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу Лукину. Мы просили немедленно сообщить план выхода и группировку войск и указать участок, где можно было бы организовать помощь окруженным войскам авиацией фронта. Однако на обе наши радиограммы ответа не последовало: вероятно, пришли они слишком поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами».

Здесь Георгий Константинович немного уклоняется от истины. 12 октября в ответ на жуковскую радиограмму в Ставку и в штаб Западного фронта поступило отчаянное донесение от Лукина и Болдина: «Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты стремиться буду прорываться к Ершакову (командующему 20-й армией. — Б. С.). Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести — уничтожаем». После получения этого донесения Жукову стало ясно, что на существенную помощь окруженных войск в деле обороны Москвы рассчитывать не приходится. 13 октября он отправил Болдину и Лукину последнюю радиограмму: «Прикажите танкам прорваться по кратчайшему направлению и быстро выйти за свои войска. Наш фронт проходит: Мыщкино, Ельня, Ильинское, Калуга. Самое слабое место противника южнее — Вязьма, Темкино, Верея. Остальным частям 19 А, 20 А, группе Болдина торопиться выходить вслед за танками. Все, что невозможно вывести, закопать в землю и тщательно замаскировать. Ершаков действует южнее Вязьмы». Но ответа на эту радиограмму уже не поступило.

По мнению Конева, «на Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 8–9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны московского направления». Также и многие российские и немецкие историки полагают, что задержка с ликвидацией вяземской группировки оказалась для вермахта роковой и не позволила взять Москву. Некоторые германские генералы после войны утверждали, что разумнее

было бы отложить ликвидацию «котла», а основные силы группы армий «Центр» бросить в наступление на Москву, на пути к которой почти не было советских войск.

Вряд ли подобные предложения были осуществимы на практике. Ведь уже в середине октября продвижение немцев на московском направлении значительно замедлилось в силу совершенно объективных причин: наступившей осенней распутицы и недостаточного снабжения. Вермахт начал операцию «Барбаросса» всего с трехмесячным запасом горючего. В октябре уже обнаружился его значительный дефицит. В этих условиях окруженная группировка, если бы ее на время оставили в покое, могла наладить управление и организовать прорыв, представлявший для немецких войск большую опасность. Да и только для того, чтобы принять более 660 тысяч пленных, требовалось несколько дивизий. Всего же в разгар боев для ликвидации вяземского и брянского «котлов» группа армий «Центр» выделила до 28 дивизий — более трети от общего числа соединений. Однако уничтожение окруженных армий заняло небольшой срок — менее двух недель. Уже к 20 октября основные силы Брянского, Западного и Резервного фронтов оказались в плену, а организованное сопротивление в вяземском котле прекратилось еще 13-го числа. Неслучайно Гальдер с удовлетворением отметил в дневнике 9 октября: «Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер» (имелось в виду расчленение окруженных и их уничтожение по частям).

Генерал Лукин, тяжело раненный, попал в плен. В немецком госпитале ему ампутировали ногу. В дальнейшем, Михаил Федорович едва не сыграл ту малопочтенную роль, что в итоге выпала генералу Власову. Когда Лукин немного поправился, он 12 декабря 1941 года передал немцам предложение создать альтернативное русское правительство, которое доказало бы народу и армии, что можно «бороться против ненавистной большевистской системы», не выступая при этом против интересов своей родины. На допросе Михаил Федорович говорил: «Большевизм смог найти поддержку у народов сегодняшнего Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после Первой мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему — участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. Если у крестьянина сегодня нет никакой собственности, если рабочий зарабатывает в среднем 300–500 рублей в месяц (что примерно

соответствует как по величине, так и по покупательной способности сегодняшней нищенской пенсии в России. — Б.С.) и ничего не может купить на эти деньги, если в стране царят нужда и террор и жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что люди должны приветствовать избавление от большевистского ига… Народ окажется перед лицом необычной ситуации: русские встали на сторону так называемого врага — значит перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы… Даже видные советские деятели наверняка задумаются над этим… Ведь не все руководители — заклятые приверженцы большевизма».

Лукина допрашивал уже знакомый нам Штрик-Штрикфельдт. В мемуарах Вильфрид Карлович воспроизвел свои беседы с Михаилом Федоровичем: «Он не любил немцев, но был им благодарен за то, что они сделали для него и его друга (немецкие врачи спасли Лукина и его тяжелораненого друга полковника Прохорова от верной смерти. — Б.С.)… Он говорил, что, если это, действительно, не завоевательная война, а поход за освобождение России от господства Сталина, тогда мы могли бы даже стать друзьями. Немцы могли бы завоевать дружбу всего населения Советского Союза, если они всерьез стремятся к освобождению России, но только равноправный партнер может вступить в дружественный союз. Он был готов, невзирая на свою инвалидность, стать во главе пусть роты, пусть армии — для борьбы за свободу. Но ни в коем случае не против своей родины. Поэтому бороться он стал бы только по приказу русского национального правительства, которое не должно быть марионеточным правительством при немцах, а должно служить лишь интересам русского народа… От него не ускользнуло, что не всем немцам нравились эти высказывания. Он улыбнулся и сказал далее: „Ваш Гитлер задолго до того, как пришел к власти — выставлял подобные же требования (насчет правительства, которое должно служить национальным интересам. — Б. С.), не правда ли?“

Я позволил себе заметить, что если в качестве высшего принципа принять необузданный национализм, то народы и дальше будут грызть друг друга (звучит более чем актуально и для самого конца XX века. — Б. С.) Может быть, решение лежит в союзе народов, в Соединенных Штатах Европы?

Генерал напомнил мне, что большая часть России лежит в Азии, где проведена большая культурная и цивилизаторская работа. Однако развитая мною мысль о возможности евразийской

федеративной политики равноправных народов его захватила».

Однако Гитлер совсем не собирался вступать в отношения «равноправного партнерства» ни с русским, ни с украинским, ни с прибалтийскими, ни с какими-либо иными антисоветскими, антибольшевистскими правительствами. Фюрер готов был предоставить им единственное право, обслуживать интересы высшей германской расы и, в самом лучшем случае, подвергнуть свои народы германизации. Трагическая участь русских пленных зимой 41-го открыла Михаилу Федоровичу глаза на германский «новый порядок», на то, какие «Соединенные Штаты Европы» задумал Гитлер. Лукин понял, что бессмысленно заключать пакт с сатаной против дьявола. И когда в 1943 году довелось встретиться с Власовым, категорически отверг возможность своего участия в РОА. Он спросил Андрея Андреевича:

— Признал ли Вас официально Гитлер? И есть ли у вас гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?

Власов ответил отрицательно. Тогда Лукин заявил:

— Без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами. Пережитое в немецком плену говорит мне, что у немцев нет ни малейшего желания освободить русский народ. Я не верю, что они изменят свою политику. А отсюда, Власов, всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей родине… Я — калека. Вы, Власов, еще не сломлены. Если вы решились на борьбу на два фронта, которая, как вы говорите, в действительности есть борьба на одном фронте за свободу нашего народа, то я желаю вам успеха, хотя сам в него не верю. Как я сказал, немцы никогда не изменят своей политики.

— А если немецким офицерам, которые нам помогают, все же удастся добиться изменения политики, Михаил Федорович? — хватаясь за соломинку, спросил Власов.

— Тогда, Андрей Андреевич, мы, пожалуй, смогли бы и договориться, — ответил Лукин, не веря, однако, в реальность подобной перспективы.

Насчет того, что Власов еще не был сломлен, Михаил Федорович ошибался. Главком РОА давно уже думал только о том; чтобы выжить и сохранить, пусть у немцев, прежнюю

генеральскую должность. Когда он говорил о борьбе на два фронта, против Сталина и Гитлера, он обманывал не только Лукина, но и самого себя. Ибо в глубине души понимал, что навсегда связал свою судьбу с судьбой Третьего Рейха, крах которого будет и его, Власова, крахом. И когда Андрей Андреевич оказался в руках у Сталина, то сразу же раскололся, не стал выставлять себя идейным борцом. И на суде, зная, что его ожидает, в последнем слове подобострастно заявил: «…Я не только полностью раскаялся, правда, поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару».

После войны Лукин возвратился на родину. Власов на следствии показал, что Михаил Федорович в разговоре с ним высказывался антисоветски, но сотрудничество с немцами отверг. Сталин продержал Лукина несколько месяцев под следствием, но в конце концов репрессировать не стал и даже вернул генеральское звание. Может быть, учел инвалидность Михаила Федоровича. А может, вспомнил о его роли в спасении Москвы, действительной или мнимой? Других генералов за «антисоветские высказывания», допущенные в плену, он не помиловал, расстрелял, как, например, бывшего командующего 12-й армией П.Г. Понеделина. Умер Михаил Федорович Лукин в 70-м — в год, когда впервые были изданы компрометирующие его мемуары Штрик-Штрикфельдта. Можно сказать, что генералу повезло. Конечно, во времена Брежнева Лукина вряд ли бы судили, но вот лишить звания и пенсии — могли.

Жуков не принадлежал к «заклятым приверженцам большевизма». Хотя вся его карьера прошла при Советской власти, и предвоенным своим возвышением он, впрочем, как и Власов, был обязан Сталину. Но Георгий Константинович, в первую очередь, чувствовал себя солдатом, и лишь во вторую — коммунистом. Хотя знал и о «перегибах» коллективизации (от которых довелось защищать родственников), видел в бытность командующим Киевским округом, что население Западной Украины не в восторге от присоединения к СССР. И помнил, как в первые дни войны украинцы стреляли в советских солдат и переходили на сторону противника. Но я уверен — попади он в плен, никогда бы не обратился к немцам с предложением возглавить русское антикоммунистическое правительство или армию. Мой герой, наверное, не самый моральный человек на свете. Но была черта, которую он никогда не переступал. Жуков не мог предать товарищей, написав донос, и не мог предать

Родину, пойдя на службу к ее врагам.

В октябре 41-го Жукову Сталин доверил защиту Москвы. И двигал к столице все войска, которые удавалось снять с других фронтов или подтянуть из внутренних округов. С 7-го числа на Можайскую линию обороны стали перебрасываться 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков. Сюда же отходили уцелевшие войска Западного фронта. Начавшиеся дожди сильно затрудняли передвижение германских танковых частей. Гудериан вспоминал: «Последующие (после 10 октября. — Б. С.) недели прошли в условиях сильной распутицы. Колесные автомашины могли передвигаться только с помощью гусеничных машин… Ввиду отсутствия тросов и других средств, необходимых для сцепления машин, самолетам приходилось сбрасывать для застрявших по дороге связки веревок. Обеспечение снабжением сотен застрявших машин и их личного состава должно было отныне в течение многих недель производиться самолетами. Подготовка к зиме находилась в плачевном состоянии».

Гальдер еще 8 октября записал в дневнике: «В результате неблагоприятной погоды наступление через шоссе Орел-Брянск приостановилось». А 3 ноября, подводя итоги октябрьских боев, начальник Генштаба с сожалением отмечал: «Группа армий „Центр“ подтягивает 2-ю армию… на Курск, чтобы в дальнейшем развить наступление на Воронеж. Однако это лишь в теории. На самом же деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечивать подвоз продовольствия… Положение на коммуникациях 4-й армии и танковой группы Гепнера, идущих через Юхнов и Вязьму, сравнительно терпимое, несмотря на невероятные трудности, испытываемые нашими войсками. Зато условия подвоза севернее автострады Москва-Минск исключительно трудны, в связи с этим возможность проведения запланированного наступления южнее Московского моря на Клин и Рыбинск представляется сомнительной». В середине октября немецкие мотоциклисты из разведывательных произведений доходили до окраин Москвы. Однако организовать новое генеральное наступление на советскую столицу вермахт смог только после того, как морозы сковали дороги и сделали их проходимыми для автомашин и другой техники.

Пока танкисты Гудериана ловили сбрасываемые с воздуха веревки, Жуков укреплял оборону. Конечно, распутица

сказывалась на советских войсках. Но они были менее моторизованы, чем немецкие, и оказались в относительном выигрыше. К тому же из-за плохой погоды люфтваффе не могли использовать свое господство в воздухе. И, наконец, в распоряжении Западного фронта к западу от Москвы была более густая сеть железных дорог, по сравнению с той, что располагала группа «Центр». Немецкие войска еще смогли занять Калинин, который не удержал назначенный командующим Калининским фронтом Конев. Пали Малоярославец и Калуга. Родная Жукову Стрелковка также была занята немцами, но Георгий Константинович успел вывезти мать и сестру с семьей в Москву. Позднее, при отступлении, немцы сожгли почти всю деревню, в том числе и избы Устиньи Артемьевны и Марии Константиновны. После войны Жуков помог им отстроиться. Мать же до Победы не дожила. Устинья Артемьевна скончалась 9 апреля 1944 года и была похоронена на Новодевичьем кладбище. Георгий Константинович был занят на фронте и приехать на похороны не смог.

Можайскую линию обороны враг преодолел к концу октября. Дальнейшее наступление остановилось из-за бездорожья и усилившегося сопротивления советских войск. Жуков любой ценой стремился заставить войска сражаться до последней возможности. 13 октября в частях Западного фронта зачитали первый приказ нового командующего:

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат. Наши войска заставили фашистов прекратить предпринятое наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру — наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе малообученный и всякий случайный сброд, пьяниц и дегенератов

Наступил момент, когда мы должны не только дать отпор фашистской авантюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все как один, от красноармейца до высшего командира, должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны

предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю: Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД. ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ!»

Положим, Ленинград никто в неделю брать не собирался. Немцы вообще не собирались его брать в обозримом будущем. Но Жуков об этом не знал, и в данном случае умело использовал свою славу спасителя северной столицы для того, чтобы убедить бойцов: оборона Москвы закончится столь же успешно.

А насчет последних резервов, брошенных немцами в наступление, Георгий Константинович не ошибся. Вот только до тотальной мобилизации, а тем более до отправки на фронт необученных пополнений, не говоря уж об уголовном сброде, Германии было еще далеко. Это в Красной Армии осенью 41-го тотальная мобилизация уже была реальностью. Власов, командовавший под Москвой вновь сформированной 20-й армией, рассказывал Штрик-Штрикфельдту, как в ноябре, назначая его командующим армией, Сталин прямо заявил: «Я не могу дать вам много солдат, Власов, но порядочно — бывших заключенных. И я даю вам, как и другим моим генералам, полную свободу действий в борьбе с захватчиками. Вы несете и ответственность», Власов был горд возложенной на него миссией. А потом понял, что оказался полностью во власти Сталина. Ведь если он потерпит неудачу, даже не будучи виноват, его всегда можно, по примеру Тухачевского, объявить предателем и расстрелять. Точно так же во власти Сталина ощущал себя Георгий Константинович. И чувствовал себя таким же властителем по отношению к подчиненным. А необученные пополнения Жуков, как и другие советские генералы, многократно бросал в бой и в Московской битве, и позднее, вплоть до штурма Берлина.

В жуковском приказе есть очевидное противоречие. Если

трусов и паникеров предписано расстреливать на месте, то при чем здесь военный трибунал и прокурор фронта? Расстрел на месте — это как раз расстрел без суда, без разбирательства всех обстоятельств происшедшего. Фактически трибунал и прокурор должны были задним числом оформить бессудные расстрелы.

И в следующем приказе, изданном в тот же день, 13 октября, Георгий Константинович, перечисляя укрепленные рубежи для обороны — Волоколамский, Можайский, Малоярославский и Калужский, в конце сделал грозное примечание: «Учитывая особо важное значение укрепрубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа Военного Совета фронта и армии подлежат расстрелу».

И здесь очевидная нелепость. Совершенно ясно, что приказ штаба армии никак не может быть доведен в письменном виде до каждого командира отделения. Приказ часто может быть отдан по телефону или по радио, и до взводных и ротных командиров дойдет только в устной форме. Появилось широкое поле для произвола особых отделов и заградительных отрядов, которые могли расстреливать и правого, и виноватого. Когда через шесть дней Сталин ввел осадное положение в Москве и прилегающих районах, он, возможно, ориентировался на формулировки этих жуковских приказов. Постановление ГКО от 19 октября гласило: «Сим объявляется, что оборона столицы на 100–120 километров западнее Москвы поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову… Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте». И в соответствии с духом этого постановления Жуков на следующий день требовал от командования 5-й армии «безжалостно расстрелять» тех, кто «самовольно оставили фронт», «не останавливаясь перед полным уничтожением всех бросивших фронт». В тот момент он не думал, что рискует остаться вообще без солдат, если командарм-5 Л.А. Говоров будет буквально следовать данному требованию.

Тут я хочу привести один колоритный случай. Его рассказал мне известный историк Корнелий Федорович Шацилло, ныне покойный. В войну Корнелий Федорович служил офицером на флоте, был ранен и в госпитале познакомился с одним офицером штаба армии. Этот офицер рассказал Шацилло сцену, которую

сам наблюдал: начальник штаба армии, генерал-лейтенант, стоял навытяжку, руки по швам, а маршал Жуков охаживал его по физиономии кожаными перчатками. Таким способом Георгий Константинович частенько «воспитывал» подчиненных, в том числе и в генеральских чинах. За что впоследствии удостоился многих нелестных эпитетов. Например, генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков, вместе с Чкаловым и Беляковым свершивший легендарный перелет через Северный полюс, в 1985 году на советско-американской конференции, вспоминая фронтовой опыт, наградил своего тезку Георгия Константиновича Жукова кратким, но весьма выразительным определением — «зверюга». Впрочем, о Коневе, с которым тоже довелось вместе служить, Байдуков отзывался не лучше: «Он расстреливал меня дважды в день». В том же духе Главный маршал авиации А.Е. Голованов в беседах с поэтом Феликсом Чуевым отмечал, что Георгий Константинович «старался унизить, раздавить человека». Следует, однако, подчеркнуть, что мордобой в Красной Армии был повсеместным явлением и превратился в специфическое «средство руководства». Тот же Голованов рассказывал Чуеву и о Коневе вещи малоприятные:

«Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: „Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!“. Жуков, к несчастью, подобной широтой натуры не отличался. Он мог и морду набить, и под трибунал отдать, и приказать расстрелять провинившегося на месте. Бывший комендант Большого Театра майор госбезопасности А.Т. Рыбин в своей книге „Сталин и Жуков“ приводит рассказ Н. Казьмина, офицера госбезопасности, состоявшего в войну при Жукове для особых поручений: „Однажды Жуков приехал к Сталину в особняк на Кировской. Была объявлена воздушная тревога. Подходя к метро „Кировская“, он увидел в одном из домов незамаскированное окно. Жуков повернулся ко мне и показал рукой на окно: „Ликвидируйте“. Я взял автомат на прицел и разрядил очередь по окну. Освещение мгновенно погасло“. Другие генералы и маршалы вовсю лупили подчиненных кулаками и палками, расстреливали за действительные и мнимые провинности, но вот стрелять по окнам нерадивых обывателей своей охране как будто не приказывали. Георгий Константинович и здесь был „первым среди равных“.

Вообще же, мордобой в армии поощрял Верховный Главнокомандующий. Об этом сохранился колоритный рассказ в

мемуарах Хрущева: «Конечно, Сталин глубокого доверия никогда и никому не оказывал. Всегда у него было заложено внутренне какое-то подозрение к любому человеку. Он мне как-то сказал в пылу откровения:

— Пропащий я человек, никому не верю. Я сам себе не верю…

А в 1942 году я сказал ему:

— Товарищ Сталин, я могу назвать кандидатов только из числа тех людей, которые командовали войсками на нашем направлении. Других я не знаю. Поэтому командующего на Сталинградский фронт должны назвать вы. Вы больше людей знаете, у вас шире горизонт.

— Да что вы? Что вы? Можно назначить командующим войсками фронта Ерёменко, но он лежит в госпитале и не может сейчас приступить к командованию. Очень хорошим был бы там командующим Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он с войсками в окружении. Если бы можно было его как-то оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но Власова нет. Называйте вы сами, кого хотите!..

— Из людей нашего фронта я назвал бы Гордова, даже при всех его недостатках (недостаток его заключался в грубости. Он дрался с людьми). Сам очень щупленький человечек, но бьет своих офицеров. Однако военное дело он понимает. Поэтому я бы назвал его.

В то время он, кажется, командовал 21-й армией… Я от члена Военного Совета армии Сердюка (которому в 63-м году еще придется проводить с опальным Жуковым «воспитательную беседу». — Б. С.) имел характеристику на Гордова (командующего Сталинградским фронтом. — Б. С.) — и хорошую, и плохую. Хорошую — в смысле знания дела, его энергии и храбрости; плохую — насчет его грубости, вплоть до избиения людей. Это, правда, в то время считалось в какой-то степени положительной чертой командира. Сам Сталин, когда ему докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: «А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!» Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось геройством (хотя, наверное, истинным геройством следовало бы считать обратный случай: когда подчиненный в ответ на оскорбление бьет морду

начальнику; но таких случаев история Красной Армии что-то не знает. — Б. С.). И били! (прямо как в песне: «Били, бьем и будем бить!» — Б. С.) Потом уже я узнал, что однажды Ерёменко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил:

— Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал, командующий. И вы ударили члена Военного совета?!

— Знаете ли, — отвечает, — такая обстановка была.

— Какая бы ни была обстановка, есть и другие средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои.

Он опять объяснил, что сложилась тяжелая обстановка. Надо было срочно прислать снаряды, он приехал по этому вопросу, а член Военного совета сидит и играет в шахматы. Я говорю Ерёменко: «Ну, не знаю. Если он играл в шахматы в такое трудное время, это, конечно, нехорошо, но ударить его — не украшение для командующего, да и вообще для человека»… Давал в морду и Буденный (правда, как отмечает Хрущев в другом месте, Семен Михайлович, возможно, в силу природного демократизма, предпочитал отрабатывать удары на солдатах, а не на офицерах или генералах. — Б. С.)… Бил подчиненных и Георгий Захаров. Потом он стал заместителем командующего войсками Сталинградского фронта. Я его ценил и уважал как человека, понимающего военное дело. Он преданный Советскому государству и Коммунистической партии воин, но очень не сдержан на руку».

Все генералы четко знали, кого можно бить, а кого нельзя. Тому же Ерёменко и в пьяном бреду не могло бы придти в голову ударить Хрущева, хотя и подчинявшегося ему в качестве члена Военного Совета Сталинградского фронта, но, как члена Политбюро, стоявшего неизмеримо выше в государственной иерархии. Точно так же Жуков никогда не думал поднимать руку на члена Военного Совета Западного фронта Н.А. Булганина, который в гражданской жизни был заместителем председателя Совнаркома и близким к Сталину человеком.

Любопытен приводимый Хрущевым сталинский отзыв о Власове. Не будь Андрей Андреевич тогда со 2-й ударной армией в окружении на Волхове, быть бы ему — командующим

Сталинградским фронтом. И не было бы ни плена, ни предательства, ни Русской Освободительной Армии. Власов вполне мог бы носить лавры победителя армии Паулюса, получить маршальское звание, звезду Героя, и не одну. Глядишь, потеснил бы Жукова в пантеоне «великих полководцев Великой Отечественной войны.

Сталин неслучайно поощрял рукоприкладство среди своих генералов. Иосифу Виссарионовичу нужны были послушные военачальники, способные, когда надо, спрятать в карман собственную гордость. Ведь генерал, способный унизить подчиненного, кодексом чести не руководствуется, и сам всегда готов снести унижение от вышестоящего лица. Счастье Георгия Константиновича, что Сталин не имел склонности к мордобою. А то бы пришлось Жукову оказаться в положении битых им самим генералов. И точно так же молча снести оскорбление. Сталин терпел только тех, кто знал, до каких пределов можно проявлять независимость. Слишком самостоятельные Верховного не устраивали. Маршал Конев в беседе с Симоновым вспоминал: «Сталин очень любил напаивать тех, кто пришел к нему в гости, а сам пил мало, во всяком случае на людях… Не любил, когда отказывались пить, но, если ссылались на здоровье и если он этому верил, знал, что это действительно так, — хотя и морщился, но проявлял известную терпимость, заставлял выпить рюмку перцовки, а потом не настаивал (Иван Степанович-то здесь был в выигрышном положении — из-за язвы желудка много пить не мог. — Б. С.). Угощая перцовкой, любил шутить. Если там присутствовал Ворошилов, говорил: „Вот смотрите, какой цвет лица у Ворошилова. Это потому, что он пьет перцовку, поэтому такой здоровый“. Тех, кто поддавался на это, он напаивал. Напаивал и своих ближайших соратников. Видимо, это уже вошло у него в привычку и было частью программы, включавшей для него элемент развлечения». Можно согласиться с мнением Симонова, что здесь был «элемент издевки над людьми, элемент самоощущения своей власти, что он мог сделать с людьми все, мог даже напоить их, невзирая на их возражения». И такой же элемент издевки со стороны Верховного был, когда он поощрял своих полководцев «воспитывать» подчиненных с помощью кулаков. Впрочем, они и без напутствия Иосифа Виссарионовича старались вовсю.

Абсолютно невозможно себе представить, чтобы, например, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге съездил по уху нелюбимого им командующего 2-й танковой

армии генерал-полковника Гудериана. Хотя между этими военачальниками дело все же дошло до дуэли, которую, однако, запретил Гитлер. И также фантастически выглядит сцена, когда генерал Эйзенхауэр драит генералу Брэдли или Паттону физиономию кожаными печатками. Такого не было ни в американской, ни в английской, ни в германской армии. Там и офицер солдата не мог побить, не то что расстрелять без суда. Только в Красной Армии рукоприкладство да бессудные расстрелы цвели пышным цветом. Советские генералы, офицеры и солдаты не чувствовали себя в той же мере независимыми, самостоятельными личностями, как их западные коллеги. И Жуков здесь не был исключением.

Единственный командующий фронтом, кого не коснулись обвинения в грубости с подчиненными, — это Рокоссовский. Все мемуаристы характеризуют его как человека вежливого, корректного с подчиненными, хотя и требовательного. Может, оттого что в Константине Константиновиче чувствовалась природная независимость и большое чувство собственного достоинства, Сталин после войны фактически удалил Рокоссовского от руководства Советскими Вооруженными Силами, сделав опереточным маршалом Польши. Впрочем, и приверженность зубодробительным методам воспитания отнюдь не гарантировала сталинской благосклонности. Мастер в этом деле Василий Николаевич Гордов после войны за неосторожные высказывания в приватной обстановке по поводу колхозов и личности вождя был арестован, судим и расстрелян.

Рокоссовский с подчиненными был всегда ровен, тактичен. Но вот воевал он, вопреки распространенному мнению, точно так же, как Жуков, — очень большой кровью. Константин Константинович с подъемом описывает бригаду штрафников, прибывшую к нему на Брянский фронт летом 42-го: «…К нам на дополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечности их порыва… Бойцы быстро освоились с боевой обстановкой; мы убедились, что им можно доверять серьезные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему… За доблесть в боях с большинства ее бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали». Маршал не уточнил

только, что снимали судимость, в основном, посмертно — шансов уцелеть в советской разведке боем, т. е. в лобовой атаке, почти без всякой артиллерийской подготовки, на неподавленную огневую систему противника практически не было. Не уточнил Рокоссовский, сам не так давно освободившийся из ГУЛАГа, что не так уж добровольно шли на фронт зэки. Многих, осужденных по не слишком серьезным статьям, за пресловутые «колоски» или за опоздания на работу и прогулы, досрочно освобождали и отправляли на фронт в такие штрафные бригады смертников. Да и те, кто шел воевать добровольно, часто спасались от голодной смерти. В войну в лагерях кормили совсем плохо, а работать заставляли интенсивнее, поэтому смертность заключенных возросла более чем вдвое.

Приведу еще два эпизода военной биографии Рокоссовского, достойные пера Пушкина, Лермонтова или Льва Толстого. Речь пойдет о боях под Москвой в ноябре 41-го во время последнего наступления вермахта на советскую столицу. Накануне этого наступления, 15-го ноября, Рокоссовский бросил в атаку 58-ю танковую дивизию, только что прибывшую с Дальнего Востока и не успевшую провести разведку местности и расположения противника. Наступать пришлось по болоту, много танков завязло, вышло из строя, остальные были расстреляны с замаскированных артиллерийских позиций. В результате дивизия безвозвратно потеряла 157 танков из 198 и 1 731 человека убитыми и ранеными — треть личного состава. Рокоссовский во всем обвинил командира дивизии Полковника Котлярова, который, не выдержав, застрелился, оставив предсмертную записку своему заместителю: «Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Не хочу нести ответственность. Отходите, Ямуга, за противотанковое препятствие. Спасайте Москву. Впереди без перспектив». В мемуарах Рокоссовский лишь мимоходом упомянул: «Получили мы… 58-ю танковую дивизию почти совсем без боевой техники». Нет, уважаемый Константин Константинович, дивизия-то прибыла с двумя сотнями танков, а вот после своей первой и последней атаки, предпринятой по Вашему категорическому приказу вопреки возражениям комдива, действительно, осталась без техники. А проведенная тогда же атака двух кавалерийских дивизий, 17-й и 44-й, на успевшие окопаться немецкую пехоту и танки окончилась еще трагичнее. Сохранилось описание этого боя в журнале боевых действий немецкой 4-й танковой группы: «…Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов… Но вот три

шеренги всадников двинулись на нас. По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей… Первые снаряды разорвались в гуще атакующих… Вскоре страшное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади… Трудно разобрать, где всадники, где кони… В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов…».

Сразу вспоминается лермонтовское «Бородино»: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой…». Эта кавалерийская атака в стиле XIX века в веке XX, веке окопов, скорострельных орудий и пулеметов, не могла не превратиться в жестокое избиение кавалерии, почти не нанесшей потерь засевшей в окопах пехоте. Немцы не верили, что атаку повторят. Но ошиблись. Я опять предоставлю слово историографу 4-й танковой группы: «И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых, эскадронов кошмарное представление повторится вновь… Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой». 44-я дивизия погибла почти полностью, а 17-я потеряла три четверти личного состава. Несколько дней спустя, уже на фронте другой армии, 17-я дивизия отошла без приказа, не выдержав натиска противника (а как она могла обороняться после того сокрушительного разгрома?). Командира и комиссара дивизии предали суду. Опять нашлись стрелочники! А ведь опытный кавалерист Рокоссовский хорошо знал, что посылать кавалеристов в атаку в конном строю на открытой местности на укрепившегося противника — значит, обрекать их на верную гибель.

И Рокоссовский, и Жуков, и другие командующие армий и фронтов чаще всего придавали суду командиров дивизий, которые обычно и расплачивались за огрехи вышестоящих штабов. И Георгий Константинович, хотя не раз грозил и Рокоссовскому, и другим командармам расстрелом, никого из них в итоге не только не расстрелял, но даже под суд не отдал. Потому что санкцию на смещение и арест генералов такого уровня мог дать только Сталин. А вот для предания суду комдивов командармам достаточно было санкции командующего фронтом. Иногда Жуков сам приказывал судить того или командира. Так, 4 ноября 1941 года появился его приказ войскам Западного фронта, сообщавший, что командир и комиссар 133

стрелковой дивизии полковник А.Г. Герасимов и бригадный комиссар Г.Ф. Шабалов расстреляны перед строем за отход дивизии без приказа из района Рузы. И сегодня трудно установить, была ли вина несчастных в сдаче города.

Георгий Константинович стремился как можно чаще наносить противнику контрудары. Уже 15 октября он представил в Ставку план уничтожения танковых группировок противника, наступающих на Москву, для чего хотел использовать имеющиеся четыре танковые бригады. Контратаки не удались, и 19-го числа пришлось подготовить план отхода с Можайского рубежа. Штаб Жукова в деревне Перхушково оказался всего в нескольких километрах от линии фронта, в зоне досягаемости немецкой артиллерии. Он оставался там до конца Московской битвы. Долгое время историки ломали голову, почему Жуков не переместил штаб в более безопасное место. Только в 90-е годы были обнародованы свидетельства, позволяющие разгадать эту загадку. Как утверждал в беседах с Чуевым маршал Голованов, Жуков «прислал генерала Соколовского к Василевскому… чтобы в Генштабе приняли узел связи Западного фронта. Василевский с недоумением позвонил об этом Сталину, и тот дал нагоняй Жукову». Также генерал П.А. Артемьев, бывший командующий Московским военным округом, рассказывал в 50-е годы на встрече с артистами Большого театра: «В середине октября и несколько позднее, когда враг подошел вплотную к Москве, мы, командный состав, чувствовали себя недостаточно уверенно, что удержим Москву. Даже командующий Западным фронтом Жуков попросил у Сталина подкрепление, но не получил ни одного солдата. Его штаб в Перхушкове был полуокружен немцами, и у Жукова сдали нервы. Он попросил у Верховного перевести свой штаб из Перхушково на Белорусский вокзал. Сталин ему ответил:

«Если вы попятитесь до Белорусского вокзала, я займу Ваше место». Больше Жуков у Верховного уже ничего не просил».

Нелепый сталинский приказ намертво приковал штаб Западного фронта к Перхушково. Отнюдь не трусость или опасение, что не удастся удержать Москву, заставляла Георгия Константиновича просить о передислокации штаба. Просто он хорошо понимал, что немцы могут нанести удар по Перхушково артиллерией, авиацией и даже пехотой. В результате командование фронта не сможет какое-то время управлять действиями войск, а это грозит катастрофическими последствиями. К счастью, немцы так и не установили

местонахождение штаба фронта. Им и в голову не могло прийти, что командование противника рискнет расположиться у самой линии огня.

Окончательно поверил Георгий Константинович в то, что противник остановлен, в начале ноября. 2-го числа он писал в Ленинград члену Военного Совета Ленинградского фронта и члену Политбюро А А. Жданову: «Основное это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы, принял от них одно воспоминание. От Буденного штаб и 90 человек, от Конева штаб и 2 запасных полка. К настоящему времени сколотил приличную организацию и в основном остановил наступление противника, а дальнейший мой метод тебе известен: буду истощать, а затем бить».

Опять Жуков творил легенду, чтобы ярче высветить собственные заслуги. От Буденного и Конева он принял все-таки не 90 человек и 2 полка, а значительно больше. Тут и потрепанная, но сохранившая штаб и основные соединения 43-я армия, и спешно возвращенная с Юго-Западного направления 49-я. И несколько дивизий и бригад, сумевших отойти к Можайской линии обороны и Калинину. Не говоря уже о десятках соединений, перебрасываемых из глубины страны и с других фронтов. Но в частях ощущалась острая нехватка артиллерии и боеприпасов. И Жуков просил Жданова «с очередным рейсом „Дугласов“ отправить лично мне 40 минометов 82-мм, 60 минометов 50-мм, за что я и Булганин будем очень благодарны, а Вы это имеете в избытке. У нас этого нет совершенно» Обе стороны готовились к решающим боям за Москву.

Гальдер еще 3 ноября записал в дневнике «Лично я думаю, что противник в состоянии удерживать лишь московский район (Вологда-Москва-Тамбов) и район Кавказа и намерен оставить весь промежуточный район». Советского контрнаступления начальник Генштаба сухопутных сил ожидал не ранее 42-го года или даже еще позднее. Но он понимал, что блицкриг не вышел, и предстоит затяжная борьба. В этот же день, 3 ноября, армии группы «Центр» потеряли соприкосновения с советскими войсками Дальнейшие их действия, как отметил Гальдер 7-го числа, были «скованы безнадежно плохими условиями погоды». Тем не менее вермахт подтягивал горючее и боеприпасы и ремонтировал технику для последнего наступления. Не было зимних видов смазки и антифриза. Катастрофически не хватало зимнего обмундирования. Его запасли только для 60 дивизий,

которые Гитлер предполагал оставить в России по завершении осенью Восточной кампании. Однако в ноябре здесь по-прежнему оставалось более 150 дивизий. Солдаты оделись в трофейные русские шинели, в отобранные у населения теплые вещи, но все равно жестоко страдали от холода. Командиры узнавали своих только по кокардам, торчащим из-под женских платков. Все это пестрое воинство готовилось к походу на Москву, которую командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок надеялся взять до Нового года. Но состояние войск заставляло сомневаться в реальности даже ближайшей задачи — выхода к Москве-реке и каналу Москва-Волга.

О том, что будет еще одно немецкое наступление, догадывался и Жуков. 1 ноября он издал приказ «О мобилизации всех сил на отпор врагу». Там, в частности, утверждалось: «Только с 12 по 30 октября под Можайском, Малоярославцем, Волоколамском и Наро-Фоминском немцы потеряли убитыми 20 тысяч и ранеными 50 тысяч солдат. За это же время подбито и уничтожено 289 немецких танков, 198 самолетов, 142 орудия…

Дорогие товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Земля и леса, где Вы сейчас грудью защищаете нашу родную МОСКВУ, обагрена священной кровью наших предков, борьба которых вошла в историю разгрома наполеоновских полчищ. Наша святая обязанность не дать фашистским собакам топтать эту священную землю. Силы врага подорваны и истощаются, но все же враг еще силен и продолжает наступать. Фашисты, понесшие от Вашего огня и штыка большие потери, в последние дни вновь подвезли людские резервы. Подвозят боеприпасы, горючее и готовятся перейти в наступление на Москву… Сорвав планы врага и отразив очередное его наступление, мы не только не допустим его к МОСКВЕ, но и предрешим этим над Гитлером победу. Мы скуем его танки и авиацию, мы заставим его живую силу дрожать и гибнуть в сугробах суровой русской зимы. Уничтожим ее так, как наши предки уничтожили армию Наполеона».

Предлагался и конкретный способ, как именно уничтожить врага: «Оборону осуществлять как оборону активную, соединенную с контратаками. Не дожидаться, когда противник ударит сам. Самим переходить в контратаки. Всеми мерами изматывать и изнурять врага. Беспощадно расправляться с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей. Так учит нас наш СТАЛИН».

Потери противника в технике здесь выглядят правдоподобно, а вот людские потери, как всегда, многократно завышены. За весь октябрь германская сухопутная армия потеряла на всех фронтах, включая Северо-Африканский театр, 44 300 погибшими и пропавшими без вести. При этом надо учитывать, что в первой половине месяца, когда происходил прорыв фронта на московском направлении и на крымских перешейках, потери были значительно выше, чем во второй половине октября, когда интенсивность боевых действий уменьшилась и происходило преследование разбитых советских войск. Кроме того, во второй половине октября немецкая армия сражалась не только против Западного фронта, но и против Калининского, Брянского, Ленинградского, Юго-Западного, Северо-Западного и Южного фронтов, а также в Крыму. Не мог же вермахт за полмесяца потерять почти половину месячного числа убитых в борьбе только против одного из восьми советских фронтов! Очевидно, истинные немецкие потери Жуков в приказе завысил раза в четыре, чтобы сделать их сравнимыми с потерями своего фронта. По крайней мере, с теми, что указывались в донесениях. Фактические же потери Западного фронта наверняка были еще выше, чем 20 тысяч погибших.

К неоправданно большим потерям приводило стремление Жукова при малейшей возможности проводить контратаки и контрудары. В результате части бросались в бой неподготовленными, теряли много людей и техники, но поставленных целей не достигали. Возможно, Георгий Константинович опасался, что в противном случае немцам удастся создать мощные охватывающие группировки и повторить вяземский «котел». Между тем в условиях распутицы, а позднее — морозов немцы во многом утратили преимущество в мобильности и были уже не в состоянии окружить большие массы советских войск. Использование растраченных в контрударах сил и средств в обороне принесло бы больший эффект и позволило бы нанести противнику более значительные потери.

Рокоссовский вспоминал: «Перед самым началом неприятельского наступления (оно началось 15 ноября. — Б. С.) неожиданно поступил приказ комфронта Жукова нанести удар из района севернее Волоколамска по вражеской группировке. Чем руководствовался знавший обстановку командующий фронтом, давая такой приказ, мне и до сегодняшнего дня непонятно. Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки

определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания».

В результате наступление 16-й армии окончилось провалом. Рокоссовский так описал его ход: «Поначалу нашим частям, использовавшим неожиданность, удалось продвинуться до трех километров в глубину расположения противника, но затем еле удалось освободиться от этого вклинения. Участвовавшая в наступлении конная группа Л.М. Доватора отражала удары, наносимые врагом со всех сторон. Пользуясь подвижностью и смекалкой, она все же сумела вырваться и избежать полного окружения. Почти одновременно с этим нашим так называемым наступлением двинулся на всем участке, занимаемом армией, противник». Столь же неудачным было наступление 49-й и 50-й армий под Тулой 11 ноября.

В мемуарах Жуков утверждает, что инициатором упреждающих ударов по группе армий «Центр» был Сталин — «10 ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор со Сталиным. Сталин спросил у меня:

— Как ведет себя противник? Я ответил:

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление…

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящийся удар противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар нужно нанести в обход Волоколамска с севера, другой из района Серпухова вдоль реки Протва во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— А какими же силами, товарищ Сталин, мы будем наносить эти контрудары? Во фронте свободных сил нет. У нас имеются силы только для обороны, — ответил я.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и конницу, которая находится в районе Клина. В районе Серпухова используйте 2-й корпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Этого делать сейчас нельзя, товарищ Сталин, — ответил я. — Мы не можем бросать на сомнительные контрудары последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— У Вас во фронте 6 армий. Разве этого мало? Я ответил, что фронт обороны войск Западного фронта сильно растянулся, с изгибами он достиг в настоящее время до 500 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта. Сталин:

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером.

Я еще раз пытался доказать Сталину целесообразность (? — так у Жукова; по смыслу должно было бы быть «нецелесообразность». Я вполне допускаю, что здесь мы имеем дело с «оговоркой по Фрейду», когда человек бессознательно говорит то, о чем предпочел бы умолчать. Как мы сейчас увидим, Жуков на самом деле был сторонником контрударов. — Б. С.) контрударов единственными резервами, сославшись на неудобную местность севернее Волоколамска. Сталин положил трубку, и разговор был окончен».

Очень уж хотелось Георгию Константиновичу свалить на Сталина вину за неудавшиеся контрудары, а себя представить мудрым стратегом, видевшим всю порочность сталинских предложений. Однако и на этот раз маршал крепок задним умом. В действительности, не Сталин Жукову, а Жуков Сталину советовал нанести упреждающие удары. И наверняка не 10 ноября, а значительно раньше. Потому что еще 1 ноября Жуков писал в приказе об «активной обороне» и о том, что не надо дожидаться, пока противник нанесет удар, а самим переходить в контратаки. И совершенно фантастична ссылка Сталина на Шапошникова. Дело в том, что еще 16 октября основная часть сотрудников Генштаба во главе с захворавшим Шапошниковым отбыла из Москвы в Куйбышев. В Москве со Сталиным осталась только оперативная группа под руководством Василевского. Именно Александр Михайлович с этого времени за Шапошникова подписывал все директивы Ставки. В беседах с Симоновым Василевский отмечал, что «в должность начальника Генерального штаба я фактически вступил 5 октября 1941 года». Борис Михайлович вернулся в Москву только в 20-х числах ноября, так

что 10 ноября Сталин должен был советоваться не с Шапошниковым, а с Василевским. В конце ноября Борис Михайлович опять заболел, и Василевский вновь встал во главе Генштаба Мнения же Александра Михайлович и Георгия Константиновича по основным стратегическим вопросам, как показал опыт войны, обычно совпадали. И приход Василевского к руководству Генштабом значительно облегчил для Жукова отстаивание перед Сталиным своих предложений.

Александр Михайлович утверждает, что перед последним немецким наступлением на Москву в Генштабе думали даже не о контрударах, а о большом контрнаступлении: «Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы». Жуковский приказ от 1 ноября заставляет предположить, что именно Георгий Константинович был автором идеи контрнаступления.

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» настаивал на том, что через два часа после разговора со Сталиным отдал приказ Рокоссовскому о проведении контрудара, о чем и донес в Ставку. Но это донесение так и не было обнаружено, а 16-я армия, перешедшая в наступление 16 ноября почти одновременно с немцами, получила приказ не 10-го числа, а лишь накануне контрудара, так что для подготовки осталась всего одна ночь. Несостоявшийся разговор со Сталиным Георгию Константиновичу пришлось приурочить к 10 ноября потому, что именно в этот день он, Жуков, отдал приказ 49-й и 50-й армиям нанести удар на участке Алексин-Тула. Надо было дать понять читателям, что и это бессмысленное наступление предпринималось только под нажимом Верховного Командующего, вопреки мнению командующего Западным фронтом.

В мемуарах Жуков совершенно справедливо указал, что неудачные контрудары советских войск облегчили задачу группы армий «Центр»: «Из этих контрударов, где главным образом действовали кавдивизии (как именно действовали, мы уже видели на примере армии Рокоссовского. — Б. С.), ничего серьезного не получилось, их сила была незначительна, чтобы оказать влияние на ударные группировки. Соединения, участвовавшие в контрударах, понесли потери, и в нужный

момент они не оказались там, где им надлежало быть. Противник ударами своей авиации и контратакой танков нанес потери нашей контрударной группе и, обойдя ее, ударил в стык Калининского и Западного фронтов. Контрудар в районе Серпухова тоже ничего существенного не дал, а когда началось наступление армии Гудериана в обход Тулы и на Каширу, пришлось с большими трудностями выводить из боя кавалерийский корпус Белова и танковую дивизию Гетмана и форсированным маршем перебрасывать их в район Каширы». Эти слова звучали бы как похвальная для всякого полководца самокритика, если бы перед этим Георгий Константинович не постарался бы возложить ответственность за неподготовленные контрудары на Сталина.

В первые дни нового немецкого наступления на Москву, 16 ноября, произошел бой у разъезда Дубосеково, позднее вошедший в историю как «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев». Подвиг-то, безусловно, был, но вот число гвардейцев писавшие по горячим следам событий журналисты значительно приуменьшили. Только в 1990 году военный прокурор А.Ф. Катусев обнародовал материалы следствия и суда над одним из панфиловцев — участников памятного боя, И.Е. Добробабой (Добробабиным), успевшим позднее послужить в немецкой вспомогательной полиции. Этот суд состоялся в 1948 году и помог прояснить как подлинную картину схватки пехотинцев с танками, так и обстоятельства рождения легенды. Корреспондент «Красной Звезды» В. Коротеев рассказал следователю: «Примерно 23–24 ноября 1941 года я вместе с военным корреспондентом газеты „Комсомольская правда“ Чернышевым был в штабе 16-й армии… Мы лично говорили с Рокоссовским, который познакомил нас с обстановкой… При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-й гвардейской, Панфиловской, дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайно тяжелой обстановке, но сообщил, что, независимо от тяжелых условий боев, наши люди геройски дерутся на всех участках… В частности, Егоров привел пример геройского боя одной роты с немецкими танками… В то время вопрос шел о бое пятой роты с танками противника, а не о бое 28 панфиловцев. Егоров порекомендовал нам написать в газете о героическом бое роты с танками…».

Корреспондент также объяснил, как появилось сакраментальное число 28: «По приезде вечером… я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же людей

было в роте… Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30–40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями… 28 ноября в „Красной Звезде“ была написана передовая „Завещание 28 павших героев“ (дата тоже могла сыграть свою роль. — Б.С.). Я не знал, что готовилась Передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся — 28 человек, так как из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе… В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; эти делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах…».

По законам армейской пропаганды, отрицательные явления могли быть лишь единичными случаями, нехарактерными для Советских Вооруженных Сил. Поэтому в военной прессе появлялись сообщения типа: «Рядовой Иванов получил 10 суток гауптвахты за распитие спиртных напитков». Поскольку писать, что вместе с Ивановым бутылку водки оприходовали еще рядовые Петров и Сидоров, было нельзя, то у неискушенного читателя, особенно иностранца, могло сложиться превратное представление, будто русские солдаты пьют только в гордом одиночестве. Вот и двух перебежчиков-панфиловцев бдительному Ортенбергу показалось много, и он заменил их на одного, А Кривицкий заставил нескольких солдат, не сговариваясь, расстрелять предателя, тогда как на самом деле оба перебежчика благополучно достигли немецких позиций. Коротеев же привел и совершенно фантастические цифры потерь, которые нанесла неприятелю 316-я Панфиловская дивизия: она якобы «уничтожила около 70 танков… и свыше 4000 солдат и офицеров…». Вероятно, эти данные были почерпнуты из донесения, поступившего в штаб 16-й армии. Очень несложно показать их несуразность. За период с 16 по 23 ноября 41-го года германские сухопутные силы потеряли на Восточном фронте всего 25 131 солдата и офицера, в том числе безвозвратно — 5 829, лишь немногим больше, чем дивизия Панфилова ухитрилась уничтожить на бумаге за каких-нибудь 3 дня боев! Опять немецкие потери давались «от фонаря», лишь бы они были не меньше тех, что понесла своя дивизия.

Подлинную картину боя нарисовал бывший командир 1075-го стрелкового полка полковник И.В. Капров: «Формировалась дивизия в городе Алма-Ате. Примерно 50 процентов в дивизии было русских, проживавших в Средней Азии, а остальные 50 процентов были казахи, киргизы и небольшое количество узбеков. В такой же пропорции был укомлектован и полк, которым я командовал. Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)… В первых числах октября дивизия была переброшена под Москву и выгрузилась в г, Волоколамске, откуда походным порядком вышла на позиции в районе г. Осташево. Мой полк занял оборону (совхоз Булычеве-Федосьино-Княжево). Примерно в течение 5–6 дней полк имел возможность зарыться в землю, так как подготовленные позиции оказались негодными, и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, все переделывать заново. Мы не успели как следует укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве. Завязались тяжелые бои с немецкими танками, причем у немцев было превосходство в силах и в технике. В этих тяжелых боях вся дивизия и мой полк под нажимом превосходящих сил противника отходили до станции Крюково под Москвой. Отход продолжался до первых чисел декабря 1941 года…

К 16 ноября 1941 года полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. 2-й батальон занимал оборону: поселок Ново-Никольское, поселок Петелино и разъезд Дубосеково. Батальоном командовал майор Решетников, фамилии политрука батальона не помню (для истории это имя надо сохранить — политрук Трофимов, которого, в отличие от легендарного Клочкова, не знает никто. — Б, С.), в батальоне было три роты: 4-я, 5-я и 6-я… Четвертой ротой командовал капитан Гундилович, политрук Клочков… Занимала она оборону — Дубосеково, Петелино. В роте к 16 ноября 1941 года было 120–140 человек. Мой командный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездной будки примерно в 1 1/2 км от позиций 4-й роты. Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4

противотанковых ружья. К 16 ноября дивизия готовилась к наступательному бою, но немцы нас опередили. С раннего утра 16 ноября 1941 года немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10–12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли… Около 14.00–15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15–20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40–45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа — меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота: во главе с командиром роты Гундшговичем уцелело человек 20–25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше…».

Согласно политдонесению комиссара 1075 полка Мухамедьярова от 18 ноября 41-го года, за два предшествовавших дня полк потерял 400 человек убитыми, 100 человек ранеными и 600 человек пропавшими без вести Начальник же политотдела 316-й дивизии Галушко в донесении от 17 ноября отметил, что, несмотря на самоотверженность бойцов и командиров 1075 полка, слабая противотанковая оборона не позволила остановить немцев, причем в полку «пропало 2 роты». Мухамедьяров доносил, что противник потерял 800 человек и 15 танков. Насчет танков, принимая во внимание рассказ Капрова, цифра, возможно, близка к истине, если учитывать не только уничтоженные, но и поврежденные машины. А вот потери немцев в людях явно вымышлены. Ведь, судя по показаниям Капрова, немцы атаковали танками, без пехоты, и потери могли понести только очень небольшие, среди танковых экипажей. Немецкое командование рискнуло пустить танки в бой без пехотного

прикрытия потому, что знало из данных разведки — у противника почти нет противотанкового оружия. Это только в кино боец ловко пропускает танк через окоп, а потом поражает его гранатой или бутылкой с зажигательной смесью. В жизни такое случается нечасто. Неудивительно, что немцы о подвиге 28 панфиловцев ничего не знали. Для танкистов Гота это был обычный, ничем не примечательный бой, не отмеченный большими потерями

Командир и комиссар 1075 полка были сняты со своих постов. Их обвинили в отходе с позиций без приказа и больших потерях в полку. Понятно, что комиссар в донесении стремился показать неприятельские потери не меньшими, чем понес 1075 полк, и тем парировать часть обвинений. Помеченное же в донесении количество уничтоженных всем полком немецких танков впоследствии увеличили до 18 и полностью отнесли на счет мифических «28 панфиловцев».

Восстановили Капрова и Мухамедьярова в должностях в декабре 41-го, когда разбитый полк находился на переформировании. К тому времени газеты вовсю трубили о подвиге 28 героев-панфиловцев, и было бы неудобно привлекать командира и комиссара к ответственности за поражение, которое объявили чуть ли не победой.

Хотя, справедливости ради, должен заметить, что, как командир полка, Илья Васильевич Капров действовал далеко не лучшим образом. Раз наиболее танкоопасной была местность перед позициями 2-го батальона, что же мешало командиру полка направить на этот участок 7 или 8 из имевшихся 11 противотанковых ружей? Он же предпочел распределить ружья между батальонами практически поровну, по системе 4-4-3. Эта ошибка, наряду с другими обстоятельствами, способствовала катастрофическому исходу боя. Подтверждается старая истина: рядом с каждым подвигом всегда есть место некомпетентности.

Так был ли подвиг? Может, и подвига-то никакого не было? Подвиг был, но не такой громкий, не такой результативный по нанесенным врагу потерям, как писали газеты. Зато куда более трагичный по понесенным жертвам. Не 28, а четырежды по 28 полегло панфиловцев только на небольшом участке 4-й роты под Дубосеково. Немалое мужество требовалось, чтобы бороться с танками при помощи музейных пушек и немногих противотанковых ружей, поражавших бронетехнику с расстояния не дальше 250–300 метров. Бороться на необустроенных до конца

позициях, в условиях, когда дивизия готовилась наступать, а не обороняться (после наступления из 1075 полка, боюсь, вообще никто бы не уцелел). И никогда не произносил политрук Клочков патетического: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!». Думаю, что его последние слова были из тех, что в газетах не печатают. А лозунг выдумал журналист А.Ю. Кривицкий, в чем честно признался следователям в 48-м году. Как именно погиб политрук 4-й роты Василий Георгиевич Клочков — неизвестно. Свидетелей не осталось. Но наверняка это была честная солдатская смерть.

Не все в панфиловской дивизии сражались так, как легендарный политрук. Например, по донесению члена Военного Совета 16-й армии А.А. Лобачева от 27 октября 1941 года один из красноармейцев все того же 1075 полка говорил сослуживцам — «Нас хотят уморить голодом. С красноармейцами обращаются, как с собаками. Нас прислали на убой». В соседнем 1073-м полку настроения были не лучше. Многие думали. «Надо бросать воевать. Все равно немца не победить». А в 1077 полку можно было слышать и совсем крамольные речи: «Это только успокаивают народ. Сейчас 50 процентов колхозников настроены против Советской власти. Наши генералы кричали, что будем бить врага на чужой территории, а делается все наоборот. Русский народ продали генералы».

Надо помнить, что 316-я дивизия формировалась в Казахстане. Многие из служивших в ней русских — бывшие ссыльные или раскулаченные. А красноармейцы казахской национальности хорошо помнили геноцид начала 30-х годов, когда при подавлении стихийного восстания и от вызванного коллективизацией голода погибло более полутора миллионов казахов. Так что особых причин любить Советскую власть у них не было. Впрочем, как и у немалого числа бойцов в других соединениях.

Полковник Капров не обманывал следователя, когда утверждал, что его полк почти не имел противотанковых средств к началу немецкого наступления. Но он благоразумно не стал уточнять, что месяцем ранее артиллерии, обычной и противотанковой, как у панфиловской дивизии, так и у всей 16-й армии было достаточно. Такое положение сохранялось до сдачи Волоколамска, последовавшей 27 октября. В том бою за город 1075 полку было придано два артиллерийских полка противотанковых орудий, а всего к началу сражения за

Волоколамск 16-я армия располагала 125 полевыми и 73 противотанковыми орудиями. После сдачи города советские войска недосчитались 62 полевых орудий, а из противотанковых уцелело всего 13. Беда была в том, что пехота не прикрывала толком артиллерию. Как отмечал начальник артиллерии 16-й армии генерал-майор В.И. Казаков, в ходе боевых действий на волоколамском направлении «артиллерия совершенно не имела потерь от танков и имела совершенно незначительные потери от авиации противника… как в личном составе, так и в материальной части до тех пор, пока не понесла тяжелых потерь от пехоты и автоматчиков противника, зашедших на фланги и в тыл боевых порядков артиллерии. При нормальном наличии нашей пехоты для прикрытия орудий артиллерия не имела бы таких тяжелых потерь, а противник имел бы большие потери в танках и пехоте…».

Удержать Волоколамск не удалось не из-за значительного превосходства противника в людях и технике, а вследствие неумелых действий командования. Панфилов на наиболее угрожаемое направление поставил не самый боеспособный, а самый слабый из полков дивизии, который даже еще не закончил формирования. А Рокоссовский не стал использовать для подкрепления панфиловцев кавкорпус Доватора, находившийся на пассивном участке фронта.

Как мы убедились, крупные ошибки допускали такие прославленные герои Московской битвы как Рокоссовский и Панфилов (их репутация искусных военачальников кажется мне сильно завышенной). Сам Георгий Константинович тоже был небезгрешен. А когда ошибки нижестоящих начальников накладывались на ошибки вышестоящих, хороший в основе замысел, обещавший успех, при своей реализации оборачивался большими потерями и неудачами.

Под натиском противника 16-я армия Рокоссовского отходила к Истринскому водохранилищу. Командарм решил отвести войска за эту водную преграду, чтобы выделить дополнительные силы для занятия оборонительных позиций у Солнечногорска. Однако Жуков отход запретил и послал Рокоссовскому грозную шифровку «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу не отступать». Константин Константинович в мемуарах прокомментировал этот приказ следующим образом: «…

Вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск».

В беседе же со слушателями Академии имени Фрунзе в 1962 году он нарисовал куда более колоритную картину: «Жуков был не прав (когда запретил 16-й армии отходить за Истринское водохранилище. — Б.С.). Допущенная им в этот день при разговоре по телефону ВЧ грубость переходила всякие границы. Я заявил, что если он не изменит тона, то прерву разговор».

Рокоссовский полагал, что подобными приказами Жуков стремился «обеспечить себя от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а „волевой“ документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти „волевые“ приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!»

Вот и с истринским рубежом вышло по принципу: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Войскам, посланным на оборону солнечногорского направления, Жуков приказал нанести очередной контрудар. 23 ноября Георгий Константинович потребовал группой генерала Доватора, усиленной 44-й кавдивизией (точнее, тем, что от дивизии осталось), уже с утра 24-го нанести удар в тыл солнечногорской группировки. Поспешно подготовленное наступление пользы не принесло, войска Рокоссовского были отброшены в исходное положение. Тем временем немцы на плечах отступавших форсировали Истринское водохранилище, а 25-го пал Солнечногорск.

Жуков в мемуарах хорошо передал драматическое напряжение этих последних оборонительных боев на подступах к столице: «В район Солнечногорска, в распоряжение командарма Рокоссовского Военный совет фронта перебрасывал все, что мог с других участков фронта, включительно до групп солдат с противотанковыми ружьями, отдельными группами танков, артиллерийские батареи, зенитные дивизионы ПВО страны… с тем, чтобы хотя бы временно задержать здесь противника до прибытия сюда 7-й дивизии из района Серпухова, 2-х танковых бригад и двух противотанковых артполков из резерва Ставки…

Вечером 29 ноября, воспользовавшись слабой обороной моста через канал Москва-Волга, танковая часть противника захватила мост в районе Яхрома и прорвалась за канал. Здесь она была остановлена подошедшими передовыми частями 1-й ударной армии, которой командовал В. И. Кузнецов, и после напряженного боя отброшена обратно за канал… 1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвались в центре фронта на стыке 5-й и 33-й армий и двинулись по шоссе на Кубинку, но у деревни Акулово их встретила 32-я стрелковая дивизия своим артиллерийским огнем… Это была последняя попытка гитлеровцев прорваться на Москву».

Для того чтобы замедлить немецкое продвижение, советские войска применяли тактику «выжженной земли». 17 ноября 1941 года за подписями Сталина и Шапошникова вышел приказ Ставки «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск». Там отмечалось, что «германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах… Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии». Ставка требовала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты» в немецком тылу с помощью авиации, артиллерии и специальных команд, снабженных взрывчаткой и бутылками с зажигательной смесью. В каждом полку предписывалось создавать такие добровольческие «факельные команды» по 20–30 человек из «наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников», а «выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов» представлять к наградам. При отступлении войска должны были «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты».

29 ноября, за неделю до начала контрнаступления, Жуков доносил в Ставку, что команды «факельщиков» уже сформированы и в немецкий тыл направлены диверсионные группы общей численностью в 500 человек (одной из них была легендарная Зоя Космодемьянская).

Тактика «выжженной земли» в какой-то мере затрудняла продвижение немецких войск. Но все же больше всего страдало от нее мирное население. Ведь у солдат вермахта были для обогрева автомобили, палатки и горючее. И в уцелевших домах селились только они, выгоняя местных жителей на мороз.

К концу ноября немецкое выступление на Москву выдохлось. Гальдер записал в своем дневнике 29 ноября мнение фон Бока, что «если развернутое сейчас на Москву наступление не будет иметь успеха… то Москва станет вторым Верденом, т. е. сражение превратится в ожесточенную фронтальную бойню». Самое большее, на что, по его мнению, мог рассчитывать вермахт, это — «подойти северным флангом группы армий „Центр“ к Москве и занять 2-й танковой армией излучину Оки северо-западнее Тулы с целью использования этого района для расквартирования на зиму». А 5 декабря начальник Генштаба сухопутных сил отметил: «Фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска». И уже 6 декабря Гальдер зафиксировал первые последствия советского контрнаступления: «В результате наступления противника на северный фланг 3-й танковой группы создалась необходимость отвода наших войск, расположенных южнее Волжского водохранилища».

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» утверждал:

«1 декабря я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил дать приказ о подчинении мне 1-й и 10-й армий, чтобы нанести противнику более сильные удары и отбросить его подальше от Москвы.

Сталин выслушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-либо новую крупную группировку?

— Противник истощился, — ответил я. — Но и войска фронта без ввода в дело 1-й и 10-й армий не смогут ликвидировать опасные вклинения, и, если мы их сейчас не ликвидируем, противник может в будущем свои группировки подкрепить крупными резервами, которые он может собрать за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда может серьезно

осложниться положение.

Сталин ответил, что он посоветуется с Генштабом. Я не стал звонить в Генштаб и попросил начштаба фронта В.Д. Соколовского… позвонить Б.М. Шапошникову и доказать целесообразность быстрейшей передачи фронту резервных армий. Поздно вечером 1 декабря нам сообщили о решении Ставки передать фронту 1, 10-ю и полностью все соединения 20-й армии. Б.М. Шапошников передал, что Сталин приказал прислать ему план использования передаваемых армий».

Далее Жуков цитирует соображения по использованию этих армий, представленные штабом Западного фронта 3 декабря. 1-ю ударную планировалось двинуть на Клин, 20-ю — на Солнечногорск, а 10-ю — на Узловую и Богородицк. Георгий Константинович утверждал, что «контрнаступление советских войск под Москвой не является отдельной, самостоятельной операцией. Оно явилось следствием и продолжением успешных контрударов на флангах фронта. Использовав благоприятные условия, сложившиеся для наших войск в районе Москвы, Ставка одновременно с Западным фронтом приказала перейти в контрнаступление войскам Калининского фронта и правому крылу Юго-Западного фронта».

Тут маршал, в который уже раз, лукавит. Он пытается представить советское контрнаступление под Москвой как едва ли не спонтанное событие, выросшее без четкого плана, из начавшихся в силу жесткой необходимости контрударов против фланговых группировок противника, нацеленных на обход Москвы. Но документы доказывают: дело обстояло совсем не так. Вот передо мной «Объяснительная записка» Жукова, Булганина и Соколовского к плану-карте контрнаступления армий Западного фронта. Она датирована 13 ноября и адресована заместителю начальника Генштаба Василевскому, замещавшему больного Шапошникова аж до 13 декабря (только с 14-го декабря под директивами вновь появляется подпись Бориса Михайловича). Георгий Константинович предлагал начать наступление основных сил 3–4 декабря, а примыкавшей к флангу Калининского фронта 30-й армии — 5–6 декабря. Жуков собирался «ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле» фронта. По северной группировке должны были ударить 16-я, 20-я, 30-я и 1-я ударные армии, по южной — 10-я.

Одновременно удары с ограниченными целями наносили и все остальные армии Западного фронта. Подобное распыление сил, стремление быть сильнее противника во всех пунктах затрудняло достижение крупного оперативного успеха, разгром основных сил неприятеля.

Жуков предлагал оценивать руководимое им контрнаступление как некую импровизацию, ставившую цель лишь отбросить противника от Москвы, но совсем не обязательно уничтожить при этом его ударные группировки. Между тем в конце 41-го Георгий Константинович рассчитывал на достижение решительных целей. Этому способствовало положение ударных группировок немецких войск, достаточно далеко обошедших Москву с севера и юга, чтобы попасть под угрозу окружения, но не достигших позиций, с которых можно было бы замкнуть кольцо вокруг советской столицы. Построить на достигнутых рубежах прочную оборону немцы явно не успевали. Потому и просил Жуков Василевского поторопить Сталина дать директиву на наступление, «иначе можно запоздать с подготовкой». 1 декабря Сталин и Василевский соответствующую директиву подписали.

В последние дни перед контрнаступлением Георгий Константинович разговаривал с Верховным Главнокомандующим отнюдь не всегда так вежливо и спокойно, как это представлено в «Воспоминаниях и размышлениях». 4 декабря 1941 года в штабе Западного фронта проходило совещание с командующими армиями. Жуков ставил им задачи на контрнаступление. Тут позвонил Сталин. Вот как эта сцена запомнилась жуковскому порученцу Н. Казьмину: «Жуков находился в напряжении. Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: „Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там в Кремле можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим заниматься“. Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг. Сталин после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил:

— Товарищ Жуков, как с Москвой?

— Москву я не сдам.

— Тогда я пойду отдохну пару часов».

Позднее одной из своих знакомых, Людмиле Лактионовой, Жуков так прокомментировал этот инцидент: «Он пойдет отдохнет, а я тут не сплю несколько ночей». По всей видимости, в 46-м на памятном для Жукова заседании Главного Военного Совета и он, и Сталин о том разговоре вспомнили, и Георгий Константинович пожалел о былой несдержанности. Сталин таких оскорблений никогда не забывал, откладывая расчет с обидчиком до подходящего момента. В войну Жуков был нужен, а вот после войны настало самое время указать зарвавшемуся маршалу на его настоящее место в стране и мире.

Для контрнаступления были сосредоточены значительные резервы. Прежде всего, это три армии: 1-я Ударная, 10-я и 20-я, сформированные из свежих дивизий, переброшенных из Сибири и Дальнего Востока (в их ряды мобилизовали, вспомним свидетельство Власова, немало бывших заключенных). Кроме того, соединения из резерва Ставки влились в 30-ю и 16-ю армии, а также в армии Калининского фронта, который должен был оказать содействие в разгроме немецкой группировки в Калинине. Вряд ли было оправдано использование предназначенных для контрнаступления соединений в последние дни оборонительного сражения, на что пошли Жуков и Конев, опасаясь прорыва противника к Москве. Группа армий «Центр» уже не имела сил для такого прорыва, а тем более для успешного завершения операции по окружению и взятию Москвы. Ведь в начале декабря немцы еще не вступили в собственно Московскую зону обороны, а уже исчерпали все возможности для продолжения наступления.

5 и 6 декабря войска Западного, Юго-Западного и Калининского фронтов перешли в контрнаступление. К концу декабря группа армий «Центр» оказалась отброшена от Москвы на 100–150 километров, до Ржева, Волоколамска, Рузы, Мосальска, Белёва и Мценска, где контрнаступление фактически завершилось. Жуков так оценил его результаты: «Ударные группировки немецкой группы армий „Центр“ потерпели тяжелое поражение и отступили».

Немецкое командование было встревожено советским контрнаступлением под Москвой, ставшее для вермахта полной неожиданностью. Даже приказ об общем переходе к обороне Гитлер отдал лишь 8 декабря. Гальдер записал в дневнике

накануне: «События дня ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письменосца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения, вроде приказа на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза-Осташков»[3].

19 декабря главнокомандующий сухопутных сил фельдмаршал фон Браухич, страдавший тяжелым сердечным заболеванием, подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Во главе сухопутной армии встал сам Гитлер. А еще 16 декабря он отдал свой знаменитый «стоп-приказ», требующий от офицеров и генералов «своим личным примером… заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл». Гальдер так суммировал основные положения этого приказа: «Об отходе не может быть и речи. Отводить войска только с таких участков, где противник добился глубокого прорыва. Создание тыловых рубежей — это фантазия. Фронт страдает только от одного — у противника больше солдат. Зато он не располагает большим количеством артиллерии. Его положение гораздо хуже, чем наше».

Не то чтобы фюрер вовсе отвергал идею создания тыловых оборонительных рубежей. Просто он сознавал, что для их оборудования требуется время, которое надо выиграть за счет «фанатического упорства» обороняющихся войск. Еще 6 декабря на совещании с руководством сухопутных сил Гитлер подчеркнул:

«Принципиально нет никаких сомнений и колебаний в отношении сокращения линии фронта. Однако сначала нужно подготовить этот новый рубеж, отрыть стрелковые окопы, установить печи и т. д.». Генерал Гюнтер Блюмментрит, бывший начальник штаба 4-й армии группы «Центр», впоследствии не без оснований утверждал, что «стоп-приказ» Гитлера спас немецкие войска под Москвой от катастрофы: «Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко драться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона. Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5-10 километров за одну ночь. Большего нельзя было и требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно

тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности. После нескольких ночей такого отступления солдаты настолько изнемогали, что, останавливаясь, просто ложились на снег и замерзали. В тылу не было заранее подготовленных позиций, куда войска могли бы отойти… Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад». При этом жесткая оборона сочеталась с организованным отходом по мере создания тыловых оборонительных рубежей. Гитлер отход санкционировал, но одновременно использовал его как предлог для замены командующих на Востоке. В декабре 41-го и январе 42-го были смещены командующие всех трех групп армий фельдмаршалы фон Рундштедт, фон Бок и фон Лееб, а также многие командующие армиями, включая Гудериана, Гёпнера, Штрауса, Штюльпнагеля и Вейхса».

Немцам в основном удалось сохранить целостность Восточного фронта, где особенно сильное давление вермахт испытывал на центральном участке Потери в людях при отступлении оказались сравнительно небольшими. Если в ноябре 41-го безвозвратные потери германских сухопутных сил составили 32 800 человек, то в декабре — 49 453. Жуков, однако, считал, что только за первые пять дней контрнаступления немецкие армии, противостоявшие Западному фронту, убитыми потеряли 85 тысяч человек, почти вдвое больше, чем вся германская Восточная армия понесла безвозвратных потерь за целый декабрь.

Тут и комментировать нечего.

В первой половине ноября активность на фронте была невысокой из-за распутицы. В октябре же, когда начался «Тайфун», немецкие потери убитыми и пропавшими без вести достигали 44 300 человек и были всего на 5 тысяч меньше декабрьских. Также и общие потери германской армии на Востоке погибшими, пленными, ранеными и больными в декабре лишь немного превысили ноябрьский уровень, но были значительно ниже октябрьского. В период с начала октября и до 6 ноября они составили 131 079 человек, с 7 ноября до 10 декабря — 88 921 человека, а с 11 декабря 41-го по 10 января 42-го — 92 313 человек. Превышение же безвозвратных потерь в декабре по сравнению с октябрем было достигнуто за счет резкого увеличения числа пленных: количество пропавших без вести возросло с 1 900 до 40 453.

Вот потери в боевой технике у вермахта были значительны. Приходилось бросать оставшиеся без горючего и застрявшие в снегах танки и орудия. За декабрь потери в танках составили 440 машин, за январь — еще 511. (Жуков, правда, сообщал в Ставку, что только в период с 6 по 10 декабря войска фронта захватили 386 танков противника и уничтожили еще 271, но в эти цифры, кажется, не верил и он сам). Однако до рекордного ноябрьского уровня в 1478 машин было очень далеко. Тогда на потери танков сильно влияла распутица, и, кроме того, немецкие танковые группы часто вынуждены были атаковать без поддержки далеко отставшей пехоты, как это было, например, у разъезда Дубосеково. За два последних месяца 41-го года вермахт, главным образом под Москвой, потерял на 106 танков больше, чем за предшествовавшие четыре с лишним месяца войны Танковые клинья группы армий «Центр» были обескровлены усилиями армий Жукова и Конева.

В ходе контрнаступления советские войска понесли очень большие потери. Один Калининский фронт, далеко не самый многочисленный, в декабре потерял, даже по заниженным данным армейских донесений, более 60 тысяч убитыми, ранеными, пленными и больными — всего в полтора раза меньше, чем германские войска потеряли за тот же период на всем Восточном фронте. Скольких же бойцов и командиров лишился самый сильный Западный фронт Жукова и Красная Армия в целом, подумать страшно. Только одна 323-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта за три дня боев, с 17 по 19 декабря 1941 года, потеряла 4 138 человек, в том числе 1 696 — погибшими и пропавшими без вести Это дает средний ежедневный уровень потерь в 1 346 человек, в том числе безвозвратных — в 565 человек Вся германская Восточная армия, насчитывавшая более 150 дивизий, за период с 11 по 31 декабря 1941 года включительно имела средний ежедневный уровень потерь лишь немногим больший. В день немцы теряли 2 658 человек, в том числе только 686 — безвозвратно.

Это просто потрясает! Одна наша дивизия теряла столько же, сколько 150 немецких. Даже если допустить, что не все германские соединения за последние три недели декабря 41-го года ежедневно были в бою, даже если предположить, что потери 323-й стрелковой дивизии в трехдневных боях были почему-то уникально велики, разница слишком бросается в глаза и не может быть объяснена статистическими погрешностями. Тут надо

говорить о погрешностях социальных, коренных пороках советского способа ведения войны.

Очевидно, что потери Красной Армии превосходили потери вермахта в десятки раз, и особенно велик был вклад в них руководимого Жуковым Западного фронта. И это через полгода после начала войны, когда о внезапности германского нападения и связанных с этим преимуществах говорить уже не приходилось. Наоборот, свежие, по-зимнему обмундированные и хорошо вооруженные сибирские дивизии атаковали вконец измотанные германские войска, замерзавшие без зимней одежды и испытывавшие нехватку горючего и боеприпасов.

29 января 1942 года Георгий Константинович доносил в Ставку, что за декабрь и первую половину января войска фронта потеряли 276 206 человек, в том числе 55 166 человек убитыми, в два с половиной раза больше, чем вся германская сухопутная армия на Востоке, потерявшая с 10 декабря по 20 января 111 550 человек. Соотношение же по убитым неожиданно оказывается более благоприятным для Западного фронта, поскольку немецкие безвозвратные потери в указанный период достигли 29 826 человек и были меньше потерь Западного фронта лишь в 1,8 раза. Здесь, по всей вероятности, сказался недоучет безвозвратных потерь в Красной Армии.

Жуков в своем донесении почему-то не назвал числа пропавших без вести. Здесь тот редкий случай, когда его данные военного времени можно скорректировать с помощью данных, приводимых в книге «Гриф секретности снят». Там потери Западного фронта вместе убитыми и пропавшими без вести за несколько меньший период, с 5 декабря 41-го по 7 января 42-го, показаны в 101 192 человека, а санитарные потери — в 160 038 человек. Можно предположить, что пропавших без вести было около 61 тысячи и что в своем донесении от 29 января Жуков, стремясь уменьшить размер безвозвратных потерь, включил пропавших без вести в число раненых и больных. В этом случае действительная величина безвозвратных потерь Западного фронта будет равна примерно 116 тысячам человек, что вчетверо превышает безвозвратные потери германских сухопутных сил на всем Восточном фронте в этот период.

Причины, по которым советским войскам не удалось разгромить группу армий «Центр» зимой 41-го, лежали, среди прочего, в особенностях жуковской стратегии. Василевский

пишет:

«16 декабря Ставка указала командующему Западным фронтом, что он неоправданно сосредоточил перед Волоколамском целых четыре армии и что 30-ю армию надо передать Калининскому фронту. Эта армия была нацелена против калининской группировки противника и должна была наступать в тесном взаимодействии с войсками Конева. Если бы такое взаимодействие осуществлялось с первых дней контрнаступления, возможно, эту немецкую группировку удалось бы окружить.

Жуков стремился быть сильным везде, нанося удар растопыренными пальцами, а не сжатым кулаком. Впрочем, те же недостатки были присущи и другим командующим. Так, 12 декабря Сталин по прямому проводу наставлял Конева: «Вместо того чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы… вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их».

Можно согласиться с Василевским, когда он утверждает:

«В ходе контрнаступления под Москвой выявился ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях. В течение первых десяти дней правое крыло Западного фронта, ведя упорные бои за вражеские узлы сопротивления и опорные пункты, продвигался медленнее, чем было запланировано. Правда, продвижению мешал довольно глубокий снежный покров. Однако главное заключалось в нехватке танков, авиации, боеприпасов на нужном направлении. Соединения, части и подразделения… атаковали после короткой, недостаточной по силе артподготовки; сопровождение атакующих пехоты и танков в глубине обороны противника артиллерийским огнем применялось не совсем удачно и не всегда. Танковые части использовались для непосредственной поддержки пехоты, почти не получая самостоятельных задач». В результате группа армий «Центр» избежала готовившегося ей окружения и со сравнительно небольшими потерями отошла в начале января 1942 года на Ржевско-Вяземский плацдарм. Оттуда по прямой до Москвы все еще было довольно близко — 150 километров.

После войны Симонов пытал Жукова: могли ли немцы взять Москву в 41-м году? Маршал охотно подтвердил — могли: «Для того чтобы выиграть сражение, им (немцам. — Б. С.) нужно было

еще иметь… на направлении главного удара во втором эшелоне дивизий 10–12, то есть нужно было иметь там с самого начала не 27, а 40 дивизий. Вот тогда они могли бы прорваться к Москве. Но у них этого не было. Они уже истратили все, что у них было, потому что не рассчитали силу нашего сопротивления».

Георгий Константинович не задумался над вопросом, откуда бы Гитлер в ноябре-декабре 41-го мог взять лишних 12 дивизий? Ведь не просто же так растратил вермахт все резервы на пути к Москве. Эти резервы понадобились для перемалывания советских армий и фронтов. Даже если бы требуемые дивизии каким-то чудом нашлись, что бы они смогли сделать с переброшенными к Москве резервными армиями: 1-й ударной, 10-й, 20-й, 26-й, 39-й, 61-й? С перебрасываемыми в те дни под Москву 39 дивизиями и 42 бригадами? Нет, не было у Гитлера никаких шансов взять Москву.

Жуков специально преувеличил опасность положения, чтобы оттенить собственную роль спасителя Москвы. Переброской же войск занимались Сталин и Генштаб. Георгий Константинович предпочитал не акцентировать внимание на прибытии стратегических резервов, без которых Москву было не удержать. Он мечтал единолично носить лавры Московской победы. Симонов верно отметил: «…В глазах участников войны наша победа под Москвой была связана, прежде всего, с двумя именами: с именем Сталина, оставшегося в Москве и произнесшего 7 ноября 1941 года всем нам памятную речь на Красной площади, и с именем Жукова, принявшего командование Западным фронтом в самый катастрофический момент, когда судьба Москвы, казалось, висит на волоске… Имя Жукова связано в народной памяти и со спасением Ленинграда, и со спасением Москвы. И истоки этой памяти уходят в саму войну, в 41-й год, в живое тогдашнее сознание современников».

Самым важным было то, что и Сталин считал Жукова полководцем, больше всех других сделавшим для отражения немецкого наступления на столицу. За победу под Москвой Верховный прощал позднее Георгию Константиновичу многие прегрешения. И пожаловал дачу в Сосновке в пожизненное пользование.

Кончился 41-й год — самый тяжелый год войны. Германская армия добилась выдающихся успехов. Потери советских войск убитыми, ранеными и пленными составили около 8 миллионов

человек — не менее 2/3 от общего числа введенных в бой военнослужащих. Когда Гитлер в начале декабря на совещании со своими генералами говорил, что русские потери в 10 раз больше немецких, он, к сожалению, не ошибся. К концу года общие немецкие потери на Востоке не превышали 831 тысячи человек. Красная Армия безвозвратно лишилась 20,5 тысяч танков — 9/10 всех, что имела к началу войны. Уже к 10 августа люфтваффе уничтожили 10 тысяч советских самолетов — практически всю авиацию, располагавшуюся в приграничных округах накануне 22 июня. Было уничтожено и 101 тысяча орудий и минометов из примерно 113 тысяч, числившихся в Красной Армии в начале войны. Более катастрофического результата трудно себе представить. Правда, и вермахт потерял, уничтоженными и поврежденными, 3730 танков и 4643 самолета, но большинство машин удалось вернуть в строй. Тем не менее Гитлер так и не достиг своей цели подавления советского сопротивления и выхода на линию Архангельск — Астрахань. Эта линия, обозначавшая предел, дальше которого вермахт не должен был оккупировать территорию СССР, все еще не была даже в зоне эффективного воздействия германской авиации.

Фюрер недооценил способности коммунистического режима к всеобщей мобилизации. Уже в 41-м в Советском Союзе мобилизация людских ресурсов для нужд армии и военного производства была более тотальна, чем в Германии в 44-м, на пике ее военных усилий. И дело даже не в том, что в Рейхе вплоть до 1943 года сохранялось значительное производство потребительских товаров для нужд населения. Еще важнее была готовность Сталина и его генералов, не исключая, разумеется, Жукова, забрасывать противника трупами красноармейцев. В бой бросались все мужчины, способные носить оружие, в тылу их место занимали женщины и дети. В Германии вплоть до самого конца делался упор на хорошую подготовку пополнений. В СССР всю войну предпочитали бросать в бой необученных, а часто и невооруженных новобранцев. Лишь ценой огромных потерь Красная Армия смогла остановить вермахт. Жуков в беседах с Симоновым абсолютно верно подчеркивал, что германская армия в тот момент была лучшей армией в мире: «Надо будет наконец посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось сражаться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира». К сожалению, Георгий Константинович так отчетливо понял все это лишь после войны. А

в конце 41-го, после успешного контрнаступления, надеялся, как и миллионы наших соотечественников, что врага удастся вскоре разбить и изгнать с советской территории.

1942-й год: триумф и трагедия

6 января 1942 года, как утверждал Жуков в ранней редакции «Воспоминаний и размышлений», состоялось заседание Ставки Верховного Главнокомандования, где рассматривался план дальнейших действий. Сталин будто бы сказал: «Немцы сейчас в растерянности от поражения под Москвой и плохо подготовились к зиме — сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление». Георгий Константинович возразил: «На Западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление, но для успешного наступления необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить фронты резервами и, в первую очередь, танковыми частями. Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на Юго-Западном направлении, наши войска стоят перед серьезной обороной противника и без наличия мощных артиллерийских средств не смогут прорвать оборону, измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери».

Жукова поддержал председатель Госплана Н.А. Вознесенский, а Сталина Маленков и Ворошилов. Сталин сослался на мнение Тимошенко, высказавшегося в телефонном разговоре за наступление на Юго-Западном фронте, и закрыл дискуссию. Когда они вышли из кабинета, Шапошников сказал Жукову, что тот зря спорил, поскольку Верховный заранее решил вопрос о наступлении.

В позднейшей редакции мемуаров Георгий Константинович передвинул совещание в Ставке с 6-го на 5-е января и заставил открыть его Шапошникова докладом о положении на фронтах и плане действий на первые месяцы 42-го года. Слова Сталина стали комментарием к докладу, причем на этот раз Верховный, по воле мемуариста, говорил пространнее, уточнив: «Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов…». Далее Верховный будто бы изложил подробный план наступления на всех фронтах (непонятно, правда, зачем перед этим то же самое сделал Шапошников). Затем Жуков выступил со своими возражениями, и

события развивались так же, как в первой редакции его воспоминаний.

И сегодня нельзя точно сказать, состоялось ли в действительности то заседание членов Политбюро и Ставки, о котором рассказал Георгий Константинович, и что именно говорили его участники. Судя по записям в журналах посетителей кремлевского кабинета вождя, в 1942 году Шапошников впервые появился там только 15 февраля, но это, как я уже отмечал, еще ни о чем не говорит. Совещание могло происходить на даче или в кремлевской квартире, да и по чьей-то оплошности Бориса Михайловича, может быть, забыли отметить. Но странно, что на это заседание не пригласили заместителя Шапошникова Василевского, постепенно перенимавшего обязанности часто хворавшего маршала. И что Шапошников Василевскому ничего о столь важном совещании не сказал: в своих мемуарах Александр Михайлович данное совещание вообще не упоминает.

Речь же Сталина, как ее воспроизводит Жуков в последней редакции «Воспоминаний и размышлений», почти дословно совпадает с текстом директивного письма Ставки военным советам фронтов и армий от 10 января 1942 года: «Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли к обороне и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Верховный явно планировал закончить войну уже в 42-м, и нет документов, свидетельствующих, что Жуков разубеждал его, указывая на нереальность подобных планов.

Но даже если январское совещание у Сталина состоялось, очень сомнительно, чтобы Жуков возражал против плана наступления на всех фронтах. Ведь в конце декабря 41-го Ставка потребовала от командующих фронтами прислать предложения о боевых действиях в наступающем году. И все командующие высказались за наступление на своем фронте. Главком Юго-

Западного направления Тимошенко собирался наступать на Харьков и разгромить 6-ю армию противника. Командующий Калининским фронтом Конев предлагал окружить и уничтожить 9-ю немецкую армию, а далее нанести удар или на Смоленск, или на Великие Луки. Командующий Волховским фронтом Мерецков хотел во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и ликвидировать 18-ю немецкую армию. Жуков предлагал во взаимодействии с Калининским фронтом окружить основные силы группы армий «Центр» на Ржевеко-Вяземском плацдарме. При этом все просили резервов и пополнений людьми и техникой, но одновременно многократно преувеличивали немецкие потери. Так, 31 декабря 1941 года Жуков и Булганин по прямому проводу доложили Сталину, что войска Западного фронта разбили 292, 258, 183, 15, 98, 296, 34, 260, 52, 17, 137, 131, 290 и 167 пехотные и 19-ю танковую дивизии и 2-ю бригаду СС. На самом деле ни одно из этих соединений не было разбито ни в 41-м, ни в 42-м и продолжали числиться в составе вермахта полноценными дивизиями. В том же духе докладывали и командующие других фронтов. Какие могли быть основания у Георгия Константиновича ставить под сомнение их доводы? Ведь он сам утверждал в докладах Верховному, что «преследование и разгром отступающих немецких войск продолжаются» (и враг бежит, бежит, бежит!).

7 января Жуков, как он утверждает, получил директиву Ставки о наступлении. Но еще в ночь с 5-го на 6-е он отдал приказ об атаке 20-й армии, усиленной соединениями 1-й ударной и 16-й армий, для прорыва обороны противника, захвата деревни Шаховская и последующего удара на Гжатск. Следовательно, директиву Ставки штаб фронта получил не позднее, чем днем 5 января. А 8 января жуковскую директиву о подготовке наступления с целью разгрома кондрово-медынской и юхновской группировок противника получили 43, 49 и 50-я армии. 5-я и 33-я армии продолжали наступление на центральном участке Западного фронта на Можайск.

Неудачное наступление советских войск на Вязьму зимой и весной 1942 года еще не стало предметом пристального внимания историков. Г.К. Жуков в первичной, еще не подвергшейся цензуре версии мемуаров Вяземскую операцию описал довольно скупо. Вину за ее провал маршал возложил на М. Г. Ефремова:

«5 и 33 армии, наступавшие в центре фронта, к 20 января

освободили Рузу, Дорохове, Верею. 43 и 49 армии фронта вышли в район Доманово-Плюсково, охватили юхновскую группировку противника… 33-й армии было приказано энергичнее развивать прорыв и во взаимодействии с 1-м кавкорпусом Калининского фронта овладеть Вязьмой…

Развивая наступление из района Наро-Фоминск в общем направлении на город Вязьма, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанский завод, Даманово, где оказалась широкая и ничем не заполненная брешь в обороне противника.

Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надежно оборонять город Вязьму. В этой обстановке и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу город Вязьму, с падением которого рушился здесь весь оборонительный порядок немецких войск.

Генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и стремительно двигаться с ними на Вязьму. 3–4 февраля, когда главные силы этой группировки вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону на реке Утра. Правое крыло армии задержалось в районе Шанского Завода, а левый сосед — 43-я армия — задержалась в районе Медынь. Задачу, полученную от фронта об оказании помощи группе генерала Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введенный в сражение на вязьминском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова (1-й гвардейский. — Б. С.), выйдя в район Вязьма и соединившись там с войсками Ефремова, сам остался без тыловых путей. На усиление наших войск в районе Вязьма решено было высадить 250-й стрелковый (в действительности — воздушно-десантный. — Б. С.) полк и выбросить десантников 4-го воздушно-десантного корпуса, но и они существенной роли не сыграли, так как к этому времени немецкое командование перебросило с запада в район Вязьма крупные резервы и сумело стабилизировать свою оборону, которую рядом попыток прорвать мы так и не смогли. Пришлось эту крупную группировку войск оставить в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан…

В начале апреля обстановка для группы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь… ликвидировать эту опасную для него «занозу». Наступившая оттепель до крайности сузила связь группы с партизанскими районами, откуда она получала продфураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило оставить занимаемый район и выйти на соединение с войсками фронта, при этом было строго указано: выходить из района Вязьма на Киров, пробиваясь через партизанские районы, через лесные массивы, в общем направлении через Ельню, реку Десну, Киров, где 10-й армией фронта будет подготовлен прорыв обороны противника. В этом месте был самый слабый участок в обороне противника.

Кавкорпус генерала П.А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии в конце апреля — в начале мая 1942 года. А Михаил Григорьевич Ефремов, считая, что этот путь слишком длинен для его утомленной группы, обратился через голову фронта по радио в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угра. Мне позвонил Сталин и спросил мое мнение. Я категорически отверг эту просьбу. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм, надо согласиться с ним и приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен силами 43-й армии и осуществлен, точно не помню, кажется, 17–18 апреля, но удара со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало».

В беседе с группой историков в редакции «Военно-исторического журнала» в августе 1966 года Жуков вообще отказался считать наступление на Вязьму фронтовой операцией: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу… Белов сам по себе вышел без тяжелых средств артиллерийских, без танков; Ефремов (у него немного больше было) тоже потерял много боеприпасов. Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов… Относительно отрезания этой группы. Командующему фронтом, когда ведется сражение на таком громадном пространстве 600 километров по фронту, очень трудно уследить за вопросами тактического

порядка. Ефремов прошел в свободную „дырку“. Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил всего отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую… Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того чтобы у него тыл был обеспечен. Он этого не сделал… Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева… Ну, шапка была набекрень у всех тогда… И я недооценил состояние Вяземской группировки противника… Ну, а большую взять на себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет, зачем это нужно». В мемуарах Георгий Константинович о своей вине сказал еще мягче: «…Нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьма… Мы переоценили возможности своих войск и недооценили возможности противника, а орешек оказался более крепким, чем мы предполагали». Ох уж это спасительное «мы»!

Как легко заметить, в жуковских воспоминаниях — откровенное стремление переложить на других всю вину за гибель Ефремова. При этом маршал не останавливается перед вольным или невольным (из-за ошибок памяти, но если это, действительно, ошибки, то почему-то весьма тенденциозные) искажением истинного положения дел. В изложении Жукова, наступление на Вязьму выглядит чуть ли не как спонтанная инициатива Белова и Ефремова, а командующий 33-й армии, по Жукову, будто бы так горел желанием лично встать во главе ударной группировки, нацеленной на город, что совсем забыл об обеспечении флангов, за что и поплатился (да еще умудрился потерять массу боеприпасов).

Действительное положение вещей разительно отличается от нарисованной Жуковым картины. Ефремов новичком в военном деле не был и, в отличие от своего главнокомандующего, имел высшее военное образование (окончил академию им. Фрунзе). Поэтому он прекрасно сознавал опасность флангового удара и отсечения своей ударной группировки от главных сил армии. Но ведь и наступление на Вязьму было инициировано не им, а командующим Западным фронтом. Жукову вскружили голову

высокие темпы продвижения армий Говорова и Ефремова. 11 января Георгий Константинович бодро докладывал в Ставку, что 5-я армия продвинулась за день на 10 км, а 33-я — на 6. 17 января 1942 года он предписал 33-й армии к 19 января овладеть городом Верея и в тот же день из района Дубна-Замытское начать наступление на Вязьму, в зависимости от обстановки нанося удар либо прямо на город, либо в обход его с юго-запада.

Еще 30 января Ефремов находился не вместе с дивизиями, наступающими на Вязьму, а в районе Износок, где пытался создать фланговое обеспечение прорыва. В этот день штаб фронта прислал ему телеграмму: «Кто у Вас управляет дивизиями первого эшелона?» Ефремов ответил: «Дивизиями первого эшелона управляет военный совет армии. Выезд мой и опергруппы в район действий первого эшелона 29.01.1942 г. временно отложен в связи с обстановкой в районе Износки». Однако Жуков тотчас отдал грозный приказ: «Ваша задача под Вязьмой, а не в районе Износки. Оставьте Кондратьева (начальника штаба 33-й армии. — Б.С.) в Износках. Самому выехать сейчас же вперед».

Именно Жуков заставил Ефремова отправиться из штаба армии к ударной группе, хотя командующий 33-й армией отнюдь не рвался туда очертя голову, считая главным в данный момент не немедленный захват Вязьмы, а укрепление угрожаемых участков фронта. Жуков же тогда его беспокойство о флангах не разделял и гнал армию вперед, не задумываясь о возможных последствиях.

Георгий Константинович был в эти дни окрылен новым назначением. Как раз 1 февраля 1942 года Ставка своей директивой сделала его главнокомандующим Западным стратегическим направлением с сохранением по совместительству в должности командующего Западным фронтом. Это направление (точнее — группа фронтов) было в тот же день воссоздано в составе Западного и Калининского фронтов. Директива Ставки гласила: «Задачей ближайших дней Западного направления, наряду с задачей занятия г. Вязьмы, считать — окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника или, в случае отказа сдаться, — истребление этой группы». В тот же день, 1 февраля 1942 года, Жуков вновь стал заместителем наркома обороны.

Но вернемся под Вязьму, к Ефремову. В самый канун

немецкого наступления командованию фронта представился счастливый случай. В день начала немецкого наступления, 2 февраля, в районе деревни Замытское появилась полнокровная, по численности (около 10 000 человек) почти равная всей ефремовской группировке 9-я гвардейская стрелковая дивизия, первоначально предназначенная для усиления ударной группировки генерала Ефремова. Командиру дивизии генералу А.П. Белобородову, по его собственному признанию, «стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью „подрубить“ основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее». Однако в тот же день по приказу Жукова дивизия была передана в состав 43-й армии, и 2 февраля не смогла принять участие в отражении немецкого контрудара против коммуникаций ударной группировки 33 армии. Благодаря такой оплошности командования фронтом, германская 20-я танковая дивизия на второй день наступления, 3 февраля, смогла соединиться с частями 4-й армии, нанеся большие потери дивизии Белобородова.

Немецким танкистам, действительно, удалось захватить значительное число боеприпасов — 5,3 млн. патронов для стрелкового оружия и 1200 авиабомб, а также и некоторое число артиллерийских снарядов, однако здесь не было вины Ефремова. Ведь под удар, направленный в стык, попали, главным образом, соединения соседней 43-й армии. Михаил Григорьевич был лишен возможности принять какие-либо меры для ликвидации угрозы своим тыловым коммуникациям. Жуков напрасно ставил в вину Ефремову, что тот не обеспечил фланг, примыкающий к 43-й армии. Согласно установленным принципам распределения обязанностей, «как правило, обеспечение открытого фланга каждого соединения лежит на вышестоящей инстанции»[4], в частности, на командующем фронта по отношению к армии.

В случае с 33-й армией ситуация осложнялась еще и тем, что ее начальник штаба генерал А.К. Кондратьев, на которого, по распоряжению комфронта, Ефремов вынужден был в самый ответственный момент возложить управление основными силами армии, беспробудно пил, что ни для кого не было секретом. В начале апреля деятельность Кондратьева проверяла комиссия Политуправления Западного фронта, о чем сохранился целый ряд донесений. Например, 2 апреля 1942 года член Военного совета 33-й армии М.Д. Шляхтин сообщал Военному совету Западного фронта: «Кондратьев продолжает пьянствовать. Сегодня напился до того, что работать был не в состоянии». 6 апреля глава

комиссии начальник Политуправления фронта В.Е. Макаров констатировал: «Кондратьев совершенно разложился. Человека, которому можно было бы поручить руководство штабом, сейчас нет. В интересах дела считаю необходимым Кондратьева немедленно снять и прислать из фронта человека на должность начальника штаба армии. Безобразий в штабе много». А 11 апреля сменивший М.Д. Шляхтина Р.П. Бабийчук дал начальнику штаба совершенно убийственную характеристику: «В работе вял, совершенно безынициативен; работой отделов товарищ Кондратьев не руководит. В результате работа оперативного отдела поставлена плохо, еще хуже — работа разведотдела. Состояние этой работы в частях совсем плохое… Кондратьев систематически бывает пьян. 6 марта 1942 года он в пьяном виде подписал явно невыполнимый боевой приказ. В результате части понесли ненужные потери. 3 апреля 1942 года он явился на доклад к бывшему члену Военного совета Шляхтину при сильном опьянении, а на следующий день это категорически отрицал. О пьянстве и безделии Кондратьева знают все в штабе и частях, в силу чего авторитета Кондратьев никакого не имеет». Странно, но заменой дискредитировавшего себя начальника штаба командование Западным фронтом начало активно заниматься только в последние дни существования ефремовской группы, когда помочь окруженным уже было практически невозможно.

Сохранившиеся телеграммы, которыми обменивались в ходе операции Жуков и Ефремов, свидетельствуют, что между ними сложились очень напряженные отношения. Так, на ефремовскую телеграмму от 5 февраля с вопросом «получаете ли Вы мои донесения?» и просьбой «усилить ударную группировку армии» Жуков высокомерно ответил 7-го числа: «Меньше истерики. Держите себя более спокойно». Ефремов в тот же день резонно возразил: «В чем истерика? Где у меня истерика? Я Вас не понимаю. Таким элементом я еще не обладал. Просто Вас не понимаю, что у Вас за отношение ко мне и как к командующему 33-й армии?» На сторону командарма встал и находившийся вместе с окруженными представитель Генштаба подполковник Н.Н. Борисенко, немедленно сообщивший лично Сталину по поводу злополучной жуковской телеграммы: «Докладываю: тов. Ефремов с опергруппой армии находится в дер. Желтовка. В 4-х км противник. Нервозности не проявляет. Войска ударной группы армии держат в руках. Связь с 113, 160, 338 и 329 сд беспрерывно имеется. Принимаются меры к быстрейшему овладению города Вязьма». Борисенко сообщил, что в 113-й дивизии в пехоте осталось в строю всего 189 штыков (в спецподразделениях — 756,

в тылах — 521) и что в других частях положение ничуть не лучше. Такими силами без мощной поддержки извне взять Вязьму было невозможно.

Когда же Ефремов, раздраженный неспособностью командарма-43 генерала К.Д. Голубева выполнить поставленную боевую задачу и восстановить коммуникации ударной группы 33-й армии, пожаловался на него в Москву начальнику Главпура Л.З. Мехлису, то получил, явно с одобрения Жукова, гневную отповедь от члена Военного совета Западного фронта И.С. Хохлова. Шифрограмма, составленная 9 марта, была отослана Ефремову на следующий день. Ее копия была отправлена и самому Голубеву, что явно не добавило симпатий между двумя командармами. Хохлов писал: «Вы жалуетесь в Москву на Голубева на то, что он якобы плохо дерется и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: — Оценку Голубеву и 43 армии может дать только Военный Совет фронта. Главком и Ставка, а не сосед. Второе: 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, — мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: — не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный Совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и минометов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались (видимо, отсюда Жуков взял цифру в 90 человек. — Б.С.).

Вы пишете, что находитесь в пяти километрах от Голубева, а мне Вы все время доносили, что находитесь около Шеломицы. Видимо, Вы не знаете, где Ваши части находятся, где же Вы все же находитесь и где Голубеву искать с Вами соединения.

О трудностях могу сказать так — это обычное явление в тылу врага. Белов тоже в тылу врага и недалеко от Вас, но он себя чувствует прекрасно и все время бьет врага…

К сожалению, Вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась, и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1–2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й армией будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия».

Ефремов в тот же день ответил не менее резко, адресуя телеграмму не только Хохлову, но и Жукову, которого не без основания считал действительным автором разносного послания: «Ни на кого я не жалуюсь, а побольшевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33 армии.

Находясь под Вязьмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете, — состав дивизий Вам был до выхода под Вязьму известен, как и растяжка коммуникаций 33 армии.

Поймите, мы каждые сутки ведем бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного, как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромнейший вред.

Подтверждаю, 160 сд имеет целью оборону по реке Угре на широком фронте, частью своих сил действует на Шеломицы, Гуляево и находится в лесу западнее Шеломицы, Гуляево. В последний раз Вам как Военному совету докладываю: положение дивизий армии тяжелое, я сделал и делаю все, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов».

На эту шифрограмму Жуков наложил суровую резолюцию, немедленно посланную Ефремову: «Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43».

Вероятно, жуковская идея о необходимости Ефремову прорываться кружным путем для соединения с отрядом Жабо и далее в полосу 10-й армии родилась под влиянием цитированной выше шифрограммы Ефремову от 10 марта. Только там речь шла отнюдь не о прорыве и выходе всей ударной группы в район действия отряда Жабо, а лишь об установлении связи и взаимодействия с партизанами, которые, по замыслу командующего фронтом, могли бы помочь Ефремову соединиться с армией Голубева (а может быть, и атаковать Вязьму). Однако

даже связи с В.В. Жабо Ефремову установить не удалось, о чем командарм-33 11 марта донес исполняющему обязанности начальника штаба Западного фронта генералу В.С. Голушкевичу: «Главком поставил мне связаться с группой тов. Жабо, но проникнуть к нему невозможно». Никаких следов директивы Жукова Ефремову о прорыве на Киров не было обнаружено в архивах, равно как и личного обращения Ефремова к Сталину с просьбой изменить направление прорыва (столь важный разговор генштабисты не могли не зафиксировать). Скорее всего, мысль о прорыве на Киров как об оптимальном варианте пришла командующему Западным фронтом задним числом, уже после гибели ефремовцев и, может быть, под влиянием сделанного в Генштабе в мае 1942 года описания операции 33-й и 43-й армий на Вяземском направлении.

Автор этого документа полковник Генштаба (впоследствии — генерал) К.В. Васильченко утверждал, что «наиболее целесообразное решение могло быть, жертвуя материальной частью и спасая живую силу, выходить западной группировке не на Восток, как это приказал сделать командующий Западным фронтом, а на запад, к отряду Жабо. Но командующий Западным фронтом и здесь не решился в последний раз для спасения западной группировки дать такие указания, которые бы соответствовали действительной обстановке. Вместо этого он отдает заведомо невыполнимый приказ пробиваться западной группировке на восток, а 43 и 49 армиям за один день прорвать на всю глубину оборону противника».

Прорыв на запад оставлял шансы уцелеть значительно большему числу воинов группы Ефремова, в том числе и самому командарму. Но только в случае, если бы был осуществлен вовремя, не позднее конца марта, пока противнику еще не удалось расчленить окруженных. И в этом случае потери все равно были бы огромными, но, часть западной группировки имела шанс выйти из окружения как организованное целое. Надо также учесть, что кавалеристам Белова из-за большей мобильности подобный прорыв осуществить было легче, чем пехотинцам Ефремова. Когда же, выполняя директиву командующего Западным фронтом от 23 марта о соединении с 43-й армией, группа Ефремова под натиском превосходящих сил противника была оттеснена в район Угры, прорыв на запад был уже объективно невозможен. Директива же от 12 апреля о наступлении в направлении Родня-Малая Буславка-Новая Михайловка-Мосеенки навстречу 43-й и 49-й армиям, как

справедливо отметил К.В. Васильченко, была явно невыполнима. Вечером 10 апреля Ефремов доносил: «С 13.00 10.04.1942 г. враг бросил на сжатие кольца танки и пехоту, нацелив их на каждый наш укрепленный район… Стремлюсь организовать оборону по реке Угре. По Вашей идее будет более правильное решение — собрав все силы пробиваться через Шпырево, Жолобово, Дорки и действовать далее на фронте — Большое Устье-Павлово-Королево. Этим самым будем помогать 43, 49 армиям соединиться с нами. К Жабо мы не прорвемся, так как нас разделяют танки врага с пехотой». Этот план Жуков утвердил. Но было уже поздно.

Можно предположить, что Жуков не планировал прорыва группы на запад в более раннее время, поскольку такое решение неизбежно вело к потере материальной части окруженных и территории, занимаемой ими на подступах к Вязьме, и означало фактически отказ от надежд захватить Вязьму. Напротив, соединение с 43-й и 49-й армиями давало шанс удержать плацдарм для атаки Вязьмы. Неслучайно Жуков 23 марта потребовал от Ефремова «организовать оборонительные действия так, чтобы ни в коем случае не допустить сдачи занимаемой территории и не допустить сужения района действий группы».

Надежды на 43-ю армию К.Д. Голубева со стороны Жукова оказались преувеличенными, она так и не смогла прорвать кольцо извне. Напрасно Ефремов в многочисленных телеграммах Голубеву и Кондратьеву призывал их наступать умело и использовать для атак ночное время, чтобы не класть зря людей. В частности, 7 марта командарм-33 писал своему начальнику штаба: «Большей глупости не придумать, как наступать днем и губить людей. Ночью, только ночью наступайте и наносите удар врагу. Не губите зря людей и не поощряйте врага своими неудачами». А 10 марта он пытался учить своего начальника штаба Кондратьева азам военного искусства: «Нащупывайте разведкой, наблюдением, где просверлить противника сильнее. Охватывайте его узлы, в лоб не действуйте, а с тыла».

Голубеву же Ефремов 7 апреля сообщал: «Прорыв, безусловно, осуществится, если Вами будет организован в ночное время, при ночных действиях авиации, РС и артиллерии. По моему наблюдению, ночные бомбежки по расположению врага сильно его деморализуют, иногда на несколько часов». Однако войска были плохо подготовлены для действий в ночных условиях, поэтому командующие армиями предпочитали

атаковать днем. Положение усугублялось тем, что не удалось обеспечить наступающих эффективной артиллерийской и авиационной поддержкой. Единственная ночная атака, намеченная Голубевым на 22.00 15 апреля, так и не состоялась.

Новый начальник штаба 33-й армии полковник С.И. Киносян, до последнего момента находившийся с Ефремовым и вылетевший из котла последним самолетом, в составленном 30 июля 1942 года «Описании операции 33 армии с 20.1 по 20.4.42 г.» констатировал: «43 и 49-я армии, ведя беспрерывно наступательные бои, успеха не имели, задачу главкома не выполнили и, не оказав поддержки во время прорыва ударной группы 33 армии, 14 апреля наступательные действия прекратили, тем самым дали возможность противнику значительно усилить свои силы против 33 армии». Наступающие советские войска понесли тяжелые потери, не достигнув сколько-нибудь существенных результатов. Эти бои только укрепили немцев в сознании своего превосходства. Например, 14 апреля 1942 года штаб германского 9-го армейского корпуса докладывал в штаб 4-й танковой армии:

«Атаки противника, проведенные с 4.3.42 г. семью стрелковыми дивизиями, семью стрелковыми и двумя танковыми бригадами против северного фланга 252 пехотной дивизии и против фронта 35 пехотной дивизии с целью захвата Гжатска, были отбиты. Противник потерял в этих боях свыше 800 пленных. Его потери убитыми, согласно показаниям пленных и согласно нашему подсчету, составляют свыше 20 000 человек. 36 танков противника были уничтожены». При этом корпус потерял около 5 800 погибшими и пропавшими без вести и около 3 200 тяжелоранеными и тяжелобольными. Эти цифры дают примерное представление о соотношении потерь сторон в ходе советского наступления в районе Вязьмы зимой и весной 1942 года».

Развязка приближалась. 9 апреля от окруженных улетел последний самолет. По свидетельству генерала Киносяна, Жуков потребовал от Ефремова на этом самолете перелететь линию фронта: «Командарм М.Г. Ефремов при всех вскрыл пакет и вслух прочитал доставленную летчиком записку. Посмотрев на осунувшиеся лица бойцов, он громко сказал: „Я с солдатами пришел и с ними вернусь назад!“. Вместо себя Ефремов отправил этим самолетом Киносяна.

О последнем бое М.Г. Ефремова рассказал бывший командир

партизанского отряда, сражавшегося вместе с ефремовцами, В.И. Ляпин. Он привел сообщение бывшего комиссара своего отряда Н. И. Кирика, с которым встретился в Вяземском лагере для военнопленных в конце мая 1942 г. Кирик прорывался вместе со штабом Ефремова. Он поведал Ляпину, что «под Бусловой был сильный бой, но группе, в которой он был, прорваться не удалось. Боеприпасы закончились, бродили несколько дней по лесу голодные, ослабевшие, были окружены гитлеровцами и взяты в плен. Также я узнал о смерти М.Г. Ефремова и при каких обстоятельствах он застрелил себя. Генерал М.Г. Ефремов, подойдя к деревне Новая Михайловка, встретил сильный огонь противника с двух сторон. После боя часть группы во главе с генералом Ефремовым прорвалась в лес к деревне Жары Юхновского района, другая группа отошла на Запад. 19 апреля группу Ефремова атаковали во много раз превосходящие силы противника. Атака шла одна за другой, очевидно, гитлеровцам стало известно, что здесь находится командующий армией. Они окружили эту группу плотным кольцом. Ефремовцы бросились с громким „ура“ в контратаку, генерала ранило в третий раз, автоматная очередь прошила поясницу, и тело стало неподвижным. Боясь потерять последние силы, живым он не хотел попасть в плен, последним усилием достал револьвер».

В уже цитированном докладе К.В. Васильченко главная вина за поражение была возложена на Жукова: «Оперативный замысел операции по внезапному овладению г. ВЯЗЬМОЙ, выходом на тылы ГЖАТСКО-ВЯЗЕМСКОЙ группировки противника, разъединение ВЯЗЕМСКОЙ группировки от ЮХНОВСКОЙ и одновременный их разгром по частям не соответствовал наличию сил и средств, выделенных для этой цели Западным фронтом.

Неправильная оценка противника о его боеспособности после нанесенных ему серьезных поражений в предшествующих боях.

Неверный расчет времени и игнорирование условий, в которых действовали наши войска, привели к неправильному принятию решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена. Если бы Западный фронт вначале всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50 и гр. БЕЛОВА) обрушился на ЮХНОВСКУЮ группировку, окружил бы ее и уничтожил, что по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с КАЛИНИНСКИМ «фронтом мог бы ликвидировать Сычевско-Гжатско-Вяземскую группировку противника.

Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить ГЖАТСКО-ВЯЗЕМСКУЮ, ЮХНОВСКУЮ, СПАС-ДЕМЕНСКУЮ, МЯТЛЕВСКУЮ группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями. Даже тогда, когда 43 и 49 армии были правильно нацелены для разрешения общей задачи по прорыву обороны противника с целью соединения с частями западной группировки 33 армии, то и в этом случае не было налажено тесного взаимодействия между ними.

Армии, привыкшие действовать самостоятельно, без увязки своих действий с соседями, продолжали оставаться верными своим старым принципам.

Получилось так: когда ударная группировка одной армии наступает, то другой — стояла на месте, потом они менялись ролями. А командование Западным фронтом продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся вразнобой, и не вмешивалось в их дела до тех пор, пока окончательно операция на этом направлении не была сорвана.

Западный фронт не создал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха.

Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу.

Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск, части вводились в бой пачками, по частям, срывали всякую внезапность, лишь бы скорей начать операцию, без анализа дальнейшей ее судьбы. Авиация также

была раздроблена по всему фронту на мелкие группы, не было ее сосредоточенных ударов последовательно по определенным направлениям, а при прорыве войсками заранее подготовленной обороны противника, она почти на поле боя не участвовала, что сильно сказывалось отрицательно на моральном состоянии войск.

Танковые и артиллерийские средства также нерационально использовались и сильно распылялись.

Управление войсками, действовавшими на этом направлении, со стороны Западного фронта было слабым.

Особенно это резко сказывалось в отсутствии достаточных резервов у командующего Западным фронтом, который не мог без них влиять на ход операций.

Недостатки в действиях 43 и 49 армий аналогичны указанным выше. Они разбросались на широком фронте по разным направлениям, без тесной увязки проводимых операций между собой.

Не умели быстро сосредотачивать превосходства в силах на решающем направлении за счет решительного оголения второстепенных участков фронта. Стремление быть сильным везде, боязнь проявить оперативный риск вело к распылению сил и средств в каждой из них.

Вначале армии даже не имели резко выделенных ударных группировок; особенно в худшую сторону в этом вопросе выделяется 49 армия, в которой даже дивизии действовали по различным направлениям, и нельзя понять по оперативной обстановке, где и на каком направлении командующий армией ищет решение своей задачи.

43 армия, начиная с февраля месяца, имела ударные группировки на определенных направлениях, но слабые по численному составу и раздробленные по силе. На первом этапе ей пришлось вести бои против Мятлевской группировки противника, которая напрягала все усилия для того, чтобы прорваться через части 43 армии на северо-запад и против затянувшейся бреши в районе ЗАХАРОВО. В дальнейшем создала две ударные группировки и, наконец, одну сильную южную группировку, но с большим опозданием. Маневренность частями была слабая и малоповоротливая.

Для 43 армии также присуща торопливость, поспешность, ввод частей в бой пачками, по частям, без должной организации взаимодействия всех родов войск, благодаря чему армия и не имела крупных успехов.

Западная группировка 33 армии честно и доблестно дралась до конца своего существования. При недостатке в боеприпасах и продовольствии она 2,5 месяца дралась в полном отрыве от своих войск, нанося большой урон в живой силе противнику и сковывая его большие силы своими действиями.

Когда противник расколол западную группировку 33 армии на части и вышел на восточный берег р. УГРЫ, с одной стороны, безрезультатность боев 43 и 49 армий по прорыву обороны, — с другой, то была ясна судьба западной группировки… Благодаря крупным недочетам, в первую очередь, оперативного характера… в действиях 43 и 49 армий противник избежал разгрома по частям. Получился успех вместо оперативного масштаба — чисто тактический — вытеснение Мятлевской группировки противника, взятие ЮХНОВА и выход на рубеж рек ВОРЯ и УГРА».

Из 12-тысячной группировки Ефремова к своим прорвалось только 889 человек. Такова была цена жуковских ошибок. Только за апрель 1942 года потери войск Западного фронта составили 45 000 убитыми и пропавшими без вести и 74 000 ранеными. Неприятельские потери за тот же период штаб Жукова определил так, чтобы они не уступали собственным потерям: 30 600 убитых, а вместе с ранеными — не менее чем 120 000. Истинные потери вермахта даже на всем Восточном фронте были вдвое скромнее: 60 005, в том числе 15 253 погибшими и пропавшими без вести.

В докладе Генштаба никаких недостатков в действиях Ефремова и его группы, в отличие от командования 43 и 49 армий, не отмечено. Также и в подготовленном полковником Кинасяном «Описании 33 армии по овладению гор. Вязьма» подчеркивалось, что «ударная группа 33 армии доставленную главкомом задачу в директиве № К/217 выполнила — вышла на рубеж Жары, Мосеенки, где должна была соединиться с частями 43 и 49 армий, но в результате прекращения ими наступательных действий и невыполнения поставленной главкомом задачи части 33 армии оказались в весьма тяжелом положении; израсходовав последние огнеприпасы, без питания окончательно ослабев, все же продолжали вести упорные бои, но, не получив поддержки с

востока, конечной цели (соединения со своими частями) не достигли». Здесь же отмечалось, что при постановке командующим фронтом задачи 43 и 49 армиям на соединение с окруженной западной группировкой 33 армии «не были учтены прошлые действия 43 и 49 армий, которые в течение 2 месяцев вели безуспешные бои в этих же направлениях и с той же задачей».

Отмеченные в докладе Генштаба по итогам Вяземской операции недостатки были характерны для многих операций, которыми руководил Жуков. В отличие от него, Ефремов воевал грамотно, не числом, а умением, вовсе не на крови строил свою карьеру, однако с этими своими качествами, ценимыми в армиях всего мира, явно был белой вороной на фоне большинства генералов Западного фронта.

Столь же неуспешно для советских войск развивались боевые действия на ржевском направлении. Здесь в начале февраля попала в окружение 29-я армия Калининского фронта. 28 февраля, как отмечает Жуков в не подвергшейся цензуре версии своих мемуаров, ее остатки в количестве 6000 человек (из них 800 раненых) прорвались к своим. По немецким данным, в плен попало 4 888 бойцов и командиров этой армии, и еще 26 647 были найдены погибшими на поле боя. Таким образом, вторая половина тех клещей, что должны были сжать основные силы группы армий «Центр», отвалилась уже в феврале. Потому-то Жуков так держался за группу Ефремова и не разрешал ей, несмотря на тяжелое положение, отойти с подступов к Вязьме. Командующий Западным направлением надеялся, что с взятием этого важнейшего железнодорожного узла удастся заставить группу, армий «Центр» оставить нацеленный на Москву плацдарм.

Рокоссовский в 1962 году в беседе с преподавателями и слушателями академии имени Фрунзе критически оценил ход советского контрнаступления под Москвой: «20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубейшая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных

результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника (не только выталкивали, но и сами попадали в окружение! — Б: С.). Не хватало орудий, танков, особенно боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке. Наступало пять фронтов, и, естественно, сил не хватало. Противник перешел к стратегической обороне, и нам надо было сделать то же самое. А мы наступали. В этом была грубейшая ошибка Сталина. Жуков и Конев не смогли его переубедить». Впрочем, нет никаких надежных свидетельств, что Георгий Константинович и Иван Степанович пытались это сделать.

Еще в декабре 41-го главный удар в кампании 1942 года Гитлер собирался нанести на юге, чтобы овладеть оставшейся под советским контролем частью Донбасса и кавказской нефтью и тем самым резко ослабить силу сопротивления восточного противника. Свои планы были и у советской стороны. Жуков утверждает: «Весной 1942 года я часто бывал в Ставке, принимал участие в обсуждении у Верховного Главнокомандующего ряда принципиальных стратегических вопросов и хорошо знал, как он оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год… Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего — на московском и на юге страны… Сталин больше всего опасался за московское, где у них находилось более 70 дивизий.

Сталин предполагал, что гитлеровцы, не взяв Москву, не бросят свою главную группировку на захват Кавказа и юга страны. Он говорил, что такой ход приведет немецкие силы к чрезмерной растяжке фронта, на что главное немецкое командование не пойдет.

В отношении планов на весну и начало лета 1942 года Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции стратегического масштаба. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести частные наступательные операции в Крыму, на лъговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска…

На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта,

присутствовали Ворошилов, Тимошенко, Хрущев, Баграмян, Шапошников, Василевский и я (в 1964 году в письме писателю Василию Соколову Георгий Константинович датировал это совещание серединой апреля, однако впоследствии, познакомившись с воспоминаниями Баграмяна, убедился, что решение о проведении Харьковской операции было принято еще в конце марта, и на это же время перенес совещание в ГКО. — Б.С.).

Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который, в основном, соответствовал прогнозам Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, он предложил на ближайшее время ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить ближе к центральному направлению и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события».

По словам Жукова, предложенный главкомом Юго-Западного направления Тимошенко план наступления на Харьков был принят, несмотря на возражения Шапошникова, указавшего на отсутствие резервов. Сталин будто бы прервал Бориса Михайловича: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки, не ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера». Тимошенко поддержал Сталина: «Войска… сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на юго-западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны. Что касается перехода в наступление на западном направлении, я поддерживаю Жукова. Это будет сковывать силы противника».

Все присутствовавшие поддержали Тимошенко. Один Жуков будто бы выступил против: «Я еще раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако это соображение во внимание не было принято, и последовало половинчатое решение. Шапошников, который, насколько мне известно, тоже не был сторонником частных наступательных операций, на сей раз, к сожалению, отмолчался. Совещание закончилось указанием Сталина подготовить и провести в ближайшее время частные операции в

Крыму, на харьковском направлении и в других районах…

Не успел я доехать до штаба фронта, как мне передали директиву о том, что с сего числа Калининский фронт выводится из моего подчинения и передается в прямое подчинение Ставки, а главное командование Западного направления, которое я возглавлял, ликвидируется. Мне, конечно, было понятно — это за то, что не согласился с решением Верховного относительно «ряда упреждающих наступательных операций наших войск».

Опять Жуков предстает единственным прозорливым стратегом, осмеливающимся возражать самому Сталину и понесшим за это незаслуженное наказание. На этот раз для подтверждения данного мифа Георгию Константиновичу пришлось придумать, будто в конце марта 42-го он был смещен с поста главнокомандующего Западным стратегическим направлением. Но это не соответствует истине. В дневнике пребывания на фронтах Великой Отечественной войны Жуков значится главнокомандующим Западного направления в период с 1 февраля по 30 августа 1942 года, и без каких-либо перерывов. И совещания в ГКО в конце марта, скорее всего, не было. Во всяком случае, Василевский, названный Жуковым одним из участников, в своих мемуарах об этом совещании не упоминает. Зато Александр Михайлович, в основном, подтверждает то, что сообщается в «Воспоминаниях и размышлениях» о советских стратегических планах на весну и лето 42-го. Василевский пишет: «В Генеральном штабе и Ставке считали, что основной ближайшей задачей советских войск должна быть временная стратегическая оборона. Ее цель — изматывая оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах ударные группировки врага, не только сорвать подготавливаемое фашистами летнее наступление, но и подорвать их силы и тем самым с наименьшими для нас потерями подготовить благоприятные условия для перехода Красной Армии в решительное наступление. Главное внимание в плане, естественно, уделялось Центральному направлению…

Из чего исходила Ставка, разрабатывая план летней кампании? Враг был отброшен от Москвы, но он все еще продолжал угрожать ей. Причем наиболее крупная группировка немецких войск (более 70 дивизий) находилась на московском направлении. Это давало Ставке и Генштабу основания полагать, что с началом летнего периода противник попытается нанести нам решительный удар именно на Центральном направлении. Это мнение, как мне хорошо известно, разделяло командование

большинства фронтов.

Верховный Главнокомандующий Сталин, не считая возможным развернуть в начале лета крупные наступательные операции, был также за активную стратегическую оборону. Но наряду с ней он полагал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска. Начальник Генерального штаба Шапошников стоял на том, чтобы не переходить к широким контрнаступательным действиям до лета. Жуков, поддерживая, в основном, Шапошникова, считал в то же время крайне необходимым разгромить в начале лета ржевско-вяземскую группировку врага.

К середине марта Генеральный штаб завершил все обоснования и расчеты по плану операций на весну и начало лета 1942 года. Главная идея плана: активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление. В моем присутствии Шапошников доложил план Верховному Главнокомандующему, затем работа над планом продолжалась. Ставка вновь обстоятельно занималась им в связи с предложением командования Юго-Западного направления провести в мае большую наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. В результате Сталин согласился с предложением и выводами начальника Генерального штаба. В то же время было принято решение одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций, что, по мнению Верховного Главнокомандующего, должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 года. Предполагалось, что все это в целом создаст благоприятные условия для развертывания летом еще более значительных операций Красной Армии на всем фронте от Балтики до Черного моря.

Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное. Стратегические резервы соответственно сосредоточивались, в основном, возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова.

Критически оценивая теперь принятый тогда, план действий на лето 1942 года, вынужден сказать, что самым уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать».

По утверждению Василевского, Сталин отверг план широкомасштабного наступления фронтов Юго-Западного направления с последующим выходом на линию Гомель-Киев-Черкассы-Первомайск-Николаев, но дал согласие на проведение более узкой операции по овладению Харьковом.

Характерно, что ни Георгий Константинович, ни Александр Михайлович, излагая планы Ставки на весенне-летнюю кампанию 42-го года, ни разу не ссылаются на документы. Зато в мемуарах Василевского присутствует скрытая отсылка к ранее вышедшим мемуарам Жукова, а в последней версии «Воспоминаний и размышлений» мы находим вполне сочувственную цитату из мемуаров Василевского: «Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться».

Василевского можно понять. Александр Михайлович стремился снять ответственность за неудачу Харьковской операции с начальника Генштаба Шапошникова и с себя лично, поскольку в дни майских боев под Харьковом непосредственно руководил Генеральным штабом. Сталин еще 24 апреля передал Василевскому обязанности начальника Генштаба в связи с болезнью Шапошникова. Вот и числил Александр Михайлович неудавшееся наступление на Харьков в разряде частных операций, да к тому же готовившихся без ведома и участия Генерального штаба, чуть ли не подпольно. А вот почему частной считает Харьковскую операцию Жуков, не сразу поймешь. Он-то к ее планированию и проведению точно никакого отношения не имел и даже, вполне возможно, был против наступления на Харьков. Только не потому, что считал его слишком рискованным. Просто каждый из командующих фронтов и направлений хотел, чтобы главный удар наносили его войска. Ведь в этом случае соответствующий фронт получал

дополнительные соединения и боевую технику, а его командующий в случае успеха мог рассчитывать на громкую славу, чины и ордена. Георгий Константинович признает: «…Я предлагал Сталину, так же как и Генштабу (весной 42-го. — Б.С.) … в первую очередь нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного и Калининского фронтов и частично силами Северо-Западного фронта, а также авиацией ПВО Москвы и ближайших фронтов. Разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить его силы и принудить отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере, на ближайшее время».

То, что предлагал Жуков, явно тянуло не на частную, а на полномасштабную операцию стратегического значения. Но Сталин жуковский план не поддержал, а отдал предпочтение Юго-Западному направлению. Вот Жуков и корит Верховного в мемуарах: вместо большого наступления, обещавшего разгром угрожавшей Москве группы армий «Центр», отдал предпочтение не особо необходимой, частной операции в районе Харькова, в итоге окончившейся катастрофой. С ним, с Жуковым, если бы дали его фронту те резервы, что дали Тимошенко, такого конфуза никогда бы не случилось.

Но была ли в действительности Харьковская операция частной? Может быть, все дело в том, что эта операция имела столь же важное стратегическое значение, как и предлагавшееся Жуковым наступление на ржевско-вяземский плацдарм? И Сталин вместо одной стратегической операции, на западном направлении, предпочел другую — на юго-западном? И предпочел потому, что войска Тимошенко в ходе зимне-весеннего наступления достигли больших успехов, чем войска Жукова и Конева, так и не сумевшие взять Вязьму и потерпевшие крупную неудачу под Ржевом. Армиям же Юго-Западного фронта удалось захватить два важных плацдарма в районе Барвенкова и за рекой Большая Бабка, пригодные для концентрического наступления на Харьков, где можно было окружить и уничтожить значительные силы 6-й немецкой армии. Жукову могло быть обидно, что Сталин отдал предпочтение не ему, а Тимошенко. Вот и назвал Харьковскую операцию частной, чтобы читатель подумал: Ставка в тот момент вообще не хотела предпринимать стратегического наступления, а неразумно, вопреки жуковским советам, распылила силы на безрезультатные частные удары.

Выслушаем еще одного важного свидетеля — маршала, а в 42-м — генерал-лейтенанта, Баграмяна, возглавлявшего оперативную группу (фактически — штаб) Юго-Западного направления. Жуков утверждал, что он тоже участвовал в совещании в ГКО. Иван Христофорович подробно описывает подготовку к Харьковской операции, свой приезд в Москву в марте вместе с Тимошенко и Хрущевым, встречи со Сталиным, Шапошниковым и Василевским, однако ни разу не упоминает, что хотя бы на одной из этих встреч присутствовал Жуков. Ничего не говорит об обсуждении плана действий на весну и лето 1942 года с участием Жукова и Хрущев, тоже будто бы участвовавший в мифическом мартовском совещании. Баграмян же пишет, что предложенную Военным Советом Юго-Западного направления стратегическую операцию Верховный приказал перепланировать в частную. Однако то, что сообщает Иван Христофорович по поводу этой новой, разработанной уже согласно сталинским указаниям, операции, заставляет усомниться в ее частном характере. Вот как формулировалась цель Харьковской операции в плане действий на апрель-май, одобренном 30 марта 1942 года Сталиным, Шапошниковым и Василевским: «Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период — овладеть г. Харьковом, а затем произвести перегруппировку войск, — ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельникове и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельникове». Что-то уж больно обширные задачи для частной наступательной операции! А бывший командующий 38-й армией маршал К.С. Москаленко вспоминает, как в конце марта на совещании с командующими армиями Баграмян «сказал, что наши войска располагают большими преимуществами и поэтому должны упредить намерения противостоящего врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения реки Днепр». И Баграмян, и Москаленко ссылаются на соответствующие архивные фонды. Не приходится сомневаться, что как по первоначальному, так и по окончательному плану Юго-Западному фронту предстояло не только овладеть Харьковом, но и выйти к среднему течению Днепра, разгромив при этом 6-ю армию группы армий «Юг» В директиве штаба Юго-Западного фронта Харьковская операция гордо именовалась «операцией по полному и окончательному освобождению советской Украины от немецко-фашистских захватчиков». Вот какую большую цель ставили своим подчиненным Тимошенко, Баграмян и Хрущев.

И это не была их собственная инициатива. Сталин, как известно, мемуаров не оставил, но успел выразить свои взгляды на весенне-летнюю кампанию 1942 года в первомайском приказе бойцам и командирам Красной Армии: «Что касается немецкой армии, то, несмотря на ее упорство в обороне, она все же стала намного слабее, чем 10 месяцев назад. Ее старые, опытные генералы вроде Рейхенау, Браухича, Тодта и других либо убиты Красной Армией, либо разогнаны немецко-фашистской верхушкой (из трех перечисленных только Браухича можно отнести к числу „разогнанных“, хотя он и сам подал рапорт об отставке; Тодт погиб в авиационной катастрофе, а Рейхенау умер от инфаркта, причем самолет, доставлявший его тело в Германию, также потерпел аварию. Красная Армия не имела никакого отношения к их гибели. — Б.С.). Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе военных операций, получает все меньше пополнений… Приветствуя и поздравляя вас с днем 1 Мая, приказываю:…Всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!»

Верховный думал, ни много ни мало, об окончании войны в 1942 году! И Харьковская операция, отнюдь не частная, должна была положить начало разгрому вермахта. Вслед за ней должна была последовать операция в Крыму, тоже с весьма решительными целями. Войскам Крымского фронта предстояло соединиться с защитниками Севастополя, разбить 11-ю немецкую армию и освободить Крым. С аэродромов полуострова можно было бомбить как румынские нефтепромыслы, так и тыловые коммуникации группы армий «Юг». Кроме того, господство советского флота на Черном море позволяло высадить из Крыма крупный десант на юге Украины и ударить навстречу наступающим армиям Тимошенко. После того, как обозначился успех на Украине, в наступление должны были перейти войска Брянского фронта на льговско-курском направлении, а потом настала бы очередь Западного и Калининского фронтов атаковать ржевско-вяземский плацдарм. Вероятно, действительный замысел Ставки на весенне-летнюю кампанию 1942 года состоял в том, чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, чтобы заставить противника распылить резервы, не дать ему создать сильную группировку для отражения наступления ни в одном из пунктов. Подобная стратегия

принесла успех в 44-м, особенно с лета, когда во Франции был открыт Второй фронт. Но в 42-м у вермахта еще было достаточно сил, чтобы парировать советские удары.

Сталин, Шапошников, Василевский, Жуков, Тимошенко и прочие военачальники думали, что Красная Армия весной 42-го достаточно сильна, чтобы разгромить немцев. Их убеждали в этом и фантастические цифры немецких потерь, представляемые Разведуправлением Генштаба. Так, к 1 марту 1942 года потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивались в 6,5 миллиона человека, в том числе 5,8 миллиона — из состава сухопутных сил Интересно, как люфтваффе и германский флот ухитрились потерять за 8 месяцев войны с Россией 700 тысяч человек, если до конца января 1945 года на Востоке они потеряли втрое меньше: 16,6 тысяч — флот и 219,0 тысяч — авиация, включая сюда и потери в войне против Польши. Действительные же потери германских сухопутных сил в войне против СССР к 1 марту 1942 года достигли лишь 1 005,6 тысяч человек и были вшестеро меньше, чем считали Сталин и его генералы. Свои же потери они преуменьшали в 2–3 раза.

Соотношение сил члены Ставки явно преувеличивали в свою пользу. Потому-то и пренебрегли предупреждениям разведки, что главный удар немцы собираются нанести на юге. Во второй половине марта в Генштаб поступили сведения, что перегруппировка немецких войск указывает — «центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы». Но не все ли равно, где именно враг собирается нанести главный удар, если неприятельское наступление планировали упредить. Тем более, что в избытке были и разведдонесения иного рода — будто вермахт повторит генеральное наступление на Москву.

Сталин очень рассчитывал на победы в Крыму и под Харьковом. Однако в 1942 году Второго фронта не было, вермахт был сильнее, чем два года спустя, а Красная Армия — слабее. В результате в мае готовившиеся только к наступлению, а не к обороне войска Крымского фронта были почти полностью уничтожены стремительным контрнаступлением Манштейна. А войска Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в мешок и только облегчили немцам проведение ранее запланированной операции по ликвидации барвенковского выступа. После этого началось развертывание вермахта для

осуществления плана «Блау» — генерального наступления южного крыла фронта к Кавказу и Сталинграду. Но Сталин и его генералы, включая Жукова и окончательно сменившего Шапошникова на посту начальника Генштаба Василевского, продолжали думать, что немецкие удары в Крыму и у Харькова были лишь частными операциями, призванными ликвидировать опасные советские плацдармы перед началом главного удара на Москву. Между тем советское командование получило чудесный подарок. 19 июня, за девять дней до начала наступления по плану «Блау», самолет с начальником оперативного отдела штаба 23-й танковой дивизии майором Рейхелем в темноте потерял ориентировку и приземлился на нейтральной полосе (по другой версии — на одном из советских прифронтовых аэродромов). Майор был убит, а его портфель с документами, раскрывающими основной замысел плана «Блау», попал в руки советского командования. Командир и начальник штаба танкового корпуса, куда входила дивизия Рейхеля, были отданы под суд и получили несколько лет тюрьмы. Однако германское командование не стало изменять план наступления. Перегруппировка войск отсрочила бы удар на несколько столь ценных летних недель.

Хрущев сообщает в своих мемуарах, что из захваченных у Рейхеля документов руководство Юго-Западного фронта сделало вывод, что немцы собираются наступать на Воронеж, и немедленно доложило о готовящемся наступлении противника Сталину. Однако Верховный отреагировал на доклад с иронией: «Ну, что там вам немцы подбрасывают? А вы принимаете всерьез намерения противника? Они вам карту подбросили. Самолет сел… Это делается для того, чтобы ввести в заблуждение, дезориентировать». На Юго-Западное направление не были переброшены резервы Ставки для отражения ожидавшегося командованием направления немецкого наступления. Сталин по-прежнему думал, что главный удар последует на Москву. Тимошенко, однако, счел захваченные документы подлинными. Он произвел бомбардировку обозначенного там штаба одного из немецких корпусов и начал перегруппировку войск. Кроме того, Семен Константинович приказал войскам при наступлении противника стараться сохранить целостность фронта, даже за счет отхода и потери территории, и избегать «котлов», подобных харьковскому. Это несколько уменьшило потери Южного и Юго-Западного фронтов в последующие недели.

Неизвестно, сообщил ли Сталин Жукову об инциденте с майором Рейхелем и как Георгий Константинович на это

прореагировал. Самое любопытное, что и у Сталина, и у Жукова были совершенно объективные основания ожидать наступления немцев на Западном направлении. В группе армий «Центр» по-прежнему оставалось свыше 70 немецких дивизий — больше, чем в любой другой группе армий на Восточном фронте. На юге в генеральном наступлении участвовало 90 дивизий, но свыше половины из них составляли соединения, выставленные союзниками Германии — Румынией, Венгрией, Италией и Словакией. По боеспособности они очень значительно уступали немецким. На одном ржевско-вяземском плацдарме, который Гитлер приказал удерживать для будущего, после достижения основных целей на юге, для наступления на Москву было сосредоточено 42 дивизии. Когда в феврале-марте 1943 года немцам пришлось все-таки оставить этот плацдарм, то за счет сокращения линии фронта им удалось высвободить 21 дивизию. Если бы его эвакуация была проведена весной или, в крайнем случае, летом 42-го, эти дивизии отправились бы к Сталинграду. Высвобождение такого же числа советских дивизий не восстановило бы равновесия на юге, так как их боеспособность была существенно ниже. Да и далеко не факт, что Сталин решился бы ослабить московское направление. 21 немецкая дивизия — этой силы хватило бы, чтобы предотвратить катастрофу под Сталинградом. Ведь тогда фланги армии Паулюса прикрывали бы не слабые войска союзников, а полноценные германские соединения. Боюсь, если бы Жукову все-таки удалось заставить немцев уйти с ржевско-вяземского плацдарма, это могло лишить Красную Армию победы под Сталинградом.

Жуков никакого наказания за неудачу Ржевско-Вяземской операции не понес. Сталин слишком хорошо относился к спасителю Москвы и Ленинграда, чтобы ставить ему в строку мелкие по тем временам неудачи. С майскими катастрофами на юге их ведь не сравнишь: Керчь — 150 тысяч пленных, Харьков — аж 240 тысяч! Жуковские неудачи были куда скромнее. В августе безрезультатно закончилось очередное наступление Западного и Калининского фронтов. Последовавшее за ним немецкое контрнаступление, имевшее местное значение, также не привело к существенным изменениям обстановки. В июле командование 9-й немецкой армии провело операцию «Зейдлиц», целью которой была ликвидация оказавшихся в ее тылу соединений 22-й, 29-й и 39-й армий и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта. В итоге было захвачено более 50 тысяч пленных. Однако здесь потерпел поражение фронт Конева, которым Жуков непосредственно не руководил.

Прежде чем перейти к рассказу об участии Жукова в Сталинградской битве, я хочу выделить его основные черты как командующего фронтом. Если судить по приказам, вышедшим за жуковской подписью, Георгий Константинович проявлял большую заботу о сбережении людей и техники, о том, чтобы нанести неприятелю решительное поражение, наиболее рациональным образом используя имеющиеся силы и средства. Вот, например, его директива от 30 марта 1942 года: «В Ставку Верховного Главнокомандования и Военный Совет фронта поступают многочисленные письма от красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно халатном отношении к сбережению жизней красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаках на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподавленные опорные пункты, при плохо подготовленном наступлении. Я требую:

1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования немедленно принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на неподавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность.

2. Перед атакой пехоты система огня противника обязательно должна быть подавлена и нейтрализована, для чего каждый командир, организующий атаку, должен иметь тщательно разработанный план уничтожения противника огнем и атакой. Такой план обязательно должен утверждаться старшим начальником, что одновременно должно служить контролем старшего командира.

3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником ненормальных потерь, какие меры приняты к виновным и чтобы не допускать их (потерь, а не виновных. — Б. С.) в дальнейшем».

Причины «ненормальных потерь» Георгий Константинович здесь вскрыл верно. А вот средства к их устранению предложил несколько странные, можно сказать, карательно-бюрократические. Казалось бы, логично разъяснить командирам, как именно нужно сберегать людей. Указать, что надо проводить

тщательную разведку неприятельских позиций и как именно ее проводить. Потребовать, чтобы наступлению и артподготовке непременно предшествовала разведка целей, чтобы артиллерия не била вслепую по площадям, расходуя дефицитные боеприпасы, чтобы пехота научилась взаимодействовать с артиллерией, авиацией и танками, чтобы наступление не велось в слишком тесных боевых порядках, уязвимых для вражеского огня. Издать соответствующие инструкции, проверить накануне наступления, освоили ли войска на деле все эти премудрости, организовать обучение бойцов и командиров. Только тогда потери могут уменьшиться. Но ничего подобного в жуковской директиве нет. Есть только угрозы покарать нерадивых командиров за плохое сбережение жизней красноармейцев пехоты. Единственным результатом стало то, что командиры в донесениях вынуждены были всячески занижать размер потерь, чтобы сделать их «нормальными» и тем самым успокоить грозного командующего фронтом.

Есть аналогичный жуковский приказ, касающийся не людей, а танков. Он датирован 19 февраля 1942 года. Жуков приводит убийственные данные о потерях танковых войск Западного фронта. К началу декабрьского наступления в 9 танковых бригадах насчитывалось 709 танков. К 15 февраля в строю осталось 153 машины. Потери составили 586 танков, в том числе 322 — безвозвратно. Кстати, в сумме потери и оставшиеся в строю танки дают не 709, а 739 машин. То ли Георгий Константинович где-то обсчитался, то ли уже в ходе наступления бригады получили пополнение в 30 новых танков. Для сравнения: вся германская Восточная армия за декабрь 1941 года и январь 42-го потеряла 951 танк, всего в 1,6 раза больше, чем 9 бригад Западного фронта. И как же Жуков собирался бороться со столь чудовищными потерями? Громкими угрозами: он требовал от нижестоящих начальников «издать приказы о предупреждении и ответственности за утрату танков вплоть до предания суду Военного трибунала». Жуков предписывал «расследовать каждый случай потери танков и в 48 часов доносить Военному Совету фронта». Но ни слова не говорил о необходимости совершенствовать тактику танкового боя и повышать уровень подготовки экипажей. Естественно, в подавляющем большинстве донесений о потерях танков командиры приводили подлинные или придуманные, но абсолютно объективные с виду причины выхода из строя боевой техники (иначе можно было угодить под трибунал), а заодно делали неприятельские потери больше собственных. Вот и получалось, что на бумаге на советско-

германском фронте погибло в несколько раз больше танков, чем их произвела за войну промышленность Германии.

Жуков нередко вмешивался в действия командующих армиями. Например, 28 января 1942 года он распекал по прямому проводу командарма-20 Власова: «Должен Вам сказать, что Военный совет фронта и Ставка Верховного Главнокомандования ожидали от 20 армии большего, и нам очень неприятно видеть 20 армию в таком положении. Я думаю, все это произошло потому, что указание, которое Вам твердилось, о прорыве кулаком, вы не выполнили, игнорировали. Видимо, посчитали указание для себя недостаточно авторитетным, кабинетным — и это ваша ошибка».

Жуков указывал Власову: «Я убежден, что успех может быть достигнут только прорывом по местности, не имеющей населенных пунктов, хотя бы вне дорог. И не верю в возможность прорыва той группировки, в которой наступаете Вы, а потому Вам надлежит перейти к обороне небольшими заслонами против населенных пунктов с гарнизонами, а главные силы немедленно вывести в двух направлениях…». И далее перечислил, в районе каких именно населенных пунктов надо наносить главный удар, а где — вспомогательный.

Строго говоря, Георгий Константинович влез здесь не в свою епархию. Командующему армией на месте должно быть виднее, как именно проводить наступление. Жуков же недвусмысленно давал понять командарму, что может сам отдать приказы соединениям армии: «Согласен обождать день, чтобы Вы убедились, что кроме потерь, у Вас ничего не получится…». Власов же, хотя и не имел академического образования, был достаточно грамотным военачальником (о моральных качествах сейчас речь не идет). И его приказы даже звучали порою толковее жуковских. Например, 4 января 1942 года Андрей Андреевич издал специальный приказ «Об организации боя», где обязал командиров лично проводить разведку перед наступлением и «на местности устанавливать взаимодействие с артиллерией и танками по времени и рубежам». Власов, как и Жуков, требовал:

«Не распылять своих сил и средств на широком фронте, а стремиться бить противника на узком фронте всей массой огня артиллерии, минометов и живой силы. Стремиться обходить укрепленные населенные пункты противника — ни в коем случае не бить его в лоб, а бить там, где он не ожидает». Наблюдательные пункты артдивизионов командующий 20-й

армией приказал иметь непосредственно на КП командиров батальонов, чтобы можно было скорейшим образом выполнять заявки пехоты «по огневому воздействию на противника». Все положения этого приказа очень разумные и, в отличие от жуковского приказа о сбережении солдатских жизней, вполне конкретны. Но с власовским приказом та же беда: исполнялся он из рук вон плохо, и сам командующий армией часто распылял силы и предпринимал плохо подготовленные лобовые атаки, на что ему справедливо указывал Жуков».

Одну из безумных фронтальных атак в августе 41-го под Киевом, предпринятой руководимой Власовым 37-й армией, запечатлел немецкий офицер в письме родным: «…С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю… Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: „Ура-а-а!“… Первые три волны были уничтожены нашим огнем… Натиск четвертой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов… Пулеметы раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов… Количество, продолжительность и ярость этих атак совсем истощили нас и довели до оцепенения. Не буду скрывать, они испугали нас… Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пытаясь ликвидировать даже незначительные результаты нашего наступления, то как же часто и каким числом людей они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?»

Подобные атаки, призванные истощить врага, завалить его трупами атакующих, были обычным явлением и во время наступления на западном направлении в конце 41-го и в 42-м году практически во всех армиях Западного и Калининского фронтов. У того же Власова одна только 352 стрелковая дивизия к концу января понесла настолько тяжелые потери, что насчитывала всего 150 штыков. Такая же картина была и в других армиях. Жуков и Конев стремились быстрее разгромить противника, торопили с наступлением командармов. Те нажимали на командиров дивизий, последние, в свою очередь, на командиров полков и т. д.

Плохо подготовленные атаки вели к огромным потерям. Немецкая разведка в середине января 1942 года выпустила бюллетень «Опыт войны на Востоке», где обобщила основные особенности русских атак: «В большинстве случаев атаке предшествует разведка боем на широком фронте, которая после прорыва или просачивания в наше расположение переходит в решительное нападение с тыла и флангов. Артиллерийская подготовка атаки применяется редко, однако русские очень охотно применяют ночью, перед атакой, короткий, но сильный беспокоящий огонь с дальних дистанций, постоянно меняя при этом свои огневые позиции. Свои атаки русские начинают в сумерках или на рассвете. Пользуясь темнотой, туманом, вьюгой или дождливой погодой, русские занимают исходные позиции для атаки. Отбитые атаки повторяются снова, не щадя сил и ничего не меняя. Трудно предположить, что на протяжении одного дня боев наступающая часть каким-либо образом сменит схему проведения атаки. Таким образом, для отражения атак русских нужны крепкие нервы и сознание того, что наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоять массовому наступлению русских».

По тому же шаблону Красная Армия наступала вплоть до самого конца войны. Об этом свидетельствуют как немецкие, так и советские мемуаристы. И глупо тут винить одного Жукова. Он действовал не лучше и не хуже других советских генералов и маршалов. Просто цена человеческой жизни в Советском Союзе была чрезвычайно низкой, не сравнимой с ценой жизни американских, британских или немецких солдат.

26 августа 1942 года Сталин назначил Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего и приказал ему отбыть в Сталинград, на подступах к которому обстановка складывалась критическая. 29-го Георгий Константинович приехал с фронта в Ставку, а уже 31-го был в штабе Сталинградского фронта. Там он оставался вплоть до 3 октября. Жуков участвовал в организации контрударов армий, расположенных севернее Сталинграда. Эти контрудары не привели к разгрому армии Паулюса, но не позволили прорвавшимся к Волге немецким войскам с ходу овладеть городом. 12 сентября Жуков прибыл в Ставку. Вместе с Василевским они доложили Сталину о тяжелых боях под Сталинградом и на Кавказе.

В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович описал историческую встречу с Верховным, во время которой

зародился замысел окружения 6-й немецкой армии:

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? — спросил Сталин.

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Василевский полностью поддержал мои расчеты. Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг подняв голову, спросил Сталин.

Я никогда не думал, что у Сталина такой острый слух». Верховный приказал генералам вернуться в Генштаб и еще раз подумать, какие войска можно перебросить под Сталинград. На вечер следующего дня он назначил новое совещание. Там Жуков и Василевский доложили о наметках плана большого контрнаступления, нацеленного на фланги армии Паулюса, прикрытые румынскими войсками. Предлагалось создать новый Юго-Западный фронт для удара по оперативному тылу сталинградской группировки противника. По словам Жукова, Сталин сперва отнесся к плану скептически: «У нас сейчас не хватит сил для такой большой операции». Жуков уверил, что все удастся подготовить за 45 дней. Сталин предложил сузить фронт будущего наступления, ударить вдоль Дона. Жуков настаивал на ударе к западу от Дона, чтобы противник не успел перебросить танковые дивизии из-под Сталинграда для отражения атак. Тогда между этими дивизиями и советскими войсками оказалась бы преграда в виде широкой реки. Сталин, однако, в тот день еще не дал окончательную санкцию на подготовку контрнаступления, приказав любой ценой удержать Сталинград. «Разговор о плане продолжим позже», — добавил он. Жуков вернулся в штаб Сталинградского фронта генерала Гордова, а Василевский выехал к Ерёменко на Юго-Восточный фронт, непосредственно оборонявший Сталинград. В конце сентября началась подготовка

контрнаступления, причем Жуков добился замены командующего Сталинградским фронтом Гордова на своего старого друга Рокоссовского. Новый же Юго-Западный фронт возглавил, по рекомендации Георгия Константиновича, его бывший заместитель на посту начальника Генштаба Ватутин.

Василевский поддержал Жукова не только на совещании у Сталина, но и в своих мемуарах. Об обстоятельствах зарождения плана окружения немцев под Сталинградом он пишет примерно так же, как и Жуков: «Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что, благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни, 6-я и 4-я танковая немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками… Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только бы радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между Сталиным, Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича северо-западнее Сталинграда и из дефиле озер Цаца и Беманцак южнее Сталинграда в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы…».

Это поражение — всегда сирота. У победы же под Сталинградом после войны объявилось много отцов. Командующий Юго-Восточным (позднее Сталинградским) фронтом Ерёменко и член Военного Совета фронта Хрущев утверждали, что они представили в Ставку план будущего контрнаступления в конце сентября или в начале октября. Здесь вполне можно допустить, что сходная идея одновременно и независимо пришла в голову сразу нескольким военачальникам. Слишком уж соблазнительно упирался в Волгу узкий немецкий клин с мощной 6-й армией, усиленной частью сил 4-й танковой. А слабость союзников Германии, прикрывавших фланги, была хорошо известна. Вот что пишет по этому поводу Хрущев: «Как возникла мысль об окружении… противника? Не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и Ерёменко, нет, она, возможно, возникала и у других. Но, в целом, этот вопрос

назрел… Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести не мог и бросал живую силу в город, как в мясорубку… Как правило, разведка работала добросовестно и докладывала правильно. Она сообщала, что за Доном войск противника нет… В целом, наши войска прочно держали линию обороны, потому что она была уже подоборудована. Это… нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность нанести удар на флангах противника и изменить положение дел под Сталинградом. Тогда мы с Ерёменко написали Сталину докладную, где высказали свое мнение:…по нашим данным… у немцев за Доном пусто; сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Мы не знаем, чем располагает Ставка, но если найти войска, которые можно было бы сосредоточить восточнее Дона и ударить отсюда к Калачу, а нам с юга ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить врага, который ворвался в город и ведет бои в самом Сталинграде. Чем располагала Ставка и были ли у нее такие возможности к тому времени, мы просто не знали. Знали только, что нам очень тяжело и что нам дают подкреплений очень мало. А если нам дают мало, значит, давать нечего. Так мы думали. И у нас возникла мысль — не ломимся ли мы в открытую дверь, потому что не знаем реального положения… в стране?

Спустя некоторое время к нам приехал Жуков. Он рассказал, что в Ставке имеется замысел, аналогичный тому, который мы с Ерёменко изложили в своей докладной, и предупредил нас, что об этой операции не должен никто знать и что он прилетел специально предупредить нас об этом. В данном случае подозрительность Сталина была полезна: чем меньше знает людей о готовящейся операции, тем лучше для самой операции. Жуков показал на карте, на каком участке должен будет нанести удар Сталинградский фронт. Это было как раз направление действий 51-й армии. Мы тоже считали, что нам ударить надо оттуда, где мы уже провели успешную разведку боем. Там лежит озеро Цаца».

Жуков в мемуарах фактически подтверждает сказанное Хрущевым: «В момент затишья с разрешения Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали Ерёменко и Хрущев (поскольку дальше Георгий Константинович говорит о вызове в Ставку в конце сентября, можно заключить, что его встреча с руководством Юго-Восточного фронта состоялась во второй половине этого месяца. — Б.С.)… Поскольку Верховный

предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного (переименованного в Сталинградский 27 сентября; значит, разговор происходил еще до этой даты. — Б. С.) и Сталинградского фронтов. На вопрос Ерёменко о плане более мощного контрудара (очевидно, в связи с упомянутой Хрущевым докладной. — Б. С.) я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств».

Наиболее логичным решением для германского командования был бы отход от Сталинграда и укрепление за счет высвободившихся дивизий фронта на Дону. Гальдер предлагал именно такое решение, но Гитлер с ним не согласился и 24 сентября отправил начальника штаба сухопутных войск в отставку. Сменивший Гальдера Курт Цейтцлер в октябре повторил предложение своего предшественника. Но фюрер его отверг. По воспоминаниям Цейтцлера: «Гитлер выходил из себя, когда на подобное решение проблемы только намекали в его присутствии… В своей знаменитой речи о Сталинграде в октябре 1942 года он сказал:

«Немецкий солдат остается там, куда ступит его нога… Вы можете быть спокойны — никто не заставит нас уйти из Сталинграда». Гитлер не хотел признавать крах своих попыток поставить Россию на колени. Сталинград — важный центр военной промышленности и транспортный узел на Волге — был одной из главных целей летней кампании. Уйти из города для вермахта значило бы признать свое поражение. Гитлер тешил себя иллюзией, что 6-й армии удастся перезимовать в Сталинграде, а в 43-м году возобновить наступление к Астрахани, тогда как на Кавказе группа армий «А» будет продвигаться к Баку. По этой причине было отклонено предложение командования 6-й армии во второй половине октября об отходе на линию рек Дон и Чир и создании резервов. Также и командующий 4-й танковой армии Гот предупреждал командование группы армий «Б» и Генштаб, что, если между румынскими дивизиями срочно не поставить «прокладки» в виде немецких частей и соединений, дело кончится катастрофой».

Ошибки Гитлера значительно облегчили задачу Жукова и Василевского. Упорное стремление фюрера во что бы то ни стало удержать Сталинград усугубило постигшую Германию

катастрофу, но само по себе не было ее причиной. У вермахта не было достаточных сил, чтобы удержать все расширявшийся фронт наступления. Гитлер опять, как и в 41-м, переоценил свои силы и недооценил советские возможности изыскать резервы для контрнаступления. Даже если бы не произошло окружения армии Паулюса, немцам пришлось бы отдать все, завоеванное в летней кампании, и без всяких шансов предпринять в 43-м году в России новое наступление со стратегическими целями. К осени 42-го эвакуированные из оккупированных районов промышленные предприятия уже восстановили свое производство, а помощь по ленд-лизу позволила увеличить производство танков, самолетов и боеприпасов и обеспечить Красную Армию горючим, средствами связи и транспортом.

Советское контрнаступление под Сталинградом готовилось в строжайшей тайне. На первом этапе о нем знали лишь Сталин, Жуков и Василевский. Командующие и штабы фронтов услышали о плане контрнаступления только в середине октября. Однако 4 ноября, за две недели до его начала, на стол Гитлера легло донесение неизвестного агента абвера в советском тылу, очень точно вскрывавшее планы советского командования. Там говорилось: «По полученным от доверенного лица сведениям, 4 ноября состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали двенадцать маршалов и генералов. На нем принято решение… провести все запланированные наступательные операции, по возможности, еще до 15 ноября, насколько это позволят погодные условия. Главные удары: от Грозного в направлении Моздока; в районе Нижнего и Верхнего Мамона в Донской области; под Воронежем; под Ржевом; южнее озера Ильмень и под Ленинградом. Фронтовые части усиливаются за счет резервов».

На Протяжении нескольких десятилетий после войны большинство историков придерживалось мнения, что это была советская дезинформация, призванная отвлечь внимание германского командования от готовившегося наступления у Сталинграда. Также и Жуков утверждал, будто планировавшаяся в то время атака Западного и Калининского фронтов на Ржев имела лишь второстепенное значение и должна была только не допустить переброски немецких дивизий с этого участка фронта под Сталинград.

Однако в действительности наступлению на ржевско-вяземский плацдарм Ставка придавала едва ли не большее

значение, чем наступление на юге. И первоначально срок перехода в наступление Юго-Западного и Донского фронтов был установлен на 15 ноября Василевский отмечает в мемуарах «Сосредоточение последних войсковых соединений и всего необходимого для начала операции, по самым твердым нашим расчетам, должно было закончиться не позднее 15 ноября». Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» цитирует свое послание Сталина по «Бодо» от 11 ноября: «Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для „Урана“ (условное название операции по окружению сталинградской операции. — Б. С.) очень мало. К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.». Вероятно, первоначальный срок был еще более ранний — 12 или 13 ноября. Однако и к 15-му не удалось подвезти все требуемые запасы. Поэтому начало наступления было перенесено на 19 ноября для Юго-западного и Донского фронта, и на 20-е — для Сталинградского.

Неизвестный немецкий агент в своем донесении ошибся только в одном пункте: главный удар наносился не на правом крыле Юго-Западного фронта у Верхнего и Нижнего Мамона, а на его левом крыле. Но на дезинформацию это нисколько не похоже. Просто удар правого крыла мог привести к более глубокому охвату соединений группы армий «Б», включая 6-ю армию, и все равно в качестве единственно правильного решения с немецкой стороны требовал немедленного отвода войск Паулюса из Сталинграда. Вполне вероятно, что первоначальный план наступления Юго-Западного фронта отличался от того, что был осуществлен на практике Жуков, в частности, пишет, что «с 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта». Не исключено, что корректировка как раз и заключалась в смене направления главного удара. Точно это установить сегодня уже невозможно: командующий фронтом Н.Ф. Ватутин и его начальник штаба генерал-майор Г.Д Стельмах погибли еще в дни Великой Отечественной войны и мемуаров не оставили.

Можно предположить, что информация о готовившихся наступательных операциях Красной Армии поступила от одного из офицеров советского Генштаба, работавшего на абвер. В пользу такого предположения говорит тот факт, что здесь названы не один, а несколько фронтов, где планировались главные удары. Вряд ли такие сведения были доступны офицеру штаба фронта, а тем более армии. Не исключено, что от этого же агента-

генштабиста поступило в 44-м году и другое достоверное сообщение о стратегических планах советской Ставки, о котором речь впереди[5].

Германское командование, однако, не прислушалось к предостережению неизвестного агента. Вероятно, Гитлер решил: раз Красная Армия будет одновременно наступать на нескольких направлениях, значит, ни на одном из них удар не будет слишком сильным. Уже 7 ноября авиационная и радиоразведка установила концентрацию советских сил на плацдармах у Ютетской и Серафимовича. Командование 6-й армии и группы армий «Б» ожидало скорого советского наступления, но недооценило его масштаб. Начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Артур Шмидт 1 декабря признавал. «Было бы неправильно искать сегодня виновника этой беды. Все мы не разглядели опасности во весь ее рост… и в очередной раз недооценили русских»

После того как окружение 6-й армии было завершено и отбита попытка ее деблокады соединениями 4-й танковой армии Гота, речь шла уже только о том, чтобы пожать плоды победы, принять «лагерь вооруженных военнопленных», по меткому выражению командующего защищавшей Сталинград 62-й армии Василия Ивановича Чуйкова. И в это время Ставка приняла решение объединить все войска, действующие против окруженной группировки, под единым командованием. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» описывает, как решался этот вопрос: «В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение дальнейших действий. Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне. — Или вы не имеете своего мнения?

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Ерёменко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал Сталин и приказал мне: — Позвоните Ерёменко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер я позвонил Еременко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому…

Последовала пауза. Затем Ерёменко спросил:

— Чем это вызвано?

Я разъяснил, ему, чем вызвано такое решение.

— Почему же завершение операции поручается Рокоссовскому, а не мне?

Я ответил, что это решение Государственного Комитета Обороны.

— А что решено в отношении меня? — настаивал Ерёменко.

— Штаб Сталинградского фронта должен возглавить группу войск фронта, действующую на котельниковском направлении.

— Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через 15 вновь раздался звонок: «Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника».

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному Ерёменко ответил: «Я уже звонил, но Поскрёбышев сказал, что товарищ Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами».

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с Ерёменко. Сталин меня, конечно, отругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование Рокоссовского». Такую версию назначения Рокоссовского мы находим в последней редакции жуковских мемуаров. В письме писателю Василию Соколову от 7 января 1964 года Георгий Константинович рассказывает эту же историю несколько по-другому и не скрывает, что именно по его инициативе командующий Донским фронтом был назначен руководить ликвидацией окруженной группировки: «Сталин спросил: „Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника, какой штаб фронта выведем в резерв?“

Берия предложил передать все войска в подчинение Ерёменко, а Военный совет и штаб Донского фронта во главе с Рокоссовским вывести в резерв. Сталин спросил: «А почему?» Берия сказал, что Ерёменко находится под Сталинградом более пяти месяцев, а Рокоссовский немногим больше двух месяцев. Ерёменко хорошо знает войска Донского фронта, так как он ранее ими командовал, тогда как Рокоссовский совершенно не знает войск Сталинградского фронта, и, кроме того, Донской фронт до сих пор играл второстепенную роль, а затем что-то добавил по-грузински.

Сталин обратился ко мне: «А вы что молчите? Или вы не имеете своего мнения?» Я сказал, что «считаю достойными того и другого командующего, но считаю более опытным и авторитетным Рокоссовского, ему и следует поручить добивать окруженных».

Сталин: «Ерёменко я расцениваю ниже, чем Рокоссовского. Войска не любят Ерёменко. Рокоссовский пользуется большим авторитетом. Ерёменко очень плохо показал себя в роли командующего Брянским фронтом. Он нескромен и хвастлив».

Я сказал, что Ерёменко, будет, конечно, обижен тем, что войска Сталинградского фронта будут переданы под командование другого командующего, а он останется не у дел.

Сталин: «Мы не институтки. Мы большевики и должны ставить во главе дела достойных руководителей…». И далее, обращаясь ко мне: «Вот что: позвоните Ерёменко и объявите ему

решение Ставки, а ему предложите пойти в резерв Ставки. Если не хочет идти в резерв — пусть полечится, он все время говорил, что у него болит нога».

В тот же вечер по ВЧ я позвонил Ерёменко и сказал: «Андрей Иванович, Ставка решила окончание операции по ликвидации Сталинградской группировки поручить Рокоссовскому, для чего все войска Сталинградского фронта будут переданы в подчинение Рокоссовского».

Ерёменко спросил, чем это вызвано. Я разъяснил, чем вызвано такое решение (в том же письме Георгий Константинович цитирует слова Сталина о том, что «сейчас действия командующих двух фронтов тормозят ход ликвидации окруженного противника, так как тратится много времени на увязку взаимодействия». — Б. С.). Ерёменко настойчиво добивался, почему завершение операции поручается Рокоссовскому, а не ему. Я ответил, что это решение Верховного и Ставки в целом. Мы считаем, что Рокоссовский быстрее закончит операцию, которая недопустимо затянулась, и, в первую очередь, по вине командования Сталинградским фронтом. Я чувствовал, что Ерёменко говорит, глотая слезы, и утешал его как мог.

— А что решено со мной? — спросил Ерёменко.

— Вас со штабом выводят в резерв. Если хотите, Сталин дал согласие подлечить вам свою ногу.

Это окончательно расстроило Андрея Ивановича, и он, тяжело дыша, не мог продолжать разговор. Я предложил ему подумать и позвонить через 30 минут для доклада Верховному. Через 15 минут позвонил Ерёменко, с которым состоялся неприятный разговор.

Ерёменко: «Товарищ генерал армии, я считаю, что меня незаслуженно отстраняют от операции по ликвидации окруженной группировки немцев. Я не понимаю, почему отдается предпочтение Рокоссовскому. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня командующим до конца операции».

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Сталину Ерёменко сказал, что он звонил, но Поскрёбышев ему ответил, что Сталин предложил по всем вопросам говорить

только с вами. Я позвонил Сталину и передал состоявшийся разговор с Ерёменко. Сталин меня, конечно, выругал и сказал, чтобы 30 декабря была дана директива о передаче всех войск Донскому фронту, а штаб Сталинградского фронта выведен в резерв».

Почувствуйте разницу между двумя вариантами одного и того же рассказа. В мемуарах Жуков подчеркнуто корректен по отношению к опальному Ерёменко. Там кандидатуру Рокоссовского предлагает мифический «кто-то», но не сам Жуков. На заседании ГКО никто Ерёменко не ругает, и Сталин просто говорит, что сейчас не время обижаться, и не делает унижающих Андрея Ивановича предложений отправиться в резерв или лечь в госпиталь подлечить ногу. Он просто предлагает Ерёменко возглавить новый фронт. Так и было в действительности. Штаб Сталинградского фронта 1 января 1943 года стал штабом нового Южного фронта, наступающего на Ростов. А в госпиталь с открывшейся старой раной Ерёменко отправился только в феврале. В этом отношении текст мемуаров явно правдивее. Зато письмо Соколову содержит внушающее доверие признание, что Жуков первым предложил кандидатуру Рокоссовского на пост командующего войсками, остающимися под Сталинградом. Как не порадеть старому другу! А вот выступление Берии в поддержку Ерёменко выглядит совершенно легендарным. Лаврентий Павлович в 60-е годы давно уже превратился в мифологического злодея, советы которого в целом хороший, но порой заблуждающийся Сталин, как правило, не слушает. Возьмем хотя бы мемуары авиаконструктора А.С. Яковлева «Цель жизни». Там Берия требует у Сталина 50 тысяч винтовок для формируемых дивизий НКВД и, чтобы продемонстрировать присутствующим особую близость с вождем, начинает говорить по-грузински. Но достигает обратного эффекта. Взбешенный Сталин на грузинский не переходит, а заявку урезает до 10 тысяч винтовок. Так же и у Жукова: Берия заговаривает со Сталиным по-грузински, но в итоге его предложение проваливается. Георгий Константинович знал, как дискредитировать в глазах своего любознательного корреспондента более чем разумные доводы в пользу назначения Ерёменко. Достаточно вложить их в уста столь одиозной личности, как Берия.

Но с чего вдруг Лаврентию Павловичу поддерживать Андрея Ивановича? Конструируя легенду, Жуков, несомненно, вспомнил статью Ерёменко, появившуюся в «Огоньке» в 1952 году и посвященную единственной поездке Верховного

Главнокомандующего к линии фронта. В августе 1943 года Сталин в сопровождении Берии посетил освобожденные несколько месяцев назад Гжатск и Ржев, и в Ржеве встретился с командующим Калининским фронтом Ерёменко. После статьи Ерёменко даже была нарисована замечательная картина; три богатыря — Иосиф Виссарионович, Андрей Иванович и Лаврентий Павлович на фоне ржевского моста через Волгу, разрушенного немцами при отступлении. Но очень скоро изображение Берии пришлось соскабливать с холста. Эту операцию завершить не успели, поскольку уже и Сталин перестал быть героем эпических полотен. Картина сгинула в запасниках. Вот откуда в памяти Георгия Константиновича связь Ерёменко с Берией. Но эта первая встреча Андрея Ивановича и Лаврентия Павловича произошла только летом 43-го. В конце же 42-го они знакомы не были.

И вряд ли Сталин стал бы так уничижительно отзываться на людях о генерале, которого собирался назначить командовать важным, отнюдь не второстепенным фронтом. Тем более невероятно, что, звоня Ерёменко по поручению Верховного, Жуков рискнул бы добавить унизительную для Андрея Ивановича отсебятину. Из письма Соколову, вообще, получается, что Георгий Константинович очень своеобразно утешал Ерёменко: объяснял генералу, какой он никудышный полководец, повинный в том, что ликвидация окруженной группировки недопустимо затянулась. Кстати, в дневнике Ерёменко никаких грубостей со стороны Жукова в этом малоприятном разговоре не отмечено.

Скорее всего, в основном беседа протекала так, как она изложена в «Воспоминаниях и размышлениях». Только Ерёменко, конечно, сразу же догадался, что Жуков, а не Сталин предложил вместо него Рокоссовского. В письме же Соколову Георгий Константинович показал Андрея Ивановича плохим военачальником и не слишком привлекательным человеком в отместку за выступление Ерёменко с резкой критикой его, Жукова, на партийном пленуме в октябре 57-го.

Расстройство Ерёменко можно понять. Он-то, в отличие от Рокоссовского, участвовал в Сталинградской битве с самого начала, и его фронт выдержал самые тяжелые дни сражения за город. Андрей Иванович считал и честно писал об этом в дневнике, что, по справедливости, именно ему должны были поручить завершение операции. Ведь теперь оставалось, по сути, только принять пленных и собрать трофеи. Сопротивляться

лишенная боеприпасов, горючего и продовольствия армия Паулюса уже не могла. А тут такая обида! Жуков дал возможность Рокоссовскому пожать лавры сталинградской победы, впервые в истории Великой Отечественной принять капитуляцию целой немецкой армии во главе со свежеиспеченным фельдмаршалом.

От обиды и от напряжения в дни Сталинградского сражения Ерёменко вскоре заболел. Открылись старые раны. В госпитале, а потом в санатории у Андрея Ивановича было время, чтобы подробно проанализировать события, связанные с подготовкой контрнаступления и своими взаимоотношениями с Жуковым. 1 февраля 1943 года, явно имея в виду Георгия Константиновича, Ерёменко с горечью отметил в дневнике: «Первостепенное значение имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством… Страшная беда, что и в наш век все еще так решаются вопросы». Эта запись появилась по поводу публикации указа от 28 января о награждении группы генералов, отличившихся в битве за Сталинград, орденом Суворова I степени. Одновременно почти все награжденные, кроме Ерёменко, удостоились очередных званий. Жуков, получивший орден Суворова № 1, еще 18 января стал Маршалом Советского Союза. Гордов, Ватутин и Рокоссовский получили звания генерал-полковников. Василевский — генерала армии, а через месяц, 16 февраля, — и маршальское звание. Вот только Ерёменко из генерал-полковников в генералы армии Сталин производить не спешил. Андрей Иванович видел здесь жуковские козни.

В дневниковой записи от 19 января 1943 года Ерёменко связывал свое отлучение от Сталинграда, прежде всего, с переменой отношения к нему Сталина. Верховный будто бы в октябре 42-го хотел снять с должности члена Военного Совета фронта Хрущева и требовал от командующего «гнать от себя» Никиту Сергеевича. Ерёменко отказался писать соответствующее представление, и Сталин-де затаил на него зло. Интересно, что Хрущев в мемуарах утверждает, что, наоборот, он сам тогда с трудом отстоял Ерёменко от гнева Верховного. Никита Сергеевич так и не узнал, что в тот раз Ерёменко пострадал за него, Хрущева.

В записи от 19 января 43-го Андрей Иванович, однако, немалую вину за свою опалу возлагал и на Георгия Константиновича: «Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне

простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это сделать, как командующий войсками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист… Если представится возможность, напишу о нем побольше». Такая возможность представилась в санатории Цхалтубо, где Ерёменко оправлялся от болезни. Здесь он записал 28 февраля 1943 года:

«Я почувствовал себя значительно лучше и приступил к описанию Сталинградской битвы. В ходе работы у меня возникла мысль, что если бы тов. Жуков утвердил время атаки, которое предлагал я, то противник не только не задержал бы нас ша реке Червлённой, а наоборот, сталинградская группировка была бы разбита еще в ноябре. Один день, недооцененный Жуковым, „съел“ два месяца (подготовки к контрнаступлению. — Б. С.) и принес много жертв. Первоначально по общему плану контрнаступления Юго-Западный и Сталинградский фронты должны были наступать одновременно. Я был категорически против одновременного начала наступления и доказывал, что мы должны обмануть противника и поставить в исключительно невыгодные условия, заставить его измотать и задержать свои танковые и механизированные войска, к тому же без всякой пользы… Мое утверждение основано на реальном расчете и анализе действий противника. С началом нашего наступления факты полностью подтвердили мои доводы. Я не считаю себя сейчас умней, чем был тогда, когда настаивал на своем предложении и добивался его утверждения… Ведь если Юго-Западный фронт начнет наступление на два дня раньше, чем Сталинградский, то для противника создастся весьма сложная обстановка, которая может привести его к катастрофе. На эти мои доводы Жуков ответил: „Обождите с „катастрофой“, хоть отгоните противника от Сталинграда километров на 60–70, и то будет хорошо“».

Однако когда Ерёменко повторно изложил свои соображения насчет разновременного начала наступления двух фронтов, Георгий Константинович воспринял эту идею более благосклонно: «На сей раз Жуков слушал меня с большим вниманием и в конце моего доклада сказал:

— Хорошо, согласен на одни сутки. Так и буду докладывать Сталину на утверждение.

— Я прошу доложить на двое суток.

— Нет, нет, — сердито возразил он, — одни сутки, больше не дадим!

— Ясно, — ответил я и подумал, что не для себя прошу эти дни, а для общего дела, для нашей страны… На этом и закончилось обсуждение вопроса о сроке начала атаки. Я весь кипел внутри и возмущался… Жуков боялся, как бы не застопорилось наступление Юго-Западного фронта. В какой-то мере он, вместе с Ватутиным, готовил это наступление. Подготовку войск Сталинградского фронта осуществлял я. И вдруг они более успешно будут действовать?!

Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру.

Он боялся даже в таких условиях, когда Ватутин сосредоточил на узком фронте танковую армию тов. Романенко (5-ю танковую. — Б. С.), два совершенно свежих танковых корпуса, 3-ю ударную общевойсковую армию тов. Кузнецова (в действительности, В.И. Кузнецов командовал 1-й гвардейской армией Юго-Западного фронта; в декабре из нее выделили еще 3-ю гвардейскую армию, что и вызвало ошибку памяти у Ерёменко. — Б. С.), 21-ю общевойсковую армию, несколько отдельных танковых бригад, кавалерийский корпус и много других частей усиления. С такой силищей трусил, хотел, чтобы войска Сталинградского фронта оттянули на себя силы противника. Вот когда Жуков показал свою шкуру».

Насчет того, что разведение по срокам начала наступления Сталинградского и Юго-Западного фронтов на два дня вместо одного сделало бы поражение германских войск под Сталинградом еще более сокрушительным, Андрей Иванович был абсолютно прав. Немецкие историки и мемуаристы после войны документально подтвердили, что в случае задержки атаки войск Сталинградского фронта еще на одни сутки, все немногочисленные резервы 6-й армии и группы армий «Б» были бы уже введены в бой против соединений Юго-Западного и Донского фронтов и не успели бы вернуться для противодействия атаке Сталинградского фронта. Тогда армия Паулюса,

действительно, могла быть уничтожена уже в первые недели советского контрнаступления, что еще более радикально изменило бы общую стратегическую ситуацию. В данном случае Жуков, действительно, не смог увидеть оперативную перспективу, а усмотрел в предложении Ерёменко лишь попытку обеспечить успехи своего фронта за счет фронта Ватутина, к которому, как и к Рокоссовскому, Георгий Константинович явно благоволил.

И относительно жуковского пренебрежения к потерям подчиненных ему войск, готовности делать карьеру на крови собственных солдат — Ерёменко не ошибался. Правда, иначе не воевали и другие советские генералы, включая самого Андрея Ивановича.

В письме Василию Соколову Жуков утверждал: «Фактически… Ерёменко был смещен Сталиным за плохое личное руководство войсками Сталинградского фронта, поглотившего исключительно большое количество войск в период оборонительных сражений». По правде сказать, если Иосиф Виссарионович, действительно, считал плохим руководством то, которое вело к большим потерям, то ни один командующий фронтом не продержался бы на своем посту больше месяца. Вполне возможно, что причиной смещения Еременко в действительности послужил его отказ написать представление об освобождении Хрущева от обязанностей члена Военного Совета.

Но вот насчет чрезмерно большого расхода сил советской стороной в ходе обороны Сталинграда Георгий Константинович был прав. Неожиданно его слова подтвердил другой маршал — Р.Я. Малиновский. В 1965 году Родион Яковлевич был одним из наиболее влиятельных людей в стране. Без его поддержки Брежнев со товарищи не сместили бы с такой легкостью порядком надоевшего партноменклатуре Хрущева. Министр обороны мог позволить себе вольные суждения на многие запретные для других темы. И Малиновский на одной из встреч с военными и интеллигенцией позволил себе весьма крамольную мысль. Он сказал примерно следующее: «Я считаю, что Сталинград вообще не надо было оборонять. Проще было отвести войска на восточный берег Волги. Волга — слишком серьезная преграда, чтобы немцы смогли быстро форсировать ее. Те войска, которые были перемолоты в борьбе за город, лучше было бы использовать для контрударов по флангам противника. Тогда наши потери были бы гораздо меньше немецких, а так в ходе оборонительного сражения они оказались в несколько раз больше».

Быть может, то, что предлагал Родион Яковлевич, было в действительности оптимальным решением, которое позволило бы гораздо быстрее и с меньшими потерями окружить и уничтожить 6-ю немецкую армию? Ведь советские войска под руководством Гордова, а потом Рокоссовского положили много людей во время плохо подготовленных контрударов к северу от Сталинграда. А фронт Ерёменко потерял не меньше в ходе сражений в самом городе. Немецкие войска обладали превосходством в воздухе. Кроме того, 6-я армия Паулюса тактически грамотнее вела уличные бои. Немцы первыми применили, в частности, действия небольшими штурмовыми группами, которые потом переняли у них бойцы Чуйкова. Бои в большом городе — это гораздо более сложный вид боевых действий, чем борьба в чистом поле или в небольших населенных пунктах. А чем сложнее бой, тем более уверенно ведут его лучше обученные войска, тем в большей мере должно было сказаться превосходство вермахта в уровне боевой подготовки.

Кстати сказать, Родион Яковлевич Малиновский был единственным из советских полководцев Великой Отечественной, кому довелось прежде повоевать в одной из западных армий — во французском Иностранном легионе в конце Первой мировой войны. И воевал Родион Яковлевич неплохо, раз был награжден двумя французскими орденами. Может быть, этот опыт сослужил ему добрую службу в Красной Армии? Во всяком случае, две наиболее эффективных операции по окружению крупных немецких группировок на заключительном этапе войны, в 1944–1945 годах, провел как раз 2-й Украинский фронт под командованием Малиновского. Это — Яссо-Кишиневская операция и окружение германо-венгерского гарнизона Будапешта. В результате было пленено более 300 тысяч солдат и офицеров противника при относительно небольших потерях советских войск. Правда, в первом случае Красной Армии помог переход Румынии на сторону Антигитлеровской коалиции, а во втором — большую часть войск противника составляли венгры, значительно уступавшие в боеспособности как вермахту, так и Красной Армии.

Жуков вместе с Василевским в качестве представителей Ставки готовили контрнаступление под Сталинградом. Правда, по мнению Рокоссовского, они больше мешали, чем помогали командующим фронтами — «Представителям Ставки и начальнику Генерального штаба… следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми вооруженными силами, где

вырабатывались и принимались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска… Доложив о вступлении в командование войсками фронта, я попросил предоставить мне возможность командовать войсками непосредственно… Крепко поддержал меня в этом Маленков, заявив Жукову, что моя просьба вполне обоснованна, а потому, действительно, им сейчас здесь делать нечего. В тот же день они улетели в Москву». Хоть и был Георгии Константинович заместителем Верховного, но своему тезке Георгию Максимилиановичу перечить не рискнул — как-никак, член Политбюро, пользовавшийся особой благосклонностью Сталина, будущий официальный преемник вождя.

Константин Константинович запечатлел почти гоголевскую сцену в штабе Юго-Западного фронта: «Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским». Нередко командующий фронтом был при представителе Ставки чуть ли не мальчиком на побегушках.

Жуков пробыл под Сталинградом до 16 ноября. В этот день он вернулся в Москву, а уже 19-го числа вылетел на Калининский фронт готовить операцию «Марс» — наступление на ржевско-сычевскую группировку противника. В штабах Западного и Калининского фронтов он, с небольшими перерывами, пробыл до конца декабря. В советской истории Великой Отечественной укоренилось мнение, что наступление войск этих двух фронтов в ноябре — декабре 42-го имело сугубо вспомогательное значение и должно было только отвлечь силы немцев от Сталинграда. Лишь в 90-е годы видный американский военный историк Дэвид М. Глэнц доказал, что операция «Марс» по количеству предназначенных для ее проведения сил и средств превосходила операцию «Уран» — контрнаступление под Сталинградом. Войска Калининского и Западного фронтов вместе с предназначенными для их поддержки войсками Московской зоны обороны насчитывали к 25 ноября 1942 года, дню началу наступления, 1,9 миллиона человек, более 24 тысяч орудий и минометов, 3 300 танков и 1 100 самолетов Под Сталинградом три фронта

располагали 1,1 миллиона человек, 15 тысячами орудий и минометов, 1 400 танками и более 900 самолетами. Правда, значительная часть противостоявших им войск составляли союзники Германии — солдаты отнюдь не первоклассные, да и позиции в донских степях неприятель не успел еще как следует оборудовать. Ржевско-вяземский плацдарм, напротив, был сильно укреплен, и оборонялись там только немецкие дивизии, сражавшиеся очень хорошо. В случае успеха «Марса» за ним должен был последовать «Юпитер» — удар 5-и и 33-й армий Западного фронта на Вязьму. В перспективе войска Западного и Калининского фронтов должны были окружить и разгромить всю группу армий «Центр», а затем прорваться к Балтийскому морю Однако наступление, руководимое Жуковым и продолжавшееся вплоть до середины декабря, закончилось с катастрофическими для советской стороны результатами, и от «Юпитера» пришлось отказаться. Ударные группировки Западного и Калининского фронтов были окружены и лишь с большими потерями прорвались к своим, потеряв до полумиллиона человек и основную часть бронетехники (около 1850 танков) Причины поражения, по словам Глэнца, заключались в следующем: «Жуков осуществил операцию „Марс“ в характерной для него манере. Советские атаки были массированными, он не жалел людских и материальных ресурсов, не учитывал неблагоприятные условия местности и погодные условия. Стремясь к победе, он полагался на нажим по всему фронту и простой маневр мощными танковыми и механизированными корпусами… Умело организованная немецкая тактическая оборона относительно небольшими „боевыми группами“, максимально использующими преимущества местности, сдерживала атакующие советские мобильные части, не позволяя им прорваться в оперативный тыл немцев. Обороняющиеся изматывали атакующую пехоту и отсекали ее от танков. Не поддаваясь панике и удерживая только то, что действительно необходимо было удержать, германское командование постепенно собирало резервы, необходимые для контрударов и победы». Командующий немецкой 9-й армией Вальтер Модель по всем статьям переиграл заместителя Верховного Главнокомандующего.

Однако неудача под Ржевом никак не сказалась на карьере Георгия Константиновича, не затуманила блеск сталинградской победы. В январе 43-го Сталин направил его вместе с Ворошиловым под Ленинград для организации прорыва блокады. Эта операция, имевшая кодовое название «Искра», увенчалась успехом. Между Волховским и Ленинградским фронтами был

создан сухопутный коридор шириной от 8 до 11 километров. Он насквозь простреливался немецкой артиллерией, и основное снабжение осажденного города по-прежнему шло по «дороге жизни» через Ладожское озеро. Но символическое значение прорыв ленинградской блокады имел большое. И неслучайно высшего воинского звания — Маршал Советского Союза — Жуков был удостоен 18 января 1943 года именно за «Искру». Георгий Константинович стал девятым маршалом в истории Красной Армии. К тому времени двое из них (Тухачевский и Егоров) были расстреляны, один (Блюхер) умер во время следствия, а еще один (Кулик) был разжалован в генерал-майоры. Сталин разрешил присвоить себе это звание только 6 марта 1943 года, на полтора месяца позже Жукова.

Вперед, на Запад!

После Сталинградской победы Красная Армия двинулась на Запад «отбирать наши пяди и крохи». Вермахт был еще силен, не раз наносил наступающим чувствительные контрудары, но уже никогда больше не предпринимал на Востоке наступления со стратегическими целями. Одновременно с контрнаступлением под Сталинградом германо-итальянская армия фельдмаршала Эрвина Роммеля в Северной Африке была разбита под Эль-Аламейном. Во всем мире начали понимать, что окончательное поражение Рейха — только вопрос времени.

Советские войска пытались отрезать застрявшую на Кавказе группу армий «А», отбить Донбасс и Харьков, выйти к Днепру. Однако овладевшие Харьковом войска Воронежского фронта Ф.И. Голикова и рвавшиеся к Днепру войска Юго-Западного фронта Ватутина попали под контрудар группы армий «Юг» фельдмаршала Манштейна. 17 марта 1943 года Жуков был послан на Воронежский фронт выправлять положение. Накануне немецкие войска отбили Харьков, а 18-го танковый корпус СС ворвался в Белгород. Состоявший для особых поручений при Жукове генерал Леонид Федорович Минюк в 60-е годы так рассказывал о прибытии их группы под Курск, где в небольшом селе размещался штаб Голикова: «Командующий Голиков и член Военного совета Хрущев не могли что-либо конкретно доложить.

«Эх, вы, магнаты!» — только и бросил в сердцах Жуков свое привычное выражение и отвернулся.

За окном суетились, бегали, что-то грузили на машину штабисты. Прискакал на коне со вспененными боками связной, сунул кому-то пакет с донесением и умчался обратно. Творилась неразбериха — будто в предчувствии скорого нападения танков.

Жуков решительно вышел из помещения, узнал, где фронтовой узел связи, и оттуда позвонил по ВЧ Сталину, доложил обстановку и затребовал срочно двинуть из резерва Ставки все, что находится поблизости, чтобы предотвратить удар противника на курском направлении. Верховный не заставил себя ждать. Немного позже Жукову передали из Генштаба, что к району Белгорода, уже захваченному противником, стягивались войска 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии…».

К 22 марта положение стабилизировалось. По представлению Жукова, Голиков был заменен Ватутиным. Как свидетельствует Минюк, Георгий Константинович в разговоре по прямому проводу с Генштабом сказал: «Доложите, что враг дальше не продвинется ни на шаг. А относительно Голикова скажите: его надо сменить немедленно и поставить на этот горячий фронт генерала наступления Ватутина».

Вроде бы нет оснований не доверять рассказу Минюка. Тем более что воспоминания Жукова им как будто не противоречат:

«После захвата Харькова части противника без особого сопротивления продвигались на белгородском направлении и заняли Казачью Лопань.

«Необходимо, — докладывал я Верховному, — срочно двинуть сюда все что можно из резерва Ставки и с соседних фронтов, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на курском направлении».

Через час из разговора с Василевским я узнал, что Верховным принято решение и уже передано распоряжение о выдвижении в район Белгорода 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии».

Опять получается, что, только следуя мудрым жуковским советам, Иосиф Виссарионович принимает единственно правильное решение. Требуется, однако, одно важное уточнение. Резервы Ставки были двинуты под Курск значительно раньше, чем Жуков появился в штабе Воронежского фронта, и без какого-либо его участия. В мемуарах Василевского приведена директива Ставки от 10 марта, предписывающая «выдвинуть танковую армию Катукова навстречу подымающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника… Как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта… в подчинение командующего Воронежским фронтом». Жуков в те дни был на Северо-Западном фронте, где безуспешно пытался ликвидировать демянскую группировку противника. Никакого отношения к событиям в районе Харькова не имел.

Объективно говоря, немецкое наступление уже утратило свою силу к моменту прибытия Жукова. Манштейну, вопреки первоначальным расчетам, не удалось окружить значительную советскую группировку у Харькова. Продвижение группы «Юг»

остановилось не столько из-за прибытия вызванных Жуковым резервов, сколько из-за наступившей чрезвычайно сильной распутицы. Тот же Минюк признает, что по этой причине наступила пауза в боях: «Нужно было в разгар весенней распутицы, именно в марте и в первых числах апреля, определить главное направление, раскрыть стратегический замысел противника — где и когда он развернет свои решающие сражения года, чтобы парировать его удары». Леонид Федорович вспоминает и один забавный эпизод, связанный с выездом на фронт: «До передовой — на вездеходе, а там — пешком. Грязища была невпроворот, по самые голенища вязли, порой приходилось залегать и ползти под обстрелом. Намокли и вывалялись в черной грязи как черти. Благо на нас комбинезоны были…А к вечеру пошел дождь. Ливневый, так и сечет. Озябли крайне. Как бы вскользь Жуков пожаловался, что его знобит… Надо было где-то отогреться. Облюбовали в деревне дом, стучимся. Старуха дверь открыла, ввела в дом, зажгла лампу. Фитиль еле мигал. Дали мы бензина, соли в него подсыпали, чтобы в лампе не вспыхнул. Лампа занялась ярко, и тогда только старуха оглядела нас, скорбно поджала губы и сразу принялась носить из сенец сухие кизяки, подкладывать их в русскую печь. Затем полезла в погреб, достала оттуда длинную белую редьку, из шкафа — бутылку. Натерла редьку, выжала из нее сок в кружку, в стаканы налила из бутылки — запахло самогоном.

«Скидайте с себя все! Да не мешкайте, где вас так угораздило», — ворчала старуха.

Мы подчинились воле хозяйки. Я снял с себя комбинезон первым, хотел остаться в брюках, но старуха» сердито: «Скидай и штаны». Повиновался и Жуков, припомнив, что в молодости от простуды лечила его мать народными средствами. Старуха дала нам два неполных стакана. Но прежде велела выпить из кружки напополам сок редьки.

Мы забрались на протопленную печь, пригрелись спинами и боками на горячих кирпичах — ну просто не жизнь, а рай и благодать!.. Проснулись ни свет ни заря, глядим, а на лавке лежат наши аккуратно свернутые и просушенные комбинезоны. Мы намерились, кроме соли и бензина, чем-то еще отблагодарить хозяйку, но она и слушать не захотела: «Езжайте себе с Богом, да спасибо скажите, что я вас от лихоманки-простуды спасла». Для старой крестьянки и рядовой, и маршал одинаково были русскими солдатами, выполнявшими тяжкий ратный труд и

нуждавшимися в заботе.

Голиков счел свое снятие с поста командующего фронтом несправедливым и затаил на Жукова злобу. Она выплеснулась на обоих заседаниях, 46-го и 57-го годов, когда Георгий Константинович подвергся опале. Но, похоже, Филипп Иванович заблуждался насчет причин своего отстранения от командования Воронежским фронтом. По свидетельству Хрущева, Сталин собирался заменить Голикова Ватутиным еще в феврале, сразу после освобождения Красной Армией Харькова и до контрудара Манштейна. Тогда, назначая Никиту Сергеевича членом Военного Совета нацеленного на Киев Воронежского фронта, Сталин, зная о плохих отношениях Хрущева с Голиковым (у них были конфликты в Сталинграде), предупредил, что Филипп Иванович на своем посту не задержится: «Мы в скором времени примем новое решение и переставим его». Верховному важно было, чтобы членом Военного Совета фронта, которому предстояло освобождать украинскую столицу, был именно Хрущев, руководивший перед войной компартией Украины. Ради этого политического момента Сталин готов был подобрать на Воронежский фронт такого командующего, который бы хорошо сработался с Никитой Сергеевичем. Неудача под Харьковом и требование Жукова о немедленной замене Голикова Ватутиным стали лишь удобным предлогом для осуществления решения, давно уже принятого Верховным Главнокомандующим.

Итоги контрнаступления под Харьковом в феврале-марте 1943 года сам Манштейн расценил следующим образом: «Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы (первый был нанесен в районе между Днепром и Северским Донцом. — Б. С.); усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. У группы „Юг“ была еще одна цель — в качестве заключительной фазы операции совместно с группой „Центр“ очистить от противника дугу в районе Курска, врезающуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа „Центр“ заявила, что она не может участвовать в этой операции. Эта дуга осталась проблемным выступом на нашем фронте, который открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности». После окончания периода весенней распутицы германское командование рассчитывало провести наступление с целью срезать курский выступ. Эта операция получила кодовое название «Цитадель».

Высвободившиеся в результате сокращения линии фронта войска планировалось перебросить в район Средиземноморья для противодействия вторжению западных союзников в Италию. К тому времени немцы уже эвакуировали ржевско-вяземский плацдарм, и советскому командованию было трудно ошибиться в определении будущей германской стратегии на Востоке. Курск оставался для вермахта единственной целью, заманчивой с оперативной точки зрения. Напрасно Манштейн, имитируя подготовку к повторному наступлению на Ростов, перемещал к реке Миус макеты танков и орудий. Ему не удалось никого обмануть.

8 апреля 1943 года Жуков в докладе Верховному довольно точно определил вероятные планы неприятеля на весенне-летнюю кампанию: «Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы. Ввиду ограниченности крупных резервов, противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы (на самом деле, столь амбициозной цели вермахт перед собой уже не ставил. — Б. С.). Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока».

Георгий Константинович предлагал: «Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению противотанковой обороны Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 истребительно-противотанковых артиллерийских полков; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участие Ливны-Касторное-Старый Оскол. Часть полков

желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника… Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Отсюда берет свое начало план преднамеренной обороны советских войск на Курской. К тому времени Красная Армия значительно превосходила вермахт не только в людях, но и в артиллерии, танках и авиации. Командующий Воронежским фронтом Ватутин, в противоположность Жукову, Василевскому и командующему Донским фронтом Рокоссовскому, считал, что советские войска должны использовать свое превосходство и ударить первыми. Сталин, памятуя о катастрофических результатах наступления Красной Армии в мае 42-го, на этот раз не спешил бросать свои войска в атаку. Еще в январе 1943 года в беседе с Буденным по случаю назначения Семена Михайловича командующим кавалерией Красной Армии он изложил основы советской стратегии после Сталинграда: «Мы победим, в этом нет сомнения. Сломаем хребет фашистскому зверю. Победим даже в том случае, если союзники не откроют Второго фронта в Европе. Но мы не можем говорить о победе отвлеченно. Нам надо разгромить врага и поставить его на колени как можно быстрее. Однако враг еще силен. Впереди тяжелые бои. От нас потребуется предельное напряжение сил, большие жертвы. И надо сделать так, чтобы эти жертвы не были напрасными. В лагере противника идет подозрительная возня. Гитлеровская клика делает крупную ставку на разлад между СССР и союзниками. Если война затянется, правящие круги США и Англии могут пойти если не на прямую измену, то на сепаратный мир. Этим кругам, — а тон задает им Черчилль, — очень хотелось бы сохранить фашистскую Германию — пусть без Гитлера — как форпост против СССР на Западе. Черчилль идет еще дальше: мечтает восстановить панскую Польшу, бережет буржуазное польское правительство. Мы должны наращивать силу ударов и в то же время воевать с умом, добиваться победы в любом бою малой кровью… И кое-кто за границей полагал и теперь полагает, что вечна предельно истощит нас. Мы окажемся-де настолько обессиленными, что

лишимся какой-либо возможности влиять на международную политику, потеряем всякий международный вес, и тогда нам, даже непобежденным, можно будет диктовать любые условия. А мы должны войти в Западную Европу, имея закаленную в боях армию. И пусть тогда попробуют господа Черчилли диктовать нам условия мира, применять политику диктата!»

Сталин теперь уже ничего не имел против того, чтобы Второй фронт союзники вообще не успели бы открыть. Он рассчитывал достаточно быстро разбить Германию и оккупировать основные страны Западной Европы еще до того, как англоамериканские войска высадятся на континенте. Вот тогда Сталин, действительно, смог бы диктовать свои условия будущего мироустройства и Черчиллю, и Рузвельту. В беседе с Буденным Иосиф Виссарионович предъявил к Красной Армии два взаимоисключающих требования. С одной стороны, не считаясь с жертвами, как можно скорее поставить врага на колени и войти в Западную Европу. С другой стороны, стремится побеждать малой кровью. Практическое значение из этих установок имела только первая — идти вперед как можно скорее, не считаясь с потерями. Эти слова — «не считаясь с жертвами» — повторяются во многих приказах и директивах Ставки и лично Сталина. Лозунг же — «воевать малой кровью», также встречающийся и в приказах, и в беседах Сталина с командующими фронтами, имел чисто пропагандистское значение. Он призван был убедить бойцов и командиров, что высокие начальники заботятся о сбережении их жизней. Те, кому пришлось убедиться в обратном, ни Сталину, ни Жукову, ни другим генералам и маршалам уже никаких претензий предъявить, разумеется, не могли. Вот и родилась в народе горькая присказка: в первые два года войны огромные жертвы были принесены, чтобы избежать поражения, а в последние два — чтобы приблизить победу.

Сталин боялся не сепаратного мира Англии и США с Гитлером или его преемниками. Он боялся, что союзники сумеют оккупировать Германию и образовать там послушное себе и антисоветское правительство. Так и произошло после войны с Западной Германией.

В приказах Верховного Главнокомандующего от 23 февраля и 1 мая 1943 года уже ничего не-говорилось о том, что 43-й год станет годом окончательного разгрома гитлеровских захватчиков. Горький опыт 42-го чему-то научил Сталина. Хотя по-прежнему повторялись несуразные цифры немецких потерь: к 23 февраля

фантасты из Генерального штаба исчислили их в 9 миллионов человек, из них не менее 4 миллионов — убитыми на поле боя. Только за три месяца зимы 1942–1943 года вермахт будто бы лишился более 4 тысяч самолетов, свыше 7 тысяч танков и 17 тысяч орудий. В действительности, общая численность германских вооруженных сил (с персоналом училищ, запасными частями и ранеными в госпиталях) в 1943 году составляла лишь немногим больше — около 9,5 миллионов человек, увеличившись с 1942 года на 1,2 миллиона. Действительные потери германских сухопутных войск на всех фронтах составили в период с июня 41-го по февраль 43-го только 1 067 371 убитых и пропавших без вести — вчетверо меньше, чем думали советские генералы. Сталин, хотя и привел лестные для национального самолюбия цифры в февральском приказе, похоже, уже не слишком им верил и в майском приказе повторять их не стал.

Состояние же советских войск в ту пору было далеко не блестящим. В мае 1943 года был снят командующий Калининским фронтом генерал М.А. Пуркаев. Его преемник Ерёменко в дневниковой записи от 7 мая так прокомментировал ситуацию:

«6 мая 1943 года на Калининский фронт приехала комиссия ГКО во главе с тов. Щербаковым. Цель приезда — проверка и наведение порядка в снабжении и обеспечении войск, так как случались большие перебои в питании, люди недоедали из-за плохой организации снабжения, за что и сняли Пуркаева. В первом квартале 1943 года было 76 случаев смерти от истощения».

Вдумайся, читатель: 76 бойцов Калининского фронта зимой и весной 43-го погибли от голода не в блокадном Ленинграде и не во вражеском окружении. Они умерли от того, что интенданты вовремя не доставили на позиции продовольствие (может быть, просто разворовали?).

Еще 23 февраля Сталин предостерег от недооценки противника: «Не следует думать, что с гитлеровской армией покончено и Красной Армии остается лишь преследовать ее до западных границ нашей страны. Думать так — значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так — значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученной

от Красной Армии ударов, но это еще не значит, что она не может оправиться». Начавшийся несколькими днями раньше контрудар Манштейна явно добавил тревожные ноты в февральский приказ. Поражение под Харьковом заставило Верховного повторить 1 мая: «Гитлеровская Германия и ее армия потрясены и переживают кризис, но они еще не разбиты. Было бы наивно думать, что катастрофа придет сама, в порядке самотека». Сталин опасался повторения крымской и харьковской неудач 42-го и предпочел встретить ожидавшееся германское наступление преднамеренной обороной, а в наступление перейти только после отражения первого удара противника, убедившись, что его танковые группировки обескровлены и не смогут смять боевые порядки атакующих. В этом Верховного полностью поддерживал Жуков. Но, по сути, принятое решение оказалось ошибочным и сыграло на руку немцам.

Гитлер неоднократно переносил сроки начала «Цитадели». Сперва операция была назначена на 15 мая, затем перенесена на 10 июня. Реально же германские войска пошли в наступление на Курск только 5 июля 1943 года. Гитлер обосновывал отсрочки необходимостью дождаться поступления на фронт новой техники: танков «тигр» и «пантера» и самолетов — новой модификации истребителя «Фокке-Вульф-190», ранее применявшейся только на Западе, и штурмовика «Хеншель-129». Но, вероятно, не только это побуждало фюрера медлить с началом «Цитадели». По свидетельству Гудериана, еще в мае Гитлер заявил, что, когда он думает о наступлении на Курск, у него сильно болит живот. В успехе сомневались как командующие группами армий «Юг» и «Центр» Манштейн и Клюге, так и командующий 9-й армией Модель, которому предстояло возглавить северную ударную группировку. Манштейн потом писал в мемуарах, что наступление могло достичь поставленных целей, если бы состоялось, как и планировалось, в мае. Вряд ли можно с ним согласиться.

Ведь еще к 10 апреля советские войска, с учетом резервов, которые в дальнейшем практически все были переброшены под Курск, превосходили противника в районе Курского выступа в людях в 2,2 раза, по артиллерии — в 4,2 раза, по танкам и САУ — в 1,9 раза, по боевым самолетам — в 1,3 раза. 5 июля соотношение сил осталось весьма неблагоприятным для вермахта. А двух месяцев, прошедших с момента стабилизации фронта в марте, Красной Армии вполне хватило для создания укрепленных оборонительных позиции. Германские войска,

выделенные для проведения операции «Цитадель», насчитывали 900 тысяч человек и располагали примерно 10 тысячами орудий и минометов, 2 050 самолетами и 2 700 танками и штурмовыми орудиями Противостоявшие им войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов имели 1 910 тысяч солдат и офицеров, 30 880 орудий и минометов, 3 200 боевых самолетов и 5 130 танков и САУ. Это — по советским подсчетам. По немецким же подсчетам, группировка вермахта, сосредоточенная на Курской дуге, располагала даже большим количеством бронетехники — 2 772 единицы, включая 218, находившихся в ремонте.

А вот насчет числа немецких боевых самолетов, привлеченных для операции «Цитадель», советские данные кажутся завышенными. К 30 июня 1943 года люфтваффе располагали на всех фронтах и в составе ПВО страны и военных училищ 5 118 боевых самолетов. Как мы увидим дальше, в июле и августе на Восточный фронт пришлось лишь 33 процента всех потерь германских боевых самолетов. Если предположить, что таким же было распределение авиации по фронтам, то на всем советско-германском фронте в период Курской битвы должно было действовать не более 1 700 машин. Вероятно, под Курск могло быть брошено около 1 400 самолетов. Надо учесть также, что в ходе сражения Красная Армия ввела в дело 3 200 танков и 4 400 самолетов, тогда как немцы, по советским подсчетам, смогли подкрепить свои войска лишь 2 300 танками и штурмовыми орудиями и 3 тысячами самолетов. Верить этим последним цифрам не стоит. Например, две танковые дивизии, переданные после начала советского контрнаступления из ударной группировки группы армий «Юг» в группу «Центр», здесь показаны как дополнительно введенные в сражение. Опять-таки по авиации советские цифры для немецкой стороны кажутся завышенными. Дело в том, что в июле и августе 1943 года общие потери люфтваффе составили 3 213 боевых самолетов, из которых на Восток пришлось только 1 030 машин. Новых авиационных соединений в ходе сражения немцы на Курскую дугу не перебрасывали, а для восполнения потерь требовалось лишь немногим больше 1 тысячи самолетов, но никак не 3 тысячи.

Очевидно, завышено и восполнение потерь немецких танков в ходе сражения. Безвозвратные потери немецких танков и штурмовых орудий в период Курской битвы составили около 1 тысячи машин. Вряд ли реальное восполнение потерь было существенно больше этого числа. Но ведь не все самолеты были

потеряны в Курской битве. Какой-то процент потерь приходился и на другие участки Восточного фронта. Поэтому можно предположить, что в авиационные соединения, участвовавшие в «Цитадели», поступило лишь 700–800 новых самолетов. Танковые же соединения, переброшенные с других участков фронта и из резерва Главного Командования сухопутных сил, насчитывали лишь 660 машин. Кроме того, 24-й немецкий танковый корпус, находившийся в резерве, вообще не был использован на фронте «Цитадели». А ведь он насчитывал 118 машин. Примем во внимание также, что после остановки немецкого наступления на южном фасе дуги одна из дивизий 2-го танкового корпуса СС была выведена в тыл для отправки в Италию, а две другие отправились отражать советское наступление на фронте реки Миус. В тот момент танковый корпус СС насчитывал более 200 единиц бронетехники. С учетом этих поправок общее соотношение оказывается в пользу Красной Армии по танкам — 2,5:1 и по авиации — 3,5:1. Имея столь подавляющее превосходство — грех было не выиграть Курскую битву.

Получилось, что сильнейшая сторона. Красная Армия, послушно дожидалась, пока противник рискнет атаковать. Тем самым советское командование упускало наиболее подходящее летнее время для собственного наступления, приближало его начало к периоду распутицы и фактически отказывалось от достижения в 43-м году решительной победы, вроде Сталинградской. К тому же контрнаступление приходилось начинать при невыгодной группировке своих войск, сложившейся в ходе отражения немецкого наступления.

Рокоссовский в мемуарах совершенно справедливо подчеркивал, применительно к наступлению на орловский плацдарм:

«…Весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредотачивал и наши войска… Было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск… Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой… Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром… Орловская группировка значительно пополнилась соединениями, переброшенными с других участков фронта… Эти

войска понесли тяжелые потери во время наступления, но даже в таком состоянии они значительно усиливали оборону плацдарма… Перейдя в наступление… 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжелых оборонительных боях, войска Центрального фронта стали медленно продвигаться вперед, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи».

О том же писал и Жуков: «Центральный фронт свое наступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее, в обход Кром. К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение и решение. Все это, вместе взятое, явилось следствием недооценки оборонительных возможностей противника. В последующие дни контрнаступление на орловском направлении развивалось по-прежнему медленными темпами. Сталин нервничал, но он, безусловно, понимал, что, прежде всего, виноват он, а не кто-либо другой» Как всегда у Георгия Константиновича виноват не лично он, а Сталин и «все мы». Хотя именно Жуков первым предложил решение о преднамеренной обороне в районе Курска, а потом подгонял командующих фронтами с началом контрнаступления на орловский плацдарм.

А вот еще одно немаловажное обстоятельство. Советское наступление началось на участках фронта, соседних с теми, где только что закончилось германское наступление на Курск. Поэтому командование вермахта смогло гораздо быстрее перебросить силы своих ударных группировок по внутренним операционным линиям для отражения советских атак, чем советская армия сумела перегруппировать свои войска для контрнаступления.

Мне кажется, что оптимальным вариантом действий для Красной Армии на Курской дуге было бы предпринять наступление еще в мае, нанося основные удары под крайнее северное основание орловского плацдарма, как предлагали Жуков и Рокоссовский, и под крайнее южное основание харьковского плацдарма. В этом случае глубокий обход немецких позиций вынудил бы командование вермахта из-за угрозы окружения быстро отвести войска с укрепленных рубежей. Кстати, операция

«Цитадель» была фактически прекращена после начала советской атаки на орловский плацдарм, а окончательно заглохла 17 июля, когда началось наступление Южного и Юго-Западного фронтов в Донбассе. Если бы советские войска первыми нанесли удар в мае, их потери оказались бы, думаю, гораздо меньше тех, что они понесли в июле и августе.

Я не буду подробно разбирать ход Курской битвы. Остановлюсь лишь на некоторых моментах, наиболее мифологизированных в нашей историографии. Начну со знаменитой артиллерийской контрподготовки, проведенной Центральным и Воронежским фронтом за несколько часов до начала немецкой атаки и будто бы сыгравшей большую роль в крахе «Цитадели».

Вот что пишет о контрподготовке Жуков: «Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным. По их сведениям, сильно пострадала артиллерия и почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления.

Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля. Хотя при тех разведывательных средствах, которыми мы тогда располагали, нелегко было точно установить местоположение целей, но все же можно было сделать значительно больше, чем это было сделано.

В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность противнику избежать массовых жертв. Через два-два с половиной часа он сумел перейти в наступление и в первый же день, несмотря на небывалую плотность огня нашей обороны, продвинулся на 3–6 километров. А этого могло и не быть при лучшей организации контрподготовки и более значительном поражении противника…

Контрподготовка проводилась ночью, вследствие чего участие авиации было незначительным и, прямо скажем, малоэффективным, а удары по аэродромам противника на рассвете полностью не достигли своей цели, так как к этому времени немецкое командование уже подняло авиацию в воздух

для взаимодействия со своими наземными войсками… Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30–40 минут позже».

Рокоссовский о контрподготовке был менее критического мнения: «В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие саперы, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение. До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боекомплекта снарядов и мин. Времени на запрос Ставки не было — обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Благодаря этому, я смог немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фроита об открытии огня (тут Константин Константинович поторопился. — Б. С.)… Немецко-фашистские войск были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление (потому и задержалось начало немецкой атаки, а вовсе не из-за будто бы нарушившегося, вследствие советской контрподготовки, управления войсками; немецкое командование просто решило выждать несколько часов, не двинется ли Красная Армия в наступление. — Б. С.). Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку».

Хрущев, наблюдавший контрподготовку на Воронежском фронте, свидетельствует: «Вдруг — звонок из 6-й гвардейской армии: командующий докладывает, что с переднего края перебежал солдат из какой-то эсэсовской дивизии… Солдат уверяет, будто завтра, 5 июля, в 3 утра немцы перейдут в наступление. Мы с Ватутиным приказали сейчас же доставить солдата к нам… и спросили:

— Почему вы так думаете?

— Я, конечно, приказа о наступлении не видел, но есть солдатское чутье, солдатский вестник. Во-первых, все мы получили трехсуточный сухой паек. Во-вторых, танки подведены вплотную к переднему краю. В-третьих, был приказ выложить боекомплект артснарядов прямо у орудий. Все приготовили, чтобы не было никакой задержки.

— Но отчего вы говорите, что в три часа утра? Откуда такая точность?

— Это вы уже и сами могли бы заметить. Если мы наступаем, то в это время года всегда в три утра, то есть с началом рассвета. Я уверен, что будет так, как Я вам сообщаю…

По плану первыми должны были наступать войска Рокоссовского, а уступом, спустя какое-то время, мы. Артиллерийский корпус резерва Главного Командования уже занял севернее нас свои позиции. А противник-то начал наступать сразу против нас и Рокоссовского одновременно. Таким образом, Рокоссовский оказался в более выгодном положении. Так как он по плану должен был наступать первым, то первым получал и пополнение, и боеприпасы, и все остальное… Противник, когда стал наступать, прорвался на нашем направлении глубже, чем у Рокоссовского, который был лучше подготовлен. А у нас еще оставалось 15 дней до нашего наступления; согласно плану, мы имели в резерве время. И вдруг оно сократилось: враг упредил нас. Это очень большой срок с точки зрения подброски пополнения и прочего на передний край…

Мы с Ватутиным, обдумывая план действий, обсудили и предложение командующего 6-й гвардейской армии Чистякова. Тот предложил: «Давайте в 21.00 сделаем артиллерийский налет на позиции противника, с тем чтобы незадолго перед его наступлением нанести ему урон». Я высказался так: «Лучше не будем наносить артналет в 21.00 (однако 5-минутный артналет, не имевший никакого эффекта, артиллерия 6-й гвардейской все же произвела. — Б.С.). Сколько можем мы вести артиллерийский огонь с учетом наличия нашего боезапаса? Несколько минут. Мы ведь не в состоянии долго стрелять, выбрасывать снаряды. Они нам потребуются назавтра, когда противник начнет наступать. А тут мы станем стрелять лишь по площадям. Это невыгодный расход боеприпасов. Давайте сделаем артналет, но за несколько

часов до вражеского наступления, около 3-х часов».

У меня имелись такие соображения: к этому времени солдаты врага уже будут на исходных позициях, а не сидеть в траншеях и не будут укрыты; его артиллеристы тоже займут свои места у орудий. Все его люди выползут из подземелий и станут ожидать в открытом поле сигнала к действиям. Если в это время сделать хороший артналет, то мы получим большой эффект, нанеся урон противнику в живой силе и выведя из строя часть его техники… Как-то нарушится и связь, которая имеет большое значение при проведении операции… Без пяти минут три Варенцов (командующий артиллерией Воронежского фронта. — Б.С.) отдал приказ произвести артиллерийский налет на позиции противника… О результатах мы узнали позже. А ровно в 3 часа утра немецкая аккуратность «не подвела»: задрожала земля, загудел воздух. Такого я раньше никогда не наблюдал… Для 1943 года, надо признать, противник организовал чрезвычайно мощную артиллерийскую подготовку. Его авиация тоже стала громить наш передний край. Немцы использовали в те часы всю свою авиацию только на переднем крае с задачей сломить наше сопротивление, стереть в пыль наши укрепления, смешать все с землей и расчистить путь танкам, чтобы рвануться на Курск и окружить советские войска внутри дуги».

Показательно, что Хрущев не сказал ничего определенного о результатах контрподготовки. Вместе с тем, он совершенно верно указал на причину, почему Центральному фронту было легче отразить германское наступление, чем Воронежскому фронту. Оказывается, советские войска сами готовились перейти в наступление, а поскольку начать должны были войска Рокоссовского, у них было больше пополнений, боеприпасов, горючего и продовольствия. Интересно, что о том же эпизоде с германским перебежчиком идет речь и в мемуарах Василевского, который в начале Курской битвы находился на Воронежском фронте: «…С 16 часов 4 июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку примерно четырьмя батальонами, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией… Захваченный в бою пленный, немец из 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки и что 5 июля они должны ггерейти в наступление. Из телефонного разговора с Жуковым я узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Посоветовавшись с Ватутиным, мы решили в ночь на 5 июля провести

предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования тоже нарушилась… Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже».

Итак, из воспоминаний Хрущева и Василевского как будто следует, что артиллерийская контрподготовка оказалась довольно эффективной. Напротив, Жуков утверждает, что воздействие превентивного артналета на противника оказалось не столь сильным, как надеялось советское командование.

Что же говорят немецкие мемуаристы? Ни Манштеин, ни Гудериан, ни Меллентин о советской контрподготовке даже не упоминают — верный признак, что артналет не оказал сколько-нибудь существенного влияния на операцию «Цитадель». А вот маршал артиллерии К.П. Казаков, автор очерка о действиях артиллерии в Великой Отечественной войне, озаглавленном просто: «Всегда с пехотой, всегда с танками», утверждает, что «артиллерийская контрподготовка если и не сорвала наступления противника, то нанесла ему большие потери, нарушила управление и значительно ослабила и дезорганизовала первые удары вражеских войск, которые все же были очень сильны». Последнюю фразу можно расценить как косвенное признание того, что контрподготовка не достигла тех целей, которые поставило советское командование. Да и тот факт, что немецкое наступление началось спустя несколько часов после окончания контрподготовки доказывает, что в момент ее проведения войска противника еще не вышли из укрытий на рубеж атаки. Никто бы не стал держать их несколько часов на этом рубеже с риском повторного удара советской артиллерии, а тем более два раза перемещать их обратно в укрытия и потом вновь на линию наступления. Скорее всего, задержка наступления по плану «Цитадель» была вызвана как ожиданием советской упреждающей атаки, так и уточнением целей для ударов германской артиллерии и авиации, выявленных в ходе контрподготовки.

В целом же, эта контрподготовка была делом бесперспективным, заранее обреченным на провал. Ведь все равно

определить с точностью до нескольких минут время начала выдвижения немецких войск на исходные позиции не представлялось возможным. К тому же цели на германской стороне не были достаточно разведаны, чтобы точно поражать их, а не вести огонь по площадям. В итоге, артиллерия двух фронтов расстреляла половину боекомплекта в белый свет как в копеечку, да еще помогла тем самым неприятелю выявить позиции советских батарей. Потому-то и запомнилась Хрущеву сила и эффективность последовавшей затем германской артподготовки. И Конев, мемуарист довольно аккуратный и точный, результаты контрподготовки оценивает невысоко: «На Воронежском фронте артиллерийская контрподготовка была проведена дважды: пятиминутный огневой налет 4 июля (в 9 часов вечера. — Б С) и 5 июля с 3 часов до 3 часов 30 минут — уже во время артиллерийской и авиационной подготовки атаки противника, начатой в 2 часа 30 минут. На Центральном фронте артиллерийская контрподготовка также была проведена дважды — в 2 часа 20 минут и в 4 часа 35 минут — оба раза по 30 минут. Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось, хотя взаимодействие между основными силами и средствами первого эшелона врага было нарушено, а сила первоначального его удара значительно ослаблена… Конечно, эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем. К сожалению, удары нашей авиации по аэродромам противника были малоэффективными, так как противник с рассветом 5 июля поднял свою авиацию в воздух».

Выходит, прав был Жуков в своей оценке артиллерийской контрподготовки как недостаточно эффективной. Лучше было бы отказаться от ее проведения и сберечь мины и снаряды для непосредственного отражения германского наступления, когда противник уже проявил себя и тем облегчил задачу советских артиллеристов и летчиков. Но Георгий Константинович честно признал: соображения, что контрподготовку надо было проводить иначе, пришли ему на ум позднее, уже после начала сражения. Да и не был маршал принципиальным противником упреждающего артиллерийского и авиационного удара, не понимал, что в тех конкретных условиях толку от него все равно было мало, меньше, чем вреда в напрасной трате дефицитных боеприпасов.

Танковое сражение под Прохоровкой давно уже стало краеугольным камнем советского мифа Курской битвы. Оно будто бы явилось поворотным пунктом этой битвы и привело к окончательному краху немецкого наступления. Жуков вспоминал:

«Согласно ранее разработанному плану. Ставка подтянула из своего резерва… в район Прохоровки 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковую армии и наутро 12 июля ввела их в сражение. Вступив в дело, 5-я танковая армия генерала П.А. Ротмистрова имела в строю более 800 танков и самоходно-артиллерийских установок. Противник в общей сложности имел на обоянском и прохоровском направлениях не меньшее количество танков, но боевой дух его войск был уже надломлен в предшествовавших сражениях с войсками 6-й гвардейской армии, 1-й танковой и 7-й гвардейской армий. В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков (насчет летчиков Георгия Константиновича подвела память — Прохоровское сражение проходило без участия авиации; как записано в дневнике Верховного Главнокомандования вермахта, в этот день люфтваффе на Восточном фронте из-за нелетной погоды не действовали. — Б. С.), особенно ожесточенная на прохоровском направлении, где наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Ротмистрова».

К этому месту редакторы последнего издания жуковских мемуаров сделали примечание: «5-я танковая армия в данном контексте в рукописи не названа». Выходит, маршал не считал действия танкистов Ротмистрова успешными? Скорее всего, именно так, потому что дальше Жуков прямо критикует командующего 5-й гвардейской танковой: «…Командованием противника было решено отвести войска генерала-фельдмаршала Манштейна обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление. Это ему удалось сделать вследствие исключительной переутомленности наших 1-й танковой, 6-й и 7-й гвардейских армий, а также недостаточной активности 5-й гвардейской танковой армии. 23 июля главные силы противника были отведены на белгородский оборонительный рубеж. В своих мемуарах… Ротмистров пишет, будто бы решающую роль в разгроме бронетанковых войск группы армий „Юг“ сыграла 5-я танковая армия. Это нескромно и не совсем так. Обескровили и измотали врага войска 6-й и 7-й гвардейских и 1-й танковой армий, поддержанные артиллерией резерва Главного

Командования и воздушной армией в период ожесточенных сражений 4-12 июля. 5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой немецких войск, потерявшей веру в возможность успешной борьбы с советскими войсками». А что же пишет главный маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров? Он начинает издалека, с момента выдвижения армии в район боев: «Примерно через час после того, как улетел Конев (командующий Степным фронтом посетил штаб 5-й гвардейской танковой армии 6 июля. — Б. С.), позвонил по ВЧ Сталин.

— Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? — спросил он.

— Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Степиным (из-за любимой сталинской игры в секретность сам Иосиф Виссарионович имел псевдоним Иванов, а Конев — Степин. — Б.С.).

— Как думаете осуществить передислокацию?

— Своим ходом.

— А вот товарищ Федоренко (командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. — Б. С.) говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

— Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберем армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжелом положении.

— Вы намерены совершать марш только ночами?

— Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и, если двигаться только в темное время суток, мне придется на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

— Что вы предлагаете?

— Прошу разрешения двигать армию днем и ночью…

— Но ведь вас в светлое время будут бомбить, — перебил меня Сталин.

— Да, возможно. Поэтому прошу вас дать указание авиации надежно прикрыть армию с воздуха.

— Хорошо, — согласился Верховный. — Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начала марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку». Странный, согласимся, разговор. Сначала Ротмистров доказывает, что из-за опасности налетов авиации противника переброска танковой армии по железной дороге нецелесообразна и настаивает на форсированном марше. Но тут же выясняется, что на марше все равно требуется усиленное прикрытие авиацией, поскольку противник может бомбить с воздуха танкистов, передвигающихся в дневное время. Вопрос: почему же нельзя было бы прикрыть авиацией эшелоны с танками? И разве не могло случиться так, что люфтваффе нанесли удар по танковым колоннам на марше, повредили автомобильные мосты и затормозили движение армии Ротмистрова? Мысль же Федоренко о том, что при движении походным порядком многие танки выйдут из строя, а у других окажется выработана значительная часть моторесурса и возрастет опасность поломки в бою, следует признать совершенно правильной. Тем не менее Павлу Алексеевичу удалось убедить Сталина в своей правоте. Вечером Ротмистров с подчиненными отметил собственный день рождения трофейным шампанским и в ночь на 7 июля повел армию к Прохоровке форсированным маршем.

Здесь я прерву ненадолго его рассказ, чтобы дать возможность высказаться представителю другой стороны по поводу того, могла ли в действительности германская авиация бомбить 5-ю гвардейскую танковую армию на железной дороге или в походе. Наш старый знакомый Мюллер-Гиллебранд свидетельствует: «Для операции „Цитадель“ требовалось бы гораздо больше пехотных дивизий и более мощная поддержка со стороны люфтваффе, а также значительное усиление войсками РГК, которые, однако, не могли быть предоставлены в достаточном количестве. Авиация поддержала наступление столь крупными силами, что вначале было обеспечено ее превосходство

в воздухе над полем боя. Однако оказать достаточную поддержку войскам на всю глубину наступления, например, воздействовать на вражеские железнодорожные коммуникации и дороги, используемые противником для переброски войск в район сражения, из-за недостатка сил оказалось невозможным». Так что страхи Ротмистрова насчет возможных бомбежек с воздуха его армии в момент передислокации оказались сильно преувеличенными.

Павел Алексеевич продолжает: «Утром 8 июля главные силы армии после напряженного, изнурительного марша вышли в район юго-западнее Старого Оскола. Если считать, что наступивший день был потрачен на подтягивание тылов и окончательный выход частей в указанные им районы, то и с учетом этого времени армия за двое суток фактически преодолела 230–280 километров. Количество боевых машин, отставших по техническим причинам, исчислялось единицами, но и они после устранения неисправностей скоро возвратились в строй (чтобы через 4 дня навеки остаться на Прохоровском поле. — Б. С.)… В первом часу ночи 9 июля был получен боевой приказ — к исходу дня выйти в район Прохоровки в готовности вступить в сражение. Предстоял еще один, на этот раз 100-километровый марш. Новую задачу армия тоже с честью выполнила… Соединения и части, поднятые по тревоге… несмотря на высокую запыленность воздуха, жару и усталость, точно в установленный срок заняли район на рубеже Веселый-Прохоровка в готовности к дальнейшим действиям».

Форсированные марши даром не прошли. И люди, и танки армии Ротмистрова вышли к Прохоровке утомленными ничуть не меньше, чем немецкие танкисты после недели боев. А поскольку технику у нас ремонтировали гораздо хуже, чем в вермахте, противник получил определенное преимущество: у его танков в предстоящем сражении было меньше шансов выйти из строя по техническим причинам.

Ротмистрову предстояло нанести контрудар по наступающим немецким войскам. Маршал вспоминал: «Командующий фронтом… сказал:

— Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, гитлеровцы, очевидно, решили перенести направление главного удара несколько восточнее — вдоль железной дороги на Прохоровку. Сюда стягиваются войска второго танкового корпуса СС, которые

должны будут наступать на Прозоровском направлении во взаимодействии с сорок восьмым танковым корпусом и танковыми соединениями группы «Кемпф» (речь, очевидно, идет о 3-м танковом корпусе. — Б. С.). — Ватутин взглянул на Василевского и потом, обращаясь ко мне, продолжал: — Так вот, Павел Алексеевич, мы решили противопоставить эсэсовским танковым дивизиям нашу танковую гвардию — нанести контрудар противнику пятой гвардейской танковой армией, усиленной еще двумя танковыми корпусами.

— Кстати, танковые дивизии немцев имеют новые тяжелые танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд». От них очень пострадала первая танковая армия Катукова. Знаете ли вы что-либо об этой технике и как думаете вести борьбу с ней? — спросил Василевский.

— Знаем, товарищ маршал. Их тактико-технические данные мы получили из штаба Степного фронта. Думали и над способами борьбы… Дело в том, что «тигры» и «фердинанды» имеют не только сильную лобовую броню, но мощную восьмидесятивосьмимиллиметровую пушку с большой дальностью прямого выстрела. В этом их преимущество перед нашими танками, вооруженными семидесятишестимиллиметровой пушкой. Успешная борьба с ними возможна лишь в условиях ближнего боя с использованием более высокой маневренности танков Т-34 и ведения огня по бортовой броне тяжелых машин немцев.

— Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — сказал командующий фронтом…

5-я гвардейская танковая армия усиливалась 2-м гвардейским Тацинским и 2-м танковым корпусами, 1529-м самоходно-артиллерийским, 1522-м и 1148-м гаубичными, 148-м и 93-м пушечными артиллерийскими полками, 16-м и 80-м полками гвардейских минометов. В целом, в нашей армии с приданными танковыми соединениями насчитывалось около 850 танков и САУ…

Район развертывания главных сил армии был избран несколько западнее и юго-западнее Прохоровки, на фронте до 15 километров. Учитывая, что предстояло вступить в сражение с очень сильной танковой группировкой противника, имевшей, по полученным сведениям, на прохоровском направлении около 700

танков и САУ, в том числе более 100 «тигров» и «фердинандов», решено было развернуть в первом эшелоне сразу все четыре танковых корпуса (18-й, 20-й, 2-й гвардейский Тацинс-кий и 2-й). Второй эшелон составили 5-й гвардейский Зимовни-ковский механизированный корпус. В резерве остались части передового отряда (53-й гвардейский танковый полк, 1-й отдельный гвардейский мотоциклетный и 678-й гаубичный артиллерийский полк. — Б. С.) и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк…

Около девятнадцати часов 11 июля на мой КП прибыл маршал Василевский… Он одобрил мое решение и сообщил, что у него состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь… Оставалось еще достаточно светлого времени, и маршал предложил осмотреть намеченные мною исходные районы 29-то и 18-го танковых корпусов… Вдруг Василевский приказал водителю остановиться. Машина свернула на обочину и резко затормозила у запыленных придорожных кустов… Явно послышался рокот танковых моторов. Потом показались и сами танки.

— Генерал! В чем дело? — резко повернувшись ко мне, с досадой в голосе спросил Александр Михайлович. — Вас же предупреждали, что о прибытии ваших танков противник не должен знать. А они гуляют средь бела дня на глазах у немцев…

Я мгновенно вскинул бинокль. Действительно, через поле, подминая созревшие хлеба, в боевом порядке шли десятки танков, на ходу стреляя из короткоствольных пушек.

— Но это, товарищ маршал, не наши танки. Немецкие…

— Так… Где-то противник прорвался. Хочет упредить нас и захватить Прохоровку.

— Этого допустить нельзя, — сказал я Василевскому и по радио дал указание генералу Кириченко (командиру 29-го корпуса. — Б. С.) немедленно выделить две танковые бригады навстречу немецким танкам и остановить их продвижение…

Ранее намеченный нами исходный район для контрудара

оказался в руках гитлеровцев. В связи с этим, подготовку к наступлению и, в частности, выбор огневых позиций артиллерии, рубежей развертывания и атаки следовало проводить заново. В сжатые сроки требовалось уточнить задачи, организовать взаимодействие между корпусами и частями, пересмотреть график артиллерийской подготовки и сделать все для четкого управления войсками в бою…

В шесть часов утра 12 июля я с группой офицеров приехал на командный пункт 29-го танкового корпуса. Он был избран моим наблюдательным пунктом, и весьма удачно. С холма юго-западнее Прохоровки хорошо просматривалась впереди лежащая местность, которой суждено было стать полем грандиозного танкового побоища. Из прочно построенного блиндажа в сожженном и вырубленном наполовину яблоневом саду открывался широкий обзор всхолмленной равнины с перелесками и оврагами. За пожелтевшей, позолоченной первыми лучами солнца тучной нивой виднелась темная опушка большого лесного массива. Там укрывался враг…

В 6.30 в небе появились «мессеры», чтобы очистить воздушное пространство… Примерно в 7 часов послышался монотонный гул немецких самолетов. И вот в безоблачном небе обозначились десятки «юнкерсов». Выбрав цели, они перестраивались и, блеснув на солнце стеклами кабин, тяжело, кренились на крыло, переходя в пике. Фашистская авиация наносила удары, в основном, по населенным пунктам и отдельным рощам. Над лесом и деревьями вздымались фонтаны земли, облака дыма, прорезаемые багровымц языками вспышек. В различных местах загорелись хлеба.

Вражеские самолеты не успели отбомбиться, как появились звенья советских истребителей. В воздухе завязались жаркие схватки. Один за другим запылали самолеты и, оставляя за собой густые шлейфы черного дыма, охваченные пламенем врезались в землю. Большинство «юнкерсов», преследуемые нашими истребителями, поворачивали назад, где попало сбрасывая свой бомбовый груз или уходя не отбомбившись. А вот в воздухе и наши бомбардировщики! Они шли на юго-эапад волна за волной, соблюдая четкое равнение. Их сопровождали истребители, всей своей решительностью показывая, что они хозяева неба…

Наконец грянули первые залпы армейской артиллерийской группы. Ударили артиллерийские батареи непосредственной

поддержки танков. Артиллерия вела огонь, в основном, по площадям — предполагаемым районам скоплений танков врага и огневым позициям его артиллерии. У нас не было времени для того, чтобы точно установить, где расположены вражеские батареи и сосредоточены танки, поэтому определить эффективность артиллерийского огня не представлялось возможным.

Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздались залпы полков гвардейских минометов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. «Сталь», «Сталь», «Сталь», — передавал в эфир начальник радиостанции младший техник-лейтенант В. Константинов. Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные тридцатьчетверки. И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых мащин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь… В связи

с тем что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки, и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказаниям командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемых открытым текстом: «Вперед!», «Орлов, заходи с фланга!», «Шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Форвертс!», «Действуй, как я!», «Шнеллер!», «Вперед!», «Форвертс!». Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. Тридцатьчетверки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни…

На исходе дня 12 июля противник вводом в бой вторых эшелонов и резервов усилил сопротивление, особенно на прохоровском направлении. Одно за другим начали поступать донесения командиров корпусов о мощных контратаках свежих танковых частей врага. В условиях, когда гитлеровцы добились явного превосходства в танках, наступать было нецелесообразно. Оценив обстановку, я с разрешения представителя Ставки Василевского приказал всем корпусам закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерийские противотанковые полки и отбивать атаки противника огнем танков и артиллерии. За ночь танковые корпуса должны были дозаправить машины горючим, пополнить боеприпасы, накормить людей и с утра быть в готовности возобновить наступление. Предстояло также оказать помощь раненым, собрать и

похоронить убитых, отбуксировать в тыл подбитые танки и приступить к их ремонту.

Наступила ночь, тревожная и душная. Боевые действия прекратились на всем фронте… Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать…

Ясно было, что гитлеровцы готовятся к новому натиску… В то утро, когда я уже находился на КП 29-го танкового корпуса, после короткого артиллерийского налета гитлеровцы первыми атаковали 18-й танковый корпус. Более 50 танков противника, за которыми следовали цепи мотопехоты, стреляя на ходу или с коротких остановок, двинулись на наши позиции. Но войска корпуса сумели за ночь подготовиться к встрече врага. Подпустив фашистов на дистанцию 500–600 метров, противотанковая артиллерия и наши танки открыли по ним огонь прямой наводкой. Несколько вражеских машин застыли на месте с перебитыми гусеницами или заметались по полю, объятые пламенем. Те же, которые еще продвигались вперед, нарвались на мины. Однако фашистская мотопехота еще шла. Но тут последовал залп 80-го гвардейского минометного полка… Огонь наших «катюш» всегда приводил фашистов в ужас. Понеся большие потери, противник вынужден был откатываться назад, оставляя горящие танки, трупы убитых солдат и офицеров… Ожесточенные бои… продолжались до позднего вечера, причем в одном месте наши танкисты и мотострелки контратаковали врага, в другом — отбивали его контратаки. Только с наступлением темноты обе стороны, измотанные напряженным боем, перешли к обороне».

Потери немцев в Прохоровском сражении Ротмистров в мемуарах оценивает в более чем 350 танков и свыше 10 тысяч убитых за один только день 12 июля. Правда, из контекста не очень ясно, идет ли речь об общих или только безвозвратных потерях в танках, но, скорее всего, Павел Алексеевич имел в виду только безвозвратные потери противника. Собственные же потери бывший командующий 5-й гвардейской танковой армией определяет как-то туманно: «Мы тоже потеряли немало танков, особенно легких, погибли в яростных схватках многие отважные гвардейцы». В другом месте Ротмистров признает, что в его армии «уже за первые два дня встречного сражения под Прохоровкой, не считая безвозвратных потерь, количество поврежденных танков

превышало 400». А в статье, опубликованной в 1970 году в сборнике «Курская битва», Павел Алексеевич говорил, что в течение 12 июля «обе стороны понесли серьезные потери, примерно по 300 танков» (можно понять, что речь идет только о безвозвратных потерях). Здесь же, как и в мемуарах, утверждается, что враг бросил против 5-й гвардейской танковой до 700 танков, в том числе более 100 тяжелых, тогда как «тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок армия имела лишь 35». Сразу отмечу, что никаких самолетов: ни наших, ни немецких — над полем боя у Прохоровки не было и в помине. Ведь стояла нелетная погода, что было четко зафиксировано в дневнике Главного Командования вермахта. Поэтому немецкая авиация в воздух не поднималась. Значит, можно быть уверенным, что и советские летчики над Прохоровкой не летали и никаких «юнкерсов» и «мессеров» не сбивали. Ведь еще во время битвы под Москвой Жуков не раз жаловался в донесениях, что наши самолеты не поднимаются в воздух, ссылаясь на нелетную погоду, хотя в то же самое время люфтваффе оказывали активную поддержку своим наземным войскам. Возможно, Ротмистрову (или даже безвестному литобработчику его мемуаров) воздушные схватки в день Прохоровского сражения понадобились для того, чтобы придать еще более вселенский масштаб схватке. А заодно и убедить читателей, что была ясная погода и солнце слепило глаза вражеским танкистам, помогая нашим. Это — древний мифологический образ, никакого отношения к действительному ходу боев 12 июля, понятно, не имеющий. Потому что в этот день погода была пасмурная, и солнце никому из танкистов в глаза светить не могло.

Столь же фантастичны упоминаемые Ротмистровым «пантеры» и «фердинанды», с которыми будто бы пришлось сражаться его армии. На самом деле все 88 «фердинандов» действовали в составе 656-го танкоистребителыюго полка в группе армий «Центр» на северном фасе Курской дуги. В группе армий «Юг» не было ни одной машины этого типа. Также ни одной «пантеры» не действовало против 5-й гвардейской танковой армии ни 12-го, ни 13 июля.

Павел Алексеевич в посмертно вышедших мемуарах настаивает, что «гитлеровцы превосходили нас по числу машин, особенно тяжелых» и что всего в Прохоровском сражении участвовало до 1200 танков и САУ. Правда, если принять его данные о численности 5-й гвардейской танковой армии — около 850 машин, то получится, что немцы противопоставили ей не

более 350 танков и штурмовых орудий. Поэтому в статье 1970 года Ротмистров уточняет, что под Прохоровкой против более чем 700 немецких танков сражался только первый эшелон его армии — немногим более 500 машин, из них 200 — легких. Тогда вроде все сходится — в сумме с обеих сторон получается около 1 200 танков и САУ, причем у немцев получается перевес в 1,4 раза. Но вот какие именно германские соединения сражались с ним, Ротмистров пишет довольно неопределенно. Он вкладывает в уста Ватутина упоминание о 2-м танковом корпусе СС, 48-м танковом корпусе и неких танковых соединениях оперативной группы «Кемпф». У читателя создается впечатление, что вся эта армада должна была наступать на прохоровском направлении. Однако при рассказе о самом сражении Павел Алексеевич называет только три танковые дивизии 2-го корпуса СС — «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», а также 11-ю танковую дивизию 48-го танкового корпуса и 6-ю танковую дивизию (без указания корпусной принадлежности). Эта последняя входила в состав 3-го танкового корпуса опергруппы «Кемпф».

Однако ни 48-й, ни 3-й корпус против 5-й гвардейской танковой армии вообще не действовали. 48-й дрался с советской 1-й. танковой армией, а 3-й — с 69-й и 7-й гвардейской армиями. Ротмистров считает, что 11-я немецкая танковая дивизия действовала против 95-й и 42-й гвардейских дивизий 5-й гвардейской армии, наносившей контрудар совместно с 5-й гвардейской танковой. Но командующий 5-й гвардейской армией А.С. Жадов его опровергает, совершенно правильно отмечая, что против 95-й и 42-й гвардейской наступала только часть дивизии «Мертвая голова».

Но тот же Жадов дает далекий от истины состав германской танковой группировки, сражавшейся с его и Ротмистрова армиями: около, 500 танков в трех дивизиях 2-го танкового корпуса СС и основные силы 3-го танкового корпуса, насчитывавшие до 200 танков. Однако даже на советских картах-схемах Курской битвы хорошо видно, что 3-й танковый корпус дрался только против соединений 69-й советской армии, а все корпуса армии Ротмистрова, в том числе и находившийся во втором эшелоне 3-й механизированный, сражались против 2-го танкового корпуса СС. Этот корпус обергруппенфюрера Пауля Гауссера (единственного-эсэсовского генерала, ставшего впоследствии командующим группой армий) 30 июня, за несколько дней до начала Курской битвы, действительно

насчитывал 514 танков и штурмовых орудий, из которых 63 машины находились в ремонте. Однако сколько танков и штурмовых орудий осталось в строю к 12 июля, на протяжении нескольких послевоенных десятилетий так и не было установлено.

Только в 90-е годы немецкий военный историк Карл-Гейнц Фризер поднял боевые донесения из советских и германских военных архивов и выяснил, что к началу Прохоровского сражения во 2-м танковом корпусе СС оставалось в строю всего 273 танка и штурмовых орудия, так что при всем желании он не мог потерять под Прохоровкой 350 машин. Потери корпуса в боях 12-го и 13-го июля составили 43 танка и 12 штурмовых орудий, из которых безвозвратно потеряны были не более 5 танков (за период с 10 по 13 июля). «Тигров» к началу Курской битвы корпус Гауссера имел 42 танка (из них в строю — 34). За все время немецкого наступления, вплоть до 16 июля безвозвратно потеряны были 3 «тигра», из которых, по крайней мере, один был уничтожен танкистами 1-й танковой армии М.Е Катукова еще до Прохоровки и впоследствии занял свое место на выставке трофейного оружия в московском парке имени Горького. Можно предположить, что перед схваткой с 5-й гвардейской танковой армией в корпусе Гауссера боеспособными осталось около 22 машин (если принять, что «тигры» выходили из строя в той же пропорции, что и танки других типов). До 100 «тигров», пригрезившихся Ротмистрову, было очень далеко.

«Пантер» же корпус СС, на его счастье, не имел ни одной штуки. В группе армий «Юг» все «пантеры» были объединены в 10-ю танковую бригаду, приданную 48-му корпусу. Хауссер располагал главным образом модернизированными T-IV с длинноствольной 75-миллиметровой пушкой. Они все равно уступали Т-34 по тактико-техническим данным, но, благодаря лучшей подготовке немецких танкистов, могли успешно бороться с «тридцатьчетверками». Таких модернизированных T-IV во 2-м танковом корпусе СС было 352 машины. Кроме того, имелось 16 устаревших танков T-III, никакого сравнения с Т-34 не выдерживавшие, и 104 штурмовых орудия. Кстати сказать, представления советских танкистов о высоких боевых качествах «пантер» были для периода Курской битвы сильно преувеличены. Только что выпущенные машины еще не прошли испытаний в боевых условиях, имели массу недоработок, часто ломались. И потери среди них были очень большие. Так, к 16 июля из 204 «пантер» 10-й бригады была безвозвратно потеряна пятая часть —

42 машины. За это же время корпус Гауссера безвозвратно потерял 4 T-III (25 процентов), 23 T-IV (6,5 процентов), 3 «тигра» (7 процентов) и 3 штурмовых орудия (около 3 процентов). Как легко убедиться, уничтожить «пантеру» оказалось гораздо проще, чем T-IV, и с точки зрения живучести она почти не имела превосходства даже над ветераном T-III. А ведь стоила «пантера» значительно дороже. Так что Гитлер напрасно ожидал прибытия «пантер» под Курск. Никакой пользы вермахту эти танки тогда не принесли. Один убыток.

А сколько же было у Ротмистрова тяжелых танков КВ? Павел Алексеевич, как мы помним, дает только суммарное число КВ и САУ — 35 машин. Однако известно, что единственный самоходно-артиллерийский полк 5-й гвардейской танковой армии был придан 29-му танковому корпусу и насчитывал 20 установок. Тогда КВ должно было быть 15 машин, ненамного меньше, чем у Хауссера «тигров». Советские тяжелые танки входили в отдельный танковый полк, действовавший в составе передового отряда, а потом резерва армии Ротмистрова. «Клим Ворошилов» уступал «тигру» по толщине брони и калибру пушки, но все же имел больше шансов на успех в борьбе с немецким тяжелым танком, чем «тридцатьчетверка». Под умелым командованием «КВ» могли если не нейтрализовать, то ограничить свободу действий «тигров» эсэсовского корпуса. Однако этого не произошло.

Цифре в 850 машин, которую приводит Ротмистров для характеристики общего числа танков в своей армии накануне Прохоровского сражения, можно верить. Из архивных данных известно, что 29-й танковый корпус имел в строю 212 танков и САУ. Во 2-м танковом и 2-м гвардейском танковом корпусах вместе насчитывалось 187 машин, а в 53-м гвардейском танковом полку — 15. Тогда на долю 18-танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов придется 436 машин — в среднем по 218 танков на корпус, почти как и в 29-м танковом. Но сколько же из них было потеряно под Прохоровкой?

Наиболее подробные данные есть по 29-му корпусу. Он потерял 131 Танк, в том числе 103 — безвозвратно, и 19 САУ, из которых 14 не подлежали восстановлению. В целом же, 5-я гвардейская танковая армия, согласно «Сведениям о безвозвратных потерях танков за период оборонительного сражения Курской битвы», за 12-е и 13-е июля навсегда лишилась 350 машин. Если добавить к этому 400 поврежденных танков и самоходок, о которых упоминает Ротмистров, то приходится сделать неутешительный вывод: к концу сражения в армии в строю осталось около 100 танков и всего лишь одна САУ. Противостоявший же ей танковый корпус СС сохранил боеспособными не менее 218 машин — получил ощутимый численный перевес в технике.

Почему же катастрофическое поражение своих войск Ротмистров представляет великой победой? А вот почему: бедняге в буквальном смысле слова пришлось спасать

собственную шкуру от гнева Верховного и его заместителя Жукова. Вот что поведал Павел Алексеевич летом 1964 года о Прохоровском сражении полковнику Федору Давыдовичу Свердлову вместе с которым ехал «Красной стрелой» в Ленинград инспектировать артиллерийскую академию: «Это было самое большое танковое встречное сражение в ходе всей второй мировой войны. Тогда 5-я гвардейская танковая армия, которой я командовал, с приданными двумя танковыми корпусами, разгромила крупную танковую группировку фашистов, нацеленную на Курск. Гитлеровцы потеряли около 350 танков и штурмовых орудий, в том числе около 100 тяжелых „тигров“ и „пантер“ („пантера“, вообще-то, была средним танком. — Б. С.), созданных специально для этой операции. После этого сражения они вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления и перешли к обороне. Весь их стратегический план на лето 1943 года был сорван. Вот так танковое оперативное объединение выполнило стратегическую задачу. Правда, наши потери были не меньше, чем у противника. Вы, конечно, не знаете, да этого почти никто не знает… — Павел Алексеевич сделал паузу и, слегка наклонившись к собеседнику, доверительно сказал: — Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в ярость: ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут опять надо ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд. Это рассказал мне Василевский. Он же затем детально доложил Сталину обстановку и выводы о срыве всей летней немецкой наступательной операции. Сталин несколько успокоился и больше к этому вопросу не возвращался».

«Между прочим, — хитро улыбаясь, заметил Ротмистров, — командующий фронтом генерал армии Ватутин представил меня к ордену Суворова 1-й степени. Но ордена на сей раз я не получил».

Вот как, оказывается, обстояло дело. Ложь о 350 уничтоженных немецких танках призвана была уберечь незадачливого командарма от суда за бездарно проигранное по всем статьям Прохоровское сражение. А кто же предложил Верховному столь суровые меры по отношению к Ротмистрову? Думаю, что Жуков. Это его стиль: снять с должности, отдать под суд. Как раз после Прохоровки Георгий Константинович был срочно направлен Сталиным с Центрального на Воронежский фронт разбираться в создавшемся положении. Сам Жуков не нес

никакой ответственности за неудачный ввод в бой 5-й гвардейской танковой армии, и по отношению к Ротмистрову у него были развязаны руки.

В «Воспоминаниях и размышлениях» обстоятельства командировки на Воронежский фронт описаны довольно скупо:

«В тот день (12 июля. — Б. С.) на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. 13 июля я прибыл в штаб 69-й армии Воронежского фронта, где находился также и командующий Степным фронтом Конев… Вечером того же дня встретился на командном пункте 69-й армии с Василевским. Верховный Главнокомандующий поручил ему выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться с переходом в контрнаступление Воронежского и Степного фронтов. Ознакомившись с обстановкой, действиями противника и своих войск, мы пришли к выводу, что надо еще энергичнее продолжать начатый контрудар, с тем чтобы на плечах отходящего противника захватить ранее занимаемые ими рубежи в районе Белгорода».

Василевский о приезде Жукова на Воронежский фронте не обмолвился ни единым словом. Как я подозреваю, разговор двух друзей был в тот раз не слишком приятным, и Александр Михайлович предпочел о нем умолчать. Ротмистров же был пооткровеннее и подробно описал свою встречу с Георгием Константиновичем вечером 13 июля: «Вернувшись на свой командный пункт, я неожиданно встретил здесь заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова. С них находился и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Хрущев. Маршал был почему-то мрачным (и было с чего, когда узнал о потерях армии Ротмистрова! — Б. С.). Он молча выслушал мой доклад о сложившейся обстановке… и приказал ехать с ним в 29-й танковый корпус…

По дороге маршал несколько раз останавливался и пристально осматривал места прошедшего танкового сражения. Взору представилась чудовищная картина. Всюду искореженные или сожженные танки, раздавленные орудия, бронетранспортеры и автомашины, груды снарядных гильз, куски гусениц. На почерневшей земле ни единой зеленой былинки… Георгий

Константинович подолгу задерживал взгляд на изуродованных таранами танках и глубоких воронках.

«Вот что значит сквозная танковая атака», — тихо, как бы сам себе, сказал Жуков, глядя на разбитую «пантеру» и врезавшийся в нее идей танк Т-70. Здесь же, на удалении двух десятков метров, вздыбились и будто намертво схватились «тигр» и «тридцатьчетверка». Маршал покачал головой, удивленный увиденным, и даже снял фуражку, видно отдавая дань глубокого уважения нашим погибшим героям-танкистам, которые жертвовали своей жизнью ради того, чтобы остановить и уничтожить врага.

До КП генерала И.Ф. Кириченко доехали благополучно. В пути я доложил Жукову, что основную тяжесть удара противника в сражении 12 июля выдержал 29-й танковый корпус и частично соединения 18-го корпуса. Поэтому после доклада комкора маршал поблагодарил Ивана Федоровича и в его лице весь личный состав корпуса за проявленное мужество в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, приказал генералу представить наиболее отличившихся к правительственным наградам. Затем он в течение часа с НП комкора наблюдал за боем. К тому времени стороны, исчерпав свои наступательные возможности, вели лишь огневой бой. Изредка рвались снаряды, посвистывали пули, вдали, в расположении противника, наблюдалось передвижение танков, бронетранспортеров и автомашин.

Вернувшись на мой КП, Жуков дал ряд указаний и сообщил, что он назначен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Воронежском и Степном фронтах. Василевскому Ставка поручала координировать боевые действия Юго-Западного и Южного фронтов».

Дальше в мемуарах Ротмистрова — загадочное многоточие. Может быть, Павел Алексеевич все же решился поведать о предложении Жукова снять командующего 5-й гвардейской танковой армии со своего поста и предать суду, да бдительные редакторы уже после смерти автора это место купировали? Хорошо бы, конечно, переиздать все важнейшие мемуары о Великой Отечественной войне в оригинальных авторских редакциях, без редакторских вставок и купюр. А то ведь даже и самые последние издания воспоминаний военачальников в перестроечную и постперестроечную эпоху, хотя и объявляются как выпускаемые «без каких-либо изъятий», на самом деле эти

изъятия и произвольные дополнения содержат в большом количестве.

Хрущев ту памятную поездку с Жуковым и Ротмистровым к месту недавнего танкового сражения также запечатлел в своих мемуарах: «К нам приехал Жуков. Мы с ним решили вдвоем поехать в танковую армию к Ротмистрову, в район Прохоровки… У Ротмистрова тоже разгорелось сражение. На полях виднелось много подбитых танков — и противника, и наших. Появилось несовпадение в оценке потерь: Ротмистров говорил, что видит больше подбитых немецких танков, я же углядел больше наших… С обеих сторон были ощутимые потери». Должен сказать, что в данном случае зорче взгляд был у Никиты Сергеевича. Хотя и он не избежал преувеличения в оценке неприятельских потерь. Вряд ли 5 разбитых танков и еще полсотни поврежденных машин так уж ощутимо подорвали боеспособность эсэсовского танкового корпуса.

Вероятно, сразу после поездки с Ротмистровым к месту боев, а может, и еще раньше, вскоре после приезда в штаб 5-й гвардейской танковой армии, Жуков сообщил Верховному свое мнение о необходимости снять и судить ее командующего. Но на защиту Ротмистрова грудью встал Василевский. Александр Михайлович понимал, что ему тоже может не поздоровиться — как-никак отвечал за ввод в сражение 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий. Ночное донесение Василевского Сталину, помеченное 2 часами 47 минутами 14 июля 1943 года, вполне возможно, было реакцией на жуковское предложение.

Начальник Генштаба сообщал Верховному Главнокомандующему: «По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и, особенно, в танках и авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танками противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы (реактивные снаряды, „катюши“. — Б. С.). В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 процентов, а 18-й корпус — до

30 процентов танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны… Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожевого, севернее Сторожевого, совхоза „Комсомолец“, выйти на линию Грязное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление. Не исключена здесь и завтра вероятность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия „Райх“ до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась».

Немецкие дивизии, действительно, пополнялись танками — только не новыми, с заводов, а теми поврежденными, которые удавалось отремонтировать. Это обстоятельство Александр Михайлович предпочел не уточнять. Зато в итоговом донесении по оборонительному сражению, составленном Ватутиным и Хрущевым 23 июля, отмечалось, что «значительная часть подбитых танков противником быстро восстанавливалась». Василевскому же мифическое «пополнение» германских танковых соединений понадобилось для того, чтобы сделать правдоподобнее утверждения о крупных, не меньших, чем у Воронежского фронта, потерях противника в бронетехнике. Похоже, советские генералы и маршалы прониклись верой, что неприятельские танковые войска до предела обескровлены, и даже сильно потрепанной армии Ротмистрова на 14 июля ставилась хотя и ограниченная, но наступательная задача. Между тем наивно было думать, что 5-я гвардейская танковая, несмотря на трехкратное превосходство в танках, проигравшая Прохоровское сражение, сумеет кого-нибудь разгромить теперь, когда противник имел двукратный перевес по числу броневых машин.

Жуков, должно быть, сомневался, что немецкие потери в действительности так велики, как их расписывали в донесениях. Но решил не настаивать на смещении Ротмистрова. Да и старого друга Василевского подводить не хотелось. Сталин же, очевидно, рассудил так: раз мы выиграли Курскую битву, то как-то неудобно снимать с должности, а тем более судить командующего одной из наиболее мощных армий за слишком

большие потери. У собственных солдат и офицеров, да и у западных союзников может закрасться сомнение: так ли уж безусловна была советская победа на Курской дуге? И Ротмистров остался на своем посту.

Между тем предложение освободить от должности командующего 5-й гвардейской танковой армией было совершенно правильным. Судить Павла Алексеевича, конечно, не стоило, поскольку многие другие генералы воевали ничуть не лучше, тогда пришлось бы отдавать под трибунал добрую половину генералитета. Но даже из ротмистровских мемуаров видно, что будущий главный маршал бронетанковых войск допустил целый ряд крупных ошибок, повлиявший на исход сражения. Тут и злосчастные форсированные марши, и плохая разведка местности и позиций противника перед поспешно организованным контрударом, и безрезультатная артподготовка по площадям, и потеря управления во время сражения. Все это вполне отчетливо прочитывается в ротмистровских мемуарах. И насчет взрывов, что слышны были ночью в расположении немецких войск, Павел Алексеевич наверняка не придумал. Только люди Гауссера подрывали не 5 своих разбитых машин, а более 300 танков 5-й гвардейской танковой армии, что навеки замерли на поле боя, оставшемся за немцами. Пауль Гауссер-то, в отличие от Павла Алексеевича Ротмистрова, хоть и имел всего один глаз (второй потерял в бою в октябре 41-го во время наступления на Москву), поле сражения видел гораздо лучше и хорошо управлял действиями своих танкистов. Да и танкисты в эсэсовском корпусе были опытные, тогда как для многих бойцов 5-й гвардейской танковой армии первый бой под Прохоровкой оказался и последним. Как рассказывал мне участник сражения Л.В. Чечков, командира танка Т-34 (танк был сожжен, но старшине Чечкову посчастливилось уцелеть), из 50 его друзей по только что сформированному в Забайкалье танковому корпусу в живых после боя осталось лишь пятеро. Конечно, немецкие «тигры» превосходили по толщине брони и дистанции, с которой они могли пробить лобовую броню противника, и Т-34, и КВ, что делало для советских танкистов дуэли с «тиграми» безнадежным делом. Но ведь танков T-VI под Прохоровкой было всего-то два десятка, и в одиночку уничтожить 850 танков Ротмистрова они никак не могли.

В оправдание Ротмистрова следует сказать, что другие командующие танковыми армиями в Курской битве и позднее сражались немногим лучше. Павел Алексеевич справедливо

критиковал действия командующего 1-й танковой армии М.Е. Катукова, который схватился с дивизией СС «Адольф Гитлер» и 48-м немецким танковым корпусом непосредственно перед вводом в сражение 5-й гвардейской танковой армии: «Не обошлось без упущений и в использовании… 1-й танковой армии… В первый же день наступления гитлеровцев против Воронежского фронта для его войск создалась очень сложная обстановка… Для восстановления положения… командование фронтом решило уже на второй день ввести в сражение 1-ю танковую армию, поставив ей задачу нанести контрудар по наступавшей танковой группировке фашистов.

«Нам, и прежде всего мне, надо было думать не о контрударе, а об отражении удара превосходящих танковых сил противника (в действительности превосходство в численности танков было на советской стороне. — Б.С.). — Николай Федорович глубоко вздохнул и продолжал: — Русская пословица говорит: семь раз отмерь, один раз отрежь. Но беда в том, что долго отмерять у нас не было времени. События развивались с головокружительной быстротой. Враг ставил под угрозу вторую полосу нашей обороны и мог с ходу прорвать ее».

Из дальнейшего рассказа Ватутина я узнал, что положение усугубилось неудачным оперативным построением 1-й танковой армии. Вместо обоих (6-го и 31-го) танковых корпусов командарм поставил в первый эшелон 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса… Я согласился с командующим фронтом в том, что командарму 1-й танковой не следовало использовать мехкорпус в первом эшелоне. Полностью укомплектованный хорошо подготовленным личным составом и боевой техникой, он все же уступал танковому корпусу по количеству боевых машин, а также в маневренности и силе удара… Гитлеровцы нанесли удар в стык между 3-м механизированным и 6-м танковым корпусами. В образовавшийся разрыв между ними противник бросил под прикрытием средних танков группу тяжелых штурмовых орудий типа «фердинанд» (ох уж эти мифические «Фердинанды»! — Б. С.), которые начали поражать фланговым огнем наши танки с дальних расстояний. Не успевшие занять оборону механизированные бригады 3-го мехкорпуса вынуждены были с боем отходить. 6-й танковый корпус вначале удерживал занимаемые позиции, но в связи с отходом мехкорпуса под угрозой флангового удара противника тоже отошел. Не спас положения ввод в сражение 31-го танкового корпуса и еще трех танковых корпусов из резерва фронта. Левый фланг 1-й танковой

армии под напором крупной массы вражеских танков стал постепенно загибаться на северо-запад».

А ведь на руку танкистам Катукова играло хотя бы то обстоятельство, что в составе действовавшего против них немецкого 48-го танкового корпуса было большое количество малонадежных «пантер». Поэтому и безвозвратные потери 48-го корпуса к 16 июля достигли 78 танков и 7 штурмовых орудий, вдвое больше, чем в корпусе СС. Армия же Катукова в оборонительном сражении безвозвратно потеряла 312 танков и САУ. Катуков все же командовал искуснее Ротмистрова.

На северном фасе Курской дуги танковые соединения 9-й немецкой армии при наступлении на Курск безвозвратно потеряли до 14 июля 87 танков и штурмовых орудий. Противостоявшие им войска Центрального фронта за тот же период лишились примерно 400 машин. Танковые корпуса группы «Юг» до 16 июля безвозвратно потеряли 161 танк и 14 штурмовых орудий, а противостоявшие им войска Воронежского фронта — около 1 200 танков и САУ.

Не лучше обстояло дело для советских танковых армий и во время контрнаступления. Так, введенная в сражение на Брянском фронте 19 июля 3-я гвардейская танковая армия до 11 августа потеряла 60 процентов своей бронетехники — около 600 танков. Только в бою 10 августа одно из ее соединений оставило на поле боя 100 танков из 110. Вступившая в бой 26 июля на Центральном фронте 4-я танковая армия за 10 дней боев лишилась 415 из имевшихся в наличии 652 танков. Еще через 8 дней танков в армии практически не осталось, и ее отвели в тыл на переформирование. 5-я-гвардейская танковая армия во время наступления на Харьков безвозвратно потеряла 324 танка и еще 110 было повреждено. 1-я танковая армия лишилась 288 машин, и, кроме того, с поля боя удалось эвакуировать подбитых 417 танков. Всего в ходе наступления на орловский и харьковский плацдармы советские войска безвозвратно потеряли 4 450 танков и САУ, а немцы — около 700 машин. И в последующих операциях советских танков гибло во много раз больше, чем немецких. Например, в период с 5 по 10 сентября 1943 года 503-й батальон «тигров» дивизии «Великая Германия» уничтожил 501 советский танк, ни потеряв ни одного. Большие потери Красной Армии в танках были вызваны, среди прочего, еще и тем, что немцы успешно применяли для уничтожения бронетехники авиацию.

Торопливость Ставки, стремившейся как можно скорее встретить врага контрударами танковых армий, стала, в частности, одной из причин неудачи под Прохоровкой. Между тем Василевскому должно было быть хорошо известно, что в день злосчастного наступления армии Ротмистрова уже началась атака трех советских фронтов на орловский плацдарм, успех которой делал бессмысленным и продолжение немецкого наступления на Курск с юга. Но Александр Михайлович погнал армию в бой без должной подготовки. Чем это кончилось — мы уже знаем.

Отнюдь не из-за мнимой советской победы под Прохоровкой Манштейн вынужден был повернуть назад свои танки. Вот что пишет он в «Утерянных победах»: «Двенадцатого июля противник бросил в бой в центре и на флангах фронта наступления группы армий „Юг“ новые части из своих оперативных резервов. Двенадцатого и тринадцатого июля обе армии отразили все эти атаки. Четырнадцатого июля танковый корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, 48-й танковый корпус подошел к долине Псёла западнее Обояни. В этих боях были частично разгромлены, частично сильно потрепаны другие значительные силы из оперативных резервов противника… К 13 июля противник потерял на фронте „Цитадель“ (группы „Юг“. — Б. С.) уже 24 000 пленными, 1800 танков, 267 артиллерийских и 1 080 противотанковых орудий.

Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться — победа или поражение. 12 июля, правда, стало известно, что 9-я армия вынуждена была приостановить наступление и что противник перешел в наступление против 2-й танковой армии (на орловском плацдарме. — Б.С). Но командование нашей группы армий твердо решило не приостанавливать преждевременно сражения, может быть, перед окончательной победой. У нас еще был 24-й танковый корпус с 17-й (в действительности — 23-й. — Б. С.) танковой дивизией и дивизией СС «Викинг» (кстати, не Бог весть какая сила: в двух дивизиях к началу июля насчитывалось всего лишь 132 танка и 6 штурмовых орудий; правда, среди танков было 45 «тигров». — Б. С.), который мы могли бы бросить в бой как наш козырь. Из-за этого корпуса командование группы боролось с Гитлером с самого начала наступления… Нам потребовалось несколько раз докладывать ОКХ, пока Гитлер, боявшийся всякого риска в Донбассе, дал согласие на то, чтобы расположить корпус за линией фронта «Цитадель». Корпус постоянно находился в боевой готовности западнее Харькова, хотя и в качестве резерва ОКХ, для

чего он был выведен из непосредственного подчинения группы армий «Юг».

Такова была обстановка, когда фельдмаршал фон Клюге и я были вызваны 13 июля в Ставку фюрера… Совещание началось заявлением Гитлера о том, что положение на Сицилии, где западные державы высадились 10 июля, стало серьезным… Необходимо сформировать новые армии в Италии и на западных Балканах. Восточный фронт должен отдать часть сил, и потому операция «Цитадель» не может быть продолжена… Фельдмаршал Клюге доложил, что армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20 000 человек. Кроме того, группавынуждена отобрать все подвижные соединения у 9-й армии, чтобы ликвидировать три глубоких прорыва противника на фронте 2-й танковой армии. По этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть возобновлено».

Манштейн считал, что «после успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка». Он предложил, чтобы два танковых корпуса 4-й танковой армии продолжили наступление к Курску, а 24-й танковый корпус обеспечивал бы эту операцию с севера и востока совместно с 3-м танковым корпусом группы Кемпфа. В случае, если наступление на Курск с севера не будет возобновлено, фельдмаршал считал возможным хотя бы разбить действовавшие в районе южного фаса Курской дуги советские войска, чтобы группа армий «Юг» могла спокойно вздохнуть. Однако Гитлер решил иначе. Он согласился, что группа армий «Юг» должна постараться разбить противника на фронте «Цитадели», но 24-й танковый корпус Манштейну было предписано использовать для отражения ожидавшейся советской атаки в Донбассе. Эта атака не замедлила последовать 17 июля. Для ее отражения в районе реки Миус были использованы дивизии корпуса СС и 3-го танкового корпуса, тогда как 24-й танковый корпус отразил советский удар на Северском Донце.

Если бы Гитлер послушал Манштейна и бросил бы последний резервный корпус для обеспечения наступления на Курск, то группа армий «Юг» оказалась бы в тяжелом положении, а двигавшиеся к Курску танковые корпуса рисковали бы попасть в окружение и остаться без горючего и боеприпасов. После прекращения наступления армии Моделя атака на Курск с юга потеряла смысл. Наступление Западного и Брянского фронтов на орловский плацдарм вызвало прекращение операции «Цитадель».

Высадка союзников в Сицилии сыграла здесь лишь вспомогательную роль. Ведь в Италию в итоге была переброшена из группы армий «Юг» всего одна танковая дивизия.

Наступление на Орел координировал Жуков. В самый канун его начала с Георгием Константиновичем произошел один неприятный инцидент Вот что рассказал бывший начальник охраны маршала майор Николай Харлампиевич Бедов журналисту Василию Пескову. «Был случай, когда мне лично небо показалось с овчинку. В боях на Курской дуге, прежде чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту назначенного удара. Было это 11 июля 43-го года. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М.М. Поповым. Уже у самой передовой сказал: „Теперь вы останьтесь, а я один…“. Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел лощины и взгорки. А когда возвращались, как видно, были замечены немцами. Мины! Одна — впереди, другая — сзади. „Третья будет наша, прижимайся к земле!“ При этих словах я рванулся и накрыл, как мне предписано было службой, маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью, на взгорке — осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно тряхнуло. Георгий Константинович потерял слух. Осмотревший его в Москве профессор сказал, что надо в госпиталь. „Какой госпиталь — столько забот!“ Пришлось врачу-специалисту приехать на фронт. Тут и лечились месяца два».

Жуков потом этим случаем даже бравировал. Когда в декабре 1967 года отмечал товарищеским ужином 70-летие Конева, тогдашний начальник Главного политического управления Советской Армии генерал А.А. Епишев выступил с длинным тостом. Он высказал вполне здравую мысль, что «доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе». По словам присутствовавшего на ужине Константина Симонова, Жуков возразил тостующему: «А я вот, будучи командующим фронтом, неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развел руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что

он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям».

Должен заметить, что в чуть не закончившемся трагически эпизоде на Курской дуге маршал действовал вопреки элементарному здравому смыслу. Ведь он никогда непосредственно не командовал танковыми частями. Для того чтобы разведать, пройдут ли на данном участке фронта танки, гораздо лучше годился бы толковый командир танкового батальона, чем заместитель Верховного Главнокомандующего.

Жуков, безусловно, был смелым человеком. Но в данном случае он напрасно рисковал не только собственной жизнью, но и жизнью подчиненного — офицера охраны. В чем-то этот поступок маршала сродни поступку немца-полковника из «Войны и мира», который во главе эскадрона отправился зажигать мост под огнем неприятельской артиллерии, тогда как достаточно было послать двух человек. Полковника не волновало, что пострадают его солдаты. Главное было доложить, что он сам во главе эскадрона зажигал мост, и получить за храбрость в бою лишний крестик. А что двоих подчиненных ранило и одного сразило наповал, так это, как говорил полковник: «Пустячок!». Для Жукова потери своих войск были если и не пустяком, то вещью, к которой он относился достаточно спокойно. И в разведку на нейтральную полосу полз, чтобы после отрапортовать: лично проверил, могут ли пройти танки на направлении главного удара.

Но думаю, этому поступку была и более глубинная причина. Георгий Константинович был военным до мозга костей. И хотел ощутить музыку боя, пусть на мгновение, но еще раз пережить то чувство, которое испытывает рядовой боец, ползущий по нейтральной полосе к вражеским окопам, как когда-то давно он сам, драгунский унтер-офицер, полз во главе группы разведчиков к немецким позициям, чтобы захватить «языка». И наверное, Жуков мысленно смотрел на себя с высот истории. Маршал, ползущий в разведку под вражеским огнем как простой солдат, — в этом есть что-то символическое.

Вот и Манштейн, полководец весьма неординарный, в июне 42-го, накануне решающего наступления на Севастополь, отправился на торпедном катере в не столь уж необходимую рекогносцировку вдоль южного берега Крыма. В мемуарах он объяснял это обернувшееся трагедией путешествие следующим образом:

«С целью ознакомления с местлостью я совершил плаванье на итальянском торпедном катере до Балаклавы… Мне необходимо было установить, в какой степени прибрежная дорога, по которой обеспечивалось все снабжение корпуса, могла просматриваться с моря и обстреливаться корректируемым огнем корабельной артиллерии. Советский Черноморский флот не решился взяться за выполнение этой задачи, видимо, из страха перед нашей авиацией».

Но не лучше ли было бы послать на такую рекогносцировку опытного офицера-артиллериста. Да и опасаться советского флота не было больших оснований: во время всей крымской кампании он вел себя на удивление пассивно. Адмиралы очень боялись потерять крупные корабли из-за ударов германской авиации, не очень-то надеясь на «сталинских соколов» и огонь маломощных корабельных зениток. Поэтому совершенно неоправданным риском была катерная поездка-прогулка. На катер налетели советские истребители, судно получило повреждение, несколько человек было убито и ранено. Смертельное ранение получил водитель Манштейна, а сам командующий 11-й армией едва избежал гибели. Думаю, Манштейну хотелось насладиться картиной для будущего учебника истории: полководец, обходящий войска на катере на фоне романтического крымского пейзажа.

Курская битва окончилась победой Красной Армии, освободившей Орел, Белгород и Харьков и устремившейся к Днепру. Однако советские потери многократно превысили немецкие. Манштейн утверждает, что его войска в ходе наступления на Курск потеряли 20 720 человек, в том числе 3 300 убитыми. Советские потери германский фельдмаршал оценивает в 17 тысяч убитых и отмечает, что в плен попало 34 тысячи красноармейцев. С учетом же раненых общую цифру потерь он увеличивает до 85 тысяч человек. Самое интересное, что в данном случае Манштейн ошибся не в большую, как можно было подумать, а в меньшую сторону. Даже заведомо приуменьшенные данные книги «Гриф секретности снят» превышают его цифры. Согласно им, в Курской оборонительной операции войска Воронежского фронта потеряли 27 542 человека убитыми и пропавшими без вести и еще 46 350 — ранеными и больными. Безвозвратные потери войск Степного фронта составили 27 452 человека, а санитарные — 42 606. В сумме два фронта потеряли не 85 тысяч челевек, как думал Манштейн, а минимум 144 тысячи

бойцов и командиров и превосходили немецкие почти в семь раз. Если же предположить, что, как и на Центральном фронте, безвозвратные потери Воронежского и Степного фронтов были занижены втрое, то соотношение безвозвратных потерь на фронте участвовавших в «Цитадели» войск группы армий «Юг» становится почти 50-кратным или, если предположить, что Манштейн в германских потерях под цифрой 3 300 имел в виду только убитых, без пропавших без вести, то 25-кратным. Общее же соотношение всех потерь убитыми, пропавшими без вести и ранеными будет в этом случае 12:1. А на Центральном фронте, общие потери которого достигали 89 тысяч человек, соотношение оказалось немного утешительнее для Красной Армии — 4,5:1. Вероятно, Манштейн оказался более искусным полководцем, чем Клюге, Гот — чем Модель, а Рокоссовский — чем Ватутин.

Советские армии устремились к Днепру. При форсировании реки, по инициативе Жукова, в ночь на 24 сентября 1943 года был выброшен воздушный десант для захвата плацдарма, однако парашютистов постигла неудача. Из-за неопытности летчиков, потерявших в темноте ориентировку, две воздушно-десантные бригады были выброшены частью в Днепр, частью в расположении советских войск, а частью прямо на позиции противника. Бойцов выбросили не кучно, а разрозненно, они были лишены возможности вести бой в составе подразделений и почти все стали легкой добычей немцев. Нехватка транспортных самолетов и плохая подготовка летчиков обрекли десант на уничтожение без всякой пользы для дела.

Георгий Константинович об этом эпизоде в мемуарах не написал ни строчки. Сталин же пожурил Жукова и Ватутина в специальном приказе, где указал, что «выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими трудностями…». От десанта в дневное время Жуков отказался из опасений, что советские ВВС не сумеют завоевать господства в воздухе в районе высадки, да и зенитная артиллерия противника при свете дня будет действовать более эффективно. А что десантникам в темноте очень трудно будет сориентироваться и организованно вступить в бой, Георгий Константинович с Николаем Федоровичем как-то не подумали.

Столь же провальным было инициированное Жуковым октябрьское наступление на Киев с Букринского плацдарма.

Маршал рассчитывал, что немцы не успели еще создать прочной обороны, но недооценил трудностей местности для действий танков. Верховный опять в приказе покритиковал Жукова за недоучет условий местности и плохую организацию наступления. Тем временем войска 2-го Украинского (бывшего Степного) фронта подверглись контрудару в районе днепровской излучины и вынуждены были отступить от Кривого Рога, удержанию которого Гитлер придавал особое значение из-за имевшихся там железорудных месторождений. Но для контрудара под Кривым Рогом Манштейну, пришлось ослабить киевскую группировку. И Жуков реабилитировал себя взятием Киева ударом с другого плацдарма, Лютежского. Столица Украины была освобождена 6 ноября 1943 года, накануне главного советского праздника.

Вместе с немецкими войсками за Днепр отходило и советское население — частью добровольно, частью принудительно. Манштейн писал: «Из района, который мы оставляли, были вывезены запасы, хозяйственное имущество и машины, которые могли использоваться для военного производства. Это мероприятие проводилось по отношению к станкам, металлам, зерну и техническим культурам, а также лошадям и скоту. О „разграблении“ этих областей, естественно, не могло быть и речи. В немецкой армии — в противовес остальным — грабеж не допускался (можно подумать, что он был узаконен в Красной Армии или в армиях западных союзников! Ведь грабеж и мародерство разлагают солдат. Однако отдельные эксцессы такого рода имели место во всех армиях, и командование часто закрывало на это глаза. — Б. С.). Был установлен строгий контроль, чтобы исключить возможность вывоза какого-либо незаконного груза. Вывезенное нами с заводов, складов, из совхозов и т. п. имущество или запасы, между прочим, представляли собой государственную, а не частную собственность.

Так как Советы в отбитых ими у нас областях немедленно мобилизовывали всех годных к военной службе мужчин до 60 лет и использовали все население без исключения, даже в районе боев, на работах военного характера, Главное командование вермахта приказало переправить через Днепр и местное население. В действительности, эта принудительная мера распространилась только на военнообязанных. Но значительная часть населения добровольно последовала за нашими отступавшими частями, чтобы уйти от Советов. Образовались длинные колонны, которые нам позже пришлось увидеть также и

в восточной Германии. Немецкие войска оказывали эвакуируемым всяческую помощь. Людей не «угоняли», а направляли в районы западнее Днепра, где немецкие штабы заботились об их размещении снабжении… Бежавшее население имело право взять с собой и лошадей и скот — все, что только можно было вывезти. Мы предоставляли населению и транспорт, насколько это было возможно. То, что война принесла им много страданий и неизбежных лишений, нельзя оспаривать. Но их же нельзя было сравнить с тем, что претерпело гражданское население в Германии от террористических бомбардировок, а также с тем, что позже творили русские на востоке Германии. Во всяком случае, все принятые немецкой стороной меры объяснялись военной необходимостью». Лукавит, ох, лукавит германский фельдмаршал! Разве виноваты были украинские крестьяне, что в коллективизацию у них отобрали все имущество, так что лошади и коровы все были совхозные или колхозные! Но ведь без зерна и скота крестьяне обрекались на голодную смерть, и сердобольные германские командиры, отступая от инструкций, разрешали беженцам прихватывать с собой кое-какую живность. Цель же тактики «выжженной земли», за которую Манштейна в 1950 году британский трибунал осудил на 18 лет тюрьмы, довольно точно описал бывший подчиненный фельдмаршала генерал Фридрих Вильгельм фон Меллентин, в 43-м году являвшиися начальником штаба 48-го танкового корпуса: «Как известно, у русских мало транспортных средств, и для снабжения своих войск они использовали главным образом местные ресурсы… Примерно так же поступали монголы Чингисхана и войска Наполеона. Единственным средством замедлить продвижение таких армий является уничтожение всего, что может быть использовано противником для размещения войск и их снабжения. Осенью 1943 года немецкая армия намеренно прибегала к таким действиям… Сама по себе мысль об уничтожении всех запасов продовольствия и создании „зоны пустыни“ между нами и наступавшими русскими войсками не вызывала у нас восторга. Но на карту была поставлена судьба группы армий „Юг“, и, если бы мы не приняли таких мер, многим тысячам солдат никогда не удалось бы достичь Днепра и организовать прочную оборону за этим водным рубежом».

Точно такую же тактику еще раньше немцев применил Сталин во время отступления Красной Армии в 41-м. И бессмысленно было судить Манштейна за то же самое, что делал его противник на Востоке. На Западе же тактика «выжженной земли» имела мало смысла. Англо-американские армии

снабжались с Британских островов и практически не зависели от ресурсов занимаемых ими французских и германских территорий. А дорожная сеть в Западной Европе была столь разветвленной и густой, что полностью вывести ее из строя при отступлении не представлялось возможным. Главное же, население Германии предпочитало англо-американскую оккупацию советской и не собиралось покидать западные районы страны, что делало невозможным создание «зон пустыни» перед наступавшими войсками союзников. На Западе германские генералы и сам министр вооружений Альберт Шпеер саботировали соответствующий приказ Гитлера. А на востоке Рейха население само бежало к западу от армий Жукова, так что здесь тактика «выжженной земли» осуществлялась как бы стихийно. Советский же опыт отличался от немецкого только тем, что, разрушив инфраструктуру, эвакуировать население часто не могли или забывали.

Судьба жителей оккупированных территорий была трагична. Если они уходили с насиженных мест вместе с немцами, то вполне могли погибнуть в пути от голода и лишений. Если оставались, то призывались в Красную Армию, где они считались людьми «второго сорта», попавшими под подозрение уже только потому, что проживали на захваченной врагом территории. Их использовали как пушечное мясо. Вот свидетельство из письма домой одного немецкого солдата летом 43-го: «На вновь занимаемой территории Красная Армия призывала все население — мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники не обучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и платили буквально своими жизнями за это подозрение».

Приведу еще» характерный рассказ бывшего командира артиллерийского взвода связи лейтенанта Валентина Дятлова об одной атаке в Белоруссии в декабре 43-го (точно такие же атаки проводили и подчиненные Жукову фронты на Украине): «Мимо, по ходу сообщения, прошла цепочка людей в гражданской одежде с огромными „сидорами“ за спиной.

— Славяне, кто вы, откуда? — спросил я.

— Мы с Орловщины, пополнение.

— Что за пополнение, когда в гражданском и без винтовок?

— Да сказали, что получите в бою…

Удар артиллерии по противнику длился минут пять. 36 орудий артиллерийского полка «долбили» передний край немцев. От разрывов снарядов видимость стала еще хуже…

И вот атака. Поднялась цепь, извиваясь черной кривой змейкой. За ней вторая. И эти черные извивающиеся и двигающиеся змейки были так нелепы, так неестественны на серо-белой земле! Чёрное на снегу — прекрасная мишень. И немец «поливал» эти цепи плотным свинцом. Ожили многие огневые точки. Со второй линии траншеи вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Цепи залегли. Командир батальона орал: «Вперед, ё… твою мать! Вперед!.. В бой! Вперед! Застрелю!» Но подняться было невозможно. Попробуй оторвать себя от земли под артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем…

Командирам все же удавалось несколько раз поднимать «черную» деревенскую пехоту. Но все напрасно. Огонь противника был настолько плотным, что, пробежав пару шагов, люди падали, как подкошенные. Мы, артиллеристы, тоже не могли надежно помочь — видимости нет, огневые точки немцы здорово замаскировали, и, вероятней всего, основной пулеметный огонь велся из дзотов, а потому стрельба наших орудий не давала нужных результатов».

Актуальным стал лозунг русской армии начала Первой мировой войны: «Оружие добудете в бою!» В 41-м году в Красной Армии была острая нехватка винтовок в связи с тем, что оружейные склады в западных регионах страны попали в руки немцев. Но в 43-м винтовок советская промышленность производила достаточно. Дело было в другом. И в 41-м, и в 43-м Сталин и его соратники предпочитали призвать в армию как можно больше людей, не считаясь с реальным запасом вооружения. Кроме того, в 43-м призывники с оккупированных территорий расценивались как потенциальные предатели. Практически, их гнали в атаку как скот на бойню. Расчет был на то, что «черная пехота» только измотает немцев и заставит израсходовать запас боеприпасов, чтобы потом свежие части смогли заставить отступить противника с занимаемых позиций.

Потому-то не выдавали несчастным ни обмундирования, ни винтовок. Зачем тратиться на тех, кому суждено погибнуть в первом же бою? И что погибнут — не беда, НКВД после войны меньше работы будет. За счет этих людей, призывавшихся, как правило, непосредственно в части, в значительной степени происходил недоучет советских безвозвратных потерь. Лишь единицам таких призывников суждено было уцелеть, стать «нормальными» солдатами и получить форму и оружие.

Как происходил призыв на только что освобожденной Западной Украине, хорошо описал генерал Григоренко: «К осени 1944 года… людей в стране уже не было. Готовилась мобилизация 1927 года, т. е. семнадцатилетних юнцов… От 4-го Украинского фронта требовали изыскания людских ресурсов на месте — мобилизации воюющих возрастов на Западной Украине, вербовки добровольцев в Закарпатье… Нехватка людей была столь ощутима, что мобилизацию превратили по сути в ловлю людей, как в свое время работорговцы ловили негров в Африке. Добровольчество было организовано по-советски, примерно так, как организуется стопроцентная „добровольная“ явка советских граждан к избирательным урнам… Из дивизии выделялись войска в распоряжение мобилизаторов и вербовщиков, и, возвращаясь обратно, офицеры и солдаты рассказывали… Вот один из таких рассказов: „Мы оцепили село на рассвете. Было приказано в любого, кто попытается бежать из села, стрелять после первого предупреждения. Вслед за тем специальная команда входила в село и, обходя дома, выгоняла всех мужчин, независимо от возраста и здоровья, на площадь. Затем их конвоировали в специальные лагеря“.

Не лучше было положение бойцов штрафных батальонов и рот. Общее положение об их формировании было утверждено Жуковым как заместителем Верховного Главнокомандующего 26 сентября 1942 года. Целью формирования штрафных частей было «предоставить возможность… провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий». В батальоны направлялись лица среднего и старшего командного и политического состава приказами по дивизии, бригаде, корпусу, армии или фронту в зависимости от подчиненности наказанных офицеров. Роты комплектовались провинившимися рядовыми бойцами и младшими командирами. Срок нахождения в штрафных частях был установлен от 1 до 3 месяцев, но мало кому

удавалось за это время уцелеть. На практике в штрафные роты и батальоны попадали чаще всего даже не за действительно свершенные проступки и преступления, а просто из-за плохих отношений с начальством, которое всегда могло придумать повод направить неугодного в штрафной батальон.

Одну из атак штрафников 43-го года описал уже знакомый нам лейтенант В. Дятлов: «В десятиминутном огневом налете участвовало два дивизиона нашего полка — и все. После огня какие-то секунды стояла тишина. Потом выскочил из траншеи на бруствер командир батальона: „Ребята-а! За Родину! За Сталина! За мной! Ура-а-а!“ Штрафники медленно вылезли из траншеи и, как бы подождав последних, вскинув винтовки наперевес, побежали… Немцы бросили серию красных ракет в сторону атакующих и сразу же открыли мощный минометно-артиллерийский огонь. Цепи залегли, залегли и мы (группа корректировщиков, — Б. С.) — чуть сзади в продольной борозде. Голову поднять было нельзя. Как засечь и кому засекать в этом аду цели противника? Его артиллерия била с закрытых позиций и далеко с флангов. Били тяжелые орудия. Несколько танков стреляли прямой наводкой, их снаряды-болванки с воем проносились над головой… Штрафники лежали перед немецкой траншеей на открытом поле и в мелком кустарнике, а немец „молотил“ это поле, перепахивая и землю, и кусты, и тела людей… Отошло нас с батальоном штрафников всего семь человек, а было всех вместе — 306…».

Так советские войска заваливали противника трупами до самого конца войны. Справедливости ради отмечу, что после Курской битвы качество германских войск на Восточном фронте снизилось. Солдаты и офицеры вермахта уже не верили в победу, что не могло не сказаться на их моральном состоянии. Генерал Меллентин признает, например, что во время сражения на Днепре осенью и зимой 43-го «в узлах дорог скоплялись тылы всех соединений первого эшелона; туда же при наступлении противника устремлялись люди, не испытывавшие большого желания драться с русскими, и в это время машин там было столько, что невозможно было ликвидировать огромные пробки». Теперь германское командование нередко посылало в бой необстрелянные соединения, не получившие должной подготовки. Так произошло, например, с только что сформированной в Норвегии 25-й танковой дивизией, которую в начале ноября сразу после выгрузки по частям бросили на удержание Фастова. В результате полки дивизии еще на марше

подверглись атаке советских танков и понесли большие потери в технике. Большинство же личного состава в панике бежало. В 41-м-42-м такое себе трудно было представить.

Еще 27 декабря 1943 года Манштейн предложил отступить с Корсунь-Шевченковского выступа и из района Никополя у излучины Днепра. Гитлер отказался, поскольку после такого отхода советские войска могли атаковать уже отрезанный Крым. Полуостров фюрер пытался удержать, поскольку с крымских аэродромов можно было бомбить румынские нефтяные месторождения.

Советское командование разработало операцию по окружению и уничтожению немецкой группировки у Корсунь-Шевченковского. Операция была проведена в январе-феврале 44-го войсками 1-го Украинского фронта Ватутина и 2-го Украинского фронта Конева. Жуков координировал действия обоих фронтов. В результате в окружение попали соединения двух немецких армейских корпусов. Манштейн бросил им на выручку два танковых корпуса, однако они не смогли прорвать кольцо. Тогда командование группы армий «Юг» отдало окруженным приказ пробиваться самостоятельно. Манштейн вспоминал: «В ночь с 16 на 17 февраля оба корпуса под руководством своих командиров Штеммермана и Либа предприняли попытку прорваться из окружения в юго-западном направлении, навстречу 3-му танковому корпусу, который напрягал все силы, чтобы, несмотря на непролазную грязь, бросить навстречу прорывавшейся группировке хотя бы несколько танков… Так как во время выхода из окружения войскам пришлось бы передвигаться по бездорожью и глубокой грязи, было приказано бросить орудия после того, как будут расстреляны все боеприпасы… В 1 час 25 минут 17 февраля пришло радостное известие о том, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3-го танкового корпуса установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. Двадцать восьмого февраля мы узнали, что из котла вышло 30 000-32 000 человек. Поскольку в нем находилось шесть дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск, это составило большинство активных штыков (по данным Манштейна, до окружения оба корпуса насчитывали 54 тысячи человек, состоявших на довольствии, но часть тыловых служб осталась вне кольца. — Б. С.). Огромную боль нам причинило то, что большую часть тяжелораненых выходившие из окружения не могли взять с собой. Генерал Штеммерман погиб во

время боя… При выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудий застряла в грязи. Только несколько из них ценой неимоверных усилий войскам удалось взять с собой».

Конев несколько иначе оценивает итоги сражения: «…Ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах». И в подтверждение цитирует немецкого генерала Курта Типпельскирха: «Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником… В конечном итоге, эти бои вновь принесли большие потери в живой силе и технике, что еще больше осложнило обстановку на слишком растянутых немецких фронтах». Но тут все дело в многоточии. Вместо него у Типпельскирха было:

«После этого окруженным корпусам пришлось, бросив все тяжелое оружие, артиллерию и большое количество снаряжения, последним отчаянным броском пробиваться к своим войскам. Из окружения вышли лишь 30 тысяч человек». Типпельскирх свою «Историю второй мировой войны» издал раньше, чем Манштейн — свои мемуары. Да и цифры у обоих авторов немного разнятся (третий автор, Меллентин, называет несколько большее число вышедших из окружения — 35 тысяч). Так что, по сути, перед нами два независимых свидетельства о том, сколько же немцев вышло из корсуньского котла, и этим свидетельствам можно доверять.

Жуков об итогах Корсунь-Шевченковской операции пишет следующее: «Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10–20 метров. У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе (командующего 1-й танковой армией. — Б. С.). Их попытка прорыва была отбита 27-й армией С.Г. Трофименко и 4-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта… Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые, в основном, были уничтожены и пленены. Лишь нескольким танкам и бронетранспортерам с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки. Как мы и предполагали, 17 февраля

с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки».

Конев приводит приказ Верховного Главнокомандующего от 18 февраля 1944 года, где утверждалось, что в ходе Корсунь-Шевченковской операции «немцы оставили на поле боя убитыми 52 000 человек. Сдалось в плен 11 000 немецких солдат и офицеров. Вся имевшаяся у противника техника и вооружение захвачены нашими войсками». Но сам Иван Степанович предпочитал придерживаться официальных цифр, повторенных в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны» и 12-томной «Истории второй мировой войны»: более 18 тысяч пленных и 55 тысяч убитых немцев. Эти же цифры приводит в своих мемуарах и Василевский. Где же истина?

Нет сомнений, что первоначальная цифра в 11 тысяч пленных является верной. Ведь в период с 1 января по 1 марта 1944 года Красная Армия, по архивным данным, на всех фронтах взяла в плен лишь 15 351 неприятельского солдата и офицера. Вероятно, большинство пленных — это раненые, которых не смогли взять с собой прорывавшиеся войска. Но вот 52–55 тысяч убитых немцев — что-то уж чересчур много для 11 тысяч раненых (если предположить, что все пленные были ранены). Даже если допустить, что при прорыве число убитых было примерно равно числу раненых (а, как правило, в германской армии раненых было в 2–3 раза больше, чем убитых), то из 50 с лишним тысяч окруженных к своим должны были прорваться порядка 30 тысяч человек, как о том и пишут Манштейн, Типпельскирх и Меллентин. Следовательно, основная часть корсуньской группировки избежала уничтожения, хотя и потеряла почти всю артиллерию, автотранспорт и много танков.

Сталин был недоволен тем, как шел процесс ликвидации окруженных немецких корпусов. Тем более что в конце января Манштейн нанес по фронту Конева сильный контрудар двумя танковыми корпусами. Для его отражения Иван Степанович бросил 5-й Донской гвардейский кавалерийский корпус, понесший большие и напрасные потери при атаках в конном строю. Все же немцам удалось сильно потрепать наступавших, взять 5,5 тысяч пленных. Советские потери убитыми Манштейн оценивает в 8 тысяч, число уничтоженных и подбитых танков — в 700.

Верховный Главнокомандующий 12 февраля, несмотря на возражения Жукова, ликвидацию окруженной группировки поручил Коневу, а Ватутину приказал сосредоточиться на удержании внешнего фронта кольца. На Георгия Константиновича возлагалась координация действий 1-го и 2-го Украинского фронтов по недопущению прорыва противника из окружения. Жуков понимал, что тем самым лавры победы уходят от его протеже Ватутина к Коневу, но сделать ничего не смог. В уже упоминавшемся приказе Сталина от 18 февраля был назван только 2-й Украинский фронт, которому в тот же день салютовала Москва. 1-й Украинский фронт в приказе не фигурировал ни в каком качестве. Жуков совершенно справедливо написал в мемуарах: «…Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта… Независимо от того, кто и что докладывал Верховному, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов… Эта замечательная операция была организована и проведена войсками двух фронтов… Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Ватутиным и Коневым, сражались одинаково превосходно». Не так уж превосходно, раз допустили соединение основных сил окруженных с идущей им на выручку 1-й танковой армией, Жуков в мемуарах утверждает, что идею переподчинения всех войск, действовавших против окруженной группировки, штабу 2-го Украинского фронта выдвинул Конев:

— Мне сейчас звонил Конев, — сказал Верховный, — и доложил, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Щандеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю. Думаю, это не соответствует действительности.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Ватутину и выяснил, что противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три и занял Хилки, но был остановлен. Сведения о попытках прорыва как-то раньше попали к Коневу. Вместо того чтобы срочно доложить мне и известить Ватутина, он позвонил Сталину, дав понять, что операция по ликвидации противника может провалиться, если не будет поручено ему ее завершение… Сталин

крепко выругал меня и Ватутина, а затем сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

Иван Степанович в «Записках командующего фронтом» факт такого своего предложения Сталину категорически отрицает:

«12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий. Сталин, рассерженный, сказал, что вот мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим, и спросил: „Что вы знаете по обстановке на фронте у соседа?“ По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал, я понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого — чей-то не совсем точный доклад.

Я доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

Сталин спросил:

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта. Я ответил:

— Да, по своей, товарищ Сталин.

Сталин сказал:

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Через несколько минут Сталин перезвонил и предложил Коневу возглавить уничтожение окруженной группировки, взяв

под свою команду 27-ю армию 1-го Украинского фронта. Иван Степанович стал отказываться от этой высокой чести, не из скромности, а из вполне прагматических соображений. 27-я армия находилась по одну сторону котла, а войска 2-го Украинского фронта — по другую. Снабжать ее можно было только через 1-й Украинский фронт, да и управлять было удобнее из штаба Ватутина. Кроме того, как справедливо отмечал Конев в мемуарах, «передача армии мне не увеличивала ее силы». Вряд ли он стремился взять на себя дополнительную ответственность за самый опасный участок внутреннего фронта окружения, помочь которому мог лишь с большим трудом. К тому же Иван Степанович цитирует грозную телеграмму Сталина Жукову, помеченную 12 февраля: «Прорыв корсуньской группировки из района Стеблев в направлении Шендеровка произошел потому, что: слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена; не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении, в первую очередь, Стеблевского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва… Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку…».

Думаю, Конев действительно не напрашивался на командование всеми войсками внутреннего фронта окружения и интриги против Ватутина не вел. Просто Сталин был зол на Ватутина, допустившего прорыв на участке 27-й армии, и на Жукова, вовремя не догадавшегося усилить эту армию резервами. Поэтому по воле Верховного вся слава досталась Коневу, а близкий к Жукову Ватутин остался в тени. Конев пишет, что Георгий Константинович сразу после завершения Корсунь-Шевченковского сражения прислал ему маршальские погоны: «Это было и внимание, и поздравление, и бесценный подарок». Если бы Жуков узнал от Сталина, что Конев фактически «подсиживал» Ватутина, то никогда бы не оказал Ивану Степановичу такой знак внимания. Вероятно, компрометирующую Конева версию Жуков придумал уже после октября 57-го.

На самом деле, большинство окруженных под Корсунь-Шевченковским прорвались. И виноваты в этом были и Конев, и Ватутин, и Жуков. Один не удержал внутренний фронт окружения, другой — внешний, а третий не сумел наладить координацию войск двух фронтов и вовремя обеспечить подход резервов к угрожаемому участку. Но поскольку советская

пропаганда уже успела раструбить на весь мир о новом Сталинграде на Днепре, никак нельзя было признать, что противник вырвался из «котла». Пришлось зачислить всех избежавших плена в разряд убитых, а общие безвозвратные потери корсуньской группировки первоначально объявили в 63 тысячи человек, а после войны увеличили до 73 тысяч. В действительности же потери — германских сухопутных сил убитыми и пропавшими без вести в феврале 44-го на всех фронтах составили только около 61 тысячи человек.

29 февраля 1944 года Ватутин был смертельно ранен в перестрелке с отрядом Украинской Повстанческой Армии. Сталин поручил Жукову временно принять командование 1-м Украинским фронтом. В этом качестве маршал руководил в марте Проскуровско-Черновицкой операцией. Войскам 1-го Украинского фронта удалось окружить 23 дивизии 1-й германской танковой армии в районе города Каменец-Подольский. Однако на этот раз Манштейну удалось переиграть Жукова. Георгий Константинович честно признал это в мемуарах: «Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, подошли к решительной схватке в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии и боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья. 3-я гвардейская танковая армия… понесла большие потери и была выведена по указанию Верховного в резерв на пополнение. 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольска также в значительно ослабленном состоянии.

Все это вместе взятое не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группы противника. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чертков-Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным. В этом случае противник, переправившись через Днестр, мог запять южный берег реки и организовать там оборону… Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики-Черновицы-Коломыя… Но когда немецкому командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода в южном направлении, оно

приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы.

Как потом выяснилось из трофейных документов, командование группы армий «Юг» собрало здесь значительное количество войск, в том числе 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС, и 4 апреля нанесло сильный удар по нашему внешнему фронту из района Подгайцы. Смяв оборону 18-го корпуса и 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям. Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».

Вспомним, что и Коневу насчет корсуньской группировки подчиненные доносили, что ни один немец через их позиции не прошел. Кто же из советских командиров будет признаваться, что на его участке произошел прорыв фронта, если данный неприятный факт легко можно скрыть. Противник-то прорвался к своим; а не в советский тыл, и, кроме командира и его бойцов, о прорыве никто и не знает. Куда приятнее назвать фантастическое число немецких трупов, будто бы уничтоженных твоими войсками. Отсюда 55 тысяч погибших при прорыве из корсуньского «котла», отсюда и почти полное уничтожение 1-й немецкой танковой армии, в действительности благополучно ушедшей к своим.

Прорыв окруженной под Каменец-Подольском группировки стал последней операцией Манштейна во Второй мировой войне. Он успел подготовить эту операцию, а осуществил ее уже преемник Манштейна Модель. В «Утерянных победах» Манштейн так объяснил свой замысел: «Генерал-полковник Хубе… не хотел прорываться с армией на запад, а предлагал отвести ее на юг за Днестр. Безусловно, в данный момент это был более легкий путь. На запад ей пришлось бы пробиваться через две танковые армии противника, а на юг она могла уйти в то время еще без серьезных боев.

Тем не менее я не мог согласиться с этим мнением генерал-полковника Хубе. Во-первых, было необходимо, чтобы 1-я танковая армия, двигаясь на запад, соединилась с 4-й танковой армией. Как же иначе можно было предотвратить прорыв противника в Галицию севернее Карпат? Попытка армии

ускользнуть на юг за Днестр в лучшем случае кончилась бы тем, что она была бы оттеснена в Карпаты, но и это сомнительно. Конечно, путь на юг через Днестр был вначале менее рискованным. Однако более детальный анализ показывал, что он вел армию к гибели. Она не имела переправочных средств и мостов для преодоления Днестра на широком фронте. При попытке переправиться через реку по немногим постоянным мостам она потеряла бы вследствие действий авиации противника, основную часть своей тяжелой техники. Но еще важнее, что противник вел наступление с востока уже южнее Днестра. Рано или поздно армия оказалась бы между этими наступающими силами противника и теми его двумя танковыми армиями, которые только что перерезали ее коммуникации и собирались форсировать в тылу армии Днестр в южном направлении… Еще до моего вылета в Оберзальцберг (на совещание к Гитлеру. — Б. С.) 1-я танковая армия получила предварительный приказ, пробиваясь на Запад, восстановить сначала связь с немецкой группировкой в районе реки Збруч. Она должна была попытаться со своей стороны, нанося этот удар, отрезать тылы вражеской танковой армии, наступающей на Каменец-Подольск».

Гитлер долго не соглашался санкционировать отход 1-й танковой армии. На совещании 25 марта 1944 года Манштейн настаивал, что для нанесения встречного удара в 4-ю танковую армию должны быть переброшены подкрепления. Между фюрером и фельдмаршалом состоялся драматический диалог. Гитлер, по словам Манштейна, «утверждал, что мы хотели „всегда придавать боевым действиям только маневренный характер“. Осенью ему говорили, что Днепр будет удержан. Но, мол, едва он, Гитлер, скрепя сердце дал свое согласие на отступление за эту реку, как уже заявили, что надо отступать дальше, так как произошел прорыв под Киевом.

Я отвечал, что так оно и должно было получиться. По его, Гитлера, указанию силы нашего южного фланга получили задачу удержать Донбасс, а позже и Днепровский район, в то время как Мы могли бы их использовать для усиления нашего северного фланга. Тогда Гитлер стал утверждать, что, по данным воздушной разведки, были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части немцев, из-за этого непрерывно отводится назад линия фронта… Я возражал довольно резко, что если войска не могут более держаться на отдельных участках, то это объясняется их

чрезмерней усталостью, истощением сил и сокращением численности». Советская тактика заваливания противника трупами наконец начала приносить успехи.

Манштейн обратил внимание Гитлера на то, что командование группы армий «Юг» не раз предупреждало: «при таких чрезмерно растянутых фронтах и таком состоянии войск, не получающих необходимых пополнений, должен наступить момент, когда силы солдат будут исчерпаны». Фельдмаршал пригрозил отставкой, если его предложения о прорыве 1-й танковой армии не будут приняты. Гитлер уступил и согласился выделить для создания деблокирующей группировки вновь сформированный на Западе танковый корпус СС и две пехотные дивизии из Венгрии. Манштейн заверил фюрера, что «прорыв в западном направлении увенчается успехом, так как обе вражеские танковые армии, видимо, распылят свои силы в направлении переправ через Днестр». Фельдмаршал очень точно предвидел ошибку, которую свершил Жуков.

Только Манштейн успел отдать все необходимые распоряжения для подготовки прорыва, как 30 марта вновь был вызван к Гитлеру вместе с командующим группой армий «А» фельдмаршалом Эвальдом фон Клейстом. Гитлер отправил обоих в почетную отставку, наградив мечами к рыцарскому кресту. Он следующим образом объяснил свое решение: «На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых Манштейн особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем…». Фюрер заверил Манштейна, что не имеет к нему никаких претензий, считает одним из способнейших своих командиров и собирается вскоре вновь использовать на службе, но в данный момент на Восточном фронте для него нет достойных задач. Теперь Германия боролась только за выигрыш времени и удержание территории. Время крупных маневренных операций вермахта навсегда прошло.

В Проскурово-Черновицкой операции Жуков предположил, что противник примет решение, казавшееся наиболее простым: отступать к Днестру. Между тем, если бы он просчитал все возможные последствия этого решения, как это сделал Манштейн, то мог бы догадаться, что в любом случае оптимальным будет прикрытие основными силами танковых соединений западного, а не южного направления.

Можно согласиться с характеристикой, которую дал Жукову Главный маршал авиации Голованов: «В должности начальника Генерального штаба Жуков был не на своем месте. Истинное его призвание — командовать войсками… Что касается оперативно-тактических вопросов — здесь у Жукова была очень сильная хватка». Эту хватку хорошо чувствовали подчиненные генералы и войска, которые маршал гнал вперед, не считаясь с потерями и не останавливаясь перед угрозами. Как раз в марте 44-го, когда Георгий Константинович командовал 1-м Украинским фронтом, произошел один очень неприятный инцидент. Начальник инженерных войск фронта генерал Б.В. Благославов вспоминал, как Жуков, только вступив в командование, собрал командиров ночью на совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвертых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непереводимые русские выражения и ко всем обращался исключительно на «ты», хотя брудершафт прежде ни с кем не пил. Благославов Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузер. Благославов в ответ схватился за парабеллум (оба предпочли трофейное оружие). Возникла неловкая пауза. Благославов напомнил Жукову, что ждет его выстрела. Это был не просто генерал, но генерал инженерных войск, человек куда более образованный, чем обычный пехотный генерал, и имевший хорошо развитое чувство собственного достоинства. Но дуэль не состоялась. Жуков сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не погладят. Это ведь не какой-нибудь командир полка или даже дивизии. Георгий Константинович убрал маузер в кобуру и пообещал, что расправится с Благославовым. Однако у Жукова не дошли руки до строптивого генерала, возможно, единственного в Красной Армии (другие и не такое сносили молча). Видно, пределы его власти не распространялись на бессудное снятие с должности командующих армиями и им соответствующих во фронтовом звене. Благославов благополучно закончил войну на прежней должности на 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского, с которым у него сложились прекрасные отношения.

В мемуарах Георгий Константинович прямо признавал, что даже на заключительном этапе войны вермахт превосходил Красную Армию в тактике ведения боевых действий: «Несмотря на то, что действия наших войск в зимне-весеннюю кампанию

(1944 года. — Б. С.) заканчивались большими победами, я все же считал, что немецкие войска имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Боеспособность их войск в связи с большими потерями понизилась, но все же они дерутся упорно и нередко вырывают тактическую инициативу у наших частей, нанося им чувствительные потери. Что же касается стратегического искусства их верховного командования и командования группами армий, оно после катастрофы в районе Сталинграда, и особенно после битвы под Курском, резко понизилось».

Дело, однако, было не в низком уровне германского командования, а в истощении людских и иных ресурсов Рейха в сравнении с ресурсами СССР и его западных союзников. Длина фронта на Востоке была значительно больше, чем на Западе. К концу 43-го года новые пополнения уже не в состоянии были компенсировать людские потери вермахта. Немцам не удавалось создать минимально необходимую для обороны плотность личного состава на всех важных участках советско-германского фронта. И они тем более были не в состоянии сосредоточить достаточные группировки войск для проведения здесь стратегических наступательных операций.

Единственную стратегическую операцию после поражения под Сталинградом Гитлер осуществил на более коротком Западном фронте в декабре 44-го. Глубина театра, представлявшего собой территории Франции, Бельгии и Голландии, оставляла хоть какие-то надежды попытаться достичь решающего успеха сравнительно небольшими силами и добиться сепаратного мира с Англией и США. На Восточном же фронте даже операция «Цитадель», проводившаяся значительно большим количеством войск, чем последнее германское наступление в Арденнах, в сущности, имело только оперативную цель — срезать Курский выступ.

В области производства боевой техники и вооружения возможности Германии оказались несопоставимы с возможностями ее западных противников. Благодаря ленд-лизу советская промышленность также смогла производить танков, самолетов и артиллерийских орудий ничуть не меньше, чем германская[6].

10 апреля 1944 года Жуков был удостоен высшего военного ордена «Победа» за номером 1. Этого же ордена за номером 2 был

удостоен Василевский. Формулировка указа у обоих была одинакова: «За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск…». Абсолютно с той же формулировкой Георгий Константинович был удостоен и второго ордена «Победы» 30 марта 1945 года. Сталин подчеркивал видную, но не первую роль Жукова в руководстве Красной Армии.

22 апреля 1944 года Жуков был вызван с фронта в Ставку. Там он в течение недели работал над планом летне-осенней кампании. Главный удар предстояло нанести в Белоруссии, вспомогательный — на Западной Украине. После успехов советских войск на юге оборонявшаяся в Белоруссии германская группа армий «Центр» оказалась глубоко охвачена с левого фланга. Советская сторона старалась создать у противника впечатление, что главный удар последует на Украине. Вероятно, с этой целью вплоть до 24 мая Жуков продолжал числиться командующим 1-м Украинским фронтом. Расчет делался на то, что у немцев имя маршала ассоциируется с генеральным наступлением Красной Армии. Где Жуков — там должен последовать решающий советский удар.

Однако на этот раз германское командование было своевременно информировано о планах противника. В конце апреля неизвестный германский агент, ранее предоставивший достоверные данные о планах советского наступления осенью 42-го, Сообщил, что в Москве рассматривали два варианта действий. Первый предусматривал нанесение главного удара в районе Ковеля и Львова с последующим движением на Варшаву, где предполагалось польское восстание. Не исключено, что советская разведка узнала о планах Армии Крайовой попытаться поднять восстания в Варшаве, Вильно и других польских городах при приближении к ним советских войск. Вполне возможно и другое объяснение: Ставка надеялась, что восстание могут поднять прокоммунистические силы Польши, влияние которых советские разведывательные органы значительно преувеличивали. Второй же вариант проведения летней кампании предполагал, что основной удар будет нанесен по направлению к Балтийскому морю через территорию Белоруссии и Польши, а вспомогательный — на юге. Сталин выбрал второй вариант.

Гитлер тем не менее не стал отводить группу армий «Центр»

к Бугу, что вывело бы ее из-под ожидавшегося советского удара, но одновременно более чем на 300 километров приблизило бы Красную Армию к столице Рейха. Если бы это отступление произошло, советские войска вышли бы на линию Керзона в мае, а не в июле, как это произошло в действительности. А тут еще ожидавшаяся высадка союзников во Франции. Гитлер рассчитывал отразить ее мощным танковым контрударом и для выигрыша времени готов был пожертвовать немецкими войсками в Белоруссии. Если же англо-американского десанта не будет, то сосредоточенные в Польше 5 танковых дивизий, включая танковый корпус СС, смогут ударить по наступающим советским армиям в Белоруссии или на Украине и спасти группы армий «Центр» и «Северная Украина» (бывшая «Юг») от разгрома. Фюрер отклонил предложение командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Эрнста Буша отвести войска к реке Березина и сократить фронт на 240 километров. Он также забрал у Буша один из танковых корпусов и передал его командующему Группой «Северная Украина».

6 июня союзники высадились в Нормандии. 11 июня германские танковые дивизии двинулись из Польши па запад. А 23 июня началась операция «Багратион» — генеральное наступление четырех советских фронтов в Белоруссии.

Летом 43-го германское командование смогло предпринять наступление мощной танковой группировкой на Восточном фронте и тем самым затруднить последующее советское наступление. Во время сражений на Украине вплоть до весны 44-го контрудары немецких танковых дивизий не позволяли Красной Армии уничтожить окруженные группировки врага. Но в июне германские резервы были направлены в Нормандию. Судьба группы армий «Центр» была предрешена. Большинство ее дивизий попали в окружение и были уничтожены. Перед началом наступления Красная Армия обладала трехкратным превосходством над германской Восточной Армией, а в Белоруссии перевес был еще более значительным. Советские ВВС наконец-то достигли безусловного превосходства в воздухе, так как люфтваффе срочно перебросило основные силы с Восточного фронта для противодействия высадившимся англо-американским войскам. На Востоке действовала лишь пятая часть всех германских истребителей.

Сразу после июня 1944 года начинается резкий рост безвозвратных потерь германских сухопутных сил. Если в июне они составили 26 тысяч убитыми и 32 тысячи пропавшими без вести, то в июле — соответственно 59 тысяч и 310 тысяч, а в августе — 64 тысячи и 408 тысяч. Только войска трех белорусских фронтов в период с 1 марта по 1 октября 1944 года взяли в плен 154 тысячи немцев, а войска 1-го Прибалтийского фронта — еще 10 тысяч. Подавляющее большинство пленных было захвачено в июле и августе, в период проведения операции «Багратион». Начавший в июле наступление на львовском направлении 1-й Украинский фронт взял еще 40 тысяч пленных. В августе в ходе Яссо-Кишиневской операции 2-й и 3-й Украинские фронты окружили основные силы группы армий «Южная Украина», пленив 209 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров. Во Франции с июня по сентябрь потери немцев составили 55 тысяч убитыми и 339 тысяч пропавшими без вести. На Восточном фронте было убито 214 тысяч немецких военнослужащих и еще 626 тысяч пропало без вести. Война на два больших сухопутных фронта для вермахта оказалась непосильной. Скорый крах германского сопротивления становился неизбежным.

Жуков координировал подготовку и проведение наступления в Белоруссии. В разное время он по-разному оценивал действия противника в ходе операции «Багратион». В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал критиковал германское командование: «…Мы, откровенно говоря, удивлялись их (немцев. — Б. С.)

ошибочным действиям, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее, юго-восточнее и северо-восточнее Минска». Но вот ранее, в 1955 году, в беседах с Симоновым маршал эти же действия счел правильными: «Если взять, например, обстановку, сложившуюся перед нашим наступлением в Белоруссии, летом 1944 года, то достаточно было посмотреть на карту, чтобы стало вполне очевидным, что мы должны были нанести удары именно с тех направлений, с которых мы их потом и нанесли, что мы в состоянии создать этот белорусский котел и что в итоге это может закончиться прорывом шириной в 300–400 километров, который немцам нечем будет заткнуть. Немцы могли это предвидеть.

Логика событий и элементарная военная грамотность подсказали им необходимость вывести свои войска из будущего котла, сократить и уплотнить фронт, создать за своим фронтом оперативные резервы — словом, все, что полагается в подобных случаях. Но немцы этого не сделали, и в результате подверглись разгрому в Белорусской операции.

Но в дальнейшем, оказавшись в тяжелейшем положении, когда им нечем было заткнуть прорыв в 400 километров, надо отдать им должное — они нашли смелый и верный выход из положения. Вместо того чтобы попытаться, растянувшись цепочкой, заткнуть всю эту огромную брешь, они начали с того, что сосредоточили ударную группировку и нанесли нам встречный удар в центре этого пустого пространства. Они приковали нас, заставили ввязаться в бои и приостановили таким образом наше наступление. А тем временем в тылу стали создавать новую линию обороны и, благодаря этому, неожиданному для нас и смелому, удару, в значительной мере успели это сделать. Принятое ими после разгрома в белорусском котле решение следует признать смелым и умным».

Вот и разберись, какими на самом деле были действия немцев, «смелыми и умными» или «ошибочными». И когда Жуков говорил то, что думал, — в беседе с Симоновым или в «Воспоминаниях и размышлениях». Подозреваю все-таки, что Георгий Константинович был откровеннее с Симоновым, а обличающий ошибки германского командования пассаж появился

в мемуарах под влиянием редакторов.

Сменивший Буша Модель сумел остановить советское наступление лишь на Висле в начале августа с помощью контрударов подошедших танковых резервов. Тут немцам здорово помог и политический фактор. Поднятое в Варшаве сторонниками польского эмигрантского правительства восстание заставило Сталина на время прекратить наступление на западном направлении. Даже когда в середине августа танковые дивизии группы армий «Центр» отправились в Прибалтику прорубать коридор к группе армий «Север», советские армии на Висле не сдвинулись с места. Ради того чтобы гарантировать советский контроль над Польшей, Верховный Главнокомандующий готов был на несколько месяцев отложить окончательный крах Третьего Рейха.

Во время боевых действии в Белоруссии Жуков был в своем репертуаре — грозил офицерам и генералам расстрелом и штрафными батальонами. Прибыв в 65-ю армию П.И. Батова, Георгий Константинович сразу же потребовал сместить с должности одного из командиров корпусов И.И. Иванова, а командира 44-й дивизии П.Г. Петрова отправить в штрафбат. С большим трудом командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский добился смягчения наказания: Иванову дали выговор, а Петрова сняли с должности. П.И. Батов рассказывает и другой любопытный эпизод: «Впервые за несколько дней привели себя в порядок. Только побрились и почистили сапоги, по улице проскочили машины. Круто затормозили у нашей избы. Радецкий (член Военного Совета армии. — Б. С.) взглянул в окно. Жуков. Мы выскочили на крыльцо. Я хотел порадовать представителя Ставки, но вышло другое.

«Бреетесь? Одеколонитесь?.. Почему не взяты Барановичи?» В избе Жуков продолжил разнос. Батов признался, что ему никогда не приходилось испытывать такого унижения: «В конце концов нам удалось доложить, что части идут хорошо и с часу на час овладеют городом. Ответ был не лучше начала…

— Командующий докладывает правильно, товарищ маршал, — сказал Радецкий. Жуков не обратил внимания.

— Командующий докладывает правильно, — повторил член Военного Совета. Брань обрушилась на него. Эта невыносимая сцена закончилась тем, что Жуков приказал Радецкому выехать в

Барановичи и не возвращаться, пока город не будет взят. Отшвырнув ногой табурет, Жуков вышел, с шумом захлопнув дверь. Тяжелое молчание.

— Что ты убиваешься, Павел Ивановича — сказал Радецкий. — Кому мы служим — Жукову или Советской власти?.. Это все чепуха. Но меня интересует, отчего он взбесился?.. Василевский-то под Вильнюсом? Вот Жуков и устраивает состязание, кто раньше в Ставку о победе донесет». В итоге гонку выиграли все-таки Жуков с Рокоссовским. Барановичи были освобождены 8 июля, а Вильнюс — только 13 июля.

Справедливости ради следует сказать, что успех в Белоруссии Красная Армия купила дорогой ценой. Советские потери ранеными и убитыми в июле и августе 44-го уступали только потерям июля и августа 43-го года, когда они были наибольшими за всю войну.

Притормозив наступление на Берлин, Сталин обратил свои взоры к Балканскому полуострову. Наиболее удобным плацдармом для захвата Черноморских проливов была союзная Германии Болгария, против СССР не воевавшая. 26 августа Жуков прибыл в Ставку для выполнения особого задания Государственного Комитета Обороны. Оно заключалось в подготовке оккупации Болгарии[7]. Как происходила подготовка и проведение этой операции, хорошо рассказал в своей неопубликованной при жизни книге «Крутые повороты» бывший нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов: «В августе 1944 года мне довелось вылететь с Жуковым в Румынию — готовилась операция на территории Болгарии. Румыния уже капитулировала. Ставка послала Жукова координировать действия фронтов в дни наступления, а меня — для помощи ему по части действия Черноморского флота… В Чернаводе, где находился штаб маршала Ф.И. Толбухина (командующего 3-м Украинским фронтом. — Б.С.), мы провели два дня. Я выехал в Констанцу в ожидании сигнала Ставки о наступлении. Жуков обещал поставить меня в известность…

«Итак, Черноморский флот в назначенное время высадится в Варне и Бургасе», — сказал мне Жуков, когда все планы были разработаны и я готовился выехать в Констанцу. «Вы, конечно, своевременно информируете меня?» — спросил я маршала, зная, что на этом этапе борьбы и на таком участке армия могла обойтись без помощи моряков. Мои опасения оказались не

напрасными. Предупреждение о выступлении войск маршала Толбухина я получил не от Жукова, а от своего представителя С.Ф. Белоусова, которому было приказано «внимательно следить» за обстановкой и не пропустить «момента выступления». Жуков же сообщил мне об этом с большим опозданием, и, как Я тогда подумал, не случайно. Он ревностно относился к каждому листку лавра в награду за ожидаемую победу. Черноморцы также не хотели упустить возможности отличиться и попросили у меня разрешения высадить десант на летающих лодках «Каталина», чтобы скорее занять порты Варна и Бургас ввиду неожидавшегося сопротивления. Так и было сделано. Командир батальона морской пехоты Котанов мне потом рассказывал, улыбаясь, что его морпехотинцы страдали только от объятий и поцелуев болгарок, оставлявших следы губной помады. «Ну, это терпимо!» — закончил он свой доклад…».

И Жуков, и Кузнецов прекрасно понимали, что никакого сопротивления Красная Армия не встретит. Болгарское правительство еще 8 сентября 1944 года объявило войну Германии. Армия Болгарии получила приказ не противодействовать советским войскам, в тот же день вторгшимся в страну. В ночь на 9-е в Софии произошел коммунистический переворот. «Ввиду неожидавшегося сопротивления» маршал и адмирал спешили занять главные города Болгарии. Каждый хотел первым отрапортовать Сталину о достигнутых успехах. Потому и таил Жуков от Кузнецова срок начала операции, рассчитывая, что войска Толбухина доберутся до болгарских портов раньше моряков. Что ж, Георгий Константинович всегда стремился быть первым любой ценой. Но и Николай Герасимович в данном случае смотрится ничуть не лучше. Он ведь сознавал, что армейские части и без помощи флота легко захватят Варну и Бургас. Так что поход кораблей Черноморского флота к болгарскому побережью по сути своей был учением с напрасной тратой горючего. Кроме того, они без нужды подвергались значительной минной опасности, поскольку немцы поставили много мин в акватории Черного моря. В 1955 году на одной из таких мин подорвался и затонул в Севастополе линкор «Новороссийск», что послужило поводом к несправедливой и унизительной, с разжалованьем, отставке Кузнецова с поста главкома ВМФ. Это было сделано по инициативе Жукова, отношения которого с Николаем Герасимовичем к тому времени сильно испортились.

Георгий Константинович писал в мемуарах о болгарском

походе: «Было радостно сознавать, что в этой „войне“ не было жертв ни с той, ни с другой стороны. Такая „война“ явилась ярким проявлением освободительной миссии Красной Армии. Она продемонстрировала действенную силу трудящихся масс в уничтожении антинародных режимов». Он не стал уточнять, что в Болгарии начался коммунистический терор, что были уничтожены тысячи представителей имущих классов, интеллигенции и офицерства, казнены почти все члены царской семьи, включая несовершеннолетнего царя.

После Болгарии маршал отправился на западное направление, где координировал деятельность фронтов, действовавших на территории Польши без каких-либо существенных успехов. Хотя советские войска удержали Магнушёвский, Пулавский и Сандомирский плацдармы на западном берегу Вислы, контратаки германских танковых дивизий не позволили им преодолеть рубеж этой реки, овладеть Варшавой и развить наступление на Берлин. Возникла длительная оперативная пауза, продолжавшаяся с ноября 44-го по январь 45-го.

Прекращение наступления сопровождалось драматическими переменами в советском военном руководстве. Жуков описал эти события следующим образом: «Позвонив Сталину и доложив обстановку, я просил его разрешить прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, — ответил Верховный. — До свидания…

Во второй половине следующего дня мы с Рокоссовским были в Ставке. Кроме Верховного, там находились А.И. Антонов, В.М. Молотов. Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Поздоровавшись, Сталин сказал:

— Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, Сталин нервничает…

— Товарищ Жуков, — перебил меня Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и не знаем, что делается на фронтах, — иронически усмехнувшись, вставил Берия.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин, обращаясь к Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой (здесь немцы все еще удерживали плацдарм на восточном берегу реки. — Б. С.)?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А как вы думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь-Познань. Сил для этого сейчас у фронта нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты.

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся, —

неожиданно прервал меня Сталин.

Мы с Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Я спросил Рокоссовского, почему он не отверг предложение Сталина в более категорической форме. Ведь ему-то было ясно, что наступление 47-й армии ни при каких обстоятельствах не могло дать положительных результатов.

— А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения, — ответил Рокоссовский. — Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Через 15–20 минут к нам в комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

— Ну как, что надумали? — спросил Маленков.

— Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, — ответил я.

— Правильно, — сказал Маленков. — Мы вас поддержим… Войдя в кабинет, мы остановились, чтобы выслушать решение Верховного.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. Сталин почти не смотрел на нас, а я знал, что это нехороший признак.

С Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в наркомат обороны, а Константин Константинович готовиться к отлету в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне и сухо спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду — упразднить представителей Ставки для координирования фронтами, и чувствовал, что эта

идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора. Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— 1-й Белорусский фронт находится на Берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление, а Рокоссовского назначим на другой фронт.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом, но заметил, что Рокоссовскому вряд ли будет приятно, если он будет освобожден с 1-го Белорусского фронта.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал Сталин. — Что касается обид — мы не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

Сталин в моем присутствии объявил о своем решении и спросил его, не возражает ли он перейти на 2-й Белорусский фронт. Рокоссовский спросил, за что такая немилость. И просил оставить его на 1-м Белорусском фронте.

— На главное берлинское направление мы решили поставить Жукова, — сказал Сталин, — а вам придется принять 2-й Белорусский фронт.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский. Мне кажется, что после этого разговора между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы. Видимо, он считал, что я в какой-то степени сам напросился встать во главе

войск 1-го Белорусского фронта. Если так, то это его глубокое заблуждение».

Георгий Константинович не называет точной даты, когда их с Рокоссовским вызвали в Ставку, но утверждает, что перемещение Константина Константиновича на 2-й Белорусский фронт произошло на следующий день после их прибытия в Москву, Непосредственно перед данным эпизодом Жуков упоминает свое пребывание в 47-й армии в первых числах октября, а сразу после рассказа о перемещении Рокоссовского говорит о совещании в Ставке, состоявшемся в конце октября. Следовательно, мемуарист полагал, что его самого назначили командовать 1-м Белорусским фронтом где-то в середине октября. Однако в действительности рокировка командующих фронтами имела место 12 ноября, что подтверждается документами. И дневник пребывания на фронтах Великой Отечественной войны маршала Жукова в октябре и первой половине ноября фиксирует лишь одну поездку Георгия Константиновича в Москву — в ночь с 1-го на 2-е ноября. Он оставался в столице вплоть до 13 ноября, а в ночь на 14-е выехал поездом в Седлец, где размещался штаб 1-го Белорусского фронта. Командующим этим фронтом маршал был назначен 12 ноября приказом за № 220263.

Те же события в мемуарах Рокоссовского освещены совсем по-другому: «Противник на всем фронте перешел к обороне. Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы на модлинском направлении находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков… Местность образовывала треугольник, расположенный в низине, наступать на который можно было только с широкой ее части, т. е. в лоб… С высоких берегов противник прекрасно просматривал все, что творилось на подступах к позициям, оборудованным его войсками. Самой сильной стороной его обороны было то, что все подступы простреливались перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за реками Нарев и Висла, а кроме того, артиллерией, располагавшейся в крепости Модлин у слияния названных рек. Войска несли большие потери, расходовалось большое количество боеприпасов, а противника выбить из этого треугольника мы никак не могли. Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доводы, что если противник уйдет из этого треугольника, то мы все равно занимать его не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия. От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с

сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточных берегах Вислы и Нарева.

Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку… До рассвета мы залегли на исходном положении для атаки. Артиллерийская подготовка назначена 15-минутная, и с переносом огня на вторую траншею противника батальон должен был броситься в атаку… То, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя. Не прошло и 10 минут от начала нашей артподготовки, как ее открыл и противник. Его огонь велся по нам с трех направлений: справа из-за Нарева — косоприцельный, слева из-за Вислы — тоже косоприцельный и в лоб — из крепости и фортов. Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых; крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник почему-то не пожалел снарядов и ответил нам таким огнем, как будто хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Тело нельзя было оторвать от земли, оно будто прилипло, и, конечно, мне лично пришлось убедиться в том, что до тех пор пока эта артиллерийская система противника не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого противником плацдарма. А для подавления этой артиллерии у нас средств сейчас не было. Учтя все это, не ожидая конца нашей артподготовки, я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону передал командармам 47-й и 70-й о прекращении наступления…

На свой фронтовой КП я возвратился в состоянии сильного возбуждения и не мог понять упрямства Жукова. Что собственно он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать? Ведь не будь его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много людей от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в ненужности этой инстанции — представителей Ставки — в таком виде, как они использовались… Мое возбужденное состояние бросилось в глаза члену Военного совета фронта генералу Булганину, который поинтересовался, что такое произошло, и, узнав о моем решении прекратить наступление, посоветовал мне доложить об этом Верховному Главнокомандующему, что я и сделал тут же.

Сталин меня выслушал. Заметно было, что, он обратил

внимание на мое взволнованное состоянием попытался успокоить меня. Он попросил немного подождать, а потом сказал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции. Свои соображения об использовании войск фронта он предложил представить ему в Ставку. После этого разговора у меня словно гора свалилась с плеч. Мы все воспряли духом и приступили к подготовке директивы войскам».

Ни о каком совместном с Жуковым визите к Сталину, Константин Константинович ничего не пишет. Наоборот, все время подчеркивает, что Жуков был решительным противником прекращения наступления и ему, Рокоссовскому, пришлось при поддержке Булганина апеллировать к самому Верховному Главнокомандующему. Рокоссовский не указывает точно, когда именно было принято решение о прекращении наступления. Однако сразу после рассказа о разговоре со Сталиным переходит к описанию «ошеломляющего» немецкого контрудара на фронте 65-й армии, последовавшего 4 октября. Получается, что наступление 1-го Белорусского фронта было остановлено в начале октября.

Рокоссовский подробно рассказывает и об обстоятельствах своего перемещения на 2-й Белорусский фронт: «Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решительной операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский фронт назначен Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий… Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения».

Здесь Константин Комстантинович абсолютно точен в датировке.

Все же Рокоссовский в мемуарах проявил гораздо больше благородства, чем Жуков. Он воздал должное Георгию Константиновичу как одному из «наиболее способных и достойных» полководцев. Жуков же не остановился перед тем, чтобы выставить Рокоссовского трусом, панически боявшимся Берии и не решавшегося в присутствии Лаврентия Павловича до конца отстаивать собственное мнение. Хотя, если разобраться, арестовали Рокоссовского при Ежове, а не при Берии. При Лаврентии Павловиче его, наоборот, выпустили, и испытывать страх перед тогдашним главой НКВД у командующего 1-м Белорусским фронтом не было оснований. И эпизод с Берией, и совместную, вместе с Рокоссовским, встречу со Сталиным и членами Политбюро Жуков придумал с начала и до конца. Георгий Константинович хотел убедить читателей, что именно он стал инициатором прекращения бессмысленного наступления.

Сталин в жуковской версии разговора с Рокоссовским дополнительно унижает Константина Константиновича, подчеркивая, что Жуков назначается на главное направление. Вряд ли в действительности Верховный был столь груб. Ему ведь надо было подсластить горькую пилюлю, утешить расстроенного Рокоссовского. Поэтому больше доверия вызывает рассказ самого Константина Константиновича, а не Жукова. Но и Рокоссовский в своих мемуарах небезгрешен. Он создает впечатление, что уже в

первых числах октября добился прекращения бесполезных атак на своем фронте. Однако в действительности такое решение было принято значительно позже.

Вот что пишет Штеменко, в своих мемуарах опиравшийся на документы Генерального штаба: «В самом начале ноября 1944 года в Ставке было всесторонне рассмотрено положение дел в полосах действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Перед ними была главная стратегическая группировка противника… Необходимым для наступления перевесом сил эти фронты не обладали. Отсюда следовало, что на берлинском направлении наступление продолжать нецелесообразно и надо временно перейти к обороне. При очередном докладе Верховному Главнокомандующему А.И. Антонов (заместитель начальника Генштаба. — Б. С.) особенно настаивал на этом и просил разрешения подготовить соответствующие директивы. Такое разрешение мы получили. В ночь на 5 ноября 1944 года директива на переход к обороне была отдана 3-му и 2-му Белорусским фронтам. Через несколько дней последовало аналогичное распоряжение войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта… В конце октября и Сталин потерял надежду на быстрое освобождение Варшавы. Войска правого фланга 1-го Белорусского фронта фактически перешли к обороне, а 12 ноября на этот счет последовала директива Ставки».

Таким образом, столь запомнившаяся Рокоссовскому несостоявшаяся атака, после которой войска фронта вынуждены были перейти к обороне, имела место где-то в конце октября или начале ноября. Больше месяца продолжалось безрезультатное наступление, сопровождавшееся значительными потерями, прежде чем Константин Константинович смог настоять на его прекращении. И Жуков в мемуарах правдиво осветил в связи с этими событиями только один факт — что между директивой Ставки о переходе к обороне и перемещением Рокоссовского па 2-й Белорусский фронт прошел очень малый промежуток времени — не более суток.

По иронии судьбы Сталин наконец-то упразднил институт представителей Ставки, столь раздражавший Константина Константиновича, но его самого убрал с командования фронтом, нацеленным на Берлин. Рокоссовскому было очень обидно. Возможно, он подозревал, что Сталина к такому решению побудил Жуков. Вряд ли это подозрение справедливо. Все дело было в том, что войскам 2-го Белорусского фронта после

окончания войны предстояло дислоцироваться на территории Польши, чтобы обеспечить советский контроль над страной. Рокоссовский был поляком, хотя и сильно обрусевшим. Вероятно, Сталин еще осенью 44-го задумал комбинацию с назначением Рокоссовского министром обороны Польши, осуществленную в 48-м году. С ней и было связано перемещение Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт. Кроме того, в военной иерархии Жуков занимал второе место после Верховного Главнокомандующего. Вот Сталин и счел необходимым, чтобы наступавший на Берлин фронт возглавил его заместитель. Сам же Иосиф Виссарионович с помощью Генштаба собирался координировать действия фронтов западного направления, чтобы выступить в роли полководца на заключительном этапе войны.

Операция, которую начали планировать в Ставке в ноябре 44-го, получила впоследствии название Висло-Одерской. Ее проведение облегчалось тем, что значительные силы вермахта были брошены на Западный фронт для наступления в Арденнах. В советской историографии даже утвердилась легенда, что советское наступление на берлинском направлении было начато раньше запланированного срока: вместо 20 января 1945 года — 12-14-го числа. Тем самым Сталин будто бы пошел навстречу просьбам западных союзников, оказавшихся после немецкого удара в Арденнах в затруднительном положении. Как свидетельствуют документы и, в частности, утвержденный Жуковым 29 декабря 1944 года план сосредоточения войск 1-го Белорусского фронта, первоначально наступление было назначено на 8 января 1945 года, но из-за плохой погоды, ограничившей действия авиации, его пришлось перенести на более поздний срок. Послание же Черчилля, где сообщалось, что «на Западе идут очень тяжелые бои» и говорилось о «тревожном положении, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы», было отправлено лишь 6 января. Там содержалась просьба дать информацию о советских военных планах, но не более того. Сталин же решил сделать вид, что ради союзников Красная Армия готова ускорить свое предстоящее наступление: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте. Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января». На самом же деле, советское командование торопилось с

наступлением потому, что слишком рискованно было держать в бездействии в течение нескольких дней на плацдармах за Вислой крупные силы, в том числе танковые армии. Они были подтянуты на плацдармы с ориентацией еще на первоначальные сроки наступления — 8-10 января. Противник мог обнаружить концентрацию войск и нанести им потери огнем своей артиллерии, простреливавшей плацдармы. Поэтому атаку начали, когда синоптики дали благоприятный прогноз погоды. Но не угадали. Летная погода установилась лишь через несколько дней после начала наступления.

К тому времени войска 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имели подавляющее превосходство над противником. Тогдашний начальник Генштаба германских сухопутных войск Гудериан оценивал его как 11:1 по пехоте, 7:1 по танкам и 20:1 по артиллерийским орудиям и по самолетам. Вероятно, на направлениях главных ударов соотношение сил было близко к этим цифрам. Кстати, немецкая разведка заранее и довольно точно определила дату начала советского наступления — 12 января, но отсутствие резервов не позволяло оказать ему сколько-нибудь эффективное противодействие. К тому времени союзная авиация уничтожила почти все заводы по производству синтетического горючего, и люфтваффе оказались на голодном пайке. Рассчитывать на авиацию больше не приходилось.

Немецкий фронт на Висле был буквально смят. 22 января войска Жукова были уже под Познанью, а еще через 4 дня с ходу преодолели мезерицкий укрепленный район, который противник так и не успел занять достаточными силами. К началу февраля 1-й Белорусский фронт вышел к Одеру и захватил плацдарм на его западном берегу в районе Кюстрина. 31 января Жуков направил донесение в Ставку, где просил приказать 2-му Белорусскому фронту немедленно начать наступление в западном направлении для ликвидации разрыва с 1-м Белорусским фронтом, а 1-му Украинскому фронту — быстрее выйти на Одер.

Тут мы подошли к одной из важнейших проблем истории Второй мировой войны. Могли ли советские войска овладеть Берлином еще в феврале 45-го и если могли, то почему они этого не сделали? Бывший командующий 8-й гвардейской армии маршал В.И. Чуйков в 1965 году утверждал, что «Берлином можно было овладеть уже в феврале. А это, естественно, приблизило бы и окончание войны». Это заявление вызвало переполох. 17 января 1966 года Василия Ивановича вызвали на проработку к

начальнику ГлавПУРа А.А. Епишеву, где собрались и другие военачальники. Чуйков заявил, что «советские войска, пройдя 500 километров, остановились в феврале в 60 километрах от Берлина… Кто же нас задержал? Противник или командование? Для наступления на Берлин сил было вполне достаточно. Два с половиной месяца передышки, которые мы дали противнику на западном направлении, помогли ему подготовиться к обороне Берлина». Другие маршалы его не поддержали. Итог дискуссии подвел Епишев, заявивший: «Нельзя очернять нашу историю, иначе не на чем будет воспитывать молодежь».

В своих мемуарах Чуйков рассказал, как было отменено февральское наступление на Берлин: «4 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом собрал на совещание в штаб 69-й армии, куда он прибыл сам, командармов Берзарина, Колпакчи, Катукова, Богданова и меня. Мы… обсуждали план наступления на Берлин, когда раздался звонок по аппарату ВЧ. Я сидел почти рядом и хорошо слышал разговор по телефону. Звонил Сталин. Он спросил Жукова, где тот находится и что делает. Маршал ответил, что собрал командармов в штабе армии Колпакчи и занимается вместе с ними планированием наступления на Берлин. Выслушав доклад, Сталин вдруг совершенно неожиданно, как я понял, для командующего фронтом потребовал прекратить это планирование и заняться разработкой операции по разгрому гитлеровских войск группы армий „Висла“, находившихся в Померании». Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» постарался опровергнуть Чуйкова: «…Такого совещания в штабе 69-й армии не было. Поэтому и разговора по ВЧ со Сталиным, о котором пишет Чуйков, также не было. 4–5 февраля я был в штабе 61-й армии, которая развертывалась, на правом крыле фронта в Померании для действий против померанской группировки противника. Не мог быть на этом мифическом совещании и командующий 1-й гвардейской танковой армии, так как согласно директиве фронта от 2 февраля 1945 года… он производил с утра 3 февраля перегруппировку войск армии с Одера в район Фридеберг-Берлинхен-Ландсберг. Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал Богданов также не мог быть на совещании по причине болезни (в это время исполнял обязанности командарма генерал А. И. Радзиевский). Да и сам Чуйков 3 февраля находился в городе Познани, откуда он доносил мне о ходе борьбы за город. Видимо, память подвела Чуйкова».

Тут же следуют нечастые в жуковских мемуарах ссылки на

архивы. И этот тот редкий случай, когда маршал говорит правду. Но не всю правду. 4 февраля 1945 года, действительно, никакого совещания Жукова с командармами не было. Память в самом деле подвела Чуйкова. В этом можно не сомневаться. Потому что… совещание состоялось несколькими днями позже, скорее всего 10 февраля. Именно этим днем помечен план Берлинской наступательной операции 1-го Белорусского фронта, доложенный Жуковым Сталину по ВЧ в 15 часов 15 минут. Маршал утверждал: «Противник производит перегруппировку войск группы армий „Висла“ с целью организовать устойчивую оборону на подступах к Штеттину и на рубеже реки Одер. Стремясь не допустить выхода наших войск к Штеттину и изоляции Померанской группировки, противник усиливает левое крыло группы армий „Висла“, перебрасывая соединения с Курляндского плацдарма и из Восточной Пруссии. Одновременно усиливает 9-ю армию, прикрывающую Германию с востока, выдвигая в первую линию новые дивизии: 21-ю танковую дивизию, 25-ю мотодивизию, 15-ю танковую дивизию СС, 212-ю танковую дивизию и пехотную дивизию „Деберитц“ — для развития и укрепления обороны по западному берегу реки Одер и по системе озер восточнее Берлина. Кроме этого, спешно перебрасывает с Западного фронта на берлинское направление 6-ю танковую армию СС общей численностью до шести танковых и до шести пехотных дивизий. Цель операции — сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать его оборону на западном берегу реки Одер и овладеть Берлином».

Далее маршал перечислил задачи армиям фронта по дням и Этапам операции. В целом, это был тот же план, который 1-й Белорусский фронт реализовал в апреле, когда Сталин наконец дел добро на наступление на Берлин. Столицу Рейха предполагалось охватить с северо-запада и юго-запада, а затем уничтожить окруженную группировку концентрическими ударами со всех направлений. На Берлин должны были наступать пять общевойсковых и две танковые армии, усиленные двумя отдельными танковыми корпусами. В связи с отставанием войск 2-го Белорусского фронта Жуков, для отражения возможного контрудара с севера, из Померании, оставлял 3-ю ударную, 61-ю и 1-ю польскую армии, усиленные двумя кавалерийскими и одним Стрелковым корпусами и двумя укрепленными районами. В дальнейшем эти войска должны были усилить ударную группировку В заключение Жуков сообщал: «Перегруппировку сил и средств с правого фланга фронта на реку Одер я могу начать только с переходом 2-го Белорусского фронта в наступление, т. е.

с 10.2.45 и закончить ее 18.2.45. В связи с этим войска, предназначенные для действий на Берлин, будут подготовлены к переходу в наступление лишь 19–20.2.45. До этого времени необходимо произвести перегруппировку сил и средств фронта, отремонтировать материальную часть боевых машин, пополнить запасы и организовать бой».

То, что предлагал Жуков, было наиболее разумным с военно-стратегической точки зрения. Восточное Берлина у немцев почти не было войск. С переброской соединений с Западного фронта они безнадежно опаздывали и никак не могли сосредоточить их на Одере к моменту начала планируемого наступления 1-го Белорусского фронта. К тому же Гитлер направил танковые дивизии 6-й армии СС не под Берлин, а в Венгрию, чтобы попытаться деблокировать Будапешт и защитить нефтяные источники и нефтеперегонные заводы в Западной Венгрии — последние, оставшиеся в распоряжении вермахта. Группировка же немецких войск в Померании значительно уступала по силам и средствам противостоявшим ей армиям 1-го и 2-го Белорусского фронта. Еще 25 января Гудериан говорил Риббентропу: «Что вы скажете, если русские через три-четыре недели будут стоять под Берлином?» Рейхсминистр с ужасом воскликнул: «Вы считаете это возможным?» Начальник Генштаба заверил его, что подобное развитие событий не только возможно, но и более чем вероятно, учитывая незавидное положение германского Восточного фронта, и предложил вместе убедить Гитлера постараться добиться сепаратного мира на Западе. Однако советского удара на Берлин, которого так боялся Гудериан, в феврале не последовало. Почему?

Жуков и «Воспоминаниях и размышлениях» оправдывал поворот основных сил 1-го Белорусского фронта с берлинского направления в Восточную Померанию угрозой, которая будто бы нависла с севера: «В первых числах февраля стала назревать серьезная опасность контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировке фронта… В междуречье Одера и Вислы действовали 2-я и 11-я немецкие армии, свыше 22 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 5 бригад и 8 боевых групп. По сведениям нашей разведки, приток сил туда продолжался. Кроме того, в районе Штеттина (Шецина) располагалась 3-я танковая армия, которую немецко-фашистское командование могло использовать как на берлинском направлении, так и для усиления восточно-померанской

группировки (что фактически и произошло).

Могло ли советское командование пойти на риск продолжать наступление главными силами фронта на Берлин в условиях, когда с севера нависла крайне серьезная опасность? Чуйков пишет: «…Что касается риска, то на войне нередко приходится идти на него. Но в данном случае риск был вполне обоснован. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60–80 км».

Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые и 3–4 общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение. Опыт войны показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться… «Если мы объективно оценим силу группировки войск гитлеровцев в Померании, — пишет Чуйков, — то убедимся, что с их стороны любая угроза нашей ударной группировки на берлинском направлении вполне могла быть локализована войсками 2-го Белорусского фронта». Действительность опровергает это утверждение. Вначале задачу по разгрому противника в Восточной Померании намечалось решить именно силами 2-го Белорусского фронта, но их оказалось далеко не достаточно. Начавшееся 10 февраля наступление 2-го Белорусского фронта протекало очень медленно. За 10 дней его войска смогли продвинуться лишь на 50–70 километров. В то же время враг предпринял в районе южнее Штаргарда контрудар, и ему даже удалось потеснить наши войска и продвинуться в южном направлении до 12 километров.

Оценивая сложившееся положение. Ставка Верховного Главнокомандования решила в целях ликвидации гитлеровцев в Восточной Померании, силы которых к этому времени возросли до сорока дивизий, привлечь четыре общевойсковые и две танковые армии 1-го Белорусского фронта».

У читателей жуковских мемуаров может создаться впечатление, что инициатором поворота основных сил фронта в Восточную Померанию был чуть ли ни сам Георгий Константинович. Он ведь благоразумно не упоминает план Берлинской наступательной операции от 10 февраля. Но, что характерно, не цитирует и никаких документов за своей подписью, содержащих предложения о повороте в Померанию.

Если бы такие документы существовали в природе, вряд ли бы маршал упустил возможность продемонстрировать на их примере свою проницательность. Когда пишут: «Ставка Верховного Главнокомандования решила…», то подразумевают: «Сталин решил…». Без одобрения Верховного ни одно стратегическое решение не принималось. Жуков, правда, пытается убедить читателей, будто наиболее важные решения, начиная со Сталинграда, Сталин чаще всего принимал по его, Жукова, совету. Но так ли обстояло дело в случае с февральским наступлением на Берлин?

Давайте послушаем командующего 2-м Белорусским фронтом Рокоссовского. Как он оценивает перспективы наступления на Берлин и угрозу со стороны Восточной Померании, против которой действовал его фронт? «Наше внимание уделялось скорейшему продвижению на запад, чтобы надежно обеспечить от возможных ударов с севера войска 1-го Белорусского фронта, — писал Рокоссовский, — особенно его танковые армии… Сомнения возникли, когда 2-му Белорусскому фронту Ставкой было приказано 20 января повернуть 3-ю, 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую и 2-ю ударную армии на север и северо-восток для действий против восточнопрусской группировки противника вместо продолжения наступления на запад. Ведь тогда их войска уже прорвали оборону противника и подходили к Висле в готовности форсировать ее с ходу.

Полученная директива фактически в корне меняла первоначальную задачу фронту, поставленную Сталиным в бытность мою в Ставке (в ноябре 44-го. — Б. С.). Тогда ни одним словом не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским фронтом в окружении восточнопрусской группировки войск противника… По полученной же директиве основной задачей ставилось окружение восточнопрусской группировки противника ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф. Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, имея на левом крыле всего две армии. С этого момента началась растяжка фронта, так как большая часть наших сил наступала на северо-северо-восток, а меньшая на запад… Неужели даже в той обстановке Ставка не видела, что оставшимися силами фронт выполнить прежнюю задачу не сможет? А ведь я лично дважды беседовал по этому вопросу по ВЧ с Антоновым».

Еще 20 января 1945 года Сталин перенацелил основные силы фронта Рокоссовского с Восточной Померании на Восточную Пруссию. А что же произошло 10 февраля, когда 2-й Белорусский начал давно ожидавшееся наступление против восточнопомеранской группировки? Рокоссовский свидетельствует:

«…Совсем уже непонятным было решение Ставки о передаче вообще всех четырех армий — 50, 3, 48-й и 5-й гвардейской танковой — 3-му Белорусскому фронту в самый решительный момент, когда войскам 2-го Белорусского фронта предстояло, не задерживаясь, преодолеть такой сильный рубеж, каким являлась Висла в ее нижнем течении. После того как войска нашего фронта вышли к морю у Эльблонга (Эльбинга) и к заливу Фриш-Гаф, отрезав восточнопрусскую группировку противника, отразили все попытки этой группировки прорваться на запад, достаточно было прикрыть это направление 50-й и 3-й армиями, передав их 3-му Белорусскому фронту, 5-ю же гвардейскую танковую и 48-ю армии нужно было немедленно освободить, оставив их в составе нашего фронта для продолжения действии на западном направлении. Такую задачу Ставка нам опять-таки поставила, а войска не возвратила, зная заранее, что теми силами, которые остались в составе нашего фронта, эта задача выполнена быть не может… 10 февраля, когда мы еще не завершили перегруппировку войск, прибыла директива Ставки о передаче 3-му Белорусскому фронту четырех армий: 50, 3, 48 и 5-й гвардейской танковой. 2-й Белорусский фронт от участия в операции против восточнопрусской группировки противника освобождался, и ему предстояло выполнение первоначальной задачи — наступать в общем направлении на Бублиц, взаимодействуя с 1-м Белорусским фронтом… На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки… а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на

берлинском направлении явно было нецелесообразным».

Рокоссовский, как и Чуйков, считал, что наступление на Берлин в феврале 45-го было вполне реальным делом. Для его гарантированного успеха требовалось только немного повременить с ликвидацией восточнопрусской группировки противника, которая из-за своей удаленности все равно никак не могла повлиять на ход событий на берлинском направлении. Из мемуаров бывшего командующего 2-м Белорусским фронтом следует, что как раз 10 февраля, когда Жуков представил план Берлинской операции, а Рокоссовский начал наступление в Восточной Померании, Сталин фактически отказался от немедленного взятия Берлина, перенацелив основные силы 2-го Белорусского фронта на Восточную Пруссию, а против восточнопомеранской группировки двинув, в свою очередь, часть сил 1-го Белорусского фронта. Данное решение никак не вытекало из военно-стратегической обстановки. Более того, даже после поворота четырех армий Рокоссовского против восточнопрусской группировки немецкие войска в Померании оказались не в состоянии выделить достаточно сил для глубокого удара по тылам 1-го Белорусского фронта, которого будто бы опасался Жуков.

Здесь интересно обратиться к немецким источникам. Вот что пишет по поводу контрудара из Померании во фланг 1-го Белорусского фронта Гудериан: «…Я решил еще раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином. Наступление должно было развиваться в южном направлении из района Пиритц, Арнсвальде и в северном направлении с рубежа Глогау, Губен. Этим я надеялся усилить оборону столицы Рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами. Для успешного проведения этой операции необходимо было быстро вывести войска из Балканских стран, Италии, Норвегии и, в первую очередь, из Прибалтики. Этот план я предложил Гитлеру… в первых числах февраля. Все мои предложения относительно оставления этих территорий он отклонил… От задуманного плана наступления осталась лишь идея удара из района Арнсвальде с целью разгромить русских севернее реки Варта, укрепиться в Померании и сохранить связь с Западной Пруссией.

15 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса была готова к наступлению. Утром 16 февраля она перешла в наступление… 16 и 17-февраля наступление проходило весьма успешно; мы начали надеяться, несмотря на, все трудности и сомнения, на удачу этой операции, рассчитывая получить время, необходимое для принятия дальнейших мероприятий».

Однако уже 18-го наступление застопорилось. Гудериан объяснял это тем, что накануне был тяжело ранен в автокатастрофе генерал Вальтер Венк, руководивший операцией, вследствие чего разладилось управление войсками. Вряд ли такое объяснение справедливо. Наступление из Восточной Померании изначально было обречено на провал. Ведь в немецкой 3-й танковой армии было всего лишь 6 дивизий, значительно потрепанных в предшествовавших боях и не имевших достаточно горючего и боеприпасов. Гудериан торопил с контрударом и не стал дожидаться подвоза всего необходимого снабжения. Этими силами не то что отрезать от переправ советские войска на одерских плацдармах не было никакой возможности (об этом германское командование не помышляло — что смогли бы сделать 6 немецких дивизий против 6 советских армий!), но даже более ограниченную задачу восстановления сухопутной связи между Восточной Померанией и Западной Пруссией выполнить не удалось. Кстати сказать, предложенный Гудерианом план быстрой эвакуации германских войск с второстепенных театров был неосуществим. Для вывоза морем не хватало судов, а состояние путей сообщения в Итальянских Альпах и на Балканах не позволяло войскам сражавшихся там групп армий «Юго-Запад» И «Юго-Восток» прибыть на Одер до начала возможного советского наступления, первоначально запланированного Жуковым, напомню, на 19–20 февраля.

Единственным правдоподобным объяснением принятого Сталиным 10 февраля решения отложить наступление на Берлин будет следующее. Верховный Главнокомандующий всерьез опасался, что после падения Берлина немцы будут стремиться сдаться только войскам западных союзников, которые и займут все удерживаемые вермахтом территории не только на Западе, но и на Востоке. Иосиф Виссарионович боялся, что англо-американские десанты высадятся в Восточной и Западной Пруссии, в Померании, в Западной Венгрии и даже в далекой Курляндии. Как раз с 4 по 11 февраля проходила конференция руководителей трех союзных держав в Ялте, где Черчилль и Рузвельт согласовали со Сталиным границы зон оккупации в

Германии и Австрии. Восточная Германия вместе с Берлином, Померания и Восточная Пруссия отдавались под советский контроль. Никаких планов отправки союзных войск в эти регионы не существовало в природе, даже в виде чисто гипотетического варианта. Однако Сталин, похоже, не вполне доверял своим западным Партнерам и решил подстраховаться. Вместо того чтобы двигаться на Берлин, советские дивизии в феврале и марте атаковали померанскую, восточнопрусскую и курляндскую группировки противника. Наступление в Курляндии вообще не имело никакого смысла. Там все равно скопилось избыточное для данной протяженности линии фронта количество немецких войск, а возможность их эвакуации в Германию ограничивалось только пропускной способностью курляндских портов и наличием морского тоннажа. В конце марта бывший начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л.М. Сандалов, только что назначенный на ту же должность на 4-й Украинский фронт, говорил начальнику Генштаба А.И. Антонову: «Для разгрома курляндской группировки у 2-го Прибалтийского фронта сил маловато, а для активной обороны более чем достаточно. Одну, а то и две армии оттуда можно снять». Однако, как признает Леонид Михайлович, из Курляндии «Ставка почти ничего брать не стала».

Внезапная остановка советского наступления на Берлин породила у Гитлера надежду на возможность сепаратного мира с Советами. 5 марта Геббельс записал в дневнике: «Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжать войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушителем спокойствия в Европе. Если бы она была окончательно изгнана из Европы, то мы жили бы, по крайней мере, известный период времени в условиях спокойствия. Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с востока приходят и откатываются, а Европа должна с ними справляться».

В политической дальновидности Гитлеру и Геббельсу не откажешь. С советским вторжением 45-го года Европа справилась менее чем за полвека — к началу 90-х. Только вот расчеты на сепаратный мир со Сталиным были построены на песке. Советский вождь не питал никакой любви к Англии и Америке, но начать разборки со своими вынужденными союзниками собирался

только после сокрушения Рейха. Пример молниеносного возрождения германской военной машины после поражения в Первой мировой войне был у всех перед глазами. Также Черчилль, Рузвельт и сменивший Рузвельта Трумэн, не испытывая ни малейшей симпатии к коммунизму, отвергали идею сепаратного мира с Гитлером. Потенциально Германия была более опасным врагом для них, чем Советская Россия, и оставлять Рейх побежденным, но не сломленным, с диктаторским террористическим режимом, совсем недавно завоевавшим почти всю Западную Европу, было бы слишком опасно.

В период подготовки несостоявшегося февральского наступления на Одере произошел один трагикомический случай. Вот записка Жукова командующему 1-й гвардейской танковой армией М.Е. Катукову, датированная 1 февраля 1945 года:

«В собственные руки т. Катукову, Попелю (члену Военного совета армии Катукова. — Б.С.). Я имею доклады особо ответственных лиц о том, что т. Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета Катуков в корпусах сейчас не имеет, и даже Шалин (начальник штаба армии. — Б. С.) и командиры штаба вокруг Катукова ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катуков как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.

2) Немедля отправить от Катукова женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органам СМЕРШ.

3) Катукову заняться делом.

Если Катуков не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командармом».

Эту красноречивую записку впервые обнародовал писатель Владимир Карпов. Он сам — боевой разведчик. Герой Советского

Союза, полковник Генерального штаба. И комментирует сей красноречивый документ прямо-таки с умилением: «Кое-кто, торжествуя после достигнутых успехов, начал погуливать в ущерб делу. Жуков нелицеприятно пресекал такие проступки… Маршал не был злопамятным, он оценивал людей по их делам и поступкам, и, когда генерал Катуков исправился и очень умело руководил армией в последующих боях, маршал Жуков написал на него прекрасное представление к награде, и Катукову всего через два месяца после того неприятного письма было присвоено звание дважды Героя Советского Союза».

Карпов простодушно полагает, что публикация записки «не повредит» авторитету Катукова. На самом деле повредит, ох как повредит, и не только авторитету Катукова, но в еще большей степени авторитету Жукова. Представим себе, что в немецкой армии фельдмаршал Клюге пишет записку генералу Гудериану:

«Если Вы немедленно не уберете от себя девку, с которой живете, я прикажу тайной полевой полиции изъять ее».

Или в американской генерал Эйзенхауэр любезно сообщает генералу Паттону:

«Дорогой Джордж! Если Вы не прекратите связь с известной Вам женщиной, я вынужден буду настаивать на том, чтобы чины военной полиции удалили ее из армии».

Какой была бы реакция подчиненных генералов на столь бесцеремонное вторжение начальства в их личную жизнь? Съездили бы они начальников по морде или вызвали на дуэль? У Клюге с Гудерианом дело, действительно, чуть не дошло до дуэли, правда, совсем по-другому поводу. Но, вообще, подобные записки может рождать только мое воображение. Потому что в западных армиях в принципе отсутствовал институт «походно-полевых жен», пышным цветом расцветший в военные годы в Красной Армии, Холостые солдаты и младшие офицеры немецкой, американской и британской армий удовлетворяли свои сексуальные потребности с помощью проституток и даже получали дополнительные выплаты на лечение венерических болезней. Для старших же офицеров и генералов секс на стороне был вещью предосудительной, имевшей неприятные последствия. Гитлер уволил в отставку военного министра фельдмаршала Бломберга, когда выяснилось, что его жена в молодости недолгое время занималась проституцией. Фюрер не раз предлагал

фельдмаршалу вернуться на службу, ставя единственным условием развод со скомпрометированной женой, однако Бломберг остался верен любимой женщине. Вообще же, развод или открытое сожительство с любовницей если не ставили крест, то сильно затрудняли карьеру любого офицера или генерала западных армий.

В Красной Армии в годы войны на наличие «походно-полевых жен» смотрели сквозь пальцы, хотя порой и случались эксцессы, вроде, гневной записки Жукова Катукову. После войны «ППЖ» вновь оказались как бы вне закона, и «аморалка» опять заняла важное место в работе партбюро и политорганов. Георгию Константиновичу это еще предстояло испытать.

Нередко «походно-полевые жены» становились законными супругами, как у маршалов Ерёменко и Конева (последний к моменту встречи со своей фронтовой возлюбленной уже расстался со своей первой женой). «ППЖ» была и у генерала Власова, причем Андрей Андреевич сумел скрыть существование законной супруги и уверить свою новую любовь, что вступил с ней, фронтовым военврачом, в законный брак, и даже взял у любовницы документы будто бы для оформления этого мнимого брака. Параллельно Власов писал обеим женам, теплые, душевные письма, где признавался каждой: «Ты у меня одна!» Еще сообщал, какое неизгладимое впечатление произвела на него встреча с товарищем Сталиным, как он, Власов, гонит и будет гнать фашистских захватчиков прочь с советской земли. Когда Власов пропал без вести, «походно-полевая жена» сама накликала на себя беду: стала выяснять, почему ей не перечисляют деньги на аттестат мужа. Где надо, разобрались и решили так: законной жене — восемь лет лагерей как члену семьи изменника родины, а походно-полевой — только пять.

Георгий Константинович, по крайней мере, не скрывал, что женат, но «ППЖ», как и многие другие, имел. Интересно, как бы Жуков посмотрел на записку иди устный выговор со стороны Верховного Главнокомандующего примерно следующего содержания: «Товарищ Жуков, немедленно уберите от себя эту девку, а то я прикажу начальнику СМЕРШ товарищу Абакумову немедленно изъять ее как вредный элемент. Живете с бабой, а руководство наступлением на Берлин совсем запустили, понимаете ли!..» Наверняка, в душе возмутился бы, а в нецензурированной версии мемуаров написал бы что-нибудь о самодурстве и хамстве тирана. Вот только о своей собственной

записке Катукову Жуков так никогда не думал, хотя иначе как хамской, и самодурской ее не назовешь. Впрочем, и Михаил Ефимович хорош. Раз Жуков не только не снял его с должности, но и представил к званию дважды Героя Советского Союза, значит, Катуков покорно снес унижение, сам, без вмешательства СМЕРШа, отослал от себя любовницу. А как поступил на его месте сам Жуков? «В минуту жизни трудную», как мы сейчас увидим, Жуков отрекся от «походно-полевой жены».

Теперь, когда наше повествование дошло до последнего крупного сражения Великой Отечественной войны — битвы за Берлин, самое время поговорить о фронтовой возлюбленной Жукова Лидии Владимировне Захаровой. Вот что вспоминает шофер маршала Александр Николаевич Бучин в интервью с корреспонденткой «Комсомольской правды» Ириной Мастыкиной: «Лида Захарова появилась в нашей маленькой группе обслуживания Жукова в дни битвы под Москвой, осенью 41-го года. Георгий Константинович тогда расхворался, и к нему прикомандировали фельдшера — младшего лейтенанта медслужбы Захарову. Худенькая, стройная, она была для нас, как солнечный лучик. Более незлобливое существо трудно себе было представить. К ней быстро привязались мы все, в том числе и Жуков. Но она никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем генерала армии. Поэтому не отходила от него ни на минуту. И на передовую с Жуковым ходила… Мы-то — водители, адъютанты, ординарцы, охранники и даже политработники — оставались у машин, а они вдвоем шли на передовую. Жуков на дух не переносил присутствия этих во время поездок по фронтам, а Лиду всегда с собой брал. От нее была польза — порошок там дать, банки поставить, спину растереть, да и просто настроение поднять ласковым словом… Застенчивая и стыдливая Лидочка (по позднейшей фотографии 1979 года этого никак не скажешь: перед нами женщина с решительным, властным лицом. — Б.С.) терпеть не могла грубостей и сильно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от ее заботы. Иной раз уходила от него в слезах. Свой нрав Жуков не укорачивал даже с ней, хотя и любил Лиду, но как-то по-своему, сурово („суровый славянин, он слез не проливал“, если слегка перефразировать Пушкина, в 200-летний юбилей которого я дописываю эту книгу. — Б.С.). И тиранил ее, бывало, и по-солдатски посмеивался над ней, но от себя никуда не отпускал. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы, но Лида оставалась».

На вопрос корреспондентки, как же все-таки любил Жуков Лиду Захарову, Александр Николаевич ответил: «Робко. Она не пыталась переделать грозного военачальника, а просто безропотно ждала, когда он станет другим. Но, к сожалению, так и не дождалась». Своих отношений, по словам Бучина, Георгий Константинович и Лида особо не афишировали. На людях Лида постоянно соблюдала дистанцию. В машине с нами не ездила. Только сзади, с охранниками. Жила, правда, в одном вагоне с Жуковым. Но там же жили и три генерал-лейтенанта…

Однажды, в июле 44-го года, в нашей маленькой группе был праздник — мы поздравляли Георгия Константиновича с награждением второй медалью Золотая Звезда Героя Советского Союза. И Лиде поручили вручать Жукову громадный букет. Видели бы вы это вручение! От смущения она была просто пунцовой, не смела даже поднять глаз на своего кумира. Как в тот момент Лида была трогательна в своем отглаженном форменном платьице с лейтенантскими погонами, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»! Даже взгляд Жукова потеплел. Нам показалось, что в тот момент он был гораздо счастливей, чем когда-либо».

Бучин признал, что маршал был далеко не равнодушен не только к одной Захаровой, но и к другим женщинам: «Он очень любил общаться с женщинами. Помню, в Берлине, после войны к нам приехали артисты из Киева. Так после представления Георгий Константинович с какой-то актрисой уехал кататься на моторной лодке. Мы все волновались, как бы они не разбились… А в другой раз, на Курской дуге, мы подвезли девушку до дому. Ехали на своем „Паккарде“, а она идет по полю. Ну Жуков велел притормозить. Пригласил ее в машину и всю дорогу шутил. Он был очень внимателен к женщинам».

Повышенный интерес Жукова к представительницам прекрасного пола подтверждается и другими свидетельствами. Вторая жена Конева Антонина Васильевна вспоминала о своем знакомстве с Иваном Степановичем на Калининском фронте:

«В штаб он обычно только к ночи добирался и, вместо того чтобы спать, все в любви мне объяснялся. Конечно, мне это очень нравилось, но я ему всегда говорила: „У тебя есть семья, жена, и между нами ничего не может быть“. А потом как-то приехал Жуков в штаб фронта и прислал свою машину и адъютанта за мной — очень хотел встретиться со мной и поговорить. Я,

конечно, поехала. Вначале он сам пробовал за мной ухаживать, а потом сказал: „Я знаю, у Ивана Степановича с семьей очень плохие отношения“. Посоветовал мне почаще заглядывать в энциклопедию — видимо, считал, что я должна развиваться. После этого разговора я больше поверила Ивану Степановичу. Когда Конев узнал об этой встрече с Жуковым, то устроил мне грандиозный скандал: „Как? Ты встречалась с Жуковым? Что он от тебя хотел? Зачем поехала к нему?“ Он очень хорошо знал Жукова, был наслышан о его романах. Иван Степанович переживал, что Жуков мне больше понравится».

Певица Лидия Андреевна Русланова, арестованная в 1948 году вслед за мужем генерал-лейтенантом Владимиром Викторовичем Крюковым, на вопрос следователя: «Что за ссора была между вами и Жуковым?» показала: «На именины Максима Дормидонтовича Михайлова (баса Большого Театра; не менее знаменитого, чем Русланова. — Б. С.) я приехала после концерта. Все были изрядно навеселе. Я этого не учла. Начала шутить, острить, рассказывать анекдоты. И вдруг Жуков оборвал одну из моих острот, причем как-то резко, по-солдатски. Я обиделась. Да и у других гостей настроение испортилось. Но Жуков этого не заметил: в тот вечер он увлекся молодой женой одного генерала и все время с ней танцевал. Потом они вышли в коридор и надолго пропали. И этот генерал, и все остальные сидели как вкопанные, только Александра Диевна, заподозрив неладное, отправилась в коридор (генерал-то наверняка все понял, но в коридор не пошел, предпочитая оставаться с рогами, зато при погонах! — Б. С.) — и натолкнулась на целующуюся парочку. Александра Диевна тут же подняла шум: „Вы только подумайте, я выхожу в коридор, а он целуется с чужой женой!“ Генерал сидел не шелохнувшись. А Жуков попытался превратить все в шутку. „Ну что тебе, жалко, если я ее один раз поцеловал?“ — улыбнулся он Александре Диевне. Так все и закончилось. К этому моменту я тоже перестала дуться — и веселье пошло своим чередом». В правдивости этих показаний трудно усомниться.

В свете рассказанного Руслановой и вдовой Конева с большим доверием начинаешь относиться и к заявлению жуковского адъютанта Алексея Сидоровича Сёмочкина, написанному в следственном изоляторе МГБ. По утверждению И. Мастыкиной, в архиве госбезопасности «до сих пор хранится заявление адъютанта Жукова Сёмочкина, в котором он обвиняет своего начальника в разврате с женщинами в служебном кабинете, после чего тот будто бы награждал их орденами и

медалями». Опубликован жуковский ответ на эти обвинения, представленный секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову 12 января 1948 года: «Обвинение меня в распущенности является ложной клеветой, и она нужна была Сёмочкину для того, чтобы больше выслужиться и показать себя раскаявшимся, а меня — грязным. Я подтверждаю один факт — это мое близкое отношение к Захаровой, которая всю войну честно и добросовестно несла свою службу в команде охраны и поезде Главкома. Захарова получала медали и ордена на равных основаниях со всей командой охраны, получала не от меня, а от командования того фронта, который мною обслуживался (замечательный глагол! — Б. С.) по указанию Ставки. Вполне сознаю, что я также виноват и в том, что с нею был связан, и в том, что она длительное время жила со мною (да, слаб оказался маршал, предал ту, которую любил и которая его любила; правда, здесь им двигал страх не только за карьеру, но и за саму жизнь: Георгий Константинович опасался, что Сталин собирается отправить его „в штаб Тухачевского“. — Б.С.). То, что показывает Сёмочкин, является ложью. Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах, о которых так бессовестно врет Сёмочкин. К-ва действительно была арестована на Западном фронте, но она была всего лишь 6 дней на фронте, и честно заявляю, что у меня не было никакой связи».

В объяснении Георгия Константиновича сразу бросаются в глаза некоторые несообразности. Действительно, Лиду Захарову, как и других людей из охраны и обслуги Жукова, награждало командование того фронта, где в тот момент находился маршал, но без жуковского участия такие дела все равно не делались. Как все это происходило, рассказал на следствии уже упоминавшийся друг Жукова генерал Владимир Викторович Крюков: «Все мы старались перещеголять друг друга, на всё лады восхваляя Жукова, называя его новым Суворовым, Кутузовым, — и Жуков принимал это как должное. Но особенно ему нравилось то, что Русланова прилюдно стала его называть „Георгием Победоносцем“. Надо сказать, что он не забывал нас поощрять. В августе 1944-го, когда Жуков был представителем Ставки на 1-м Белорусском фронте, я пожаловался ему, что меня обошли наградой за взятие города Седлец. Жуков тут же позвонил Рокоссовскому и предложил ему представить меня к награждению орденом Суворова 1 степени. Это указание было незамедлительно выполнено, и я был награжден. Точно так же, превысив свои полномочия, он наградил и мою жену Русланову. Когда Жуков стал Главкомом сухопутных войск, он взял меня к себе и назначил начальником Высшей кавалерийской школы. Он же

помог мне получить еще одну квартиру, третью по счету».

Историю своего награждения поведала на допросе Русланова: «Справедливости ради я должна сказать, что если бы не была Женой Крюкова и не была лично знакома с Жуковым, то навряд ли меня бы наградили орденом. А получила я его во время празднования годовщины со дня организации корпуса, которым командовал Крюков. На праздник был приглашен Жуков, командующие армиями Рыбалко, Федюнинский и другие. На параде я не присутствовала, так как занималась подготовкой к банкету. И вдруг за мной приехал адъютант Крюкова и сказал, что меня просят на трибуну. Когда я поднялась на трибуну, ко мне подошел генерал Телегин и объявил, что по приказу Жукова я награждаюсь орденом Отечественной войны 1 степени… Как я поняла со слов Крюкова, решение наградить меня у Жукова возникло неожиданно. Когда маршал увидел проходившую мимо Трибуны батарею „катюш“, построенную на мои средства, он спросил, награждена ли я каким-нибудь орденом. Когда ему ответили, что я никаких наград не имею, Жуков распорядился меня наградить. Здесь же был отпечатан приказ — и я получила орден. Откровенно говоря, мне было как-то неловко, что я получила орден не обычным порядком, а как-то по-семейному». Так появился приказ от 24 августа 1945 года, подписанный Жуковым и Телегиным: «За успешное выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами — награждаю орденом Отечественной войны 1 степени Русланову Лидию Андреевну». Дело закончилось тем, что в июне 47-го года Жуков получил партийный выговор за неправильное награждение артистски, а бывший член Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин тогда же за награждение Руслановой был не только наказан в партийном порядке, но и уволен из рядов Советской Армии.

Не берусь судить, соответствуют ли фронтовые концерты Руслановой и ее денежные пожертвования на батарею «катюш» статусу ордена Отечественной войны, да еще и 1 степени, или нет. Это и неважно. Важнее другое. Крюков был старый друг Жукова. Когда в Белоруссии Георгий Константинович командовал 4-й кавалерийской дивизией, Владимир Викторович командовал в этой дивизии полком. Вот и захотел Жуков порадовать друга — в годовщину создания крюковского корпуса наградил его жену и

свою искреннюю почитательницу высоким военным орденом. Без всяких представлений, мгновенно, одним росчерком пера. И точно так же Георгий Константинович мог наградить любую из своих фронтовых любовниц.

Заявление-донос Сёмочкина до сих пор не опубликовано. Поэтому нельзя сказать, основывался ли адъютант на каких-то слухах и собственных предположениях или лично застал когда-нибудь маршала в положении «человека, похожего на генерального прокурора Юрия Скуратова» с известной видеокассеты. Не знаем мы, кто была загадочная К-ва, судя по всему, арестованная как немецкая шпионка, и были ли у нее в действительности интимные отношения с Жуковым или нет. Не знаем также, было ли у маршала несколько фронтовых подруг или одна только Лида Захарова, но у меня нет сомнений, что, по меньшей мере, в одном пункте своего объяснения Георгий Константинович говорил неправду. «Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах…». Неужели они с Лидой занимались любовью только на природе? На природе, конечно, тоже могли заниматься, но, думаю, в большинстве случаев местом их свиданий были самые что ни на есть служебные помещения: вагонные купе, блиндажи, комнаты штаба. Но маршалу надо было попробовать доказать, что он не занимался развратом в служебное время и на своем рабочем месте. Иначе бы товарищ Сталин мог задаться тем же вопросом, что и Жуков по отношению к Катукову: в напряженной боевой обстановке маршал, получается, находит еще и время на личную жизнь, тогда как я сам, Верховный Главнокомандующий, и мои соратники по Политбюро и Ставке буквально горим на работе без сна и отдыха. От баб, мол, и были у Жукова неудачи, вроде той, что случилась в начале Берлинской операции. Тут не только с поста могут снять, но и разжаловать в генерал-майоры, как в свое время маршала Кулика.

Бучин заявление Сёмочкина не подтверждает: «Враки! Чистой воды клевета. За восемь лет работы с Жуковым Лида Захарова дослужилась лишь до звания лейтенанта. А уж сколько эта женщина ему помогала! Не спорю, Жуков любил общаться с женщинами, очень хорошо к ним относился, но никогда при этом не переходил допустимой грани. И нам запрещал. Вот, например, в одном из вагонов нашего состава жили связистки, так Георгий Константинович нам вожжаться с ними запретил. Соблюдал чистоту нравов. К чему это? Каждый должен выполнять свою работу. Жукову просто было не до баб. Он больше заботился о

том, как разбить противника».

Интересное дело! Семейному маршалу иметь дополнительно «походно-полевую жену» не возбраняется, а его охране о том, чтобы крутить фронтовую любовь, и думать не смей — порча нравов выйдет. Георгия Константиновича Лида от работы никак не отвлекает, наоборот, помогает, а вот охранников да шоферов шашни со связистками до добра не доведут, помешают исполнять боевой долг — беречь драгоценную маршальскую жизнь!

Тут обычный для Жукова двойной моральный стандарт. Себе, любимому, все прощается, все считается чуть ли не добродетелью, а прикрепленные — ни-ни! Не смей нарушать моральный Кодекс строителей коммунизма, храни семейный очаг, и никакого разврата! И что любопытно, подобную двойную мораль восприняли и люди из жуковского окружения, тот же Бучин. С кем поведешься…

Насчет того, что у Жукова на женщин времени не оставалось, Александр Николаевич, похоже, добросовестно заблуждался. Мы уже убедились, что в суровые фронтовые будни и для возлюбленной Конева время нашлось, и для молодой жены какого-то генерала Георгий Константинович урвал минутку-другую после банкета, и киевскую артистку на моторной лодке успел покатать, правда, уже после Победы, когда вроде стал посвободнее. Да и не посвящал Жуков шофера в свои любовные похождения и другие интимные подробности собственной жизни. Ведь признает же Бучин, что Жуков ничего не говорил ему о своей дочери от первого брака Маргарите, и о ее существовании он узнал только на похоронах Жукова, когда впервые увидел Маргариту Георгиевну: «До смерти Жукова о ее существовании никто из наших и не подозревал, даже наш чекист Бедов». Жуков очень тщательно скрывал этот факт своей биографии от окружающих. В курсе, как я узнал позднее, были только его адъютант по особым поручениям Сёмочкин и Лида Захарова. Время от времени по просьбе Георгия Константиновича Сёмочкин передавал от него Маргарите письма и какие-то вещи. Отвезла что-то разок Маргарите и Лида, но лишь когда в 46-м возвращалась из Берлина в Москву».

Чувствуется, что Алексей Сидорович Сёмочкин до своего взлета пользовался полным доверием у Жукова и выполнял самые деликатные поручения маршала. Так что он вполне мог быть в курсе всех романов Георгия Константиновича, о которых не знали

другие из ближнего жуковского круга.

Чем же закончилась история с Лидой Захаровой? Бучин вспоминает: «Александра Диевна откуда-то знала, что рядом есть соперница. Но вида не подавала. Уже много лет спустя, в Москве, она как-то не выдержала и всплакнула: „Я ему тут портянки стирала, а у него на фронте, Александр Николаевич, другая была!“ Ну я промолчал. Чего бередить старые раны!» По утверждению дочери Жукова Эры, связь мужа с Лидой Александра Диевна переживала молча: «Во время войны отец жил с женщиной — своим фельдшером Лидой Захаровой. После контузии у него часто возникали боли в пояснице, он плохо слышал, к нему и прикомандировали медработника (в действительности, контузия была в 43-м, а Лида была с Жуковым с осени 41-то — военачальникам такого уровня полагался личный фельдшер. — В.С.). Случайно мама об этом узнала. Переживала очень, но никаких скандалов отцу не закатывала (может, и закатывала, но не в присутствии детей. — Б. С.). Всегда по этому поводу деликатно отмалчивалась. Она знала, каким интересным мужчиной был отец и как на него вешались женщины. К тому же на войне свои законы… К счастью, Лида оказалась порядочным человеком. Никогда ничего у отца не требовала и даже о себе не напоминала… Поэтому мы и узнали о ней совсем недавно. От шофера отца, который возил его всю войну».

Порядочность Лиды подтверждает Бучин: «После войны Георгий Константинович не захотел расставаться с фронтовой подругой и взял ее с собой в Одессу. Но от Александры Диевны это утаил. Он тоже оберегал семью, не хотел никаких ссор и разладов. Александра Диевна ведь часто тогда приезжала к мужу: на все лето с детьми, зимой на школьные каникулы, да и одна на недельку порой выбиралась. У них были прекрасные отношения. Столько лет вместе! Зачем было все это ломать и лишний раз жену тревожить? Ну, а когда она уезжала в Москву, Лида перебиралась в дом Жукова. Так и жили… Она была очень порядочной женщиной. Ей дважды предоставлялась возможность женить на себе маршала. Лида дважды была от него беременной, причем оба раза мальчиками. Но не позволила себе иметь детей от женатого человека, хоть и очень любимого. Об этом она рассказывала мне, когда мы были уже пожилыми».

А вот внук Жукова Георгий, основываясь на воспоминаниях своей матери Маргариты. Георгиевны, настаивает на том, что вторая жена деда отнюдь не молчала, видя, как развивается

роман маршала с Лидой: «В 46-м году Александра Диевна написала заявление в органы НКВД с просьбой убрать Лиду Захарову из Одессы, куда она уехала вместе с дедушкой из Москвы, продолжая работать его личным фельдшером. После этого заявления Лиду тихо уволили с работы, но она не оставила дедушку. И, несмотря на разные чекистские провокации, телефонные звонки, последовала за ним из Одессы в Свердловск, где жила до 1951 года в квартире, которую дед для нее снял».

Возможно, здесь что-то напутано, и в действительности Лиду уволили не из-за письма Александры Диевны, а в связи с заявлением Сёмочкиа. Но что письма в инстанции насчет Лиды Захаровой вторая жена Жукова действительно писала, можно не сомневаться. Это ее стиль. Вспомним, что было заявление Александры Диевны в партбюро насчет Марии Волоховой. Позднее она писала подобные письма и по поводу Галины Семеновой, третьей и последней жены маршала. Александра Диевна безуспешно пыталась вернуть любовь Георгия Константиновича. По утверждению Маргариты Георгиевны и ее сына Георгия, со слов самого Жукова, сказанных в сердцах в 53-м году, когда обстоятельства вынудили его зарегистрировать брак с Александрой Диевной, интимные отношения с ней были прекращены еще в 41-м году. Так что фактически Лида Захарова в годы войны была почти в таком же положении, как и будущая вторая супруга Конева. Но этим положением так и не воспользовалась, хотя вполне могла.

Маршал мечтал иметь сына — наследника своей военной профессии, а Лида оба раза была беременна от него сыновьями. Но не захотела иметь от Георгия Константиновича детей. Родись у Лиды сын — и Жуков, я думаю, мог окончательно уйти к ней; или бы несколько лет старался бы жить на два дома, как было сначала с Марией Николаевной и Александрой Дневной, а впоследствии с Александрой Дневной и Галиной Александровной, Но Лида Захарова все же не решилась соединить с Георгием Константиновичем свою судьбу. Что-то ее в нем отпугивало, может быть, жестокость, стремление всецело подчинить себе, даже близкого человека, сильный эгоизм. Видно, много пришлось натерпеться ей от любимого.

Подозреваю, что после 48-го года, когда Жукову пришлось униженно каяться в ЦК по поводу романа с Лидой, он интимные отношения с ней прекратил. Понимал, что под колпаком у МГБ. Вместе с тем, маршал разрешил Лиде оставаться в одном с ним

городе, даже снял ей квартиру. А Лиде теперь только и надо было, чтобы хоть изредка видеть своего возлюбленного. Она надеялась на чудо. Только когда в жизнь Жукова вошла в Свердловске военврач Галина Семенова, Лида Захарова тихо вернулась в Москву. Как рассказывал Бучин, там она сначала жила с матерью и сестрой на Покровском бульваре. Потом Жуков, став министром обороны, помог Лиде с мужем получить отдельную квартиру. Да и жениха, так получилось, сосватал ей, сам того не ведая, Георгий Константинович. Вот что рассказывает Маргарита Жукова: «Где-то году в 52-м, когда я уже заканчивала МГУ, отец спросил, есть ли у меня молодой человек? „Да что ты! — удивилась я. — Я вся в науке!“ Отец со мной не согласился, сказав, что друг — важный компонент в жизни каждого человека, и тайно поручил Лиде Захаровой подыскать мне жениха, Лида тогда почему-то выбрала связиста Валю Игнатюка (Бучин называет мужа Лиды моряком. — Б. С.) и, ничего об этом не говоря, назначила мне в метро встречу. Якобы для того, чтобы передать что-то там от отца. Я на ее спутника совершенно никак не отреагировала. Поздоровалась, отвернулась и стала разговаривать с Лидой. А потом пошла по своим делам. За этого Валю Игнатюка позже Лида и выйдет замуж, поскольку он ей приглянулся».

С Валентином Игнатюком Лида наконец нашла свое счастье. Они прожили вместе почти сорок лет, пока в начале 90-х бывшая возлюбленная Жукова не погибла в автокатастрофе. Мир ее праху!

Не знаю как у тебя, читатель, а у меня эта женщина вызывает симпатию, большую, чем сам Жуков. Она, как кажется, пыталась сделать грозного маршала хоть чуточку человечнее. И любила его совсем бескорыстно, не претендуя на то, чтобы греться в лучах жуковской славы.

Сам же Георгий Константинович в военные годы в личной жизни испытывал, видимо, определенную душевную раздвоенность. Ему не хотелось бросать жену и дочерей, но и к Лиде он прикипел душой. Вот и при детях и вообще на людях старался ничем не выдать, что у них с Александрой Диевной — серьезная размолвка. И писал домой бодрые письма, хотя прежних чувств к Александре Диевне давно уже не испытывал. Но обходился без лицемерного власовского «ты у меня одна!». Вот дочь Эра цитирует в своих воспоминаниях отцовское письмо от 7 ноября 1941 года: «Я живу по-прежнему. Выполняю приказ

правительства, бьем врага и не допустим его до Москвы… Посылаю вам снимок на память. Желаю всего лучшего. Крепко всех целую». Стандартные, вежливые фразы, за которыми — давно остывшие чувства, как и в другом письме, из Ленинграда: «Шлю вам с фронта привет!.. Бью гитлеровцев под Ленинградом. Враг несет большие потери, но старается взять Ленинград, а я думаю не только удержать его, но и гнать до Берлина. Ну, как вы там живете? Очень хочется с вами увидеться. Пишите чаще. У меня нет времени — все время бои». А 10 февраля 44-го послал, по словам дочери, «оптимистическое письмо»: «Дорогая моя! Шлю тебе свой привет. Крепко, крепко целую тебя одну и особо вместе с ребятами. Спасибо за письмо, за капустку, бруснику и все остальное… Все намеченные дела армии выполняются хорошо. В общем, дела Гитлера идут к полному провалу. А наша страна идет к безусловной победе, к торжеству русского оружия… Фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом. Тыл должен очень много работать, чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа наверняка будет за русскими… Ну, пока. Всего вам Хорошего. Крепко, крепко тебя целую. Твой Жорж». Галине Александровне потом Жуков писал совсем другие письма.

Но вернемся к наступлению на Берлин. 16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов начали Берлинскую наступательную операцию. 18-го числа к ним присоединились войска 2-го Белорусского фронта. К тому времени германский фронт на Западе фактически рухнул. Еще 8 февраля началось последнее наступление союзных армий к Рейну и за Рейн. 23 февраля американские войска форсировали Рур. К 8 марта немцы были повсеместно оттеснены за Рейн, а 9 марта американцы захватили плацдарм на восточном берегу реки, у Ремагена, благодаря тому что в их руки попал неповрежденный мост. В ночь с 22-го на 23-е марта был захвачен еще один плацдарм, южнее Майнца. Наступая с этих плацдармов, союзники 1 апреля овладели Падерборном и замкнули кольцо вокруг Рурского промышленного района, где в окружении оказались основные силы группы армий «Б» — более 300 тысяч солдат и офицеров. Путь с запада в центральные районы Германии был практически открыт: перед англо-американскими войсками была лишь одна 12-я армия генерала Венка. Создалась почти такая же ситуация, как под Москвой в октябре 41-го, только в зеркальном отображении. Тогда основные силы трех советских фронтов были окружены у Вязьмы и Брянска, и между передовыми постами вермахта и Москвой почти не было соединений Красной Армии. В

обоих случаях только сопротивление окруженных да распутица сдерживали продвижение неприятельских войск к столице. Но у Советского Союза еще оставались огромная территория, резервы на востоке страны и недоступный для ударов люфтваффе Уральский промышленный район, не говоря уже о таких мощных союзниках как Британская империя и США. У Германии же в апреле 45-го после катастрофы на Западе оставался не менее грозный противник на Востоке, готовый вот-вот ринуться к Берлину, да и распутица в стране, где была хорошо развита сеть шоссейных дорог и автострад, не слишком мешала продвижению войск. 17 апреля, на второй день Берлинской операции, окружеяная в Руре группировка прекратила сопротивление. В плен сдалось 317 тысяч человек, в том числе 24 генерала и 1 адмирал. Битва за Берлин окончательно превратилась для немцев в заведомо проигранное сражение.

Уинстон Черчилль предлагал идти на Берлин, несмотря на то что столица Рейха располагалась в пределах будущей советской зоны оккупации. Главнокомандующий союзными войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр отверг эту идею. Его поддержало американское правительство. Американцы понимали, что для защиты Берлина немцы, в случае наступления западных союзников, непременно снимут часть сил с Восточного фронта. Германскую столицу это, разумеется, не спасет, но приведет к ожесточенным боям и дополнительным, совершенно ненужным потерям жизней американских и британских солдат и офицеров. Эйзенхауэр писал в мемуарной книге «Крестовый поход в Европу»: «Премьер-министр (Черчилль. — Б. С.), конечно, знал, что независимо от расстояния, на какое союзники смогут продвинуться в восточном направлении, он и президент Соединенных Штатов уже согласились с тем, что английская и американская зона оккупации будут ограничены на востоке линией, проходящей в двухстах милях западнее Берлина. Следовательно, его упорное настаивание на использовании всех наших сил и средств в надежде опередить русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события». Эйзенхауэр, равно как президент Рузвельт и сменивший его Трумэн, не верил, что взятие Берлина русскими или американцами может хоть сколько-нибудь изменить послевоенное соотношение сил в мире. Ведь односторонний пересмотр в свою пользу ранее согласованных границ оккупационных зон означал немедленный переход к

конфронтации с Советским Союзом, к которой ни правительства, ни общественное мнение Англии и США не были готовы. Главнокомандующий союзными войсками в Европе не хотел также ради наступления на Берлин торопиться с ликвидацией окруженной в Руре группировки: «Я не собирался ввязываться в ожесточенные, дом за домом, бои ради уничтожения окруженных в Руре войск противника. Это был густонаселенный район без существенных источников снабжения продовольствием. Голод, в конечном счете, мог вынудить их к капитуляции, и не было необходимости идти на большие потери среди личного состава союзных войск».

Еще 28 марта 1945 года Эйзенхауэр информировал Сталина о плане действий западных союзников на заключительном этапе войны с Германией. Из этого плана однозначно следовало: англо-американские войска не собираются брать Берлин, как утративший свое военное значение, а направят основной удар в направлении Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, чтобы, соединившись с советскими войсками, разрезать Германию надвое. Кроме того, второй удар будет наноситься в Южной Германии и Австрии, чтобы предотвратить начавшуюся концентрацию значительных сил вермахта в «альпийской крепости». Однако Сталин то ли не поверил союзному главнокомандующему, то ли просто решил подзадорить своих маршалов к гонке на Берлин. Эйзенхауэру же на всякий случай лукаво ответил, что его предложения «полностью совпадают с планами советского верховного командования. Поэтому советское верховное командование намерено выделить второстепенные силы для наступления на Берлин». Правда, отвечая 1 апреля Черчиллю, доказывавшему, что Берлин сохраняет морально-политическое значение для немцев, Эйзенхауэр утешил британского премьера: «Конечно, если в какой-либо момент сопротивление будет внезапно сломлено по всему фронту, мы устремимся вперед, и Любек и Берлин окажутся в числе наших важных целей». Но это был лишь вежливый дипломатический оборот, не более. В действительности, наступление англо-американских войск на столицу Рейха не планировалось. Зато Берлин стал главной целью последних операций советских войск. Жуков вспоминал: «29 марта по вызову Ставки я… прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции (в основных чертах разработанный еще к 10 февраля. — Б.С.)… Поздно вечером того же дня Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один… Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки… Думаю, что драка предстоит серьезная… Раскурив трубку, он… спросил:

— Когда наши войска могут начать наступление на берлинском направлении? Я доложил:

— Через две недели 1-й Белорусский фронт сможет начать наступление. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — придется начинать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда».

Прервем на минуту этот диалог. Слова Сталина очень напоминают слова императора Александра I в «Войне и мире», обращенные к Кутузову перед Аустерлицем: «Вы не на Царицыном лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки». Только вот Жуков и не собирается отвечать как Кутузов: «Потому и не начини о, государь, что мы не на параде, и не на Царицыном лугу» Георгий Константинович, оказывается, теперь не видит никакой угрозы в том, что в первые дни операции между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами увеличится существующий разрыв, и войска 1-го Белорусского в начале наступления на Берлин будут действовать с открытым правым флангом. Не такая большая это беда, да и угроза контрудара из Померании на самом деле не страшна.

Отчего же Верховный в феврале не торопился брать Берлин, а в конце марта и в апреле буквально гнал Жукова в наступление, требуя не дожидаться окончания сосредоточения войск на 2-м Белорусском фронте? Георгий Константинович утверждает, что в тот же день, 29 марта, Сталин показал ему один любопытный документ: «Письмо было от одного из иностранных доброжелателей (вероятно, от Кима Филби или кого-то из его товарищей по знаменитой „кембриджской пятерке“, вхожих в

кабинеты Даунинг-стрит. — Б. С.). В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях (в действительности, подобных переговоров в тот момент не было. — Б.С.). В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну что вы об этом скажете? — спросил Сталин, и, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль — этот может пойти на все».

Как можно заключить, сообщение неизвестного агента касалось разногласий между американским и британским руководством по поводу того, следует ли союзным войскам брать Берлин прежде русских, и в этом отношении было весьма близко к действительности. Сталин боялся, что англичане и американцы первыми, войдут в столицу Рейха, и потому требовал от своих маршалов как можно быстрее овладеть Берлином.

Конев в своих мемуарах рассказывает, что совещание командующих фронтами, участвующими в Берлинской операции, состоялось 1 апреля. Не исключено, что Георгий Константинович и Иван Степанович на самом деле говорят об одном и том же совещании, но путаются в датах. Первый визит Жукова к Сталину в 45-м году, если верить журналу записи посетителей Кремлевского кабинета вождя, состоялся лишь 31 марта, а следующий — 2–3 апреля. Возможно, упоминаемое обоими мемуаристами совещание в действительности состоялось 31 марта. По словам Конева, Сталин попросил Штеменко зачитать вслух телеграмму, «существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии». Вероятно, советским агентам стало что-то известно о переписке Эйзенхауэра и Черчилля, где британский премьер предлагал войти в Берлин раньше русских, и отсюда был сделан далеко идущий вывод, что подобный план уже вовсю разрабатывается в союзных штабах.

После зачтения телеграммы Сталин спросил: «Так кто же

будет брать Берлин: мы или союзники?» Отвечать первым пришлось Ивану Степановичу. Он заявил: «Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников». На следующий день вновь собрались у Сталина для обсуждения планов Берлинской операции. Хотя в директивах фронтам указывалось, что Берлин будет брать 1-й Белорусский фронт, а 1-й Украинский лишь содействует ему в выполнении этой задачи разгромом противника южнее германской столицы, фактически Сталин оставил возможность для своеобразного соревнования за овладение Берлином между двумя фронтами.

Конев рассказывает об этом следующим образом: «…Я уже допускал такое стечение обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для маневра и удара по Берлину с юга… У меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом заранее, допускал в перспективе такой вариант. Это впечатление усилилось, когда, утверждая состав группировки и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директивы эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примеряв там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов».

Штеменко же вспоминает, что немного позднее Сталин прямо заявил: «Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин». Жуков и Конев приглашались к участию в гонке к германской столице, и, по сути, Георгий Константинович эту гонку проиграл.

Жуков, выступая на пресс-конференции по итогам Берлинской операции 7 июня 1945 года, в самом радужном свете представил действия войск своего фронта: «В ночь на 16 апреля в 4 часа началась мощная артиллерийская подготовка, а в процессе этой подготовки нами была организована одновременно и танковая атака. Всего было брошено в атаку более 4 000 танков при поддержке 22 000 стволов артиллерии и минометов. С

воздуха этот удар сопровождался действием около 4–5 тысяч самолетов. Сокрушительная работа авиации, артиллерии и танков продолжалась ночью и днем. Ночью на позиции противника обрушили свой смертоносный груз около 1 000 бомбардировщиков, остальные 3–4 тысячи продолжали разрушать оборону противника на рассвете и днем. Всего за первые сутки было сделано более 15 000 самолето-вылетов.

Большую роль в успехе ночной атаки по всему фронту сыграло одно техническое новшество, примененное нами в этой операции. Чтобы помочь пехоте и танкам лучше ориентироваться в ночной атаке, мы организовали по всему фронту прожекторный подсвет пути для наступающих колонн. Одновременно наши прожекторы не только подсвечивали путь наступающим войскам Красной Армии, но и ослепляли противника, который вследствие этого был лишен возможности вести точный прицельный огонь по наступающим. Примерно на каждые 200 м действовал один мощный прожектор. В итоге всех этих мероприятий наша атака для противника была неожиданной. Взаимодействие большой массы артиллерии, танков, авиации и пехоты при Введении в действие прожекторов было для противника настолько сокрушающим, что он не выдержал напора, и сопротивление его было сломлено. Немецкое верховное командование, видя, что оборона не выдержала атаки, распорядилась бросить в бой все резервы, находящиеся под Берлином, и даже вывести часть войск, предназначенных для непосредственной обороны самой столицы Германии. Спешным подтягиванием резервов Гитлер надеялся остановить колонны наступающих войск Красной Армии, и в этом был его большой просчет. Подходящие из Берлина и его окрестностей резервы были разгромлены нашей авиацией и танками. Поэтому когда наши войска ворвались в Берлин, то некоторые районы города оказались оголенными, в частности, в отношении зенитных орудий. Выведя резервы из района Берлина, противник нарушил непрерывную линию обороны, ослабил этим оборону столицы и уже не смог устоять против мощного натиска наступающих. По нашим данным, всего в Берлинской операции участвовало более 500 000 немецких солдат и офицеров. Из этого количества более 300 000 было взято нами в плен, не менее 150 000 убито, остальные разбежались.

Мы считаем, что Берлинская операция прошла достаточно успешно как по темпам, так и по своей поучительности с точки зрения применения оперативного искусства ведения ночного наступательного боя, тем более что в этой операции потери

Красной Армии были во много раз меньше потерь немецких войск».

Впоследствии, однако, выяснилось, что картина советского наступления была совсем не такой благостной, какой нарисовал ее Георгий Константинович перед советскими и иностранными журналистами. В частности, оказалось, что прожектора не сыграли той роли, которой им приписал Жуков. Маршал артиллерии К.П. Казаков в очерке боевого пути советской артиллерии в Великой Отечественной войне свидетельствует: «По окончании артиллерийской подготовки… по установленному сигналу были включены прожекторы, яркие лучи которых были направлены на противника. Но, как утверждают свидетели (о том же говорят и отчетные документы), ослепления противника не получилось. Даже очень сильные лучи прожекторов не могли пробить предрассветный туман и плотные облака пыли и дыма, поднятые разрывами многих десятков тысяч снарядов и мин. Зато прожекторы сослужили большую службу нашим войскам… Они осветили путь пехоте и танкам, без чего их наступление в темноте было бы крайне затруднено и могло привести к тяжелым последствиям».

Замечу, что не меньшую службу, прожектора сослужили и артиллерийским наблюдателям противника, осветив боевые порядки атакующих и позволив точнее корректировать огонь. Наступление же все равно не стало неожиданностью для немцев. В статье в «Правде» в ноябре 57-го года, появившейся в связи с отставкой Жукова, Конев совершенно справедливо отмечал:

«Одной из причин затянувшегося прорыва обороны противника в полосе 1-го Белорусского фронта явилось то, что командование и Штаб фронта недооценили имевшиеся данные, о преднамеренном отводе войск противника на Зееловские высоты, находившиеся в 6–8 км от переднего края. В результате неправильной оценки обстановки войска фронта, подойдя к сильно укрепленным Зееловским высотам, вынуждены были штурмовать их без достаточной подготовки, что повлекло за собой… медленный по темпам прорыв обороны противника в полосе наступления 1-го Белорусского фронта».

Мощная артиллерийская и авиационная подготовка, которую так красочно описал Георгий Константинович, фактически пришлась по пустому месту. Даже в этом последнем сражении за столицу Рейха немцы действовали тактически более грамотно и

умело, чем советские войска, но это не могло спасти вермахт от поражения.

Жуков на три дня завяз на Зееловских высотах. Его войска несли большие потери. Конев же не экспериментировал с прожекторами, зато более эффективно провел артподготовку и уже в первый день наступления прорвал вражескую оборону. После этого прорыва оборона Зееловских высот теряла смысл, так как они оказывались глубоко обойденными с юга. Немцы все равно вскоре должны были бы отступить с Зееловских позиций. Однако Жуков продолжал кровопролитный штурм. Он боялся, что войска 1-го Украинского фронта раньше выйдут к Берлину, чем это успеют сделать войска 1-го Белорусского фронта. Гонка продолжалась и стоила дополнительно многих солдатских жизней.

Не буду подробно описывать дальнейший ход Берлинской операции. Скажу только, что в отличие от Эйзенхауэра, не пожелавшего губить своих солдат при штурме заводов и городов Рура, Жуков и Конев предприняли массированную атаку против уже окруженного и обреченного Берлина, не дожидаясь, пока у обороняющихся иссякнут боеприпасы и продовольствие. Сталин их в этом поощрял, очевидно, надеясь видеть столицу Рейха поверженной к пролетарскому празднику 1-го мая. Маршалы чуть-чуть не успели: берлинский гарнизон капитулировал 2-го числа. Верховный Главнокомандующий также проследил, чтобы превращенное советской пропагандой в символ нацистского государства здание Рейхстага и правительственный квартал были взяты войсками Жукова, его заместителя. Коневу было приказано остановить свои армии.

Иван Степанович по этому поводу написал в той части мемуаров, что была опубликована лишь после его смерти: «… Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова, Жуков был крайне раздражен, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го

Украинского фронта. Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 28-й армии подошли на расстояние трехсот метров к рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: „Зачем вы тут появились?“… Наши отношения с Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин… с тем чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта».

Что и говорить, Георгий Константинович был очень ревнив к славе, своей и чужой. А свою обиду Конев выплеснул перед пленумом ЦК в октябре 57-го, когда снимали Жукова.

500 тысяч немецких солдат и офицеров, по признанию Жукова, в действительности участвовавших в Берлинской операции, впоследствии под пером советских историков чудесным образом превратились в миллион с лишним, поскольку требовалось сделать советское превосходство в людях не столь подавляющим. Между тем оценка численности германской группировки на берлинском направлении в полмиллиона человек подтверждается хотя бы следующим несложным примером. Трем советским фронтам противостояли пять немецких армий — 4-я, 9-я, 12-я и 21-я полевые и 3-я и 4-я танковые. Из них самая многочисленная недавно сформированная 12-я армия насчитывала 100 тысяч солдат и офицеров. Значит, в остальных четырех, даже с учетом отдельных частей центрального подчинения и фольксштурма (ополчения) вряд ли могло быть более 400 тысяч человек. Тем более что 21-я армия была сформирована лишь в последние дни обороны Берлина и по своему составу не превышала корпуса.

В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал (или редакторы мемуаров) также писал, будто группировка противника насчитывала около миллиона человек. Причины такой метаморфозы понятны. Ведь в Берлинской операции было задействовано, в общей сложности, 2,5 миллиона солдат и офицеров Красной Армии (включая две армии просоветского Войска Польского), что означает пятикратный советский перевес в численности личного состава, вероятно, наибольший за всю войну. Столь же подавляющим было превосходство Красной Армии в танках, артиллерии и авиации, по советским данным, соответственно, в 4,1, в 4,5 и в 2,3 раза. К тому же люфтваффе

практически не имели горючего и почти не поднимались в воздух.

Точных данных о потерях вермахта в последние месяцы войны не существует. Однако приведенные Жуковым цифры кажутся сильно преувеличенными. Если принять их на веру, то выходит, что «разбежаться», т. е. уйти за линию фронта западных союзников, удалось нескольким тысячам, максимум, немногим десяткам тысяч немецких солдат и офицеров. Между тем, в действительности, англо-американским войскам сдалась вся 100-тысячная 12-я армия Венка, спешившая к Берлину в последние дни его обороны, 30 тысяч человек из прорвавшейся из окружения 9-й армии, 4-я танковая армия к югу от Берлина, а также почти все войска, сражавшиеся к северу от Берлина, объединенные в 3-ю танковую и 21-ю армии. Мы уже не раз убедились на примере Халхин-Гола, Московской битвы и других сражений, что жуковские оценки безвозвратных потерь неприятеля завышены в 5-10 раз. Наверняка и Берлинская операция не стала исключением в этом отношении. Кажется преувеличенным и. названное Георгием Константиновичем число пленных. Все солдаты вермахта, захваченные в плен в последние недели войны, были эвакуированы в тыл в мае-июле 45-го. В этот период с 1-го Белорусского фронта было отправлено 75,5 тысяч военнопленных, со 2-го Белорусского — 119 тысяч и с 1-го Украинского — 88,5 тысяч. В сумме это дает 283 тысячи человек, что, во всяком случае, меньше названного Жуковым числа в более чем 300 тысяч пленных. Но в 283 тысячи входят также гарнизоны германских городов-крепостей, окруженных задолго до начала Берлинской операции и никакого участия в ней не принимавшие. Так, в Бреслау войскам 1-го Украинского фронта в плен сдалось 40 тысяч человек, а в Глогау — 18 тысяч, в Восточной Померании войскам 2-го Белорусского — около 75 тысяч и на датском острове Борнхольм — еще 12 тысяч немецких солдат и офицеров.

Потери же Красной Армии в Берлинской операции, вопреки утверждению Жукова, были, как всегда, не меньше, а больше немецких. Официальные советские данные, приведенные в книге «Гриф секретности снят», говорят о безвозвратных потерях в 81 тысячу человек, главным образом убитыми, поскольку пленных немцы тогда практически не брали. Однако мы уже знаем, что этот источник значительно занижает истинный размер советских потерь. Даже в «Краткой истории Великой Отечественной войны» цифра советских безвозвратных потерь в Берлинской операции более высокая — 102 тысячи человек. Но участники боев за Берлин дают совсем иные цифры. Так, бывший командующий 3-й

армии 1-го Белорусского фронта генерал армии А.В. Горбатов в беседе с критиком и писателем Владимиром Лакшиным утверждал, что общие потери советских войск в Берлинской операции убитыми превышали 200 тысяч человек, что больше походит на правду и явно превышает немецкие потери погибшими. Хотя, конечно, суммарные потери у вермахта убитыми и пленными были больше советских. Но ведь всего через несколько дней закончилась война, и у немецких солдат и офицеров был выбор только между англо-американским и советским пленом (большинство выбирало первое). А у тех, кто оказался далеко в тылу Красной Армии, и такого выбора не было.

В Берлинской операции Жуков впервые применил танковые армии непосредственно для прорыва сильно укрепленной полосы обороны, что привело к большим потерям бронетехники. Позднее они с Коневым ввели танковые армии в Берлин, где много танков сгорело в уличных боях, не оказав существенного влияния на их исход. Когда в конце 1994 — начале 1995 года российская армия попробовала применить жуковский опыт при штурме Грозного, это привело, как известно, к катастрофическим результатам. Ведь в городе танк весьма уязвим для противотанкового оружия ближнего боя, и для его прикрытия приходится привлекать неоправданно много бойцов пехоты: иначе машину быстро уничтожат.

Нередко ссылаются на то, что перед Жуковым было больше неприятельских войск, чем черед Коневым, оттого-де и 1-й Белорусский фронт двигался к Берлину медленнее 1-го Украинского. Но при этом забывают, что сил и средств у Жукова также было почти в два раза больше, чем у Конева.

Сталин не критиковал Жукова за большие жертвы в битве за Берлин, равно как и в других операциях. Победа все списала. И Иосиф Виссарионович поручил своему заместителю почетную роль: принять германскую капитуляцию в берлинском пригороде Карлсхорсте. Правда, еще 7 мая такая капитуляция была подписана генералом Йодлем в ставке Эйзенхауэра в Реймсе. Однако Сталин был недоволен, что с советской стороны капитуляцию подписало слишком незначительное лицо — начальник советской военной миссии в Реймсе генерал И.А. Суслопаров. Кроме того, подписание капитуляции в штабе западных союзников могло быть истолковано как признание их решающего вклада в победу. Поэтому Сталин, признав юридическую силу Реймсской капитуляции, потребовал

повторить ее в Берлине, который должен был перейти под совместный контроль СССР, США, Англии и Франции. Для церемонии подписания было выбрано помещение инженерно-саперного училища — одно из немногих уцелевших зданий в Карлсхорсте. В самом Берлине подходящее здание после союзных бомбежек и уличных боев найти так и не удалось.

Жуков так описал в мемуарах, возможно, самое памятное событие его жизни, происшедшее в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 года: «Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А.Я. Вышинский, К.Ф. Телегин, В.Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции. Ровно в 24 часа мы вошли в зал. Начиналось 9 мая 1945 года…

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции…

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран Антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования…

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель… Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск. За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф (от люфтваффе. — Б. С.). Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошел адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся. Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа…

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции

Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции… Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу.

Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии».

После подписания акта Жуков предложил немецкой делегации покинуть зал. А для победителей — генералов и офицеров советских и союзных войск — начался банкет, который, по признанию Георгия Константиновича, «прошел с большим подъемом»: «Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н.А. Антипенко и шеф-поваром В.М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран Антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаатс. После них выступали советские генералы… Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции… Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками (Георгий Константинович не знал, как окрестить ночную трапезу: то ли обедом, из-за обилия подаваемых блюд, то ли ужином, из-за позднего времени; можно было бы еще и завтраком назвать, раз закончили все равно на рассвете. — Б. С.). Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал „русскую“. Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы».

Так, отплясывая «русскую», под звуки импровизированного салюта входил в историю маршал Георгий Константинович Жуков. Жаль, не довелось ему в ту ночь поиграть на баяне, на

котором, по свидетельству слышавших его игру, Жуков играл для любителя довольно неплохо. Для маршала ведь это была, прежде всего, русская победа, победа русской армии, хотя и считал он себя всю жизнь правоверным коммунистом.

Воспоминания о том, как проходило подписание капитуляции в Карлсхорсте, оставил и Кейтель. Писал он их в нюрнбергской тюрьме, перед казнью. В этом своеобразном «репортаже с петлей на шее» читаем: «Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождающими меня лицами препровожден в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперек длинному столу с тремя стульями… Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещен многочисленными „юпитерами“. Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трех языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных мер (Кейтель настаивал, что репрессии против германских войск за невыполнение условий капитуляции должны применяться лишь спустя определенный срок после поступления приказа о капитуляции в войска; эту важную деталь в своем описании церемонии Жуков опустил, чтобы не нарушать эпический характер картины. — Б.С.). Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошел ко мне и сказал: Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я Акт о капитуляции. Я ответил: «Да». Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким «да». Сразу же началась процедура подписания… По. завершении ее я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь… стол уставили закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем

приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил, нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться, Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщенным этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежезамороженную клубнику, которую я ел первый (и последний. — Б. С.) раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения».

Члены германской делегации оказались по отношению к победителям примерно в том же положении, как барские слуги, которых кормят на кухне, пока господа пируют в зале. Чувствуется, что жуковский начальник тыла Антипенко основательно опустошил уцелевшие погреба берлинских ресторанов. И что характерно, Кейтель из всех присутствовавших на церемонии особо выделяет Жукова и только его называет по имени. Побежденный германский фельдмаршал чувствовал, кто здесь хозяин.

Георгий Константинович думал, что теперь он в советской оккупационной зоне Германии — первый человек, и в Красной Армии — первый, после Верховного Главнокомандующего. 7 мая он стал главнокомандующим советских оккупационных войск и главноначальствующим советской военной администрацией Германии. Но Сталин не зря определил в заместители к Жукову по делам советской военной администрации своего верного слугу Вышинского. Пусть-ка Александр Януарьевич понаблюдает за маршалом вблизи, что у него на уме, кого считает главным архитектором победы, о чем толкует с союзниками. Наверняка и о тостах за нерушимость дружбы с западными союзниками Иосифу Виссарионовичу стало тотчас известно. Сталин собирался установить свою гегемонию в Восточной Европе, а потом — в Черноморских проливах, на Среднем Востоке, в Китае: он знал, что Антигитлеровская коалиция после гибели Гитлера и Третьего Рейха просуществует считанные месяцы. И то, что Жуков обрел популярность среди западных генералов и журналистов — с точки зрения Сталина — большой минус. Но пока маршала трогать рано: Пусть порезвится.

1 июня 1945 года Жуков был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза — за взятие Берлина, а 12-го числа получил третью Золотую Звезду из руки «всесоюзного старосты» Калинина. Верховный сделал Жукову еще один подарок — назначил принимать Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. Правда, к этому Сталина вынудили непредвиденные обстоятельства, о которых он старался не вспоминать.

Дадим слово Георгию Константиновичу: «Точно не помню, кажется, 18–19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал Сталин, — вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам».

Вероятно, Жуков подозревал здесь какой-то подвох со стороны Сталина, своеобразную проверку на лояльность, и думал, что от него ждут вежливого отказа с предложением, что парад непременно должен принимать сам Верховный. Однако оказалось, что Сталин говорит вполне серьезно. Он заявил: «Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе».

Загадка сталинского отказа разрешилась неожиданно. Вот что поведал об этом Жуков в нецензурированной версии «Воспоминаний и размышлений»: «Прощаясь, Сталин заметил, как мне показалось, не без намека:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный…

На другой день я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка к параду. Там встретил сына Сталина Василия. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю:

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: «Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист».

— А на какой лошади отец тренировался? — спросил я Василия.

— На белом арабском коне, на котором он рекомендовал вам принимать парад. Только прошу об этом никому не говорить, — снова повторил Василий.

И я до сих пор никому не говорил. Однако прошло уже много лет, и думаю, что теперь об этом случае можно рассказать…».

Этот случай подтверждает и писатель, Владимир Карпов. Данный эпизод он приводит в виде дошедшего до него слуха, первоисточником которого был все тот же Василий Сталин — с ним у Жукова сложились хорошие отношения. По словам Карпова, Василий как-то разболтал эту страшную тайну в кругу собутыльников, очевидно, уже после того, как под большим секретом поведал Георгию Константиновичу о неудачной попытке отца овладеть искусством верховой езды. В рассказе Карпова есть ряд дополнительных, весьма колоритных и очень правдоподобных подробностей: «Сталин понимал, что он не молод и на коня не садился с далеких времен гражданской войны, да и тогда редко бывал в седле, больше руководил в салон-вагонах. Вот он и решил потренироваться, чтобы не опозориться перед войсками на Красной Площади. По его приказу ночью в манеж (благо он рядом с Кремлем и тогда еще был не выставочным залом, а действующим манежем) привели белого коня, на котором он собирался принимать парад. Сталин хорошо знал историю — конь под победителем должен быть именно белый. И вот ночью, когда в Москве и в Кремле все спали глубоким сном, Сталин в сопровождении только самого доверенного — начальника личной охраны генерала Власика… отправился в манеж. В этот вечер на квартире Сталина был Василий, который увязался за отцом (если бы не он, мы бы не узнали многих подробностей, да и, вообще, об этом эпизоде из жизни вождя — Власик умел держать язык за зубами).

В манеже горел полный свет, недалеко от входа стоял белый конь, которого держал под уздцы коновод. Сталин подошел к коню, потрогал седло, не без труда занес ногу в стремя. Власик поспешил было ему на помощь, хотел подсадить, но Сталин тут же остановил его: «Не надо, я сам». Затем он сильно оттолкнулся от земли правой ногой и грузно плюхнулся в седло. Конь от такой неумелой посадки запрядал ушами и стал перебирать ногами. Чтобы не свалиться, Сталин пытался удержать себя в седле, сжимая крепче ноги. А конь, понимая это по-своему, горячился и пошел боком-боком, отчего седок сполз набок и стал падать. Коновод, Власик и Василий кинулись на помощь и не дали Сталину рухнуть на землю. Но все же он из седла вывалился и повис у них на руках. Встав на ноги, Иосиф Виссарионович недовольно крутнул плечами, освободился от поддерживающих рук, сердито буркнул: «Отойдите». Он был упрям! Злость закипела в нем, решил показать этой строптивой лошади свою твердость. Вновь вставил ступню в стремя и на этот раз более решительно взлетел в седло. «Дай», — сказал коноводу и взял у него поводья. Сталин зло натянул повод и ударил ногами в бока лошади. Хорошо обученный конь не понимал седока: натянутый повод приказывал стоять на месте, удар в бока посылал вперед. Конь «заплясал», перебирая ногами, и опять пошел боком-боком. Сталин еще раз дал ему, как говорят кавалеристы, шенкеля, и конь устремился вперед тряской рысью. Проехав с полкруга, Сталин попробовал выпрямить спину, обрести гордую осанку, но, видно, при этом неловко надавил каблуками в бока лошади, причинив ей боль, и она нервно вскинула задом, отчего Сталин тут же вывалился из седла.

Приближенные кинулись ему на помощь. Они подняли его, принялись отряхивать опилки с его одежды. Сталин держался за плечо, он ушибся довольно сильно. «Нет, это не для меня», — махнув рукой, сказал Иосиф Виссарионович и вернулся на квартиру».

Казалось бы, история о том, как Сталин назначил Жукова принимать Парад Победы, яснее ясного. Но вот Конев утверждал, что дело с тем, кто будет командовать, а кто будет принимать Парад Победы, обстояло совсем иначе, чем говорит Жуков. Рассказывает вдова Конева Антонина Васильевна: «Говорили, Сталин обиделся на то, что Иван Степанович не захотел командовать Парадом Победы. У него уже было плохо со здоровьем, да и скакать на параде на лошади совсем не хотелось.

Сталин злился, говорил, что Конев зазнался — лошади ему, видишь ли, не нравятся! Этому разговору есть живой свидетель — вдова Буденного. Потом уже командовать парадом поручили Рокоссовскому и Жукову». Матери вторит дочь Ивана Степановича Наталья: «В архиве отца я как-то нашла книжку воспоминаний Жукова, где он рассказывает, как его и Рокоссовского назначили командовать Парадом Победы. Об отце там нет ни слова. Напротив этого абзаца — жирная надпись синим фломастером: „Врет!“

Думаю, что здесь тот редкий случай, когда воспоминания маршалов-соперников можно примирить друг с другом. Скорее всего, дело обстояло следующим образом. Сперва Сталин думал принимать парад сам, а командовать парадом собирался назначить Конева. Иван Степанович кавалеристом был неважным, и в жизни верхом ездил мало. Ведь сначала он служил в артиллерии, а потом командовал пехотными частями и соединениями. На фоне Конева Сталин-кавалерист мог бы смотреться достаточно пристойно, — но от этого плана пришлось отказаться после неудачной тренировки вождя в манеже. И дело здесь, подозреваю, вовсе не в том, что Коневу не хотелось скакать на лошади, да и здоровье пошаливало. Просто Ивану Степановичу неудобно было сказать близким, что Сталин внезапно передумал и заменил его Рокоссовским (о падении вождя с арабского скакуна маршал, конечно же, ничего не знал).

Не исключено, правда, что с Коневым Сталин говорил уже после того, как принял решение самому парад не принимать. Быть может, до этого Иосиф Виссарионович предполагал, что командовать парадом и отдавать рапорт Верховному Главнокомандующему будет Жуков. А когда Жуков был перемещен на роль принимающего Парад Победы, то командующим прохождением войск потребовалось назначить кого-то из маршалов, стоящих вслед за Георгием Константиновичем в советской военной иерархии.

Если вывести из этой иерархии политиков — Сталина и Ворошилова, то первое место по праву окажется у Жукова. Он единственный из маршалов был не только заместителем наркома обороны, но и заместителем Верховного Главнокомандующего. Следующим в иерархии был Василевский — заместитель наркома обороны и до февраля 45-го начальник Генштаба, а в недалеком будущем — главнокомандующий на Дальнем Востоке в скоротечной войне против Японии. Кроме того, он, как и Сталин

и Жуков, был дважды награжден высшим военным орденом «Победа». Но Александр Михайлович, похоже, на лошади вообще никогда не сидел, да к тому же был человеком грузным, в седле смотрелся бы смешно и вполне мог бы оконфузиться совершенно так же, как Сталин в манеже.

Далее следовали командующие двух фронтов, наступавших на главном, берлинском направлении — Конев и Рокоссовский.

1-й Украинский фронт, в отличие от 2-го Белорусского, непосредственно брал Берлин, и поэтому Сталин мог сначала выбрать Конева. Но когда выяснилось, что Иван Степанович — неважный кавалерист, то выбор окончательно пал на Рокоссовского — профессионального конника.

В результате сочетания двух факторов — места в военной иерархии и умения управляться с лошадью — Парадом Победы командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский, а принимал парад маршал Георгий Константинович Жуков. Так два давних друга вновь оказались рядом в историческом месте и в исторический час. Сталин понял, что не имеет права оконфузиться перед всем светом, и не рискнул выехать верхом на Красную площадь.

С Парадом Победы был связан еще один инцидент. Как рассказывала майору А.Т. Рыбину друг семьи Жукова Людмила Лактионова, знаменитая фотография командующих фронтами, где Жуков сидит в центре, была сделана следующим образом: «Перед Парадом Победы Сталин собрал командующих фронтами на инструктаж. Пожелал с ними сфотографироваться, но в это время его вызвал к телефону Черчилль. Использовав момент, Жуков попросил фотографа В. Тёмина запечатлеть их и сам занял место в середине командующих. 24 июня Сталин утром развернул газету „Правда“ и увидел этот снимок. Был удивлен, поворчал на Жукова, а потом, занятый государственными делами, забыл обиду».

Нет, Сталин ничего не забывал. Верховный наверняка подумал, что Жуков мыслит заменить его не только на знаменитой фотографии, но и вообще в истории Великой Отечественной войны. А там, глядишь — и в руководстве государством.

Взлеты и падения

31 мая 1945 года Жуков был назначен представителем СССР в союзном Контрольном совете по Германии. Георгию Константиновичу приходилось встречать с западными командующими — британским фельдмаршалом Монтгомери и американским генералом армии Эйзенхауэром. Союзники уже начинали не доверять друг другу, но в личных отношениях командующих это недоверие пока еще не проявлялось.

5 июня 45-го, перед первым официальным заседанием союзных командующих, входивших в Контрольный совет, Эйзенхауэр посетил берлинскую штаб-квартиру Жукова, чтобы вручить ему высший американский военный орден «За заслуги» степени Главного командора. Американский командующий вспоминал: «Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой». Однако заседание в последний момент было внезапно отложено. Эйзенхауэру надо было возвращаться во Франкфурт-на-Майне, куда переместилась из Реймса его штаб-квартира. Эйзенхауэр известил Жукова, что он покинет Берлин, если заседание не начнется в ближайшие полчаса. Через десять минут заседание началось и приняло декларацию об образовании Контрольного совета. Задержку Жуков объяснил тем, что ожидал указаний из Москвы по одному важному вопросу. После заседания Георгий Константинович затащил американцев на банкет, хотя они и собирались покинуть Берлин, чтобы попасть во Франкфурт засветло. Эйзенхауэр свидетельствует: «Жуков попросил меня согласиться на компромисс и зайти в банкетный зал на пару тостов и прослушать пару песен в исполнении ансамбля Красной Армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной и проследит, чтобы не было никаких задержек. Столь гостеприимный жест маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной Армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом маршал Жуков объявил, что только что получил указание из Москвы от генералиссимуса Сталина вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден „Победа“, который до сих пор не получал еще ни один иностранец». Договорились, что Жуков посетит штаб Эйзенхауэра.

Этот визит, состоявшийся 10 июня, описывает в своих

мемуарах Монтгомери: «Поздним утром Жуков прибыл с большой свитой, состоящей, в основном, из фотокорреспондентов и репортеров. Церемония награждения происходила в офисе Эйзенхауэра. Затем на большом балконе Жуков наградил медалями 24 британских и американских офицера штаба верховного союзного командования. Это было совершенно неорганизованное и недостойное зрелище, с фотографами, все время скачущими в поисках подходящей позиции для съемки. Однако награды, в конце концов, были благополучно вручены, хотя мне казалось, что в той обстановке медали свободно могли бы получить те, кому они не были предназначены.

Перед обедом около 1700 американских и британских самолетов пролетели строем над нами, чтобы продемонстрировать воздушную мощь Запада, которая не могла не произвести впечатления на русских. Во время обеда американцы показали красочное кабаре-шоу с плавной музыкой и сложным танцем, исполняемым негритянками, обнаженными выше пояса. Русские никогда не видели и не слышали ни о чем подобном, и у них глаза на лоб полезли. Тем не менее им это очень понравилось, и они все время вызывали артисток на «бис» (полуголые негритянки явно покорили сердце Георгия Константиновича; хорошо, что в делегации не было политработников и некому было писать телеги о «моральном разложении»! Будь времени побольше, как знать, не закрутил ли бы Жуков роман с какой-нибудь из танцовщиц? — Б.С.) Весь распорядок дня был тщательно разработан, и русские испытали щедрое гостеприимство американцев. Это был день демонстрации американского богатства и мощи».

В конце июня по поручению английского правительства Монтгомери вручил Жукову Большой крест рыцарского ордена Бани. Рокоссовский же получил только вторую степень этого почетного ордена. Англичане помнили об иерархии.

Эйзенхауэр тоже оставил описание этого приема, выдержанное в тонах, гораздо более дружеских по отношению к Жукову и сопровождавшим его русским офицерам, чем не лишенный некоторой иронии рассказ Монтгомери: «Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской, а в это время провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации. Мы полагали, что Жуков воспримет этот парад как проявление глубокого уважения к нему. С

ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие у нас только имелись, на ясном небе получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление. В соответствии с русским обычаем провозглашались тосты Маршал Жуков был мастером произносить тосты, судя по тому, что нам переводил переводчик. Он воздавал должное союзникам и выражал надежду на наше успешное сотрудничество в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты — англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не менее десяти раз вставали при провозглашении здравиц».

Также и Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» отзывался об Эйзенхауэре весьма положительно: «Генерала Эйзенхауэра мы принимали в штабе фронта в Веиденшлоссе. Вместе со мной был Вышинский. Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески. Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а затем сказал:

— Так вот вы какой!..

Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Эйзенхауэру. — Придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс (командующий американской стратегический авиацией. — Б. С.)… небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации. — А затем, обратившись ко мне, заметил: — Сейчас я приехал к вам, господин маршал, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

— Я согласен с вами и буду на этом настаивать, — ответил Эйзенхауэр…

Внешне Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление. Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора».

Вот ведь как получается! Америка, Англия и Россия вроде еще союзники. Какая, спрашивается, беда, если английские и американские самолеты без каких-либо ограничений будут летать над советской оккупационной зоной Германии, ставя предварительно в известность штаб Жукова? Ведь советских самолетов в воздухе немного, поскольку транспортная авиация у СССР слаба, а после окончания войны полеты боевых машин резко сократились. Так что хаоса, а тем более столкновений в воздухе все равно не будет.

Но стороны уже рассматривают друг друга как потенциальных противников. Жуков опасается, что полеты вне отведенных коридоров — это разведка позиций советских войск, а то еще, не дай Бог — внезапное нападение с воздуха. Западные союзники и Советы не верят друг другу. Вот и не пускает Сталин союзные войска в Берлин, а то вдруг англичане и американцы так и останутся в Виттенберге и Тюрингии, да еще и германскую столицу к рукам приберут. И 5 июня Жуков втолковывал

Эйзенхауэру и Монтгомери: «…До тех пор, пока американские войска не уйдут из Тюрингии, а английские из района Виттенберга, я не могу согласиться на пропуск в Берлин военного персонала Союзников, а также на размещение персонала административных органов Контрольного совета».

А днем раньше, 4 июня, Жуков отдал весьма красноречивое распоряжение: «К 15 июня 1945 года отработать планы подъема подразделений, частей, соединений и армий по боевой тревоге… Оборонительные сооружения строить и развивать только в ночное время и, в крайнем случае, в процессе плановых занятий по обороне небольшими подразделениями. Все построенные и находящиеся в постройке окопы, ходы сообщения, НП, ОП и прочие инженерные сооружения к рассвету должны быть тщательно замаскированы от местного населения и наблюдения Союзников. Минирования местности до особого распоряжения не производить».

Советское командование опасалось 700 тысяч немецких военнопленных, оставленных в западных зонах в составе прежних частей и подразделений и даже с несколькими дивизионными штабами. Подозревали, что союзники готовят вторжение в советскую зону и используют немцев в качестве ударной силы. Ведь отдал же Черчилль в конце войны приказ собирать и хранить немецкое оружие, которое в случае необходимости придется раздать солдатам и офицерам вермахта. Правда, британский премьер имел в виду только возможность дальнейшего советского продвижения на запад.

Англия и США очень опасались нового «моторизованного Чингисхана» — Сталина. Потому и устроили внушительную демонстрацию воздушной мощи в связи с приездом Жукова во Франкфурт. Чтобы советский маршал понял: легкой прогулки до Атлантики не будет. Жуков понял. Он знал, что равноценной авиации у СССР пока нет. А без господства в воздухе любое наступление за Эльбу обречено на неудачу. И маршал склонен был попытаться всерьез наладить сотрудничество с Эйзенхауэром и представителями других западных союзников в Контрольном Совете и совместно управлять оккупированной Германией, гарантируя при этом советские интересы. Англия и Америка также надеялись, что удастся достичь некого компромисса, и демилитаризованная Германия станет буфером между Востоком и Западом. Эти надежды развеялись очень быстро, уже к концу 45-го.

Но пока банкеты шли за банкетами, водка и шампанское лились рекой, русские и американские, английские и французские генералы произносили бесчисленные тосты за дружбу и сотрудничество союзных наций. И англо-американские войска отошли в конце концов из пределов советской зоны. Не потому, что им так уж нужна была часть Берлина. Западные союзники хотели, чтобы в Берлине начал реально работать Контрольный совет, и рассчитывали договориться со Сталиным о новом устройстве Европы. Сталин договориться был не прочь, но на своих условиях. Главное из них — признание союзниками советской гегемонии в Восточной Европе и даже на всем континенте в случае прихода к власти во Франции и Италии коммунистов. На это Трумэн, Черчилль и сменивший его Эттли пойти не могли

16 июля 1945 года Жуков встречал на потсдамском вокзале Сталина. Вождь прибыл на последнюю конференцию глав трех союзных держав. Он был в хорошем настроении и заявил, не скрывая удовлетворения: «Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов. Так будет и впредь со всеми любителями военных авантюр». Георгий Константинович не стал разочаровывать вождя, что здесь заслуга, главным образом, англо-американской авиации, а не Красной Армии.

На приеме, который устроил перед своим отъездом из Потсдама проигравший парламентские выборы Черчилль, произошел любопытный инцидент. После того как Трумэн произнес тост за здоровье Сталина, а Сталин, в свою очередь, за здоровье Черчилля, отставной британский премьер неожиданно провозгласил здравицу Жукову. Георгий Константинович так описал последующие события: «Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его „товарищем“. Тут же заметил недоуменные взгляды Сталина и Молотова, у меня получилась пауза, которая, как мне показалось, длилась больше, чем следует. Импровизируя, я предложил тост за „товарищей по оружию“, наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии… На другой день, когда я был у Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел „товарища“ в лице Черчилля».

Смех смехом, но Сталин не мог не обратить внимания, что Черчилль назвал Жукова сразу после руководителей стран Антигитлеровской коалиции, как бы придав ему статус второго по влиянию человека в Советском Союзе. Популярность Жукова на Западе тревожила Верховного. Вот и Эйзенхауэр писал в мемуарах: «Во многих отношениях было очевидно, что Жуков был именно тем, кем он представлялся — в высшей степени значительным лицом в советской системе правления, возможно, вторым после Сталина». Тут и американский генерал, и сам маршал непростительно заблуждались. В советской политической иерархии Сталин вообще не находил для Жукова места. Да и в военной иерархии готовился оттеснить Жукова на вторую позицию, поставив во главе Министерства обороны «политического маршала» Булганина.

В середине августа 45-го Эйзенхауэр по приглашению Жукова посетил Москву и Ленинград. О том, как возникла идея визита американского командующего в Советский Союз, Жуков рассказал в мемуарах. Когда Георгий Константинович после первого визита Эйзенхауэра в Берлин доложил Сталину, что он, в отличие от Монтгомери, выступает за скорейший отвод союзных войск в свои зоны оккупации. Верховный сказал: «Надо как-нибудь пригласить Эйзенхауэра в Москву. Я хочу познакомиться с ним». Очевидно, это намерение укрепилось после посещения Жуковым Франкфурта. Маршал докладывал: «Эйзенхауэр держался очень просто, дружественно, подчеркивая свои симпатии к Красной Армии, к Советскому правительству и Советскому Союзу. Монтгомери наоборот, держался сухо. Эйзенхауэр пространно останавливался на важности сохранения и упрочения дружественных отношений между американским и советским народами. Он специально просил не обращать внимания на враждебные выпады некоторых американских газет против СССР». И во время Потсдамской конференции Иосиф Виссарионович наконец приказал Жукову пригласить Эйзенхауэра в СССР. Георгий Константинович сказал, что хорошим поводом для визита американского генерала будет физкультурный праздник, назначенный на 12 августа. Предложение было принято

Жуков сопровождал Эйзенхауэра во время поездки по Советскому Союзу. Эйзенхауэр запечатлел в своих мемуарах «Мандат для перемен» примечательный эпизод: «Сталин, босс, железной рукой правивший Советским Союзом, был начисто лишен чувства юмора… Вечером в кинозале мы смотрели

советскую картину о взятии Берлина, где был показан и мой старый друг маршал Жуков с множеством орденов и медалей на парадном мундире. Во время демонстрации фильма Сталин сидел между мной и Жуковым. В какой-то момент я повернулся и сказал нашему переводчику, сидевшему позади Сталина: „Скажите маршалу Жукову, что, если он когда-либо потеряет свою работу в Советском Союзе, он сможет, как доказывает эта картина, наверняка найти работу в Голливуде“. Сталин молча выслушал переводчика. „Маршал Жуков, — сообщил он мне ровным тоном, — никогда не останется без работы в Советском Союзе“.

Эйзенхауэр не думал тогда, что это может быть и работа в лагере на лесоповале. И не знал американский генерал, что своеобразное чувство юмора у Иосифа Виссарионовича все-таки есть. Сталин любил подвыпившему коллеге по Политбюро помидор на стул подложить. А еще ему нравилось вчерашнего друга Бухарина заставить признаваться, что он, Бухарин, есть матерый германский и японский шпион. Или вот впавших в немилость Ежова и его заместителя Фриновского Иосиф Виссарионович назначил наркомами соответственно речного и военно-морского флота, чтобы потом тихо утопить в столь дорогом им ГУЛАГе.

Во время пребывания в Москве и полета в Ленинград Жуков и Эйзенхауэр много говорили о минувшей войне. Эйзенхауэр интересовался, как Красная Армия преодолевала минные поля. В «Крестовом походе в Европу» он приводит свою беседу с Жуковым по этому вопросу: «Меня очень поразил русский метод преодоления минных полей, о котором рассказал Жуков Немецкие минные поля, прикрытые огнем, были серьезным тактическим препятствием и вызывали значительные потери и задержку в продвижении. Прорваться через них было делом трудным, хотя наши специалисты использовали различные механические приспособления для их безопасного подрыва. Маршал Жуков рассказал мне о своей практике, которая, грубо говоря, сводилась к следующему: „…Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые войска несут от противопехотных мин, считаются всего лишь равными тем, которые мы понесли бы от артиллерийского и пулеметного огня, если бы немцы прикрыли данный район не одними только минными полями, а значительным количеством войск. Атакующая пехота не подрывает противотанковые мины. Когда она достигает дальнего конца поля, образуется проход, по которому идут саперы и

снимают противотанковые мины, чтобы можно было пустить технику“.

Я живо вообразил себе, что было бы, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики, и еще ярче представил, что сказали бы люди в любой из наших дивизий, если бы мы попытались сделать практику такого рода частью своей военной доктрины. Американцы измеряют цену войны в человеческих жизнях, русские — во всеобщем очищении нации. Русские ясно понимают значение морального духа, но для его развития им необходимо достигать крупномасштабных успехов и поддерживать не только патриотизм, но даже фанатизм.

Насколько я мог видеть, Жуков уделял мало внимания методам, которые мы считали жизненно важными для поддержания морального духа в американских войсках: систематическая смена частей и создание им условий для отдыха, предоставление отпусков и максимальное развитие технических средств борьбы, чтобы не подвергать людей ненужному риску на поле боя. Все это было обычным делом в американской армии, но, казалось, было неведомо в тоq армии, где служил Жуков».

Один немецкий солдат в письме домой запечатлел советские атаки через минные поля, о которых говорил Георгий Константинович Эйзенхауэру: «…Большие плотные массы людей маршировали плечом к плечу по минным полям, которые мы только что выставили. Люди в гражданском и бойцы штрафных батальонов двигались вперед, как автоматы Бреши в их рядах появлялись только тогда, когда кого-нибудь убивало или ранило взрывом мины. Казалось, эти люди не испытывают страха или замешательства. Мы заметили, что те, кто упал, пристреливались небольшой волной комиссаров или офицеров, которая следовала сзади, очень близко от жертв наказания. Неизвестно, что свершили эти люди, чтобы подвергнуться такому обращению, но среди пленных оказались офицеры, не сумевшие выполнить поставленной задачи, старшины, потерявшие в бою пулемет, и солдат, чье преступление состояло в том, что он оставил строй на марше… И все же почти никто из них не жаловался на подобное обращение. Жизнь тяжела, говорили они, и, если вы не смогли достичь поставленной цели, за неудачу приходится расплачиваться. Никто не был готов признать, что поставленная задача могла быть невыполнимой, а приговор — несправедливым».

Эйзенхауэр свидетельствует, что таких же взглядов, как Жуков, придерживались и другие советские маршалы: «В день, когда пришла весть о победе над Японией (14 августа, когда японское правительство и император объявили о капитуляции; в этот день, накануне отъезда Эйзенхауэра из Москвы, американский посол устроил прием в его честь, — Б. С.), маршал Буденный, казалось, не испытывал по этому поводу никакого энтузиазма. Я спросил, почему он не радуется окончанию войны. Он ответил: „О, да, но нам надо было бы продолжать сражаться, чтобы убить еще больше этих проклятых японцев“. Маршал казался привлекательным, добрым и приветливым человеком, но видно было: его нисколько не волновало, что каждый день продолжения войны означал смерть или раны еще для сотен российских граждан».

Присутствовавший на этом приеме глава американской военной миссии в Москве генерал Джон Р. Дин вспоминает, что, выпив и закусив, Жуков и Эйзенхауэр пустились в дружеский спор о свободе прессы: «В результате выявилось фундаментальное различие их мышления. Эйзенхауэр очень хорошо изложил нашу позицию, но это не произвело на Жукова никакого впечатления. Он был продуктом поколения, которое никогда не знало никакого подобия индивидуальной свободы, и никакой аргумент не мог оправдать в его глазах безусловную свободу выражения своих чувств и мыслей устно или письменно, даже если они могут противоречить интересам государства».

Базовое различие образа мышления Жукова и Эйзенхауэра проявилось также в вопросе о военнопленных. Эйзенхауэр вспоминает: «Я упомянул о проблеме, вставшей перед нами в разные периоды войны и решавшейся с большим трудом, — о проблеме содержания многочисленных немецких военнопленных. Я отметил, что питаются они по тем же самым нормам, что и наши солдаты. С крайним удивлением он спросил: „Зачем вы это делаете?“ Я ответил: „Ну, во-первых, потому, что к этому обязывают мою страну условия Женевской конвенции. Во-вторых, немцы держали в плену несколько тысяч американцев и англичан, и я не хотел давать им предлог или оправдание для ужесточения обращения с нашими пленными“. Маршал удивился и сказал: „Но почему вы заботитесь о тех, кого захватили немцы? Они сдались и сражаться больше не могут“. Американский генерал не знал, что Жуков был среди тех, кто подписал драконовский приказ № 270 о судьбе советских военнопленных и

членов их семей.

Эйзенхауэр еще мог понять, почему русские сурово обращаются с немецкими военнопленными. Американские солдаты к тому времени освободили много узников немецких концлагерей, видели, в каком ужасном состоянии были эти живые трупы. Но вот почему Жукова не заботила судьба попавших в плен красноармейцев, Эйзенхауэр не понимал. Между тем Георгий Константинович просто хорошо усвоил сталинский принцип «людей-винтиков». В этой войне пленные советские солдаты и офицеры уже не смогут сражаться с врагом, так чего же о них заботиться? Наоборот, если, не дай Бог, им в плену будет сносное житье, то есть опасность, что многие красноармейцы предпочтут плен неминуемой гибели в истребительных атаках.

Эйзенхауэр и Жуков принадлежали к разным мирам, действовали в совершенно различных политических системах. В американской армии, равно как в британской или германской, командиры обязаны были заботиться о сбережении жизни подчиненных, иначе они были бы неминуемо смещены со своих постов и отданы под суд. В Красной Армии самым страшным преступлением было невыполнение даже заведомо невыполнимого, порой преступного приказа вышестоящего начальника. Ослушнику грозил немедленный расстрел или, что почти то же самое, отправка в штрафбат, даже если вслед за тем арестуют и отдавшего приказ командира. В западных армиях солдаты и офицеры отказались бы выполнять приказ идти в наступление на необезвреженные минные поля и наверняка добились бы судебного разбирательства и смещения командира. Советские солдаты и командиры, напротив, хорошо знали, что жаловаться на начальство — гиблое дело. В этом убеждал их не только собственный опыт, но и опыт отцов и дедов.

Для того чтобы самоубийственные для войск приказы появлялись на свет, требовались не только командиры, готовые их отдать, но и подчиненные, способные их безропотно выполнить. Если бы на месте Жукова оказался Эйзенхауэр или, скажем, Манштейнг, они бы очень скоро могли разделить печальную судьбу генерала Д.Г. Павлова. И Красная Армия под командованием Эйзенхауэра воевала бы еще хуже, чем под командованием Жукова. Американский генерал ставил бы войскам задачи, которые те все равно не смогли бы выполнить из-за недостаточной подготовки и только понесли бы напрасные потери. По наблюдениям немецких генералов, советская авиация

очень редко действовала на глубине более 30 километров от линии фронта. Если бы Эйзенхауэр потребовал от нее свершать бомбардировки оперативного и стратегического масштаба, для этого не оказалось бы ни нужного числа подготовленных летчиков, ни достаточного количества подходящих машин.

Не лучше был бы результат, доводись Жукову возглавить силы западных союзников в Европе. Вероятно, маршал очень скоро попал бы под трибунал, когда попробовал бы завалить немецкую оборону трупами американцев и англичан. Переучиваться же Эйзенхауэру и Жукову времени не было. Нет, только Жуков или подобный ему военачальник мог быть достойным заместителем Сталина в Великой Отечественной войне и руководителем крупнейших операций Красной Армии. Эйзенхауэр, кажется, понял, что бессмысленно подходить к оценке Жукова-полководца с западными мерками, принял маршала таким, какой он есть. До конца своих дней Эйзенхауэр и Жуков сохранили самые теплые чувства по отношению друг к другу.

Эйзенхауэр, с согласия американского правительства, пригласил Жукова посетить Америку. Приглашение было принято. Но поездка не состоялась. Жуков по этому поводу пишет следующее: «Вскоре после посещения Эйзенхауэром Советского Союза мне позвонил в Берлин Молотов:

— Получено приглашение для вас от американского правительства посетить Соединенные Штаты. Товарищ Сталин считает полезным подобный визит. Как ваше мнение?

— Я согласен (попробовал бы не согласиться! — Б. С.). Однажды после заседания Контрольного совета ко мне подошел генерал Эйзенхауэр:

— Очень рад, что вы, господин маршал, посетите Штаты… К сожалению, обстоятельства складываются так, что я не смогу лететь с вами в Вашингтон. Если не возражаете, вас будут сопровождать мой сын Джон, генерал Клей и другие лица штаба Верховного Главнокомандования США.

Я согласился:

— Так как ваши летчики не знают условий полета через океан и в Штатах, — продолжал Эйзенхауэр, — предлагаю вам

свой личный самолет «Крепость».

Я поблагодарил Эйзенхауэра и доложил обо всем лично Сталину. Сталин сказал:

— Ну что ж, готовьтесь.

К сожалению, перед полетом я заболел. Пришлось еще раз звонить Сталину: «В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полет по состоянию здоровья не состоится». Эйзенхауэр несколько иначе излагает историю несостоявшегося визита: «В ответ на гостеприимный жест Советского правительства, пригласившего меня посетить их страну, американское военное министерства с одобрения президента Трумэна тут же пригласило маршала Жукова прибыть с визитом в Америку. Согласие было сразу же получено, и мы думали, что маршал в самое ближайшее время поедет в Штаты. Он просил, чтобы генерал Клей или я поехал вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну, точно так, как он меня сопровождал в России. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54. Это обрадовало маршала. Он уже летал на этом самолете в Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа. К сожалению, вскоре маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломатическая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека, перенесшего тяжелую болезнь».

Нетрудно заметить, что Жуков, в основном, повторяет то, что сообщается в «Крестовом походе», вышедшем в свет в еще в 1948 году. Возможно, маршал пользовался этой книгой при работе над мемуарами. Однако и Жуков, и Эйзенхауэр в данном случае немного лукавят.

После того как в 4б-м году имя Жукова надолго исчезло со страниц газет, Эйзенхауэр ничего не знал о судьбе маршала (тогда же, в апреле, после отъезда Жукова в Москву, прервалась их переписка). Сомневался даже, жив ли маршал. И чувствовал, что если русский друг и пребывает в добром здравии, то

наверняка находится в глубокой опале. И чтобы не повредить ему, Эйзенхауэр счел нужным поддержать версию о внезапной тяжелой болезни Георгия Константиновича. Хотя прекрасно знал, что болезнь-то была именно дипломатическая (американские историки связывают ее с происшедшим накануне срывом заседания Совета министров иностранных дел четырех держав победительниц и начавшимся сползанием к «холодной войне»). 1 октября 1945 года заместитель Эйзенхауэра генерал Клей был извещен, что Жуков заболел и вынужден отложить поездку в США: у него сильно болит горло и высокая температура. Однако уже 5 октября, в день, когда Георгий Константинович должен был прибыть в Штаты, Эйзенхауэр получил послание от своего политического советника Р. Мэрфи, где цитировалось сообщение американского посольства в Москве. Маршал, оказывается, не настолько болен, чтобы лежать в постели: сотрудники посольства имели счастье лицезреть его в театре вечером 2 октября, причем явно в хорошем самочувствии.

Не приходится сомневаться, что насчет болезни Жуков говорит неправду. Это подтверждает и его дочь Элла: «Отец был глубоко огорчен, когда не смог по приглашению Эйзенхауэра посетить с ответным визитом США. Сталин сначала поддерживал идею визита, но потом по причинам, о которых можно только догадываться, изменил свое решение. „К сожалению, перед полетом я заболел“, — пишет отец в своих мемуарах… Но мы-то знали, что болезнь носила дипломатический характер. Мы поняли, что его, по сути дела, вынудили отказаться от желанной поездки. Не исключено, что таким образом ему указали на место».

Как правоверный коммунист, маршал не мог писать иначе. Ведь то, что отмена визита Жукова произошла по политическим причинам, вплоть до смерти маршала и еще много лет после оставалось в СССР государственной тайной. А вот насчет своего звонка Сталину Георгий Константинович придумал: очень хотелось показать, что мог запросто приказывать Сталину. Позвоните, мол, Иосиф Виссарионович, американскому послу да скажите, что Жуков заболел и лететь в Америку никак не может. В действительности дело обстояло наоборот. Сталин позвонил Жукову и сказал тоном, не терпящим возражений: «Товарищ Жуков, сообщите американцам, что вы больны и вынуждены отложить поездку». А могло быть и еще унизительнее: «Товарищ Жуков, мы уже информировали американцев, что вы больны и приехать не сможете». Скорее всего, сам Иосиф Виссарионович

предложил маршалу после отмены визита обязательно появиться на публике в театре. Дабы американцы его там увидели и поняли, что Георгия Константиновича поразила дипломатическая болезнь, а не какая-то там ангина. Только главная причина отмены визита лежала отнюдь не в росте напряженности в советско-американских отношениях. Сталин начал смотреть на Жукова как на своего политического соперника и решил, что пора поставить маршала на место. Возможно, что вождь с самого начала не собирался отпускать Жукова в Америку, а специально поиграл с ним как кошка с мышкой, чтобы в последний момент выставить в невыгодном свете перед американскими друзьями.

Американский дипломат Чарльз Е. Болен, главный советник американского правительства по советским делам, прекрасно знавший русский язык и нередко выступавший в роли переводчика, в конце мая 45-го посетил Москву вместе со специальным представителем президента Трумэна Гарри Гопкинсом. В мемуарах Болен описал их встречу со Сталиным:

Гопкинс спросил Сталина, когда он собирается назначить официальных советских представителей в Контрольный совет, указав, что США уже назвали в этом качестве Эйзенхауэра, а Англия — Монтгомери. Сталин сказал, что собирается назначить Маршала Жукова, но при этом подчеркнул, что политическая рука советского правительства полностью контролирует военных. Поэтому в Берлине от имени Москвы в действительности будет говорить Вышинский». Жуков еще даже не назначен в Контрольный совет, а Сталин уже принижает его положение перед союзниками, разъясняет, что маршал будет кем-то вроде свадебного генерала, а политику в отношении Германии будет определять Александр Януарьевич.

Из Москвы Гопкинс с Боленом отправились в Берлин. Здесь 7 июня они имели легкий лэнч с Жуковым («легкий в отношении еды, тяжелый в отношении водки», как отмечает Болен). Дальше путь дипломатов лежал во Франкфурт, где они беседовали с Эйзенхауэром. О Жукове генерал говорил с большим уважением, возлагал на него большие надежды в плане развития советско-американских отношений. Подобные мысли Эйзенхауэр высказывал не раз и не два, и они не могли не дойти до агентов советской разведки и дипломатов, а от них — к Сталину.

Посол США в Москве Аверал Гарриман сообщал в Вашингтон в дни визита Эйзенхауэра: генерал заверил его, что его друг

Жуков, который называет Эйзенхауэра просто «Айк», будет преемником Сталина и откроет новую эру дружественных отношений между Америкой и Россией[8]. Посольство было под плотной опекой советских спецслужб, и высказывания Эйзенхауэра о Жукове наверняка стали известны Сталину. А вождь, как известно, сам любил назначать себе преемников и терпеть не мог, когда это за него пытались сделать другие. Так что опала Жукова была предрешена еще в августе 45-го. Требовалось только несколько месяцев на ее техническую подготовку.

Последний раз в Германии Жуков и Эйзенхауэр встретились на приеме, который советская сторона давала в Берлине 7 ноября 1945 года. Американский генерал уезжал в Вашингтон, чтобы возглавить штаб армии США. Он подробно описал эту встречу: «Когда я прибыл, маршал Жуков со своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. Разговор продолжался два часа.

Общий тон высказываний маршала сводился к тому, что, по его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы — установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: «Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет».

Жуков с Эйзенхауэром ведет в отсутствии Вышинского политические разговоры, далеко выходящие за рамки проблем управления оккупированной Германией. Сталину такое никак не может понравиться. Вышинский уж точно доложил ему, что маршал уединился с американским командующим на целых два часа. Как знать, о чем они говорили? Уж не государственный ли переворот в Москве обдумывали? И вообще, Жуков не очень почтителен со своим политическим надзирателем. В период Потсдамской конференции, по словам Эйзенхауэра, Жуков «резко

обошелся со своим политическим советником Андреем Вышинским, предложив ему выйти из комнаты, чтобы могли конфиденциально переговорить». Пора, пора убирать маршала из Германии! И Сталин переместил Жукова из Берлина в Москву — с повышением.

Вот что рассказал об обстоятельствах своего нового назначения сам Георгий Константинович: «В конце марта 1946 года, когда я вернулся после сессии Верховного Совета… в Берлин, мне передали, чтобы я позвонил Сталину.

— Правительство США отозвало из Германии Эйзенхауэра… Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?

Жуков согласился с этим предложением. Через пару дней ночью ему опять позвонил Сталин:

— Политбюро согласно назначить вместо вас Соколовского. После очередного совещания Контрольного совета выезжайте в Москву… Еще один вопрос. Мы решили ликвидировать должность первого заместителя наркома обороны, а вместо него иметь заместителя по общим попросим. На эту должность будет назначен Булганин. Он представил мне проект послевоенного переустройства вооруженных сил. Вас нет в числе основных руководителей Наркомата обороны. Начальником Генерального Штаба назначается Василевский. Главкомом Военно-Морского Флота думаем назначить Кузнецова. Какую вы хотели бы занять должность?

— Я не думал над этим вопросом, но буду работать на любом посту, который Центральный Комитет сочтет для меня более целесообразным.

— По-моему, вам следует заняться сухопутными войсками. Мы думаем, во главе их надо иметь главнокомандующего. Не возражаете?

— Согласен.

— Хорошо. Вернетесь в Москву и вместе с Булганиным и Василевским поработаете над функциональными обязанностями и правами руководящего состава Наркомата обороны».

Георгий Константинович был явно огорчен. Он-то рассчитывал, что останется первым заместителем Сталина по Наркомату обороны. Но Иосиф Виссарионович предпочел ему Булганина, не имевшего военного образования и опыта, не пользовавшегося популярностью среди офицеров и генералов, зато и не представляющего никакой угрозы сталинскому всевластию.

Само назначение Жукова произошло довольно странно. Сталин имел полную возможность обсудить вопрос с ним в, Москве, но почему-то специально дождался отъезда Георгия Константиновича в Берлин. Эйзенхауэр и Монтгомери оставили свои посты в Германии и вернулись на родину еще осенью 45-го, но с отзывом Жукова Сталин тянул до весны 46-го. Можно предположить, что Иосиф Виссарионович не хотел долгого разговора с маршалом по поводу принятого решения и предпочел короткий обмен репликами по телефону. И Жукова в Германии держал несколько месяцев потому, что подыскивал человека на пост министра обороны и обдумывал, какую должность всего безопаснее предложить Георгию Константиновичу. И решил, что Николай Александрович Булганин — самая подходящая кандидатура. Высокопоставленный партийный чиновник, не имеющий прочных связей в армии, исполнительный и несамостоятельный. Единственный существенный, но терпимый недостаток — прогрессирующий с годами алкоголизм.

Жуков же в Москве получает громкий, но, по сути, не столь уж значительный пост. Главнокомандующий Сухопутных войск звучит внушительно, а реальной власти куда меньше, чем у главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии. Там под началом у Жукова — одна из наиболее мощных группировок, которой командуют хорошо знакомые ему генералы, многие из которых лично маршалу обязаны своим выдвижением. Эту армию, в случае чего, и на советскую столицу двинуть можно, особенно если заручиться поддержкой союзников, того же Эйзенхауэра. А в Москве над главкомом сухопутных сил еще начальник Генштаба — лично безусловно преданный Сталину Василевский и заместитель наркома обороны по общим вопросам и фактический руководитель военного ведомства Булганин. Оперативное руководство войсками находится в ведении Генерального штаба, Жукову остается разрабатывать уставы да планы учений.

Георгия Константиновича, в апреле 46-го вернувшегося в

Москву, подобная канцелярская работа не прельщала. Он стремился расширить свои полномочия, иметь возможность непосредственно руководить войсками и получить по службе доступ непосредственно к Сталину. Жуков вспоминал: «После рассмотрения Положения о Наркомате обороны (тогда уже — Министерстве вооруженных сил. — Б. С.) у меня возникли серьезные разногласия с Булганиным о правовом положении главнокомандующих видами вооруженных сил и первого заместителя наркома. По его проекту получалось так, что главкомы в практической работе имеют дело не с наркомом обороны, а с его первым заместителем. Защищая свой проект, Булганин пытался обосновать его тем, что нарком обороны Сталин перегружен делами партии и государства.

«Это не довод, — сказал я Булганину и попытался отвести его аргументы. — Сегодня нарком — Сталин, а завтра может быть другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для конкретной должности».

Обо всем этом Булганин в извращенном виде доложил Сталину. И через день Сталин сказал мне, что над Положением о Наркомате обороны придется еще поработать. Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, не смыслил в оперативно-стратегических вопросах. Но будучи человеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к Сталину и завоевать его доверие».

Георгий Константинович явно рассчитывал на равные права с Булганиным в руководстве военным ведомством. Но расчеты были построены на песке.

Сталина насторожило предложение Жукова на время учений слить части Резерва Главного Командования с сухопутными войсками. Булганин усмотрел здесь желание Георгия Константиновича сосредоточить под своим началом все наземные войска. Далеко ли тут до намерения совершить переворот? Так, по крайней мере, мог думать Сталин.

В ночь с 22-го на 23-е апреля 1946 года был арестован бывший главком ВВС Главный маршал авиации А.А. Новиков, большой друг Жукова. Для Георгия Константиновича это был тревожный сигнал. Развязка наступила через месяц с небольшим. Вот что рассказывал Жуков военному историку Н.А. Светлишину: «Я был предупрежден, что назавтра (1 июня. — Б. С.) назначено

заседание Высшего военного совета. Поздно вечером приехал на дачу. Уже собирался лечь отдыхать, услышал звонок и шум, вошли трое молодцев. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск… Кем — было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие…

А на следующий день состоялось заседание Высшего военного совета, на которое были приглашены маршалы Советского Союза и некоторые маршалы родов войск… Генерал Штеменко занял стол секретаря Совета. Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, в довоенном френче… Он надевал его, когда настроение было «грозовое». Недобрая примета подтвердилась… Его взгляд на какое-то едва уловимое мгновение сосредоточился на мне. Затем он положил на стол папку и глухим голосом сказал: «Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы».

Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания находившегося в застенках Берии бывшего члена Военного совета 1-го Белорусского фронта К.Ф. Телегина и бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А.А. Новикова. Суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота. Всего в деле фигурировало 75 человек — из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним в списке был я.

После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. И вот первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых в мой адрес обвинений. Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Маленков и Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательств не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова. После Маленкова и Молотова выступили маршалы Советского Союза Конев, Василевский и Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках моего характера и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что я не могу быть заговорщиком. Особенно ярко и аргументировано выступил маршал бронетанковых войск

Рыбалко, который закончил свою речь так: «Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны».

Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел ко мне, спросил:

— А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать? Я посмотрел удивленно и твердым голосом ответил:

— Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от Телегина и Новикова. Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду.

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал:

— А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Я. ответил, что готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство…».

В жуковском рассказе есть две совершенно фантастические детали. Во-первых, на заседании Военного Совета никак не могли быть зачитаны показания Константина Федоровича Телегина, которого арестовали лишь 28 января 1948 года, оформив постановление на арест тремя днями позже. Во-вторых, министром госбезопасности в июне 46-го был не Берия, а Абакумов, и сама интрига против Жукова была связана также с начавшимся противостоянием Абакумова и Берии.

В архиве Жукова сохранилось и другое его свидетельство о Высшем Военном совете 1 июня 1946 года: «Я чувствовал, что вокруг меня идет какая-то неблаговидная работа. И наконец, разразилась для меня крупная неприятность. Сталин собрал Главный (в действительности Высший — Б. С.) военный совет, на который были приглашены все члены Политбюро, маршалы,

генералы, в том числе Ф.И. Голиков и А.В. Хрулёв. В зал заседания вошел Сталин. Он был мрачен, как черная туча. Ни слова не говоря, он достал из кармана бумагу, бросил ее секретарю Главвоенсовета Штеменко и сказал: „Читайте“. Штеменко, Взойдя на трибуну, начал чтение. Это было заявление на маршала Жукова от бывшего адъютанта подполковника Сёмочкина и главного маршала авиации А.А. Новикова, содержащихся в тюрьме, арестованных органами госбезопасности. Заявление было написано на нескольких листах, основная суть сводилась к тому, что маршал Жуков нелояльно относится к Сталину, считает, что он, Жуков, а не Сталин вершил главные дела во время минувшей войны, что якобы Жуков неоднократно вел разговоры, направленные против Сталина. Якобы я во время войны сколачивал вокруг себя группу недовольных генералов и офицеров.

После зачтения этого заявления Сталин предложил высказаться. Выступили Молотов, Берия и Булганин. Все они критиковали меня за то, что я оказался не благодарен Сталину за его хорошее ко мне отношение, что я якобы зазнался и не хочу считаться не только с авторитетом Политбюро, но и лично Сталина, что меня следует одернуть и поставить на свое место.

В таком же духе выступил генерал Голиков, указав, что якобы я зря снял его с должности командующего фронтом за неудачу действий войск фронта под Харьковом в 1943 году. Но большинство выступавших маршалов меня поддержали. Особенно резко в мою защиту выступил маршал бронетанковых войск Рыбалко, рассказавший, как в особо сложных условиях и опасных моментах Жуков помогал войскам находить правильные решения и громить врага.

Кончилось тем, что меня сняли с должности главкома Сухопутными войсками и отправили командовать войсками Одесского военного округа, а на состоявшемся Пленуме ЦК ВКП (б) вывели из состава ЦК без всякой формулировки. Жданов при этом сказал: «Жуков еще молод и не созрел для ЦК».

В 1947 году была арестована большая группа генералов и офицеров и главным образом те, кто когда-либо работал со мной. В числе арестованных были генералы Минюк, Филатов, Варенников, Крюков, Телегин и другие. Всех их физически принуждали признаться в подготовке «военного заговора» против сталинского руководства, организованного маршалом Жуковым,

Этим «делом» руководили Абакумов и Берия».

Здесь заявление Телегина на Военном совете Жуков заменил на заявление Сёмочкина, что столь же далеко от истины. Алексея Сидоровича арестовали только в 47-м, а его заявление предъявили маршалу в январе 48-го. Разнится и состав выступавших. Из членов Политбюро в обеих версиях, Светлишина и Жукова, совпадает только Молотов. В жуковской записи Маленков заменен на Берию и добавлен Булганин, который членом Политбюро стал лишь в 1948 году. Разнится и перечень выступавших военных. В первом случае названы Конев, Рокоссовский, Василевский и Рыбалко. Во втором — Голиков и Рыбалко. В собственноручно написанном рассказе о заседании 1-го июня Георгий Константинович, в отличие от записи Светлишина, не утверждает, что тогда его обвиняли в военном заговоре. Речь шла будто бы только о «нелояльности» к Сталину и приписывании себе всех главных побед Красной Армии.

Симонову Георгий Константинович говорил: «Когда я уже был снят с должности заместителя министра и командовал округом в Свердловске (т. е. в 48-м году. — Б.С.), Абакумов, под руководством Берии, подготовил целое дело о военном заговоре. Был арестован целый ряд офицеров, встал вопрос о моем аресте. Берия с Абакумовым дошли до такой нелепости и подлости, что пытались изобразить меня человеком, который во главе арестованных офицеров готовил военный заговор против Сталина. Но, как мне потом говорили присутствовавшие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берии о моем аресте, сказал: „Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя“.

Маршал не слишком любил Сталина (и было за что не любить!). Но совсем принижать образ вождя не хотел. Все же Георгий Константинович был его заместителем, а быть заместителем у негодяя и недоумка — велика ли честь! Вот и стремился Жуков поддержать легенду о «лихих супостатах» Берии и Абакумове, пытавшихся без ведома Сталина сгубить маршала, которого вождь в обиду не дал. Хотя известно, что против людей такого уровня, как Жуков, без санкции Иосифа Виссарионовича дело начинать не могли. Думаю, что сталинские слова, столь лестные для нашего героя, придумал сам Георгий Константинович или кто-то из его почитателей. А уж что в 48-м году Абакумов и Берия не могли вместе работать против Жукова

или кого другого, так это точно. Берия тогда был занят почти исключительно атомным проектом, а с Абакумовым отношения у них были более чем прохладные.

О заседании Высшего Военного совета, на котором снимали Жукова, сохранились воспоминания маршала Конева и адмирала флота Кузнецова. Иван Степанович в посмертно опубликованных мемуарах утверждал, что зачитывались только показания Новикова, а потом выступил Сталин: «Он заявил, что Жуков присваивает все победы Советской Армии себе. Выступая на пресс-конференциях в Берлине, в печати, Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции и Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им, маршалом Жуковым, что он в большинстве случаев является автором замыслов Ставки, что именно он, участвуя активно в работе Ставки, обеспечил основные успехи Советских Вооруженных Сил. Сталин добавил, что окружение Жукова тоже старалось и не в меру хвалило Жукова за его заслуги в разгроме немецко-фашистской Германии. Они подчеркивали роль Жукова как основного деятеля и наиболее активного участника в планировании проводимых операций. Жуков против этого не возражал и, судя по всему, сам разделял подобного рода суждения. Что же выходит… Ставка Верховного Главнокомандования, Государственный Комитет Обороны, — и он указал на присутствующих на заседании членов Ставки и ГКО, — все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании и проведении всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны? Поведение Жукова… является нетерпимым, и следует вопрос о нем очень обстоятельно разобрать на данном Совете и решить, как с ним поступить.

Закончив выступление, Сталин обвел взглядом всех присутствующих, давая понять, что он желал бы выслушать мнение военных. На этом Совете присутствовали маршалы Жуков, Конев, генерал армии Соколовский, маршал бронетанковых войск Рыбалко, генерал армии Хрулёв, генерал-полковник Голиков, маршал Рокоссовский. Маршала Василевского и всех остальных маршалов на этом заседании не было… Присутствовали… члены Политбюро.

Первым взял слово я… Вначале я отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный… С ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по

фронту. Привел в качестве примера наши споры по Берлинской операции. Но, однако, заявил, что категорически отвергаю предъявленные Жукову, обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК. Сказал, что считаю Жукова человеком, преданным партии, правительству и лично Сталину, честным коммунистом… Если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем боле нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать… Сразу после меня выступил маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко. Он тоже подтвердил, что характер у Жукова тяжелый, но при выполнении обязанностей координатора Ставки и как командующий фронтом он отдавал весь свой опыт и знания делу выполнения поставленных перед войсками того или иного фронта или нескольких фронтов задач…

Затем выступил генерал армии Василий Данилович Соколовский, который построил свое выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков — честный человек, честно выполнял приказы, и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера, действительно, нелегко.

Выступил и Константин Константинович Рокоссовский. Очень дипломатично он отметил, что никак не разделяет обвинения в адрес Жукова в том, что он политически опасный человек, нечестный коммунист (Симонову Конев о выступлении Рокоссовского сказал подробнее и довольно-таки обидно для Константина Константиновича: «Говорил витиевато. Мне почувствовалась в его словах обида на то, что в свое время Жуков сдвинул, заменил его на 1-м Белорусском фронте и ему пришлось перейти на второстепенный — 2-й Белорусский фронт. Хотя, конечно, с точки зрения масштабов командующих фронтами это, на мой взгляд, величины несоизмеримые, и сделано это было правильно». — Б. С.)

Генерал армии Хрулёв… произнес яркую речь в защиту Жукова. И тоже подчеркнул, что… характер у Жукова не из легких.

Затем выступил генерал Голиков… Он читал свое выступление, держа перед собой блокнот, и вылил на голову Жукова много, я бы сказал, грязи, всякого рода бытовых подробностей. Мне трудно судить, что было правдой, а что нет… Выступление Голикова было заранее подготовлено, оно должно было подтвердить неблагонадежность Жукова, подробно перечислить существующие и несуществующие его недостатки.

После военных выступили члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия и другие, все они в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы Советских Вооруженных Сил, что он человек политически незрелый, непартийный и что суть характера Жукова не только в том, что он тяжелый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки.

Обвинения были тяжелые. Жуков сидел, повесив голову, и очень тяжело переживал: то бледнел, то заливался краской. Наконец ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление Новикова, что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с обвинениями в нечестности и непартийности, он коммунист, который ответственно выполнял все порученное ему партией; что он действительно признает себя виновным только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом. Во время речи Жукова Сталин бросил реплику:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Я с места ответил:

— Товарищ Сталин, история на этот счет всегда даст правильный ответ, потому что факты — упрямая вещь.

Словом, Жуков был морально подавлен, просил прощения, признал свою вину в зазнайстве, хвастовстве своими успехами и заявил, что на практической работе постарается изжить все те недостатки, на которые ему указали…

После обсуждения и после выступления Жукова Сталин, вновь обводя зал глазами, задал вопрос:

— Что же будем делать с Жуковым?..

Мнение было единодушное. Жукова надо освободить от должности главкома сухопутных войск».

Конев полагал, что первоначально Сталин думал поступить с Жуковым куда более круто: «В ходе обсуждения… складывалось впечатление, что Сталин, видимо, хотел более жестких решений в отношении Жукова, потому что после выступления членов Политбюро обстановка была предельно напряженной. Невольно у каждого сидящего возникало такое ощущение, что против Жукова готовятся чуть ли не репрессивные меры. Думается, что после выступления военных, которые все дружно отметили недостатки Жукова, но в то же время защитили его, показали его деятельность на посту командующего фронтом, на посту координатора (а то Сталин об этом без Конева и Рокоссовского не знал! — Б. С.), сыграли свою роль. После этого у Сталина, по всей видимости, возникли соображения, что так решать вопрос с Жуковым — просто полностью отстранить, а тем более репрессировать — нельзя, это будет встречено неодобрительно не только руководящими кругами армии, но и в стране, потому что авторитет Жукова среди широких слоев народа и армии был бесспорно высок. Поэтому кто-то из членов Политбюро и сам Сталин предложили назначить его командующим войсками небольшого военного округа. И тут же назвали — Одесский».

В беседе с Константином Симоновым Иван Степанович выразился насчет возможных намерений Сталина еще определеннее: «…После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось».

А вот адмиралу Кузнецову так не показалось. Он на Совете присутствовал, но слова не брал. Николай Герасимович оставил собственную зарисовку, по его словам, «первой неприятности» Жукова: «Однажды в зале заседаний Кремля собрались члены Политбюро и маршалы. Выступил Сталин и объявил, что Жуков, по полученным им данным, ведет разговоры о якобы незначительной роли Ставки во всех крупных операциях. Он показал телеграмму, на основании которой делались такие

выводы, и, обращаясь к членам Политбюро, сказал: „Вы знаете, как возникали идеи различных операций“. Дальше он пояснил, как это бывало. Идея рождалась в Ставке или предлагалась Генеральным штабом. Затем вызывался будущий командующий операцией, который… вникал в суть идеи. После этого ему предлагалось тщательно подумать и (не делясь пока ни с кем) доложить (через неделю-две) Ставке свое мнение. Ставка же разбиралась в деталях и утверждала план будущей операции. С планом операции знакомился узкий круг лиц, и начиналась разработка документов фронта. Жуков присутствовал, но не опроверг сказанного. Все считали своим долгом высказать на этом необычном совещании свое мнение с осуждением Жукова. Одни говорили резко и не совсем справедливо, а большинство — осторожно, но в том же духе».

Конев и Кузнецов, независимо друг от друга, опровергают Жукова в одном важном пункте. Оказывается, после оглашения заявления Новикова сначала выступил Сталин, и только потом слово дали маршалам и членам Политбюро, и Георгий Константинович неслучайно умолчал об этом. Если сам Сталин обвинил маршала только в зазнайстве, нескромности, принижении роли Ставки Верховного Главнокомандования в войне, приписывании себе чужих заслуг, но не выдвинул собственно политических обвинений, то никто из военных и членов Политбюро не рискнул бы по своей инициативе уличить Жукова в заговоре. А Георгий Константинович хотел создать впечатление, что ему грозили обвинения в «бонапартизме» и была реальная возможность его ареста. А Конев, дабы подчеркнуть значимость своего выступления и солидарной позиции генералов и маршалов, выдвинул версию, будто Сталин вынужден был отказаться от первоначального намерения репрессировать Жукова. Но Верховный Главнокомандующий из-за мнения большинства маршалов никогда не отказался бы от уже принятого кадрового решения — «гнилой демократии» Иосиф Виссарионович никогда не допускал.

Вспомним Главный Военный совет, состоявшийся 1–4 июня 1937-го. Тогда маршалы и командармы, комкоры и комдивы признали виновными в заговоре и шпионаже Тухачевского и его товарищей, чтобы потом разделить их печальную участь. Из 42 выступивших на том Совете военачальников 34 впоследствии были казнены. Но между двумя заседаниями, разделенными ровно девятью годами, была одна принципиальная разница. В 37-м Тухачевский, Якир, Уборевич и другие были арестованы еще до

начала заседания, и от них уже успели получить признательные показания. Если бы Сталин хотел поступить с Жуковым так же, как ранее поступил с Тухачевским, то арестовал бы Георгия Константиновича. И уж постарался, чтобы еще до созыва Высшего Военного совета люди Абакумова выбили бы у маршала признание в шпионаже в пользу Америки и Англии (раз встречался с Эйзенхауэром и Монтгомери, значит, шпион!), а заодно и в планировании военного переворота. Опыт в этом деле у госбезопасности был большой. При желании даже двухчасовую встречу с Эйзенхауэром с глазу на глаз можно было трактовать как измену Родине. И тогда бы маршалы и генералы дружно, как один, клеймили бы изменника!

Арестовывать Жукова Иосиф Виссарионович не собирался, о чем ясно дал понять в своей вступительной речи. Генералы и маршалы получили четкий сигнал, по каким пунктам надо критиковать Жукова, и соответствующим образом выступили, приводя примеры, как Жуков присваивал чужую славу. И одновременно постарались на всякий случай заверить вождя в политической благонадежности Георгия Константиновича. Ведь в случае, если бы, подобно «заговору Тухачевского», сфабриковали бы «заговор Жукова», легко могли полететь головы любого из присутствовавших на Высшем Военном совете. Не осознание своей силы, пришедшее будто бы после победы в Великой Отечественной войне, а все тот же страх перед репрессиями заставлял маршалов защищать Жукова, раз было позволено это делать. И сам Георгий Константинович прекрасно понимал, что его не собираются в ближайшее время ставить к стенке или отправлять в лагерь. Но он знал и правила игры: в предъявленных обвинениях надо непременно покаяться. Иначе Сталин сочтет, что маршал не считает свои поступки ошибочными, упорствует в отстаивании порочной позиции, и вот тогда уж действительно несдобровать. Итоги заседания по делу Жукова подвел приказ за подписью министра вооруженных сил Сталина от 9 июня 1946 года. Приказ готовили Булганин и Василевский, а последнюю правку вносил сам Сталин. Там говорилось, что Новиков сообщил «о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к Правительству и Верховному Главнокомандованию». «Маршал Жуков, — утверждалось в приказе, — несмотря на созданное ему Правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями Правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц». Он «утерял всякую скромность и, будучи увлечен чувством

личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены». При этом перечислялись операции, разработку и проведение которых Жуков приписывал себе без каких-либо на то оснований: ликвидация сталинградской, крымской и корсунь-шевченковской группировок. Отмечалось также, что Киев в ноябре 43-го был взят ударом с севера, а не с юга, как предлагал Жуков, и что при проведении Берлинской операции «без удара с юга войск маршала Конева и удара с Севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят».

В приказе» подчеркивалось, что «под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего Военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту Главкома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы».

Единственное место в этом приказе, где можно было усмотреть намек на какую-то конспирацию, звучало так: «… Маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым Правительству и Верховному Главнокомандованию». Здесь содержалось предупреждение маршалу: не веди опасных разговоров, не общайся с опальными генералами, а то худо будет.

В заявлении Новикова по поводу попыток Жукова «группировать вокруг себя недовольных» говорилось следующее: «Касаясь Жукова, я, прежде всего, хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений. Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных интересах стремится чаще бывать в войсках, чтобы таким образом завоевать себе еще больший авторитет (хорошенькое противопоставление личных и государственных интересов. Нелепый пассаж явно продиктовали Александру Александровичу следователи МГБ. — Б.С.). Вместо того чтобы мы, как хорошие командиры сплачивали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, Жуков ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей у вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является „добрым дядей“. Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов (тогдашний заместитель министра внутренних

дел, а в конце воины — уполномоченный НКВД по Германии, заместитель Жукова по делам гражданской администрации и уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту. — Б.С.).

Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я, в свою очередь, угодничал перед ним… Так, были случаи, когда после посещения Ставки я рассказывал Жукову о настроениях Сталина, когда и за что Сталин ругал меня и других, какие я слышал. там разговоры и т. д. Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытался умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им…

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у Жукова, высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав арестовывать людей из ВВС. Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить». Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС…

После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий… 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция был» разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за нее даются другим людям».

Вот тебе и маршальские погоны, которые Жуков лично прислал Коневу, чем растрогал Ивана Степановича до слез! Оказывается, в душе Жуков не считал маршальское звание Конева вполне заслуженным. Но и своего выдвиженца Ватутина Жуков характеризовал весьма сурово. Новиков продолжал: «Тогда же Жуков… говорил, что Ватутин неспособный человек, как Командующий войсками, что он штабист, и если бы не он, Жуков, то Ватутин не провел бы ни одной операции. В связи с этим Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами».

Главный маршал авиации поведал и о случае с бывшим маршалом Куликом: «Осенью 1944 года под Варшавой Жуков… рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед Сталиным о том, чтобы Кулика наградили орденом Суворова, но Сталин не согласился с этим, что он — Жуков — стал просить о возвращении Кулику орденов, которых он был лишен по суду, с чем Сталин также не согласился. И в этом случае Жуков высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением».

Как же появилось на свет заявление Новикова? Можно ли верить приведенным там фактам? Падение Александра Александровича было предопределено вскоре после окончания войны, когда он с первого раза отказался писать представление сына Сталина Василия к генеральскому званию, хотя в конце концов вынужден был уступить требованию Иосифа Виссарионовича. Тут и Василий Иосифович в долгу не остался. Написал отцу о плохом качестве советских самолетов. Была создана специальная комиссия, которая однозначно установила, что с ведома главкома ВВС у авиапромышленности принималась бракованная боевая техника. Через месяц после начала работы комиссии Новикова, снятого с поста главкома, арестовали. А 30 апреля 1946 года, через неделю после ареста, появилось новиковское заявление против Жукова.

Александра Александровича Сталин освободил в феврале 52-го, после шести лет тюрьмы. В мае 53-го маршала реабилитировали. Этому предшествовало заявление Новикова новому министру внутренних дел Берии от 2 апреля 1953 года: «…Во время следствия меня несколько раз вызывал на допрос Абакумов. На этих допросах постоянно присутствовал следователь Лихачев. Абакумов ругал меня площадной бранью, унижал мое человеческое достоинство… угрожал расстрелом, арестом моей семьи… В присутствии следователя Лихачева он сказал, что я должен буду подписать составленное и отпечатанное заявление на имя Сталина… Лихачев давал мне подписывать по одному листу, и так я подписал это заявление… В этом заявлении приводились, как якобы известные мне факты, различные клеветнические вымыслы, компрометирующие… маршала Жукова… Абакумов на допросах в присутствии Лихачева неоднократно подробно меня расспрашивал о моих встречах и разговорах с Жуковым и Серовым…». Очевидно, Новиков знал, что Абакумов — враг Берии и уже находится под арестом. По всей

вероятности, до Александра Александровича также дошла информация, что Жуков вновь возвращен на пост заместителя министра обороны. А что Серов — человек, близкий к Берии, Новиков и раньше знал, равно как и то, что Георгий Константинович и Лаврентий Павлович были в неплохих отношениях. Об этом пишет и сын бывшего шефа МВД Серго Берия: «В моей памяти Георгий Константинович остался близким другом отца и просто замечательным человеком… В марте 1953 года, когда Георгия Константиновича назначили первым заместителем министра обороны, помню его разговор с моим отцом, что его обязательно надо сделать министром. Пока, сказал отец, не получилось, и надо подождать немного. „Ты, Георгий, — говорил отец, — не переживай. Кроме тебя, в этой должности никого не вижу“… Жуков в узком кругу называл политработников шпиками и не раз говорил у нас дома:

«Сколько же можно их терпеть? Или мы не доверяем офицерам?» Отец успокаивал: «Подожди, сразу ломать нельзя. Мы с тобой, поверь, не устоим. Надо ждать».

Потом, после смерти Сталина, Берия будет стремиться переместить власть от партийных органов к советским. В связи с этим он вполне мог сочувствовать неприязни Жукова к комиссарам. Правдоподобна и версия о том, что именно Берия рекомендовал Георгия Константиновича первым заместителем министра обороны. Булганин, как утверждал впоследствии Жуков, был против назначения Жукова своим заместителем и мог согласиться с этим решением только под нажимом кого-то из более влиятельных членов Президиума ЦК. Можно предположить: раз Берия поторопился освободить человека, которого использовали для конструирования жуковского дела и который теперь настаивал на ложности своего заявления 46-го года, значит, во всяком случае, не питал к Жукову недобрых чувств и не думал, что Георгий Константинович его ненавидит. Это потом, когда Хрущев, Маленков и Молотов решили Берию убрать, Жуков оказался в составе команды, арестовывавшей Лаврентия Павловича.

В декабре 54-го Новиков выступал свидетелем на якобы открытом процессе Абакумова, после которого Виктора Семеновича тотчас же расстреляли (сейчас Верховный суд России признал, что надо было не расстреливать, а дать 25 лет тюрьмы). Стенограмма процесса, замечу, оставалась секретной вплоть до 90-х годов и полностью не опубликована по сей день. Но

сохранились тезисы Новикова к выступлению на суде.

Маршал утверждал: «Арестован по делу ВВС, а допрашивают о другом… Был у Абакумова не менее 7 раз, как днем, так и ночью, что можно установить по журналу вызовов из тюрьмы… Протоколы не велись, записей не делалось, стенографистки не было… Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний… Вопросы состояния ВВС были только ширма…».

Новиков цитировал по памяти следователя Лихачева: «Был бы человек, а статейку подберем… Какой ты маршал — подлец, мерзавец. Никогда отсюда больше не выйдешь… Расстреляем к е…й матери… Всю семью переарестуем… Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакал, он такая же сволочь, как ты…». Александр Александрович так объяснил собственное малодушие:

«Допрашивали с 22-то (точнее, с 23-го. — Б. С.) по 30 апреля ежедневно, потом с 4-го по 8-е мая… Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи… Не уснешь, постоянный свет в глаза… Не только по причине допросов и нервного напряжения, чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему — лишь бы отвязались — потому и подписал — малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничтожения. Были минуты, когда я ничего не понимал… я как в бреду наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то… Заявление на Жукова по моей инициативе?.. Это вопиющая неправда… со всей ответственностью заявляю, что я его не писал, дали печатный материал… Дело было так: к Абакумову привел меня Лихачев. Не помню, у кого был документ… Абакумов сказал: вот познакомьтесь — и подпишите. Заявление было напечатано… Ни один протест не был принят… Потом заставили… Это было у Лихачева в кабинете, продолжалось 7–8 часов… Было жарко мне, душно, слезы и спазмы душили…».

Из объяснений Новикова, данных восемь лет спустя, совсем в другой политической обстановке, видно: его в тюрьме не только не били, но даже не устраивали столь распространенной у чекистов пытки бессонницей. Александр Александрович не спал от нервного возбуждения, да еще от непривычки спать при освещении, круглосуточно горевшем в камере. Тем не менее

бравый маршал сломался всего за неделю. И протоколы допросов, на которых Новикова будто бы понуждали подписать заявление против Жукова, как назло не сохранились. В 54-м году, когда судили Абакумова, Жуков был заместителем министра обороны, и Новиков никак не мог признавать, что в его заявлении против Георгия Константиновича много правды. Александру Александровичу пришлось лгать, что его будто бы заставили подписать не им составленый лист. Эта версия легко опровергается: в архиве сохранился написанный рукою Новикова оригинал заявления, с которою потом была снята машинописная копия для зачтения на Высшем Военном совете. Копию маршал также подписал. Думаю, что на самом деле «сталинского сокола», дважды Героя Советского Союза, следователям на Лубянке и ломать-то как следует не пришлось. Александр Александрович прекрасно знал, что виноват. Бракованные самолеты с заводов принимал, в результате случались аварии и гибли люди. В 53-м и в 54-м, оправдываясь, маршал утверждал: да, мол, принимал истребители с неисправным бензопроводом, но делал это исключительно с целью приблизить победу над Германией, дать в войска больше боевых машин. Как будто с неисправным бензопроводом далеко улетишь! Маршал с наркомом Шахуриным просто спешили отрапортовать о выполнении и перевыполнении правительственных заданий. Гибель летчиков их не волновала — людей до конца войны хватит. В заявлении о Жукове Новиков признавал: «…Я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускающихся авиационной промышленностью…». Во время следствия это было квалифицировано как сознательное вредительство. При реабилитации маршала в 53-м году прием заведомого брака расценили как ошибки, неизбежные во всяком большом и сложном деле. В действительности же, перед нами самая обычная преступная халатность, за которую Новикова, Шахурина и курировавшего авиапромышленность Маленкова стоило бы судить.

Новикову было хороша известно и о судьбе одного из своих Предшественников. Генерала Рычагова, посмевшего заявить Сталину, что летчики летают на «летающих гробах», расстреляли за высокую аварийность в советских ВВС. Поэтому когда Абакумов предложил Александру Александровичу сделку: жизнь и сравнительно небольшой срок в обмен на сведения, компрометирующие Жукова, маршал раздумывал недолго. Заявление на имя Сталина Новиков писал сам, следователи

могли подсказывать только некоторые формулировки. Ведь они не могли знать деталей: когда именно встречались Жуков и Новиков, о чем говорили. Характерно, что на Совете Жуков ни одного из приведенных в заявлении фактов не опроверг.

Новиков каялся также в своем поведении по отношению к Василию Сталину. И пытался перевести стрелки на Георгия Константиновича: «…Жуков хитрит и лукавит душой. Внешне ЭТО, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно. Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы по-отечески относится к нему и заботится. Но дело обстоит иначе. Когда недавно, уже перед моим арестом, я был у Жукова в кабинете на службе, и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовлетворение таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина еще резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления». Этого факта Жуков на Совете тоже опровергать не стал.

Если бы потребовалось, Абакумов и его люди могли из Новикова веревки вить. Например, заставить его показать, будто маршал Жуков составил военный заговор и замышляет теракт против вождя. Правда, для такого признания необходимо было бы Новикова изрядно поколотить. Александр Александрович должен был догадаться, что здесь ему грозит высшая мера, и просто так давать показания не стал бы. В своем последнем слове на суде, уже глядя в лицо смерти, Абакумов настаивал:

«…Я ничего не делал сам. Сталиным давались указания, а я их выполнял».

Можно не сомневаться, что и в деле Жукова Абакумов руководствовался сталинскими указаниями. Сталин же совсем не собирался в тот момент делать из Жукова изменника и шпиона. Он решил перебросить Георгия Константиновича на запасной путь — в Одесский округ. Если будет большая война, Жуков еще пригодится.

А вот наиболее рьяно защищавший Жукова маршал Рыбалко два года спустя, 28 августа 1948 года, внезапно скончался «после продолжительной и тяжелой болезни». В министерстве

госбезопасности существовала специальная лаборатория профессора Г.М. Майрановского, специализировавшаяся на ядах, вызывавших смерть с симптомами той или иной болезни. Уж не умельцы ли из «лаборатории-Х» помогли Павлу Семеновичу отойти в лучший мир?

Прибыв в Одессу, Жуков круто взялся за наведение порядка как в войсках, так и в городе. После войны в «Одессе-маме» наблюдался настоящий разгул преступности. Вечером опасно было ходить по улицам. Бандиты нападали на офицеров и членов их семей. Георгий Константинович приказал разрешить офицерам круглосуточное ношение личного оружия. На первых порах эффект был обратным. Нападать на офицеров стали чаще — теперь уже с целью завладеть оружием. Тогда Жуков дал право применять его в случае опасности нападения со стороны преступников. Маршал провел целую военную операцию против преступников. Город был разбит на сектора, в каждом из которых специально выделенная воинская часть проводила зачистку: тотальные проверки документов, налеты на притоны, засады… Всех задержанных, среди которых было много мирных граждан, случайно попавших в облавы, отправляли на ночь в комендатуру, а утром передавали милиции. Нельзя сказать, что таким способом Жуков искоренил в Одессе преступность, но нападать на военных бандиты теперь остерегались. Местные же власти расценили действия командующего как самоуправство и сигнализировали в Москву.

Еще один конфликт Жукова с Одесским обкомом произошел на почве вечно актуального квартирного вопроса. В Одесском округе было полно бесквартирных офицеров. Снять себе не то что квартиру, а даже угол можно было только за большие деньги. На оплату квартир офицеры тратили до половины жалованья. Военное ведомство жилья в ту пору почти не строило, а одесские власти считали, что не обязаны предоставлять жилплощадь офицерам. Тем более что Жуков был в опале и добиться правды в Москве не мог. Тогда Георгий Константинович решил пойти по другому пути. Секретарю обкома Алексею Илларионовичу Кириченко доложили, что военные в городе начали выявлять пустующие квартиры и вселяться в них, ссылаясь на приказ Жукова. Маршал подтвердил, что такой приказ отдал, но отменить его отказался, указав, что все делается по постановлению образованной им жилищной комиссии, куда включены и депутаты горсовета. Комиссия также стала принуждать горожан, имеющих излишки жилплощади, сдавать

комнаты офицерам по твердым ценам, значительно ниже тех, что сложились на рынке. Популярность Жукова в войсках резко возросла, зато от одесситов в обком и горком посыпались жалобы. Кириченко молил Москву: «Уберите от нас этого диктатора!» Летом 47-го Москва направила комиссию для проверки Одесского военного округа во главе с недавно назначенным министром вооруженных сил и произведенным в маршалы Булганиным. Жуков не явился встречать комиссию на вокзал. Когда-то Булганин был у него на Западном фронте членом Военного Совета, по сути, подчиненным, и теперь Георгий Константинович считал унизительным для себя быть в подчинении у «политического маршала». Этот инцидент увеличил неприязнь Николая Александровича к Жукову.

Крупных недостатков в боевой подготовке войск округа комиссия не нашла, но были выявлены факты грубого обращения Жукова с подчиненными. Офицеры жаловались: маршал жесток, порой беспощаден. В одном полку, увидев грязные умывальники, выставил командира за проходную и приказал больше в полк не пускать. Одного из своих заместителей, боевого генерала, выгнал с совещания за двухминутное опоздание. Подтвердилось и самоуправство маршала во взаимоотношениях с гражданскими властями.

До снятия Жукова с поста командующего Одесским округом прошло еще несколько месяцев. За это время получило развитие так называемое «трофейное дело» и были арестованы много знавший жуковский адъютант подполковник А.С. Сёмочкин, состоявший при Жукове генералом для особых поручений генерал-лейтенант Л.Ф. Минюк и член Военного Совета группы войск в Германии генерал-лейтенант К.Ф. Телегин. Трофеи были взяты в период пребывания Жукова в Германии. Еще 23 августа 1946 года Булганин докладывал: «В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью. При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит маршалу Жукову… Для провоза мебели была выдана такая справка: „Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г.К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии „Альбин Май“, приобретена им за наличный расчет и Военным Советом Группы Советских оккупационных войск в Германии разрешен вывоз в Советский Союз“. Группы войск в Германии возглавлял тогда бывший начальник штаба у Жукова Василий Данилович Соколовский, а членом Военного Совета состоял Константин

Федорович Телегин, по части „трофейной лихорадки“ не уступавший Жукову и вагонами гнавший на родину награбленное или скупленное по дешевке барахло.

Одесской таможне Булганин велел мебель адресату не выдавать до особого распоряжения. Впечатляет опись «имущества, прибывшего из города Хемниц». Акт о его задержании был составлен 19 июня — вскоре после снятия Жукова с поста главкома сухопутных войск. Георгий Константинович размахнулся аж на 194 предмета мебели. Тут и спальня для дачи, сделанная из карельской березы, и стол круглый «Рафаэль» (полированный орех Мозер с матовой инкрустацией под кожу), и гостиная красного дерева с обивкой из золотистого плюша и многое, многое другое, подавляющему большинству советских граждан даже десятилетия спустя знакомое лишь по выставкам иностранной мебели да по западным кинофильмам про «сладкую жизнь» буржуазии. А ведь вез все это богатство Георгий Константинович в голодном 46-м году, когда сотни тысяч его соотечественников умерли от элементарного недоедания.

Мебелью жуковские аппетиты не ограничивались. 5 января 1948 года, выполняя указание Сталина, Абакумов приказал произвести негласный обыск на московской квартире маршала. 10 января Виктор Семенович докладывал: «Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате». В шкатулке было 24 штуки часов, в том числе 17 золотых и 3 с драгоценными камнями. Золотых кулонов чекисты обнаружили 15 штук, в том числе 8 с бриллиантами. Нашли и некоторые другие золотые вещи — портсигары, браслеты, серьги… Абакумов на этом не успокоился: «По заключению работников, производивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать… Отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было».

Поэтому, доносил шеф госбезопасности, в ночь на 9-е января негласный обыск провели на даче Жукова в поселке Рублёво под Москвой. Здесь улов был гораздо более солидный, поскольку «две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

Шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

Мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры;

Шевро высшего качества — 35 кож;

Дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов Германии — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

Ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, размещенных до комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

Дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

Серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

Аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

Уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук. Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом».

— Абакумов со знанием отмечал: «…Дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей». Точно такие же домашние музеи представляли собой дача и квартира самого Виктора Семеновича, который знатно пограбил в Германии. Но это станет предметом разбирательства позднее, после ареста Абакумова. Пока же он обвиняет Жукова в моральном разложении и отсутствии патриотизма: «Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин… Вся

обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных, переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке». В ту пору разворачивалась борьба с «низкопоклонством перед Западом» и против «безродных космополитов», так что абакумовские сентенции имели довольно зловещий смысл. Немецкие же книги понадобились Жукову только для того, чтобы украсить шкафы роскошными переплетами. Немецкий маршал знал плохо, хотя этим языком с ним когда-то занимался двоюродный брат Александр Пилихин.

Абакумову не давал покоя таинственный чемоданчик с драгоценностями. Министр докладывал Сталину: «В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Сёмочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой. Сегодня (10 января 1948 года. — Б.С.), когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямую потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями».

Мы не знаем, удалось ли чекистам найти загадочный чемодан с драгоценностями, то исчезающий, то появляющийся вновь. Во всяком случае, когда в феврале 48-го, уже после официального обыска, награбленное имущество у Жукова изъяли и составили аж 14 описей, никаких новых драгоценностей, кроме уже перечисленных, там указано не было. Наоборот, кое-каких предметов стало меньше. Например, часов золотых — 9 вместо 17. Вероятно, некоторые часы маршалу оставили — с дарственными надписями или те, законное приобретение которых он смог доказать.

Так был ли чемоданчик? Может, и чемоданчика никакого не было? Чемоданчик, безусловно, был. Вот и дочь Жукова Эра его

помнит, но утверждает, что никаких бриллиантов там отродясь не было: «…В том небольшом чемоданчике-несессере, подаренном маме папой, находились туалетные и другие дорожные мелочи. Был и другой чемоданчик, и тоже небольшой, который был приготовлен на случай ареста. Да, отец не исключал такой возможности, видя повальные аресты работавших с ним людей. В первых числах января 1948 года на квартире произвели унизительный многочасовой обыск, породивший столько лживой информации…».

Замечу попутно, что дочери маршала, хорошо запомнившие обыск 48-го года, ни словом не говорят о неудавшемся обыске в 46-м, когда будто бы Жуков прогнал чекистов. Нет следов этого обыска и в архивах госбезопасности. Подозреваю, что и в этом случае мы имеем дело с очередной фантазией маршала, призванной представить его храбрым рыцарем, противостоящим темным чекистским силам.

Вполне возможно, что в дорожном чемодане Жуковы бриллианты не хранили. Сёмочкин ведь в чемоданы своего начальника не заглядывал. Но вряд ли Алексей Сидорович выдумал про бриллианты. Он слишком хорошо был осведомлен про самые интимные жуковские дела. Не могли же чекисты заставить Сёмочкина придумать про чемодан с драгоценностями, чтобы потом этот же придуманный чемодан искать с таким рвением.

У меня лично насчет жуковских бриллиантов есть одна версия. Думаю, что они все-таки оказались изъяты, но чекисты, их изымавшие, даже не подозревали, что имеют дело с бриллиантами из жуковского чемоданчика. Я уже упоминал, что Жуков дружил с генералом Крюковым и его женой певицей Лидией Руслановой. Их обоих арестовали осенью 1948 года. А 5 февраля следователь майор Гришаев потряс Лидию Андреевну следующим сообщением: «Дополнительным обыском в специальном тайнике на кухне под плитой в квартире вашей бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке 26, были изъяты принадлежащие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Почему вы до сих пор скрывали, что обладаете такими крупными ценностями?» Русланова признала, что клад принадлежит ей: «Мне было жаль… Мне было жаль лишиться этих бриллиантов. Ведь их приобретению я отдала все последние годы! Стоило мне хоть краем уха услышать, что где-то продается

редкостное кольцо, кулон или серьги, я, не задумываясь, покупала их, чтобы… чтобы бриллиантов становилось все больше и больше». На вопрос о средствах, на которые покупались драгоценности, певица показала: «Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда „левых“ концертов стало намного больше. А в 1946 году за четырехмесячную поездку по городам Урала и Сибири я заработала более 500 тысяч рублей, одна поездка в Донбасс дала 100 тысяч. Если честно, то скупкой бриллиантов я стала заниматься с 1930 года и, признаюсь, делала это не без азарта».

Следователь уличил Русланову также и в страсти к коллекционированию картин, место которым — в Третьяковке. Действительно, домашняя галерея Крюкова и Руслановой оказалась вдвое больше той, что абакумовские сыщики нашли на даче Жукова. Лидия Андреевна и Владимир Викторович были обладателями 132 полотен, среди которых 4 картины Нестерова, 5 — Кустодиева, 7 — Маковского, 5 — Шишкина, 4 — Репина, по 3 — Поленова, Малявина, Сомова и Айвазовского, по 2 — Серова и Врубеля, по 1 — Верещагина, Васнецова, Сурикова, Мясоедова, Тропинина, Юона, Левитана, Крамского, Брюллова… Многие российские музеи могли бы позавидовать сладкой парочке генерала и певицы, в суровые военные годы за бесценок скупавших полотна великих русских мастеров у их владельцев, нередко буквально умиравших с голода. Ведь большинство картин для Руслановой и Крюкова приобретал в блокадном Ленинграде известный искусствовед Игорь Грабарь. Жуков, в отличие от них, скупкой картин у голодающей советской интеллигенции не занимался. В его коллекции преобладали полотна западноевропейских мастеров, прихваченные в немецких музеях и замках. Как свидетельствует бывший офицер восточногерманского министерства госбезопасности, пресловутого «штази», Х. Зойферт, «маршал Жуков забрал из Веймарского собрания „Хольцдорф“ более двух десятков картин и других произведений искусства».

Русланова на допросе, стараясь уменьшить свою вину, назвала фамилии еще многих «звезд», занимавшихся скупкой бриллиантов и художественных ценностей: Екатерина Гельцер, Антонина Нежданова, Леонид Утёсов, Исаак Дунаевский, Любовь Орлова и др. Но в отношении Жукова Лидия Андреевна держалась стойко и никаких компрометирующих показаний против маршала так и не дала. Не потому ли, что часть обнаруженных в тайнике на Петровке бриллиантов была из

жуковского чемоданчика? Жуков вполне мог после опалы, опасаясь обыска и репрессий, передать драгоценности своей подруге Руслановой в расчете, что у нее-то камни не найдут. Впрочем, это только гипотеза.

Жуков, по крайней мере, присваивал себе вещи действительно ценные, не брал по мелочам, как ничем не брезговавший Крюков. Опись изъятого у Владимира Викторовича просто потрясает. Еще можно понять, зачем генералу понадобились дорогие сервизы, ковры, радиолы или аккордеоны, зачем он вывез из Германии сразу четыре автомобиля, которые потом сдавал в аренду за хорошие деньги. Но вот зачем Крюкову нужны были 140 кусков мыла, 44 велосипедных насоса, 47 банок гуталина, 50 пар шнурков для обуви, 19 штепселей, 78 оконных шпингалетов и 16 дверных замков, не смог бы толком объяснить, наверное, и он сам.

А началось трофейное дело с противостояния двух руководителей советских органов безопасности в Германии — уполномоченного НКВД Ивана Александровича Серова и главы военной контрразведки СМЕРШ Виктора Семеновича Абакумова. Серов стремился взять под свой контроль отделы СМЕРШ в армейских частях, Абакумов отстаивал их подчиненность исключительно себе и попытался арестовать людей Серова и некоторых армейских офицеров, заподозренных в присвоении трофейных ценностей.

Существует легенда, пущенная в оборот самим Жуковым, будто в конце июля 45-го он вызвал к себе Абакумова и потребовал объяснить, почему тот не представился по приезде ему, Жукову, как главнокомандующему войсками в Германии, и почему произвел без его ведома аресты офицеров. Абакумов беседовать с Жуковым на эту тему отказался, и Георгий Константинович потребовал от него в 24 часа покинуть территорию Германии, иначе грозился выслать главу СМЕРШ в Москву под конвоем. Документальных подтверждений эта версия не имеет, и мне лично внушает большие сомнения.

А вот близость Серова к Жукову в тот год сомнений не вызывает. Без представления со стороны Георгия Константиновича Серов никогда не был бы удостоен в период с конца 44-го по май 45-го двух орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й степени и, 29 мая 1945 года, звания Героя Советского Союза. Что же героического совершили Иван

Александрович и его подчиненные? Серов бодро докладывал Жукову: «Войсками фронта в ответ на террористические проявления немцев расстреляно 567 участников фольксштурма — членов фашистской партии». В переводе на нормальный язык это означает обыкновенный расстрел заложников, запрещенный международными конвенциями и вмененный в вину германским генералам на Нюрнбергском процессе. Объявить участником фольксштурма (ополчения) можно было едва ли не каждого немца, а в национал-социалистической партии состояла десятая часть всего населения Германии.

В августе 45-го бывший начальник Главного Управления Контрразведки СМЕРШ Группы советских оккупационных войск в Германии генерал А.А. Вадис направил рапорт о попытках Жукова и Серова подчинить себе партийно-политические органы Советской Военной Администрации: «О Серове идут разговоры, что Героя Советского Союза он получил незаслуженно, это сделано Жуковым для того, чтобы приблизить Серова к себе… Многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома обороны. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты „Слава маршалу Жукову“ (что-то я никогда не слышал, чтобы были плакаты „Слава фельдмаршалу Манштейну“ или „Слава генералу Эйзенхауэру“. — Б.С.). В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на директиву Булганина о политорганах, Жуков заявил:

«Что Вы мне тычете Булганиным, я кто для Вас?», желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома обороны». Тогда Серову и Жукову удалось оправдаться перед Сталиным.

В свою очередь, Серов направил 8 сентября 1946 года Сталину жалобу на Абакумова, где просил оградить от «оскорблений и преследований» со стороны шефа госбезопасности. Здесь же Серов сообщал, что Жуков относится к вождю с неизменным почтением, за глаза называет его «хозяином» и высказывается о Сталине в высшей степени уважительно. Эта жалоба, в свою очередь, как и рапорт-донос Вадиса, остались без последствий.

Люди Серова были арестованы по распоряжению Абакумова только в конце 1947-го года, уже после отзыва Жукова и Серова из Германии. 6 февраля 1948 года бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине генерал-майор Алексей

Матвеевич Сиднев показал: «Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял Серов, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я. Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного. Самолет Серова постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для Серова. С таким же грузом в Москву Серов отправлял вагоны и автомашины… Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, Серов под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру Серова, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами».

— Но ведь и деньги вами тоже были украдены? — вкрадчиво спросил Сиднева следователь Путинцев.

— Я денег не крал, — не очень уверенно пробормотал в ответ генерал.

Следователь, однако, моментально уличил Алексея Матвеевича во лжи: «Неправда. Арестованный бывший начальник оперативного сектора МВД в Тюрингии Бежанов Г.А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения».

Сидневу ничего не оставалось, как сознаться: «Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в Рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок. Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин). Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором помещался берлинский оперативный сектор МВД… В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок».

Бывший глава берлинского сектора объяснил и механизм присвоения чинами МВД трофейных рейхсмарок: «Это делалось

очень просто. Серов присылал мне так называемые заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег. Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственными нуждами оперативных секторов. За счет этих сумм, действительно, покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалось (чувствуется, по этим заявкам можно было подумать, что МВД в Германии дворцы строит! — Б. С.). Наряду с этим Серов раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора так называемые безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды… Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по несколько миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения Серова, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу. Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка… В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведении МГБ СССР (т. е. Абакумову, который на том этапе временно одержал верх над Серовым. — Б.С.), в октябре 1946 года меня вызвал Серов и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег. Из этого я понял, что Серов серьезно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений, которые Серовым, мною, Клеповым (начальником одного из секторов МВД в Германии. — Б.С.) и Бежановым были совершены. Поэтому, возвратившись от Серова, я предложил бухгалтеру Ночвину отвезти в аппарат Серова все записи на выданные деньги и находившиеся у меня 3 миллиона немецких марок. Это указание Ночвин выполнил».

Лихо расходовали Серов со товарищи трофейные марки! За полтора года из более чем 80 миллионов осталось всего лишь 3. Тут уж, как говорится, или начальнику в тюрьму садиться, или его канцелярии гореть. Сиднев свидетельствует; «Как мне рассказывал Ночвин, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию Серова сожжены. Остался лишь перечень сожженных материалов… Я считаю, что Серов дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как если бы они сохранились, то все преступления, совершенные Серовым, мною.

Кленовым, Бежановым и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше, и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме».

Знал толк Серов и в золоте. Сиднев показал: «Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно… Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе». Может быть, часть этих ценностей перекочевала потом в жуковский чемоданчик?

Назвал Сиднев и фамилию Жукова. Он указал, что Серов отдал Георгию Константиновичу одну из изготовленных на заказ радиол. Но бывший завсектором МВД выдвинул против маршала и более серьезные обвинения: «Серов… много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга… Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений все покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: „Лучшему боевому другу и товарищу на память“. Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стэка, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день ее рождения».

Когда Серова, занимавшего тогда должность первого заместителя министра внутренних дел, ознакомили с показаниями Сиднева, Иван Александрович сразу понял, что лучший способ защиты — нападение. И 8 февраля 1948 года написал письмо Сталину, где вылил ушат помоев и на Абакумова, и на своего друга Жукова. Если бы Георгию Константиновичу довелось прочитать это послание, их размолвка с Серовым произошла бы не в середине 50-х, а значительно раньше: «Сейчас, для того чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается

приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как, кроме Абакумова, есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик… Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что „Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут“. Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить (вот, оказывается, от кого идет молва о Жукове как о спасителе Ленинграда! — Б.С.)…

В Германии ко мне обратился из ЦК компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии (явная ложь Ульбрихта, поскольку немцы не могли тогда выполнять самостоятельных полицейских функций в западных, равно как и в советской зоне оккупации. — Б. С.), поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь. Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей. Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что Серов неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК партии развернуло свою работу в этих районах.

Абакумов, узнав, что Жуков ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю Зеленину, который в тот период был начальником управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. Зеленин узнал об аресте судей и доложил Абакумову. Когда была Первая сессия Верховного Совета СССР, то Абакумов, сидя рядом с Жуковым (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей. По окончании Заседания Абакумов подошел ко мне и предложил идти вместе в министерство. По дороге Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает,

где они содержатся. Я подтвердил это, так как перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова, я ответил, что не все нужно Жукову говорить. Абакумов было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед Жуковым. На это мне Абакумов заявил, что он Жукову рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это Абакумова обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить Абакумова, чем вызвано такое желание выслужиться перед Жуковым».

Серов также обвинил Абакумова в «самоснабжении за счет трофеев»: «Наверно, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из „Смерш“ прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью „Абакумову“.

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов… прилетел к начальнику контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта Абакумова. Вот какие подлости выделывал Абакумов во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными» (эта фраза в стране, подарившей мировой цивилизации ГУЛАГ, оказывала прямо-таки магическое действие: любого проверяющего сразу начинала мучить мысль, что пассажиром следующего рейса может стать он сам. — Б. С.). Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть Абакумов расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил, как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним

будет, а делом не занимался… Своего подхалима Иванова… Абакумов посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе Абакумов пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве в тот период генералы видели поведение Абакумова.

Пусть Абакумов откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва»… Конечно, сейчас Абакумов, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. Абакумов по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ Сталин под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить» (вероятно, месяц Иван Александрович перепутал: сибирские дивизии прибыли под Москву в ноябре, и тогда же обозначился кризис немецкого наступления, в октябре же ни о каком «повороте хода войны» говорить не приходилось. — Б.С.). И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ Сталин, слова, когда Вам покойный Щербаков доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной площади. Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побежит без оглядки из России» (несомненно, этот подлинный или мнимый приказ Гитлера и подвигнул Сталина на проведение 7 ноября 41-го года парада советских войск на Красной площади. — Б.С.). Эти Ваши слова я рассказал Абакумову, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом Абакумов начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы Рокоссовский, Воронов и другие» (показательно, что имя Жукова здесь не названо, хотя, будь оно тогда упомянуто Абакумовым, Серов непременно бы это отметил как еще один факт, компрометирующий шефа МГБ; можно заключить, что во время войны Жуков не воспринимался окружающими как один из главных творцов Сталинградской победы. — Б. С.). Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин (Жукову под Берлином в 45-м Иван Александрович наверняка говорил другое. — Б.С.), и добавил: «Не будь товарища Сталина, мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу Сталину

обязан весь русский народ». Абакумов на это не нашелся ничего сказать».

Серов ни слова не сказал о вменяемых ему самому хищениях трофейного имущества, зато постарался нарисовать портрет Абакумова как чемпиона в присвоении трофеев. Облик руководителя СМЕРШ здесь далек от того храброго и умного руководителя военной контрразведки, что изображен в романе Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого». Конечно, Иван Александрович в чем-то сгустил краски, однако некоторые факты сомнений не вызывают. Так, на первой сессии Верховного Совета СССР 2-го созыва, состоявшейся в марте 1946 года, Абакумов, как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, действительно сидел бок о бок с Жуковым. Подумай, дорогой читатель, стали бы Виктор Семенович и Георгий Константинович садиться рядом, если бы до этого маршал генерал-полковника грозился выслать в Москву под конвоем? И стал бы Абакумов сообщать Жукову об аресте судей, если бы между ними не было бы более или менее доверительных отношений? Нет, у меня создается впечатление, что Жуков старался сохранять добрые отношения с обоими чекистами-соперниками, Серовым и Абакумовым, которые также до поры до времени поддерживали дружбу с маршалом. Не зря же Абакумов называл Жукова тем человеком, который добился перелома под Ленинградом, а Серов хранил в кабинете фотографию Георгия Константиновича с красноречивой надписью: «Лучшему боевому другу и товарищу…». Все же Иван Александрович был ближе Георгию Константиновичу: как-никак подчиненный, на одном фронте сражались. Хотя такой подчиненный, с которым ссориться не рекомендуется, а не то завтра он может оказаться твоим следователем. Но и Абакумов вплоть до марта 46-го года неприязни к Жукову не проявлял. Недаром маршал, как мы помним, угрожал Катукову органами СМЕРШ. Вряд ли он мог пойти на такое, если бы не пользовался поддержкой главы военной контрразведки.

Дружба Абакумова и Жукова расстроилась после того, как свежеиспеченный министр государственной безопасности получил указание Сталина вести «дело авиаторов» таким образом, чтобы под прицелом оказался и Жуков. Серов же предал Георгия Константиновича позднее, в феврале 48-го, когда потребовалось спасать собственную шкуру, а критика в адрес опального маршала, как надеялся его «лучший боевой друг», поможет подтвердить перед Сталиным собственную

благонадежность.

С Иваном Александровичем Серовым связана одна загадка в жизни Жукова. Как известно, органы СМЕРШ в Берлине обнаружили тела Гитлера и Евы Браун, о чем Серов был сразу же осведомлен. А маршал Жуков даже в год 20-летия победы, встречаясь, с бывшей военной переводчицей 1-го Белорусского фронта Еленой Ржевской, уверял, что только тогда, в 65-м, от нее впервые услышал, будто труп Гитлера все-таки нашли. Ведь на пресс-конференциях в Берлине в 45-м маршал заявил журналистам, что факт гибели фюрера до сих пор не установлен с абсолютной точностью: «История исчезновения Гитлера очень загадочная… Труп его мы не нашли. Поэтому сказать что-либо утвердительное я не могу. Он мог в самый последний момент улететь на самолете, так как взлетные дорожки позволяли это сделать». И в «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович о смерти Гитлера написал со ссылкой на мемуары Ржевской, оговорившись: «К тому, что написала Ржевская, я ничего добавить не могу».

Выходит, Серов так и не сказал ему об обнаружении трупа, поскольку «не все нужно Жукову говорить»? Верится в это с трудом. Как свидетельствует бывший начальник СМЕРШ 79-го корпуса 3-й ударной армии полковник И.И. Клименко, лично занимавшийся поиском и опознанием трупа Гитлера, «хотя факт обнаружения трупа Гитлера и не предавался всеобщей гласности, из него и секрета не делали. В корпусе многие об этом знали. Знал командир корпуса генерал-лейтенант С.Н. Перевёрткин, начальник политотдела полковник И.С. Крылов и другие. А после 13 мая 1945 года, когда был составлен акт, круг осведомленных стал совсем широким… О бесславном конце Гитлера я докладывал начальнику управления контрразведки фронта генерал-лейтенанту Вадису и уполномоченному НКВД по Германии генерал-полковнику Серову во время посещения ими имперской канцелярии. Не могли они скрыть эти сведения от Жукова». Вот и Чарльз Болен, посетивший Берлин в самом начале июня 45-го, отмечал, что советские военнослужащие там нисколько не сомневаются в смерти Гитлера. Не такой уж это был большой секрет, чтобы Серов не мог сказать об этом Жукову. Да и слова о том, что не все Жукову можно говорить, напомню, из письма 48-го года, когда надо было всячески затушевать свою былую близость к опальному полководцу. В 45-м Иван Александрович вряд ли таил от маршала что-нибудь существенное. И сам Серов в конце 80-х, рассказывая историку Н.Н. Яковлеву о своей дружбе с Жуковым, вспоминал, как во время одной из поездок по Берлину показал Георгию

Константиновичу место, где были захоронены останки Гитлера. Думаю, трудно сомневаться, что Жуков еще в 45-м знал всю правду о судьбе фюрера несостоявшегося «тысячелетнего Рейха». Но Сталин приказал не сообщать о том, что труп Гитлера обнаружен и опознан. Георгию Константиновичу неудобно было признаваться, что сразу после войны он дурил советскую и мировую общественность байками о Гитлере, якобы улетевшем на самолете из осажденного Берлина. Поэтому в «Воспоминаниях и размышлениях» маршал сделал вид, что впервые узнал о находке только двадцать лет спустя.

Жукову пришлось давать письменные объяснения по «трофейным делам» 12 января 1948 года, когда Жданов предъявил ему заявление Сёмочкина. К чести маршала, он не стал оправдываться по принципу: «Я-то что, вот другие воруют, так воруют!». Не стал обвинять в барахольстве того же Абакумова или Серова. Георгий Константинович лишь старался всячески приуменьшить свою вину, что было естественно в его положении. Вот что он написал: «О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей. Я признаю серьезной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 штук;

2) на пальто обезьяны 40–50 штук;

3) на пальто котика (искусственного) 50–60 штук и еще что-то, не помню, для детей.

За все это я заплатил 30 тысяч марок. Метров 500–600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, так как дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования. Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче».

Маршал тут невольно проговаривается. Не мог же начальник сталинской охраны просить купить материал на его, Жукова, зарплату. Скорее всего, ткань для Власика, как и все остальное, покупалось на полученные от Серова рейхсмарки.

Жуков утверждал: «Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4-х тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактического состояния. Я считаю это неверным (по акту получилось 3 420 метров; впрочем, метраж в данном случае принципиального значения не имел. — Б.С.). Картины и ковры, а также люстры, действительно, были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался… 3 люстры даны на оборудование кабинета Главкома… Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, так как дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это в расчет, так как я полтора года отсутствую, и моя вина, что я не поинтересовался, где что состоит на учете.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное — это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова — Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности…

Сервизы я купил за 9 200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы, и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, так как он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды. Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, так как никто за них отчета не должен был спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется.

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова (которым,

очевидно, подарило посуду благодарное немецкое население! — Б.С.). Все это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить себе какое-то накопление. Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их… Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным — является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю (Георгий Константинович, выходит был уверен, что он сам мебель на фабрике «Альбин Май» приобрел абсолютно правильно. — Б.С.)…

Охотничьи ружья: 6–7 штук у меня было до войны, 5–6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда; часть штуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотник, было жаль передавать хорошие ружья».

О том, как добывались ружья для Жукова, Серова и других генералов, поведал на допросе Сиднев: «Много времени Серов потратил… на поиски глубокого старика Зауэра — владельца оружейного завода, у которого с помощью Бежанова заказал более десятка ружей, часть из которых была изготовлена с особой отделкой».

На первый взгляд, Жукову довольно удачно удается парировать обвинения в барахольстве. Брал, но гораздо меньше, чем мне приписывают, излишки вот-вот собирался сдать на склад или в музей, да абакумовские молодцы опередили. А часть ценностей к тому же — подарки. Правда, многие так называемые подарки — из разряда тех, что дарили купцы городничему в гоголевском «Ревизоре». И если внимательно вчитаться в складные жуковские объяснения, то понимаешь, что поживился трофеями Георгий Константинович не меньше, а порой и больше других высокопоставленных советских чинов в Германии. Вот, например, когда в июле 51-го арестовали Абакумова по обвинению в потворстве «террористическим замыслам» вражеской агентуры, то на квартире у Виктора Семеновича изъяли меньше трофейного имущества, чем на даче у Георгия Константиновича. Желающие могут сравнить: у Абакумова нашли

1260 метров различных тканей, у Жукова — 3420 метров, у Абакумова — 8 золотых часов, у Жукова — 9 (в этом пункте генерал-полковник и маршал шли, что называется, ноздря в ноздрю), у Абакумова — 100 пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок, у Жукова — 323 штуки мехов, 16 золотых колец с бриллиантами, 9 каминных и напольных антикварных часов. Хотя надо учесть, что уже после войны Виктор Семенович оставил первой жене пятикомнатную квартиру со всем барахлом, и с новой молодой женой въехал в другую роскошную квартиру площадью 300 квадратных метров. Для этого пришлось расселить 16 семей и потратить 800 тысяч рублей казенных денег.

Были, конечно, и те, кому Георгий Константинович по части приобретательства серьезно уступал. Если хотя бы половина того, что порассказал о трофейных подвигах Серова Сиднев, правда, то заместитель Берии был явно впереди Жукова в трофейной гонке. Установить это с абсолютной точностью не представляется возможным, поскольку Иван Александрович, в отличие от Жукова, счастливо избежал обыска и изъятия трофейных ценностей. Вот подчиненных генералов, Крюкова и Телегина, Георгий Константинович наверняка обошел.

При ближайшем рассмотрении жуковские объяснения оказываются шиты белыми нитками. Взять хотя бы денежные дела. Георгий Константинович пишет, что полностью вернул Серову 50 тысяч марок, данных на представительские расходы, ни пфеннига не потратив. Но ведь представительские расходы у советской военной администрации были, да еще какие! Интересно, один тот прием 7 ноября 1945 года, когда Жуков с Эйзенхауэром, уединившись, вкушали изысканные деликатесы и напитки, во сколько обошелся? Но Серов наверняка поставил Георгия Константиновича в известность, что отчетность по трофейным 80 миллионам марок уничтожена. Поэтому Жуков мог уверенно говорить, что ни 50 тысяч, ни 500 тысяч марок у Серова не брал, зная, что и Иван Александрович здесь не подведет. Ведь для Серова признание в передаче Жукову сотен тысяч марок на бесконтрольные расходы было равносильно признанию в соучастии в хищении государственных средств. Сколько же рейхсмарок в действительности получил Жуков от Серова в Германии — мы уже никогда не узнаем. Фраза же, что он, Жуков, мог бы при желании присвоить выданные Серовым марки, лишена всякого смысла. Ведь в СССР рейхсмарки уже несуществующего германского государства стоили не дороже, чем бумага, на которой были напечатаны. Марки как раз и надо было потратить

в Германии на золото, антиквариат, картины, меха, ткани, сервизы, радиолы, обувь и другие дефицитные в Советском Союзе товары. Между тем в ответе на другие пункты заявления Сёмочкина Жуков невольно проговаривается о своих весьма немалых расходах. Тут и сервизы по 9 200 марок, и меха за 30 тысяч марок, 5–6 охотничьих ружей неназванной стоимости, но явно дорогих, и многое другое. Не знаю точно, какая зарплата была у Жукова в Германии, сколько марок он должен был получать ежемесячно. Однако подозреваю, что на одни меха могло уйти больше, чем заработал маршал за десятимесячное пребывание в Германии.

Оправдания 51-летнего вояки, прошедшего четыре войны, что он-де считал, что «все это поступает в фонд МГБ, так как дача и квартира находятся в ведении МГБ», что он «собирался передать куда-либо» ружья, гобелены, посуду и прочее, больше похожи на детский лепет. Неужели Георгий Константинович в самом деле думал, что обслуживающие его сотрудники МГБ отправят вывезенные из Германии ковровые дорожки в детские дома для чекистских сирот, а на трофейном серебре, вывезенном им, Жуковым, будут обедать и ужинать в столовой на Лубянке? И почему он целых полтора года собирался сдать ненужные якобы ему трофейные ценности в музеи, да так и не собрался? А то, что столовое серебро Георгий Константинович называет «ненужным барахлом», очень ярко характеризует маршала. Много ли тогда в России было людей, считавших барахлом серебряные вилки и ложки?

Абакумову, Телегину и Крюкову одним из пунктов обвинений на суде было хищение государственного имущества, иначе говоря — незаконное присвоение трофейных ценностей. Но всем трем эта статья шла только в качестве довеска к более серьезным политическим статьям — заговор и антисоветские высказывания. Жукова, на его счастье, Сталин судить не стал. Маршал еще был нужен диктатору. Поэтому Иосиф Виссарионович удовлетворился жуковским объяснением. Только спросил у Молотова, действительно ли Светлана дарила дочери Жукова кольцо с бриллиантом. Молотов это письменно подтвердил. Сталину в данном случае требовалось не доказательство невиновности Жукова, а подтверждение неформальных отношений министра иностранных дел с опальным маршалом, на случай, если все-таки придется дать ход делу о «заговоре Жукова». Насчет же трофеев ограничились тем, что основную часть их у маршала изъяли.

Согласись, читатель, невозможно себе представить Суворова, возвращающегося из Итальянского похода с обозом, полным тканями, коврами, фарфоровой и золотой посудой. Или Кутузова, вывозящего из покоренной Бесарабии меха, золото и сотню-другую бочек вина. Также невозможно представить себе фельдмаршала Манштейна, рыскающего по крымским музеям в поисках картин, статуй или древних монет, которые присмотрел для украшения собственного имения в Германии. Или представить себе фельдмаршала Альберта Кессельринга, приказывающего адъютанту упаковать сокровища монастыря Монте-Кассино для отправки в его загородную виллу. А вообразите фельдмаршала Лееба, приказывающего реквизировать для личных нужд знаменитую Янтарную комнату! И только в фантастическом романе можно вообразить генерала Эйзенхауэра, разжившегося за счет трофейных рейхсмарок десятком ружей, радиолами и мехами на шубу жене. Правда, американские и английские генералы, равно как офицеры и солдаты, находились в лучшем положении, чем советские. Все что, им понравится в Германии, Италии или Франции они могли спокойно купить за полновесные доллары и фунты. Присваивать же себе трофейные картины или вазы они считали зазорным. Для западного человека ценность представляет только то, что он сам заработал, получил в награду или в подарок. Для советского человека, которому государство никогда не давало заработать на сколько-нибудь сносную жизнь, то, что удалось присвоить, урвать себе из цепких государственных лап, представляет ценность совершенно особую, недоступную людям Запада. В этом смысле Жуков, как и его коллеги-генералы и их подчиненные — офицеры и солдаты, был вполне советским человеком.

Немцы грабили оккупированные страны, в том числе Советский Союз, — это абсолютно бесспорный факт. Но грабеж этот, за некоторыми исключениями, велся организованно, на государственном уровне. Вывозилось стратегическое сырье, продовольствие, художественные ценности. Солдаты и офицеры иной раз присваивали подсвечники, серебряные ложки или оклады с икон, да еще занимались самоснабжением, отнимая продукты и теплые вещи у местных жителей. Сколько-нибудь ценных вещей в СССР им найти было очень трудно. Тех же велосипедов и радиоприемников в Германии было на порядок больше. Да и командование следило, чтобы подчиненные не переполняли обозы всяким, барахлом. Были в Германии и высокопоставленные коллекционеры трофейных картин, скупавшие произведения искусства по дешевке, а иной раз просто

конфисковывавшие их у владельцев. Но это были не генералы, а видные чины нацистской партии — наци № 2 Герман Геринг и гауляйтер Восточной Пруссии (по-нашему — первый секретарь восточнопрусского обкома) Эрих Кох. Генералы вермахта грабежом не занимались.

Для советских солдат, вступивших в Германию, велосипед, радиола и даже банка гуталина были чуть ли не предметами роскоши. Но реально присвоить сколько-нибудь значительное количество ценных вещей могли только офицеры и, особенно, генералы и маршалы. Офицеры имели возможность отправлять объемистые посылки домой, а генералы нередко везли мебель и антиквариат целыми вагонами.

Как подтвердил на суде генерал Телегин, «на одном из банкетов Жуков обещал дать три дня воли после овладения Берлином. Когда же председательствующий генерал Зарянов резонно уточнил: „Значит, была дана команда грабить и убивать?“, Константин Федорович, испугавшись, что сказал лишнее, испуганно пролепетал: „Нет, нами велась строжайшая борьба с мародерством“. Вирус барахольства, затронувший многих генералов, не миновал и маршала Жукова. Хотя, как мне кажется, Бог и история отнеслись бы к Георгию Константиновичу благосклоннее, если бы он присвоил вдвое больше трофейного имущества, но зато вдвое меньше положил бы солдатских жизней.

Сталин до поры до времени смотрел сквозь пальцы на трофейные шалости своих генералов и маршалов. Хотя вождя, несомненно, задевало то, что они теперь устраивают свое материальное благополучие как бы помимо него, Сталина. Раньше не только дачи, но и мебель, машины, меха, костюмы, радиоприемники и многое другое Жуков, Телегин, Крюков, Абакумов и прочие получали по распоряжению ЦК, по специально выданным ордерам (в магазинах все равно просто так ничего хорошего нельзя было купить). Теперь же генералы прибирали к рукам все, что плохо лежало, или отоваривались на трофейные рейхсмарки.

В конце 40-х в народе возникла легенда, не имеющая реального основания, но хорошо показывающая, отношение в обществе к трофейным подвигам Георгия Константиновича. Будто бы Сталин пришел на свадьбу дочери Жукова Эры и сына Василевского Юрия, взял в руки тарелку, чтобы наложить еду, и удивленно воскликнул: «Золото! Немедленно в Госбанк». И

отправил в банковские хранилища почти всю посуду со свадебного стола. Здесь главный мифологический герой Сталин поправляет другого мифологического героя Жукова, хотя и не карает строго за «трофейный грех». Тем не менее, в народном сознании присвоение германских ценностей: будь то посуда, радиоприемники или картины — осуждалось, хотя многие ветераны и поживились трофеями.

Слишком много возомнивших о себе генералов следовало приструнить. Опала Жукова, аресты Крюкова, Телегина, Гордова, Кулика и ряда других генералов должны были ясно показать всем оставшимся на свободе военачальникам, кто хозяин в Советской Армии.

Жуков был нужен Сталину для будущей большой войны, но его требовалось держать на коротком поводке. Фигура Жукова притягивала к себе недовольных в армии, и необходимо было постоянно иметь против него компромат. Абакумов неукоснительно выполнял указания вождя вплоть до своего ареста. И позднее, на следствии, в ответ на вопрос, почему многие дела в МГБ тянулись очень долго, прямо заявил: «Действительно, есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию ЦК ВКП (б) (т. е. Сталина. — Б.С.) или же диктовалось оперативными соображениями… Имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное, и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком…».

Сталин держал дела на Телегина, Крюкова, Минюка и других про запас, чтобы в случае необходимости всегда можно было пристегнуть к мнимому заговору Жукова. Потому что для других опальных военных Георгий Константинович становился своего рода знаменем. Еще в июне 45-го, после Парада Победы, на банкете, что проходил на жуковской даче в Сосновке, Лидия Русланова произнесла крамольный тост: «Кто стирал ваши портки и портянки, кто заботился о вашем здоровье? Правительство не придумало награждать боевых подруг, а я награждаю лучшую из женщин». И, сняв с груди дорогую бриллиантовую брошь в виде звезды, преподнесла ее Александре Диевне. Следователи и судьи расценили этот тост как «политически вредное выступление», в котором певица «противопоставила себя правительству». Тогда же Жуков произнес первый тост не за Сталина, а за «старейшего командарма Чуйкова». Муж Руслановой Крюков и Телегин

подтвердили на суде, что на одном из приемов в Потсдаме Лидия Андреевна назвала Жукова Георгием Победоносцем. Константин Федорович покаялся также в том, что часто именно так называл маршала, выступая перед бойцами.

Разжалованный в генерал-майоры бывший маршал Кулик говорил весной 1945 года генералам Г.Ф. Захарову и И.Е. Петрову: «Моя судьба, уверен, ждет многих генералов. Сейчас из Красной Армии вытесняются старые командные кадры, заменяют их политработниками, которые не разбираются в военном деле. Остался один Жуков, который еще в силах что-то изменить… Не надо уподобляться баранам на бойне. Надо бороться, а Георгий Константинович сам недоволен назначением Булганина первым замом министра обороны, считает его человеком двуличным и подхалимом».

О крамольных речах Григория Ивановича стало известно МГБ. Кулика арестовали и в 50-м году расстреляли. На следствии бывший маршал показал: «Я поднял тост за Жукова и предложил группироваться вокруг него…».

Группироваться вокруг Георгия Константиновича собирались также генералы В.Н. Гордов и Ф.Т. Рыбальченко, снятые со своих постов за антисоветские разговоры, зафиксированные звукозаписывающей техникой МГБ. Она сохранила нам разговор Гордова с женой Татьяной Владимировной в новогоднюю ночь 47-го года.

Жена сказала Василию Николаевичу:

— Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать. Такое моральное удовлетворение было. Работали, собирали народ. Они преследовались за это, сажались в тюрьмы. А сейчас заняться даже нечем. Вот сломили такой дух, как Жуков.

— Да, — подтвердил Гордов. — И духа нет.

— И он сказал, — продолжала Гордова, — извините, больше не буду и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел.

— Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло, — вспомнила жена.

Тут Гордов разразился патетической тирадой:

— Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они дали мне должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, размышления, я стал их высказывать тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю: у меня такие убеждения, что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

Татьяна Владимировна, однако, еще не потеряла полностью оптимизма:

— Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что, если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому…

Супруги не знали, что для них самих конец уже совсем близок. В январе 47-го их арестовали. Василия Николаевича ждал расстрел, Татьяну Владимировну — лагерь. Бывшему генералу для особых поручений при Жукове генерал-лейтенанту Василию Григорьевичу Терентьеву Гордов говорил:

— ЦК никогда не признает своих ошибок, а вечно ищет стрелочников. В стране нет хлеба (на дворе стоял голодный 46-й год. — Б. С.), а вину за это правительство сваливают на секретарей обкомов. Правительству плевать на народ и смерть миллионов. Оно занято самообеспечением…

В ответ Терентьев повторил древнюю мудрость:

— Рыба гниет с головы…

В ночной беседе с женой Василий Николаевич высказал все свои чувства по отношению к Сталину. На совет Татьяны: «Плюнь ты на это дело (отставку — Б. С.)! Лишь бы Сталин тебя принял», Гордов мрачно буркнул:

— Угу, — и добавил: — А с другой стороны, он все

погубил. — Василия Николаевича совсем занесло: — А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед… (далее следует каскад матерных ругательств, адресованных «великому вождю и учителю»; что-что, а ругаться Гордов умел. — Б.С.)… Я говорю, каким он был (далее — идиоматическое выражение, не предназначенное для печати. — Б. С.), когда вызвал меня для назначения (командующим Сталинградским фронтом в трудное лето 42-го; далее опять следует мат. — Б.С.)… Плачет, сидит, жалкий такой. И пойду я к нему теперь? Что — я должен пойти и унизиться до предела, сказать: «Виноват во всем, я предан вам до мозга костей», когда это неправда? Я же видеть его не могу, дышать с ним одним воздухом не могу! Это (опять матерное ругательство, которое записавшие разговор чекисты не решились доверить бумаге. — Б.С.)… которая разорила все. Ну, как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить твоему подлому делу, да? Значит, так? Нет, ты пойми сама!»

Гордость погубила генерала Гордова, недаром носил такую фамилию. На него, как и на многих других советских военных, сильно повлияло пребывание в Западной Европе в 45-м, встреча с союзниками. Солдаты, офицеры и генералы Красной Армии смогли убедиться, как живут люди в условиях рыночной экономики, пусть даже серьезно затронутое войной, как экипированы и организованы англо-американские войска, как командиры там заботятся о сбережении солдатских жизней. И сравнить повседневное существование европейцев с беспросветной нуждой голодающих колхозников, а Красную Армию — с вермахтом и армиями союзников.

Начальник штаба Приволжского округа генерал-майор Филипп Трофимович Рыбальченко рассказывал Гордову: «Ехали мы как-то на машине и встретились с красным обозом: едет на кляче баба, впереди у нее красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка. Сзади нее еще одна баба везет два мешка. Это красный обоз называется! Мы прямо со смеху умирали (не знал генерал, что совсем недолго осталось ему смеяться, да и грех было тогда смеяться над нищими крестьянами генералам, разъезжающим на трофейных автомобилях. — Б. С.). До чего дошло! Красный обоз план выполняет! А вот Жуков смирился, несет службу».

— Формально службу несет, а душевно ему не нравится, —

заметил Гордов.

— Я все-таки думаю, — продолжал Рыбальченко, — что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох, и будет. Если вообще что-нибудь уцелеет.

— Безусловно, — согласился Гордов. — Трумэн ни разу Молотова не принял. Это же просто смешно! Какой-то сын Рузвельта приезжает, и Сталин его принимает, а Молотова — никто.

— Наш престиж падает, — развил мысль Рыбальченко, — жутко просто! Даже такие, как венгры, чехи, и то ни разу не сказали, что мы вас поддерживаем. За Советским Союзом никто не пойдет…

В трезвости анализа генералам не откажешь, хотя и велись все эти разговоры за доброй рюмкой водки. И поражение в только начинавшейся «холодной войне», и отпадение от СССР «стран народной демократии» они предсказали весьма точно. Ошиблись только в сроках. Для краха коммунизма потребовалось не одно десятилетие, а четыре с половиной. Вот только жить смельчакам генералам оставалось всего четыре года. Хотя смелы генералы были только в застольных беседах, да ночью с женами, когда думали, что их никто не слышит. Ошибались, ох, как ошибались! Люди Абакумова все крамольные разговоры фиксировали на пленку и докладывали Сталину. Оскорблений в свой адрес Иосиф Виссарионович никому не прощал. Кулика, Гордова и Рыбальченко расстреляли.

Жуков же не был столь откровенен даже в интимных разговорах, и при жизни Сталина никогда его не ругал. Иосиф Виссарионович решил ограничиться тем, что отправил маршала из солнечной Одессы в морозный Свердловск командовать Уральским военным округом, где войск было всего ничего, так что Жуков никакой конкуренции местным партийным властям при всем желании составить не мог. Правда, Георгий Константинович по-прежнему был под колпаком. 16 сентября 1948 года Абакумов докладывал Сталину о разговоре Жукова с женой, происходившем на московской квартире: «Сталину Булганин нашептывает про меня… Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь что скажет, и он верит. Вот ему про меня сказали, и я в немилости. Ну, х… с ними, пусть теперь

другие повоюют!»

Жуковская. критика Сталина несравненно мягче гордовской, и материл Георгий Константинович не вождя, а лишь его окружение. Главный грех Сталина, по Жукову, — это восприимчивость к наветам. А то, что в своей опале маршал винит не Сталина, а лишь его приближенных, вождя должно было вполне устраивать.

В Свердловск Жуков выехал только 12 февраля 1948 года. Дело в том, что после разбирательства по поводу заявления Сёмочкина Георгия Константиновича хватил первый инфаркт. Маршала поместили в Кремлевскую больницу. Там с Георгием Константиновичем произошел очень неприятный инцидент. До меня дошел рассказ о случившемся вдовы одного генерала. Его палата находилась напротив жуковской, и генерал в больнице успел даже подружиться с маршалом. Когда Жукова только привезли, кто-то из военных, лечившихся в больнице (очевидно, генералов или полковников, поскольку рядовых солдат и офицеров в Кремлевку не помещали), едва не устроил над Георгием Константиновичем суда Линча. Врачу насилу отбили маршала и выставили у его палаты охрану. Вероятно, причиной случившегося стало какое-то происшествие времен войны. То ли Жуков расстрелял кого-то из друзей кремлевских пациентов, то ли кому-то из больных грозил расстрелом. Конечно, нервы у многих ветеранов были расшатаны до предела, но в любом случае нельзя оправдать тех, кто хотел расправиться с маршалом. Слишком подло это было. Знали же, что Жуков в опале, и наверняка рассчитывали, что за нанесенные ему побои ничего не будет. Нападать на беспомощного человека, перед которым ты когда-то трепетал или пресмыкался, — это психология не офицеров, а холопов.

Сталин постепенно смягчал жуковскую опалу. В марте 1950 года Георгию Константиновичу разрешили баллотироваться в Верховный Совет СССР. На выборах маршал, естественно, был единственным кандидатом и получил подавляющее большинство голосов. И 7 июля 50-го года Абакумов докладывал Сталину: в беседе с гастролировавшими в Свердловске артистами Большого Театра Жуков говорил, что ему «везде хорошо», и радовался, что за. него так здорово голосовали на выборах в Верховный Совет. В Свердловске было немало ссыльных и бывших заключенных, и этот контингент, полагал маршал, голосовал за него особенно активно: «Вот где у меня друзья!» И добавил с опаской: «Как бы

меня к ним не приобщили». Абакумов бы «приобщил» с превеликим удовольствием. Но звезда Виктора Семеновича уже была близка к закату. Через год его арестуют.

От Сталина же последовала новая милость. В июле 51-го, как раз тогда, когда арестовали Абакумова, Жукова в составе правительственной делегации отправили в Польшу. Там он после пятилетнего перерыва встретился с Рокоссовским. Оба предпочли не вспоминать происшедшее на Высшем Военном совете.

Случилось еще одно важное событие. Дела по обвинению Телегина, Крюкова, Терентьева и Минюка в начале ноября 51-го были рассмотрены Военной коллегией Верховного Суда СССР. Генералы получили от 10 до 25 лет лагерей, но якобы руководимый Жуковым заговор военных на судебных заседаниях уже не фигурировал. Еще раньше, в августе 50-го, расстреляли Кулика, Гордова и Рыбальченко. Сталину уже не нужно было держать «про запас» под следствием близких к Жукову военных. Иосиф Виссарионович счел, что «маршала Победы» можно больше не опасаться.

Польский визит был хорошим знаком: Жукову позволено участвовать в официальных мероприятиях такого уровня, его имя опять может беспрепятственно появляться в советской и иностранной прессе. В марте 1952 года на пленуме после XIX съезда КПСС Георгий Константинович был снова избран кандидатом в члены ЦК, фактически это ознаменовало снятие опалы. Через одиннадцать месяцев, в конце февраля 53-го, Сталин, незадолго до своей смертельной болезни, вызвал Жукова в Москву. Ходили слухи, что Иосиф Виссарионович собирался сделать Жукова то ли министром, то ли первым заместителем министра обороны, да не успел. Таково ли было намерение Сталина или нет, мы, наверное, никогда уже не узнаем. Не исключено, что он готовился к большой войне с Западом, в которой Жуков должен был пригодиться в качестве командующего основной группировкой советских войск в Европе. Но это только догадки.

После смерти Сталина наследовавшая ему четверка в составе Маленкова, Молотова, Берии и Хрущева сделала Жукова первым заместителем министра обороны, несмотря на неудовольствие Булганина. Георгия Константиновича перевели также из кандидатов в члены ЦК КПСС. Каждый из наследников рассчитывал опереться на Жукова в предстоящей борьбе за

власть, использовать в своих целях популярность Георгия Константиновича среди части офицерского корпуса. Когда Маленков, Хрущев и Молотов сговорились убрать Берию, то Жуков встал на их сторону. Позднее маршал не раз рассказывал о своей решающей роли в аресте грозного Лаврентия Павловича на заседании Президиума ЦК 26 июня 1953 года. Вот один из вариантов рассказа Жукова, записанный писателем Василием Соколовым в 1963 году: «Меня вызвал Булганин… и сказал:

— Садись, Георгий Константинович.

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался, только потом подал руку, однако не извиняясь. Помолчали. Затем Булганин, ни слова не говоря по существу дела, сказал:

— Поедем в Кремль, есть срочное дело.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии… Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев. Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную операцию? — спросил Хрущев.

— Смогу, — отвечаю я…

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано… Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату. Меня предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы «джиу-джитсу».

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать. Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился. Уж не произошло ли там что без нас, не перехитрил ли всех Берия, этот изощренный интриган, пользовавшийся доверием Сталина? Немного погодя (было это в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым. До этого момента всем, кто со мной сидел, я не говорил ни слова, и они не знали, зачем вызваны и сидят здесь в ожидании, когда их позовут на Президиум ЦК. И вдруг я говорю им:

— Мы должны арестовать Берию. Он намерен захватить власть. Согласны все? Понимаете значение порученного? Они сказали:

— Согласны.

Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, командую:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел.

Ведем его через комнату отдыха в другую… Тут сделали ему генеральный обыск.

Да, забыл. В момент, когда Берия поднялся и я заломил ему руки, тут же скользнул по бедрам, чтобы проверить, нет ли пистолета. У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли уж не помню у кого. Нам же не говорили, зачем вызывают в Кремль. Поэтому приехали невооруженными. Но и Берия, оказывается, не взял пистолета… Итак, посадили в эту комнату. Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен на гауптвахту, вернее, в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли».

Существуют и другие версии жуковских рассказов, разнящиеся в деталях, но совпадающие в главном: именно Георгий Константинович руководил действиями генералов и именно он объявил Берии о его аресте.

Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко, в июне 53-го носивший звание генерал-полковника и занимавший сравнительно скромную должность командующего Московским округом ПВО, рисует совсем иную картину ареста Берии. Кирилл Семенович рассказывал писателю Владимиру Карпову в 70-е годы: «В 9 часов утра (25 июня 1953 года. — Б. С.) мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев. Он спросил:

«Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?..»

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль к председателю Совета Министров СССР товарищу Маленкову, в кабинет, где раньше работал Сталин.

Далее Хрущев закодированно намекнул, чтобы взяли с собой оружие. «Он сказал чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигареты. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне, в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигареты могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Тогда я догадался, что надо взять с собой оружие. В конце разговора Хрущев сказал, что сейчас позвонит Булганину. Я подумал, что нам предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС.

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина, который сказал ему, что звонил Хрущев и предложил мне сначала прибыть к нему, т. е. к Булганину… Со своей группой я прибыл к министру обороны. Принял меня товарищ Булганин одного. Он сказал, что ему звонил Хрущев, вот я тебя и вызвал. Нужно арестовать Берию… Сколько у тебя человек? Я ответил: со мной пять человек… На что он ответил:

«Очень мало людей. Кого, ты считаешь, можно еще привлечь, но без промедления? Я ответил — вашего заместителя маршала Василевского. Он сразу почему-то отверг эту кандидатуру. Я спросил, кто находится сейчас в министерстве из влиятельных

военных. Булганин ответил: „Жуков“. Тогда я предложил взять Жукова. Он согласился, но чтобы Жуков был без оружия…

И вот в 11.00 дня 26 июня (а звонок Хрущева был 25.6) мы по предложению Булганина сели в его машину и поехали в Кремль… Вслед за нами на другой машине приехали Жуков, Брежнев и др. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл…

Хотя заседание длилось недолго, нам казалось наоборот, очень долго. За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находилось человек 15–17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии. Никто, конечно, не знал и не предугадывал, что сейчас произойдет, все беседовали на разные темы. Примерно через час, т. е. в 13.00 26 июня 1953 года последовал условный сигнал, и мы пять человек вооруженных, шестой товарищ Жуков, — быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Товарищ Маленков объявил: «Именем советского закона арестовать Берию». Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков».

Так кому же верить — Жукову или Москаленко? В тот момент их положение в военной иерархии было несопоставимо. Жуков — Маршал Советского Союза и первый заместитель министра обороны, Москаленко — генерал-полковник и командующий Московским округом ПВО. Казалось бы, ясно, кому должны были бы получить руководить группой генералов, призванной арестовать впавшего в немилость шефа МВД. Но дело в том, что

здесь главную роль играла не должность, а личная близость того или иного генерала к руководителям антибериевского заговора. И здесь Москаленко имел перед Жуковым большие преимущества. Кирилл Семенович командовал армиями в составе Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Он был многим обязан члену Военного Совета этих фронтов Хрущеву. Именно по рекомендации Никиты Сергеевича украинец Москаленко был назначен осенью 43-го командующим 38-й армии, которой предстояло освобождать Киев. Хрущев мог на Москаленко положиться, тогда как у Жукова в тот момент не было особо близких отношений ни с Хрущевым, ни с Маленковым. Решающим же доказательством правоты Москаленко, а не Жукова, является свидетельство Маленкова, произнесенное при таких обстоятельствах, что никаких сомнений не вызывает. Когда в июне 1957 года пленум ЦК громил «антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова», Георгий Максимилианович, пытаясь напомнить товарищам о своих былых заслугах и, в частности, на свою роль в организации ареста Берии, заявил: «Берию разоблачить было не так просто. Мы тогда опирались на военных товарищей, в самый нужный момент нам оказал решающую услугу в этом деле товарищ Москаленко. К нему в трудный момент мы обратились с товарищем Хрущевым, мы были без сил и средств…». На пленуме Маленкова не пинал только ленивый. Опровергали его на каждом шагу и с удовольствием. В зале присутствовали и Жуков, и Москаленко, но ни один из них на этот раз с Георгием Максимилиановичем спорить не стал. Значит, утверждение Маленкова о решающей роли Москаленко в создании группы генералов для ареста грозного Лаврентия Павловича — святая истинная правда. Поэтому рассказу Москаленко мы, в основном, можем доверять.

Но тогда получается любопытная картина. Жукова привлекают к операции против Берии лишь в последний момент и не вполне ему доверяют. Очевидно, Хрущев, Маленков и Булгании помнили, что Георгий Константинович был с Лаврентием Павловичем в хороших отношениях, и опасались, как бы маршал не встал на сторону главы МВД. Даже оружия Жукову не дали. Видно боялись, что может отказаться брать Берию и устроит, чего доброго, перестрелку с Москаленко и остальными. А так Георгия Константиновича поставили перед свершившимся фактом: судьба Берии уже решена, а ты освяти эту акцию своим авторитетом. Но Жуков никаких колебаний не испытывал и помогать Лаврентию Павловичу в любом случае не собирался.

Москаленко утверждал, что, когда после ареста Берии он встретился с Маленковым, тот сказал, что раньше, чем ему, Москаленко, предложение подобрать людей для этой акции было сделано одному из Маршалов Советского Союза, но неназванный маршал отказался от не слишком почетной и рискованной миссии. Возможно, этот маршал — Василевский, чью кандидатуру в разговоре с Москаленко Булганин сразу отверг. Александр Михайлович был, что называется, робкого десятка. В свое время он прервал все связи с отцом-священником, чтобы остаться, несмотря на неподходящее социальное происхождение, в Красной Армии. Только по приказу Сталина позднее он стал помогать родителям. Не исключено, что заговорщики учли, что Василевский — свояк Жукова. И после отказа Александра Михайловича опасались, что Василевский поступил так, зная позицию Жукова. Отсюда и осторожность по отношению к Жукову, которому на всякий случай не дали оружия. Потом-то Георгий Константинович, конечно, понял, что другие генералы вооружены, и осознал унизительность своего положения. И взял реванш в устных воспоминаниях, приписав себе основную роль в аресте шефа МВД.

Участие в аресте Берии благотворно сказалось на карьере всех привлеченных генералов. Они получили следующие звания и ордена. Жукова повышать дальше было некуда — не в генералиссимусы же его возводить! Да и орденов у маршала было с избытком — больше, чем у кого-либо в СССР. Главной наградой для него стало хорошее отношение со стороны Хрущева, убедившегося в преданности Георгия Константиновича.

Началась кратковременная дружба Жукова с Хрущевым. Вот что писал о ней Н.Г. Кузнецов: «Хотя Жуков формально был заместителем министра обороны, но, опираясь на дружбу с Хрущевым, вел себя довольно независимо. Они оба, Хрущев и Жуков, открыто ругали Сталина и выдумывали всякие небылицы. Но это остается на их совести. В книге Жукова я уже прочитал другое…

Он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил «карт-бланш» от Хрущева. Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямившаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу».

7 ноября 1953 года, вскоре после устранения с политической арены Берии, Жуков присутствовал на дипломатическом приеме. В ходе приема члены Президиума организовали своеобразный «междусобойчик» с послами нескольких государств. Тогдашний посол США в Москве уже знакомый нам Чарльз Болен рассказывает: «После очередного тоста за мир я поднялся и, в присутствии толпившихся вокруг репортеров, сказал: „Я охотно выпил бы за мир, но я хотел бы добавить два слова: „и справедливость“, поскольку без справедливости в международных делах никогда не будет прочного мира“. Ссылка на справедливость вызвала раздражение у советских официальных лиц, особенно у Кагановича, который ответил длинной речью. Ее суть сводилась к тому, что в мире существуют различные концепции справедливости, тогда как мир — это то, что все народы понимают одинаково. Тогда поднялся Жуков, занявший место Булганина, успевшего напиться мертвецки пьяным (так сказать, „вместо выбывшего из игры“; Георгий Константинович был куда более крепок на выпивку, чем Николай Александрович, находившийся уже в высокой стадии алкоголизма. — Б. С.). К моему удивлению, он сказал, что хотел бы поддержать тост за мир, предложенный американским послом. Я услышал, как Микоян шепчет Жукову, не хочет ли он сказать свой собственный тост. Нет, возразил Жуков, он просто хочет поддержать тост за справедливость… Я не знаю точно, почему Жуков поддержал мой тост. Один американский корреспондент писал, что Жуков помнил о деле Берии, который в то время находился в тюрьме. Такое предположение кажется мне плодом воображения. С уверенностью можно сказать лишь то, что Жуков демонстрировал свою независимость от кремлевских политиков». Теперь, опираясь на дружбу с Хрущевым, еще недавно опальный маршал почувствовал себя достаточно сильным, чтобы публично вести полемику с членами Президиума, хотя сам вплоть до 1956 года оставался простым членом ЦК.

В должности замминистра обороны Жукову пришлось проводить в период с 9 по 14 сентября 1954 года учение на Тоцком полигоне под Оренбургом, где в первый и пока что в последний раз в истории 40 тысяч советских военнослужащих были сознательно подвергнуты воздействию радиации от взрыва «своей» атомной бомбы. Это называлось «учить войска в условиях, максимально приближенных к боевым». Тогда уже было хорошо известно о крайне неблагоприятном воздействии радиации на организм человека. Поэтому ни сам Георгий Константинович, ни другие генералы, руководившие учениями, в зоне радиационного

заражения так и не побывали. А солдаты и офицеры, которых даже не обеспечили специальными защитными костюмами и противогазами? Ну, им, должно быть, объяснили, что «военная служба не без тягот», что надо быть готовыми в любой момент отразить американскую агрессию, которая непременно начнется с атомной атаки. Для Жукова и других советских военачальников это был только расходный материал. 30 тысяч участников учений умерли от лучевой болезни в течение последующих двух-трех лет. Уцелевшие 10 тысяч остались инвалидами и не дожили до старости. Пострадало и местное население, в том числе и семьи офицеров. Их эвакуировали только на день взрыва.

Жуков оставил воспоминания о Тоцких учениях: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей все то, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришел к убеждению, что войну с применением атомного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует… Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставание наших Вооруженных Сил в оснащении ядерным оружием. В условиях постоянного атомного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности». Маршал наблюдал последствия ядерного взрыва на киноэкране, а солдаты — в буквальном смысле слова на собственной шкуре. Но у Георгия Константиновича не нашлось нескольких слов помянуть погибших. Ведь при его жизни все, что было связано с Тоцкими учениями, имело гриф «совершенно секретно».

Никита Сергеевич вспоминал: «С огромным уважением и по-дружески я относился тогда (в середине 50-х годов. — Б. С.) к маршалу Жукову. Нас сблизила война. К тому же у меня с ним не происходило никогда никаких столкновений. Когда Сталин после войны распространил на него опалу, я Жукову сочувствовал. Он на меня производил сильное впечатление умом, военными знаниями и твердым характером». Как свидетельствует Хрущев, они с Жуковым были на «ты», и маршал поддерживал все начинания первого секретаря.

В феврале 1955 года Георгий Константинович стал министром обороны. О событиях, предшествующих этому назначению, вспоминает адмирал Кузнецов: «За несколько дней до утверждения Жукова министром обороны мы с маршалом Василевским сидели на расширенном пленуме ЦК в Большом

Кремлевском дворце. Из президиума одновременно получили записки тогдашнего министра обороны Булганина одного содержания:

«Прошу зайти ко мне в кабинет в 13 ч. 15 м.».

Прочитали и спросили друг друга, пока не зная ничего: «По какому поводу нас приглашают в кабинет министра?» Принимал нас Булганин по очереди: сначала Василевского, потом меня. От имени Президиума ЦК он информировал нас о принятом предварительном решении освободить Маленкова с поста Предсовмина и вместо него назначить Булганина. На пост же министра обороны уже был назначен Жуков, и теперь спрашивали мнение маршалов, одобряют ли они кандидатуру. Мне потом стало известно, что некоторые высказывались за Василевского (в частности, Соколовский), некоторые — за Жукова… Когда же такой вопрос был поставлен мне, я ответил: «Товарищ министр, мы, моряки, не претендуем на такой общевойсковой пост, и кого из Маршалов Советского Союза сочтут нужным назначить министром — я не берусь даже высказывать свое мнение. Однако если будет назначен Жуков, то мне казалось бы правильным указать ему на необходимость впредь более объективно относиться к флоту». Такое опасение с моей стороны было не случайным. За последнее время я слышал ряд весьма нелестных отзывов со стороны Жукова в адрес флота, к тому же ни на чем не основанных…

На деле получилось плохо. Заняв пост министра обороны, маршал Жуков закусил удила. Ему показалось, что теперь «сам черт ему не брат». Мне думается, никогда честолюбие Жукова не было удовлетворено в такой степени, как тогда. Не зная, что моя конфиденциальная беседа стала буквально в тот же день известна Жукову, я старался найти с ним общий язык… Минут 15–20 маршал меня слушал, потом начал демонстративно зевать… и неожиданно задал вопрос, перейдя на другую тему: «Так вы, стало быть, выступали против меня?» Я догадался, о чем идет речь, и буквально повторил мой разговор с Булганиным. Но больше всего меня поразило беззастенчивое заявление, что «это вам так не пройдет». И не прошло».

Жуков сдержал свою угрозу. Хотя перенесший инфаркт Кузнецов еще 26 мая 1955 года подал рапорт с просьбой освободить его от должности заместителя министра обороны и главкома ВМФ по состоянию здоровья, маршал адмирала в

почетную отставку не отпустил. В октябре появился подходящий повод: катастрофа линкора «Новороссийск». Вот тогда фактически уже находившегося не у дел Кузнецова (врачи запретили ему на несколько месяцев работать) сняли с поста «за неудовлетворительное руководство Военно-Морскими Силами». А 18 февраля 56-го Николая Герасимовича уволили в отставку, снизив в звании до вице-адмирала.

И с начальником Генштаба маршалом Соколовским у Жукова были постоянные трения, о которых Василий Данилович поведал на пленуме в октябре 57-го. Вероятно, Жуков не мог простить, что в феврале 55-го Соколовский предлагал не его, а Василевского на пост министра обороны.

Личная неприязнь со стороны Жукова стала только одной из причин унизительной отставки Кузнецова. Другой явилось не скрываемая Николаем Герасимовичем в целом положительная оценка личности и деяний Сталина, за которым адмирал готов был признать ошибки, но не преступления. Недаром Кузнецова уволили в дни работы XX съезда партии. Жуков же полностью поддержал антисталинскую кампанию, начатую Хрущевым. По рассказу бывшего командующего Туркестанским военным округом генерала армии Петра Николаевича Лащенко, приводимым писателем Владимиром Карповым, после хрущевского доклада о культе личности в кулуарах съезда «вдруг к нам (группе генералов и маршалов — делегатов съезда. — Б.С.) подошел Жуков, веселый, глаза сияют, и радостно говорит: „Наконец-то эту рябую п… вывели на чистую воду!“… Именно так, я точно помню. Да он и другие, не менее крутые слова говорил про вождя народов».

«Рябая п…» — куда уж круче! Но вот в «Воспоминаниях и размышлениях», даже в первоначальном тексте, маршал отзывался гораздо более мягко: «Сталин не был трусливым человеком…»; «Конечно, ошибки у Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений…»; «Сталин был волевой человек и, как говорится, „не из трусливого десятка“… После 22 июня 1941 года, почти на протяжении всей войны, Сталин твердо управлял страной, вооруженной борьбой и международными делами». Видно, в период работы над рукописью маршал употреблял образные русские выражения, главным образом, в адрес «друга» Хрущева, так подло отправившего его в отставку.

Правда, в полководческом мастерстве Жуков Сталину отказал:

«Когда… пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств Сталина было ошибочным».

Настоящим полководцем Георгий Константинович считал себя самого.

В июле 1955 года на советско-американских переговорах в Женеве в рамках совещания глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции произошла последняя встреча Жукова с Эйзенхауэром, ставшим к тому времени президентом США. Чарльз Болен полагал: «Советы захватили с собой старого солдата Жукова, очевидно, в качестве дружеского жеста по отношению к Эйзенхауэру… Жуков был большевик, неуклонно следующий партийной линии, но, в первую очередь, он был русским патриотом. Он верил в независимость армии, и одной из причин его конечного падения стала попытка упразднить систему политических комиссаров. Свойственная ему чистота помыслов резко контрастировала с неискренностью других большевистских вождей. Он проявлял толерантность и даже уважение по отношению к Соединенным Штатам, и я не сомневался, что его привязанность к генералу Эйзенхауэру искренняя, а не вызванная преходящими обстоятельствами».

20 июля маршал и генерал встретились на обеде, который Эйзенхауэр устроил в честь своего советского друга на вилле в окрестностях Женевы. По свидетельству Болена, беседа Эйзенхауэра и Жукова носила, в основном, личный характер: «Два солдата вспоминали войну, особенно ее последние дни. В конце концов они перешли к обсуждению германских дел, и Эйзенхауэр высказал Жукову свое и американского народа глубокое убеждение, что немцы имеют право воссоединиться в едином государстве. Президент, однако, особо подчеркнул, что воссоединение не означает, что немцы могут проводить политику, угрожающую их соседям, или вооружаться с той же целью. Если Советы согласятся на воссоединение, говорил Эйзенхауэр Жукову, то на Германию будут наложены строгие ограничения в военной области. Даже без объединения, доказывал он, в рамках НАТО существуют все виды контроля, способные предотвратить возрождение воинствующего германского национализма.

Принимая во внимание новое соотношение сил на континенте, кажется почти невероятным, чтобы Германия была в состоянии, как в начале 40-х, вести войну на два фронта.

Следуя, хотя и достаточно мягко, кремлевской линии, Жуков заявил, что планы западных союзников предоставить немцам свободу действий во многих областях таят в себе целый ряд опасностей. Советские опасения по поводу возможности возрождения германского милитаризма были понятны, принимая во внимание опыт двух мировых войн, но только в самом общем смысле. Русские, и особенно реалисты, вроде Жукова, знали, что Западная Германия не может предпринять военную операцию без благословения со стороны Соединенных Штатов. Страх перед Германией был иллюзией.

В конце обеда Эйзенхауэр спросил, что маршал Жуков собирается делать во время отпуска. Жуков ответил, что отправится на юго-запад России ловить рыбу. Оба они стали обсуждать достоинства различных рыболовных снастей, и Эйзенхауэр пообещал прислать Жукову американский спиннинг. Примерно через месяц после моего возвращения в Москву посольство получило в дипломатической почте спиннинг и письмо Эйзенхауэра Жукову. Письмо было послано незапечатанным… Оно содержало лишь дружеские пожелание и сообщало, что спиннинг послан в отдельном пакете. Когда западногерманский канцлер Аденауэр с помощью своей разведки ознакомился с содержанием эйзенхауэровского послания Жукову, он вычитал в нем скрытый смысл и даже заподозрил нас в своего рода предательстве. Аденауэр подумал, что Эйзенхауэр вовлечен в секретные переговоры с советским правительством, а маршал Жуков используется как канал для таких переговоров».

Насчет рыбной ловли беседы Эйзенхауэра с Жуковым были куда плодотворнее, чем по германскому вопросу. Эйзенхауэр, вспоминая женевскую встречу, констатировал: «Как только мы затронули серьезные вопросы, стало совершенно очевидно, что Жуков не тот, каким был в 45-м году. Во время наших встреч тогда он был независимым, уверенным в себе человеком, который, несомненно, принимал коммунистическую доктрину, но всегда был готов с радостью встретиться, чтобы обсудить любую текущую проблему и вместе искать ее разумное решение. Он делал это по своей собственной инициативе, и однажды даже резко поставил на место своего политического советника Андрея Вышинского, приказав ему покинуть комнату, чтобы мы могли

конфиденциально побеседовать вдвоем. По многим признакам было очевидно тогда, что Жуков был как раз тем, кем он хотел казаться, — в высшей степени важным человеком в советском правительстве, возможно вторым после самого Сталина. Во время моего визита в Москву в 45-м такая оценка его положения и влияния многократно подтверждалась. Теперь в Женеве, десять лет спустя, он выглядел встревоженным и явно подчиненным по своему положению. Он монотонно повторял мне аргументы главы советской делегации… Он был безжизненным, не шутил и не улыбался, как раньше. Мой старый друг выполнял приказ начальства. От этого личного разговора у меня не осталось ничего, кроме чувства горечи».

Георгий Константинович хорошо помнил, что независимость в общении с тем же Эйзенхауэром стала одной из причин унизительной опалы в 46-м. Теперь он был гораздо осторожнее, да и дружба с Хрущевым обязывала не проявлять излишней самостоятельности в дипломатической области. Формальное положение Жукова в партийной и военной иерархии в 55-м году было выше, чем в 45-м. Теперь маршал был кандидатом в члены Президиума ЦК и министром обороны, а тогда — лишь кандидатом в члены ЦК и заместителем наркома обороны. Однако его реальное влияние и в армии, и в политике стало существенно меньшим, и он никак не воспринимался вторым человеком в руководстве. Это хорошо понял Эйзенхауэр.

В бытность маршала министром обороны, в ноябре 56-го, Советская Армия предприняла вооруженную интервенцию в Венгрию для подавления вспыхнувшего там антикоммунистического народного восстания. Перед вторжением Жуков пытался создать у американского посла Чарльза Болена впечатление, что советские войска не пойдут на мятежный Будапешт. Болен вспоминал: «25 октября, через два дня после начала революции в Венгрии, Жуков в беседе со мной на приеме в турецком посольстве приводил пример Польши как доказательство того, что Советский Союз не желает военного вмешательства во внутренние дела других стран. Действительно, в Польше, где разоблачение Сталина на XX съезде тоже вызвало народные волнения, до кровопролития и ввода советских войск не дошло. Хотя министр обороны Польши Рокоссовский и предлагал двинуть против демонстрантов в Познани подконтрольный советским советникам танковый корпус. Дело ограничилось сменой руководства польской компартии и отзывом на родину Рокоссовского и других советских офицеров.

Но в Венгрии, где антикоммунистические повстанцы уже взяли власть во многих городах и имели сильное влияние в правительстве коммуниста-реформатора Имре Надя, Хрущев решил применить силу. Жуков продолжал говорить американскому послу, по выражению Болена, «смесь, неправды, полуправды и нескольких действительных фактов», одновременно давая указания по разработке плана вторжения в Венгрию. В начале ноября значительные советские силы вошли на венгерскую территорию. 4 ноября в советском Закарпатье было сформировано альтернативное венгерское правительство во главе с Яношем Кадаром. Якобы по его просьбе советские войска под командованием маршала Конева двинулись на Будапешт. За неделю организованное вооруженное сопротивление восставших было подавлено. Вторгшаяся в Венгрию 200-тысячная группировка советских войск, по официальным и, скорее всего, заниженным данным, потеряла 720 человек убитыми и пропавшими без вести и 440 человек ранеными. Точных данных о числе жертв с венгерской стороны нет, но нередко говорят, о 20 тысячах убитых и раненых, включая сюда и жертвы среди мирного населения.

Жуков остался не слишком доволен действиями своих подчиненных в Венгрии. В декабре 1956 года на совещании высшего комсостава он подчеркнул: «Менее чем за полтора месяца в соединениях и частях, находившихся в Венгрии, имели место 144 случая чрезвычайных происшествий и грубых нарушений дисциплины, при этом более половины из них относятся к таким тяжелым преступлениям, как убийство, изнасилование, грабежи и избиения местного населения, а также ограбления складов и магазинов. Характерно, что некоторые офицеры, в том числе и старшие, вместо наведения строжайшего порядка, сами принимали участие во всех этих безобразиях. Особенно недостойно вел себя 114-й парашютно-десантный полк во главе с командиром полка. Факты аморального поведения советских военнослужащих в Венгрии были настолько нетерпимы, что ими был вынужден заниматься Центральный Комитет партии, который вынес по этому вопросу специальное решение. Все виновные в мародерстве, грабежах, насилиях и других преступлениях привлечены к судебной ответственности, в том числе и командир 114 парашютно-десантного полка. Мы должны сделать вывод, что с воспитанием личного состава у нас дело обстоит неблагополучно».

Насилий и грабежей в Венгрии наверняка, было гораздо больше, чем 144. Очевидно, Жуков говорил только о тех эпизодах, которые стали предметом судебного разбирательства. Мне самому довелось в середине 70-х годов беседовать с одним хромым ветераном венгерской кампании 56-го года. Ветеран торговал пивом на одной из московских улиц и находился едва ли не в перманентном состоянии алкогольного похмелья. Тем не менее, узнав, что мы с товарищами недавно побывали в Венгрии, он охотно вступил в разговор: «Ты такой венгерский город Капошвар знаешь?» Город я знал и даже бывал в нем. «Мне там ногу и прострелили. Ну, ничего, зато я из Венгрии шесть костюмов вывез…», — светло улыбаясь, закончил свои воспоминания продавец пива, за свои подвиги на мануфактурном фронте ни к какой ответственности явно не привлекавшийся. Думаю, что на самом деле случаи мародерства среди советских военнослужащих в Венгрии исчислялись тысячами, но далеко не обо всех из них докладывали даже командирам полков, а уж тем более Жукову. Сам же Георгий Константинович никогда не высказал сожаления, что его войска выполняли карательные по существу функции. Для него венгерское восстание было контрреволюционным мятежом, направленным против коммунистических идеалов. В эти идеалы маршал заставлял себя верить, иначе трудно было бы служить партии большевиков, а военная служба составляла для него смысл жизни.

1 декабря 1956 года Жуков в четвертый раз был удостоен звания Героя Советского Союза. Официально — в связи с 60-летием со дня рождения. Но народная молва связывала четвертую Золотую Звезду маршала с успехом венгерского похода. «Недостатки в воспитании личного состава» Георгию Константиновичу на этот раз в вину не поставили.

На совещании в декабре 56-го Жуков изложил свое видение советской военной доктрины: «Танками мы будем обеспечены на 90 процентов в 1960 году. Я сторонник тяжелых танков. Нужно иметь в виду, что главный театр военных действий — Европа. Здесь будет решена судьба мира. И мы должны выйти в такой организации, чтобы наверняка разгромить противника… Нужно быстрее создавать подвижную ракетную систему С-75 (прабабушку знаменитой сегодняшней С-300. — Б. С.). Эта система может сыграть свою роль и при отсутствии в известных условиях истребительной авиации… К 1960 году вооружить танковую армию подвижной ракетной системой С-75…». А на разборе командно-штабных учений «Днепр» в августе 1956 года

маршал утверждал: «Наши командные кадры, наши штабы должны пытливо изучать современный характер начального периода войны, новейшие способы действий противника в условиях применения атомного оружия, с тем чтобы умело противопоставить противнику свои уничтожающие удары, если противником будет развязана война… В современных условиях захват и удержание инициативы в начальный период войны в большей мере, чем когда-либо, зависит от господства в воздухе. Особое место в операциях начального периода войны занимает внезапность».

Чувствуется, что Жуков по-прежнему мыслил категориями Второй мировой войны. Мечтал о тяжелых танках, которые будут громить противника в Западной Европе, искал способы, как преодолеть преимущество стран НАТО в авиации. И уповал на внезапность. Но ведь на внезапность может надеяться только тот, кто собирается ударить первым.

Маршал не понял, что с появлением ядерного оружия характер войны коренным образом изменился. Теперь военное столкновение двух сверхдержав, СССР и США, не могло не сопровождаться применением атомных и водородных бомб. В то время американская стратегическая авиация неизмеримо превосходила советскую. Межконтинентальные баллистические ракеты только разрабатывались. Советская Армия не располагала средствами для ядерного удара по американской территории, тогда как американские бомбардировщики с баз в Европе без труда могли достичь территории СССР, тем более что эффективные зенитные средства против них еще только разрабатывались. И внезапность первого ядерного удара большой роли не играла. Ядерное оружие было еще слишком неточным, чтобы лишить противника средств к ответному удару. А вторжение советских танков в Западную Европу неизбежно привело бы к введению в действие американского плана «Дропшот», предусматривавшего бомбардировку крупнейших советских городов 300 атомными и 29 тысячами тонн обычных бомб.

Хрущев начинал понимать, что время победных маршей многомиллионных армий безвозвратно канула в прошлое. Никита Сергеевич стремился сократить численность армии, сделав упор на ядерные силы, авиацию и только-только начавшие создаваться ракеты как средства доставки ядерных и термоядерных зарядов и борьбы с авиацией противника. В мемуарах он признавал: «По-

настоящему мы не могли тогда угрожать даже чужим базам, которые расположились вокруг Советского Союза. Корейская война показала, что МИГ-15 по скорости отстает от американского истребителя. Наш народ, уставший от войны и изголодавшийся, нуждался в том, чтобы его накормили, одели и удовлетворили другие бытовые потребности. К сожалению, промышленный потенциал СССР уступал американскому (и еще как уступал, в середине 80-х, по моим оценкам, в 6 раз, а в середине 50-х, быть может, — и в 10. — Б. С.), а ведь он — главное в войне. Современная война — война моторов, электронной техники, умов ученых. Кто лучше и быстрее создаст новые виды вооружения? Мы пока уступали потенциальному противнику».

Учтем, что Соединенные Штаты нападать на Советский Союз не собирались, в то время как Хрущев, подобно Сталину, все еще лелеял надежды «закопать капитализм в землю». Никита Сергеевич для этой благородной цели рассчитывал привлечь на свою сторону страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Для обеспечения господства в Восточной Европе и прикрытия активной политики в Азии, Африке и Латинской Америки требовался паритет с США, только теперь уже ракетно-ядерный. Новая гонка вооружений, начавшаяся при Хрущеве, оказалась не менее разорительной, чем соревнование по традиционным вооружениям и ядерный проект при Сталине. При Брежневе возобновилась еще и гонка по обычным сухопутным и морским вооружениям, что в итоге к концу 80-х окончательно подорвало советскую экономику.

Обычные вооруженные силы нужны были теперь только для локальных военных конфликтов, где не требовалась большая по численности армия. В новых условиях способность Жукова заставить подчиненных командиров завалить противника трупами больше не находила применения. Георгий Константинович не успел осознать и то решающее влияние, которое оказал на стратегию технический переворот в вооружениях. Отставка Жукова с поста министра обороны была предопределена. Хрущев все равно сместил бы его не позднее 1960 года, когда явно обозначился приоритет ракетно-ядерных сил, для руководства которыми у маршала не хватало военных и военно-технических знаний. Но политические события 57-го года значительно ускорили жуковскую отставку.

Еще 27 февраля 1956 года, после XX съезда, Жуков стал

кандидатом в члены Президиума ЦК, войдя тем самым в состав высшего политического руководства страны. Впервые профессиональный военный занял столь высокое место в партийной иерархии. Хрущев рассчитывал опереться на маршала, демонстрировавшего свои антисталинские настроения, в борьбе против других членов Президиума, выступавших против дальнейших разоблачений преступлений Сталина. Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов и некоторые другие надеялись сохранить Сталина в коммунистической мифологии в качестве положительного героя, допустившего лишь отдельные трагические ошибки. Сами они, как и Хрущев, были причастны к сталинским преступлениям, и понимали, каков будет дальнейший ход событий. Если Хрущев собирается идти в разоблачении «культа личности» дальше, то о собственных преступлениях, конечно же, умолчит, зато своих оппонентов не помилует. 19 июня 1957 года большинство членов Президиума ЦК во главе с Молотовым, Кагановичем и Маленковым приняло решение о смещении Хрущева с поста первого секретаря. Однако Никита Сергеевич не подчинился, заявив, что вопрос о первом секретаре правомочен решать только пленум ЦК. Поскольку созывом пленума должен был заниматься подконтрольный Хрущеву секретариат, шансы его противников на пленуме были бы невелики. Те, кого позднее назвали «антипартийной группой», старались созыву пленума воспрепятствовать. Однако Хрущева поддержали, как и при аресте Берии, глава КГБ Серов и Жуков. Георгий Константинович вспоминал: «Я видел выход из создавшегося положения только в решительных действиях. Я заявил: „Я категорически настаиваю на срочном созыве Пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предлагает группа. Я хочу на пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею на руках материалы о их кровавых злодеяниях вместе со Сталиным в 37–38 годах, и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. И если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева с должности первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил“.

Это, конечно, было необычное и вынужденное заявление… Я хотел провести решительную психологическую атаку на антипартийную группу и оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолетами. После этого моего заявления было принято решение перенести заседание Президиума на третий день, и этим самым группа Маленкова — Молотова проиграла затеянное ими дело против

Хрущева. Должен оговориться, если мне тогда говорили спасибо за столь решительное выступление против антипартийной группы, то через четыре месяца я очень сожалел об этом своем решительном заявлении, так как мое заявление в защиту Хрущева обернули в октябре 57-го против меня…

В середине второго дня в Президиум пришла группа членов ЦК в количестве десяти человек и потребовала, чтобы их принял Президиум ЦК в связи с их обеспокоенностью судьбой единства Президиума… Группа Маленкова-Молотова до конца заседания не хотела принимать членов ЦК, но затем под давлением сторонников Хрущева было решено послать Ворошилова, Булганина, Хрущева и Шверника на переговоры.

Встреча состоялась в приемной Президиума ЦК. Группа членов ЦК потребовала от имени членов ЦК созыва пленума. Для быстрого сбора членов пленума ЦК было решено переброску их с периферии в Москву осуществить самолетами военно-воздушных сил. Организация этого дела была возложена на министерство обороны…

В ходе заседания Президиума ЦК на второй день резко выступил Сабуров. Видимо, что-то пронюхав, сказал:

— Вы что же, Хрущев, делаете, уж не решили ли арестовать нас за то, что мы выступили против вашей персоны? Хрущев спросил:

— Из чего вы это видите?

— Из того, что под Москвой появились танки. Я сказал:

— Какие танки? Что вы, товарищ Сабуров, болтаете? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа с моей стороны не было. Эта моя контратака тогда очень понравилась всей группе Хрущева Хрущев неоднократно ее приводил на пленумах и в других речах».

Эту тираду о танках народная молва трансформировала в более энергичное: «Без моего приказа ни один танк не сдвинется с места!» Никита Сергеевич вполне мог подумать а ну как однажды другу Жукову действительно придет в голову мысль двинуть танки на Кремль?

Пленум начался 22 июня. Открыл его Жуков. Аппарат Хрущева и Серов снабдили его достаточным материалом о преступлениях членов «антипартийной группы». Георгий Константинович говорил как настоящий прокурор: «Вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение за НКВД… Он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечестной, антинародной работы по истреблению лучших наших кадров. Маленков не только не раскаялся перед ЦК в своей преступной деятельности, но до последнего времени хранил в своем сейфе документы оперативного наблюдения НКВД… Это документы с материалами наблюдения за рядом Маршалов Советского Союза, за рядом ответственных работников, в том числе за Буденным, за Тимошенко, за Жуковым, за Коневым, за Ворошиловым и другими, с записью подслушанных разговоров в 58-ми томах».

Жуков призывал принять к «антипартийной группе» самые суровые меры. О Кагановиче бросил реплику: «Ему за решеткой сидеть, а не в ЦК». И цитировал многочисленные расстрельные списки с автографами Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова… Аналогичных документов с подписью Хрущева или, к примеру, Микояна, маршал не приводил, хотя на ниве репрессий Никита Сергеевич и Анастас Иванович преуспели ничуть не меньше, чем их оппоненты. Например, в январе 1936 г. в одной из речей Хрущев заявил: «Арестовано только 308 человек; для нашей московской организации — это мало». А в июне 1938 г. на XIV съезде украинских коммунистов призвал доистребить «врагов народа»: «…У нас на Украине состав политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине…».

Конечно, Хрущев успел основательно почистить партийные архивы. Да и Серов вместе с хрущевскими помощниками тщательно отбирали материалы для Жукова. Вероятно, они фальсифицировали и письмо Якира Сталину, которое командарм писал перед расстрелом. Это письмо Жуков зачитал на пленуме, а на XXII съезде, уже после смещения Жукова, его с теми же самыми купюрами оглашал тогдашний шеф КГБ А.Н. Шелепин. Опущены были признания Якира в предательстве (бедняга рассчитывал тем самым спасти семью).

Только десятилетия спустя, когда историкам стали доступны

партийные архивы, выяснилось, что списки на прослушивание высокопоставленных лиц в ЦК утверждал… сам «дорогой Никита Сергеевич». Когда Георгия Константиновича постигла последняя опала, Хрущев продолжал читать сводки КГБ о том, что делает и что говорит Жуков. Сам же маршал, как кажется, в июне 57-го искренне верил, что Хрущев к прослушиванию интимных разговоров военных и партийных деятелей не причастен.

На пленуме еще раз встал вопрос о танках, будто бы двигавшихся на Москву. Жуков высмеял оппозиционеров: «По их словам, якобы не исключено, что вслед за ворвавшимися — я обращаю внимание на терминологию, „ворвавшиеся“, — в Президиум членами ЦК… в Кремль могут ворваться танки, и Кремль может быть окружен войсками (смех, шум в зале)». Но Хрущев уже не смеялся. Его преследовал страх: а вдруг нарисованная вроде как в шутку картина станет страшной явью. Сейчас, опираясь на поддержку секретариата ЦК и силовых структур, он одержал верх. А что будет, если против выступит министр обороны, да еще такой, как Жуков, широко известный не только в стране, но и за рубежом? После пленума Георгий Константинович стал полноправным членом Президиума ЦК, но пребывать в этом качестве ему предстояло всего четыре месяца.

Уже на июньском пленуме всем присутствовавшим стало ясно, что от былой дружбы Жукова и Серова мало что осталось. Один из сторонников Маленкова М.З. Сабуров в своем выступлении утверждал: «Я говорил Жукову, что Серов за ним шпионит, а он мне ответил: „Пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется“. Через несколько месяцев Иван Александрович закономерно окажется среди противников Георгия Константиновича.

Снятие Жукова с поста происходило по всем законам аппаратной интриги. 3 октября 57-го Георгий Константинович отправился с официальным визитом в Югославию и Албанию Он хотел лететь самолетом, но Хрущев настоял, чтобы маршал воспользовался крейсером «Куйбышев». Требовалось, чтобы маршал подольше отсутствовал в Москве. Как только Жуков высадился в Югославии, крейсер был отозван в Севастополь, хотя Георгий Константинович думал, что «Куйбышев» пошел в Сплит, где должен был вновь принять на борт министра обороны, чтобы идти в Албанию. Пока Жуков налаживал дружбу с Тито, Хрущев провел по всем военным округам партийные активы, на которых Жукова дружно осудили за пренебрежение политработой в

войсках и создание в армии культа собственной личности (в стране мог быть культ только одного лица, первого в партийной иерархии — сначала Ленина, потом Сталина, Хрущева, Брежнева…).

В начале 20-х чисел октября начальник Главного Разведывательного Управления Генштаба Штеменко информировал Георгия Константиновича о происходящем в Москве, где на партактиве центрального аппарата министерства обороны и Московского округа 22 октября выступил сам Хрущев. За этот поступок Сергей Матвеевич был снят со своего поста. 25 октября появилось последнее сообщение о визите Жукова в советской прессе. 26-го маршал вылетел из столицы Албании Тираны в Москву. «Приземлившись в аэропорту Внуково, — отмечал Георгий Константинович в записке ЦК о своей поездке на Балканы, — в окно самолета я увидел встречающих меня маршалов Советского Союза и главнокомандующих всеми видами вооруженных сил, среди которых был Чернуха, технический работник при Президиуме ЦК. После того как мы все перездоровались, ко мне подошел Чернуха и сказал, что меня сейчас же приглашают на Президиум ЦК. Там, сказал Чернуха, все в сборе. Я сказал, что заеду домой, переоденусь и, сейчас же приеду. Явившись в Президиум, я увидел за столом всех членов и кандидатов Президиума, всех тех маршалов, кто встречал меня на аэродроме… Хрущев предложил утвердить мой отчет (о поездке. — Б.С.)… Затем Хрущев сказал:

— За время вашего отсутствия Президиум ЦК провел парт-политактив министерства обороны. По этому вопросу доложит Суслов.

Суслов начал с того, что министр обороны Жуков проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников и Главное политическое управление…

Взял слово Микоян и сказал:

— Мне непонятно и до сих пор волнует одна фраза, сказанная Жуковым на Президиуме ЦК во время работы по поводу антипартийной группы Маленкова, Молотова. Жуков тогда сказал: «Если будет принято решение, предложенное Маленковым (о смещении Хрущева. — Б. С.), то он, Жуков, не подчинится решению и обратится к армии. Как это понимать?»

Я тут же ответил, да, это было сказано, но я говорил, что обращусь через парторганизации армии к партии, а не к армии.

— Значит, вы сознательно об этом говорили, — сказал Микоян, — а я думал, что вы тогда оговорились.

— Вы что, забыли обстановку, которая тогда сложилась? — ответил я Микояну. Затем выступил Брежнев. Он наговорил, что было и чего никогда не было, что я зазнался, что я игнорирую Хрущева и Президиум, что я пытаюсь навязать свою линию ЦК, что я недооцениваю роль военных советов.

Затем выступил Хрущев. Он сказал:

— Есть мнение освободить товарища Жукова от должности министра обороны и вместо него назначить маршала Малиновского. Есть также предложение послезавтра провести пленум ЦК, где рассмотреть деятельность товарища Жукова.

Предложение было, конечно, принято единогласно.

Вся эта история, подготовленная против меня как-то по-воровски, была полной неожиданностью. Обстановка осложнялась тем, что в это время я болел гриппом. Я не мог быстро собраться с мыслями, хотя и не первый раз мне пришлось столкнуться с подобными подвохами. Однако я почувствовал, что Хрущев, Брежнев, Микоян, Суслов и Кириленко решили удалить меня из Президиума ЦК. Видимо, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого Хрущев оставался в долгу в период борьбы с антипартийной группой Маленкова-Молотова. Эта мысль была подтверждена речью Микояна на пленуме, где он сказал: «Откровенно говоря, мы боимся Жукова».

Вот оказалось, где зарыта собака! Вот почему надо было отослать меня в Югославию и организовать людей на то, что было трудно сделать при мне. Возвратившись домой, я решил позвонить на квартиру Хрущеву, чтобы выяснить лично у него истинные причины, вызвавшие столь срочное освобождение меня от должности министра обороны. Я спросил:

— Никита Сергеевич, я не понимаю, что произошло за мое отсутствие, если так срочно меня освободили от должности министра, и тут же ставится вопрос на специальном созванном

пленуме ЦК. Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было никаких претензий, и вдруг целая куча претензий. В чем дело? Я не понимаю, почему так со мной решено поступить?

Хрущев ответил сухо:

— Ну, вот будешь на пленуме, там все и узнаешь. Я сказал:

— Наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения.

— Не волнуйся, мы еще с тобой поработаем, — сказал Хрущев и повесил трубку.

Я ничего не узнал от Хрущева, но понял — Хрущев лично держит в своих руках вопросы о моей дальнейшей судьбе, перспективы которой были в тумане».

Пленум собрался 28 октября и работал два дня. Основной доклад сделал секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов. Он указал на «серьезные недостатки и извращения в партийно-политической работе», порожденные «грубым нарушением партийных ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской Армии со стороны товарища Жукова». Суслов процитировал жуковские распоряжения; «Снять, списать, уволить, выгнать, содрать лампасы, содрать погоны», «привыкли за сорок лет (Советской власти, — Б. С.) болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты». Все это секретарь ЦК назвал «огульным избиением командных и политических кадров». Суслов привел и такой факт, свидетельствующий о потери «элементарного чувства скромности»: «Министр поручил купить, в целях личной рекламы поставить в Музей Советской Армии написанную художником картину, представляющую такой вид: общий фон — горящий Берлин и Бранденбургские ворота, на этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных государств, а на коне восседает товарищ Жуков. Картина очень похожа на известную икону Георгий Победоносец».

Конечно, в советских условиях пренебрежение партийно-политической работой — большой грех. Но ведь Хрущев, Суслов и другие члены Президиума не вчера на свет родились. О том, что Жуков, мягко говоря, недолюбливает комиссаров, было давно

известно. И что маршал не страдает избытком скромности никогда не было тайной. А уж о жуковском самодурстве и грубости легенды ходили. Тем более, как признал Суслов, гнев министра обороны обрушивался как на политработников, так и на командиров. Кстати, и сам Никита Сергеевич особой деликатностью не отличался. Мог подчиненных и по матушке послать, и туфлей по трибуне в ООН постучать. Неужели картина, где Жуков был изображен как святой Георгий Победоносец, переполнила чашу терпения Хрущева? Или все-таки были другие причины, более серьезные?

Действительно, были. Суслов сказал и о них, но как-то между делом, не акцентируя внимания членов ЦК: «…Товарищ Жуков игнорирует Центральный Комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей… Товарищ Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

Вот где собака зарыта, вот почему потребовалось так спешно снимать Жукова. Маршала заподозрили в подготовке государственного переворота. Школа спецназа в подмосковных лесах — это внушительная сила, с которой в случае чего и Кремль можно попытаться захватить. И хотя материалы пленума хранились под грифом «строго секретно», слухи о таинственной школе, вызвавшей падение Жукова, распространились по миру. В 1962 году в США вышел роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае», где некий генерал Скотт, занимающий пост председателя американского комитета начальников штабов, предпринимает неудачную попытку государственного переворота, опираясь на специальные подразделения, обученные «отбивать важные объекты, захваченные противником». Современники легко узнавали в числе прототипов не только известного генерала Макартура, которого подозревали в намерении захватить власть в Америке, но и маршала Жукова. Однако действительно ли Георгий Константинович готовил военный переворот?

Такую возможность исключить нельзя, но и подтвердить, равно как и опровергнуть подобное предположение — в принципе невозможно. Некоторые факты из выступлений на пленуме как

будто говорят, что Жуков стремился полностью подчинить своему контролю как армию, так и другие силовые структуры. Начальник Генерального штаба маршал Соколовский заявил:

«Сказать, что тов. Жуков недопонимал и недопонимает роли партийно-политической работы в армии, это, конечно, несостоятельно и несерьезно, и те крупные ошибки, которые допущены были Жуковым, конечно, не от недопонимания, как он, выступая здесь говорил, это неверно. Дело заключается именно в линии поведения… Эта особая линия поведения вела к тому, чтобы армию прибрать к рукам в полном смысле этого слова и через армию воздействовать тем или иным путем, я не хочу фантазировать, но воздействовать тем или иным путем, может быть, даже на Президиум ЦК, чтобы делалось по его, Жукова, желанию…

Товарищ Жуков предлагал Генеральному штабу составить докладную записку в ЦК о том, чтобы пограничные войска подчинить министерству обороны. Почему? Пограничные войска выполняют особую службу. Эта служба не армейская. Везде, во всех государствах, она выполняется совершенно иными путями, иными способами, чем несется служба армейская. Я, как начальник Генерального штаба, еле отбился от того, чтобы писать такую докладную записку… Если говорить о Жукове как о человеке, то Жуков, как человек, необычайно тщеславная и властная личность. Поскольку раньше была брошена реплика, что я высказывался против назначения тов. Жукова министром, то может сложиться впечатление о неблагополучных личных взаимоотношениях, поэтому я хочу пояснить, чтобы не создалось у вас впечатления, что я имею что-то личное против Жукова и поэтому так резко говорю против него».

Тут Хрущев подал реплику: «Жуков платил вам тем же. Он мне говорил, что надо заменить начальника Генерального штаба».

«Вы помните, — продолжал Соколовский, — когда в 1946 году Жуков попал в опалу, то, по существу, в защиту Жукова выступили только два человека — Конев и я (маршала Рыбалко Василий Данилович почему-то забыл, может, потому, что Павел Семенович давно уже умер. — Б. С.). Причем я выступал последним, когда выступили уже все члены Главного Военного совета, а в Совете были и Берия, Маленков, Молотов, последний выступил два раза. Я не постеснялся тогда выступить с положительной оценкой и сказать правду, что из себя

представляет Жуков. Сейчас я выступаю совершенно объективно, без каких-либо личных наветов, говорю все, как есть на самом деле.

Возьмите работу коллегии министерства обороны… По существу, коллегий министерства обороны была ширмой, прикрываясь которой Жуков что хотел, то и проводил. Коллегия существовала для того, чтобы собрать кого надо и кого не надо и отругать. Любой вопрос, который стоял на коллегии, должен был обсуждаться только в угодном тов. Жукову направлении, иных мнений на коллегии Жуков не терпел. По сути дела, Жуков заставил говорить только так, как он хотел. Какая же это коллегия?..»

Пограничные войска в Советском Союзе выполняли очень специфические функции. Такой мощной пограничной охраны не было ни в одной другой стране мира. Пограничники на практике создавали пресловутый «железный занавес», препятствующий проникновению в страну людей и идей извне и не позволяющий советским гражданам своими глазами увидеть «успешно загнивающий Запад». Если Жуков получит контроль над пограничными войсками, то еще, чего доброго, сможет установить связь с американцами, с тем же старым другом Эйзенхауэром, чтобы те поддержали переворот. Подобная картина вполне могла пригрезиться Хрущеву. И что Жуков желает заменить Соколовского, в свое время выступавшего против его назначения министром, могло встревожить Никиту Сергеевича. Если Генштаб возглавит человек, безоговорочно преданный Жукову, они вместе какую угодно операцию могут спланировать. Хоть освобождение Кремля, захваченного условным противником!

И еще один человек, возражавший в 55-м против жуковской кандидатуры, выступил на пленуме — начальник ГлавПУРа генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов. Ему, как политработнику, сам Бог велел Жукова ругать. И Желтов постарался:

«…Тов. Жуков непомерно себя возвеличивал, и на этой почве у нас было немало схваток. Началось в 1955 году… Не появился в связи с его назначением портрет в центральных газетах. Главному Политическому управлению был произведен такой разнос, которого никто никогда вообще не видел».

Но ни одного слова в защиту Жукова не сказали и маршалы.

И не только давние его оппоненты Конев и Ерёменко, но и те, с кем в войну у Георгия Константиновича серьезных столкновений не было. Вот Сергей Семенович Бирюзов свидетельствовал:

«…С момента прихода тов. Жукова на пост министра обороны в министерстве создались невыносимые условия… У Жукова был метод — подавлять… Кто ты такой? Кто тебя знает? Я с тебя маршальские погоны сниму!..»

Бывший начальник Жукова Тимошенко тоже не пожалел черной краски: «Я хорошо знаю Жукова по совместной продолжительной службе и должен откровенно сказать, что тенденция неограниченной власти и чувство личной непогрешимости у него как бы в крови. Говоря откровенно, он не раз и не два зарывался, и его все время, начиная с командира полка и выше, в таком виде разбирали. Почувствовав себя как бы вне партийного контроля, министр обороны маршал Жуков заключил Главное Политическое управление в свои „железные“ объятия и всячески глушил политические организации в Советской Армии и флоте…».

Не пощадил бывшего друга и Рокоссовский: «Мне второй раз приходится присутствовать при разборе дела, касающегося товарища Жукова: первый раз после окончания войны, еще при жизни Сталина, и сейчас второй раз. Первый раз мы выступали все, в том числе и я, давая совершенно объективную оценку товарищу Жукову, указывая его положительные и отрицательные стороны… Его выступление тогда было несколько лучше, чем сейчас, оно было короче, но он тогда прямо признал, что да, действительно, за мной были такие ошибки. Я зазнался, у меня есть известная доля тщеславия и честолюбия и дал слово, что исправит эти ошибки… Говоря о правильности решения партии в отношении человека, который не выполнил волю партии, нарушил указания партии… я скажу, что и я считаю себя в известной степени виновным. И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту вину. Товарищ Жуков проводил неправильную линию, и нашей обязанностью было, как членов партии, своевременно обратить на это внимание… Я краснею, мне стыдно и больно за то, что своевременно этого не сделал и я…».

Если Жуков и готовил переворот, то к октябрю 57-го его подготовка еще не дошла до такой стадии, когда в действиях маршала и его соратников можно было бы найти хоть какой-то

состав преступления. До возможного путча оставалось еще много месяцев, если не лет. Георгий Константинович слишком переоценивал свою популярность в армии. Вернее, недооценивал, сколько офицеров и генералов помнят нанесенные им обиды и не питают к нему никакой любви. Для успеха любого заговора на ранней стадии важно не то, сколько человек его поддерживают, а то, чтобы не нашлись люди, которые могут донести о планах заговорщиков правительству, когда, они, заговорщики, еще не готовы взять власть. С этой точки зрения, любой переворот во главе с Жуковым был заведомо обречен на неудачу. Тогда, осенью 57-го, генерал Мамсуров донес Хрущеву о тайном формировании диверсионной школы. Не было бы его, рано или поздно нашелся бы кто-нибудь другой. Георгию Константиновичу еще повезло. Если бы донос поступил тогда, когда подготовка к перевороту зашла достаточно далеко и Хрущев получил бы бесспорные доказательства намерений министра обороны захватить власть, то простой отставкой маршал не отделался, а скорее всего, был бы еще и понижен в звании и лишен наград. Так в 63-м поступили с генералом армии Серовым и Главным маршалом артиллерии С.С. Баренцевым. Их за дружбу с англо-американским шпионом О.В. Пеньковским и разглашение государственных секретов Хрущев разжаловал в генерал-майоры и лишил звания Героя Советского Союза и других советских наград. Так же сам Жуков поступил с Н.Г. Кузнецовым, когда добился его разжалования из Адмиралов Флота Советского Союза в вице-адмиралы, правда, без лишения наград. Репрессировать Жукова, т. е. сажать в лагерь или расстреливать, Никита Сергеевич в любом случае не стал бы. Ведь даже членов «антипартийной группы» пытавшихся свергнуть его, Хрущев лишь вывел из ЦК, а позднее — из партии, да еще Булганина разжаловал из маршалов в генерал-полковники.

А были ли у Георгия Константиновича мотивы, чтобы захватить власть? Властолюбие Жукова отмечали практически все выступавшие на октябрьском пленуме. Но кроме того, маршал мог подозревать, что Хрущев рано или поздно сместит его с поста министра из-за разногласий по военно-стратегическим вопросам. Предотвратить такое развитие событие можно было наиболее радикальным способом — сместить Хрущева и самому занять его место.

Жуков, однако, не знал, что его судьба была предрешена сразу же после разгрома с его деятельным участием группы Маленкова-Молотова. И совершенно независимо от того, собирался ли маршал или нет устраивать военный переворот.

Хрущев и его соратники по Президиуму ЦК испугались Жукова, поняли, что если он вдруг станет на сторону новой «антипартийной группы» или сам захочет двинуть танки на Кремль, то им не устоять. Хотя какая-либо политическая программа у Георгия Константиновича начисто отсутствовала, воли ему было не занимать, властолюбия — тоже. А собирается ли Жуков в действительности брать власть или нет — было не так уж важно. Если не собирается, то можно подтолкнуть маршала хотя бы к высказываниям в этом духе, чтобы найти повод к его удалению из министерства обороны.

Хрущев вспоминал: «Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: „Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!“.

Никита Сергеевич утверждает, что эти слова Кириллу Семеновичу простили, учтя его выдающуюся роль в аресте Берии. Ох, лукавит! Даже если разжаловать и увольнять из армии Москаленко Хрущев и не собирался, то после таких крамольных слов уж точно бы не оставил на ключевом для любого переворота посту командующего Московским военным округом, А между тем Кирилл Семенович благополучно пребывал в этой должности вплоть до 1960 года! Думаю, загадка разъясняется просто. Хрущеву стыдно было признаться, что близкий к нему маршал Москаленко по его поручению выполнял по отношению к маршалу Жукову не очень почетную роль провокатора. Зато Никита Сергеевич в мемуарах признался в другом: «…Когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с

трудом, но деваться было некуда». Хрущев видел в Жукове политического конкурента и без колебаний пожертвовал другом. Впрочем, дружба в политике — вещь быстро преходящая.

На пленуме Георгий Константинович пытался оправдываться: «Я считал, что наши командиры сейчас… это испытанные коммунисты, хорошо знающие партийно-политическую работу, и поэтому полагал, что… боевые командиры могут быть также и партийными руководителями. Командир, как член партии, должен вести и партийную работу… Я считал, что в нашей армии должны быть не штатные, платные политработники, а надо поднять, активизировать партийные организации… Главная, ведущая роль в нашей армии, мне казалось, должна принадлежать партийной организации». Никто из присутствующих ему не поверил. И маршалы, и секретари обкомов прекрасно знали, что в воинских частях партийные организации давно уже стали послушным орудием командиров и никакой самостоятельной роли не играют. Устранение же замполитов, чего добивался Жуков, ликвидировали влияние партийного руководства на армию, делало ее вотчиной министра. Это ЦК допустить никак не мог.

Думал ли Георгий Константинович в те минуты, что зря не принял в июне предложение Маленкова поддержать его и Молотова против Хрущева? Не знаю. Полагаю только, что и переход на сторону «антипартийной группы» не спас бы Жукова от отставки. Георгий Максимилианович и Вячеслав Михайлович, как только укрепили бы свою власть, предпочли бы заменить непочтительно отзывающегося о Сталине министра обороны кем-то из сохранивших уважение и любовь к генералиссимусу маршалов, тем же Василевским или Рокоссовским, не имевших к тому же политических амбиций.

3 ноября 1957 года в «Правде» было опубликовано постановление пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и на флоте», где отмечалось: «При личном участии т. Жукова Г.К. в Советской Армии стал насаждаться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличили его персону и его роль в Великой Отечественной войне… Т. Жуков не оправдал оказанного ему Партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму…». Этим постановлением Георгия Константиновича

вывели из состава Президиума и ЦК.

В том же номере газеты появилась большая статья Конева «Сила Советской Армии и Флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом», в основу которой легло его выступление на октябрьском пленуме. Иван Степанович утверждал, что Жуков «переоценил себя и свои способности (между прочим, совершенно точное определение! — Б. С.), стремился все вопросы руководства Вооруженными Силами решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя».

Весьма критически коснулся Конев и роли Жукова в Великой Отечественной войне. Правда, для начала оговорился: «Коммунистическая партия и советский народ не отрицают заслуг т. Жукова перед Родиной». И тут же перешел к разоблачению «маршала Победы»: «Т. Жукову следовало бы помнить, что в его деятельности было немало крупных ошибок и промахов». Иван Степанович возложил на Георгия Константиновича немалую долю ответственности за неготовность Красной Армии к отражению немецкого нападения в 41-м. В частности, поставил ему в вину «одновременное развертывание большого количества крупных механизированных соединений без учета возможности их своевременного укомплектования боевой техникой и кадрами специалистов, что отрицательно сказалось на ходе вооруженной борьбы в начальный период войны». И разгром немцев под Сталинградом, утверждал Конев, спланировал не Жуков, а Ставка в целом, причем особую роль сыграли предложения Ерёменко и Хрущева. Иван Степанович знал, как польстить первому секретарю. Припомнил Конев и неудачную попытку Жукова в бытность представителем Ставки на Северо-Западном фронте ликвидировать демянский «котел» зимой 42-43-го годов, и то, что Георгий Константинович выпустил из окружения немецкую 1-ю танковую армию весной 44-го…

Закончил же статью Конев скрытым намеком на роль Георгия Константиновича в разгроме группы Маленкова и Молотова, которая теперь трактовалась уже не так, как в июне:

«…Т. Жуков неоднократно выступал против культа личности Сталина, резко критикуя его за ошибки. Однако эта критика была рассчитана не на то, чтобы помочь партии преодолеть отрицательные последствия культа личности (можно подумать, что были еще и положительные! — Б.С.), а на то, чтобы

возвеличить самого себя… Он потерял партийную скромность».

Отставкой Жуков был потрясен. Военная служба составляла для него смысл жизни. И вот неожиданно пришлось оказаться не у дел. Позднее маршал рассказывал Симонову о своем состоянии после октябрьского пленума: «Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжелых момента (первые дни битвы под Москвой, опалу 46-го года и опалу 57-го года. — Б С.). Если говорить о третьем из них, то тут в чем-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня (выходит, маршал, пусть не прямо, но признал обвинения в бонапартизме? — Б. С.). Но пережить это было нелегко.

Когда меня в 57-м году вывели из состава Президиума ЦК и ЦК и я вернулся после этого домой, я твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул… Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил бы, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил, и доказывал, и огорчался — все во сне. А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку. И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать на курорт. Так я пережил этот тяжелый момент».

Этот 15-дневный сон как бы стал для Георгием Константиновичем переходом из одного мира, армейского, в другой — штатский.

Любовь и бессмертие

Первое время после отставки Жуков еще рассчитывал на возвращение в армию, пусть и на малозначительную должность. Ведь в постановлении октябрьского пленума, было записано: «секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу». Дочь Элла вспоминает: «Первое время отец надеялся, что не останется не у дел. Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручен. На мой вопрос: „Пап, что случилось?“ — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущева просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ „В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным“, — зачитал он строчку из письма, еще более помрачнев. Мои слова:

«Пап, ну не надо огорчаться!» — не слишком его ободрили. До сих пор корю себя, что не была теплее и внимательнее к отцу. По молодости лет мне казалось, что такой сильный человек, каким он был всегда, не нуждается в утешении».

15 марта 1958 года Жукову объявили об увольнении из рядов вооруженных сил с пенсией и правом ношения мундира. Теперь главным в жизни Георгия Константиновича стала работа над мемуарами и новая любовь, которая пришла к нему в Свердловске еще в начале 50-х. Звали последнюю жену Жукова Галиной Александровной Семеновой, и была она моложе маршала на тридцать лет.

Вспоминает дочь Георгия Константиновича и Галины Александровны Мария: «Мои родители познакомились в Свердловске (Екатеринбурге) в 1950 году. Отец командовал Уральским военным округом, а мама работала там после окончания Казанского медицинского института.

Отец писал в своем дневнике, что при первой встрече не обратил на маму никакого внимания (он болел (микроинфаркт) — Б. С.), и мама лечила его на дому). Когда ему

стало лучше, он заинтересовался ее жизнью, семьей, увлечениями. Ему понравилась ее скромность, но особенно, как он сам признавался, красивые, теплые, зеленые глаза. В них всегда таилась какая-то неповторимая грусть…

Мама была хороша собой, в ней все было гармонично: богатый внутренний мир, необыкновенная доброта, красивое лицо, стройная фигура, легкая походка, особая манера говорить. Отец тогда выглядел моложаво, лицо свежее, живое, блестящие глаза, статность. Поначалу маму смутило его внимание (говорят, что, выздоровев, Жуков пригласил молодую врачиху покататься на катере, как когда-то в Берлине актрису из Киева. — Б. С.). Она, как могла, избегала встреч, но отец был настойчив. Галина стала его самой сильной в жизни любовью, хотя и поздней.

Помню, как в детстве допрашивала папу: «Пап, а почему ты полюбил именно маму, а не какую-то другую женщину?» Его ответ врезался мне в память: «Я встречал много красивых женщин, и гораздо красивее мамы, но такой, как она, больше нет. Она — как солнышко…». Когда такой же вопрос Жуков задал Галине Александровне: «За что ты меня полюбила?», она ответила, лукаво улыбаясь: «Да очень уж мне понравились твои блестящие сапоги».

В 51-м году Галина Александровна забеременела, но у нее случился выкидыш. «Не расстраивайся, — утешил ее Жуков. — Можно ведь повторить». Повторили в сентябре 56-го, когда вместе ездили в Болгарию. В результате 19 июня 1957 года родилась дочь Маша. По мнению Маргариты Жуковой, ее назвали в честь Марии Волоховой.

Переехав в Москву в 53-м, Георгий Константинович выхлопотал своей «тайной жене» и ее матери Клавдии Евгеньевне квартиру на улице Горького. Помог Галине устроиться на работу в госпиталь Бурденко. И в этом же году ему пришлось, наконец, зарегистрировать свой брак с Александрой Диевной. О том, как это произошло, рассказывает дочь Жукова Маргарита: «В марте 53-го года мне позвонила Эра и сказала, что ранее она не знала о моем существовании. Я объяснила ей, кто я такая, и пригласила к себе домой. Вскоре после этого разговора мне позвонил папа, предупредил о том, что Александра Диевна категорически против нашего знакомства и тем более общения. Она не хочет ворошить прошлое и просит Георгия Константиновича во избежании каких-либо контактов с ее дочерьми перевести меня в Ленинградский

университет. Вот отец и попросил меня не встречаться с Эрой и не осложнять его положения. Но я не послушалась и с Эрой все-таки встретилась, так как считала, что отношения у сестер должны быть нормальными. Наш разговор продолжался больше двух часов. Переговорили мы о многом и решили ни в чем своих родителей не упрекать». Рассказ продолжает сын Маргариты и внук Жукова Георгий: «На следующий день Георгий Константинович позвонил маме и сказал, что эта встреча слишком дорого ему стоила: теперь ему придется зарегистрировать с Александрой Диевной брак, которому он столько лет противился. Еще дедушка добавил, что с 41-го года его интимные отношения с Александрой Диевной прекращены, так как с начала войны он живет (точнее, жил. — Б.С.) с прекрасной, преданной ему женщиной — Лидой Захаровой».

Регистрация брака Георгия Константиновича с Александрой Диевной не восстановила близости между супругами. Сердце Жукова уже принадлежало Галине, о существовании которой законная супруга пока что не догадывалась. Зато Маргарита уже знала о ней. По словам Маргариты Георгиевны, когда в 50-м она была в Свердловске на каникулах, отец «впервые рассказал мне о появлении в его жизни Галины. Почему сказал именно мне? Наверное потому, что среди его дочерей я была абсолютно нейтральной. Я так всю жизнь и прожила, как-то посередине близких ему женщин…». В Москве Маргарита и Георгий Константинович часто встречались, на квартире у Галины Александровны. Маргарита Георгиевна вспоминает: «После нашего знакомства с ней она установила правило еженедельно устраивать для меня и папы у себя на улице Горького обеды… Она постоянно удивлялась, как это отец столько лет живет с нелюбимой женщиной».

А вот роман маршала с Галиной глазами последнего жуковского адъютанта Ивана Александровича Прядухина: «Когда Георгий Константинович стал целыми днями где-то пропадать и поздно возвращаться домой, его первая жена Александра Диевна начала допытываться у шофера, где он был.

— В Кремле! — каждый раз отвечал тот. Сегодня — в Кремле, завтра — в Кремле…

— Да что это он каждый день туда повадился? — насторожилась жена и призвала мужа к ответу.

Врать было уже невозможно, и Георгий Константинович признался в том, что у него другая женщина. Когда в июне 57-го у нее родилась Маша, Жуков поднял вопрос о разводе. Но Александра Диевна была против, и в результате Георгий Константинович расписался с Галиной лишь в 64-м году». Элла Жукова утверждала, что о связи отца с Семеновой Александра Диевна узнала позднее, уже после рождения Маши: «Сразу после того, как отца сняли со всех постов, из его рабочего кабинета к нам домой привезли хранившиеся там документы. Мама стала их разбирать и наткнулась на фото какой-то женщины. Понятно, сразу же потребовала у отца объяснений. Наши родители всегда были откровенны друг с другом, отец и на сей раз ничего скрывать не стал. Так мама узнала о Галине Александровне Семеновой… А в 57-м у них родилась дочь Маша. Но о ней отец сказал маме года через четыре, когда встал вопрос о ее удочерении. Отцу хотелось дать дочке свою фамилию, а тогда на это нужно было и разрешение его законной жены. Мама, по своей безоглядной доброте, против, конечно, ничего не имела. Мы с сестрой считаем, что она этим почти женский подвиг совершила».

Думаю, что здесь больше стоит доверять адъютанту, а не дочери. Тем более что Элла Георгиевна признает: «Отношения с Галиной Александровной, как и связь с Лидой, от нас с Эрой тоже долго пытались скрывать, но разве это можно сделать в одной квартире? Ведь по этому поводу в доме велись долгие разговоры, и многие из них мы просто не могли не слышать. Мама очень страдала, но и на сей раз простила отца. „Только не уходи из семьи“, — просила. Отец тоже мучился. Однако считал, что мы с сестрой уже устроены, у каждого из — нас своя жизнь, своя семья, а Маше нужна поддержка. Временами он уходил из дома на несколько дней, потом возвращался и снова уходил. Ну, у мамы, может быть, тоже выдержки не хватило… В общем, это было трагедией целой семьи. В результате папа все-таки ушел насовсем и в январе 65-го оформил развод».

По утверждениям Маргариты Жуковой и ее сына Георгия, призывами: «Только не уходи из семьи!» Александра Диевна не ограничилась и прибегла к испытанному оружию — письму-телеге» в партийные инстанции. Поскольку Жуков был членом Президиума ЦК, она обратилась на самый верх. «Узнав о рождении Маши, — рассказывает внук маршала Георгий, — Александра Диевна пришла в ярость и пригрозила написать в ЦК КПСС. Он отказался и еще упорнее стал просить о разводе. Тогда-то, в июне 1957 года, Александра Диевна и подала в ЦК КПСС

заявление на имя Хрущева, требуя убрать Галину Семенову с ее незаконнорожденной дочкой подальше от Москвы и обязать мужа вернуться в ее семью».

Маргарита Георгиевна продолжает рассказ; «В результате этого заявления и возникли два персональных дела. — Провести расследование по делу Жукова Хрущев поручил тогдашнему секретарю по идеологии Екатерине Александровне Фурцевой. Она-то мне… и поведала подробности на третий день после смерти отца… Галина Александровна была понижена в воинском звании (в действительности, свое звание подполковника медицинской службы она сохранила. — Б.С.). Возникла угроза ее увольнения из армии. Только личное вмешательство министра обороны Жукова спасло ее от репрессий и выселения из Москвы. Как рассказала мне Фурцева, отец приехал в госпиталь Бурденко на партсобрание, где обсуждалось персональное дело Галины, и заявил коммунистам: „Не лезьте в мою личную жизнь!“… Хрущев несколько раз требовал у отца порвать с Галиной. А при обсуждении вопроса на Президиуме ЦК КПСС сказал: „За внебрачную связь мы с военных погоны снимаем!“

Дочь Жукова Мария, однако, приводит убедительные свидетельства, что отношение Хрущева к роману маршала с Галиной Семеновой, в конечном счете, оказалось достаточно умеренным, хотя вначале Никита Сергеевич резко осудил их совместную поездку в Болгарию. Мария Георгиевна цитирует записную книжку отца: «Можно сказать, что ни я, ни Галина в такой обстановке никогда не отдыхали. Мне было приятно, когда Галина радовалась хорошему отдыху, поездкам по Болгарии, но, к сожалению, время летело очень быстро и приближался конец отдыха. Галина мрачнела, у нее на сердце становилось тяжкое состояние. Летели в Москву вместе на моем самолете. По прибытии в Москву мне позвонил Булганин и сказал, что Никита неодобрительно высказался на Президиуме ЦК о том, что я отдыхал в Варне с Галиной. Это меня возмутило, и в горячке я по адресу Никиты высказал ряд резких слов, которые Булганин тут же постарался передать Хрущеву, с которым у меня вскоре состоялся на эту тему примирительный разговор. Никита сказал: „Я не возражаю против Галины, но рекомендую не торопиться“. Тогда я не понял, что он своим „благожелательством“ хочет иметь в моем лице верного друга, который поддержит его в борьбе за власть». Мария также запомнила рассказ матери о том, как ее вызвал «на ковер» в ГлавПУР один высокий начальник, чтобы сделать выговор по поводу ее отношений с маршалом, и Галина

Александровна, несмотря ни на что, шла к нему с гордо поднятой головой.

Александре Диевне крупно не повезло, что ее письмо попало к Хрущеву как раз в дни борьбы с «антипартийной группой», когда голос Жукова имел едва ли не решающее значение. Впрочем, когда маршала снимали в октябре, к чести Никиты Сергеевича, он не стал предъявлять Жукову обвинения в «моральном разложении» и никаких мер против Галины Семеновой не принял.

А любил Георгий Константинович Галину Александровну так, как до этого не любил ни одну из женщин. Об этом свидетельствуют его письма. Вот что Жуков писал из Гурзуфа в сентябре 52-го: «До сих пор нахожусь под очарованием последней встречи с тобой, моя Галюсенька!.. Родная моя, как жаль, что нет здесь тебя. Мне не хватает тебя, без тебя я скучаю… Пусть тебя хранит моя любовь, моя мечта о тебе…». Похожее письмо из Мюссер 23 августа 1956 года: «Роднуля! Очень хочется видеть тебя. Лети скорее! Сейчас скучаю больше, чем в прошлые годы, что бы это значило? Что ты скажешь, мой милый философ? Извини, что написал плохо, пишу в море, оно сегодня такое же, как твои глаза, когда ты бываешь задумчива…». А когда у новорожденной Маши обнаружилась желтуха, Георгий Константинович утешал Галину Александровну: «Я очень прошу: возьми себя в руки и не сгибайся под тяжестью судьбы, старайся владеть собой даже и в таких случаях, так как жизнь впереди, и она должна быть психически полноценной. Имей в виду, что в таких случаях слабые не всегда выходят победителями из борьбы… Галюша! Я все же верю в то, что увижу нашу малютку, и при этом здоровой. Не может быть, чтобы ее не спасли доктора… В надежде на близкую счастливую встречу с тобой и дочкой. Крепко, крепко целую тебя и нашу малютку».

Даже когда возвращался из Албании в Москву, где, Жуков точно знал, его ничего хорошего не ждало, 26 октября 57-го, прямо с борта самолета, отправил Галине телеграмму, стараясь их с дочкой успокоить: «Хотелось бы отдохнуть от этой утомительной поездки, но, как видно, предстоит большая работа… Переживаю радостное чувство встречи с тобой и доченькой. Очень соскучился без обеих вас… Наверное, Машенька подросла и стала еще милее. Я хотел бы, чтобы она была больше похожа на меня, но непременно с твоими глазами, которые я очень-очень люблю…». Таких писем Александре Диевне Георгий

Константинович не писал…

18 января 1965 года Жуков расторг брак с Александрой Диевной, а 22 января вступил в новый брак, с Галиной Александровной. Как происходило расставание с прежней семьей, описал Прядухин: «Квартиру на Грановского они разменяли. Вернул себе Жуков и госдачу в Сосновке, которую еще во время войны в пожизненное пользование ему предоставил Сталин, а в последние годы там жила его первая семья. Александра Диевна же с дочерьми и внуками переехала на дачу Галины, в Лесной городок. Однако через несколько лет эту дачу Жуков у них отберет и продаст за цену гораздо меньшую, чем покупал. Не знаю, зачем он это сделал. Может, обозлился на что…». О любви же маршала и его последней жены Иван Александрович сказал, что ей «можно было только позавидовать… Вот уезжает Галина на работу, обязательно обнимет мужа, поцелует… Жуков же вообще был несловоохотлив. Может, слова какие-то ласковые и говорил, но я не слышал. А внимателен к жене был постоянно. Иногда даже ради нее шел на жертвы. Галина Александровна, например, очень любила ходить по театрам, а Георгий Константинович в тот период нет (да и раньше как будто не был завзятым театралом. — Б.С.). Возраст уже, здоровья никакого… Но временами тем не менее поворчит-поворчит на жену, да и соберется на спектакль».

Дочь Мария вспоминает: «Родители радушно встречали гостей и сами ходили в гости, были желанными в домах своих друзей. Они были чудесной парой, их взаимная любовь вызывала то удивительное явление, когда люди как бы начинают светиться внутренним светом, и свет этот притягивал людей…

Начиная примерно с 1960 года мы всей семьей регулярно ездили летом в Гагры, на берег Черного моря. Отцу предоставляли второй этаж огромного белого особняка на горе (маршальские привилегии Георгию Константиновичу сохранили. — Б. С.)… Многие, думали, что Жуков (а его везде и всюду узнавали) отдыхает с дочерью и внучкой, а бабушку (мамину маму) принимали за жену. Некоторые, набравшись смелости, заговаривали с отцом на улице (кто о войне, кто о погоде), а некоторые замечали: «Какая у вас хорошенькая внучка!» Тогда отец сердился и с гордостью поправлял: «Это моя дочь!»

На склоне дней Бог послал Георгию Константиновичу простое человеческое счастье, в котором равны и солдаты, и маршалы.

Но вот Маргарита Жукова и ее сын Георгий утверждают, что с годами характер Галины Александровны стал портиться. «До 57-го года — года рождения Маши, — вспоминает Маргарита, — Галина Александровна мне была очень симпатична. Она играла роль эдакой волшебницы. Любила дарить моему маленькому сыну какие-то мелочи. Однажды привезла мне из Болгарии черный искусственный каракуль на шубу, из Румынии — модельные туфли. Она постоянно интересовалась моим бытом. Словом, была мне близким человеком, глубоко заинтересованным в новом семейном благополучии…

После 65-го года, когда Галина добилась развода отца и зарегистрировала с ним брак, она сильно переменилась. Она поменяла все номера телефонов, чтобы прекратить связи отца с прошлой жизнью, изолировала его от детей, внуков, близких знакомых, чтобы отец принадлежал только ей и дочери. В ней проснулась меркантильность: стали интересовать дорогие вещи, драгоценности. Она позволяла себе такие поступки! Например, приезжала на выставки, ВДНХ и заявляла:

— Я покупаю этот гарнитур.

— Это выставочный экземпляр, это невозможно, — отвечали ей.

— Вам что, маршалу Жукову жалко? — возмущалась она. Она покупала своей малолетней дочери разные драгоценности, явно не соответствующие возрасту, и таким образом вкладывала деньги мужа в дорогостоящие вещи с расчетом на будущее».

Внук маршала Георгий свидетельствует: «Когда Галина Александровна впервые увидела мою маму, то была удивлена скромностью ее одежды. „Вы так скромно одеты!“ — говорила она неоднократно и потом начинала расспрашивать, сколько у моей мамы платьев, пальто, шуб и т. д. А узнав, удивлялась: „Да вы что? Вы совсем распустили папу! А ведь он располагает достаточными средствами, чтобы приобрести для вас и вашего сына все необходимое“. А однажды она подвела маму к набитому деньгами шкафу и сказала: „Маргарита, все, что отец не сделает для вас и вашего сына, пойдет на этих разжиревших хищниц“. Она с негодованием повторяла, что жизнь с нелюбимой женщиной — это трагедия Георгия Константиновича».

Наверное, какая-то доля правды в словах Маргариты и Георгия есть. Вот и адъютант маршала Прядухин приводит колоритный рассказ, как Жуков подбирал меха на шубу Галине Александровне: «Он так Галине сказал: что тебе нужно, то и покупай. Сколько через мои руки прошло всего! И шкурок каракуля — черного и коричневого, и шкурок норки, и белки. Жуков ведь сам был скорняком, и брат его двоюродный Михаил Михайлович Пилихин тоже. Так вот мы вдвоем с Пилихиным ездили на меховую фабрику. Подбирать шкурки на шубу. А там их ворох. Однако за приезд мы находили только две-три хорошие шкурки, редко — пять. А их на шубу надо семьдесят пять. Мы в течение месяца и ездили». Но какой, в конце концов, криминал, что муж жене дарит дорогую шубу, если средства позволяют? И вполне понятно желание Галины Александровны вложить деньги в ювелирные изделия, меха и другие ценные вещи. Так поступали в СССР почти все, кто деньги имел, чтобы уберечь их от скрытой инфляции.

Понятны и непарламентские выражения в адрес Александры Диевны. Ведь именно из-за ее доноса Галине Александровне пришлось пережить унизительное разбирательство на партбюро. Правда, заодно досталось и ни в чем не повинным Эре и Эдле. Надо также иметь в виду, что между Маргаритой и остальными жуковскими дочерями отношения довольно напряженные, если не сказать — враждебные, поэтому каждая из сторон норовит вложить в уста Георгия Константиновича нелестный отзыв о другой.

А между Галиной Александровной и дочерями Жукова от предыдущего брака отношения постепенно наладились. Хотя сначала Эра и Элла встретили новую любовь отца в штыки и долго не могли простить ему уход из семьи. Элла Георгиевна вспоминает, какую душевную травму перенесла мать: «Она была в очень тяжелом состоянии — плакала, жаловалась на жизнь, которая без отца для нее закончилась. Сразу как-то постарела, обострилась ее гипертония… С уходом отца смысл жизни для нее исчез». О том же говорит и Эра Георгиевна: «Я приду к ней, бывало, что-то там о детях рассказываю, чтобы отвлечь. Она вроде все слушает, а потом раз — и опять ушла в себя. Мама ведь всю жизнь отцу отдала. Свою любовь к нему пронесла через все эти годы. Это была незаживающая рана. Поэтому мы с сестрой долго не могли простить отцу его поступка. Около года с ним вообще не общались, хотя мама и считала, что должны. Отец все-таки. Потом какие-то контакты появились. В декабре 67-го у мамы

случился инсульт. Ее увезли в больницу, а утром следующего дня она умерла».

Окончательное примирение Эры и Эллы с Галиной Александровной произошло летом 66-го в военном санатории «Фрунзенское» в Крыму, куда Жуков с женой пригласили дочерей провести вместе отпуск. И Эра Георгиевна вполне искренне написала в своих воспоминаниях: «Мы с Эллой благодарны Галине Александровне за то, что последние годы жизни папа провел в обстановке любви, внимания».

За опальным маршалом продолжали бдительно следить. Так, 7 сентября 1959 года председатель КГБ А.Н. Шелепин докладывал Хрущеву: «19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С.М. и Жуков Г.К,…Тов. Жуков… заявил, что, если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

«В газете „Красная Звезда“, — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным».

В результате возникло целое партийное дело. От участников поминок потребовали объяснений. Маршал Буденный был краток и по-военному четок: «На поставленные мне тт. Л.И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф.И. и принижении тов. Малиновского Р.Я., а также по пенсиям военнослужащих?

Отвечаю. 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5-10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжелую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встречи маршал Жуков ни о чем подобном не говорил».

Многоопытный Семен Михайлович хорошо усвоил одну из главных мудростей советской жизни — когда возможно, отвечать: не был, не состоял, не участвовал. И не называть никаких фамилий, чтобы не втягивать других людей (а то, глядишь, они же тебя и утопят).

Жукову тоже пришлось выдержать унизительный допрос. Его вызвали в Комитет Партийного Контроля. К тому времени от присутствовавших на похоронах соглядатаев стало точно известно, что «нездоровый, принявший политически вредный характер разговор» о военных пенсиях зашел у Жукова с генерал-майором запаса В.А. Ревякиным. Начатое Хрущевым сокращение армии вызвало недовольство офицеров. Пенсии отставникам были снижены, а стаж службы для получения полной пенсии увеличен. Тысячи и тысячи офицеров в рамках сокращения армии были уволены с мизерными пенсиями, поскольку не имели 25-летней выслуги. Ревякин заявил Жукову: «Обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжеловато будет с новой пенсией». И добавил, что «в снижении пенсий обвиняют Малиновского».

«Однако т. Жуков, — писал в ЦК председатель Комитета Партийного Контроля Н.М. Шверник, — как старший по званию и тем более как бывший министр обороны СССР, не разъяснил т. Ревякину весь вред подобного его политически нездорового поведения и, зная, что т. Ревякин обеспечен в материальном отношении более чем достаточно, не дал ему отпора и не сделал из всего этого необходимых выводов. Он даже поддержал этот непартийный разговор, направленный, с одной стороны, против мероприятий партии и правительства по упорядочению пенсионного дела (канцелярский эвфемизм для такой непопулярной меры как сокращение пенсий военным. — Б. С.), и, с другой — на дискредитацию нового руководства Министерства обороны СССР».

Генерала и маршала вызвали «на ковер» в КПК, потребовали

оправдаться. «В своем объяснении т. Жуков, — продолжал Шверник, — дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для себя необходимые выводы» (что продолжает находиться «под колпаком»). И чиновники из КПК смилостивились: не стали выносить Жукову и Ревякину партвзыскания, а ограничились обсуждением вопроса. Шверника и его коллег ничуть не смутило, что крамольный разговор происходил в скорбный день похорон и был не более чем стариковским ворчаньем. Из него чуть было не слепили политическое дело.

На XXII съезде КПСС в октябре 1961 года маршалы Малиновский и Голиков помянули Жукова недобрым словом. Родион Яковлевич заявил: «Бывший министр обороны Жуков проявил авантюризм и бонапартистские устремления к единоличному захвату власти. В армии он насаждал культ своей личности и проводил линию на свертывание партийно-политической работы и ее принижение. Центральный Комитет партии своевременно пресек эту вредную деятельность и отстранил Жукова от работы».

Филипп Иванович сказал о том же, но подробнее: «Решениями… Пленума была в корне пресечена опасная антипартийная линия и бонапартистский курс в действиях бывшего министра обороны Жукова. А насколько положение было серьезным, видно из того, как была подорвана и обезличена роль военных советов, политических органов и партийных организаций; в армии была воспрещена какая бы то ни было партийная критика недостатков в поведении и работе коммунистов — начальников всех степеней; из единоначалия вышибалась его партийная основа; в обращении с подчиненными распространялись высокомерие, грубость, самоуправство и запугивание; насаждалась рознь между командирами и политработниками. Партийная жизнь и работа политорганов подвергались администрированию и сводились к узкому просветительству. Подвергалось третированию и принижению Главное политическое управление. В военно-научной работе допускались унтер-пришибеевские нравы. Делались попытки разными путями уйти из-под контроля Центрального Комитета, подорвать влияние партии, оторвать армию и флот от партии и народа. Насаждался культ персоны Жукова. Нарастали тенденции к неограниченной власти в армии и стране.

В докладе секретаря ЦК КПСС тов. М.А. Суслова на октябрьском Пленуме в связи с этим подчеркивалось, что в данном случае мы имели дело не с отдельными ошибками, а с системой ошибок, с определенной линией бывшего министра обороны, с его тенденцией рассматривать Советские Вооруженные Силы как свою вотчину, с линией, которая вела к опасному отрыву Вооруженных Сил от партии, к отстранению Центрального Комитета от решения важнейших вопросов, связанных с жизнью армии и флота».

После таких грозных формулировок имя Георгия Константиновича на несколько лет оказалось фактически вычеркнуто из истории Великой Отечественной войны. В 6-томнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» в первых пяти томах Жуков упомянут 16 раз, а Хрущев — 126 (в шестом томе, вышедшем уже после падения Никиты Сергеевича, в 65-м году, именной указатель благоразумно не поместили). В мемуарах военачальников Жуков, как правило, или характеризовался негативно, как в первом издании мемуаров П.И. Батова, вышедшем в свет в 1962 году, либо не упоминалось вовсе. Например, Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов в книге воспоминаний «На службе военной», появившейся в 1963 году, в главе о боях на Халхин-Голе ухитрился ни разу ни назвать Жукова.

Георгий Константинович был огорчен подобной тенденциозностью. И опять его высказывания в узком дружеском кругу стали достоянием КГБ и ЦК. 27 мая 1963 года глава Комитета госбезопасности Владимир Ефимович Семичастный докладывал Хрущеву: «В разговорах с бывшими сослуживцами Жуков во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности Министра обороны, и допускает резкие выпады в адрес отдельных членов Президиума ЦК: „Все это можно было по-другому отрегулировать, если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было, конечно, с известной целью…“.

Привел Семичастный и резкий отзыв Жукова о Малиновском: «…Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он никогда против слова не скажет. „Слушаю“. „Есть“. Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны…».

Еще Георгий Константинович возмущался, что миллиарды рублей расходуются на космос и помощь «братским странам», что устраиваются расточительные приемы иностранных делегаций, членам этих делегаций делаются дорогие подарки: собольи шубы, редкие бриллианты. Жуков даже ставил Сталина в пример Хрущеву: «У Сталина было много нехороших черт, но в небережливости государственной копейки его никто не может упрекнуть. Приемов он не так много сделал, подарки он никому не делал, кроме своего автографа на книге…».

Все эти крамольные высказывания председатель КГБ довел до сведения Хрущева. И еще рассказал, что Жуков пишет мемуары, где собирается опровергнуть официальную историю войны. О вышедших томах 6-томника Георгий Константинович отозвался весьма критически: «…Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное, у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну… А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии. Эта не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать… А самое главное умалчивается. Он же был членом Военного Совета Юго-Западного направления (речь, понятно, о Хрущеве, но Владимир Ефимович боится прямо упомянуть вождя в столь неподобающем контексте. — Б. С.). Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный фронт. Южный фронт. Это была достаточная сила… Я не знаю, когда это сможет получить освещение, но я пишу все, как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3–4 страниц напишу, а потом можно отредактировать…».

Семичастный предложил провести негласный обыск и посмотреть, что там такого написал опальный маршал: «По имеющимся у нас данным, Жуков собирается вместе с семьей

осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний».

Однако, судя по всему, предложение Владимира Ефимовича так и не было реализовано. В ЦК не захотели ждать до осени, да и сочли, видно, что рукопись жуковских мемуаров — не настолько важный для безопасности государства документ, чтобы ради него затевать рискованную чекистскую операцию. Брежневу и заместителю председателя КПК З.Т. Сердюку поручили провести с маршалом воспитательную беседу. Она состоялась 12 июня 1963 года. А уже через несколько дней Семичастный доложил, что именно говорил Георгий Константинович по поводу беседы своей жене Александре Диевне. «Прослушка», по поводу которой так возмущался Жуков в июне 57-го на пленуме ЦК, никуда не делась. Теперь с помощью «слухачей» из КГБ проверяли, насколько был искренен маршал в разговоре в ЦК КПСС.

Жуков, по словам Семичастного, следующим образом изложил жене суть своей позиции: «Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал законом для себя это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, что была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное — это вопрос об авантюризме. Где же и когда был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я, 43 года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял все здоровье ради Родины, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжелым камнем у меня на сердце».

Свою нелюбовь к Малиновскому Жуков объяснил как некоторыми сомнительными фактами биографии Родиона Яковлевича, так и выступлением министра обороны на XXII съезде партий:

«…Я вам прямо скажу, я эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это мое личное дело… В свое время, как известно, его старая жена написала весьма… тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с

Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чем там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на Родину, задержался во Франции в марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную Армию… Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущева на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: „Вы смотрите там за Жуковым. Он вас всех там за горло возьмет“. Разве я могу уважать этого человека?.. А потом выступает с трибуны съезда, и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали?»

Высказался Георгий Константинович и насчет истории Великой Отечественной войны. Здесь он отрицал самый опасный для себя пункт обвинений — будто возлагал на Хрущева главную вину за поражения 42-го года: «Это… разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили… Относительно того, кто привел немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете». И генералов немецких не пожалел: «…Более неправдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда… не читал». Отрицал и высказывания о решающей роли ленд-лиза, хотя, как мы помним, в беседе с Симоновым говорил об американской помощи почти теми же словами, что и в записи безвестного «стукача».

Жуков дал понять, что мог бы вернуться на службу в какой-нибудь скромной должности: «Вот я пять-шесть лет по существу ничего не делаю, но ведь я еще работоспособный человек. Я физически, слава Богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что еще не рехнулся, и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту».

Использовать Жукова не захотели. Только туманно намекнули: «Это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения»; Жуков возразил: «поведение у меня всегда партийное… А почему меня, собственно, отбросили, я не

понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь». И чтобы развеять все сомнения, подтвердил:

«Я читаю и пишу. Я могу показать то, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание».

Вероятно, Георгий Константинович догадывался, что стены его спальни имеют уши. Поэтому беседу с женой закончил, так сказать, на партийной ноте: «Я бы сказал, разговор велся правильно. К ним поступили материалы, они обязаны были разобраться в чем дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня».

Больше до падения Хрущева Жукова не тревожили. С приходом к власти Брежнева опала с маршала постепенно была снята, хотя посвященное ему постановление октября 57-го так и не отменили. В 1965 году, в год 20-летия Победы, Георгия Константиновича начали приглашать на торжественные собрания. В 1966 году он выступил на научно-теоретической конференции, посвященной 25-летию Московской битвы. В эти же годы в «Военно-историческом журнале» появились статьи Жукова о Берлинской операции и контрнаступлении под Москвой. Георгия Константиновича перестали критиковать в мемуарах. В частности, антижуковские пассажи исчезли из второго издания книги П.И. Батова, вышедшего в 1966 году.

Главным для маршала стала работа над воспоминаниями, которые после смещения Хрущева имели шанс увидеть свет. Летом 65-го поступило предложение от издательства Агентства Печати «Новости» опубликовать книгу Жукова. Дело в том, что АПН получило заявку от парижского издательства «Опера-Муиди», желавшего выпустить мемуары маршала во Франции. Георгий Константинович согласился, но потребовал, чтобы сначала книга была издана в Советском Союзе. В марте 66-го он представил рукопись в издательство. Однако книга вышла только спустя три года, и феврале 69-го.

Вопрос о публикации жуковских мемуаров, озаглавленных «Воспоминания и размышления», решался на самом верху. Интерес, проявленный к будущей книге за границей, навел кого-то из высокопоставленных военных и партийных чинов на мысль: сделать своего рода популярную историю Великой Отечественной глазами Жукова, предназначенную для широкой, в первую

очередь, зарубежной публики. Остающиеся до сих пор безвестными историки снабдили рукопись многочисленными вставками с данными о соотношении сил и средств сторон, о военно-экономическом потенциале СССР и Германии, о мероприятиях партии и правительства, о столь нелюбимой Жуковым партийно-политической работе и о многом другом. Так родилась, например, не принадлежащая перу Жукова глава о Ставке Верховного Главнокомандования. Редакторы из ГлавПУРа сделали сотни замечаний к тексту. Иногда эти замечания уточняли приводимые маршалом факты, но чаще всего требовали смягчить критические места, в том числе и в адрес Сталина. Верховный Главнокомандующий, по мысли Брежнева, в годы войны играл исключительно положительную роль. На заключительном этапе работы над книгой Георгию Константиновичу прозрачно намекнули, что Леонид Ильич очень хочет, чтобы маршал упомянул его в своих мемуарах. Но, как на беду, в войну пути Жукова и Брежнева ни разу не пересекались Правда, их первая встреча состоялась в не менее драматических обстоятельствах, когда вместе брали Лаврентия Павловича. Но имя Берии в 60-е годы было под запретом. Пришлось выдумывать историю, как прилетевший под Новороссийск Жуков хотел посоветоваться с полковником Брежневым, да тот как раз в это время был на Малой земле. Теперь выходу книги, наконец, был дан зеленый свет.

«Воспоминания и размышления» сразу же стали самой популярной советской книгой о Великой Отечественной войне. Она была издана в 30 странах, переведена на основные языки мира. Жуков успел подготовить новый, расширенный вариант книги, уже в двух томах, но издание вышло посмертно, в 1974 году (оно было подписано к печати 23 июля). В 1984 году, в 6-м издании, исчез эпизод с несостоявшимся совещанием с Брежневым, а в 1990 году вышло 10-е издание, дополненное материалами из Жуковского архива. Кроме того, здесь впервые были обозначены вставки в текст, написанные не Георгием Константиновичем. Этот текст был дважды переиздан в 90-е годы. Из первоначальной же рукописи мемуаров опубликована только одна глава — в 1994 году в сборнике документов «Г.К. Жуков в битве под Москвой».

«Воспоминания и размышления» — это был тот величественный памятник, что Жуков создал себе при жизни. Мы уже успели убедиться, что правды в мемуарах маршала довольно мало, и как исторический источник использовать эту книгу

довольно трудно. Перед нами скорее своеобразный роман о войне, написанный одним из главных ее участников. Жуков стремился поставить себя в центр всех основных военных событий, в которых принимал то или иное участие. Официальная историография его умышленно забыла, и маршал, в противовес ей, творил собственный миф войны, где сделал себя главным героем. Жаль только, что до сих пор читатели вынуждены читать продукт коллективного творчества Георгия Константиновича, редакторов и привлеченных историков. Остается надеется, что будет, наконец, опубликован полный текст первоначальной рукописи, и мы сможем объективно оценить достоинства Жукова-писателя.

Когда вышла книга мемуаров, Георгий Константинович был уже тяжело болен. В свое время полководец стойко перенес две опалы. Свалило его известие о смертельной болезни любимого человека. В декабре 1967 года у Галины Александровны обнаружили рак молочной железы. Операция, которую ей тут же сделали, явно запоздала. В начале января 68-го в подмосковном санатории «Архангельское» Жуков перенес тяжелейший инсульт и оказался парализован. Дочь Мария вспоминает: «В те дни, когда жизнь папы буквально висела на волоске, мама решилась на отчаянный шаг… После тяжелейшей операции, оставившей ее, молодую, сорокалетнюю женщину, инвалидом, слабая, бледная, еле-еле держась на ногах, она приехала в больницу к отцу. Собрав последние силы, она хотела показать ему, что с ней уже все в порядке, что она уже почти здорова. Тем самым она страстно желала подбодрить его, вдохнуть в него угасавшую на глазах жизнь. После этого маминого подвига началось папино медленное выздоровление».

Галина Александровна, получив инвалидность, вышла на пенсию и стала ухаживать за больным мужем. Она добилась приглашения лучших нейрохирургов мира, которым, однако, так и не удалось избавить Жукова от периодически мучивших его головных болей. От этих последних лет жизни Георгия Константиновича и Галины Александровны сохранились трогательные письма.

19 сентября 1969 года Галина Александровна писала из Кисловодска: «Дорогой мой, любимый Георгий!.. Скоро мы оба будем здоровы, и, как раньше, будем все вместе отдыхать… Мне не хватает тебя…». А Жуков отвечал ей: «Дорогая моя голубка!.. Я надеюсь, что увижу тебя жизнерадостной и вполне здоровой.

Стремлюсь к тому, чтобы и ты увидела меня таким же… Обнимаю тебя, дорогая, и крепко целую». И еще одно письмо, 13 декабря 70-го года, тоже из Кисловодска: «Мой любимый Георгий! Я не могу быть без тебя даже короткое время».

А вот что писала Галина Александровна из Риги в июле 1972 года, где отдыхала вместе с Машей: «Твоя трогательная забота о нас и нежность трогает меня до слез. А твое желание послать нам сюда розы!?… Как я понимаю, жизнь наша друг без друга немыслима…».

Тем временем были предприняты дальнейшие шаги по реабилитации Жукова, но непоследовательные, половинчатые. В марте 71-го Георгий Константинович был избран делегатом XXIV съезда КПСС от Московской областной парторганизации. Однако состояние здоровье маршала требовало, чтобы на съезде рядом с ним постоянно был кто-то из близких. Галине же Александровне гостевого билета на съезд не дали. Ей позвонил Брежнев и попросил уговорить Георгия Константиновича поберечь себя и не ходить на съезд. В декабре того же года маршала наградили орденом Ленина в ознаменование 75-летия со дня рождения, однако центральная пресса получила секретное указание не привлекать излишнего внимания к жуковскому юбилею.

Еще в 1965 году Георгий Константинович предложил поселиться на даче в Сосновке двоюродному брату Михаилу Михайловичу Пилихину вместе с женой Клавдией Ильиничной. Они охотно приняли предложение и оставались с Жуковым до самого конца. Жила семья Пилихина в домике из двух комнат рядом с дачей. Михаил Михайлович имел свой участок и получал на нем неплохие урожаи яблок, овощей и клубники. Вместе с Георгием Константиновичем они ходили по грибы, на рыбалку и на охоту. А когда маршала разбил паралич, двоюродный брат помогал ему заново учиться ходить. Вот что вспоминает об этом трудном времени Михаил Михайлович: «Ходить Георгий самостоятельно не мог, и мы с большим трудом выводили его на веранду. Потом с моей помощью он стал выходить в сад. Из госпиталя привезли коляску. Мы усаживали Георгия в коляску, а я возил его по саду, и он заметно стал поправляться. Через некоторое время Георгий решил не пользоваться коляской, а попросил с ним ходить. Он брался за мою руку своей левой рукой, а в правую брал палку, и так мы с ним стали ходить в саду по три-пять минут. С каждым днем мы прибавляли по одной-две минуты. Постепенно он начал ходить почти хорошо, но все же с

моей помощью. Георгий радовался, что здоровье стало к нему возвращаться, и он сказал мне: „Вот теперь я скоро поправлюсь, и мы с тобой снова будем ездить на рыбалку“. Но этой мечте не суждено было сбыться. Новое несчастье подкосило Георгия Константиновича.

В ноябре 73-го Галина Александровна была госпитализирована в последний раз. Георгий Константинович писал ей в больницу: «Я живу одной надеждой на то, что у нас впереди будут светлые и счастливые дни…» И успел получить ответ: «Георгий, родной мой, любимый! Люблю тебя как прежде. Креплюсь, борюсь, надеюсь на лучшие дни и встречу с тобой дома». Этой встрече не суждено было состояться. 13 ноября 1973 года Галина Александровна скончалась.

Для Георгия Константиновича это был последний, страшный удар. Он повторял, что этого уже не переживет. После смерти жены маршал почти все время провел в больнице. Жукова настиг новый инфаркт. Последние двадцать дней жизни он находился в коматозном состоянии. Сердце еще работало, но дыхание поддерживалось искусственно. Георгий Константинович Жуков умер в больнице на улице Грановского 18 июня 1974 года, накануне 17-летия своей младшей дочери.

Урну с прахом маршала похоронили у Кремлевской стены. Дочь Маша безуспешно просила Брежнева, чтобы отца не сжигали, а похоронили в землю, как он того желал.

Вот и подошел к концу мой рассказ о Жукове. Чем же замечателен мой герой? Нельзя сказать, что он обогатил военное искусство каким-либо приемом или методом, достойным подражания. Жуковский способ наступления, когда в бой бросаются постепенно все имеющиеся резервы, пока оборона не будет прорвана или пока резервы не истощатся, не годился для западных армий. Жуков мог стать полководцем только в одной армии мира — в Красной Армии, где провозглашалось: «мы за ценой не постоим». И только для этой армии он был идеальным полководцем.

Георгий Константинович не обладал солидным образованием, ни общим, ни военным. Зато обладал незаурядной волей, и это качество помогло ему стать самым выдающимся из советских маршалов. Выходец из бедной крестьянской семьи сделался министром обороны, членом высшего политического

руководства страны, четырежды Героем Советского Союза, кавалером двух орденов Победы и множества других советских и иностранных орденов и медалей. И столь выдающаяся карьера удалась Георгию Константиновичу без какого-либо покровительства. Он не совершил ничего подлого и не унизился перед власть имущими. Жуков возглавлял самые большие по численности массы войск и нанес самые серьезные поражения вермахту на Восточном фронте. И остался в памяти народной. Бессмысленно ругать его, что он был таким, а не иным. Другим маршал не мог быть. Иосиф Бродский очень точно сказал о Жукове «Воин, пред коим многие пали стены, хоть меч был вражьих тупей…». В пороках жуковской стратегии виновато общество, в котором он жил. А переделать общественный порядок не под силу одному даже очень выдающемуся человеку

notes

Примечания

1

Даты до 19 января/1 февраля 1918 года приводятся по старому стилю (Юлианскому календарю). В XIX веке он отставал от нового стиля (Григорианского календаря), принятого в России с 1 февраля 1918 года на 12 дней, а в XX веке — на 13 дней. В семье Жуковых день рождени) Георгия Константиновича всегда отмечали в соответствии со старым стилем, т. е. — 2 декабря по Григорианскому календарю, если брать двадцатое столетие.

2

Дальнейшая судьба Люшкова неясна. После Второй мировой войны несколько бывших офицеров японской разведки утверждали в ряде интервью, что в последние месяцы войны Люшков был переправлен в Маньчжурию и там в августе 1945 года по приказу командования застрелен одним из офицеров, чтобы не допустить его попадания в советский плен. Однако до сих пор не опубликовано ни одного документа, подтверждающего факт расстрела чекиста-перебежчика или хотя бы его пребывание в Маньчжурии в августе 45-го. Рассказы же японских офицеров о его гибели напоминают легенды. Нельзя исключить, что в действительности Люшков смог сдаться в Японии американским войскам, и позднее ЦРУ скрывало его в США под чужим именем как ценного информатора о Советском Союзе.

3

ОКВ — Верховное главнокомандование вермахта.

Так было написано в учебном пособии И. Шварца «Работа штаба армии», выпущенном в 1938 году.

5

Никаких сведений о разоблачении немецкого агента, работавшего в годы воины в одном из высших советских штабов, до сих пор не появилось Можно допустить, что он оказался среди тех нескольких десятков офицеров, кому в конце 40-х и начале 50-х удался побег на Запад из советской оккупационной зоны в Германии Не исключено, что этим агентом был полковник Кирилл Дмитриевич Калинов, работавший в советской военной администрации и перешедший в Западный Берлин в 1949 году В начале 50-х годов в ФРГ он выпустил книгу «Слово имеют советские маршалы», основанную, как утверждал сам Калинов, на документах Генерального штаба.

6

Официальная советская статистика утверждает, что за время войны в СССР было произведено в 2,1 раза больше танков и САУ и в 1,2 раза больше боевых самолетов. Однако есть основания полагать, что данные о советском производстве были существенно завышены. С учетом этого можно предположить, что производство бронетехники в двух странах было примерно одинаковым, а по производству самолетов некоторое преимущество, возможно, было на стороне Германии.

7

В мемуарах Георгий Константинович утверждает, что его вызвали и Ставку для подготовки операции против Болгарии еще 22 августа. Однако это не подтверждается документами и выглядит совершенно невероятным. Ведь наступление на болгарской территории можно было начинать планировать только после того, как Румыния перешла на сторону Антигитлеровской коалиции, т. е. после 23 августа 1944 года, когда было свергнуто правительство маршала И. Антонеску.

8

Сам Гарриман считал надежды Эйзенхауэра, порожденные многочисленными тостами за мир, которые они выпили с Жуковым, «нереалистичными». Военные лидеры, полагал посол, все еще никак не могли осознать, что эра сотрудничества, порожденная войной, уже закончилась. Гарриману нельзя отказать в трезвости оценок.